БК
70
Б81

БК
70.
Б81

В. Н. БОНДАРЕНКО.

Новобасманная, 12.
ПОГАШЕНО

ОЧЕРКИ
ФИНАНСОВОЙ ПОЛИТИКИ
Кабинета Министровъ
АННЫ ІОАННОВНЫ.

МОСКВА.
1913.

3
19,66

БК
70
Б81

В. Н. БОНДАРЕНКО.

Глубокоуважаемому Михаилу Михайловичу Богославскому от автора.

ОЧЕРКИ
ФИНАНСОВОЙ ПОЛИТИКИ
Кабинета Министровъ
АННЫ ІОАННОВНЫ.

163.

МОСКВА.
1913.

1966

9761

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР
№ 30181 1977г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе. V

ВВЕДЕНІЕ.

Глава I. Общее положеніе Кабинета Министровъ. Происхожденіе Кабинета. Преемственная связь съ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ. Развитіе значенія Кабинета: первый періодъ, второй періодъ, третій періодъ. Составъ Кабинета. Отношеніе къ Императрицѣ. Отношеніе къ Сенату и прочимъ учрежденіямъ. 1

Глава II. Общее состояніе финансовъ къ началу царствованія Анны Іоанновны 17

Глава III. Высшіе органы, вѣдавшіе финансами до Кабинета. Правительствующій Сенатъ. Верховный Тайный Совѣтъ и Высокій Сенатъ. Возстановленный Правительствующій Сенатъ и „тайносодержимый Кабинетъ“. 30

ОТДѢЛЪ I.

Глава IV. Финансовая дѣятельность Кабинета. 41

Глава V. Экономическое положеніе крестьянъ. Общее положеніе. Бѣглые. Проекты Маслова. Народное продовольствіе 47

Глава VI. Прописныя и неокладныя души. Новая перепись: въ Ингерманландіи, въ Бѣлгородской губерніи, всеобщая 67

Глава VII. Подушная подать. Организація подушной подати. Порядокъ сбора. 83

Глава VIII. Промышленность. Фабрики, заводы. Коннозаводство. Горное дѣло 100

Глава IX. Торговля. Общее положеніе, въ томъ числѣ краткій обзоръ регалій. Внѣшняя торговля. Внутренняя торговля. Банкъ. 123

Глава X. Монетная регалія. Положеніе дѣлъ до Кабинета. Мѣры къ изъятію прежней монеты при Аннѣ Іоанновнѣ. Новый выпускъ монеты: матеріалъ для монетъ, качество новой монеты. 147

Стр.

ОТДѢЛЪ II.

Взысканіе доимки. 171

Глава XI. Органы, вѣдавшіе взысканіемъ. Сенатъ. Доимочныя Коммиссіи при Сенатѣ. Доимочный приказъ. Особая Доимочная Канцелярія. Канцелярія Конфискаціи. Камеръ-коллегія. Генеральный Кригсъ-Комиссаріатъ. Губернаторы и воеводы. Губернскіе прокуроры. Полковники и офицеры, обрѣтающіеся на вѣчныхъ квартирахъ. Офицеры, обрѣтающіеся у слѣдствія адмиралтейской доимки. Гвардейскіе офицеры 173

Глава XII. Предложенія Маслова. Распоряженія правительства по взысканію доимки. Предложенія Маслова по доимкамъ: подушныхъ денегъ, оброчныхъ статей. Распоряженія правительства по взысканію доимки: подушныхъ податей, доходовъ, положенныхъ на артиллерію, оброчныхъ статей, адмиралтейской, съ монастырей и епархій 204

Глава XIII. Характеръ взысканія. Репрессіи: къ плательщикамъ подушной доимки, къ плательщикамъ оброчныхъ и прочихъ доимокъ, къ администраціи. Льготы по уплатѣ доимокъ: сложеніе, разсрочка, зачетъ. 226

Глава XIV. Назначеніе взысканныхъ доимочныхъ денегъ. Куда поступали собираемыя доимки. Кто ими распоряжался. На что онѣ расходовались. 244

ОТДѢЛЪ III.

Глава XV. Составленіе государственной росписи или окладной книги. Положеніе работъ до Кабинета. Работы при Кабинетѣ. 280

Глава XVI. Составленіе табелей, штатовъ и вѣдомостей о приходѣ и расходѣ 301

Глава XVII. Общее состояніе государственной кассы. Недостача денегъ. Источники погашенія недостачи . . . 321

Глава XVIII. Контроль и отчетность. Ревизіонъ-коллегія. Генеральная Счетная Коммиссія. Особливыя Счетныя Комиссіи. Непосредственный контроль самаго Кабинета. Счетоводство и отчетность 351

Глава XIX. Заключеніе 368

ПРИЛОЖЕНІЯ:

1-е Таблица о количествѣ статей и ихъ $^0/_0$ отношеніи. I

2-е сводъ донесеній гвардейцевъ по доимкамъ . . V

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящіе очерки являются опытомъ разработки части „бумагъ“ Кабинета Министровъ Императрицы Анны Іоанновны, собранныхъ и изданныхъ профессоромъ А. Н. Филипповымъ и напечатанныхъ въ XI томахъ Сборниковъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества [1]). Среди нихъ находятся матеріалы и по финансовымъ вопросамъ, на которые профессоръ А. Н. Филипповъ обратилъ вниманіе автора, рекомендуя заняться ихъ разработкой. При производствѣ, подъ руководствомъ профессора, настоящихъ работъ выяснилось, что „бумаги“, дѣйствительно, изобилуютъ всякаго рода свѣдѣніями и документами, относящимися къ финансовымъ вопросамъ. При настоящей работѣ использована только извѣстная часть финансовыхъ матеріаловъ, которая непосредственно относилась къ задачамъ изслѣдованія. Поэтому для лицъ, интересующихся исторіей финансовъ и финансовыхъ учрежденій, остается, слѣдовательно, въ „бумагахъ“ еще цѣлые залежи нетронутыхъ матеріаловъ и неизсякаемый источникъ дальнѣйшихъ работъ.

Исходная точка отправленія опредѣляла и отношеніе къ матеріалу. „Бумаги“ Кабинета Министровъ, конечно, не являлись единственнымъ матеріаломъ для работы. Этотъ матеріалъ, въ цѣляхъ полноты освѣщенія вопроса, приходилось во многомъ дополнять и другими источниками — главнымъ образомъ, данными, извлеченными изъ полнаго собранія законовъ и затѣмъ различными изслѣдованіями. И часто только при помощи этихъ послѣднихъ и становились понятными тѣ ос-

---

[1]) Тома Сборниковъ: 104, 106, 108, 111, 114, 117, 120, 124, 126, 130 и 138.

колки свѣдѣній, которые во множествѣ разсыпаны въ „бумагахъ“. Но все таки *основнымъ матеріаломъ являлись „бумаги“*, какъ источники еще неиспользованные вполнѣ наукой. Этимъ объясняются особенности содержанія очерковъ. Имѣлось въ виду, по возможности, исчерпать всѣ матеріалы „бумагъ“, относящіеся къ изслѣдуемымъ вопросамъ и болѣе или менѣе способствующіе ихъ разрѣшенію и освѣщенію. Поэтому *преобладающее мѣсто въ очеркахъ заняли „бумаги“*, и, помимо обычныхъ ссылокъ на страницы томовъ [1]), гдѣ напечатаны матеріалы, приводились, въ необходимыхъ случаяхъ, краткія выписки изъ нихъ.

Приведенное выше объясненіе относится къ составу строительнаго матеріала. Что касается самого плана работъ, то его построеніе опредѣляется характеромъ изучаемыхъ вопросовъ. Очерками намѣчалась задача, по возможности, установить основныя черты финансовой политики Кабинета, на сколько онѣ отражались въ наиболѣе главныхъ и крупныхъ частяхъ его финансовой дѣятельности. Послѣднія же находились въ зависимости отъ четырехъ факторовъ: 1) общаго положенія, которое занималъ самъ Кабинетъ среди другихъ учрежденій, 2) состоянія финансовъ ко времени царствованія Анны Іоанновны, 3) преемственной связи съ оставленнымъ наслѣдіемъ и съ высшими органами, вѣдавшими финансами до Кабинета и 4) состоянія производительныхъ силъ страны и вообще современныхъ условій жизни. Слѣдовательно, *конечною цѣлью очерковъ является задача: установить основныя черты финансовой политики Кабинета, въ ихъ проявленіяхъ по наиболѣе главнымъ и крупнымъ частямъ его финансовой дѣятельности, въ связи съ вліяніемъ на нихъ указанныхъ выше факторовъ*. Сообразно такому заданію, и планъ изслѣдованія представляется въ такой схемѣ.

Въ введеніи изложены: въ первой главѣ — общее положеніе Кабинета Министровъ — съ краткимъ историческимъ очер-

---

[1]) „Бумаги“ Кабинета Министровъ имѣютъ въ Сборникахъ свою послѣдовательную нумерацію, начиная съ № 1 и кончая № 11-мъ, и въ очеркахъ указывается нумерація именно этихъ томовъ „бумагъ“.

комъ его происхожденія; независимо отъ этого, наиболѣе характерныя черты взаимныхъ отношеній Кабинета и прочихъ учрежденій, въ особенности Сената, отмѣчались въ каждой главѣ, — если таковыя имѣли мѣсто. Затѣмъ выдѣлялись особо тѣ организаціи и лица, которыя представляли извѣстный интересъ по своей дѣятельности или структурѣ, какъ напр. оберъ прокуроръ Анисимъ Масловъ (гл. V и XII), гвардейскіе офицеры по взысканію доимокъ и резервное казначейство въ видѣ вѣдомства генерала Волкова (отд. II), счетныя коммиссіи (гл. XVIII) и проч. Во второй главѣ введенія изложено общее состояніе финансовъ къ началу царствованія Анны Іоанновны, въ третьей — высшіе органы, вѣдавшіе финансами до Кабинета и въ четвертой — финансовая дѣятельность Кабинета.

Состояніе производительныхъ силъ страны до и при Кабинетѣ и мѣры Кабинета въ отношеніи ихъ подъема и развитія выражены въ 3-хъ главахъ: въ пятой — экономическое положеніе крестьянъ, въ восьмой — промышленность и въ девятой — торговля.

Наслѣдіе, которое досталось на долю Анны Іоанновны отъ предыдущихъ царствованій было весьма тяжелое и печальное. Заключалось оно, главнымъ образомъ, въ слѣдующихъ частяхъ: 1) крайнее истощеніе платежныхъ силъ крестьянъ, 2) разорительная система взиманія налоговъ, 3) разстройство денежной системы, 4) хаосъ въ выполненіи бюджета, 5) недостатокъ наличныхъ средствъ, 6) отсутствіе надлежащаго контроля и отчетности и 7) „едва ли не всѣ дѣла въ худомъ порядкѣ находятся“ [1]), почему и ожидали „конечной гибели и бѣдства государства“ [2]). На разработку этихъ именно частей и обращено особенное вниманіе, съ изложеніемъ состоянія ихъ при Аннѣ Іоанновнѣ и мѣропріятій Кабинета. Часть 1-я разработана въ V главѣ, 2-я — въ главѣ VII-й, 3-я — въ главѣ X-й, 4-я — въ главахъ XV и XVI, 5-я и 7-я — въ главѣ XVII, отчасти въ VI-й и въ отдѣлѣ II-мъ, и 6-я въ главѣ XVIII. Отсюда же

---

[1]) Указъ 9 января 1727 г.

[2]) Записка Ягужинскаго послѣ смерти Петра I.

вытекали заботы о развитіи промышленности и торговли, давшія содержаніе главамъ VIII и IX.

Вопросы объ экономическомъ положеніи крестьянъ, приписныхъ и неокладныхъ душахъ и подушной подати, въ виду ихъ тѣсной связи между собою, изложены послѣдовательно въ главахъ V—VII.

Взысканіе доимокъ при Аннѣ Іоанновнѣ занимало совершенно исключительное положеніе, поэтому выдѣлено въ особый отдѣлъ II. По отношенію къ монетной регаліи проявлялась выдающая заботливость, съ цѣлью улучшить разстроенную систему; поэтому эта часть выдѣлена въ особую главу, а по остальнымъ регаліямъ общій обзоръ приведенъ въ главѣ IX.

ВВЕДЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Общее положеніе Кабинета Миниетровъ.

1) Происхожденіе Кабинета. Кабинетъ Министровъ, или Кабинетъ Ея Императорскаго Величества (по выраженію современныхъ актовъ) былъ учрежденъ указомъ отъ 18-го октября 1731 г. Но профессоръ А. Н. Филипповъ, въ своихъ обзорахъ устройства, компетенціи и дѣятельности Кабинета [1]), высказался, что „въ неоформенномъ видѣ, въ качествѣ особаго секретаріата или совѣта, состоящаго при Особѣ Государыни. Кабинетъ дѣйствовалъ уже почти непосредственно послѣ возстановленія власти Правительствующаго Сената (послѣдовавшаго 4 марта 1730 г,) и при томъ едвали не за цѣлый годъ до своего *официальнаго* учрежденія“. Такимъ образомъ *Кабинетъ возникъ первоначально въ видѣ* особаго и *неофиціальнаго секретаріата Императрицы*, въ которомъ должна была сильно нуждаться бывшая герцогиня курляндская, неожиданно и при необычайныхъ условіяхъ вступившая на всероссійскій престолъ; затѣмъ, просуществовавъ въ этомъ видѣ нѣкоторое время подъ главенствомъ Остермана, превратился въ постоянное учрежденіе, состоящее при „дворѣ нашемъ“.

Профессоръ не отрицаетъ извѣстной доли вліянія, какую могли оказать на образованіе и постановку Кабинета *личныя счеты и временныя обстоятельства*, какіе имѣли мѣсто въ

---

[1]) Изложенныхъ въ его книгѣ „Правительств. Сенатъ при Петрѣ Великомъ и его ближайшихъ преемникахъ“ и во введеніяхъ къ 11-ти томамъ „бумагъ Кабинета Министровъ“ напечатанныхъ въ Сборникахъ Русскаго Историческаго О-ва.

началѣ царствованія Анны и на которые указывали современники. Однако коренныя причины, вызвавшія учрежденіе Кабинета и повліявшія на постановку всего дѣла управленія въ этомъ учрежденіи, лежали значительно глубже: по справедливому заключенію профессора Филиппова это были *причины органическія*—тѣ же, которыя вызвали къ жизни и Верховный Тайный Совѣтъ. Слѣдовательно, здѣсь получалась уже естественная преемственная связь съ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ [2]).

2) Преемственная связь съ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ.

И Верховный Тайный Совѣтъ, и Кабинетъ Министровъ, по признанному учеными опредѣленію проф. Сергѣевича, *должны были* первоначально являться ничѣмъ инымъ, какъ „совѣтами при особѣ Государя“. Професоръ Филипповъ отмѣчаетъ, что всѣ петровскія центральныя учрежденія были построены коллегіально; но верховная власть всегда нуждалась у насъ, какъ и вездѣ, въ лично-довѣренныхъ и лично-отвѣтственныхъ органахъ или министрахъ, и затѣмъ практика стремилась дать этимъ министрамъ, въ интересахъ единства, ту или иную организацію. *Первою* наиболѣе серьезною попыткою объединенія министерскихъ органовъ въ одномъ учрежденіи является Верховный Тайный Совѣтъ. Но корни подобныхъ организацій лежали еще глубже. Указъ 1726 г., коимъ учреждался Тайный Совѣтъ, отмѣчаетъ фактъ, подтверждаемый и другими свѣдѣніями, что „первые министры“ того времени, или „первые сенаторы“—какъ ихъ иначе еще называетъ тотъ же указъ—еще ранѣе В. Т. Совѣта составляли изъ себя „тайные совѣты“ и не сливались всецѣло и нераздѣльно съ остальнымъ составомъ Сената. Уже при Петрѣ I эти первые сенаторы, обычно „тайные дѣйствительные совѣтники“, играли роль министровъ, стоящихъ во главѣ особыхъ частей управленія.

Корни организаціи были одни и тѣ же и у Верховнаго Тайнаго Совѣта и у Кабинета Министровъ. И кругъ верховнаго вѣдомства Кабинета Министровъ въ дѣлахъ законодательныхъ, административныхъ и судебныхъ, въ цѣломъ, весьма мало отличался отъ круга вѣдомства тѣхъ же дѣлъ В. Т. Совѣта. Вся разница между ними состояла въ томъ, что Верховный Тайный Совѣтъ, въ силу благопріятно сложившихся для него условій, весьма скоро вышелъ изъ роли учрежденія, „состояв-

---

[2]) Причины учрежденія Верховнаго Тайнаго Совѣта, такъ же, какъ и устройство и развитіе Кабинета Министровъ, подробно разработаны профессоромъ Филипповымъ въ указанныхъ выше трудахъ; поэтому въ настоящей главѣ, при послѣдующемъ ея изложеніи, будетъ приводиться, гдѣ окажется необходимымъ для полноты, лишь краткая выдержка изъ его сочиненія.

шаго при особѣ Государя"; его дѣятельность, въ кругѣ означенныхъ дѣлъ, приняла совершенно иную окраску, чѣмъ роль Кабинета Министровъ, и онъ учинилъ даже попытку предписать свои „кондиціи" избранной имъ Императрицѣ и ограничить ея власть, расширивъ свою, и обратить себя въ *соправителя*. Между тѣмъ Кабинетъ Министровъ выступилъ во вић весьма скромно и являлся ничѣмъ инымъ, какъ „*совѣтомъ* при особѣ Государыни". Все его устройство и вся его дѣятельность сводились главнѣйше къ выполненію той цѣли, съ которой онъ первоначально создался, и лишь на почвѣ служенія этой цѣли росло и развивалось его значеніе. Въ этомъ, по совершенно правильному опредѣленію профессора А. Н. Филиппова, и лежало кореннное различіе между Кабинетомъ Министровъ и Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ.

То обстоятельство, на которое указываютъ профессоръ Ключевскій и Строевъ, что Кабинетъ Министровъ выполнялъ порученія Императрицы и по ея личному хозяйству, нисколько не принижаетъ высокаго государственнаго значенія Кабинета: министры, будучи совѣтниками Императрицы, пользовались ея близкимъ довѣріемъ и расположеніемъ и, въ качествѣ близкихъ довѣренныхъ лицъ, могли иногда выполнять и личныя порученія. Во всякомъ случаѣ это обстоятельство не даетъ никакого основанія сравнивать Кабинетъ Министровъ даже съ внѣшней стороны съ петровскимъ учрежденіемъ-кабинетомъ Его Императорскаго Величества, какъ это дѣлаетъ Строевъ („Кабинетъ Министровъ", I ч., стр. 76—81).

3) Развитіе и значеніе Кабинета. Въ дѣятельности Кабинета надо различать три періода:

1-й) отъ основанія Кабинета, т. е. съ 18 октября 1731 г. до изданія указа 9 іюня 1735 г.,

2-й) съ 9 іюня 1735 г. до конца царствованія Анны Іоанновны

и 3 й) отъ кончины Анны Іоанновны до его уничтоженія при Елизаветѣ Петровнѣ.

По указу 18 октября 1731 г. Кабинетъ учрежденъ „для порядочнаго отправленія всѣхъ государственныхъ дѣлъ, которыя къ собственному нашему опредѣленію и рѣшенію подлежатъ" и, въ этихъ цѣляхъ, „всемилостивѣйше за благо разсудили учредить Кабинетъ, и въ оный опредѣлить нѣсколько особъ изъ нашихъ министровъ, которые бы намъ обо всѣхъ дѣлахъ и обо всемъ прочемъ, что къ нашимъ интересамъ и

пользѣ государства и подданныхъ нашихъ касаетися можетъ, обстоятельно доносить, и состоявшіяся наши всемилостивѣйшія резолюціи потому порядочно отправлять могли". Этотъ указъ былъ объявленъ лишь самимъ министрамъ и Сенату. А 6 ноября 1731 г. подписанъ указъ Сенату объ учрежденіи Кабинета съ повелѣніемъ послать о томъ „*въ пристойныя мѣста*, куда надлежитъ, указы". Второй указъ былъ еще короче перваго, и въ немъ были исключены даже слова указа 18 октября о томъ, что министры будутъ докладчиками передъ Императрицей.

Оба официальныхъ извѣщенія были очень кратки, и изложенная въ нихъ программа дѣятельности выражена слишкомъ общѣ и неопредѣленно. Эта неопредѣленность облика и нежеланіе публиковать о появленіи новаго учрежденія всенародно представляли собою весьма характерную черту, проведенную, очевидно, не безъ цѣли. Профессоръ Филипповъ отмѣтилъ, что, видимо, законодатель хотѣлъ принять мѣры, чтобы новое учрежденіе выступило на арену государственной жизни тихо и незамѣтно, не возбуждая особенно ничьего вниманія. Что касается неопредѣленности облика, съ которымъ появилось новое учрежденіе, то она была, повидимому, удобна въ томъ отношеніи, что позволяла затѣмъ практикѣ жизни дорисовывать въ его устройствѣ то, что не было обозначено или обозначено лишь эскизно. Поэтому, по заключенію профессора А. Н. Филиппова, слагаясь постепенно и медленно, по мѣрѣ измѣненія условій времени, Кабинетъ пережилъ, по крайней мѣрѣ, три, весьма непохожихъ одинъ на другой, момента своего развитія.

а) Первый періодъ. Содержаніе *законодательныхъ опредѣленій*, касающихся новаго учрежденія въ первомъ періодѣ, было довольно блѣдно, случайно и мало опредѣленно. Въ этотъ промежутокъ времени подъ непосредственное вѣдѣніе Кабинета было отдано нѣсколько второстепенныхъ правительственныхъ мѣстъ; повелѣно было доставлять ему свѣдѣнія по движенію судебныхъ и прочихъ дѣлъ, разрѣшавшихся во всѣхъ „правительствахъ", не исключая и Сената; приказано доставлять на „смотръ" недорослей и отставныхъ офицеровъ; введено два лица въ его канцелярію; даны нѣкоторыя средства на необходимые расходы. И этимъ исчерпывается все содержаніе законодательныхъ опредѣленій, касающихся даннаго періода.

Но на практикѣ Кабинетъ очень скоро сдѣлался *сосредоточіемъ* всѣхъ дѣлъ верховнаго управленія Имперіи, и его *приказная* дѣятельность получилась богатая и всесторонняя.

Кабинетъ, въ силу своего положенія, какъ ближайшаго и постояннаго совѣта при Императрицѣ, и на основаніи особыхъ Ея повелѣній (большею частью словесныхъ), полученныхъ на докладахъ, постоянно отдавалъ—тоже по большей части словесно—*приказы* всѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, не исключая и Сената. Полученныя же отъ нихъ свѣдѣнія и мнѣнія (черезъ Государыню или непосредственно) опъ обсуждалъ, а затѣмъ докладывалъ Императрицѣ. Фактически Кабинетъ вліялъ на дѣятельность всѣхъ учрежденій и держалъ ихъ подъ постояннымъ контролемъ. Онъ былъ такимъ учрежденіемъ, черезъ которое выражалась воля Государыни, въ большинствѣ случаевъ современной государственной жизни [1]). Общею и нормальною формою законодательныхъ опредѣленій и административныхъ распоряженій являются именные указы и Высочайше утвержденные доклады. И хотя почти всегда акты монаршей воли проходятъ, такъ или иначе, черезъ Кабинетъ,—объ этомъ, однако, не упоминается въ нихъ ни однимъ словомъ.

Указовъ Кабинетъ-Министровъ и ихъ резолюцій на докладахъ, челобитныхъ и проч. въ данное время еще *нѣтъ*, *Но именные указы и Высочайшія повелѣнія, подписанные Министрами, начинаютъ появляться* со 2-го года его учрежденія, причемъ подписаніе ихъ дѣлалось по особому повелѣнію Императрицы. Во второмъ году имѣется всего двѣ объявленныхъ Кабинетъ—Министрами высочайшихъ резолюціи и одинъ указъ камеръ-коллегіи: далѣе—нѣсколько „предложеній“ и „сообщеній“ Кабинетъ—Министровъ Сенату, Синоду и разнымъ должностнымъ лицамъ. Въ 3-емъ году встрѣчается уже 5 указовъ, подписанныхъ Министрами, одно объявленое ими Высочайшее повелѣніе и нѣсколько сообщеній въ Сенатъ. Въ 1734 году число указовъ, подписанныхъ Кабинетомъ, увеличивается и еще болѣе замѣтно въ 1-й половинѣ 1735 г. Такимъ образомъ постепенно совершился переходъ къ общему порядку, установленному указомъ 9 іюня 1735 г.

б) второй періодъ. Началомъ второго періода принято считать указъ 9 іюня 1735 г., которымъ повелѣно: „никакихъ Нашихъ словесныхъ именныхъ указовъ, кромѣ тѣхъ, которые за подпи-

---

[1]) Въ Кабинетѣ содержались, между прочимъ, такія книги (т. I, стр. 3):
1) „книга записная указамъ Ея Императорскаго Величества, отправляемымъ за собственною Ея Императорскаго Величества рукою“
2) „записная же резолюціямъ Ея И. В. учиненнымъ по докладамъ и по другимъ прошеніямъ, подписаннымъ собственною Ея Величества рукою“.

саніемъ собственныя наши руки или за руками всѣхъ трехъ Нашихъ кабинетныхъ министровъ будутъ, не принимать и въ дѣйство не производить". Въ этомъ замѣчается полное сходство съ указомъ Екатерины I отъ 4 августа 1726 г., которымъ повелѣно „объявленіямъ словеснымъ или письменнымъ, безъ подписанія Нашея собственныя руки или всего Нашего Верховнаго Тайнаго Совѣта, отнюдь не вѣрить". Елизавета, въ своемъ манифестѣ отъ 12 декабря 1741 г., выразилась, что Кабинетъ сочиненъ былъ въ равной силѣ, какъ былъ Верховный Тайный Совѣтъ, „токмо имя перемѣнено". Эти слова, съ нѣкоторыми оговорками, профессоръ Филипповъ признаетъ справедливыми лишь по отношенію ко 2-му періоду Кабинета, когда онъ получилъ новыя полномочія. Частныя полномочія, какъ указано выше, Кабинетъ имѣлъ и раньше; теперь они замѣнились общимъ. Указъ 9 іюня обобщилъ разъ навсегда тотъ порядокъ подписанія, какой сталъ слагаться на практикѣ, и Кабинетъ выступилъ офиціально въ качествѣ верховнаго учрежденія.

16 іюля 1735 г. изданъ новый указъ (П. С. З. № 6773) съ разъясненіемъ, что указъ 9 іюня „двору Нашему и къ дѣламъ придворнымъ не слѣдуетъ", почему указы, словесно объявленные „о правленіи двора Нашего и о дѣлахъ придворныхъ, строеній домовъ и садовъ Нашихъ принимая исполнять неотмѣнно по прежнему". Но это разъясненіе не затрагивало дѣлъ государственныхъ и, выдѣляя узко дворцовую сферу, подтвердило, что указъ 9 іюня „слѣдуетъ до Сената и другихъ коллегій и канцелярій и прочихъ судебныхъ мѣстъ".

Присвоеніе, по указу 9 іюня, указамъ Министровъ силы именныхъ указовъ на практикѣ распространилось и *на резолюціи*, которыя Кабинетъ сталъ съ этого времени накладывать на всѣхъ „всеподданѣйшихъ доношеніяхъ и репортахъ" (въ томъ числѣ и Сената) и челобитьяхъ. 31 іюля 1735 г. послѣдовалъ рескриптъ Министрамъ. чтобы не утруждать Ея Величество малыми дѣлами (т. IV, стр. 291). На утвержденіе Императрицы Министры стали поэтому представлять ужъ не всѣ дѣла, а лишь тѣ, какія они сами признавали важными, въ томъ числѣ и по докладамъ Сената Кабинету (28 іюня 1736 г., томъ V, страница 295). Отсюда дѣлается понятнымъ такое явленіе, что резолюціи на бумагахъ, съ того же 1735 г., одновременно, т. е. въ одинъ день, накладывались: на однѣхъ—самой Императрицей, а на другихъ—Министрами (14-го ноября 1735 г., т. IV, стр. 471—478). Чѣмъ дальше, тѣмъ большее встрѣчается количество министерскихъ указовъ и резолюцій. Бремя государ-

ственнаго правленія стало все болѣе перелагаться на Кабинетъ. Въ 1738 г. его власть достигла полнаго апогея. Такъ 11 іюля 1738 г., въ журналѣ Кабинета, имѣется такая запись: „Его Превосходительство, оберъ-егермейстеръ и Кабинетъ-Министръ А. П. Волынскій въ Кабинетѣ Ея Императорскаго Величества объявилъ, что ея Императорское Величество, при отшествіи своемъ изъ С.-Петербурга въ Петергофъ, изустно именнымъ своимъ Высочайшимъ указомъ, изволила объявить, что Ея Императорское Величество изволитъ шествовать въ Петергофъ для своего увеселенія и покоя. Того ради чтобы Ея Императорское Величество о дѣлахъ докладами не утруждать, а всѣ дѣла имъ самимъ рѣшать, *Кабинетъ-Министрамъ*, какъ по особливому Ея Императорскаго Величества указу, *дана имъ во всемъ полная мочь; и указовъ, за подписаніемъ рукъ ихъ. велѣно слушать властно такъ, какъ и за собственною Ея Императорскаго Величества Высочайшею рукою.* А которыя дѣла самыя важнѣйшія, такія, которыхъ они сами, министры, рѣшить не могутъ, то только о такихъ Ея Императорскому Величеству доносить въ Петергофъ“ (т. VIII, стр. 54).

Въ томъ же 1738 г. состоялось чрезвычайно важное высочайшее повелѣніе (объявленное Волынскимъ) о томъ, что всѣ подносимыя къ подписанію Государыни резолюціи Кабинетъ-Министры должны были сначала сами „*контрасигнировать* такъ, какъ патенты и *потомъ* Ея Императорскому Величеству докладывать и къ подписанію подносить“. Здѣсь, по замѣчанію профессора Филиппова, дѣлается интересная попытка формальнаго установленія отвѣтственности Министровъ передъ носительницей верховной власти за подносимыя ей къ подписи резолюціи. Это повелѣніе стало примѣняться съ начала 1739 г., и въ этомъ году отмѣчаются именные указы и высочайшія резолюціи, контрасигнированные кабинетъ-министрами и снабженные подписью государыни. Но въ то же время, параллельно, встрѣчаются (какъ это было и раньше) именные указы, высочайшія повелѣнія и рескрипты, подписанные *либо* государыней, *либо* министрами.

Указы и резолюціи министровъ, хотя и слѣдовало, по указу 9 іюня 1735 г., издавать за подписью всѣхъ трехъ министровъ, но, обычно, они выходили за двумя подписями, а иногда и за одной (1735 г.).

Одну изъ характерныхъ особенностей Кабинета составляетъ его наклонность подробно вникать во всѣ детали дѣла и заниматься *разборомъ дѣлъ самыхъ мелочныхъ*, въ особенности

въ тѣхъ случаяхъ, которые касаются расходовъ [1]), а затѣмъ ему приходилось быть ближайшимъ исполнительнымъ органомъ всѣхъ повелѣній Императрицы, какого бы рода дѣлъ они не касались [2]). Эта черта продолжается и послѣ 9 іюня 1735 г. Компетенція Кабинета отмѣчается чрезвычайнымъ разнообразіемъ. Онъ стремится объять все необъятное, но это становится непосильнымъ стремленіемъ. Его засыпаютъ текущими мелкими вопросами. Кабинетъ уже не въ силахъ ихъ разрабатывать самостоятельно и начинаетъ, для облегченія, требовать отъ докладчиковъ представленія мнѣній. Въ 1736 году указали военной коллегіи: „впредь всякія доношенія и доклады подавать съ мнѣніями, а безъ мнѣній никакихъ не подавать“ (т. V, стр. 637). Въ 1737 г. послѣдовало распоряженіе: „впредь бы доношенія подаваны были со мнѣніемъ, а не безъ мнѣніевъ“ (ст. VI, стр. 156). И Сенату предложено безъ обстоятельнаго мнѣнія докладовъ не подавать: „того сенатская, яко верховнаго правленія, должность требуетъ“ (т. VI, стр. 274). И наконецъ въ 1739 году Кабинетъ указалъ Сенату: „о такихъ *малыхъ* и сумнительныхъ *дѣлахъ* въ Кабинетъ представлять не надлежитъ“ (т. X, стр. 339). У Кабинета стала замѣчаться тенденція передавать на обсужденіе и рѣшеніе Сената, съ представленіемъ затѣмъ имъ своего мнѣнія въ Кабинетъ, болѣе сложныя

---

[1]) Для иллюстраціи достаточно привести нѣсколько примѣровъ. Въ 1735 г. приказано: явиться въ Кабинетъ суконнымъ фабрикантамъ съ образцами суконъ (т. IV, стр. 58); сыскать сапожныхъ мастеровъ и велѣть имъ явиться въ Кабинетъ съ цѣнами (т. IV, стр. 553). 29 ноября 1735 г. сдѣланъ запросъ: „для чего ружье въ березовыхъ ложахъ противъ кленовыхъ дороже становится“ (т. IV, стр. 500). 30 декабря 1735 г. приказано: „прислать тотчасъ изъ военной коллегіи контрактъ, учиненный съ Гребенщиковымъ о поставкѣ лосинныхъ штановъ“ (IV т., стр. 553). 23-го февраля 1736 г. велѣно прислать изъ военной коллегіи образцовые сапоги кирасирскіе (т. V, стр. 89). 4-го апрѣля 1736 г. возбужденъ вопросъ, быть ли игровымъ часамъ при Исакіевской церкви и какого „вѣсу“ (т. V, стр. 148). Въ томъ же апрѣлѣ 1736 г. договорено въ Кабинетѣ лично съ купцомъ Кожанниковымъ о продленіи поставки шатновъ козлиной кожи (т. V, стр. 176). Въ 1737 г. велѣно образцы суконъ привезти всѣ на дворъ къ Остерману (т. VI, стр. 53). Кабинетъ занимается чуть ли не провѣркой бухгалтерскихъ итоговъ въ вѣдомостяхъ, обращаетъ вниманіе на ихъ неточность и требуетъ, чтобъ выправились подлинно и подали обстоятельную вѣдомость (т. VI, стр. 347).

[2]) а) приказано послать въ Псковъ и Новгородъ и наловить около тѣхъ мѣстъ рускаковъ сто или болѣе зайцевъ,

б) прислать ко двору мартышку Ланга съ новорожденнымъ мартышкой (Строевъ „Кабинетъ Министровъ“, ч. I, стр. 75),

в) присланную изъ Воронежской губ. бабу съ усами и бородою отправить обратно,

г) сочинить церемоніалъ свадебный и росписать поѣздъ: какимъ чинамъ и въ какихъ смѣшныхъ платьяхъ быть

д) прислать изъ малороссіи для маскарада „казаковъ и молодыхъ бабъ и дѣвокъ, танцовать умѣющихъ, выбравъ всѣхъ по 6 человѣкъ, только чтобъ собою негнусны были“ (3—5 примѣры у профессора Филиппова въ его предисловіи къ X тому).

дѣла. Эта тенденція, по замѣчанію профессора А. Н. Филиппова, достигаетъ въ послѣдній годъ существованія учрежденія при Аннѣ своего апогея. Почти въ каждой резолюціи Кабинета предписывалось: „надлежащее разсмотрѣніе и опредѣленіе учинить Правительствующему Сенату“.

Волынскій правильно отмѣтилъ, что министры „натащили на себя много дѣлъ“ и неподлежащихъ имъ, „а что дѣлать, сами не знаютъ“.

Повседневная жизнь Кабинета и его компетенція опредѣленно и полно охарактеризованы слѣдующими словами профессора Филиппова: „каждое почти засѣданіе Кабинета посвящается разсмотрѣнію доношеній, челобитій и пр., собранію справокъ и всякаго рода свѣдѣній по тѣмъ или инымъ вопросамъ верховнаго управленія, разрѣшаемымъ затѣмъ Императрицей (а во второмъ періодѣ—разрѣшаемымъ и ими самими). Обиліе этихъ вопросовъ, постоянно изо дня въ день чувствующаяся потребность такъ или иначе отвѣтить на нихъ, придаетъ съ одной стороны дѣятельности Кабинета, подобно дѣятельности Верховнаго Тайнаго Совѣта, очень живой и разнообразный характеръ, а съ другой заставляетъ его идти по теченію административной жизни, оставляя въ общемъ мало досуга для развитія собственной инціативы въ возбужденіи вопросовъ“ („введеніе къ I-му тому бумагъ Кабинетъ-Министровъ“).

в) **третій періодъ.** Этотъ періодъ былъ неблагопріятнымъ для развитія учрежденія въ силу частой смѣны правителей. Кабинету пришлось пережить въ короткое время регентство Бирона, президентство въ Кабинетѣ Миниха (въ новомъ для Имперіи званіи „перваго Министра въ Его Императорскаго Величества консиліяхъ“) и правленіе Анны Леопольдовны. И Кабинетъ потерпѣлъ нѣкоторыя измѣненія, сдѣлавшись ничѣмъ инымъ, какъ совѣтомъ регентствъ.

4) **Составъ Кабинета.** По указу 18 октября 1731 г. въ составъ Кабинета введено было всего 3 министра: канцлеръ графъ Головкинъ, вице-канцлеръ графъ Остерманъ и князь Алексѣй Черкасскій. Послѣ смерти графа Головкина, по настоянію Бирона (чтобы уничтожить вліяніе Остермана), назначенъ въ Кабинетъ 28 апрѣля 1735 г. графъ Ягужинскій. А по смерти Ягужинскаго (6 апрѣля 1736 г.) Кабинетъ въ продолженіи 2 лѣтъ состоялъ только изъ двухъ министровъ. 30 апрѣля 1738 г. назначенъ Кабинетъ Министромъ Волынскій.

А послѣ его казни (27 іюня 1740 г.) на его мѣсто, 18 августа 1740 г., назначенъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ, заклятый врагъ Остермана. При Аннѣ Леопольдовнѣ, вмѣсто Бестужева-Рюмина, явился новый министръ графъ М. Г. Головкинъ (сынъ бывшаго кабинетъ-министра) и, кромѣ того, графъ Минихъ сдѣлался президентомъ Кабинета. Въ началѣ 1741 г. Минихъ оставилъ службу, и Кабинетъ уже до самаго конца находился въ составѣ трехъ министровъ: Остермана, Черкасскаго и Головкина. Такимъ образомъ неизмѣнными оставались двое: Остерманъ и Черкасскій. Но Черкасскій, по отзывамъ, не отличался большимъ умомъ и самостоятельностью дѣйствій. Слѣдовательно, въ дѣйствительности, въ Кабинетѣ центральной фигурой и главной активной силой былъ одинъ Остерманъ.

Графъ Головкинъ очень рѣдко посѣщалъ засѣданія Кабинета, и обыкновенно Кабинетъ состоялъ только изъ 2 лицъ.

Въ засѣданія Кабинета довольно часто приглашались и другія лица, которыя и принимали участіе въ обсужденіи дѣлъ. Наиболѣе часто приглашались Минихъ и Ушаковъ. Нерѣдко встрѣчаются архіепископъ Феофанъ и кн. Шаховской. А затѣмъ вызывались разныя лица въ зависимости отъ рода дѣлъ. Напр. для суда надъ Долгорукими призывались: Салтыковъ, Ушаковъ, фельдмаршалъ кн. Трубецкой, генералы Чернышевъ и Урусовъ. О пятикопеечникахъ былъ общій совѣтъ съ участіемъ Миниха, Ушакова, гр. Головкина и Новосильцева, Шаховскаго и Исаева. „О скудости крестьянской“ принимало участіе довольно большое количество членовъ (гл. V). Были случаи, когда Кабинетъ объединялся съ Сенатомъ, причемъ министры то засѣдали въ Сенатѣ, то въ Кабинетѣ съ сенаторами.

5) Отношеніе къ Императрицѣ. Съ момента учрежденія Кабинета всѣ бумаги, поступавшія на имя Императрицы, передавались въ Кабинетъ для обсужденія, собранія справокъ и представленія докладовъ, что само по себѣ являлось доказательствомъ близости учрежденія къ Императрицѣ. И, дѣйствительно, эта близость подтверждается цѣлымъ рядомъ фактовъ и отношеній. Прежде всего она выражалась въ чисто внѣшнихъ чертахъ: Кабинетъ помѣщался обыкновенно въ томъ дворцѣ, въ которомъ имѣла пребываніе Императрица.

Въ первые два мѣсяца по основаніи Кабинета Императрица сама очень часто присутствовала въ засѣданіяхъ Кабинета: изъ 52 засѣданій журналы отмѣчаютъ присутствіе Государыни въ

31 засѣданіи [1]), изъ нихъ: въ ноябрѣ (изъ числа 24 засѣданій) 9 разъ и въ декабрѣ—(изъ 28 засѣданій)—22 раза. Въ 1732-мъ году Императрица всего лишь два раза посѣтила Кабинетъ [2]), а въ 1733-мъ году—4 раза [3]), далѣе посѣщенія прекращаются. Во время посѣщенія Императрицы Кабинетъ, естественно, являлся мѣстомъ докладовъ Ей министрами. Въ остальное время министры сами являлись къ ней: „ходили вверхъ съ докладами“. За 1731—1733 годы въ журналахъ имѣются отмѣтки о томъ, кто именно „ходилъ“; поэтому можно привести эти данныя точно.

	Количество докладовъ.			
	731 г.	732 г.	733 г.	Итого.
Ходили: а) всѣмъ личнымъ составомъ „опредѣленные министры“.	1	140	187	328
б) одинъ изъ всѣхъ присутствовавшихъ \ Остерманъ	—	4	17	21
б) одинъ изъ всѣхъ присутствовавшихъ \ Черкасскій	—	—	2	2
в) засѣдавшій въ Кабинетѣ единолично \ Остерманъ	1	9	10	20
в) засѣдавшій въ Кабинетѣ единолично \ Черкасскій	—	12	24	36
Итого . . .	2	165	240	407
А всѣхъ засѣданій было. . . .	52	301	356	709
Количество докладныхъ засѣданій по отношенію къ общему ихъ количеству.	63,5% считая и доклады при лич. пос. Им-цы.	54,8%	67,3%	57,4%
Въ это число не входятъ такіе случаи, когда министры ходили съ докладами „токмо не подписано“.	—	12	42	54

[1]) 1) Въ первомъ засѣданіи Кабинета—3 ноября. 2) 6 го, 3) 8-го, 4) 11-го, 5) 13-го, 6) 16-го, 7) 18-го, 8) 23-го, 9) 25-го ноября. 10) въ декабрѣ—1-го числа. 11) 4-го, 12) 6-го, 13) 7-го, 14) 9-го. 15) 11-го, 16) 12-го дважды, 17) 13-го, 18) 15-го. 19) 16-го, 20) 17-го, 21) 18—22, 26) съ 19-го по 23 число (т. е. 5 дней) „и по вся дни быть изволила“, 27) 24-го, 28) 27-го, 29) 29-го, 30) 30-го и 31) 31 декабря.

[2]) 2 января и 2 іюня—о послѣднемъ случаѣ сдѣлана такая запись въ журналѣ: „сего числа по-полудни изволила въ Кабинетъ приходить Ея Императорское Величество высокою своею Императорскою Особою. Г.г. Министры сего числа въ Кабинетѣ не были—для присутствія въ опредѣленныхъ имъ комиссіяхъ“ (т. I, стр. 291).

[3]) 30 мая, 29 іюня, 7-го іюля и 18 сентября.

Изъ этой таблицы видно, что обычной формой былъ докладъ совмѣстный, что доказывало наличіе коллегіальнаго обсужденія и доклада; но отсюда бывали и исключенія въ видѣ единоличныхъ докладовъ.

Кабинетъ былъ учрежденіемъ, чрезъ посредство котораго выражалась высочайшая воля въ большинствѣ случаевъ тогдашней государственной жизни. Но министры не были единственными лицами, черезъ которыхъ эта воля всегда выражалась, такъ какъ, по совершенно справедливому замѣчанію профессора А. П. Филиппова, съ образованіемъ Кабинета, не могъ быть, конечно, совершенно закрытъ доступъ къ Государынѣ и другихъ лицъ. Такими лицами были, по преимуществу, Минихъ, затѣмъ Шаховской, Масловъ и др. Были случаи, когда утвержденные Императрицей доклады представлялись въ Кабинетъ только для записи.

Затѣмъ нерѣдки случаи, когда Императрица отдавала министрамъ свои распоряженія письменно [1]) и они ей представляли въ отвѣтъ также письменные доклады [2]). Былъ даже такой случай, когда министры въ концѣ письменнаго доклада написали Императрицѣ: „сами ко двору пріѣхать желаніе имѣемъ“ (т. III, стр. 324). Анна же дала такой отвѣтъ „вамъ сюда быть некогда“ (т. III, стр. 325).

Но эти случаи являлись исключеніями, объясняемыми жительствомъ Императрицы, во время этой переписки, въ Петергофѣ, а министровъ—въ Петербургѣ, иногда—и другими временными причинами. Обычно же доклады дѣлались лично, и Высочайшую волю объявлялъ Кабинетъ.

6) Отношеніе къ Сенату и прочимъ учрежденіямъ.

По учрежденіи Кабинета Сенатъ сохранилъ свой титулъ „правительствующаго“ и вообще все то формальное отношеніе къ Верховной власти, какое было ему присвоено по манифесту 4 марта 1730 г. Онъ, по прежнему, писалъ доклады на имя Императрицы, получалъ резолюціи за Ея подписью,—словомъ внѣшнее его положеніе какъ будто не измѣнилось. Но фактически Сенатъ утратилъ прежде всего право непосредственнаго доклада Императрицѣ. Въ указахъ и резолюціяхъ участіе Кабинета въ первомъ его періодѣ не упоминается.

---

[1]) I т., стр. 344, 352, 354, 384; II т.: 374, 375, 378, 379; III-279, 280, 285, 288, 294, 295, 321, 325; т. IV-251, 253, 255, 256, 272, 287, 291, 307, 452, 538, 326, 327, 342, 360, 366, 387.

[2]) I т. стр. 356; т. III-281, 291, 295, 322, 324, 326; т. IV-276, 372, 383, 386, 389.

Между тѣмъ фактически всѣ доклады и резолюціи проходятъ черезъ Кабинетъ, который обсуждаетъ доклады и проекты резолюцій и представляетъ ихъ на утвержденіе Императрицѣ.

Роль кабинета по отношенію ко всѣмъ учрежденіямъ стала выясняться уже съ первыхъ шаговъ его дѣятельности. Такъ *въ первомъ засѣданіи Кабинета отъ 3 ноября 1731 г.* было „приказано всѣ указы, отправляемые за собственною Ея Императорскаго Величества рукою и подписанныя же на докладахъ и прошеніяхъ резолюціи, по записаніи въ книгу, отдавать для исполненія въ Сенатъ и въ прочія принадлежащія здѣсь мѣста тамошнимъ секретарямъ съ расписками, *и въ тѣхъ указахъ, въ коихъ ко исполненію надлежитъ, внизу прописывать, что по тому учинено будетъ, о томъ въ Кабинетъ репортовать*". Это было началомъ контролирующей дѣятельности Кабинета. Слѣдующій затѣмъ указъ (11 ноября 1731 г.—П. С. З. № 5872) касался передачи въ Кабинетъ реестровъ всѣхъ производящихся въ Сенатѣ, Синодѣ, коллегіяхъ, канцеляріяхъ и приказахъ судебныхъ дѣлъ и о представленіи такихъ реестровъ *ежемѣсячно*. И наконецъ 30 декабря 1731 г. повелѣно: доставлять въ Кабинетъ *ежемѣсячно* рапорты и реестры о рѣшенныхъ и перѣшенныхъ дѣлахъ, чѣмъ *всѣ учрежденія, не исключая Сената и Синода, были поставлены подъ общій контроль Кабинета по всѣмъ дѣламъ*, а Кабинетъ получилъ возможность неустанно слѣдить за дѣятельностью всѣхъ учрежденій.

Отъ Кабинета начали поступать прежде всего въ Сенатъ требованія о доставленіи различныхъ свѣдѣній, чрезъ посредство секретарей кабинетскаго и сенатскаго. Затѣмъ въ Сенатъ, тѣмъ же порядкомъ, стали поступать „приказанія" или „приказы" кабинетъ-министровъ, которые показывали, что Кабинетъ, по заключенію профессора Филиппова, отлично понялъ свое значеніе, какъ учрежденія, стоявшаго непосредственно предъ лицомъ Верховной власти, и *обращался съ Сенатомъ, какъ съ подчиненнымъ ему мѣстомъ*. Эти „министерскіе приказы", какъ называетъ ихъ одна запись, держали Сенатъ въ подчиненіи къ Кабинету, и они нисколько не удивляютъ Сенатъ сами по себѣ. Онъ только находитъ „сумнительнымъ", что они отдаются словесно. И такъ продолжается во все время существованія Кабинета.

Сенатъ, еще въ первомъ періодѣ дѣятельности, нерѣдко входитъ съ докладами въ Кабинетъ по вопросамъ, разрѣшеннымъ Высочайшими указами и резолюціями, и требуетъ у него

разъясненія тѣхъ недоразумѣній, какія ими вызываются на практикѣ, такъ какъ никто, кромѣ Кабинета, чрезъ посредство котораго прошли всѣ эти вопросы, и не можетъ дать, по ихъ поводу, авторитетныхъ указаній.

Со дня изданія извѣстнаго указа 9-го іюня, уравнивавшаго указы Государыни съ указами Кабинетъ-министровъ, всѣ правительственныя лица и учрежденія, за исключеніемъ отчасти Синода, явились по отношенію къ Кабинету органами подчиненнаго управленія. Всякаго рода представленія и донесенія поступаютъ то непосредственно въ Кабинетъ, то на имя Императрицы отъ всѣхъ, какъ центральныхъ, такъ и мѣстныхъ органовъ. Въ 1736 г. и отъ Сената стали поступать доклады въ Кабинетъ подъ наименованіемъ „сіятельнѣйшимъ г.г. кабинетнымъ министрамъ“ (т. V, стр. 241). Но Кабинетъ, обсуждая въ концѣ 2-го періода, вопросъ о формѣ своихъ сношеній съ Сенатомъ, выдѣлилъ Сенатъ и Синодъ изъ ряда прочихъ учрежденій, что и понятно. Сенатъ въ это время все болѣе являлся, по отношенію къ Кабинету, въ роли ближайшаго и необходимаго помощника, къ которому Кабинетъ постоянно долженъ былъ обращаться съ разнообразными порученіями; поэтому равнять Сенатъ, а равно и Синодъ, съ прочими учрежденіями казалось неудобнымъ. И 17-го іюня 1739 года рѣшено: за подписаніемъ министровъ о всякихъ дѣлахъ *писать въ Сенатъ и Синодъ сообщеніями, а въ прочія мѣста—указами.*

Резолюціи министровъ на докладахъ Сената въ громадномъ большинствѣ случаевъ лишь утверждаютъ мнѣнія Сената, но бывали и несогласія.

Какъ смотрѣлъ Кабинетъ на роль Сената въ области государственнаго управленія, видно изъ его резолюціи на докладѣ Сената о донесеніяхъ Татищева: „о семъ имѣть прежде въ Сенатѣ разсужденіе и подать потомъ съ обстоятельнымъ мнѣніемъ, съ изображеніемъ всѣхъ къ сему дѣлу служащихъ резоновъ, и впредь безъ такого обстоятельнаго мнѣнія о такихъ и онымъ подобныхъ дѣлахъ, до разсужденія и разсмотрѣнія Сената касающихся, не подавать, какъ именной Ея Императорскаго Величества указъ въ Сенатѣ повелѣваетъ и безъ того *сенатская, яко верховнаго правленія, должность требуетъ*“ (т. VI, стр. 274). А въ указѣ 11 мая 1737 г. выражено: Сенату „по должности званія своего и по особливой надлежащей къ намъ вѣрности, *яко главному правительству государственныхъ нашихъ внутреннихъ дѣлъ* и отъ насъ всемилостивѣйше удостоеннымъ къ тому правленію и повѣреннымъ пер-

сонамъ“ (т. VI, стр. 281). И въ отношеніи финансовъ Кабинетъ отводилъ Сенату то же высокое значеніе, что видно изъ слѣдующихъ его выраженій въ резолюціяхъ: „всѣ государственные доходы въ Сенатѣ вѣдомы, а министры о томъ, сколько гдѣ денежныя казны есть на лицо, неизвѣстны“ (т. V, стр. 325). и „всѣ государственные доходы въ рукахъ Сената находятся“ (т. VI, стр. 297). Такимъ образомъ *Кабинетъ признавалъ за Сенатомъ активную роль верховнаго правленія* по всѣмъ дѣламъ, въ томъ числѣ внутреннимъ и финансовымъ, а за собою оставлялъ только контроль и общее руководительство. Были такіе случаи, когда Кабинетъ явно показывалъ свое нежеланіе вмѣшиваться въ компетенцію Сената. Такъ напр. 8 марта 1737 г. Кабинетъ сдѣлалъ замѣчаніе, что Сенатъ напрасно прислалъ въ Кабинетъ указъ для аппробаціи: „*Кабинетъ и своихъ дѣлъ довольно имѣетъ*“ (т. VI, стр. 134).

Но извѣстно также, что Кабинетъ часто входилъ въ непосредственныя сношенія, помимо центральныхъ учрежденій, съ мѣстными правительственными органами, отъ которыхъ требовалъ различныя свѣдѣнія, давалъ имъ порученія и руководилъ самъ тѣми дѣлами, которыя онъ возлагалъ на нихъ. Это объясняется, нужно полагать, главнымъ образомъ, желаніемъ получить свѣдѣнія или исполненіе быстрѣе и затѣмъ изъ первыхъ рукъ болѣе свѣжими и непосредственными и наконецъ болѣе точно провести на мѣстѣ свои желанія и намѣренія, безъ искаженій ихъ наслоеніями въ видѣ указанія посредствующихъ инстанцій. Такое желаніе было, несомнѣнно, благое. Но оно имѣло и отрицательную сторону. Кабинетъ не считалъ нужнымъ сообщать копіи своихъ распоряженій Сенату и прочимъ центральнымъ учрежденіямъ, что ставило послѣднія въ затруднительное положеніе и, надо согласиться, вносило путаницу въ служебныя отношенія и нарушало должное единство дѣйствій. Съ этимъ положеніемъ Сенатъ не могъ бороться. Онъ заботился только о томъ, чтобы какъ нибудь узнать, какія посланы Кабинетомъ указы, дабы „за неизвѣстіемъ на одно дѣло не воспослѣдовало разныхъ резолюцій“. Положеніе настоящаго дѣла отлично выражено въ сенатскомъ указѣ отъ 14-го октября 1736 г. (П. С. З. № 7078): „понеже извѣстно Правительствующему Сенату учинилось, что изъ Кабинета Ея Императорскаго Величества о разныхъ дѣлахъ въ губерніи и провинціи посылаются указы, о которыхъ въ Сенатѣ неизвѣстно. Того ради Правительствующій Сенатъ приказали: въ губерніи и провинціи послать указы, велѣть по присылаемымъ изъ Кабинета Ея Величества указамъ

чинить немедленно исполненіе, и съ тѣхъ указовъ (кромѣ такихъ, которые до Тайной Канцеляріи касаться будутъ) присылать въ Сенатъ точныя копіи, дабы за неизвѣстіемъ на одно дѣло не воспослѣдовало бы разныхъ резолюцій". Но этотъ указъ, видимо, не вызвалъ желаемаго результата, и Сенату пришлось вновь издавать указъ 24 іюля 1740 г. (П. С. З. № 8183), гдѣ онъ констатируетъ, что затребованныя копіи „не изъ всѣхъ мѣстъ присылаются. А понеже не безъизвѣстно Правительствующему Сенату, что въ коллегіяхъ находятся *именные указы такіе, которые къ вѣчности принадлежатъ*, а въ Сенатъ не сообщены". Поэтому Сенатъ вновь подтвердилъ присылать въ „крайней скорости" копіи указовъ, посланныхъ въ коллегіи, канцеляріи и губерніи „за Высочайшимъ подписаніемъ Ихъ Императорскаго Величества собственныхъ рукъ и и за руками жъ Кабинетъ-министровъ, кромѣ секретныхъ".

ГЛАВА II.

Общее состояніе финансовъ къ началу царетвованія Анны Іоанновны.

Существо и форма дѣятельности Кабинета Министровъ въ финансовомъ отношеніи складывались, въ предѣлахъ его компетенціи, въ прямой зависимости прежде всего отъ современнаго состоянія финансовъ, а затѣмъ отъ практики и объема полномочій Сената и извѣстной преемственной связи съ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ. Поэтому, прежде чѣмъ перейти къ обзору дѣятельности Кабинета, необходимо привести краткій историческій очеркъ съ изложеніемъ въ немъ: 1) общаго состоянія финансовъ къ началу царствованія Анны Іоанновны, 2) финансовыхъ функцій Сената и Верховнаго Тайнаго Совѣта и 3) степени и предѣловъ участія Кабинета Министровъ.

Въ короткій промежутокъ времени между царствованіями Петра I и Анны Іоанновны въ финансовомъ положеніи страны не произошло существенныхъ измѣненій. Поэтому состояніе финансовъ къ началу царствованія Анны Іоанновны опредѣляется, главнымъ образомъ, тѣмъ наслѣдіемъ, какое осталось послѣ Петра I-го.

Петръ I-й не оставилъ послѣ себя ни копейки государственнаго долга. По замѣчанію Милюкова, Россія, при всемъ желаніи, не могла занимать, такъ какъ ей никто не вѣрилъ въ долгъ.

Еще въ 1710 году, когда Петръ I-й распорядился подсчитать доходы и расходы, выяснилось, что ежегодно получается дефицитъ до 500.000 рублей, что составляло 13% расходнаго бюджета (Ключевскій „Русская Исторія“, IV ч.). Въ то время прямое обложеніе основывалось на подворной переписи 1678 г. Поэтому надѣялись, что недостающая сумма покроется, и, можетъ быть, даже съ избыткомъ, новыми плательщиками, не вошедшими въ составъ переписи 1678 г. Веберъ въ своей книгѣ

о Россіи сообщаетъ, что, предпринимая въ 1710 году новую общую перепись, правительство было увѣрено, что за истекшій промежутокъ со времени переписи 1678—1679 г.г. населеніе должно было значительно увеличиться. (Клочковъ „Населеніе Россіи при Петрѣ В.“, стр. 44—45). Въ цѣляхъ привлеченія къ прямому обложенію новыхъ плательщиковъ была произведена перепись въ 1710 г. Но перепись дала совершенно неожиданный результатъ: во всей Россіи убыла 5-я часть дворовъ, а въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, именно на всемъ сѣверѣ, убыль доходила до 40% (Милюковъ „Государственное хозяйство“, стр. 532). Переписныя книги довольно часто указываютъ на тѣ конкретные случаи, благодаря которымъ въ данной мѣстности возникла пустота. По наблюденіямъ Клочкова („Населеніе Россіи при Петрѣ Вел.“, стр. 255) всѣ эти случаи можно свести, считая въ округленныхъ цифрахъ, къ слѣдующимъ четыремъ главнымъ группамъ:

	% отношеніе къ общему итогу убыли.	% отношеніе къ числу дворовъ переписи 1678 г., считая всю убыль въ 20%.
1) Взято въ рекруты, работники и мастеровые	20	4
2) Бѣжало отъ государственныхъ (ратной, работной) и владѣльческихъ повинностей и сборовъ. .	35	7
3) Умерло	30	6
4) Убыло разными случаями . . .	15	3
ИТОГО. . .	100	20

По мнѣнію Клочкова (который вообще относитъ большое мѣсто пустотѣ фиктивной) изъ перваго разряда только половину (10% или 2%) слѣдуетъ считать выбывшей, а другая половина должна быть разсматриваема въ качествѣ фиктивной пустоты, „пустоты неправдивой“, происходившей отъ утаиванія

дворовъ. Самая значительная часть населенія, какъ видно изъ приведенныхъ выше цифръ, бѣжала отъ тяжести налоговъ. И одинъ изъ „доносителей“ прямо говорилъ (Милюковъ, „Государственное хозяйство“, стр. 533), что „крестьянамъ не доведется быть болѣе отягченнымъ“ и что при дальнѣйшемъ увеличеніи податныхъ тягостей можетъ „остаться земля безъ людей“.

Оказавшаяся пустота сдѣлалась предметомъ серьезнаго вниманія и тревожной заботливости тогдашняго правительства. Прежде всего самъ Петръ, а за нимъ и Сенатъ заботились о томъ, чтобы всякаго рода сборы происходили „безъ народнаго отягощенія“, дабы отъ сборовъ „не было разоренія“ жителямъ. Отсюда беретъ начало изысканіе новыхъ источниковъ дохода. Правительство вступило на путь косвенныхъ налоговъ. Обложенія были весьма многочисленны—заходили за 30 и отличались пестрымъ разнообразіемъ. Облагались не только угодья и промыслы, но и свобода совѣсти (расколъ оплачивался двойнымъ окладомъ подати), и право ношенія бороды и усовъ, и даже право похоронъ въ дубовомъ гробу и т. д. Но всѣ эти статьи, по суммѣ дохода, занимали слишкомъ маловажное мѣсто. Тогда обратились къ усиленной эксплоатаціи государственной регаліи—чеканкѣ монеты. Петръ I-й пустилъ въ оборотъ по старой высокой цѣнѣ вдвое худшую монету, т. е. содержавшую почти вдвое менѣе металла. По вычисленію Милюкова („Государственное хозяйство“, стр. 528), въ первые 3 года операція дала очень большую прибыль—по 946.451 р., въ слѣдующіе 3 года втрое меньше—по 312.764 р. и еще меньше—по 224.625 рублей—въ остальные 3 года; на послѣдней цифрѣ, приблизительно, и остановился доходъ отъ монетнаго передѣла въ остальное время царствованія Петра. Слѣдовательно, перечеканка оказалась довольно непрочнымъ источникомъ дохода. Да и это, по компетентному заключенію профессора Ключевскаго, была „мнимая прибыль, молотьба ржи на обухѣ: денежный курсъ падалъ, товары дорожали“. Одинаковое заключеніе далъ и Милюковъ: по его мнѣнію порча денегъ понизила цѣнность и остальныхъ товаровъ страны, такъ какъ курсъ монеты, съ уменьшеніемъ ея вѣса, упалъ также почти вдвое.

Въ виду такихъ неудачъ правительство обратилось опять къ прямому обложенію. И такъ какъ платежи продолжали плохо поступать, то, въ цѣляхъ выясненія причины этого явленія, была вновь произведена перепись въ 1716—1717 году. Результаты показали, что процессъ опустѣнія Россіи продолжается

(Милюковъ „Государственное хозяйство“, стр. 538). Клочковъ, занимавшійся спеціально изслѣдованіемъ вопроса о переписяхъ при Петрѣ I-мъ, высказалъ, что пустота—если вполнѣ полагаться на переписныя книги новой переписи, отписки и челобитныя,—въ 1710 году достигала одной пятой числа дворовъ старой переписи, въ ближайшіе годы она возросла до одной четверти, а къ 1715—1716 году поднималась выше, приближаясь къ одной трети. Значитъ населеніе съ ужасающей быстротой бѣднѣло, разорялось и уменьшалось. (Населеніе Россіи при Петрѣ Великомъ по переписямъ того времени, страница 83-я).

Когда была введена подушная подать, то въ первый же годъ ея примѣненія—1724-й,—по вѣдомости камеръ-коллегіи 1726 г., оказалось недобора подушной подати 848 тысячъ, что составляло $18^0/_0$ всего подушнаго сбора по смѣтѣ 1724 года. Преобладающей статьей бюджета являлся расходъ на войско и флотъ: по бюджету 1724 года онъ доходилъ до $67^0/_0$ всего смѣтнаго дохода, а по отношенію къ дѣйствительнымъ поступленіямъ того года поднимается до $75{,}5^0/_0$. Смѣтный же доходъ 1724 г. почти втрое превосходилъ доходъ дефицитнаго 1710 года (Ключевскій „Русская исторія“, IV ч. стр. 188).

Большіе налоги ложились на населеніе непосильнымъ бременемъ. Но еще тяжелѣе была самая система, впервые введенная Петромъ и оставленная имъ по наслѣдству, система взиманія подушнаго сбора при содѣйствіи полковъ. Первый указъ о переписи 1718 г. возлагалъ это дѣло на однихъ выборныхъ комиссаровъ. Потомъ у Петра явилось опасеніе, чтобы комиссары по новости дѣла „какой конфузіи не сдѣлали“ и, руководствуясь этими, въ сущности благими и предусмотрительными побужденіями, онъ въ 1723-мъ году указалъ: *на первый годъ* собирать подать съ участіемъ офицеровъ „дабы добрый аншталтъ внесть“. Но система привилась крѣпко и изъ временной обратилась въ постоянную, тянувшуюся на протяженіи многихъ лѣтъ. И результаты примѣненія системы получились совершенно обратные ожидавшемуся доброму аншталту. По словамъ проф. Ключевскаго (IV ч. „Русской исторіи“, стр. 128—129), полковыя команды, руководившія сборомъ податей, были разорительнѣе самой подати. Онѣ собирались по третямъ года, и каждая экспедиція длилась 2 мѣсяца. Шесть мѣсяцевъ въ году, половину своей жизни, села и деревни жили въ паническомъ ужасѣ отъ вооруженныхъ сборщиковъ, содержавшихся при томъ на счетъ обывателей, среди взысканій и экзекуцій. Не ручаюсь—образно выразился почтенный профессоръ,—хуже

ли вели себя въ завоеванной Россіи татарскіе баскаки временъ Батыя. Бѣдные мужики страшились одного ихъ въѣзда. Офицера, солдаты, комиссары и прочіе командиры ни о чемъ больше не думали, чтобы взять у крестьянина послѣднее въ подать и тѣмъ выслужиться. При такомъ положеніи понятны и причины, по которымъ крестьяне свои пожитки и скотъ и хлѣбъ въ землѣ отдавали за безцѣнокъ и бѣжали „за чужія границы". Убыль, и при томъ огромная, въ ревизскихъ душахъ, какъ послѣдствіе смертности и побѣговъ, началась съ того времени, какъ полки едва стали размѣщаться по вѣчнымъ квартирамъ. Надо согласиться съ мнѣніемъ Милюкова, что распредѣленіе арміи по уѣздамъ было величайшей ошибкой, тѣмъ болѣе печальной, что она подвергала страну всѣмъ непріятностямъ солдатскаго постоя и сдѣлала подушную подать, безъ того уже тяжелую, совершенно невыносимою.

Наряду съ бездушнымъ выколачиваніемъ казенной копейки свободно и пышно расцвѣтали неисчислимые случаи взяточничества и казнокрадства. По словамъ проф. Ключевскаго свѣдущіе въ чиновничьихъ изворотахъ русскіе люди расчитывали, что изъ собранныхъ 100 податныхъ рублей только 30 попадали въ царскую казну, а остальные чиновники дѣлили между собою за свои труды. Средства для взяточничества, по выраженію резидента Вебера, также трудно изслѣдовать, какъ исчерпать море. Къ этому проф. Ключевскій добавляетъ еще слѣдующихъ враговъ казны: 1) недобросовѣстныхъ крѣпостниковъ—дворянъ, которые, въ погонѣ за увеличеніемъ собственныхъ доходовъ, не брезговали никакими средствами и, по ходячему тогда между ними правилу, стригли своихъ крестьянъ до-гола, какъ овецъ и 2) кромѣ тягостей войны, существовали еще натуральныя повинности и экстренные поборы на стройку Петербурга.

Деньги собирались и проваливались точно въ бездонную бочку. На сколько была велика нужда въ деньгахъ, видно, между прочимъ, изъ порядка исполненія табели, введенной въ 1710 году. Табель эта опредѣляла свое назначеніе чуть не каждому губернскому сбору и могла выполняться только въ томъ предположеніи, что каждая отдѣльная сумма, по мѣрѣ сбора ея, будетъ высылаться именно по этому опредѣленному назначенію. Идея, положенная въ основаніе табели, была несомнѣнно прекрасная, какъ хороши были, впрочемъ, по замыслу и всѣ преобразовательныя начала Петра Великаго. Отъ губернаторовъ требовали неукоснительнаго выполненія табели. Между тѣмъ самъ Сенатъ *ежедневно* нарушалъ табель и захватывалъ

въ свое распоряженіе первыя попавшіяся суммы, совершенно игнорируя тѣ табельные расходы, на которые были назначены захваченныя суммы, и тѣмъ самымъ окончательно запутывая губернское хозяйство. Едва ли однако можно строго винить и Сенатъ, по крайней мѣрѣ въ наиболѣе острые періоды нужды. Напр. флотъ къ 1715 году требовалъ средствъ почти вдвое больше, чѣмъ въ 1711 году. Линейные корабли, по недостатку средствъ для оборудованія, боялись выступить въ открытое море. Полки во-время не получали жалованье и превращались въ шайки мародеровъ. Посламъ не высылали денегъ и имъ нечѣмъ было ни содержать себя, ни дѣлать необходимые подкупы (Ключевскій, IV ч. „Русск. исторіи“, стр. 211). При такихъ условіяхъ нарушеніе табели со стороны самого Сената вызывалось, очевидно, крайней необходимостью, на сколько возможно, удовлетворить новыя, болѣе неотложныя нужды и свидѣтельствовало, что правительство не располагало достаточнымъ количествомъ свободныхъ суммъ. Во всякомъ случаѣ, въ виду такого порядка, или, точнѣе, безпорядка и путаницы, приходится согласиться съ мнѣніемъ Милюкова, что и поступленіе губернскихъ суммъ, и ихъ расходованіе — все превращалось въ хаосъ.

По отзыву Стефана Кохіуса, бывшаго члена камеръ-коллегіи, помѣщенному въ его запискѣ въ 1723 году и по запискѣ Поссельта (Милюковъ, „Государ. хозяйство“ стр. 506—508), отягченіе населенія должно быть приписываемо дурному финансовому устройству. Первой причиной послѣдняго нужно признать недостаточность камеръ-коллежской инструкціи. „Ничего, что должна заключать въ себѣ всякая инструкція, въ ней нѣтъ; нѣкоторые отдѣлы такъ химеричны и все такъ перепутано, что ни одинъ пунктъ не стоитъ на своемъ естественномъ мѣстѣ“. Иностранцамъ, которые посажены въ Коллегію, „до сего времени не извѣстно даже количество и названіе государственныхъ доходовъ, не говоря уже о ихъ свойствѣ“. Отчетности нѣтъ никакой: „за пять лѣтъ не закончено ни одного счета“. Впослѣдствіи Верховный Тайный Совѣтъ, подобно Кохіусу, призналъ, что ревизія у насъ существовала „только именемъ, а на самомъ дѣлѣ *счету никогда не бывало*“.

На темномъ и мрачномъ фонѣ финансоваго хаоса, казнокрадства и хищеній яркимъ пятномъ выдѣлялись съ одной стороны огромныя пространства необрабатываемой плодородной земли, и множество пустошей, обрабатываемыхъ кое-какъ, наѣздомъ, а съ другой стороны угнетенный и пассивный объектъ правъ — „подлое сословіе“. Гнетъ чиновниковъ и дворянъ, го-

воритъ Ключевскій, отбивали у простонародья всякую охоту приложить къ чему нибудь руки: „угнетеніе духа, проистекшее отъ рабства, по словамъ Вебера, до такой степени омрачило всякій смыслъ крестьянина, что онъ пересталъ понимать собственную пользу и помышляетъ только о своемъ ежедневномъ и скудномъ пропитаніи“.

Основной недостатокъ финансовой системы московскаго государства заключался именно въ ея крайней узости и односторонности: *она только возвышала налоги и только отягощала* народный трудъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно не принимала никакихъ мѣръ къ подъему производительныхъ силъ народа. Петръ I-й обратилъ на это вниманіе и въ основу всей своей экономической политики положилъ за правило: „чинить прибыль казнѣ безъ отягощенія народнаго“ (IV ч. „Русской исторіи Ключевскаго, стр. 410). Въ этихъ цѣляхъ онъ много затратилъ средствъ и труда на созданіе русской техники и промышленности, щедро расточая на это всякія льготы, ссуды и субсидіи. Послѣ него осталось 233 фабрики и завода по самымъ разнообразнымъ отраслямъ промышленности. Но результатъ не окупилъ затратъ и основное правило Петра плохо ему удавалось. По словамъ проф. Ключевскаго, русскіе купцы сами мало вывозили за границу, и русская торговля осталась въ рукахъ иностранцевъ, которые, по выраженію одного иноземца же, точно комары, сосали кровь изъ русскаго народа и потомъ улетали въ чужіе края. А въ отношеніи суконныхъ фабрикъ, несмотря на всѣ старанія Петра одѣть свое войско въ русское сукно, дѣло обстояло такимъ образомъ, что и много лѣтъ послѣ него не могли обойтись безъ англійскаго или прусскаго мундирнаго сукна, платя за него сотни тысячъ рублей. Въ числѣ причинъ неудачи насажденія отечественной промышленности были: безправіе внизу, произволъ наверху, запуганность капиталистовъ и продажность чиновниковъ. Посошковъ говоритъ, что иноземцы, пріѣхавъ, „засунутъ сильнымъ персонамъ подарокъ рублевъ во сто—другое, то за сто рублевъ сдѣлаютъ они иноземцы прибыли себѣ полмилліона, потому что бояре не ставили купечество ни въ яичную скорлупку; бывало, на грошъ все купечество промѣняютъ“. Даже когда Петръ лично интересовался какимъ либо производствомъ, напр. шелковыми издѣліями (въ 1717 году), и въ учрежденную для этой цѣли компанію вошли такія близкія и высокія лица, напр. Князь Меньшиковъ и генералъ-адмиралъ Графъ Апраксинъ,—дѣло все таки не обошлось безъ злоупотребленій. Этой компаніи даны были

многія льготы, между прочимъ право безпошлиннаго ввоза шелковыхъ товаровъ. А учредители это дарованное право взяли и продали купцамъ за 20 тысячъ, изубыточили казну и, истратившись сами, бросили дѣло.

Въ конечномъ итогѣ послѣ Петра I получилось слѣдующее финансовое наслѣдство: 1) утроеніе податныхъ тягостей (по Милюкову, съ 25 на 75 милліоновъ на наши деньги), 2) хроническіе дефициты въ бюджетѣ отъ 13 до 18% всего сбора, 3) разорительная система взиманія податей при содѣйствіи солдатскихъ экзекуцій, 4) разстройство денежной системы, паденіе курса и вздорожаніе товаровъ, 5) крайнее истощеніе матеріальныхъ и моральныхъ силъ у крестьянъ, 6) убыль населенія по крайней мѣрѣ на 20%, 7) полный хаосъ въ выполненіи бюджета и хроническія недоплаты и задержки денегъ кредиторамъ казны, 8) отсутствіе надлежащаго контроля, счетоводства и отчетности и 9) казнокрадство и всякія иныя неисчислимыя злоупотребленія.

Внѣшнее благополучіе поддерживалось до времени ослѣпительной и шумной дѣятельностью Петра. Но какъ только онъ скончался, его сотрудники открыто заговорили прямо о предстоящей гибели государства. Генералъ-прокуроръ Ягужинскій поспѣшилъ подать Императрицѣ записку, гдѣ онъ откровенно изобразилъ мрачное положеніе дѣлъ со множествомъ умирающихъ отъ голода, съ разорительнымъ сборомъ податей, съ полнымъ обнищаніемъ народа, и эту картину общаго разстройства закончилъ такимъ зловѣщимъ предостереженіемъ: „и ежели далѣе сего такъ продолжить, то всякому россійскаго отечества сыну соболѣзнуя разсуждать надлежитъ, дабы тѣмъ такъ главнаго государства нерадивымъ смотрѣніемъ не допустить въ конечную гибель и бѣдство“. (IV ч. Русск. исторіи Ключевскаго, стр. 405).

Послѣ обсужденія правительствомъ вопросовъ, вобужденныхъ Ягужинскимъ, послѣдовалъ указъ Императрицы отъ 9 января 1727 года, который рѣшительно выразилъ печальное признаніе, что сколько ни трудился Петръ Великій надъ устроеніемъ духовныхъ и свѣтскихъ дѣлъ, однако, ничего изъ этого не вышло, „того не учинено“, и едва ли не всѣ дѣла въ худомъ порядкѣ находятся. Требовались, и неотложно, какія то мѣропріятія. Дѣла нельзя было откладывать, потому что его торопили текущія потребности, тѣ „необходимыя крайнія нужды“ арміи и флота, то „крайнее и всеконечное разореніе“ плательщиковъ, тотъ страхъ „чтобы все не упустилось на великое

безславіе и вреду государственную“, „то опасность конечной гибели и бѣдства“, та необходимость „какъ внутри, такъ и внѣ государства для цѣлости государства и народу мѣры взять“,— о которыхъ непрестанно говорится въ проектахъ, преніяхъ и указахъ (Милюковъ, „Государ. хозяйство“, стр. 525).

Началась дѣятельность преемниковъ Петра по улучшенію разстроенныхъ финансовъ.

Касаясь „народной тягости“, указъ 9 января 1727 г. впервые, съ высоты Престола, отмѣчаетъ, что плательщиковъ разоряетъ не ‘только палогъ самъ по себѣ, но и форма его взиманія. „Бѣдные крестьяне-говорится въ указѣ—не отъ одного хлѣбнаго недороду и отъ подати подушной разоряются и бѣгаютъ, какъ отъ несогласія у офицеровъ съ земскими управителями и у солдатъ съ мужиками“. Признавая неудобнымъ и даже вреднымъ сохраненіе прежняго порядка взиманія податей при содѣйствіи арміи, указъ 9 января 1727 г. устранилъ отъ сбора военныя команды. Но отъ этого „бѣднымъ крестьянамъ“ не стало лучше. Сборъ, вмѣсто командъ, былъ возложенъ на воеводъ, которыхъ сама Екатерина I признала волками, въ стадо ворвавшимся. И, по замѣчанію Ключевскаго (IV ч. Исторіи, стр. 417), воеводы, со своими хищными приказными, стоили военныхъ командъ. Указъ Анны отъ 31 октября 1730 г., послѣ болѣе чѣмъ трехлѣтняго опыта подушнаго сбора воеводами, такимъ образомъ охарактеризовалъ ихъ дѣятельность: „отъ воеводъ и отъ подъячихъ многіе непорядки и крестьянамъ тягости произошли, а именно: послабленіемъ многая на крестьянахъ доимка запущена, что крестьянамъ къ большому разоренію, а не къ пользѣ произошло. Комиссары излишніе и вымышленные сборы чинили и, принявъ деньги, отписей не давали, а писали въ доимку“. Поэтому было указано вернуться къ петровскому военному порядку.

Вопросъ объ уменьшеніи податей встрѣтилъ со стороны Верховнаго Тайнаго Совѣта весьма сочувственное отношеніе. Въ засѣданіи своемъ 22 іюня 1726 г. Совѣтъ „по многомъ разсужденіи приказалъ написать въ докладъ мнѣніе, чтобы не допуская до послѣдняго и впредь непоправимаго бѣдства крестьянъ, изъ подушныхъ денегъ учинить сбавку“. Этимъ принципіальнымъ рѣшеніемъ пока и удовлетворилось правительство. Вопросъ о „тягости народной“ оставался безъ движенія нѣсколько мѣсяцевъ, а затѣмъ, подъ вліяніемъ неаккуратнаго поступленія подушнаго сбора, въ концѣ 1726 года вновь былъ поставленъ на очередь. Но его нельзя было разрѣшить до опре-

дѣленія „какою суммою армія и флотъ по крайней мѣрѣ содержаны быть могутъ“. Оказалось нужнымъ основательно пересмотрѣть размѣры и формы прямого налога. Для этой цѣли назначили особливую Комиссію, подъ предсѣдательствомъ Дм. М. Голицына, потребовались справки, вѣдомости. Но указъ 9 января 1727 г. считалъ нужнымъ принять немедленныя мѣры; поэтому предложилъ: „для скорѣйшаго облегченія крестьянъ и для увеселенія и надежды народной“ отсрочить платежъ подушной подати до сентября 1727 года „пока отъ насъ, по имѣвшемъ довольномъ разсужденіи, по состоянію нуждъ государственныхъ, положено будетъ, почему впредь платить“. Въ виду того, что „о той убавкѣ за краткостью времени разсмотрѣнія не учинено“, Голицынъ въ августѣ 1727 г. предложилъ: подушныя деньги, пріостановленныя сборомъ за майскую треть, сложить вовсе съ плательщиковъ, съ чѣмъ и согласились. А основной вопросъ объ уменьшеніи подушнаго оклада затянулся на нѣсколько лѣтъ недоставленіемъ вѣдомостей учрежденіями, къ которымъ Голицынъ обращался за свѣдѣніями. Правительство подтверждало приказаніе о немедленной высылкѣ вѣдомостей подъ угрозой штрафа. Но это не помогло. Напр., камеръ-коллегія только въ 1729 году выслала Голицыну свои свѣдѣнія. Воспользоваться ими Голицынъ, однако, не успѣлъ. Вскорѣ надвинулись событія 1730 года, которыя и его самого низвергли. Ожидаемое „увеселеніе народное для бѣдныхъ крестьянъ“ оказалось неполнымъ. Рѣшенное уже въ принципѣ уменьшеніе подушнаго оклада—такъ и не состоялось. (Милюковъ, „Государ. хозяйство“, стр. 517—520).

Эксплоатація монетной регаліи послѣ Петра не только не уменьшилась, а еще болѣе увеличилась. Отъ перечеканки серебряной монеты перешли къ новымъ и еще болѣе усиленнымъ выпускамъ мѣдной и увеличили нарицательную цѣну послѣдней, сравнительно съ содержаніемъ металла. Указъ 26 января 1727 г. откровенно высказался: „необходимая нужда требуетъ, изъ двухъ одно выбрать: или денегъ умножить, или расходовъ убавить“. Но объ убавкѣ расходовъ „уже до сего времени тщаніе было, и немного или почитай и ничего“ не удалось убавить. И такъ, остается „умножить денегъ“. И началась чеканка мѣдной монеты больше прежняго, уже милліонами единицъ; и денежное обращеніе еще болѣе ухудшилось, чѣмъ при Петрѣ. (Милюковъ, „Госуд. хозяйство“, стр. 520—523).

Въ цѣляхъ экономіи и облегченія государственнаго бюджета Екатерина I сдѣлала значительныя сокращенія въ штатахъ

администраціи: она упразднила мануфактуръ-коллегію, рекетмейстерскую контору, надворные суды, нѣкоторыя канцеляріи и конторы, а судъ и расправу положила по прежнему на воеводъ, „отчего—говорится въ указѣ 9 января 1727 г.—будетъ бѣдному народу сіе великое облегченіе, что, вмѣсто разныхъ и многихъ канцелярій и судей токмо *одну* канцелярію знать будетъ, а стату будутъ великое умаленіе и тѣ на содержаніе тѣхъ разныхъ правителей и канцелярій и конторъ исходящія деньги сбережены будутъ и на другіе государственные нужнѣйшіе расходы употреблены быть могутъ". Указъ вообще выказываетъ внѣшне большую заботливость о бѣдномъ народѣ: „всѣ тѣ разные правители—говорится въ томъ же указѣ—имѣютъ свои особливо канцеляріи и канцелярскихъ служителей и особливый свой судъ, и каждый по своимъ дѣламъ бѣдный народъ волочитъ; *и всѣ тѣ управители, такъ и ихъ канцеляріи и канцелярскіе служители жить и пропитанія своего хотятъ*".

Главная причина сдѣланнаго сокращенія объясняется словами указа „всѣ тѣ управители, такъ и ихъ канцеляріи и канлярскіе служители жить и пропитанія своего хотятъ". Правительство не могло и не желало доставлять это пропитаніе за счетъ тощаго государственнаго бюджета. Воеводское управленіе было ему предпочтительнѣе потому, что дешево обходилось для казны. Но получалъ ли отъ такой замѣны „великое облегченіе бѣдный народъ"—это во всякомъ случаѣ подлежитъ большому сомнѣнію. Екатерина I сама признавала воеводъ волками, въ стадо ворвавшимися. И возможно, что въ дѣйствительности налоги на содержаніе администраціи стали брать съ бѣднаго народа не меньше, если не больше; только они не назывались уже прямыми и не числились по книгамъ въ доимкахъ. Едва ли, наконецъ, Екатерина I даже и желала искренно доставить облегченіе введеніемъ, вмѣсто многихъ, *одной* воеводской канцеляріи. У нея, помимо приведенныхъ выше финансовыхъ выгодъ, какъ оказывается теперь, имѣлись еще и другія побужденія, совершенно противоположныя тѣмъ, которыя высказаны въ указѣ. Первоначально Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ было предположено назначить въ уѣздные города (приписные къ провинціямъ), вмѣсто воеводъ, особыхъ управителей для судныхъ и расправныхъ дѣлъ. Но когда этотъ докладъ былъ представленъ Императрицѣ, то она, 6 іюля 1726 г., велѣла „вмѣсто управителей опредѣлить воеводъ же", потому что этотъ чинъ „*уѣзднымъ жителямъ въ отправленіи всякихъ дѣлъ мо-*

эсетъ быть страшнѣе“. (Милюковъ, Государств. хозяйство, стр. 512).

Въ числѣ финансовыхъ мѣропріятій нужно особенно отмѣтить весьма характерный указъ отъ 23 мая 1726 г. „о выдачѣ коллежскимъ чинамъ жалованья впредь до учрежденія новыхъ штатовъ, по прежнимъ окладамъ, *за исключеніемъ приказныхъ служителей, которые должны довольствоваться добровольными дачами просителей*“. О послѣдней категоріи въ указѣ выражено такимъ образомъ: „а приказнымъ людямъ, обрѣтающимся въ тѣхъ двухъ коллегіяхъ (юстицъ и вотчинной), также въ надворныхъ судахъ и магистратскихъ (жалованья) не давать, а довольствоваться имъ отъ дѣлъ *по прежнему обыкновенію* съ челобитчиковъ, кто что дастъ по своей волѣ; токмо *для излишнихъ взятковъ* тѣмъ челобитчикамъ въ дѣлахъ ихъ волокиты, такожъ ничего въ противность регламентамъ и указамъ отнюдь не чинить, и того смотрѣть за ними тѣхъ мѣстъ судьямъ; а ежели подъячіе челобитчикамъ чинить будутъ волокиты и будетъ на нихъ отъ кого челобитье, и за то ихъ наказывать“. Итакъ, слѣдовательно, кормленіе приказныхъ отъ просителей было за обычай — „прежнее обыкновеніе“. Екатерина I ничего новаго по существу не вводила; она только санкціонировала обычное право. Съ этого времени взятки считались уже „законнымъ“ вознагражденіемъ, брать взятки было можно и должно, только „не излишне“. А гдѣ былъ предѣлъ излишку, того указъ деликатно не касается.

Изъ приведеннаго выше обзора видно, что правительство Екатерины I не внесло въ финансы никакихъ серьезныхъ улучшеній. При Петрѣ II, по единодушному отзыву иностранныхъ представителей, царствовали распущенность и грабительство; доходы государства не могли окупить придворной роскоши. (Строевъ, Кабинетъ Министровъ, стр. 18), и о поправкѣ дѣлъ нечего было и думать. Вообще по компетентному отзыву проф. Ключевскаго, правительствамъ послѣ Петра было не до коренныхъ вопросовъ, не до началъ и задачъ реформы: они едва справлялись и съ первыми встрѣченными затрудненіями.

А между тѣмъ финансовая отчетность послѣ Петра I все болѣе падала. Въ областныхъ управленіяхъ по казеннымъ сборамъ сенатскій ревизоръ въ 1726 г. находилъ, вмѣсто приходо-расходныхъ книгъ, валявшіяся „записки“ на гнилыхъ лоскуткахъ и открывалъ „непостижимыя воровства и похищенія“ казенныхъ денегъ, за что рѣшился даже повѣсить копіиста и пищика. Правительство иногда не знало, сколько у него де-

негъ и гдѣ онѣ находятся. Не зная положенія дѣлъ въ государствѣ „высшее правленіе“ брело ощупью по указаніямъ подчиненныхъ, не умѣвшихъ составить ни одной вѣрной и отчетливой вѣдомости.

Такимъ образомъ первые два преемника Петра I не улучшили, а еще болѣе ухудшили и безъ того крайне разстроенное дѣло, и къ началу царствованія Анны Іоанновны финансы и вообще экономическое положеніе страны находились въ состояніи полнаго развала. Чтобы вести при этихъ условіяхъ государственное хозяйство далѣе, не допуская государство „въ конечную гибель и бѣдство“, требовалась со стороны главы правительства исключительная энергія, обширная опытность и упорная работа въ продолженіе многихъ лѣтъ преимущественно въ области государственнаго хозяйства.

ГЛАВА III.

Высшіе органы, завѣдывавшіе финансами до учрежденія Кабинета.

Правительствующій Сенатъ.

По взгляду, высказанному Милюковымъ (Госуд. хозяйств. стр. 531—534) и профес. Ключевскимъ (курсъ. русск. исторіи, IV часть, стр. 214), образованіе Сената стоитъ въ связи съ губернской реформой 1708 г., которая окончательно разстроила центральное приказное управленіе. А это разстройство,—по заключенію проф. Филиппова—„Правит. Сенатъ при Петрѣ Великомъ“, стр. 25),—естественно должно было наводить законодателя на мысль о необходимости созданія единой высшей центральной власти, соединяющей въ себѣ исполнительную и распорядительную власть, и этой властью явился Сенатъ.

Здѣсь необходимо отмѣтить, что и самая губернская реформа, какъ выяснено обширнымъ изслѣдованіемъ Милюкова (Госуд. хоз., стр. 530—531), явилась результатомъ потребностей чисто финансовыхъ—устроить мѣстныя кассы для мѣстныхъ военныхъ потребностей, что повлекло за собою созданіе военно-финансовыхъ округовъ, названныхъ губерніями. Въ виду хроническихъ дефицитовъ и затруднительности своевременнаго снабженія войскъ средствами въ полной мѣрѣ, правительство, по объясненію Милюкова (госуд. хоз., стр. 529), рѣшилось захватить въ свое распоряженіе государственные сборы—въ мѣстныхъ кассахъ въ полномъ ихъ размѣрѣ, раньше, чѣмъ часть ихъ по старой практикѣ употреблена была на мѣстныя нужды, перелагая такимъ образомъ ожидаемый дефицитъ на менѣе настоятельныя мѣстныя потребности.

Для цѣлей настоящаго краткаго очерка нѣтъ надобности подробно излагать историческій ходъ развитія военно-финансовыхъ округовъ—губерній. Достаточно указать лишь, что всѣ доходы новыхъ губерній стали поступать въ распоряженіе пра-

вительственныхъ губернскихъ властей, которые и обращали ихъ цѣликомъ или главнымъ образомъ на содержаніе мѣстныхъ войскъ, а остатки, если таковые имѣли мѣсто, высылались на пополненіе средствъ другихъ губерній, или на дворцовые, адмиралтейскіе, посольскіе и артиллерійскіе расходы. Послѣдствіемъ же передачи государственныхъ сборовъ и расходовъ въ губернскія кассы было окончательное паденіе центральной администраціи. Такимъ образомъ самая почва, на которой былъ созданъ Сенатъ образовалась изъ переворотовъ и напластованій исключительнаго финансоваго свойства.

Что касается цѣли созданія Сената, то хотя Петръ I, въ своихъ первыхъ указахъ отъ 22 февраля и 2 марта 1711 г., и говоритъ объ опредѣленіи Сената „для отлучекъ Нашихъ“ или „для всегдашнихъ въ сихъ войнахъ отлучекъ“, но проф. Филипповъ совершенно справедливо объясняетъ, что эти слова указываютъ лишь на *мотивъ*, заставившій Государя прибѣгнуть къ созданію новаго учрежденія, и что отъѣздъ Государя на войну былъ (только) послѣднимъ толчкомъ (Прав. Сенатъ, стр. 18 и 25). Проф. Ключевскій, излагая результаты реформы 1708 г. объяснилъ (IV ч. Русск. исторіи, стр. 214—215), что, послѣ разстройства ею центральнаго приказнаго управленія, изъ приказовъ въ Москвѣ оставались только „требующіе и расходующіе, какъ Военный, Артиллерійскій, Адмиралтейскій, Посольскій. Въ столицѣ сосредоточивалось финансовое потребленіе, а добывала губернская администрація; *но въ Москвѣ не оставалось учрежденія для высшаго распоряженія финансовымъ добываніемъ и для верховнаго надзора за финансовыми потребителями, т. е. не было правительства.* Среди своихъ военно-стратегическихъ и дипломатическихъ операцій Петръ какъ будто не замѣчалъ, что, учреждая 8 губерній, онъ создавалъ 8 рекрутскихъ и финансовыхъ конторъ для комплектованія и содержанія полковъ въ борьбѣ съ опаснымъ врагомъ, но оставлялъ государство безъ центральнаго внутренняго управленія...“ Такимъ образомъ проф. Ключевскій, если не прямо, то косвенно достаточно ясно указалъ, что ближайшей цѣлью созданія Сената, по его мнѣнію, послужили финансовыя потребности—„высшее распоряженіе финансовымъ добываніемъ и для верховнаго надзора за финансовыми потребителями“. А Милюковъ говоритъ о финансовыхъ потребностяхъ, какъ цѣли учрежденія Сената, уже совершенно прямо и положительно, повторяя эту свою мысль нѣсколько разъ. „Крушеніе центральной администраціи—по его словамъ—оставляло пробѣлъ, кото-

рый необходимо было чѣмъ нибудь пополнить. Прежде всего, помимо губернскихъ сборовъ, существовали доходы, находившіеся въ непосредственномъ завѣдываніи центральныхъ учрежденій; прибыль съ денежныхъ операцій, доходъ отъ продажи соли и другихъ казенныхъ товаровъ. Отдача этихъ негубернскихъ поступленій въ отвѣтственное завѣдываніе была, какъ полагаемъ, главной цѣлью при учрежденіи Сената". (Госуд. хоз., стр. 531). Далѣе (та же стран. 531) онъ повторяетъ ту же мысль, что „паденіе приказовъ сдѣлало необходимымъ учрежденіе новаго хозяйственнаго вѣдомства въ центрѣ, а учрежденное оно по необходимости получило руководящую роль въ общей государственной системѣ" и, наконецъ, (стр. 534), что „расширеніе этихъ операцій (чеканка монеты, торговля солью и другими казенными товарами) было, какъ мы говорили, ближайшей цѣлью учрежденія Сената". Слѣдовательно, по этимъ взглядамъ Сенатъ не только былъ построенъ на почвѣ, созданной финансовыми потребностями, но и цѣлью его учрежденія, въ извѣстной части, послужили также финансовыя потребности.

Первоначальная программа дѣятельности Сената, начертанная въ двухъ указахъ отъ 2 марта 1712 г., состояла изъ 12 пунктовъ, изъ числа которыхъ 8 пунктовъ заняты вопросами исключительно финансовыми и экономическими, а именно:

1) смотрѣть во всемъ государствѣ расходовъ, и ненужные, а особливо напрасные отставить;

2) самый знаменитый—*денегъ какъ можно собирать, понеже деньги суть артеріею войны;*

3) векселя исправить и держать въ одномъ мѣстѣ;

4) товары, которые на откупахъ или по канцеляріямъ и губерніямъ, осмотрѣть и посвидѣтельствовать;

5) о соли стараться отдать на откупъ и попещися прибыли у оной;

6) торгъ китайскій, сдѣлавъ компанію добрую, отдать;

7) персидскій торгъ умножить, и армянъ, какъ возможно, приласкать и облегчить, въ чемъ пристойно, дабы тѣмъ подать охоту для большаго ихъ пріѣзда;

8) разсмотрѣть и, ежели не будетъ какого препятствія, то позволить всякому чину торговать, точію съ такою же пошлиною; а вмѣсто десятой деньги, по пропорціи, съ торговъ класть.

Такимъ образомъ при самомъ учрежденіи Сената въ его программѣ преобладающее и даже главенствующее мѣсто, по количеству и по качеству вопросовъ, заняли, какъ и слѣдо-

вало ожидать, интересы финансовые и экономическіе. Вообще изъ числа первоначальныхъ функцій Сената основныхъ было только двѣ: военная и финансовая, какъ это и указалъ проф. Филипповъ въ его трудѣ „Правительствующій Сенатъ при Петрѣ Великомъ и его ближайшихъ преемникахъ“ (стр. 244). Подробно разсматривая въ этомъ трудѣ положеніе Сената, пр. Филипповъ, въ отношеніи компетенціи Сената въ началѣ его дѣятельности, пришелъ къ такимъ выводамъ: 1) что Сенатъ можно было бы назвать центральнымъ судебно-военно-финансовымъ учрежденіемъ, имѣющимъ *верховный* надзоръ за ходомъ государственнаго управленія въ указанныхъ областяхъ (стр. 226), 2) что распоряжаясь *самостоятельно* дѣлами, Сенатъ, кромѣ того, постоянно исполнялъ многочисленные отдѣльные указы самого Петра (стр. 227 и 228) и 3) что во всѣхъ воинскихъ дѣлахъ Сенатъ являлся по большей части лишь простымъ исполнителемъ, который долженъ былъ примѣнять на практикѣ предписанное, что онъ и дѣлалъ, а по тѣмъ указамъ, которые говорятъ „о деньгахъ и о прочихъ государственныхъ интересахъ“, для его распорядительности оставляется болѣе простора (стр. 230).

Вообще по пунктамъ 2 марта 1711 г., постоянно дополнявшимся и видоизмѣнявшимся, Сенатъ, по заключенію проф. Филиппова, въ области финансоваго управленія „долженъ былъ заботиться объ увеличеніи государственныхъ доходовъ, о бережной тратѣ собранныхъ денегъ, о своевременномъ доставленіи денежныхъ средствъ на жалованье служилымъ и т. д. Отсюда вытекало наложеніе Сенатомъ на населеніе новыхъ налоговъ и повинностей, уничтоженіе непужныхъ и напрасныхъ расходовъ, заботы о лучшей эксплотаціи регалій, принятіе мѣръ ко взысканію недоимокъ, своевременный сборъ доходовъ, поступившихъ изъ губерній и провинцій“.

Съ учрежденіемъ въ 1718 г. коллегій Сенатъ освободился отъ множества дѣлъ по непосредственному управленію. Въ частности, что касается области финансоваго управленія, къ послѣдней относились три коллегіи: Камеръ-коллегія, или коллегія казенныхъ сборовъ, должна была вѣдать „всякое расположеніе и вѣдѣніе доходовъ денежныхъ всего государства“; Штатсъ-коптора—„вѣдѣніе всѣхъ государственныхъ расходовъ“. и Ревизіонъ-Коллегія—„счетъ всѣхъ государственныхъ приходовъ и расходовъ“. Пр. Филипповъ отмѣчаетъ (стр. 245): „Все, что по своемъ учрежденіи должны были вѣдать эти три коллегіи, вѣдалъ, въ сущности, первоначально Сенатъ, за исклю-

ченіемъ нѣкоторыхъ частей счетоводства по государственнымъ приходамъ и расходамъ, которымъ занималось старое учрежденіе—Ближняя Канцелярія". Съ ихъ учрежденіемъ за Сенатомъ осталось высшее финансовое руководительство (та же книга стр. 246). Въ дѣлахъ торговли, промышленности и горныхъ, до учрежденія спеціальныхъ о нихъ коллегій, Сенату также приходилось принимать непосредственное участіе, а при коллегіяхъ за Сенатомъ остается опять таки высшее его руководительство (стр. 248).

Различными регламентами и наказами было предусмотрѣно, куда и по какимъ дѣламъ должны были обращаться мѣстные управители-губернаторы и воеводы. Но на практикѣ, по словамъ пр. Филиппова (стр. 252), къ Сенату обращались губернаторы и воеводы не только „по дѣламъ, которыя не принадлежатъ къ коллегіямъ", и о которыхъ надо было писать въ Сенатъ, но „и по дѣламъ постороннимъ, которымъ надлежитъ въ коллегіяхъ рѣшеннымъ быть".

Вообще же при Петрѣ роль Сената была высокая и почетная. По Генеральному регламенту всѣ государственныя коллегіи „токмо подъ Его Царскимъ Величествомъ особливымъ, *тако жъ и Правительствующаго Сената* указами обрѣтаются", и при коллегіяхъ Сенатъ остался тѣмъ же учрежденіемъ, какимъ былъ ранѣе, т. е. „первымъ правительствомъ подъ собою". А въ 23-мъ пунктѣ регламента Штатсъ конторѣ, послѣ объясненія, что эта коллегія посылаетъ къ Его Величеству и Сенату доношенія, говорится, что названная коллегія „въ такой же силѣ, какъ и прочія коллегіи состоитъ и никого за вышняго управителя, кромѣ Его Величества, (и) Правительствующаго Сената, не признаваетъ". (стр. 241 и 253).

При послѣдующихъ Совѣтахъ при особѣ Государя Сенатъ остался уже не въ такой силѣ: между Сенатомъ и Монархомъ образовалось средистѣніе и компетенція его была ограничена по всѣмъ дѣламъ, въ томъ числѣ и финансовымъ. Размѣры ограниченія будутъ указаны ниже, попутно съ изложеніемъ компетенцій новыхъ Совѣтовъ.

Верховный Тайный Совѣтъ и Высокій Сенатъ.

8 февраля 1726 г., спустя годъ и десять дней послѣ смерти Петра I, появилось въ Имперіи новое учрежденіе—Верховный Тайный Совѣтъ, и Сенатъ поставили въ отношеніи его въ подчиненное положеніе, установивъ, что Сенатъ долженъ сноситься съ Совѣтомъ „доношеніями". А черезъ нѣсколько дней—11 марта

1726 г.—у Сената былъ отнятъ несвойственный ему болѣе титулъ „правительствующій“ и наименовали его „высокимъ“. Въ Сенатъ еще по прежнему сходились всѣ нити управленія подчиненными ему центральными и мѣстными учрежденіями. За нимъ осталась роль контролирующаго учрежденія. Но всѣ дѣла верховнаго управленія, и въ томъ числѣ прежде всего и главнымъ образомъ высшее вѣдѣніе дѣлами финансовыми, перешли уже къ Верховному Тайному Совѣту. Эта часть разработана подробно и обстоятельно въ извѣстномъ трудѣ проф. Филиппова „Правительствующій Сенатъ при Петрѣ Великомъ и его ближайшихъ преемникахъ“; поэтому здѣсь приводятся (со ссылками на страницы) лишь краткія выдержки изъ этого сочиненія.

Петровскій Правительствующій Сенатъ долженъ былъ заботиться объ усиленіи средствъ государственнаго казначейства; онъ распоряжался доходами и расходами государства, являлся высшимъ органомъ контроля надъ приходомъ и расходомъ государственныхъ суммъ. А съ учрежденіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта всѣ эти функціи перешли къ Совѣту, и послѣдній явился сосредоточіемъ всѣхъ дѣлъ высшаго финансоваго управленія (стр. 331 и 332). Ограниченія Сената начались быстро.—По новой „должности“ Сенату, данной Екатериной I 7 марта 1726 г., „новыя подати или иныя какія учрежденія имѣютъ быть опредѣлены въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ“, т. е. Совѣтъ, хотя кратко, но оттѣняетъ свое значеніе, какъ верховнаго финансоваго учрежденія (стр. 328). 15 іюля 1726 г. вышелъ новый указъ, по которому денегъ, товаровъ и другихъ вещей безъ указа, за собственноручнымъ подписаніемъ Императрицы или Верховнаго Совѣта, кромѣ опредѣленныхъ окладныхъ дачъ, ни на какіе чрезвычайные расходы отпускать не велѣно (стр. 397). 4 января 1727 г. изданъ еще указъ, по которому требуется подача Сенатомъ въ Совѣтъ еженедѣльныхъ перечневыхъ вѣдомостей о движеніи государственныхъ доходовъ и расходовъ,—конечно для того, чтобы Совѣтъ зналъ о состояніи государственнаго казначейства и могъ, сообразно съ этимъ, распоряжаться его суммами. Черезъ мѣсяцъ и 3 недѣли—24 февраля 1727 г.—учреждена Ревизіонъ-Коллегія, которая подчинена уже Верховному Тайному Совѣту и чтобы „оная обо всемъ состояніи ея дѣлъ помѣсячно въ Верховный Тайный Совѣтъ репортовала“ (стр. 331).

Несмотря, однако, на всѣ эти ограниченія, Сенату все-таки принадлежало общее завѣдываніе государственными доходами и

расходами, торговлею и промышленностью, *по скольку все это допускалось Совѣтомъ*, какъ верховнымъ учрежденіемъ Имперіи, и по скольку спеціальныя финансовыя учрежденія, подчиненныя Сенату, находили себя вынужденными обращаться къ нему. Дѣло активнаго финансоваго управленія осталось за Сенатомъ во всѣхъ его подробностяхъ и мелочахъ. Болѣе всего приходилось Сенату заниматься вопросами, касающимися подушной подати (418). Затѣмъ постоянно вызывали Сенатъ на тѣ или иныя мѣропріятія и всякія иныя статьи, кромѣ подушной подати: пошлины, регаліи, оброчныя статьи, кормчество и т. д. Монетнымъ дѣломъ Сенатъ занимался первоначально лишь мимоходомъ, а 12 декабря 1727 г. повелѣно было „всему денежному дѣлу быть въ вѣдомствѣ и о исправленіи онаго попеченіе имѣть въ Сенатѣ“ (420). Помимо этого, Сенатъ время отъ времени получалъ отъ Совѣта и иныя полномочія, напр. по завѣдыванію домочнымъ отдѣломъ.

По расходамъ компетенція Сената потерпѣла значительныя ограниченія. Безъ разрѣшенія Совѣта запрещались, какъ указано выше, всякіе сверхсмѣстные расходы и расходы на прошлые годы и пр. Затѣмъ Сенатъ обязывали подавать перечневыя вѣдомости о движеніи приходовъ и расходовъ. Вообще распоряженіе государственными средствами было изъято изъ компетенціи Сената. За нимъ остались лишь заботы по наблюденію за правильностью движенія штатныхъ и окладныхъ расходовъ и по разрѣшенію всякихъ практическихъ затрудненій. Къ Сенату напр., обращались всѣ учрежденія за рѣшеніемъ вопроса, гдѣ, изъ какихъ доходовъ взять денегъ для производства того или иного расхода. А рѣшенье подобныхъ вопросовъ при современныхъ финансахъ представлялось весьма затруднительнымъ.

Въ развитіи торговли и промышленности Сенатъ также принималъ значительное участіе, потому что продолжалъ быть главою торгово-промышленныхъ учрежденій.

Но эта глава была уже не та, что при Петрѣ. Ея собственная иниціатива почти ни въ чемъ уже не проявляется. Сенатъ сталъ пассивенъ. Подчиненное положеніе отразилось не только на существѣ, но и на формѣ его отношеній. Сенаторы являются съ донесеніями въ Совѣтъ, гдѣ терпѣливо выжидаютъ пріема и принимаютъ приказанія. Сенатскіе Секретари должны были состоять на постоянной службѣ у Совѣта и дѣйствовать по „приказамъ“ его оберъ-секретаря. Послѣ этого неудивительнымъ становится даже такое отношеніе, записанное въ подлинныхъ протоколахъ

Сената (стр. 340). 1729 г., августа 11 оберъ-прокуроръ Воейковъ „въ Сенатѣ словесно объявилъ, что онъ по приказу ихъ, Высокаго Сената, *къ присутствующимъ В. Т. Совѣта Министрамъ на дворы ѣздилъ и докладывалъ* о казенныхъ товарахъ: о поташѣ, смольчугѣ и трескѣ, порознь въ домѣхъ... *и по тому докладу изволили приказать* о продажѣ или отсылкѣ за море въ комиссію тѣхъ казенныхъ товаровъ опредѣленіе учинить Сенату, усмотря какъ лучше безъ упущенія времени понеже—де и такъ безъ опредѣленія продолжилось". Унизительная для Сената картина! И она, вполнѣ естественно, вызвала у историка Сената, проф. Филиппова, слѣдующія горячія строки: „Генералъ-прокуроръ, этотъ могущественнѣйшій чинъ Имперіи, это око Государево замѣняется при Сенатѣ теперь оберъ-прокуроромъ. Послѣдній почтительнѣйше докладываетъ, ѣздя на дворы, министрамъ Верховнаго Тайнаго Совѣта сенатскія дѣла; Совѣтъ отдаетъ ему свои приказанія для передачи Сенату и т. д. Отъ величія прежняго Сената съ его высокопоставленными генералъ-прокуроромъ, генералъ-рекетмейстеромъ и проч. остается лишь тѣнь" (стр. 341).

Возстановленный Правительствующій Сенатъ и „тайносодержимый Кабинетъ".

По манифесту Анны Іоанновны, данному 4 марта 1730 г., Сенатъ вновь опредѣленъ на такомъ же основаніи и въ такой силѣ, какъ при Петрѣ I. По объясненію проф. Филиппова, дѣла Верховнаго Тайнаго Совѣта перешли къ Сенату, и самъ Сенатъ, снова именуемый Правительствующимъ, разсматриваетъ себя. какъ учрежденіе, замѣняющее Верховный Тайный Совѣтъ (стр. 452 и 453). Но въ это же почти время негласно существовало и дѣйствовало и другое не менѣе, если не болѣе вліятельное учрежденіе. Пр. Филипповъ говоритъ, что въ неоформленномъ видѣ, въ качествѣ особаго секретаріата, или Совѣта при особѣ Государыни, Кабинетъ дѣйствовалъ уже почти непосредственно послѣ возстановленія власти Правительствующаго Сената и при томъ едва ли не за цѣлый годъ до своего оффиціальнаго учрежденія" (стр. 459). Поэтому слѣдуетъ полагать съ извѣстнымъ основаніемъ, что если не весь, то значительная часть законодательнаго матеріала, появившагося съ момента уничтоженія Верховнаго Тайнаго Совѣта до оффиціальнаго учрежденія Кабинета,—возникла подъ непосредственнымъ вліяніемъ и даже инициативѣ „тайнаго" Кабинета. По этому поводу Строевъ, въ своей книгѣ „Бироновщина и Кабинетъ Министровъ", перечисляя реформы указаннаго періода, говоритъ положительно

(часть I-я, стр. 72): „все это были не широкія реформы, но вызванныя насущными потребностями государства мѣропріятія. Во всемъ видна твердая рука опытнаго государственнаго человѣка. Не даромъ самъ Фридрихъ Великій писалъ объ Остерманѣ: „царствованіе Петра Великаго образовало человѣка, какъ бы нарочно созданнаго для того, чтобы нести на себѣ бремя государственнаго управленія при преемникахъ Петра—графа Остермана. Подобно опытному кормчему, онъ, въ эпоху переворотовъ самыхъ бурныхъ, вѣрной рукой управлялъ кормиломъ имперіи, являлъ осторожность и отважность, смотря по обстоятельствамъ, и зналъ Россію, какъ Верней—человѣческое тѣло“.

Характерно, что въ числѣ первыхъ финансовыхъ мѣропріятій былъ поставленъ въ Сенатѣ на очередь самой Императрицей вопросъ о сбавкѣ подушныхъ денегъ. Это было 17 марта 1730 г., т.-е. съ самомъ началѣ дѣятельности Сената. Черезъ день—19 марта—Сенатъ, въ числѣ другихъ, поднесъ Императрицѣ докладъ „о сбавкѣ на нынѣшній 730 г. подушныхъ денегъ“ („Сенатъ“ пр. Филипповъ, стр. 448). 1 іюня 1730 г. Сенату поручено составить штатъ коллегій и канцелярій. Въ томъ же году—31 октября послѣдовалъ указъ крупной важности о возвращеніи къ петровскому способу собиранія подушной подати. Побудительныхъ къ тому мотивовъ указано два: I-й охраняющій интересы государственной казны и потому, вѣроятно, самый дѣйствительный и вѣскій, что „послабленіемъ многая на крестьянахъ доимка запущена, что крестьянамъ къ большому разоренію, а не къ пользѣ произошло“, и 2-й охраняющій интересы населенія: „что коммиссары излишніе и вымышленные сборы чинили и, принявъ деньги, отписей не давали, а писали въ доимку“. Затѣмъ Строевымъ перечислены (та же книга, часть I-я. стр. 59—72) еще слѣдующіе, болѣе или менѣе важные финансовые вопросы, разсмотрѣнные въ указанный періодъ:

1) учрежденіе 19 іюня 1730 г. коммиссіи для разсмотрѣнія монетныхъ дѣлъ и опредѣленія на будущее время монетной системы. Установлена была проба для звонкой монеты всѣхъ родовъ: рѣшено мѣдную монету чекапить изъ пуда по 10 р., червонныя той же пробы и вѣса, какъ голландскія, и ходить имъ по 2 р. 20 к., а серебряную монету—77-й пробы. Это было серьезное удовлетвореніе давно назрѣвшей потребности въ изъятіи недоброкачественной монеты. Тогда же были приняты мѣры къ изъятію изъ обращенія старыхъ порченныхъ денегъ.

2) Обращено серьезное вниманіе на контроль и 23 января 1731 г. было предписано Сенату: изъ военной, адмиралтейской,

камеръ-коллегіи и изъ штатсъ-конторы взять вѣрныя вѣдомости, сколько кому и за что на прошлые годы надлежитъ выдать за покупные и подрядные припасы или жалованья и за прочіе безъ всякія жъ проронки, дабы мочно, разсмотря о тѣхъ дачахъ, кому что выдать надлежитъ, однажды опредѣленіе учинить".

3) На содержаніе адмиралтейства, по указу Сената отъ 13 августа 1731 г., положена сумма „въ нынѣшнее мирное время" 1.020.000 р. въ годъ, вмѣсто прежнихъ 1.400.000 р. въ годъ, положенныхъ съ „таможенныхъ, кабацкихъ и канцелярскихъ сборовъ въ сорокѣ провинціяхъ". Здѣсь, между прочимъ, представляетъ интересъ указаніе о томъ, что на адмиралтействѣ имѣются долги, для заплаты которыхъ испрашивалось, изъ доимочныхъ, положеныхъ на адмиралтейство, 528.819 р. Позднѣе, уже при Кабинетѣ Министровъ, довольно много занимались вопросомъ о покрытіи старыхъ долговъ.

4) 21 іюня 1731 г. послѣдовалъ указъ Сената о томъ, что опредѣленнымъ въ губерніяхъ цифирныхъ школъ учителямъ кормовыя деньги по указу 1714 года, на которые годы дачи имъ не было, выдать и впредь давать изъ неположенныхъ въ штатъ доходовъ по ассигнаціямъ Штатсъ Конторы.

5) Указъ Синода отъ 14 августа 1731 г., основанный на указѣ Императрицы отъ 21 іюля 1730 г. о призрѣніи и пропитаніи нищихъ.

Всѣ перечисленные выше случаи финансовыхъ мѣропріятій представляетъ собою рядъ разнообразныхъ попытокъ къ улучшенію дѣла въ области финансовъ. Наряду съ желаніемъ улучшить денежную и податную систему проявляется по отдѣльнымъ частямъ стремленіе къ возможному сокращенію расходовъ и чувствуется со стороны верховныхъ учрежденій глубокое недовѣріе (добавимъ: вполнѣ основательное) ко всякимъ балансамъ и вѣдомостямъ, вслѣдствіе чего возникаетъ вопросъ о повѣркѣ расходныхъ вѣдомостей. На первый взглядъ указанные случаи можно принять за обрывки, случайные и безсистемные клочки финансовыхъ мѣропріятій. Но при сопоставленіи съ другими данными — несомнѣнно, что они выражаютъ собою проявленіе извѣстной цѣльной системы, задача которой сводилась также къ опредѣленной цѣли—улучшенію финансовъ. Во всемъ этомъ видна уже новая струя государственной жизни. Замѣтенъ и характеръ новой системы—проводить улучшеніе не путемъ отвлеченныхъ общихъ реформъ, а преимущественно на конкретныхъ примѣрахъ всѣхъ тѣхъ будничныхъ и сѣрыхъ дѣлъ, которыя выдвигались самой жизнью, а затѣмъ не довѣрять людямъ

и вездѣ, по возможности, вкладывать свои персты и собственноручно нащупывать и устанавливать прочность и устойчивость фундамента всякаго построенія.—„Дабы мочно однажды опредѣленіе учинить о тѣхъ дачахъ“, приказано взять „вѣрныя вѣдомости, сколько кому и за что, да безъ *всякія жъ проронки*“. Это стиль типичный остерманов скій. Такимъ образомъ перечисленные случаи правительственныхъ мѣропріятій представляютъ собою какъ бы переходный мостъ къ новой уже открытой дѣятельности Кабинета Министровъ и до нѣкоторой степени освѣщаютъ свойство и программу того пути, которымъ направится новое верховное правительство.

ОТДѢЛЪ I.

ГЛАВА IV.

Финансовая дѣятельность Кабинета.

О дѣятельности Кабинета проф. Ключевскій далъ такой отзывъ (IV ч. курса Русск. Исторіи, стр. 392): „Кабинетъ—не то личная контора императрицы, не то пародія Верховнаго Тайнаго Совѣта: онъ обсуждалъ важнѣйшія дѣла законодательства, *а также выписывалъ зайцевъ для двора и просматривалъ счета за кружева для государыни*. Какъ непосредственный безотвѣтственный органъ верховной власти, лишенный всякаго юридическаго облика, Кабинетъ путалъ компетенцію и дѣлопроизводство правительственныхъ учрежденій, отражая въ себѣ закулисный умъ своего творца и характеръ темнаго царствованія". Самое царствованіе Анны Іоанновны профессоръ назвалъ одной изъ мрачныхъ страницъ нашей исторіи. Что касается состоянія финансовъ даннаго періода, то, по отзыву того же ученаго, государственные доходы не возрастали, а скорѣе убавлялись, государственное хозяйство разстраивалось, торговля упала, дворъ же обходился впятеро-вшестеро дороже, чѣмъ при Петрѣ I. „При неслыханной роскоши двора, въ казнѣ, писали послы, нѣтъ ни гроша, а потому никому ничего не платятъ".

Проф. Филипповъ, въ своей книгѣ „Правительств. Сенатъ при Петрѣ Великомъ и его ближайшихъ преемникахъ", отмѣтилъ, что „Аннинское время вообще—не время широкихъ задачъ въ области государственнаго управленія", (стр. 574), и что общій характеръ царствованія проявлялся въ ревностныхъ заботахъ о взысканіи недоимокъ, объ открытіи новыхъ источниковъ доходовъ и уменьшеніи расходовъ (стр. 564—565). Не останавливаясь подробно на фискальной политикѣ Кабинета, проф.

Филипповъ, тѣмъ не менѣе, отмѣтилъ основныя особенности финансовой дѣятельности Кабинета: на первомъ мѣстѣ надо указать его попытку къ упорядоченію государственнаго бюджета, которая ставила Сенату цѣлый рядъ задачъ для разрѣшенія. „Такъ, въ цѣляхъ наибольшаго развитія доходовъ казны, и Кабинетъ, а по его приказамъ, и Сенатъ весьма много занимались финансовыми вопросами, при чемъ, въ цѣломъ, все дѣло ограничивалось здѣсь, главнымъ образомъ, чисто внѣшними, фискальными, нерѣдко случайными мѣрами по усиленному взысканію недоимокъ, всякаго рода сборовъ, а равно и по наложенію большихъ, чѣмъ прежде, налоговъ и пошлинъ, по расширенію конфискацій и проч. Всѣ эти мѣры, хотя и приносили казначействамъ тѣхъ или иныхъ учрежденій лишнія деньги, но нисколько не улучшали государственнаго хозяйства страны. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда пытались отъ этихъ усиленныхъ взысканій налоговъ и ихъ недоимковъ, или отъ пресѣченія злоупотребленій администраціи при ихъ сборахъ, перейти къ чему либо общему и болѣе важному, дѣло плохо подвигалось впередъ“ (стр. 581 и 582).

Жизнь Кабинета оставила послѣ себя непосредственное отраженіе въ драгоцѣнномъ показателѣ его дѣятельности—въ такъ называемыхъ „бумагахъ Кабинета Министровъ“ за 1731—1740 года, которыя были собраны въ разныхъ архивахъ и изданы трудами проф. Филиппова, составивъ собою 11-ть томовъ Сборниковъ Русск. Историч. О-ва. Этотъ матеріалъ, въ той его части, которая касается финансовыхъ и экономическихъ вопросовъ,—подвергнутъ систематизаціи, и, послѣ обработки, далъ содержаніе послѣдующимъ отдѣламъ и главамъ. При такомъ построеніи работы представлялась надежда получить болѣе или менѣе ясную картину политики Кабинета въ области финансовъ.

Проф. Филипповъ замѣтилъ, что Кабинетъ, а по его приказамъ и Сенатъ—весьма много занимались финансовыми вопросами. При изученіи кабинетскихъ бумагъ наблюденіе профессора подтвердилось въ полной мѣрѣ. Точно также оправдалось на этомъ матеріалѣ и заключеніе П. Н. Милюкова, что войско и финансы составляли предметъ главнаго вниманія стараго русскаго правительства („очерки по исторіи русск. культуры“, ч. I стр. 126). Дѣйствительно, преобладающее количество въ матеріалахъ занимали статьи военныя и финансовыя. Отсюда, вполнѣ естественно, возникалъ неизученный еще вопросъ о степени преобладанія вопросовъ финансовыхъ (а слѣдовательно и о томъ значеніи, какое имѣли финансы) и военныхъ и о величинѣ

ихъ отношенія ко всѣмъ остальнымъ статьямъ. Единственно доступнымъ и возможнымъ въ данномъ случаѣ мѣриломъ могла бы быть только цифра, а способомъ такого изслѣдованія—методъ статистическій. На этомъ основаніи, попутно съ главными работами по извлеченію и систематизаціи матеріала, произведена слѣдующая статистическая работа: во всѣхъ одиннадцати томахъ сосчитаны статьи, помѣщенныя въ журналахъ „во входящихъ бумагахъ и въ приложеніяхъ (если таковые не были обозначены въ журналахъ и во входящихъ бумагахъ), съ распредѣленіемъ всѣхъ этихъ статей или бумагъ по тремъ главнымъ категоріямъ: 1) всего статей, 2) въ томъ числѣ военныхъ и 3) финансовыхъ. При этомъ была принята такая система: 1) на сколько бы частныхъ пунктовъ ни распадалась каждая бумага, въ подсчетъ входила только одна единица, какъ показательница одной основной статьи; 2) каждый отвѣтъ на бумагу, какъ всякая входящая бумага, считался за единицу; 3) къ военнымъ отнесены всѣ вопросы, касающіеся военнаго строя, военной администраціи (въ томъ числѣ всякихъ назначеній, перемѣщеній и увольненій) и военнаго хозяйства, въ томъ числѣ храненія, перевозки провіанта, орудій и проч.; 4) всякіе же расходы по военному вѣдомству: содержаніе войскъ, уплата жалованья, всякія покупки обмундированія, провіанта, орудій и проч. включены въ категорію финансовыхъ дѣлъ; но при этомъ такія военно-финансовыя дѣла все таки были подсчитаны и выдѣлены въ особую группу. Въ результатѣ сдѣланныхъ подсчетовъ оказалось: всѣхъ статей, поименованныхъ въ Сборникахъ 25.665

въ томъ числѣ	военныхъ	8.055
	финансовыхъ	9.403

что по отношенію къ общему количеству (25.665) составляетъ такое $^0/_0$ отношеніе:

военныхъ. . . . . $31{,}4^0/_0$

финансовыхъ. . . . $36{,}6^0/_0$

Военныя и финансовыя статьи вмѣстѣ составляли $68^0/_0$ всѣхъ статей. Такой высокій процентъ не оставлялъ никакого сомнѣнія въ направленіи и интересахъ верховнаго правительства: это было государство военно-финансовое, у котораго всѣ остальныя статьи, составлявшія $32^0/_0$, представляли какъ бы простой неизбѣжный придатокъ къ основному крупному организму.

Статьи финансовыя на первый взглядъ нѣсколько преобладали передъ военными на $5{,}2^0/_0$. Но при этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что въ числѣ финансовыхъ, какъ видно изъ прилагаемой таблицы, заключаются статьи по

военнымъ расходамъ (графа 13-я). А ихъ имѣется всего 2559, что по отношенію по общему количеству (25.665) даетъ 9,9%. Если вычесть эти военно-финансовыя статьи изъ обще-финансовыхъ и прибавить къ военнымъ, то соотношеніе значительно измѣнится, а именно получится:

военныхъ. . . . . 31,4+9,9=41,3%
финансовыхъ. . . . 36,6—9,9=26,7%
68%.

Но такой вычетъ не можетъ дать вполнѣ опредѣленнаго и полнаго понятія о величинѣ интереса къ военнымъ дѣламъ. Если идти по этому пути далѣе, то нужно было бы учесть еще другія финансовыя статьи по сбору подушной подати и прочимъ сборамъ, которые шли всецѣло на содержаніе войскъ. А это смѣшало бы двѣ различныхъ категоріи—чисто военную съ чисто финансовою. Поэтому для большей ясности практичнѣе оставить установленныя уже дѣленія.

Интересно прослѣдить по таблицѣ, какъ мѣнялись каждый годъ у правительства интересы къ извѣстнымъ вопросамъ. Если сопоставить эти колебанія съ внѣшнеполитическимъ состояніемъ того времени, то таблица окажется довольно чувствительнымъ барометромъ внѣшней политики. 1732-й годъ былъ мирнымъ, и въ немъ число военныхъ статей составляло 25,5% (графа 7), финансовые почти равнялись военнымъ—25,9 (графа 11); общее ихъ число давало 51,4%. Почти то же общее количество было и въ 1731 году—48,7% (воен. 28,1 фин. 20,6). Это было, видимо, нормальное положеніе. Въ 1733-мъ году замѣчается уже повышеніе: военныя статьи занимаютъ 33%, т. е. болѣе прошлогодняго на 7,5%; финансовыя—34,1%, болѣе на 8,2%, а въ финансовыхъ статьяхъ поднялись именно военные расходы, повысившись съ 10,7% до 25,6% (графа 15-я). Общее же число финансовыхъ и военныхъ статей дошло до 67,1%.— Причина понятна: въ 1733 году начались подготовительныя дѣйствія къ польской войнѣ еще въ первой половинѣ, года и это вызвало указанныя колебанія. 1734-й годъ былъ разгаромъ польской войны, и мы видимъ ея отраженіе на таблицѣ. Процентъ военныхъ и финансовыхъ статей вмѣстѣ достигъ самой высшей цифры изъ всѣхъ приведенныхъ годовъ—72,3%. Необычайно высокій скачокъ сдѣлали статьи военныя—съ 33 на 43,5%, болѣе на 10,5%. Въ то же время финансовыя пали на 5,3%. Изъ нихъ военно-финансовыя статьи уменьшились немного и абсолютно (на 5 статей) и относительно (на 2,7%),

что можно приписать тому, что главныя затраты для 1734 года, въ видѣ запаса, были сдѣланы въ 1733 году. А уменьшеніе вопросовъ по прочимъ финансовымъ статьямъ, кромѣ военныхъ, объясняется тѣмъ, что во время разгара войны самое главное вниманіе правительства удѣлялось, конечно, военнымъ, а не инымъ вопросамъ.

Въ остальные годы общее количество военныхъ и финансовыхъ статей стояло также высоко: 1735-й годъ—71,6; 1736—70,2; 1737—66,5; 1738—69,5 1739—70,5% и 1740—66,8%. Такимъ образомъ военно-финансовые интересы еще болѣе, чѣмъ въ 1731—1732 годахъ, заслоняли собою всѣ остальныя государственныя потребности.

Когда окончилась польская война, % военныхъ статей сразу рѣзко палъ—съ 43,5 на 24,2. Слѣдующіе затѣмъ годы были періодомъ турецкой войны. Это обратилось уже въ хроническую болѣзнь, которая, по крайней мѣрѣ въ первые ея три года, составляла какъ бы пормальное явленіе. Поэтому, хотя послѣ 1735 года начался нѣкоторый абсолютный ростъ цифръ военныхъ статей (по графѣ 5-й) и статей военно-финансовыхъ (по графѣ 13-й), но процентное отношеніе военныхъ статей въ 1735—1737 годахъ имѣло размѣры нормальнаго времени отъ 23 до 27,3%. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду истощенія средствъ текущими войнами и вообще плохого финансоваго положенія, правительство обратило большое вниманіе на вопросы финансовые. Отсюда слѣдуетъ высокій абсолютный ростъ и небывалый (за 1735 и 1736 г.г.) ихъ ростъ относительный (по графѣ 11-й): 1735 й г.—47,4, 1736—47,2 и 1737—39,2.

Неудачная и тяжелая компанія 1738 года вновь вызвала вниманіе верховнаго правительства главнымъ образомъ на военныя дѣла и отвлекла его отъ остальныхъ, въ томъ числѣ и отъ финансовыхъ. И въ цифрахъ таблицы компанія 1738 г. сразу отразилась рѣзкими скачками: военныя статьи и абсолютно, и относительно поднялись до самой высокой цифры среди всѣхъ остальныхъ годовъ: по военнымъ статьямъ (гр. 7-я) отношеніе выразилось въ 43,8%, по военно-финансовымъ (гр. 15-я)—45,1. А процентъ финансовыхъ статей, послѣ трехлѣтняго разцвѣта, палъ съ 39,2 до 25,7%.

Въ слѣдующемъ 1739 году военныя дѣйствія прекратились съ сентября мѣсяца. И въ таблицѣ военныя статьи (гр. 7) сократились съ 43,8 до 30,7% и военно-финансовыя—(гр. 15) съ 45,1 до 24,4%. А финансовыя, наоборотъ, поднялись (гр. 11-я) съ 25,7 до 39,8%. И въ 1740-й г.—годъ затишья—

военныя статьи (за январь—май мѣсяцы) пали ниже всѣхъ лѣтъ—до 18,2%, а финансовыя превысили % всѣхъ годовъ—48,6%.

Изъ приведеннаго краткаго статистическаго обзора выяснилось, что степень интереса Кабинета Министровъ къ финансовымъ вопросамъ была различна. Первоначальное количество финансовыхъ статей за первый или, точнѣе, за 2 мѣсяца перваго года выразилось довольно скромнымъ %—20,6, но уже въ слѣдующемъ году—1732-мъ оно повысилось до 25,9, далѣе —въ 1733 г.—34,1; временами превышало 48% и вообще, въ зависимости отъ другихъ обстоятельствъ, подвергалось различнымъ колебаніямъ.—Но въ конечномъ результатѣ все количество финансовыхъ статей за 1731—1740 года превысило 9000 статей (9,403), что составило 36,6% всѣхъ статей. Такимъ образомъ въ сферѣ дѣятельности Кабинета Министровъ финансовые вопросы по количеству занимали одно изъ самыхъ крупныхъ мѣстъ.

Свойство вопросовъ, разсматривавшихся Кабинетомъ, опредѣляется ихъ естественной связью съ тѣми корнями, которые сохранились въ почвѣ финансоваго наслѣдства. И дальнѣйшее изложеніе построено въ томъ направленіи, въ какомъ это необходимо для того, чтобы *прослѣдить дѣятельность Кабинета въ соотвѣтствіи съ качествомъ наслѣдства въ наиболѣе крупныхъ его частяхъ*. Выше было указано, что послѣ Петра I осталось: крайне истощенное матеріально крестьянство, податная тягость, разорительная система взиманія налога, разстроенная денежная система, полный хаосъ въ отчетности и выполненіи бюджета и т. д. Сообразно этому, и здѣсь во главу угла становится прежде всего экономическое положеніе крестьянъ, подушная подать, система ея взиманія и взысканіе недоимки. Затѣмъ слѣдуютъ вопросы, касающіеся развитія торговли и промышленности, денежной системы, государственной росписи, штатовъ, отчетности, общаго состоянія государственнаго казначейства и т. д.

ГЛАВА V.

Экономичееское положеніе крестьянъ. Народное продовольствіе.

Экономическое положеніе крестьянъ.
Общее положеніе.

Правовое положеніе крестьянства въ то время было весьма низкое: это было „подлое“ сословіе, представлявшее собою простой живой инвентарь. Но зато его экономическое значеніе было чрезвычайно велико. Крестьянство являлось коренной рабочей силой, которая представляла собою основной фундаментъ всей жизни страны, въ томъ числѣ и ея финансовъ. И въ понятіи о большомъ и важномъ значеніи крестьянства именно съ этой стороны, повидимому, не возникало никакихъ сомнѣній. Еще при Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, въ запискѣ Меншикова и другихъ сановниковъ, высказывалась непререкаемая истина, что если безъ арміи государству стоять невозможно, то о крестьянахъ надобно имѣть попеченіе, потому что солдатъ съ крестьянином связанъ, какъ душа съ тѣломъ, и если крестьянина не будетъ, то не будетъ и солдата. (Ключевскій, „Рус. истор.“ IV ч., стр. 413). А между тѣмъ эта коренная основа финансоваго благополучія государства находилась въ состояніи полнаго развала. Несчастіе правительства Анны Іоанновны заключалось прежде всего въ томъ, что оно получило печальное наслѣдіе, состоявшее именно въ крайне бѣдственномъ состояніи крестьянъ. Жизнь ихъ была такъ невыносима, что они бѣжали не только отдѣльными дворами, но и цѣлыми деревнями. Изъ нѣкоторыхъ имѣній убѣгали всѣ безъ остатка. Съ 1719 по 1727 годъ числилось бѣглыхъ почти 200 тыс.—Прежде крѣпостные бѣгали отъ одного помѣщика къ другому, а въ это время повалили на Донъ, на Уралъ, въ дальніе сибирскіе города, къ башкирамъ, въ расколъ, даже за рубежъ—въ Польшу и въ Молдавію. Въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ при Екатеринѣ I разсуждали, что если такъ пойдетъ дѣло, то до того дойдетъ, что взять будетъ не съ кого ни податей, ни рекрутовъ (Стр. 413).

Въ царствованіе Анны Іоанновны положеніе крестьянъ еще болѣе ухудшилось, прежде всего потому, что населенію, уже ослабленному въ предыдущіе годы, пришлось вынести всю тяжесть двухъ войнъ — польской и турецкой, которыя слѣдовали почти непрерывно одна за другой и въ общемъ продолжались нѣсколько лѣтъ. А затѣмъ отразились на экономическомъ положеніи разныя иныя невзгоды того времени: неурожаи, голодъ, повальныя болѣзни и пожары. Историки разными красками, но по существу одинаково мрачно обрисовываютъ положеніе крестьянъ. По словамъ проф. Ключевскаго, обширныя поля оставались необработанными по пяти и по шести лѣтъ; жители пограничныхъ областей отъ невыносимаго порядка военной службы бѣжали за границу, такъ что многія провинціи точно войной или моромъ опустошены, какъ писали иноземные наблюдатели. Подъ стать невзгодамъ, какими тогда посѣтила Россію природа, неурожаямъ, голоду, повальнымъ болѣзнямъ, пожарамъ, устроена была доимочная облава на народъ: снаряжались вымогательныя экспедиціи; неисправныхъ областныхъ правителей ковали въ цѣпи, помѣщиковъ и старостъ въ тюрьмахъ морили голодомъ до смерти, крестьянъ били на правежѣ и продавали у нихъ все, что попадалось подъ руку. Повторялись татарскія нашествія, только изъ отечественной столицы. Стонъ и вопль пошелъ по странѣ („Рус. истор.“, IV ч., стр. 393).

По словамъ историка Соловьева (т. XX, гл. 3-я, стр. 1434, 1435 и 1439) въ 1733 году во многихъ мѣстахъ не родился хлѣбъ, и крестьяне пошли по-міру. Въ 1734 году пришли извѣстія, что во многихъ мѣстахъ крестьяне отъ голода пухнутъ, лежатъ больные, а нѣкоторые и умираютъ. Въ 1736 году число нищихъ увеличилось и „отъ множества ихъ трудно проѣзжать“. Черезъ два года видимъ признаніе правительства, что указы его противъ нищенства недѣйствительны (Полн. Сбор. Зак. № 7621). Въ началѣ 1740 г.—опять именной указъ, что бродящихъ нищихъ людей многое число; а въ серединѣ года—другой съ тою же жалобой и перечисленіемъ всѣхъ прежнихъ указовъ (П. С. З. №№ 8128 и 8209).

На сколько было велико бѣдствіе, видно, между прочимъ, изъ оффиціальнаго отзыва сенатскаго оберъ-прокурора Маслова, даннаго имъ въ іюлѣ 1734 года: „что въ Смоленской губерніи, также и въ другихъ нѣкоторыхъ провинціяхъ, крестьяне отъ хлѣбной скудости весьма въ бѣдномъ состояніи.... по свидѣтельству посланныхъ въ ту губернію парочныхъ во всей той губерніи явилось всякаго хлѣба только съ 80 т. четвертей, въ

томъ числѣ *третья часть пушного, т. е. съ мякиною, а въ 2378 деревняхъ никакого хлѣба и ни одной четверти не явилось,* изъ чего видно: не токмо чтобъ посѣять кому что было, но и на пропитаніе ничего еще тогда не имѣли; къ тому же и рожь, у которыхъ и была посѣяна, весьма плоха, *и ѣдятъ траву и гнилую колоду,* и отъ того лежатъ больны, и многіе разбѣжались не токмо съ женами и дѣтьми, но и цѣлыми деревнями, а большая часть за польскую границу" (Т. III, стр. 289). Въ концѣ того же 1734 года Масловъ сообщаетъ, что въ Сенатъ пишутъ донесенія о хлѣбной скудости, кромѣ Смоленской, еще изъ губерній Нижегородской, Московской, Ярославской и Архангелогородской, гдѣ крестьяне отъ голоду болѣютъ и мрутъ. „А изъ прочихъ изъ многихъ мѣстъ пишутъ, что крестьяне ѣдятъ мякину отолча съ дубовой гнилою колодою, желудки съ травою лебедою и съ лебеднымъ сѣмемъ и съ колокольцемъ сушеной листъ и прочее быліе, примѣшивая овсяной муки по малому числу". (Скорбный листъ, приложенный Масловымъ при письмѣ Секретарю Бирона, Полубояринову,—изслѣдованіе Строева „Бироновщина и Кабинетъ Министровъ", ч. I-я, стр. 109). Въ декабрѣ 1735 г.—отъ 28 смоленскихъ помѣщиковъ поступило прошеніе, въ которомъ они написали, что „въ Смоленской губ. съ прошлаго 731 года, черезъ пять лѣтъ и понынѣ, волею Божіею былъ великій недородъ хлѣба, а и къ предбудущему 736 г. сѣяно малое число, а за скудостью многіе и не сѣяли, отъ котораго хлѣбнаго недорода и отъ *великаго глада,* какъ мы, нижайшіе, такъ и подданные крестьяне, имѣніе свое истощили, и скотъ поѣли и распродали и питались многіе *гнилою колодою и мхомъ, корою, корнемъ, листвіемъ и травами,* и отъ онаго недорода многіе померли и разбрелись врознь, а наибольше за польскій рубежъ" (IV т., стр. 542) .Въ декабрѣ 1737 г. поступило донесеніе отъ генералъ-маіора Хрущева, что у *башкирскаго народа* „несносный голодъ" и „какимъ образомъ помощь въ томъ учинить отъ опасности въ болѣзняхъ случающихся отъ голоду" (т. VI, стр. 101). Въ концѣ апрѣля того же года получилось доношеніе о тѣхъ же башкирцахъ отъ Статск. Совѣтн. Кириллова, что башкирцы, убѣгая отъ платежа штрафныхъ, скрываются въ лѣсахъ, и у нихъ имѣется голодъ (т. VI, стр. 258). Извѣстія о скудости народной имѣются и за позднѣйшіе годы. Въ январѣ 1740 г. Петербургская дворцовая коптора представляетъ, что екатерингофскіе крестьяне просятъ, „дабы, *за всеконечной ихъ скудостью"* и за неимѣніемъ пашни и покосовъ,

освободить ихъ отъ поставки фуража на гвардію (т. XI, стр. 7, 8). и ходатайство ихъ было уважено. Въ мартѣ 1740 г. въ Кабинетъ поступило доношеніе отъ генерала Румянцева, что въ малороссійскихъ полкахъ „послѣдовало оскудѣніе, что не токмо того сѣна, но и соломы въ довольное прокормленіе скота и лошадей обыватели имѣть (не) могутъ и принуждены во многихъ мѣстахъ, кровли съ строеній срывая, въ кормъ скоту своему употреблять“ (XI т., стр. 261). Въ маѣ мѣсяцѣ 1740 г. поступило въ Кабинетъ доношеніе изъ Смоленской губ., что подушный сборъ „за пустотой и народною совершенною скудостью, собрать никакъ невозможно и чтобы оное въ нареканіе той губерніи причтено не было“ (т. XI, стр. 527).—На ряду съ вѣстями о голодѣ Кабинетъ получалъ цѣлый рядъ жалобъ и донесеній о всяческихъ обидахъ и разореніяхъ народныхъ. Для иллюстраціи приводится нѣсколько примѣровъ. 22. января 1736 г. поступило доношеніе отъ Князя Шаховскаго, что въ Малороссіи полки „получаютъ провіантъ и фуражъ, а денегъ не платятъ и даютъ впредь для счета квитанціи, отчего обыватели несутъ нужду“ (V т., стр. 29). 5 февраля того же года получились двѣ челобитныя: одна—отъ крестьянина Суздальскаго у. съ товарищами „объ управительскихъ непорядочныхъ поступкахъ и разореніяхъ“ и другая—отъ крестьянки Олонецкаго погоста „на поручика Нелединскаго и на подъячихъ и солдатъ и сборщиковъ въ народныхъ обидахъ и разореніяхъ“ (т. V, стр. 56). 11 іюля 1735 г. Кабинетъ послалъ самъ Казан. губернатору указъ о капитанѣ Житковѣ, который, будучи посланъ для искорененія воровъ-башкирцевъ, самъ сталъ грабить ихъ и дѣтей ихъ бить и вѣшать (т. V, стр. 310—311). А 4 сентября того же года поступилъ докладъ отъ военной коллегіи о капитанѣ Алексѣевѣ, который „былъ у сбору подушныхъ денегъ и *чинилъ* продерзости и *взятки*“ (т. V, стр. 429). Вообще взятки и всякіе иные виды разоренія народнаго во время сбора податей, видимо. составляли далеко не рѣдкое явленіе. Это подтверждается оффиціальнымъ заявленіемъ оберъ-прокурора Сената Маслова: „при сборахъ подушныхъ денегъ и рекрутъ офицеры не токмо, по своимъ инструкціямъ и указамъ В. И. В. отъ посторонниихъ обидъ (крестьянъ) не охраняли, но паче сами многія утѣсненія и обиды изъ взятковъ чинили, о чемъ на многихъ письменныя жалобы произошли, а изъ дворцовыхъ управителей на одного Маслова, который въ Чарондѣ, показываютъ съ 5 т. рублевъ взятковъ“ (III т., стр. 290). Затѣмъ имѣется слѣдующій характерный запросъ Кабинета военной

коллегіи: „которые офицеры и рядовые, будучи на штапныхъ дворѣхъ, явились во взяткахъ и въ прочемъ, о которыхъ велѣно по указамъ слѣдовать, и оныя слѣдствія всѣ ль окончены или зачѣмъ гдѣ не окончены,—о томъ объявить съ подлинной очисткой“ (8 февраля 1737 г., т. VI, стр. 77). При этомъ нужно отмѣтить, что сколько бы здѣсь ни приводилось примѣровъ всякихъ жалобъ, сообщеній и разслѣдованій по поводу обидъ и разореній крестьянъ, все равно это количество не будетъ исчерпывающимъ, и оно отразитъ дѣйствительное число лишь въ самомъ ничтожномъ процентѣ. Не всякую обиду доводили до верховнаго правительства, да и не могли доводить: это воспрещалось закономъ. По указу 30 апрѣля 1730 г. „людямъ и крестьянамъ на помѣщиковъ, управителей и на приказчиковъ о *безчестіи* челомъ не бить и суда не давать“. (П. С. З. № 5528, п. 8). Кабинетъ Министровъ въ одномъ случаѣ даже такъ высказался, что если кто и разоряетъ крестьянъ, такъ это они сами себя: „*крестьянство отъ непрестаннаго безмѣрнаго пьянства всѣхъ* своихъ *пожитковъ лишаются и пашню въ пустъ оставляютъ*, отчего въ платежѣ податей превеликія доимки являются. (Сообщеніе Кабинета Сенату, за подписью Остермана и Черкасскаго, отъ 1 іюля 1736 г., т. V, стр. 302). Безпристрастная исторія стала однако вразрѣзъ съ кабинетскимъ мнѣніемъ; она выяснила, что дѣйствительныя причины разоренія крестьянъ лежали внѣ всякой зависимости отъ воли и желаній самихъ крестьянъ. Да и само правительство, въ своемъ указѣ отъ 24 января 1738 г. (П. С. З. № 7494) оффиціально засвидѣтельствовало: „не отъ податей государственныхъ, но отъ *непрестанныхъ работъ помѣщиковыхъ крестьяне разоряются;* а напротиву того которые помѣщики крестьянъ своихъ порядочно содержатъ и не такъ отягощаютъ, тѣ крестьяне все на нихъ положенное платятъ въ казну бездоимочно“.

Бѣглые. Недовольство крестьянъ своею жизнью отражалось главнымъ образомъ въ формѣ побѣговъ. Крестьянскіе же побѣги, по словамъ проф. Ключевскаго, страшно разстраивали помѣщичье и государственное хозяйство: это былъ бичъ, которымъ правительство и землевладѣльцы наказывали самихъ себя за произволъ и неразуміе (IV часть рус. истор. стр. 422). Но нелегкое, если не самое горькое было положеніе тѣхъ крестьянъ, которые оставались на земляхъ бѣглыхъ. Ихъ положеніе, а равно мѣры правительства въ этихъ случаяхъ, рельефно

иллюстрируются слѣдующей записью входящихъ бумагъ за 1 апрѣля 1737 г. (VI т., стр. 185): „прошеніе Арзамасскаго уѣзда, Утишскаго стана, мірскихъ выборныхъ Петра Андреева, Ивана Захарова, которымъ объявляютъ: по генералитетской записи выбыло въ отдачъ рекрутъ и вымерло, и разбѣжалось въ разныя мѣста 6591 душа; а за убылью осталось только ихъ 1881 душа; и за тѣхъ бѣглыхъ и взятыхъ въ рекруты, какъ подушныхъ, такъ и дворцовыхъ доходовъ, учинилась великая доимка, больше 3000 руб., которую управители повсягодно взыскиваютъ на однихъ на нихъ, оставшихся обывателяхъ, жестокимъ правежомъ и бьютъ на правежѣ. И оные просятъ, чтобъ за показанныхъ умершихъ и бѣглыхъ людей подати и солдатскіе и рекрутскіе поборы съ нихъ сложить и оставшихся ихъ поверстать вновь“. Встрѣчается въ бумагахъ еще челобитная служилыхъ людей пригорода Мокшанска, что у нихъ послѣ переписки убыло (умерло, бѣжало, отданы въ рекруты и пр.) болѣе половины, за которыхъ осталось въ доимкѣ 9450 р. (11 авг, 1739 г., т. X, стр. 95).

Польша являлась для бѣглыхъ обѣтованной землей, ибо, по словамъ Маслова, „поляки, видя такую крестьянскую скудость, публикуютъ и лестью своихъ вольностей къ себѣ жить подговариваютъ, объявляя что имъ даютъ дворы готовые и всякую ссуду и въ платежѣ податей льготы, лѣтъ по 10 и больше, и развозятъ ихъ внутрь своей земли въ дальнія мѣста“ (III т., стр. 289). Мѣста жительства бѣглецовъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣлались извѣстными правительству чрезъ посредство купцовъ „достовѣрныхъ“. Наприм. въ іюлѣ 1734 г. было получено такое извѣстіе, что въ 20 верстахъ отъ русскаго форпоста „Тимошкинъ перевозъ“ есть слобода Вилева, и въ тоѣ слободѣ поселено русскихъ болѣе 1 т. дворовъ, потомъ есть еще дальше слобода Вѣтка, и еще 10 слободъ, гдѣ будетъ отъ 7 до 8 т. дворовъ и т. д. И проѣзжій купецъ „достовѣрный сказываетъ, что между ними люди зѣло богаты, наипаче изъ раскольниковъ, и немалое число изъ купцовъ и ремесленныхъ торгуютъ въ Кенигсбергѣ и въ прочихъ околичностяхъ“ (т. III, стр. 286). Объ этомъ Императрица узнала помимо своихъ министровъ, и 22 іюля 1734 г. послала имъ указъ, въ которомъ предложила, пользуясь благопріятными обстоятельствами, „доколѣ Наши войска тамо обрѣтаются“, принять мѣры къ возвращенію въ Россію бѣглецовъ изъ Польши и Литвы (III т., стр. 285 и 286). Этотъ указъ весьма характеренъ по двумъ причинамъ: въ 1-хъ) онъ доказываетъ, что у Императ-

рицы были довольно надежные глаза и уши и помимо ея министровъ, и эти глаза и уши по нѣкоторымъ финансовымъ вопросамъ, къ числу коихъ надо отнести и потери въ лицѣ бѣглыхъ податныхъ силъ, слѣдили за движеніемъ въ странѣ весьма зорко, и оказывали свое вліяніе чрезъ посредство самой Императрицы. Въ данномъ случаѣ, по нѣкоторымъ признакамъ [1]), этимъ недреманнымъ окомъ несомнѣнно былъ Анисимъ Масловъ. Во 2-хъ указъ устанавливаетъ весьма типичныя черты всѣхъ властей—и военныхъ и гражданскихъ. Императрица предлагаетъ, когда привезутъ бѣглыхъ, велѣть допрашивать ихъ „*безъ всякихъ съ нихъ взятковъ и разоренія*, подъ опасеніемъ Нашего жестокаго гнѣва". Затѣмъ до „опредѣленія... сыскать способъ, какъ ихъ прокормить, или велѣть кормить изъ Нашихъ магазейновъ, чѣмъ бы они токмо могли быть довольны безъ излишества... *А чтобы въ томъ не произошло отъ командировъ тѣхъ магазейновъ какого воровства и ихъ недодачи*, о томъ надлежитъ особливое мнѣніе учинить и представить Намъ". Взятки и разоренія крестьянъ, и воровство изъ казенныхъ магазиновъ со стороны всякихъ властей—и военныхъ и гражданскихъ, повидимому, вошли уже въ обычай. Объ этомъ знала сама Императрица. И Она даже не возмущалась, а просто констатировала фактъ, и лишь въ извѣстныхъ случаяхъ, такой чрезвычайной важности, какъ возвратъ массы бѣглыхъ, наносившихъ громадный государственный ущербъ, предложила оградить бѣглыхъ отъ обычнаго воровства, взятокъ и разоренія со стороны мѣстныхъ властей.

И Кабинетъ и Сенатъ сдѣлали соотвѣтственныя распоряженія мѣстнымъ властямъ, но всѣ ихъ благія пожеланія на практикѣ вылились въ самыя уродливыя формы. Въ указахъ говорилось, чтобы „солдаты и крестьяне и всякаго чина люди, которыя, оставя отечество свое, бѣжали и живутъ за границей, немедленно и *безъ всякаго опасенія выходили*". А между тѣмъ, какъ видно изъ перваго послѣ этого рескрипта Рижскому вице-губернатору отъ 31 Іюля 1734 г. (стр. 304), „нѣсколько человѣкъ, которые явились сами и присланы къ Вамъ, содержатся домовременно подъ карауломъ безъ опредѣленія и безъ надлежащаго пропитанія". Дальше пошло еще хуже. „Извѣстно Намъ учинилось—говорится въ указѣ на имя генерала фонъ-Бисмарка

---

[1]) Черезъ 2 дня послѣ этого былъ посланъ Анной новый указъ Министрамъ съ проектомъ Маслова, въ которомъ также говорится о бѣглыхъ въ одинаковомъ тонѣ съ указомъ 22 іюля (III т., стр. 288).

отъ 31 Декабря 1734 года,—что Наши поданные русскіе бѣглые, которые изъ Польши выходятъ и отъ Васъ присылаются, весьма наги и ничего къ пропитанію не имѣютъ, отчего, прибывъ въ Ригу, многіе умираютъ, а объявляютъ, что имѣющійся въ домѣхъ у нихъ скотъ и всякую рухлядь отбираютъ и продавать не даютъ, тако жъ женъ и дѣтей ихъ не отдаютъ" (т. III, стр. 489) Послѣ такого неласковаго пріема бѣглецовъ стало извѣстнымъ, что бѣжали въ Польшу набранные рекруты 7 человѣкъ, и „крестьяне многіе побѣжали и нынѣ бѣгутъ за польскій рубежъ", и польскіе помѣщики противятся выходу бѣглецовъ въ Россію. Въ виду важности дѣла 7 Февраля 1735 г. состоялось *соединенное засѣданіе Сената и Министровъ, на которомъ состоялся общій приговоръ* послать въ Польшу военныя команды для высылки бѣглыхъ и взятія подъ арестъ помѣщиковъ, противящихся выходу бѣглецовъ. При этомъ было сказано: „самихъ владѣльцевъ, кои такія продерзости чинятъ, поймать и пущихъ заводчиковъ держать подъ крѣпкимъ карауломъ, а въ домѣхъ и въ деревняхъ ихъ, для награжденія россійскихъ обидимыхъ, всѣ пожитки и скотъ и хлѣбъ побрать и отослать на ихъ лошадяхъ въ Смоленскъ" (IV т., стр. 41). Сенаторы и Министры, зная отечественныя нравы и обычаи, предусмотрительно добавили: „токмо при томъ офицеромъ и солдатомъ изъ тѣхъ пожитковъ и скота и хлѣба ничего себѣ не брать". Но команды, очевидно, не сдержались и переусердствовали. Посыпались жалобы со стороны поляковъ на обиды и разоренія, чинимыя русскими командами. Пришлось командировать „добрыхъ и надежныхъ офицеровъ" для слѣдствія объ обидахъ, а командамъ внушить, „чтобы поступали съ надлежащимъ во всемъ осмотрѣніемъ и съ довольнымъ основаніемъ, не чиня тамошнимъ жителямъ обидъ и утѣсненій" (9 Апр. 1736 г. V т., стр. 161—162). Далѣе начались уже наши шляхетскіе наѣзды въ Литву и Польшу и снова жалобы на ихъ обиды и разоренія, и снова слѣдовали производство слѣдствій пожалобамъ поляковъ и „крѣпчайшее запрещеніе" такихъ наѣздовъ (V т., стр. 243—245, 246—249, 290—292). Кабинету пришлось здѣсь много потратить усилій только на то, чтобы хоть какъ нибудь прекратить шумъ и не вызвать дальнѣйшихъ осложненій, вызванныхъ русскими командами и русской шляхтой. Что касается самаго дѣла, начатаго имп, то изъ него толку не вышло никакого. И неуспѣхъ Кабинета объясняется не его виною, а отсутствіемъ должнаго политическаго воспитанія и чисто государственнаго ума даже у высшихъ сановниковъ страны. Въ этомъ отношеніи довольно

характерны сужденія, приведенныя въ докладѣ Сената 16 Ноября 1735 г. (IV т., стр. 492 и 493). По указу 21 Января 1735 г. повелѣно: „бѣглымъ драгунамъ солдатамъ, матросамъ и прежнихъ нарядовъ рекрутамъ явиться Іюня до 1-го числа сего же года, и *кто такіе явятся собою* (т.-е. добровольно), *тѣхъ* годныхъ *опредѣлить* безъ суда и *безъ наказанія* въ службу, а негодныхъ отпускать въ прежнія жилища. „Это была несомнѣнно разумная мѣра, и она вскорѣ принесла за собою благопріятные результаты: по доношенію военной коллегіи, „бѣглыхъ солдатъ и рекрутъ является собою, какъ въ той коллегіи, такъ и при командахъ, немалое число“. Но военной коллегіи, видимо, былъ непонятенъ смыслъ указа 21 Января 1735 г.: у нея оказался еще слишкомъ живучимъ старый русскій принципъ наказывать нещадно, дабы другимъ неповадно было. Поэтому она потребовала указа „что съ ними чинить“. Съ своей стороны военная коллегія высказала, что, по ея мнѣнію, „надлежитъ: такимъ бѣглымъ, кои изъ первыхъ побѣговъ собою явятся, чинить штрафъ гоненіемъ шпицъ - рутенъ черезъ полкъ раза по два или по три, по разсмотрѣнію, сколько кто времени въ бѣгахъ были, а кои явятся жъ собою, бывъ въ неоднократныхъ побѣгахъ, съ такими поступать по указамъ“. Немного выше коллегіи сталъ и Сенатъ. Онъ предложилъ: тѣхъ, которые явятся сами изъ первыхъ побѣговъ, опредѣлять въ службу безъ всякаго наказанія „дабы видя такую Е. И. В. высочайшую милость, такіе же бѣглые безъ всякаго опасенія являться могли“. Но въ отношеніи остальныхъ, которые были въ побѣгахъ по 2 и по 3 раза Сенатъ присоединился къ мнѣнію военной коллегіи Министры не согласились ни съ военной коллегіей, ни съ Сенатомъ и въ резолюціи, за подписью Анны, не сдѣлано никакихъ различій и предложено всѣхъ тѣхъ, „которые изъ бѣговъ по се время явились собою, тѣхъ опредѣлять въ службу по прежнему безъ всякаго наказанія“. Но и за позднѣйшее время поступали тѣ же свѣдѣнія о бѣгствѣ крестьянъ. Въ Апрѣлѣ 1740 г. Сенатъ представилъ Кабинету, что въ Смоленской губ. „отъ обывателей (помѣщиковъ) крестьяне бѣгутъ за рубежъ“ (XI т., стр. 537 и 538).

Проекты Маслова. Оберъ-прокуроръ Сената Аникитъ Масловъ получилъ извѣстность тѣмъ, что онъ, по словамъ проф. Ключевскаго, въ рапортахъ Имп. Аннѣ и Бирону, неумолимо обличалъ недобросовѣстность и бездѣльничество сильныхъ правителей и самихъ сенаторовъ, а получивъ тяжелое и противное порученіе выбирать многомилліонныя податныя не-

доимки, немолчно твердилъ о бѣдственномъ положеніи крестьянъ (IV ч., „рус. исторіи“, стр. 415). Но особенно замѣчательнымъ, какъ справедливо отмѣтилъ Филипповъ („Сенатъ“, стр. 586), является поданный Масловымъ Государынѣ „проектъ о худомъ состояніи крестьянъ Смоленской губ. и прочихъ мѣстъ“. Здѣсь, въ эпоху жестокихъ нравовъ и пышнаго расцвѣта крѣпостного права, Масловъ открыто и смѣло выступилъ въ защиту крестьянскихъ интересовъ и повелъ энергичную борьбу за улучшеніе ихъ экономическаго быта. Въ своемъ проектѣ Масловъ имѣлъ въ виду не бѣдныхъ помѣщиковъ, „тако жъ вдовъ и дѣвокъ, которыя сами въ совершенной нуждѣ и скудости находятся и крестьянамъ никакой помощи учинить не могутъ, а принципальныхъ и другихъ знатныхъ, которые довольные способы къ тому имѣютъ“ (т. III, стр. 290). Свои взгляды на значеніе крестьянства Масловъ высказалъ вкратцѣ еще раньше, въ своемъ доношеніи, поданномъ 19 Февраля 1733 г. по поводу доимокъ на купцахъ. „И когда—писалъ Масловъ—купечество вовсе разорится, то и крестьяне паче нынѣшняго въ худое состояніе придутъ, понеже россійское купечество всю свою коммерцію больше черезъ крестьянъ имѣютъ и отъ нихъ всякіе товары покупаютъ, и тѣмъ довольствуются: крестьяне—купцами, а купцы—крестьянами, войски же В. И. В., сухопутныя и морскія, съ купечествомъ и крестьянами такъ обязаны, что за одинъ корпусъ человѣческій почитать надлежитъ, ибо какъ людьми, такъ жалованьемъ, провіантомъ, мундиромъ и амуниціей, и вся артиллерія содержится ими. И тако: купечество, крестьяне и войско одно безъ другого въ состояніи быть не можетъ“ (II т., стр. 205 и 206).

Въ 1734 году, еще въ Январѣ мѣсяцѣ, въ Сенатъ стали поступать извѣстія о „худомъ состояніи“ крестьянъ Смоленской губерніи. Затѣмъ хотя Сенатъ и совѣтовался съ Министрами, но до Іюля 1734 г. ни къ какому рѣшенію не пришли. Тогда Масловъ, 16 Іюля, подалъ доношеніе Императрицѣ, что „нужда требуетъ скораго разрѣшенія къ поправленію того, дабы наибольшаго той губерніи, яко пограничнымъ мѣстамъ, разоренія не послѣдовало; того ради, въ чемъ оное состоитъ и какого поправленія требуетъ, о томъ принужденъ В. И. В. по должности моей, всеподданѣйше проектъ приложить“ (III т., стр. 276 и 277). Въ проектѣ (стр. 288—291) Масловъ подробно описалъ бѣдное состояніе крестьянъ „отъ хлѣбной скудости“ и побѣги въ Польшу и, воспользовавшись этимъ случаемъ, перешелъ на общую тему о скудости крестьянской и указалъ причины бѣд-

ности и несостоянія крестьянъ: 1) „отъ начала подушной переписи за убылыхъ подушныя деньги принуждены были платить оставшіе“, 2) „*помѣщики какъ духовные, такъ и свѣтскіе крестьянъ своихъ въ работы употребляли и оброки съ нихъ собирали, кто какъ хотѣлъ по своей волѣ*, а въ нужный случай вспоможенія имъ не чинили“ и не давали помощи въ платежѣ подушныхъ денегъ, и 3) обиды и разоренія со стороны офицеровъ при сборѣ подушныхъ денегъ.

Затѣмъ Масловъ предложилъ такія мѣры:

1) отложить взысканіе подушныхъ денегъ до Января и и даже, такъ какъ нѣтъ никакой надежды на скорое поправленіе, „пожаловать тѣми подушными деньгами вовсе“;

2) предложить помѣщикамъ имѣть стараніе въ поправленіи крестьянъ и за наличныхъ крестьянъ къ назначенному сроку готовить собственныя свои деньги, и ссужать ихъ хлѣбомъ и лошадьми;

3) чтобы помѣщики не отягощали крестьянъ своими излишними работами и положенными оброками;

4) самый знаменитый: „а понеже благополучіе и безопасность государства состоитъ въ сухопутныхъ и морскихъ войскахъ, которыя не токмо комплектуются людьми изъ тѣхъ же крестьянъ, но и жалованьемъ и воинскими припасами содержатся на собираемыя съ нихъ деньги, и тако *крестьяне и войска за одинъ корпусъ человѣческій почитать надлежитъ*, ибо когда въ состояніи будутъ крестьяне, то въ состояніи будутъ и войска. Того ради, чтобъ оные впредь лучшимъ образомъ и порядкѣ содержаны и отъ такихъ вредительныхъ государству случаевъ охранены были, необходимая нужда требуетъ немедленно о томъ разсуждать и учрежденія во всемъ государствѣ, по состоянію мѣстъ учинить, *дабы крестьяне знали, гдѣ поскольку (кромѣ государств. податей) доходовъ кому платить и работъ какихъ исправлять, безъ излишняго отягощенія*“.

5) „Для хлѣбныхъ недородовъ запасные магазины учинить“.

6) Учредить въ Москвѣ государственныя работы“ для пропитанія“ (стр. 273).

7) Нѣкоторыя мѣры о продажѣ хлѣба и куренія вина (стр. 277). Масловъ затрагивалъ не однихъ „принципальныхъ и другихъ знатныхъ помѣщиковъ“. Онъ бросилъ вызовъ и Сенату и Кабинету. О причинахъ побѣговъ въ Польшу—писалъ онъ: „и въ Кабинетѣ В. И. В. извѣстно и въ такомъ случаѣ къ отвращенію такого государственнаго вреда надлежало изыскивая удобь—возможные способы, попеченіе имѣть безъ упущенія времени, о

чемъ я, по должности моей Сенату, неоднажды представлялъ и хотя о томъ въ разныя времена разсужденія происходили и для совѣту о томъ къ Кабинетѣ собраніе имѣли и положили доложить В. И. В. съ представленіемъ нѣкоторыхъ способовъ, по и попынѣ то продолжается".

Свой проектъ Масловъ, этотъ крестьянскій ходатай и печальникъ ихъ скудости, закончилъ такими словами: „правда сія въ нашемъ государствѣ, яко повое и необыкновенное дѣло, многимъ будетъ и не безъ противности, но впредь можетъ быть въ лучшую пользу. А кромѣ того инымъ какимъ бы образомъ въ лучшемъ состояніи и порядкѣ крестьяне быть могли, иного способу не находится".

Проектъ, повидимому, произвелъ на Императрицу большое впечатлѣніе. Возможно, и даже навѣрное, здѣсь имѣло мѣсто вліяніе Бирона, который считался покровителемъ Маслова и могъ передать проектъ лично Императрицѣ. Во всякомъ случаѣ проектъ признали важнымъ и спѣшнымъ, и данный Министрамъ 25 Іюля (III т., стр. 288) указъ предлагалъ „по вся дни не токмо по утру, но и послѣ обѣда, съѣзжаться въ кабинетъ и совѣтовать о томъ обще". Составъ совѣщанія намѣчался, по указу, такимъ образомъ: „вамъ самимъ (т.-е. Министрамъ), барону Шафирову и ему, Маслову, да развѣ еще кого вы можете къ тому *способныхъ* прибавить". На разрѣшеніе было постановлено четыре вопроса:

1-й) „сыскивая всякій способъ, какъ бы помянутый недостатокъ во всѣхъ мѣстахъ (отъ хлѣбнаго недороду находящійся) отвратить;

2-й) буде же утвердитесь на томъ, чтобъ всемѣрно подушныя деньги съ нихъ на нѣсколько лѣтъ снять, Мы указали. то сыскивать Вамъ способъ, черезъ который можно было тое на полки недостаточную сумму откуда наполнить, дабы Наша армія не претерпѣвала въ томъ нужды;

3-й) а особливо наивяще потому-жъ сыскать способъ объ учиненіи запасныхъ магазиновъ,

и 4-й) тако жъ и объ учрежденіи помѣщиковъ, въ какомъ бы состояніи они деревни свои содержать могли и въ нужный случай имъ всякое вспоможеніе чинили".

Изъ этого видно, что въ высшихъ сферахъ хотѣли прежде всего „всякими способами" раздѣлаться съ голодомъ и избавиться отъ острыхъ его натисковъ въ будущемъ при посредствѣ запасныхъ магазиновъ. Вопросъ о сложеніи подушныхъ былъ поставленъ довольно условно и нерѣшительно; это былъ вопросъ

чисто финансовый и при томъ весьма сложный, и разрѣшеніе его почти всецѣло предоставлялось учрежденному при Кабинетѣ совѣщанію „способныхъ“, т.-е. компетентныхъ въ финансовыхъ вопросахъ. Что касается самаго главнаго вопроса—4-го, касающагося взаимныхъ отношеній помѣщиковъ и ихъ крестьянъ, то онъ поставленъ въ самый конецъ программы и при томъ не такъ категорически, какъ это выразилъ самъ Масловъ, а въ довольно общей и неопредѣленной формѣ. Очевидно, ставить его такъ остро не рѣшались. Самое большое, что было допущено —это введеніе въ составъ совѣщанія самаго Маслова, которому предоставлялось такимъ образомъ лично защищать и проводить свои идеи до возможныхъ и пріемлемыхъ совѣщаніемъ предѣловъ.

Основываясь на всѣхъ этихъ оттѣнкахъ въ постановкѣ вопросовъ, на подборѣ состава совѣщанія и на очень осторожныхъ и сдержанныхъ выраженіяхъ указа, надо признать, что проектъ Маслова, прежде передачи его Кабинету, былъ тщательно профильтрованъ и всѣ его вопросы взвѣшены и продуманы, словомъ здѣсь имѣла мѣсто извѣстная подготовительная работа людей также умудренныхъ житейскимъ и государственнымъ опытомъ. Нельзя допустить, чтобы этими людьми были Масловъ или члены Кабинета: Масловъ—потому, что указъ составленъ не вполнѣ согласно съ его желаніемъ, а Министры—потому, что въ указѣ содержатся упреки имъ за неприсылку извѣстія о голодѣ съ начала года. Поэтому возможно съ большей долей вѣроятности предполагать, что у Императрицы, помимо оффиціальнаго Кабинета, имѣлись еще неоффиціальные совѣтники, изъ числа приближенныхъ ей лицъ, съ которыми она, по мѣрѣ встрѣчаемой ею самой потребности, обсуждала, подобно настоящему, извѣстные вопросы и намѣчала свою политику дѣйствій, которую затѣмъ проводила черезъ Кабинетъ Министровъ: слѣдовательно, эти приближенныя лица, вѣроятно, и были авторами указа 24 іюля.

На слѣдующій день послѣ указа—25-го іюля министры послали Императрицѣ докладъ, что по указу, „при собраніи назначенныхъ персонъ, надлежащее исполненіе, для всеподданнѣйшаго В. И. В-ву докладу, писать будемъ“ (III т., стр. 292 и 293). 27-го іюля министры послали новый докладъ, что они съ назначенными персонами и съ генераломъ Ушаковымъ съѣзжались до полудня и послѣ обѣда, „прилежное“ разсужденіе имѣли и надѣются завтра лично доложить „хотя не всѣ, по что нынѣ и напередъ въ томъ учинено быть имѣетъ“ (стр. 295).

Послѣ этого, какъ видно изъ бумагъ, состоялось 5 засѣданій [1]), на которыхъ были вырѣшены слѣдующіе вопросы:

1-е 8 января 1735 г. (стр. 3) рѣшили: 1) экзекуцію, гдѣ она есть, вывести во всѣхъ мѣстахъ и 2) собрать къ слѣдующему засѣданію справки объ остаткахъ подушной подати.

2-е 9 января 1735 г. (стр. 4—7): 1) слушали подробныя справки о сборѣ подуши. денегъ, 2) повторили прежнее рѣшеніе вывести экзекуцію [2]) и 3) рѣшили: „1735 г. на 1 половину года сборъ подушныхъ денегъ до указа удержать“.

3-е 15 января (стр. 12—13) рѣшили: 1) „съ наличныхъ доимку править, написавъ препорцію всѣмъ равно“, 2) повторили рѣшеніе объ удержаніи до указа подушныхъ за 1-ю половину и 3) принять нѣкоторыя мѣры по продажѣ хлѣба.

Въ промежуткѣ между двумя засѣданіями—15 и 31 января послѣдовалъ 27 января именной указъ (II. С. З. № 6681) о прощеніи подушнаго семигривеннаго сбора за 1-ю половину 1735 г. „А кто на ту первую половину года тѣ подушныя деньги уже заплатили, оныя зачесть въ платежъ на другую половину сего же года“.

4) 31 янв. (стр. 29) „чтенъ проектъ о поправленіи крестьянскихъ нуждъ“.

5) 16 апрѣля (стр. 127) „чтены передъ ними (членами совѣщанія) каждаго ихъ мнѣнія на проектъ о поправленіи.

Изъ числа этихъ засѣданій Масловъ участвовалъ только одинъ разъ—31 января, когда читался уже результатъ работъ—проектъ о поправленіи крестьянскихъ нуждъ. По основному его вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ помѣщиковъ и крестьянъ или, точнѣе, о законодательной нормировкѣ крѣпостного права въ журналахъ и вообще въ „бумагахъ“ нѣтъ никакого помина. Все дѣло ограничилось сложеніемъ подушныхъ за 1 полов. 1735 г., нѣкоторыми мѣропріятіями по продажѣ хлѣба да рѣ-

---

[1]) Составъ членовъ засѣданія, кромѣ Министровъ:
1-е—8 января 1735 г. Генер. А. И. Ушаковъ, Кн. Ю. Ю. Трубецкой, П. П. Шафировъ, А. Н. Нарышкинъ.
2-е—9 янв. тѣ же и новые: фельдмаршалъ фонъ-Минихъ, т. сов. Новосильцевъ, ген. маіоры Измайловъ, Игнатьевъ и гв. маіоръ Шиповъ.
3-е—15 янв. составъ не указанъ.
4-е—31 янв. фельдмаршалъ Трубецкой, ген. Ушаковъ, бар. Шафировъ, Кн. Трубецкой, Масловъ, адмиралъ гр. Головинъ, ген. лейт. Волынскій, Кн. Куракинъ.
5-е—Александръ Нарышкинъ и тѣ же, что и 31 янв., но безъ Маслова и Волынскаго.

[2]) 5 авг. 1735 г. Министрами приказано прислать изъ военной коллегіи вѣдомость „о сводѣ изъ деревень экзекуцій на вѣчныя квартиры, когда указы посланы, гдѣ имѣлись, выведены ль“ (IV т.. стр. 293).

шеніями вывести экзекуцію и править допмку съ наличныхъ. Проектъ Маслова въ сущности остался мало или, вѣрнѣе, совсѣмъ незатронутымъ. Масловъ заболѣлъ, слегъ въ постель, и 5 ноября 1735 г. его не стало. А на проектѣ этого печальника скудости крестьянской сохранилась помѣтка секретаря Императрицы „обождать“ (Ключевскій, IV ч., „Рус. исторіи“, стр. 416).

Народное продовольствіе.

Вопросъ о народномъ продовольствіи возникъ при Аннѣ Іоанновнѣ послѣ 1733 года, когда во многихъ мѣстахъ не родился хлѣбъ, и крестьяне пошли поміру, а къ концу 1733 г. они толпами наводнили города, прося милостыни (Ключевскій, IV ч. „Русск. истор.“, стр. 418). Въ январѣ 1734 г. въ Сенатѣ было получено извѣстіе о „худомъ состояніи“ крестьянъ Смоленской губ., которая чаще другихъ подвергалась неурожаямъ. На пострадавшія мѣста были посланы „для свидѣтельства несостоянія ихъ и хлѣбной нужды, оберъ-коммиссаръ Микулинъ и подполковникъ Бибиковъ, которые, оттуда возвратятся, сюда репортовали, что *изобрѣтены весьма въ худомъ состояніи*“ (III т., стр. 276). И уже послѣ оффиціальнаго засвидѣтельствованія крайней степени нужды былъ данъ указъ Сенату 25 апрѣля 1734 г., которымъ повелѣно всѣмъ помѣщикамъ имѣть старанье „къ пропитанію и къ лучшему впредь содержанію крестьянъ своихъ“ и „сѣменами снабдить, дабы земля праздно не лежала“. На слѣдующій день, 26 апрѣля вышелъ новый указъ (№ 6570), которымъ распространялось дѣйствіе указа 25-го апрѣля и на пропущенныя въ послѣднемъ остальныя категоріи крестьянъ: въ дворцовыхъ волостяхъ и синодальныхъ, архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинахъ. Такимъ образомъ Анной Іоанновной изданъ весьма важный законъ, которымъ обязанность кормить крѣпостныхъ крестьянъ въ неурожайные годы и ссужать ихъ сѣменами возлагалась правительствомъ на самихъ душевладѣльцевъ. Въ этомъ законѣ, конечно, не было ничего новаго сравнительно съ прежнимъ. Извѣстно, что обязанность кормить несвободныхъ людей и прежде лежала на ихъ владѣльцахъ [1]). Здѣсь для ха-

---

[1]) По Уложенію 1649 года бояре и всякихъ чиновъ люди должны были въ голодное время кормить своихъ холопей подъ страхомъ утраты правъ на нихъ. Петръ I-й признавалъ даже необходимымъ создать особыя правительственныя учрежденія, которыя бы мыслили о томъ, „какимъ образомъ во время недорода народъ довольствовать“ и заботились, чтобы „вездѣ запасной хлѣбъ былъ, дабы въ неурожайные годы народъ голоду не терпѣлъ“ (указы 27 февраля 1723 г. и 20 января 1724 года).

рактеристики верховнаго правительства Анны слѣдуетъ лишь отмѣтить, что ея апрѣльскій законъ послѣдовалъ отнюдь не изъ-за чувства гуманности и человѣколюбія и одного только желанія прекратить страданія голодныхъ людей. Само правительство какъ бы опасалось, что его въ этомъ случаѣ не поймутъ господа крѣпостники, привыкшіе расцѣнивать крѣпостную душу съ точки зрѣнія коммерческаго аршина. Правда, уже въ указѣ 25 апрѣля пояснялась цѣль снабженія сѣменами—„дабы земля праздно не лежала“, т. е. изъ-за простого финансоваго расчета. Но этого казалось еще недостаточно: надо было оправдать цѣль пропитанія, и правительство поспѣшило сдѣлать въ этомъ отношеніи существенную оговорку въ своемъ дополнительномъ указѣ 4-го декабря 1734 года (№ 6653): „того ради Мы, Императорское Величество, имѣя попеченіе не токмо о томъ, дабы оные въ такомъ случаѣ пропитаны были, *но паче, сохраняя благополучіе и цѣлость государства Нашего*“. Дѣло ставили на чисто финансовую почву: нужно было сохранить жизнь и здоровье крестьянъ, какъ цѣннаго помѣщичьяго инвентаря и источника такой крупной государственной доходной статьи, какъ подушная подать. Поэтому слѣдуетъ согласиться съ правильностью заключенія проф. Ключевскаго, что „довѣривъ помѣщикамъ эксплоатацію такого важнаго финансоваго источника, какъ подушная подать, необходимо было оградить его отъ истощенія эксплоататорами“ (IV ч. „Русской исторіи“, стр. 418), что и послѣдовало въ видѣ указовъ 25 и 26 апрѣля 1734 года.

Въ указѣ „наикрѣпчайше“ подтверждалось, „чтобы крестьянъ и людей своихъ въ такое нужное время кормили готовымъ своимъ, и привозя изъ другихъ хлѣбныхъ мѣстъ или покупнымъ хлѣбомъ и по міру для милостыни ходить отнюдь не допускали“. Приведена была и угроза: за неисполненіе взыскать на „самихъ помѣщикахъ и синодальной команды властяхъ и дворцовыхъ управителяхъ съ немалымъ штрафомъ“. Но эти наикрѣпчайшіе указы, видимо, плохо достигали своей цѣли. Послѣ этого ополчился и кликнулъ кличъ уже оберъ-прокуроръ Сената Анисимъ Масловъ. По свѣдѣніямъ его проекта, поданнаго самой Императрицѣ въ іюлѣ 1734 г. (спустя 3 мѣсяца послѣ изданія апрѣльскихъ указовъ), дальше идти было некуда: въ одной Смоленской губ. „въ 2378 деревняхъ никакого хлѣба и ни одной четверти не явилось“, а люди питались травой и гнилой колодой, и отъ того появились повальныя болѣзни и зарубежные побѣги (III т., стр. 289).

Начались совѣщанія. Сенатъ превратился,—по словамъ проф. Ключевскаго—въ конспиративную квартиру, совѣщался, высылая секретарей, какъ бы угомонить уже слегшаго въ постель, по болѣзни, безпокойнаго оберъ-прокурора (IV ч. „Русск. истор.“, стр. 416). Но на мѣстахъ отъ этого никакого улучшенія не произошло. 4 декабря 1734 г. (№ 6653) вышелъ новый указъ „во всенародное извѣстіе“, съ оффиціальнымъ свидѣтельствомъ, что, по рапортамъ въ Сенатъ изъ губерній и провинцій, „крестьяне, не имѣя такой себѣ ссуды и вспоможенія, какъ вышеписаннымъ (25 апр.) Нашимъ указомъ опредѣлено, претерпѣваютъ въ хлѣбѣ великую нужду, и земли къ предбудущему году засѣяны рожью не всѣ, отчего многіе крестьяне бродятъ и скитаются по міру, а иные, оставя свои жилища, бѣгутъ въ разныя мѣста“. Поэтому послѣдовало новое „наикрѣпчайшее“ подтвержденіе прежнихъ указовъ и затѣмъ цѣлый рядъ угрозъ. Душевладѣльцы „яко неисполнители Нашихъ Всемилостивѣйшихъ указовъ и общаго добра и благополучія нежелатели. будутъ въ жестокомъ наказаніи и въ вѣчномъ разоренін безъ всякаго отъ Насъ милосердія“, а управители будутъ „биты кнутомъ и сосланы на каторгу въ вѣчную работу“. Поручалось смотрѣть за этимъ и губернаторамъ, и воеводамъ и штабнымъ офицерамъ подъ страхомъ такого же равнаго истязанія и штрафа, какъ и сами помѣщики. *Все дѣло возлагалось на Сенатъ:* „чего за ними прилежно смотрѣть... и взыскивать Нашему Сенату *подъ штрафомъ* ежели что изъ того упущено будетъ“. Не избѣжалъ угрозы и самъ Сенатъ. Кабинетъ Министровъ, очевидно, твердо рѣшился пресѣчь зло и заставить помѣщиковъ исполнять законъ и кормить своихъ голодныхъ крестьянъ. Однако, въ 1736 году, по словамъ историка Соловьева (XX т., гл. 3-я, стр. 1439), правительство должно было признаться, что указы противъ бродягъ недѣйствительны: какъ въ Петербургѣ, такъ и во всѣхъ другихъ городахъ число нищихъ увеличилось и часъ отъ часу увеличивается, и отъ множества ихъ трудно проѣзжать. Черезъ два года слѣдуетъ новое признанье правительства, что указы его противъ нищенства недѣйствительны. Издается еще законъ (П. С. З. № 7406), что если три раза отданный помѣщику крестьянинъ нищій попадется въ 4-й разъ, то по 4 приводѣ велѣно опредѣлять его на казенныя фабрики вѣчно и безвозвратно. Въ началѣ 1740 г. появился новый именной указъ, что бродящихъ нищихъ многое число; а въ серединѣ года вышелъ еще указъ съ той же жалобой и перечисленіемъ всѣхъ

прежнихъ указовъ (II. С. З. №№ 8128 и 8209). Такимъ образомъ энергія и настойчивость министровъ въ отношеніи помѣщиковъ не привели ни къ чему, и изданный законъ, которымъ обязывали кормить голодныхъ крестьянъ, остался неисполненнымъ.

Пока правительство вело свою безплодную борьбу съ помѣщиками, голодъ не ждалъ. Крестьяне питались „гнилой колодой, мхомъ, корою, коренемъ, листвіемъ и травами“ (IV т., стр. 542). Бѣдствіе достигло высшей степени: во многихъ мѣстахъ крестьяне отъ голода пухли, болѣли и умирали. И тогда, въ началѣ 1735 г. Сенатъ приказалъ купить провіанта: въ Нижнемъ до 5000 р., въ Арзамасской провинціи—до 2000 р., въ провинціяхъ и городахъ Московской губерніи—до 6000 р. и раздавать этотъ хлѣбъ *совершенно неимущимъ, которые крестьянъ своихъ пропитать не могутъ*, и самимъ крестьянамъ, ходящимъ по міру, давать въ милостыню. Въ Москвѣ, Смоленскѣ и Твери производили такую раздачу изъ магазиновъ; при этомъ *смотрѣли, чтобы не раздавали такимъ, которые сами крестьянъ своихъ прокормить могутъ*, какъ въ 1734 году дѣлалъ Московскій вице-губернаторъ Вельяминовъ-Зерновъ (П. С. З. № 6682). А когда крестьяне отъ голода стали бѣжать, ихъ ловили и отдавали прежнимъ владѣльцамъ, при чемъ въ 1736 г. изданъ былъ указъ (П. С. З. № 6951), чтобы бѣглыхъ наказывать кнутомъ, кошками, плетьми или батогами по волѣ помѣщиковъ, а дворцовыхъ и церковныхъ крестьянъ—по волѣ ихъ начальниковъ, кто кого какъ пожелаетъ наказать.

Въ своемъ доношеніи 16 іюля 1734 года Масловъ предложилъ, между прочимъ, еще слѣдующія мѣры: 1) въ Петербургъ извнутри государства провіантъ не привозить, а покупать и подряжать хлѣбъ въ Лифляндіи и Эстляндіи, а по нуждѣ—позволить привозить безпошлинно хлѣбъ чужестранный, 2) вино также покупать и подряжать въ Лифляндіи и Эстляндіи и 3) вина въ Москвѣ и въ Малой Россіи на будущій годъ не курить „и хотя бы вину въ продажѣ какой недостатокъ былъ, и для того цѣны прибавить“ (III т., стр. 277). Цѣль такихъ мѣръ вполнѣ понятна: чтобы не уменьшать запасы хлѣба въ Россіи и предоставить самую широкую возможность воспользоваться ими для нуждъ продовольствія голодающаго населенія. Совѣщаніе при Кабинетѣ, въ своемъ засѣданіи 15 января 1735 г., всѣ эти предложенія Маслова приняло съ одною, какъ будто совершенно ничтожной и сразу дѣйствительно даже не-

замѣтной вставкой, а именно: „изъ внутреннихъ городовъ на продажу хлѣба, *кромѣ помѣщиковъ для домоваго расходу*, привозить запретить“ (IV т., стр. 12 и 13). Эта маленькая вставочка *„кромѣ помѣщиковъ для домоваго расходу“* въ сущности парализовала всѣ благія начинанія правительства и подрывала въ корнѣ весь смыслъ идеи Маслова. Помѣщики всячески уклонялись исполнять апрѣльскій законъ, которымъ ихъ обязывали кормить голодныхъ крестьянъ. И имъ же Совѣщаніе давало то право, котораго лишались всѣ прочія сословія — это вывозить хлѣбъ на продажу. Правда, это право было ограничено предѣлами потребностей „домоваго расхода“. Но такое понятіе было слишкомъ растяжимо, и во всякомъ случаѣ никакого ограниченія предѣла домовыхъ расходовъ не устанавливалось. Такимъ образомъ, если помѣщики въ голодные годы вывозили всѣ свои запасы хлѣба на продажу „для домоваго расходу“, и оставляли послѣ этого всѣ амбары пустыми, то они всегда могли отговариваться, что у нихъ хлѣба нѣтъ и кормить своихъ нищихъ крестьянъ имъ нечѣмъ. И такое заявленіе, если даже подвергать его повѣркѣ, вполнѣ соотвѣтствовало дѣйствительности. Послѣ этого дѣлается понятнымъ, почему вездѣ было полно нищихъ и правительство было безсильно заставить помѣщиковъ исполнять апрѣльскій законъ: „домовый расходъ“ помѣщиковъ поглощалъ цѣликомъ весь хлѣбъ, которымъ слѣдовало, по указу, кормить ихъ нищихъ крѣпостныхъ крестьянъ.

Въ „бумагахъ“ сохранились слѣды распоряженій правительства пріостановить вывозъ хлѣба за границу и описать хлѣбъ, чтобы не продавали высокою цѣною [1]). Во всемъ этомъ видна извѣстная заботливость правительства о народномъ продовольствіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не признать, что всѣ принимавшіяся мѣры имѣли характеръ мѣръ временныхъ и случайныхъ.

Масловъ пытался обосновать систему народнаго продовольствія на болѣе прочномъ фундаментѣ. Въ этихъ цѣляхъ онъ, въ своемъ доношеніи 16 іюля 1734 г., сослался на указъ

---

[1]) Напр. 31 іюля 1738 г. поступило въ Кабинетъ доношеніе изъ Сената „о неотпускѣ за море изъ Архангелогор. губ. до будущаго указу хлѣба за недовольствомъ“ (т. IX, стр. 104). 14-го августа того же года камеръ-коллегія представила вѣдомость „почему въ губерніяхъ и въ провинціяхъ въ городѣхъ въ нын. 1738 году имѣлся въ продажѣ хлѣбъ“ (т. IX, стр. 144). О переписи хлѣба въ монастыряхъ доношенія въ IX томѣ: на стр. 174—Новгород. губ. Канцеляріи и подполковника Дурново, стр. 178 и 179—Дурново, стр. 205—тоже Дурново и стр. 432—вѣдомость Синода.

Петра I отъ 20 января 1724 г., въ которомъ было написано: „учинить экономіи генеральнаго, котораго должность первая надъ хлѣбомъ, чтобы вездѣ запасные были, дабы въ неурожайные годы народъ голоду не терпѣлъ“. А затѣмъ предложилъ: „сію должность взять изъ иностранныхъ уставовъ и къ тому свое прибавить и предложить“ (III т., стр. 277). Нужно отдать справедливость, что Анна Іоанновна горячо ухватилась за идею о запасныхъ магазинахъ и въ ея указѣ министрамъ 25 іюля 1734 г. было написано: „а особливо наивяще потому жъ сыскать способъ объ учиненіи запасныхъ магазиновъ“ (III т., стр. 288). Но и это доброе пожеланіе, какъ и многія другія, осталось неосуществленнымъ [2]).

Въ бумагахъ, между прочимъ, имѣются указанія, что Кабинетъ Министровъ очень заботливо относился къ вопросу о продовольствіи въ Малороссіи. Напримѣръ въ 1737 году, 26 апрѣля, былъ посланъ князю Барятинскому указъ съ выраженіемъ неудовольствія „о запущеніи хлѣбнаго сѣянія“ въ Малороссіи, и накрѣпко подтверждено предостерегать, „дабы хлѣбная пашня, яко первое и наиглавнѣйшее основаніе всего прочаго отнюдь остановлено и запущено не было“ (VI т., стр. 255, 256, 312, 327). Въ слѣдующемъ 1738 г., 8 іюня, Кабинетъ объявилъ Сенату Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи Сенатомъ надежнаго опредѣленія, какимъ способомъ удовольствовать хлѣбомъ обывателей въ Малороссіи (VII т., стр. 456 и VIII т., стр. 15).

Изъ всего этого видно, что Кабинетъ принималъ видное участіе въ продовольственномъ дѣлѣ. Апрѣльскій указъ о возложеніи обязанности кормить крестьянъ на помѣщиковъ былъ изданъ имъ еще до извѣстнаго іюльскаго выступленія Маслова. Декабрьскій указъ Сенату принадлежитъ также Кабинету; имъ же устраивались совѣщанія по продовольственному вопросу и велась переписка по Малороссіи. Но самое *завѣдываніе продовольственнымъ дѣломъ принадлежитъ Сенату*, куда и поступали всѣ донесенія изъ губерній.

---

[2]) Въ 1734 г. дѣлались лишь попытки устройства запасныхъ магазиновъ въ Смоленск. губерн., въ 1749 г.—въ Архангельскѣ. Новая же постановка продовольственному дѣлу была дана только 14 февраля 1761 года.

ГЛАВА VI.

Прописныя и неокладныя души. Новая перепись.

Прописныя и неокладныя души.

Изыскивая средства для увеличенія государственныхъ доходовъ, Кабинетъ Министровъ вскорѣ же послѣ своего учрежденія обратилъ свое вниманіе на одну изъ самыхъ крупныхъ статей государственнаго дохода—это подушную подать. Суммою подати Кабинетъ заинтересовался съ самаго начала и уже на второй день вступленія въ новыя обязанности затребовалъ о ней свѣдѣнія отъ коллегій (4-го ноября 1731 г. I т., стр. 4, 7 и 8). Вмѣстѣ съ тѣмъ, Кабинетъ остановился на мысли о томъ, что реформа Петра I не охватила собою всѣхъ плательщиковъ и что извѣстная часть платежныхъ силъ ускользнула отъ новаго налога. Къ такому мнѣнію, дѣйствительно, имѣлись весьма основательныя соображенія. Съ одной стороны было извѣстно, что перепись, начатая въ 1718 г. и затянувшаяся на много лѣтъ, сопровождалась громадными утайками душъ, и хотя большее ихъ количество было найдено сначала „по свидѣтельству сверхъ сказокъ“, а затѣмъ, главнымъ образомъ, открыто ревизіями, все же это еще не давало абсолютной увѣренности въ точности окончательно зарегистрованной цифры. Съ другой стороны было извѣстно, что и даже изъ числа переписанныхъ душъ нѣкоторая часть не вошла въ распредѣленіе полковъ [1]). Отсюда становятся понятными тѣ причины, вслѣдствіе которыхъ, какъ видно изъ журнала 15 ноября 1731 г., было приказано „изготовить въ Сенатѣ указъ о прописныхъ душахъ и объ остаточныхъ отъ раскладки на полки“ (I т., стр. 20). Изъ самаго указа, подписаннаго 16-го ноября 1731 г. (I т., стр. 23), видно, что отъ Сената были затребованы, съ обычной для Кабинета обстоя-

---

[1]) Милюковъ исчисляетъ эти остатки отъ распредѣленія полковъ въ 34.971 душу (примѣчаніе 5-е на страницѣ 475 его книги „Государ. хозяйство“).

тельностью, вѣдомости по тремъ категоріямъ: „1) *коликое число*, въ которыхъ уѣздахъ послѣ генеральной подушной переписи и раскладки на полки, по ревизіямъ или по объявленіямъ отъ помѣщиковъ, *явилось прописныхъ* мужеска пола душъ, и подушныя деньги съ нихъ сбираются ль и на какіе расходы; 2) сколько гдѣ такихъ же по чинамъ душъ (которыя хотя и въ переписи и въ окладѣ были) *осталось отъ расположенія* на полки и куда съ нихъ подушныя деньги и на что сбираются; 3) такимъ же образомъ учинить особливую вѣдомость, *не осталось ли такихъ объявленныхъ при переписи душъ, которыхъ еще ни въ какой окладъ не положено* и сбора съ нихъ не было, и сколько таковыхъ, по чинамъ и по званіямъ городовъ имѣется и для чего такъ долговременно въ окладъ не положены“.

Самымъ труднымъ и почти невозможнымъ по выполненію являлся вопросъ первый о прописныхъ душахъ. Установить фактъ „прописи“, т.-е. пропуска или, еще точнѣе, утайки душъ можно было бы лишь при помощи новой ревизіи или переписи. Отвѣтъ на первый пунктъ, какъ и слѣдовало ожидать, не получился, и самъ Кабинетъ на немъ не настаивалъ [1]). Но и относительно душъ, неположенныхъ въ подушный окладъ, вѣдомость была подана Сенатомъ только послѣ напоминанія, сдѣланнаго 16 августа 1735 г. (т. IV, стр. 308).

Послѣ этого возникло большое и весьма характерное дѣло объ „архіерейскихъ дѣтяхъ боярскихъ, слугахъ монастырскихъ и поповичахъ“. Изъ указа Кабинета камеръ-коллегіи отъ 6 мая 1736 г. (т. V, стр. 192) видно, что по распоряженію Петра I и по его инструкціи, данной офицерамъ, отправленнымъ въ 722 году для свидѣтельства мужеска пола душъ, *многіе чины хотя и переписаны были, токмо въ подушный окладъ не положены* [2]).

Главное мѣсто между ними занимали указанные выше „духовнаго чина люди“. Кабинетъ обратилъ вниманіе на этихъ

---

[1]) Въ 1739 году поступила челобитная на неправильное взиманіе податей отъ Одоевскихъ однодворцевъ, которые, по ихъ заявленію, не были положены въ окладъ. По этому поводу Кабинетъ наложилъ резолюцію, чтобы Сенатъ собралъ вѣрныя вѣдомости, сколько и гдѣ есть прописныхъ душъ и гдѣ онѣ явятся, желательно опредѣлять въ ландмилицію или переводить на поселеніе (X т., стр. 59 и 178—180).

[2]) 1) Приказные служители и ихъ дѣти, 2) прежнихъ службъ служилые люди, отставные драгуны и солдаты и матросы и при городѣхъ разсыльщики, 3) архіерейскія дѣти боярскія, которыя сами дворяне, и ихъ дѣти; протопопы, попы и дьяконы, церковники, дѣйствительно служащіе, 4) ихъ дѣти при каждой церкви и по нѣскольку, 5) монастырскія слуги, которыя живутъ при монастыряхъ и довольствуются жалованьемъ, а пашень не имѣютъ“ (т. V, стр. 192).

привиллегированныхъ чиновъ. Намѣреніе его въ отношеніи ихъ было очевидное—мобилизовать и притянуть къ государственному тяглу всѣ почему-либо оставшіяся свободныя рабочія силы. Но на пути къ этой цѣли встрѣтилось препятствіе, о которомъ самъ Кабинетъ выразился такимъ образомъ: „а колико число оныхъ всѣхъ, по переписи и свидѣтельству, явилось, *изъ переписныхъ книгъ обстоятельной вѣдомости не учинено*“. Поэтому Кабинетъ поручилъ камеръ-коллегіи „сдѣлать табель по городамъ, сколько гдѣ какихъ чиновъ явилось и въ какое лѣто во время того свидѣтельства были“. Дѣло, по обычаю, и здѣсь затянулось. 8 іюля 1736 г. отъ камеръ-коллегіи поступило доношеніе „сколько имѣется генералитетскаго свидѣтельства книгъ“ и „сколько пройдено генералитетскихъ книгъ и выметокъ учинено“. Въ утѣшеніе было добавлено: „для скораго сочиненія задержаны коллежскіе служители“ (т. V, стр. 308—309). Но Кабинетъ, зная по горькому опыту безконечную волокиту своихъ исполнителей, не сталъ ожидать конца „выметокъ“, и 27 декабря 1736 г. былъ данъ Сенату указъ брать въ рекруты „особливо архіерейскихъ дѣтей боярскихъ, слугъ монастырскихъ и поповичевъ“ (V т., стр. 647). Число этихъ душъ, какъ видно изъ указа 27 декабря 1736 г., по переписи было показано въ 66.602 человѣка. На сколько велико было чисто матеріальное значеніе этой цифры, видно изъ слѣдующаго разсчета. Въ то военное время брали рекрута съ каждыхъ 98 душъ (указъ 22 сент. 1737 г.—П. С. З. № 7379 и доношеніе Синода отъ 19 октября 1737 г., VI т., стр. 632). Слѣдовательно, 66.602 человѣка должны были поставить 677 рекрутовъ. А по указу 6 февраля 1737 г. (П. С. З. № 7169) „буде кто изъ нихъ вмѣсто себя купить людей не достанутъ, а похотятъ платить деньгами, съ такихъ брать съ каждаго по 200 р.“ [1]), что составляло (677×200) = 135.400 р. Къ этому надо присоединить поставку лошадей. Ставили по одной лошади съ 370 душъ (П. С. З. 9 октября 1733 г. № 6497, пунктъ 1-й). Вмѣсто поставки натурою платили по 20 р.

---

[1]) Та же сумма—200 р. показана и въ указѣ 7 сентября 1737 г. (П. С. З. № 7364). Спустя нѣсколько дней, въ резолюціи своей на доношеніи Сената отъ 18 сентября 1737 года, Министры считали каждаго рекрута по 100 р. (VI т., стр. 589). Однако эту расцѣнку нужно признать ниже минимальной, и если Министры ее приняли, то съ очевидною цѣлью дешевле и даже въ убытокъ расцѣнить претензію крестьянъ, бывшихъ въ нарядѣ. По Соловьеву (т. XX, стр. 1412, гл. 3-я) наемъ рекрута обходился отъ 170 до 180 р., а въ среднемъ 150 р., но эта расцѣнка имѣла мѣсто еще въ 1732 году, т.-е. до войнъ 1737 г., когда цѣна рекрута несомнѣнно должна была повыситься.

за лошадь (П. С. З. 7 января 1734 г. № 6528). Получается $(\frac{66.602}{370} \times 20) = 3.600$ р. А всего $(135.400 + 3.600) =$ 139.000 р. Къ этому итогу надо добавить еще ежегодный семигривенный сборъ въ $(66.602 \times 70$ к.$) = 46.621$ р. 40 к., что только за 10 лѣтъ составитъ почти полмилліона. Такимъ образомъ дѣло шло о весьма крупномъ капиталѣ. При этомъ надо принять во вниманіе, что цифра въ 66.602 человѣка получилась изъ переписныхъ книгъ Петра I, откуда Кабинетъ самъ затруднялся составить „обстоятельную“ вѣдомость, и онъ могъ ожидать въ дѣйствительности еще бо́льшую цифру. Послѣ этого дѣлаются совершенно естественными причины, по которымъ Кабинетъ продолжалъ и далѣе настаивать на выясненіи количества и переписи. Въ журналѣ за 22 іюля 1737 г. (т. VI, стр. 459) отмѣчено распоряженіе требовать отъ Сената переписи „церковниковъ и архіерейскихъ дворянъ и монастырскихъ слугъ и разночинцевъ“. А 27 іюля 1737 г. (стр. 474 и 475) появилось Высочайшее, объявленное изъ Кабинета Сенату, повелѣніе о скорѣйшей ихъ переписи. Въ то время какъ разъ государство переживало тяжелую пору, что и выражено въ началѣ указа: „по состояніи нынѣшнихъ военныхъ коньюнкторовъ, въ рекрутованіи полковъ и въ собираніи на содержаніе ихъ денежной казны надлежало особливо Правительствующему Сенату крайнѣйшее стараніе и попеченіе имѣть и такихъ полезнѣйшихъ способовъ изыскивать, чтобы купечеству и крестьянству (которые рекрутовъ ставятъ и деньги платить принуждены) вспоможеніе учинить“. Всѣ слои государства были напряжены и несли свою долю средствъ, труда и личнаго участія въ общее государственное дѣло. Одни духовные остались свободными отъ всякихъ налоговъ, и это обстоятельство вызвало со стороны правительства весьма суровое осужденіе, выраженное въ довольно непочтительной и даже рѣзкой формѣ: „когда армія, по окончаніи нынѣшней компаніи, къ своимъ границамъ возвратится и будетъ требовать въ комплектъ людей, тогда, *не имѣя помянутымъ тунеядцамъ исправной переписи*, которые отъ начала переписи и до сего времени служебъ никакихъ не служатъ и податей не платятъ, но всѣ *въ распутномъ житіи и въ праздности находятся*, — принуждено раскладывать рекрутъ съ купечества и крестьянства и одни они всю тяготу нести будутъ принуждены“. Черезъ 2 недѣли—6 августа отдано новое приказаніе: перепись церковникамъ „окончать наискорѣе“ (стр. 495). Но и это не помогло. Тогда недовольство

верховнаго правительства достигло, видимо, высшаго состоянія и подъ этимъ настроеніемъ послѣдовалъ грозный указъ 7-го сентября 1737 г. съ наикрѣпчайшимъ подтвержденіемъ [1]) всѣмъ оными чинамъ перепись кончать, конечно, до половины будущаго октября, и которые изъ нихъ во время той переписи явятся отъ *15 до 40 лѣтъ, такихъ всѣхъ взять безъ разбора въ военную службу*“. Это было во всякомъ случаѣ совершенно необычное распоряженіе, и оно, вполнѣ естественно, повело на мѣстахъ также къ огульному хватанію безъ всякаго разбора. Результаты получились такіе, что когда узналъ о нихъ впослѣдствіи Кабинетъ, то и онъ возмутился. О работѣ на мѣстахъ довелъ до свѣдѣнія Кабинета Синодъ, который прислалъ 19 октября 1737 г. (VI т., стр. 631—632) сообщеніе, что стали брать въ военную службу и такихъ монастырскихъ слугъ, которые положены въ подушный окладъ и „при повсягодномъ за себя подушныхъ денегъ платежѣ, во всякіе рекрутскіе наборы платятъ и рекруты и въ рекрутскую складку повсягодно-жъ“, отчего оставшіеся малолѣтніе и престарѣлые служители и крестьяне „могутъ придти въ несносное отягощеніе и конечное разореніе“. Кабинетъ въ резолюціи своей, наложенной на сообщеніи, разъяснилъ, что такихъ, которые въ подушный окладъ положены, брать отнюдь не подлежитъ, и взятыхъ—вернуть. „А для чего такіе побраны, о томъ изслѣдовать и кѣмъ то учинено—штрафовать“ (VI т., стр. 632). Сенатъ объ этомъ также узналъ, и отъ него еще до резолюціи—23 октября—поступило сообщеніе, какимъ образомъ надлежитъ поступать при переписи и наборѣ разночинцевъ, неположенныхъ въ подушный окладъ (VI т., стр. 627). Впослѣдствіи изъ провинцій стали поступать отъ командированныхъ офицеровъ свѣдѣнія объ отдачѣ по прежнему служителей, положенныхъ въ подушный окладъ (VII т., стр. 2). Такимъ образомъ печальныя послѣдствія министерскаго настроенія, хотя и поздно, но были до нѣкоторой степени исправлены. А перепись и вѣдомости остались незаконченными.

Кромѣ этого дѣла, Кабинетъ запрашивалъ непосредственно Московскую губернскую канцелярію 24 іюля 1736 г. еще относительно явившихся во многомъ числѣ послѣ переписи въ Москву „неположенныхъ въ подушный окладъ разныхъ гуля-

---

[1]) Отъ Сената 25 сентября 1737 г. поступило сообщеніе, во извѣстіе, о посылкѣ въ губерніи и провинціи указовъ, а въ Синодъ и въ сенат. контору вѣдѣній—объ окончаніи переписи „архіерейскимъ дѣтямъ боярскимъ и слугамъ монастырскимъ и церковникамъ“ (VI т., стр. 582).

щихъ людей“, и затребовалъ о нихъ подробную вѣдомость (V т., стр. 349). Губернская Канцелярія довольно скоро прислала вѣдомость [1]) (23 августа 1735 г., т. V, стр. 400). А затѣмъ уже, какъ результатъ „послѣдовалъ указъ отъ 21 сентября 1736 г. (П. С. З. № 7064) о розыскѣ объ уклонившихся при переписи разнаго званія людей отъ записки въ подушный окладъ“. Черезъ годъ—16 ноября 1737 г. (П. С. З. № 7438) былъ изданъ еще манифестъ „о правилахъ переписи крестьянъ и разночинцевъ, неположенныхъ въ подушный окладъ для внесенія въ оный“.

Вообще Кабинетъ зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы люди не уклонялись отъ налоговъ и тянули государственное тягло. Для этой цѣли онъ, видимо, собиралъ всякія справки. Напримѣръ, 8 мая 1737 г. Министры приказали собрать вѣдомость о томъ, записаны ли въ подушный окладъ: а) 1649 душъ при „пилованной въ Нижегородской губерніи мельницѣ“, б) 39029 душъ, которыя обрѣтаются у заготовленія лѣсовъ и в) раскольники: 4.283 мужеска пола и 4.551 женскаго (VI т., стр. 275).

Въ совершенно исключительное положеніе, въ отношеніи платежа подушныхъ денегъ былъ поставленъ гвардейскій Измайловскій полкъ, учрежденный самой Анной въ 1730 г. Командиръ этого полка, генералъ Джемсъ Кейтъ, въ первый же мѣсяцъ вступленія въ свои обязанности Кабинета, возбудилъ вопросъ объ исключеніи изъ подушнаго оклада его солдатъ, которые платили подушную подать въ свою бытность въ ландмилицкихъ полкахъ. Кабинетъ 26 ноября 1731 г. затребовалъ вѣдомость о суммѣ (I т., стр. 37). 1 декабря того же года Кейтъ представилъ разсчетъ, по которому вся сумма опредѣлилась въ (1903 человѣка по 70 к.) = 1.332 р. 10 к. И на этомъ докладѣ Анна сдѣлала резолюцію „выключить“ (I т., стр. 67). По примѣру измайловцевъ аналогичное ходатайство возбудили и другіе гвардейскіе полки о выключеніи ихъ солдатъ, взятыхъ также изъ ландмиліціи. Кабинетъ отдалъ докладъ въ Сенатъ, „чтобы оный докладъ поданъ былъ со мнѣніемъ“ (IV т., стр. 410). А когда Сенатъ подалъ доношеніе о

---

[1]) Но и послѣ этого въ „бумагахъ“ сохранились два слѣда воспоминаній Кабинета о московскихъ гуляющихъ людяхъ. 6-го августа 1737 г. въ журналѣ записанъ приказъ кончать скорѣе перепись неположенныхъ въ подушный окладъ, въ томъ числѣ почему-то поименованы и московскіе люди (VI т., стр. 495). А 29 сентября 1737 г. Кабинетъ затребовалъ справку о томъ, какія были доношенія о московскихъ разночинцахъ и что по тѣмъ доношеніямъ „учинено“ (VI т., стр. 589). Здѣсь характерно, между прочимъ, то, что записка о справкѣ дана Сенатскому Секретарю (Демидову).

выключкѣ, Кабинетъ распорядился отдать его обратно. Отказъ былъ самый простой и резонный: „ежели оныхъ выключить, то вмѣсто того подушныя деньги откуда дополнить“ (18 апр. 1736 г., т. V, стр. 172). Но гвардейцы этимъ не удовлетворились. По ихъ настоянію Сенатъ вновь внесъ тотъ же вопросъ спустя уже 4 года—19 апрѣля 1740 г. Кабинетъ однако твердо сталъ на своемъ, и на этотъ разъ положилъ прежнюю резолюцію „ежели вышепоказанныхъ солдатъ и рейтаръ изъ подушнаго оклада выключить, то оную сумму откуда дополнить“ (XI т. стр. 356, 393—397). Наконецъ, въ Кабинетъ поступило челобитье выборнаго солдатскихъ селъ Сибирскихъ провинцій „о невзысканіи на нихъ подушныхъ денегъ за взятыхъ въ ландмилицію“. Но и въ этомъ было отказано (10 іюня 1736 г., т. V, стр. 259). Это доказываетъ, что Кабинетъ цѣпко держался за казенную копейку и старался не упускать государственныхъ интересовъ.

Бывали, однако, такіе случаи (и кромѣ гвардейскаго полка), гдѣ извѣстныя распоряженія получались уже внѣ всякой зависимости отъ взглядовъ и симпатій министровъ. Напримѣръ, 29 сентября 1733 г. „приходилъ въ Кабинетъ отъ Его Сіятельства, оберъ камергера, Аврамъ Полубояровъ и объявилъ, чтобы оному, отправляющемуся въ Курляндію генералу-маіору Измайлову приказать, дабы онъ съ обрѣтающихся тамъ собственныхъ Ея Императорскаго Величества маетностей и деревень на войско никакихъ сборовъ не учинилъ, и ничѣмъ интересоваться съ нихъ не велѣлъ“. Сочувствовалъ ли Кабинетъ ярко выраженному Императрицей нежеланію хоть что-нибудь внести на войну изъ ея собственныхъ доходовъ съ маетностей и деревень? Это вопросъ настолько щекотливый, что онъ не могъ оставить опредѣленнаго слѣда въ бумагахъ. Но здѣсь невольно вспоминаются позднѣйшія негодованія той же Императрицы съ министрами въ объявленіи Высочайшаго повелѣнія 27 іюля 1737 г. относительно „поповичей“, за то, что послѣдніе оставались свободными отъ налоговъ во время войны, ихъ съ высоты престола обозвали тунеядцами и праздными распутниками. Это было написано въ 1737 г. относительно поповичей, а въ 1733 г., по выслушаніи воли Императрицы, Кабинетъ записалъ въ журналъ „и о томъ ему, Измайлову, при отдачѣ указовъ, объявлено сего же числа (т. II, стр. 481).

Новая перепись а) въ Ингерманландіи.

О производствѣ переписи въ Ингерманландіи имѣются два основныхъ указа: 1-й отъ 13 іюля 1732 г., касается самаго назначенія переписи

(I т., стр. 337) и 2-й отъ 25 сентября 1732 г. порядка переписи (I т., стр. 431). Изъ 2-го указа видно, что къ переписи намѣчены уѣзды: Петербургскій, Ямбургскій, Копорскій и Шлиссельбургскій, т.-е. мѣстности завоеваннаго края. О прежней переписи въ указахъ не упоминается ни слова [1]). Указъ 25 сентября повелѣваетъ переписчикамъ на мѣстахъ взять сказки, а потомъ *сдѣлать переписныя книги*, въ которыя написать по именамъ, „не обходя никого“, т.-е. все составить вновь. Передъ изданіемъ перваго указа—8 іюля—министры потребовали отъ Сената краткое извѣстіе, „кто въ Ингерманландіи и въ которомъ году перепись чинилъ и гдѣ нынѣ переписныя книги имѣются“ (I т., стр. 333). А потомъ, какъ указано выше, приказали переписчикамъ самимъ *вновь составить переписныя книги*. Что касается прежнихъ книгъ, то министры въ томъ же году начали переписку со своимъ посланникомъ въ Швеціи Бестужевымъ о списаніи въ Стокгольмѣ ингерманландскихъ окладныхъ и экономическихъ книгъ, „но и сверхъ того, ежели какія подлежащія до оной Ингерманландіи книги отыскапы будутъ“ и присылкѣ ихъ въ Петербургъ (16 декабря 1732 г., т. I, стр. 526; 5 января 1733 г., т. I, стр. 7, 8). Бестужевъ послѣ этого цѣлыхъ полтора года былъ занятъ добываніемъ затребованныхъ отъ него книгъ, и только 7 іюля 1734 г. было получено отъ него письмо „о посланныхъ на купецкомъ суднѣ ингерманландскихъ ревизіонныхъ книгъ“ (III т., стр. 269). Такимъ образомъ министры старались обезпечить намѣченной переписи прочный фундаментъ въ видѣ прежнихъ окладныхъ и экономическихъ книгъ. Воспользоваться, однако, ими при переписи не удалось, потому что онѣ получились слишкомъ поздно, а съ переписью, видимо, торопились. Въ данномъ дѣлѣ вообще проявлена необычная торопливость. Во 1-хъ, назначеніе для переписи маіора Шипова состоялось 4-го октября 1732 г. (I т., стр. 438 и 440), а 21-го октября уже былъ полученъ отъ него въ Кабинетѣ репортъ о прибытіи его въ Копорье и вступленіи въ переписное дѣло (I т., стр. 461). Во 2-хъ, въ самомъ планѣ говорилось исключительно только о переписи душъ, и Шиповъ выѣхалъ на работу съ этой лишь инструкціей. Между тѣмъ 17 октября 1732 г. получилось въ

---

[1]) При Петрѣ I велѣно было сдѣлать переписи въ Ингерманландіи: въ 1718 г.—комиссару Рукину и въ 1721 г.—камериру Жукову. Но они ничего не сдѣлали. И въ то время, когда перепись происходила во всѣхъ другихъ мѣстахъ,—въ Ингерманландіи перепись такъ и не была произведена (М. Клочковъ „Населеніе въ Россіи при Петрѣ В. по переписямъ того времени“, стр. 382–383).

Кабинетѣ доношеніе отъ генералъ-директора Розена о необходимости требовать, чтобы при переписи въ Ингерманландіи, *для раскладки доходовъ* „спрашивать у нихъ земли тягла, опса или осьмушекъ“ (I т., стр. 457), о чемъ и былъ посланъ Шипову указъ за подписью Анны 19 октября (I т., стр. 458). Увѣдомленіе Шипова о полученіи этого указа поступило въ Кабинетъ 2 ноября (стр. 473), т.-е. почти черезъ 2 недѣли послѣ полученія его перваго увѣдомленія о вступленіи въ переписное дѣло (21 октября). Слѣдовательно, ему потомъ пришлось возвращаться къ той работѣ, которую онъ уже сдѣлалъ, и дополнять ее новыми свѣдѣніями. Въ 3-хъ, Шиповъ прибылъ на работу 21 октября 1732 г., а 26 января 1733 г. отъ него поступилъ рапортъ „о прибытіи его съ командою въ Петербургъ и о начатіи сочиненія переписныхъ книгъ и сказокъ съ половины февраля“ (II т., стр. 46). Слѣдовательно, всю перепись душъ и земли на мѣстѣ во всѣхъ четырехъ уѣздахъ при намѣченномъ указомъ сложномъ порядкѣ завѣрки сказокъ, свидѣтельства священниковъ и пасторовъ и „пересмотрѣ всѣхъ на лицо“ онъ закончилъ въ продолженіе только трехъ мѣсяцевъ. Затѣмъ 8-го декабря 1733 г. отъ Шипова поступили уже „вѣдомости“ одна—сколько въ Ингерманландіи душъ, другая—„объ опсахъ“ (II т,, стр. 602). Такимъ образомъ въ послѣдующіе девять съ половиною мѣсяцевъ закончено было и все составленіе книгъ.

Въ данномъ дѣлѣ необходимо обратить вниманіе еще на одну особенность. Указъ о назначеніи переписи былъ данъ Сенату, и въ указѣ сказано: „для той переписи отправить перепищиковъ, обыкновенныхъ къ тому, по разсмотрѣнію сенатскому немедленно; а по окончаніи оной, учиня изъ переписныхъ книгъ вѣдомости, подать въ Кабинетѣ Нашемъ“. Изъ этого видно, что и вѣдѣніе переписью и подача ея результатовъ возлагались на Сенатъ. Между тѣмъ фактически Кабинетъ самъ вступилъ въ завѣдываніе переписью и вошелъ въ непосредственныя сношенія съ самимъ исполнителемъ маіоромъ Шиповымъ, который также доносилъ обо всемъ Кабинету, минуя Сенатъ [1]) и отъ Кабинета же прямо получалъ всѣ указанія, и даже указъ за подписью самой Анны, былъ написанъ на имя его. Когда Кабинетъ нашелъ нужнымъ измѣнить изданный указъ о

---

[1]) Въ одномъ случаѣ Шиповъ свой репортъ о томъ, „сколько деревень и душъ онъ переписалъ въ Ингерманландіи“, подалъ даже самъ прямо Ея Величеству—это было 31 декабря 1732 г. (т. I, стр. 548).

порядкѣ переписи дополненіемъ вопросовъ о землѣ, то объ этомъ измѣненіи былъ данъ указъ не Сенату, а Шипову. Затѣмъ, когда при переписи обнаружилась крупная утайка душъ (по доносу пастора Гоппіуса 423 души, да по слѣдствію 1230, всего сыскано 1653), то Шиповъ и объ этомъ дѣлѣ писалъ также прямо въ Кабинетъ (II т., стр. 203, 204 и 283 и X т., стр. 669—674). И, наконецъ, результатъ работы — вѣдомости представилъ въ Кабинетъ Шиповъ, а по указу отъ 13 іюля 1732 г. это возлагалось на Сенатъ. Кабинетъ дошелъ до такихъ мелочей, что даже заботы о пріисканіи въ Петербургѣ помѣщенія для Канцеляріи онъ взялъ на себя и приказалъ полицеймейстерской канцеляріи, „чтобы, по требованію гвардіи маіора Шипова, для окончанія ему переписного объ Ингерманландіи дѣла, отвели на канцелярію дворъ на С.-Петербургскомъ Острову, на берегу Невы рѣки, что бывалъ Зотова“ (3 января 1733 г., т. П, стр. 2 и 3).

На этомъ примѣрѣ весьма рельефно выступила основная черта Кабинета—желаніе, по возможности, самому входить во всякое государственное дѣло и непосредственно руководить имъ, доводя въ этомъ свои заботы иногда даже до мелочей. И въ данномъ дѣлѣ Кабинетъ сначала поручилъ дѣло Сенату, а потомъ на столько заинтересовался новымъ дѣломъ и придалъ ему такое большое значеніе, что взялъ его въ свои руки.

б) Въ Бѣлгородской губерніи. Почти въ одно время съ переписью въ Ингерманландіи—20 іюня 1732 г.—(т, I, стр. 317) данъ Сенату указъ о возложеніи на гвардіи маіора Хрущова съ командированными ему въ помощь офицерами переписи въ Бѣлгородской губерніи [1]): 1) всѣхъ малороссіянъ, которые живутъ на великороссійскихъ земляхъ въ провинціяхъ Сѣвской и Бѣлогородской и 2) въ слободскихъ полкахъ: Сумскомъ, Ахтырскомъ, Изюмскомъ, Харьковскомъ и Рыбинскомъ—казаковъ, ихъ подсосѣдковъ и „владѣльческихъ подданныхъ“.

Къ этому дѣлу Кабинетъ отнесся весьма внимательно. Для Хрущова была составлена особая инструкція, которую сочинили въ Кабинетѣ и затѣмъ „опредѣленные министры“ доложили ее Аннѣ 26 іюня 1732 г., и, какъ видно, изъ журнала (I т., стр. 321) „Ея Императорское Величество слушать и апробовать

---

[1]) Территорія переписи впослѣдствіи была еще расширена предѣлами обнаруженной Хрущовымъ новонаселенной малороссіянами слободы въ Казанской губ. (т. I, 18 октября 1731 г., стр. 457; 2 ноября, стр. 473; 20 ноября стр. 492; 6 декабря, стр. 516).

соизволила, и указала оную Инструкцію подписать въ Кабинетѣ имъ, гг. Министрамъ, и отдать помянутому Маіору Хрущову". Накапунѣ доклада—23 іюня—за Инструкціей „засѣдалъ" (очевидно разсматривалъ) князь А. М. Черкасскій (стр. 320).

По Инструкціи Хрущову предписывалось „окончавъ тое перепись... переписныя книги и перечневыя вѣдомости, для доклада Ея Императорскому Величеству, подать въ Правительствующій Сенатъ". Изъ этого можно сдѣлать такой выводъ, что завѣдываніе переписью, а слѣдовательно, и докладъ ея результатовъ (переписныхъ книгъ и перечневыхъ вѣдомостей) возлагались на Сенатъ. О Кабинетѣ въ Инструкціи сдѣлано только одно упоминаніе, что „ежели зачѣмъ къ тому сроку (къ сентябрю мѣсяцу того же года) окончать будетъ невозможно, о томъ писать обстоятельно въ Кабинетъ". Между тѣмъ на практикѣ, также какъ и по Ингерманландіи, все дѣло переписи въ Бѣлогородской губерніи Кабинетъ взялъ въ свои руки и вступилъ въ непосредственныя сношенія съ Хрущовымъ, который прямо извѣщалъ Кабинетъ о ходѣ всѣхъ своихъ работъ. Всѣхъ такихъ рапортовъ Хрущова о томъ, „которые города и мѣстечки переписаны", съ промежутками въ нѣсколько дней, было получено одиннадцать, изъ которыхъ четыре были доложены даже Императрицѣ—три въ день полученія, а одинъ на слѣдующій день [1]).

Для окончанія переписи, по Инструкціи, былъ намѣченъ очень короткій срокъ—къ сентябрю мѣсяцу. Но 16 августа было получено въ Кабинетѣ извѣстіе отъ Хрущова только о томъ, что онъ прибылъ въ Бѣлгородъ (I т., стр. 365), а 6 сентября (стр. 387)—его извѣстіе объ отправленіи офицеровъ для переписи по мѣстамъ (которое и было доложено Императрицѣ 9 числа—стр. 388) и 18 сентября—„что къ срочному числу поспѣшить не можно" (стр. 428). Тѣмъ не менѣе министры, получивъ послѣдній репортъ черезъ 10 дней—28 сентября все-таки послали Хрущову письмо (стр. 435) о немедленной перепискѣ. Затѣмъ, очевидно, желая придать болѣе вѣса своимъ

---

[1]) 1-й рапортъ получ. 3 окт. 1732 г., т. I, стр. 437, доложенъ Императрицѣ 4 окт., стр. 438.
2-й рапортъ получ. 13 окт. 1732 г., т. I, стр. 451.
3-й „ „ 18 „ „ „ „ 457.
4-й „ „ 26 „ „ „ „ 465, долож. Е. В. того же числа.
5, 6 и 7 „ „ 2 нояб. „ „ „ 473.
8-й „ „ 6 „ „ „ „ 477.
9-й „ „ 20 „ „ „ „ 492, долож. Е. В. того же числа.
10-й „ „ 4 дек. „ „ „ 513, т о ж е.
11-й „ „ 10 „ „ „ „ 521.

требованіямъ, „опредѣленные министры“ заготовили указъ Хрущову отъ имени самой Императрицы „о немедленной переписк‍ѣ украинцевъ и объ окончаніи до будущаго года“, и Анна подписала этотъ указъ 26 октября (стр. 464). 11-го декабря министры послали Хрущову письмо о присылк‍ѣ, по окончаніи переписи, въ Кабинетъ „табели“ (стр. 522), а 23 декабря ему посланъ, за подписью Анны, указъ „о бытіи ему съ офицерами въ командѣ“ генерала князя Шаховского (стр. 534). 14-го же февраля 1733 г. въ Кабинетѣ получено отъ Шаховского доношеніе и „при томъ вѣдомости, сколько въ поселившихся полкахъ, по переписи маіора Хрущова, явилось людей“ (II т., стр. 69). Такимъ образомъ, благодаря энергичнымъ воздѣйствіямъ министровъ, перепись была закончена (считая съ 6 сентября по 14 февраля) довольно быстро—въ пять мѣсяцевъ. Но при этомъ нужно отмѣтить, что Инструкція о переписи, составленная самими министрами и утвержденная Императрицей, оказалась нарушенной: министры фактически устранили Сенатъ отъ руководительства переписью, и переписныя вѣдомости, вмѣсто Сената, какъ бы слѣдовало по Инструкціи, были поданы въ Кабинетъ. Однако, и въ этомъ дѣлѣ Кабинету все-таки пришлось прибѣгнуть къ помощи Сената. Дѣло въ томъ, что Хрущовъ обнаружилъ въ Трубчевскомъ уѣздѣ (въ Сѣвской провинціи) на дворцовой землѣ 648 душъ малороссіянъ, „которыми никто не владѣетъ, а нѣкоторые доходы даютъ управителямъ“, о чемъ Шаховской и послалъ 2 февраля 1733 г. въ Кабинетъ доношеніе (т. П, стр. 68 и 69). Вопросъ оказался довольно сложнымъ. Самъ Кабинетъ не зналъ: „оные съ нихъ доходы по какимъ указамъ сбираются и въ казну-ль Ея Императорскаго Величества доходили и въ пріемѣ того квитанціи имъ даются-ль“. Поэтому поручилъ все это изслѣдовать уже Сенату, предложивъ ему: „буде же оное сбирали съ нихъ *партикулярные люди собою*, о томъ бы учинено было надлежащее взысканіе, какъ указы повелѣваютъ“ (19 февраля 1733 г., П т., стр. 81 и 82). Въ данномъ случаѣ Кабинетъ обращался къ Сенату, какъ своему помощнику, облеченному довѣріемъ и правомъ непосредственно учинять взысканія въ предѣлахъ указовъ.

Въ этой переписи надо обратить вниманіе на одну очень характерную черту. Составляя Инструкцію, министры, видимо, ожидали, что малороссіяне, вполнѣ основательно, истолкуютъ производимую перепись за намѣреніе правительства обложить ихъ новыми налогами, и поэтому будутъ волноваться и укло-

няться отъ переписи. А чтобы обезпечить переписи полный успѣхъ, надо было какъ-нибудь успокоить малороссовъ въ этомъ отношеніи и объяснить имъ истинныя и доброжелательныя намѣренія правительства. Въ этихъ, надо полагать, чисто практическихъ цѣляхъ и была сдѣлана въ указѣ и въ Инструкціи слѣдующая добродушная вставка: „прежде переписи, въ тѣхъ поселеніяхъ, въ пристойныхъ мѣстахъ объявить Нашимъ указомъ, чтобы жители, не страшась той переписи, съ тѣхъ своихъ поселеній никуда не сходили, для того, *что податей съ нихъ, какъ съ великороссійскихъ, брано не будетъ*; а будутъ жить на такомъ основаніи, какъ и въ Малой Россіи и въ слободскихъ полкахъ живутъ“. Спрашивается, какъ могла истолковать эти слова темная, невѣжественная масса, для которой они были предназначены. Царскій указъ ясно говоритъ: „не страшись“. А чего могли страшиться малороссы? Только одного, что съ нихъ будутъ брать подати. И объ этомъ также ясно сказано въ царскомъ указѣ: „податей съ нихъ брано не будетъ“. Тутъ сдѣлана какъ будто лишняя вставка, „какъ съ великороссійскихъ“. Но это не вносило никакихъ сомнѣній, а, наоборотъ, еще болѣе укрѣпляло основную мысль: они знали, что великороссы платили подати; а у нихъ, по указу, *будетъ не такъ, какъ у великороссовъ*, а вотъ какъ: „податей съ нихъ брано не будетъ“. Далѣе слѣдовала еще приписка: „*а будутъ жить на такомъ основаніи,* какъ и въ Малой Россіи, и въ слободскихъ полкахъ“. Но тутъ говорилось не о податяхъ, *а о жизни на однихъ основаніяхъ съ другими малороссами и казаками.* Это было также понятно: они были малороссы и должны были жить той же жизнью, по тѣмъ же законамъ и обычаямъ, которые управляли жизнью другихъ малороссовъ и казаковъ. Словомъ, тутъ какъ бы подтверждались извѣстныя привилегіи чисто національныхъ правъ. Желаніе правительства поступать съ малороссами доброжелательно и „порядочно“ подтверждалось еще однимъ весьма существеннымъ признакомъ. Въ указѣ о переписи вставленъ цѣлый пунктъ (5-й) такого содержанія: „да извѣстно Намъ учинилось, что отъ Генералъ-маіора *Тараканова* съ губернскою канцеляріей *учиненъ* опымъ поселеннымъ на великороссійской землѣ *малороссіянамъ* на линію въ работники *нарядъ непорядочный*, отчего оные принуждены съ тѣхъ своихъ жилищъ идти. Того ради съ будущаго года онымъ малороссіянамъ нарядъ на ту линію учинить порядочный, примѣняясь такимъ же порядкомъ, какъ и съ Малой Россіей“. Съ перваго взгляда казалось бы, что этому пункту не мѣсто въ спеціальномъ указѣ о переписи. 5-й пунктъ говоритъ совер-

шепно о другомъ: о нарядѣ на работы по устройству пограничной украинской линіи. Между обѣими частями не было въ сущности связи—ни логичной, ни практической и поэтому 5-й пунктъ попалъ въ указъ о переписи какъ будто случайно. Всѣ эти соображенія имѣютъ за собою основанія. Но всего вѣроятнѣе другое соображеніе, что если здѣсь нѣтъ связи логической, за то есть связь психологическая. Указъ былъ глубоко продуманъ, и 5-й пунктъ попалъ въ него не случайно, а намѣренно, чтобы дать иллюзію простоты и сплошного добродушія и доброжелательства къ малороссамъ. Указъ вначалѣ убѣждаетъ не страшиться, а потомъ уже по другому дѣлу, но въ отношеніи тѣхъ же малороссовъ упрекаетъ генерала Тараканова въ непорядочности и предписываетъ учинять имъ нарядъ *порядочный*. Понятно, малороссы не могли не восхищаться такими милостями и заботами о нихъ Царицы, и у нихъ если и возникали раньше какія-либо сомнѣнія въ доброжелательствѣ, то теперь они совершенно исчезали.

Еще болѣе внесло успокоенія новое заявленіе правительства. Въ журналѣ за 25 ноября 1732 г. (стр. 502 и 503) записано, что засѣдавшій въ Кабинетѣ вице-канцлеръ „ходилъ вверхъ къ Ея Императорскому Величеству и, пришедъ, отправилъ 2 письма къ маіору Хрущову, обрѣтающемуся у переписи въ Бѣлгородской губерніи, объ удержаніи отъ побѣгу черкасъ и обнадеживаніи ихъ милостью, что никакой противъ прежняго тягости имъ не будетъ“.

Малороссы увѣровали въ провозглашаемую московскимъ правительствомъ его порядочность и окончательно перестали страшиться. Они довѣрчиво пошли на встрѣчу переписи. Въ результатѣ, 31 декабря 1732 г., получился въ Кабинетъ репортъ Хрущова, что „отъ переписи поселившихся въ слободахъ малороссіянъ побѣгу не имѣется“ (I т., стр. 548). И далѣе стали получаться тѣ же завѣренія довѣрчивости малороссовъ. 29 января 1733 г. получилось отъ Хрущова въ Кабинетѣ новое доношеніе, „что отъ переписи побѣговъ не имѣется, и онымъ *обыватели довольны*“ (стр. 52). И наконецъ, когда перепись была закончена, и 14 февраля 1733 г. получились въ Кабинетѣ переписныя вѣдомости, въ тотъ же день получена послѣдняя аттестація Хрущова, что „изъ слободъ побѣговъ отъ переписи не имѣется“ (II т., стр. 68).

Между тѣмъ въ Петербургѣ готовилась особая Инструкція Князю Шаховскому, отправляемому въ Бѣлгородскую губернію со спеціальнымъ порученіемъ реорганизовать слободскіе полки,

и 23 декабря 1732 г. эта Инструкція была утверждена Императрицей (т. I, стр. 535). Въ утвержденной Инструкціи оказался, между прочимъ, такой пунктъ (IV-й): „которые же малороссіяне поселились на великороссійскихъ земляхъ и которые владѣльческія деревни и въ слободскихъ полкахъ, о тѣхъ порядочно разсмотрѣть, *какимъ поборамъ съ оныхъ надлежитъ быть въ Нашу казну, примѣняясь къ доходамъ*, какіе берутся въ Малой Россіи и въ слободскихъ полкахъ". А 26 февраля 1733 г. послѣдовалъ, подписанный Императрицей указъ на имя Шаховского *объ утвержденіи проектированнаго имъ сбора съ малороссіянъ, переписанныхъ Хрущовымъ* (II т., стр. 95).

Итакъ прямымъ результатомъ переписи явилось наложеніе на переписанныхъ малороссіянъ податей. Было ли здѣсь нарушеніе обѣщанія, даннаго Императрицей? Если внимательно вчитываться въ указъ, то нельзя не замѣтить, что въ немъ абсолютнаго обѣщанія *совершенно* не брать податей—какъ будто и нѣтъ. Тамъ сказано: *не брать какъ съ великороссовъ*. Это можно и такъ понимать: не брать *столько же,* сколько и съ великороссовъ, а въ иномъ размѣрѣ, на такомъ основаніи, какъ живутъ въ Малороссіи и въ слободскихъ полкахъ. Какъ тѣ живутъ и платятъ подати, такъ будутъ платить и малороссіяне, подверглутые переписи. Но такое толкованіе было бы ничѣмъ инымъ, какъ явной натяжкой, канцелярскимъ софизмомъ, употребленнымъ въ качествѣ хитраго тактическаго пріема. Форма оглашенія была намѣренно расчитана на иное пониманіе (данное выше), что и удалось. Такимъ образомъ здѣсь со стороны Кабинета Министровъ въ отношеніи малороссовъ былъ примѣненъ самый грубый обманъ и нарушено обѣщаніе, данное отъ высокаго Царскаго имени.

б) Всеобщая. Уплата крестьянами подушной подати за убылыя ревизскія души (умершія, бѣглыя и т. д.) ложилась тяжелымъ и, часто, непосильнымъ бременемъ для оставшихся на землѣ крестьянъ, что вызвало за собою новые побѣги и еще большее обѣднѣніе наличныхъ душъ. Но это положеніе отражалось неблагопріятно также и на полкахъ. Въ докладѣ Сената отъ 26 января 1736 г. (П. С. З. № 6872, стр. 727) говорится по этому поводу: „нѣкоторые жъ полки отъ хлѣбнаго недорода и за побѣгомъ крестьянъ и прочими припадками полной суммы подушнаго сбора съ своихъ дистриктовъ собрать не могутъ, и затѣмъ въ жалованьѣ и въ прочемъ претерпѣваютъ нужду". Въ виду такого затруднительнаго положенія для полковъ

Сенатъ въ томъ же докладѣ предложилъ: „чего ради разсуждается, что необходимо нужно учинить вновь генеральную ревизію во всемъ государствѣ, дабы возможно было подушный сборъ положить со всѣхъ равный и никто бъ спуста не платилъ, о чемъ особливымъ докладомъ отъ Сената пространнѣе донесено будетъ“. Сенатъ исполнилъ свое обѣщаніе. 15 іюня того же 1736 г. въ Кабинетъ Министровъ поступило отъ Сената доношеніе: „объ учиненіи во всемъ государствѣ вновь генеральной ревизіи и для того о посылкѣ въ каждую губернію изъ генералитетскихъ персонъ по одному, придавъ имъ по нѣскольку изъ штабъ и оберъ-офицеровъ“ (т. V, стр. 264). Но предложеніе Сената, какъ видно изъ отмѣтки во входящихъ бумагахъ осталось безъ движенія: оно было возвращено. И мысль о всеобщей переписи возродилась вновь уже спустя 6 лѣтъ, когда (въ 1742 г.) изданъ былъ о ней указъ, а съ 1743 г. предпринята вторая ревизія.

ГЛАВА VII.

Подушная подать.

Организація подушной подати.

Правительство Анны Іоанновны вступило въ жизнь уже съ готовой и прочной податной организаціей. Подушная подать, установленная Петромъ I, впервые стала функціонировать съ 1724 года, при чемъ принципъ новой подати оказался на столько живучимъ, что этотъ видъ налога и самая единица обложенія-ревизская душа сохранились на протяженіи болѣе чѣмъ полтораста лѣтъ, т. е. до самой отмѣны подушной подати въ 1887 г. Основныя ея черты, выраженныя вкратцѣ, заключаются въ слѣдующемъ. Новая подать вводилась взамѣнъ всѣхъ старыхъ сборовъ съ дворового числа, и ея назначеніемъ являлось обезпеченіе главнаго расхода государства—содержаніе сухопутнаго войска. Вполнѣ опредѣленно высказывается Петръ въ этомъ смыслѣ уже въ 1717 году. 15-го ноября этого года онъ приказываетъ Сенату: „распорядить сухопутное войско и рекруты морскіе, кромѣ жалованья, и провіантъ на крестьянъ: сколькихъ душъ или дворовъ одинъ, что удобнѣе будетъ, солдатъ и драгунъ и офицеръ по рангамъ, кромѣ генералитета, примѣняясь къ податямъ нынѣшнимъ, ибо, какъ сіе положится, отъ прочихъ всѣхъ податей и работъ свободны будутъ“. Въ этомъ распоряженіи еще не было рѣшенія, будетъ ли новый налогъ подворнымъ или подушнымъ. Черезъ нѣсколько дней предпочтено было распредѣленіе по душамъ, и въ ноябрѣ и декабрѣ 1717 года Петръ отдалъ приказаніе разсчитать по душамъ „работнымъ персонамъ“, а 26 ноября 1718 г. предписано произвести поголовную перепись „не обходя отъ стараго до самаго послѣдняго младенца“. Такимъ образомъ въ основаніе расчета размѣра подати были приняты два элемента: первый—величина всего расхода на армію и второй—общее число переписанныхъ душъ. Съ этими цифрами въ рукахъ, говоритъ П. Н. Милюковъ („Госуд. хоз“. стр. 472, 478 и 479), мы можемъ сами расчитать

величину новаго налога. Принявъ общій расходъ въ 4 милліона, а общее число душъ, какъ предполагалъ Петръ въ началѣ 1722 г. въ 5 милліоновъ, мы получимъ на переписную душу расходъ въ 80 к. Такова первоначально и была цифра подушнаго налога съ крестьянъ всѣхъ наименованій и однодворцевъ.

Въ интересѣ уравнительности, по словамъ проф. Ключевскаго (IV ч. Русск. исторіи, стр. 185), предположено было: государственныхъ крестьянъ (и однодворцевъ) свободныхъ отъ господскихъ требованій, обложить, сверхъ общей подати, дополнительнымъ платежомъ, примѣняясь къ тому, „*какъ помѣщики получатъ будутъ* съ своихъ крестьянъ, или инымъ какимъ манеромъ, какъ удобнѣе и безъ конфузіи людямъ“. Этотъ дополнительный сборъ высчитанъ былъ въ 40 к. (Милюковъ называетъ его оброчной четырехгривенной [1]) податью). Городское населеніе (гостинная сотня и посадскіе) платило подушный окладъ одинаково съ крестьянскимъ по (80 к.+дополнительный налогъ 40 к.)=1 р. 20 к. съ души.

Но окладъ въ 80 к. былъ только временнымъ. По выраженію указа 10 декабря 1723 г. „по чему съ души того положеннаго сбору (т. е. подушнаго) быть имѣетъ, о томъ, за неокончаніемъ переписного дѣла, подлинно еще неизвѣстно“. Весной 1724 г. опредѣлилась точная цифра подушной переписи, и тогда же былъ произведенъ окончательный расчетъ подушнаго налога по 74 к. на душу. Этотъ размѣръ налога Сенатъ опредѣлилъ ввести только съ 1725 г. хотя по этому окладу—74 к.—собирали подать и въ 1724 г. [2]) Немедленно послѣ смерти Петра (указъ 8 февраля 1725 г. № 4650) налогъ былъ пониженъ до 70 к. (Милюковъ „Госуд. хоз.“, стр. 479). И въ царствованіе

---

[1]) Но помѣщики и не думали довольствоваться какими-нибудь 4 гривнами... Брауншвейскій резидентъ Веберъ, собравшій, за время своего пребыванія въ Россіи (1714—1719) хорошія свѣдѣнія о ея положеніи, въ своихъ запискахъ замѣчаетъ, что рѣдкій крестьянинъ платитъ помѣщику свыше 10—12 р. оброку. Слѣдовательно, крестьянинъ, платившій около 10 р., былъ нерѣдокъ. Принимая только 7 р. съ чѣмъ-нибудь (рубл. 60 на наши деньги) на дворъ, найдемъ, что, при 4-хъ душевомъ составѣ двора, помѣщичій оброкъ слишкомъ вдвое превосходилъ подушную подать и почти впятеро былъ выше 40 к., нормальной по указу суммы помѣщичьяго оброка (Ключ. IV ч. Русск. истор., стр. 185—186).

[2]) Въ бумагахъ Кабинета Министровъ имѣется челобитная крестьянъ дворцовыхъ волостей о томъ, что съ нихъ въ 724 г. собрано провіантомъ, фуражомъ и деньгами по 80 к., а потомъ „на тотъ же годъ велѣно собрать 74 к. съ души и собрано де по первому указу въ излишествѣ немалая сумма, а зачету тѣмъ перебраннымъ деньгамъ не учинено“. Министры также нашли, что если было собрано въ 724 г. по 80 к., то такой сборъ является переборомъ и, несмотря на истеченіе десятилѣтней давности, дали претензіи движеніе и 12 мая 1735 г. затребовали справки отъ графа Салтыкова (т. IV, стр. 167). Впослѣдствіи претензія была удовлетворена и на излишнее взятую сумму сдѣланъ зачетъ въ подушный сборъ (т. V 18 октября 1736 г., стр. 497 и 25 октября 1736 г., стр. 507).

Анны Іоанновны извѣстны названія только „семигривенныхъ“ и „четырехгривенныхъ“ подушныхъ денегъ.

Въ подушный окладъ во всемъ государствѣ при Аннѣ Іоанновнѣ, какъ видно изъ доклада Сената отъ 18 сентября 1737 г. (т. VI, стр. 588), было положено 5.640.554 души, съ коихъ надлежало получить подушнаго сбору 4.488.547 р. 40 к. По сравненію съ Петровскимъ бюджетомъ здѣсь замѣчается уже разница. Въ 1724 году общая сумма подати составляла 4.614.637 р., т.-е. болѣе, чѣмъ при Аннѣ на 126.090 р. А число душъ по окладу 1724 г., наоборотъ, было менѣе на (5.640.554—5570.468) = 70.086 (Ключевскій, IV ч. „Русск. истор.“, стр. 187).

Подушной податью или, точнѣе, суммою ея сбора Кабинетъ заинтересовался уже на второй день своего вступленія въ новыя обязанности—4-го ноября 1731 г. и того же числа приказано заготовить о подушныхъ деньгахъ указы въ военную коллегію и камеръ-коллегію (I т., стр. 4 и 5). Изъ указа, подписаннаго 6 ноября, видно, что отъ военной коллегіи требовались такія свѣдѣнія, „сколько въ которой губерніи написано и на полки отдано мужеска пола душъ... и что съ тѣхъ душъ надлежитъ брать окладныхъ подушныхъ денегъ, и что собирается и затѣмъ, по примѣру прошлаго 1730 г., въ доимкѣ остается, и всѣ-ль тѣ собираемыя деньги въ расходъ на армію употребляются или что затѣмъ въ остаткахъ бываетъ“ (стр. 8). Въ указѣ камеръ-коллегіи отъ 6 же ноября поставленъ тотъ же вопросъ, но съ добавленіемъ „и по скольку суммою съ тѣхъ душъ опредѣлено сбирать въ годъ подушныхъ денегъ по 70 к. и по 40 к. съ души“ (стр. 8).

Въ послѣдующіе годы Кабинетъ, по мѣрѣ надобности, также требовалъ свѣдѣнія о количествѣ и родѣ собранныхъ денегъ, преимущественно отъ военной коллегіи и Сената, рѣже—отъ коммиссаріата и штатсъ-конторы [1]). Встрѣчается нѣсколько бу-

---

[1]) Отъ Коммиссаріата: 1) 29 сент. 1733 г., т. II, стр. 476 (отвѣтъ данъ 14 окт., т. II, стр. 509 и 510).
2) 9 янв. 1735 г., т. IV, стр. 5 и
3) 21 дек. 1738 г., т. IX, стр. 495.

Отъ воен. коллегіи: 1) 28 іюня 1735 г., т. IV, стр. 234.
2) 6 янв. 1736 г., т. 5, стр. 7.
3) 2 сен. 1736 г., т. V, стр. 426.
4) 14 янв. 1737 г., т. VI, стр. 21.
5) 14 сен. 1737 г., т. VI, стр. 560.

Отъ Сената: 1) 11 нояб. 1735 г., т. IV, стр. 463.
2) 8 янв. 1736 г., т. V, стр. 11.
3) 17 нояб. 1737 г., т. 6, стр. 682.
4) 26 марта 1736 г., т. V, стр. 155.

Отъ штатсъ-конторы: 1) О деньгахъ, нерасположенныхъ на полки, а также

магъ, касающихся вопроса объ источникахъ содержанія ландмиліціи: докладъ Сената (I т., стр. 209), указъ Сенату (I т., стр. 479) и запросъ Кабинета военной коллегіи. (Ут., стр. 6).

Острая нужда въ средствахъ побудила Кабинетъ обложить инородцевъ двойнымъ окладомъ. Въ журналѣ за 7 мая 1737 г. отмѣчено, что въ домѣ вице-канцлера были въ собраніи кабинетные министры и имѣли разсужденіе „о прибавкѣ на ясашныхъ русскихъ и на иновѣрцевъ, сверхъ подушныхъ денегъ, хлѣба“ (т. VI, стр. 274). А 10 мая 1737 г. послѣдовалъ именной указъ (П. С. З. № 7244), подтвержденный 12 января 1738 г. (№ 7480) о сборѣ съ русскихъ ясашныхъ и черносошныхъ крестьянъ, сверхъ подушныхъ денегъ, хлѣба по одному четверику съ души, а съ татаръ, мордвы, чувашъ, черемисъ и прочихъ иновѣрцевъ, пользующихся пашенной землей вдвое противъ русскихъ“. Въ качествѣ основанія дополнительнаго налога было выставлено то обстоятельство, что всѣ означенныя лица поселились въ хлѣбородныхъ мѣстностяхъ. По разсчету Кабинета „положеннаго провіанта на вышеупомянутыхъ крестьянъ и иновѣрцевъ въ годъ не меньше 130.000 четвертей быть можетъ“ (VI т., стр. 481—482).

Въ слѣдующемъ 1738 г. Кабинетъ коснулся и раскольниковъ. Раскольники еще при Петрѣ I были положены въ двойной окладъ, но зато освобождались отъ набора рекрутъ и лошадей. Въ 1738 году послѣдовалъ указъ собирать и съ раскольниковъ рекрутъ—по одному съ 50 душъ—и лошадей—по одной съ 100 (П. С. З. № 7702). Позднѣе былъ возбужденъ Сенатомъ вопросъ о томъ, чтобы не взимать двойного оклада, положеннаго за расколъ съ раскольниковъ Олонецкихъ, Лопскихъ и прочихъ погостовъ, живущихъ близъ Шведскаго рубежа (22 апр. 1740 г., т. XI, стр. 357). Нужно отмѣтить, что въ 1734 г. подушный сборъ, на общихъ основаніяхъ, былъ введенъ въ Эстляндской губ. (П. С. З. № 6599).

Затѣмъ въ области примѣненія готовой уже системы сбора подвергались обсужденію Кабинетомъ слѣдующія категоріи дѣлъ:

1) *о запрещеніи помѣщикамъ переводить крестьянъ изъ одной деревни въ другую* безъ разрѣшенія камеръ-коллегіи.

о четырегривенныхъ деньгахъ, положенныхъ на артиллерію—3 сент. 1735 г., т. V, стр. 337 и

2) какія подушныя деньги отошли въ военную коллегію 14 мар. 1737 г., т. VI, стр. 148.

Отъ маіора Шипова: 1) О курскихъ однодворцахъ—14 февр. 1739 г., т. IX стр. 123.

Эта мѣра припята съ цѣлью финансовой, для лучшаго обезпеченія податей, по указамъ № 6117—5 іюля 1732 г. и 4 іюля 1733 г. № 6453.

2) *О замѣнѣ, въ отдѣльныхъ случаяхъ, денежной подати уплатою натурою.*

Въ 1735 г. Кабинетъ самъ потребовалъ изъ военной коллегіи „примѣрную табель о сборѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вмѣсто подушныхъ денегъ, натурою провіанта“ (16 авг., IV т., стр. 308).

Затѣмъ Сенатъ представлялъ на разрѣшеніе Кабинета дѣла а) о зачетѣ въ подушный окладъ уѣздныхъ подводъ, данныхъ крестьянствомъ (т. V, стр. 140), б) о принятіи у бумажнаго фабриканта Гончарова бумаги въ уплату подушной подати за мастеровыхъ (т. X, стр. 511), в) о сборѣ, вмѣсто подушныхъ, провіанта и фуража: въ Воронежской и Бѣлогородской губерніяхъ (т. V, стр. 229), въ Сѣвской и Орловской провинціяхъ (VI т., стр. 418 и 485) и въ Псковской провинціи (X т., стр. 529 и 530).

Дѣло о зачетѣ въ подушный окладъ фуража въ Псковской провинціи является весьма характернымъ.

Прежде всего, когда у военной коллегіи возникло затрудненіе въ поставкѣ фуража на лошадей, которыхъ, по резолюціи Кабинета, велѣно было оставить въ Псковѣ, и коллегія нашла изъ этого выходъ въ видѣ сбора фуража съ мѣстнаго населенія натурой, то коллегія обратилась съ своимъ предложеніемъ не въ Кабинетъ, а въ Сенатъ. Слѣдовательно, военная коллегія признавала за Сенатомъ право верховнаго управленія сборами подушной подати и принудительной замѣны ея сборами натурой. Но самъ Сенатъ затруднялся брать на себя рѣшеніе такого принципіальнаго вопроса. Въ его сообщеніи Кабинету приводилось мнѣніе Сената: „того ради разсуждаетъ Сенатъ“. А затѣмъ заканчивалось такимъ образомъ: „однако-жъ о томъ требуетъ Сенатъ и отъ Кабинета Ея И. В. общаго разсужденія“. Затѣмъ принудительная замѣна совершалась съ расцѣнкой завѣдомо невыгодной и даже разорительной для населенія. Напр., цѣна четверти овса выражалась въ такихъ цифрахъ: въ Псковѣ—14 сент. 1739 г.—80 к., вообще 64—68 к., въ Петербургѣ—76 к. Военная коллегія предложила взять по цѣнѣ, положенной въ воинскомъ статѣ—45 к., что даже противъ самой минимальной псковской цѣны (64 к.) давало убытка на пудъ 19 к., а на всѣ предположенныя къ сбору 12719 четвертей 2416 р. 61 к. Точно также и за сѣно. Цѣна его въ Псковѣ была 5 к. Кол-

легія предложила по тому же воинскому стату—3 к. На предположенные къ сбору 136.062 пуда получился бы еще убытокъ 2721 р. 24 к., а всего убытка 5.137 р. 85 к.

Сенатъ отнесся все-таки болѣе мягко. Онъ разсудилъ зачесть въ сборъ „не по штатной цѣнѣ, *но по примѣру здѣшней цѣны, съ уменьшеніемъ*, а именно: за овесъ по 60 к. за четверть. „И при такой расцѣнкѣ убытокъ получался, но уже въ меньшей суммѣ—508 р. 76 к. Сѣно предположено взять по псковской цѣнѣ. Но Кабинетъ не согласился съ Сенатомъ и рѣшилъ зачитать „по положенной въ штатѣ цѣнѣ“, т.-е. присоединился къ мнѣнію военной коллегіи.

Наконецъ, и военная коллегія и Сенатъ одинаково допускали возможность всякихъ злоупотребленій и неправильностей со стороны пріемщиковъ. Напр., военная коллегія высказала мнѣніе, чтобы на принимаемый фуражъ „давать *вѣрныя и безъ подлога квитанціи*“. Сенатъ высказался „принимать безъ всякаго задержанія и волокиты и примѣтокъ, и на овесъ кулей и мѣшковъ не требовать, и мѣрять подъ гребло, какъ обыкновенно, а не сверхъ, и для того опредѣлить къ тому *добрыхъ* и вѣрныхъ людей“. Если въ данномъ случаѣ потребовались особыя оговорки, какъ отклоненіе отъ общаго порядка, то ясно, конечно, что въ современной жизни существовали и ложныя и невѣрныя квитанціи, и волокиты и пр. и все это являлось почти обычнымъ укладомъ той жизни.

Помимо сенатскихъ докладовъ, имѣется еще два вида предложеній:

а) доношеніе генерала Геннина о вычетѣ подушныхъ изъ задѣльныхъ денегъ тульскихъ мастеровъ (30/VI 1737 г., т. VI, стр. 402) и

б) доношеніе дворцовой слѣдственной комиссіи—о зачетѣ крестьянамъ конюшеннаго вѣдомства въ подушный окладъ разныхъ строеній и работъ (XI т., стр. 472).

Приведенные единичные примѣры доказываютъ, что замѣна наличныхъ денегъ сборами натурою если и допускалась на практикѣ, то какъ исключеніе, требовавшее санкціи Кабинета, и дѣла эти возникали обычно по докладу Сената.

3) *О сложеніи, отсрочкѣ и прочихъ льготахъ въ платежѣ податей.*

Льготы въ платежѣ подушной подати были допущены въ очень ограниченномъ размѣрѣ. Первая, объявленная указомъ 14 мая 1730 г. (П. С. З. № 5555), касалась сибирскихъ поселенцевъ въ Тарѣ; съ нихъ не велѣно брать подушныхъ денегъ

въ теченіе 2-хъ годовъ. А вторая, объявленная 3 апрѣля 1731 г. (П. С. З. № 5737) и 17 декабря 1733 г. (II. С. З. № 6518), относилась къ казанскимъ новокрещеннымъ, которымъ, по примѣру Петра I, дана льгота отъ платежа подушныхъ на 3 года, съ уплатою за нихъ подушной подати изъ канцелярскихъ или другихъ доходовъ Казанской губерніи.

Дѣла о сложеніи податей обычно возникали въ двоякой формѣ: или по докладамъ Сената или по челобитнымъ. Но и въ послѣднемъ случаѣ челобитныя направлялись Кабинетомъ въ Сенатъ съ резолюціей, что „надлежитъ разсмотрѣніе учинить въ Сенатѣ и мнѣніе подать въ Кабинетъ“. Такимъ образомъ и по этимъ даннымъ *управленіе* подушными сборами *принадлежало Сенату*, а разрѣшеніе принципіальныхъ вопросовъ, выходившихъ за предѣлы установленныхъ правилъ и законовъ, восходило уже на разсмотрѣніе Кабинета.

Сенатскіе доклады по существу распадались на двѣ категоріи. 1-я вытекала изъ факта сложенія податн за 1-ю половину 1735 года (по указу 27 янв. 1735 г.—II. С. З. № 6681), какъ общей мѣры, возникшей по извѣстнымъ докладамъ Анисима Маслова „о скудости крестьянской“, и здѣсь обсуждались собственно источники возмѣщенія сложенной податн [1]) (т. IV, стр. 89 и 463).

Вторая категорія касалась вопроса объ отсрочкѣ податн съ крестьянъ нѣсколькихъ губерній, бывшихъ въ нарядѣ по заготовкѣ лѣсовъ, строенію судовъ, починкѣ крѣпостей и прочимъ военнымъ потребностямъ (VI т., стр. 414, 442, 566 и 589), а затѣмъ съ крестьянъ Казанской провинціи, разоренныхъ башкирцами (V т., стр. 138 и 139). По дѣламъ о нарядѣ является необычной мѣра, которую предложилъ Сенатъ. Онъ высчиталъ, что если сложить съ указанныхъ имъ губерній податн за одинъ 1737 г., то это составитъ 1.387.315 р. $26^{3}/_{4}$ к., и эту сумму предложилъ разложить на другія губерніи, *увеличивъ тамъ подушную подать на 36 к. съ души:* съ купечества по 1 р. 56 к., съ одподворцевъ—по 1 р. 46 к. и съ крестьянъ—1 р. 6 к. Это уже коренпымъ образомъ нарушало какъ размѣры налога, установленные Петромъ, такъ и его принципъ: „какъ сіе положится, отъ прочихъ всѣхъ податей и работъ свободны будутъ“ (указъ 15 ноября 1717 г.).

---

[1]) Отсюда же вытекали непосредственныя сношенія Кабинета съ коммерцъ-коллегіей и Татищевымъ о подушныхъ съ заводскихъ крестьянъ (IV т., стр. 440 и 532).

И Кабинетъ не согласился съ Сенатомъ, а для опредѣленія способа удовлетворенія крестьянъ, бывшихъ въ нарядѣ, затребовалъ дополнительныя свѣдѣнія.

Челобитныя принадлежали къ одному типу—ходатайству о сложеніи за бѣглыхъ, умершихъ и взятыхъ въ рекруты (VI т., стр. 185, X т., стр. 58, 95, 175—177, 187—189). Нѣкоторую разновидность составляли челобитныя объ увольненіи домой „для платежа податей“, людей, имѣющихся въ работѣ при адмиралтействѣ, „понеже отъ малолюдства во всякихъ казенныхъ податяхъ и за неимѣніемъ къ платежу денегъ, претерпѣваютъ несносную нужду“. Но въ этомъ отказывали (X т., стр. 251). Затѣмъ была одна челобитная о зачетѣ въ уплату подати переплаты, сдѣланной еще въ 1724 г., когда, вмѣсто 74 к. взято по 80 к. (IV т., стр. 167).

Особенный интересъ для царствованія Анны Іоанновны представляютъ порядокъ сбора и взысканіе недоимокъ, вслѣдствіе чего первая изъ этихъ частей организаціи сбора изложена отдѣльно, а вторая выдѣлена въ особый отдѣлъ. Что касается остальныхъ частей податной организаціи, то самой главной изъ нихъ, а именно нормы и назначенія сбора Кабинетъ совершенно почти не касался, довольствуясь установленіями Петра I (небольшое исключеніе представляютъ дѣла съ инородцами и раскольниками). Кабинетъ, какъ видно изъ приведенныхъ выше примѣровъ, больше всего интересовался свѣдѣніями о суммѣ сбора. Затѣмъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, когда ихъ выдвигала сама жизнь, Кабинетъ, слѣдуя за нею, разсматривалъ, по докладамъ Сената и по челобитнымъ, вопросы, главнымъ образомъ, *о примѣненіи нормъ* къ сборамъ натурою и къ ходатайствамъ о сложеніи или отсрочкѣ платежей. Здѣсь Кабинетъ игралъ роль верховнаго учрежденія по финансовымъ дѣламъ, дававшаго разрѣшенія и разъясненія въ тѣхъ случаяхъ, которые выходили за границы установленныхъ положеній.

Порядокъ сбора. Порядокъ сбора былъ довольно неустойчивъ и въ самое короткое время подвергался различнымъ измѣненіямъ, въ особенности въ царствованіе Анны Іоанновны. Первый указъ о переписи отъ 26 ноября 1718 г. возлагалъ сборъ подушной подати на *одного* земскаго коммиссара, ежегодно выбираемаго и учитываемаго дворянствомъ. Выборный Коммиссаръ „отъ земли“ дѣлался посредникомъ между населеніемъ и расквартированной арміей и долженъ былъ „на уреченные

сроки сбирать съ крестьянъ деньги и отдавать полковому комиссару при всѣхъ офицерахъ“ (Милюковъ „госуд. хоз.“ стр. 471 и 472). Но уже въ 1723 году Петръ указалъ на первый годъ собирать подать *съ участіемъ* штабъ и оберъ-офицеровъ „дабы добрый аншталтъ внесть“. Это участіе, однако, продлилось на нѣсколько лѣтъ, и полковыя команды фактически обратились въ руководителей сборомъ податей. Такимъ образомъ уже при Петрѣ I прошло двѣ фазы развитія порядка.

Екатерина I, въ указѣ отъ 9 января 1727 г., дала суровую критику по-уѣздной расквартировкѣ арміи и признала, что форма взиманія податей разоряетъ плательщиковъ; поэтому отстранила отъ сбора военныя команды [1]) и возложила сборъ на однихъ земскихъ коммиссаровъ, поставленныхъ въ прямую зависимость отъ воеводъ. При этомъ высказывалось мнѣніе, что брать подушную подать слѣдуетъ не прямо съ крестьянъ, а „платить самимъ помѣщикамъ“. Это 3-я стадія развитія порядка сбора.

Но дѣло не пошло лучше: по образному выраженію проф. Ключевскаго (IV ч. „Русск. исторіи“, стр. 417) воеводы съ своими хищными приказными стоили военныхъ командъ. Въ Указѣ Анны Іоанновны отъ 31 окт. 1730 г. говорится, что „коммиссары излишніе и вымышленные сборы производили, и, принявъ деньги, отписей не давали, а писали въ домку. Произошло многое въ уѣздахъ воровство и разбои, и крестьяне бѣгутъ“. Поэтому Анна Іоанновна вернулась къ петровскому способу, и подушный сборъ положила по прежнему на полковниковъ съ офицерами „и въ этотъ сборъ вступить съ начала будущаго 1731 года“ (П. С. З. № 5638). Эта по общему счету, 4-я стадія была началомъ преобразовательной дѣятельности Кабинета Министровъ [2]) Анны Іоанновны въ отношеніи порядка сбора.

Едва ли, однако, и этотъ опытъ оказался удачнымъ. По крайней мѣрѣ послѣ этого не прошло и года, а уже ввели

---

[1]) Указъ 9 янв. 1727 г. пришелъ къ рѣшенію вывести полки съ уѣздныхъ квартиръ и поселить ихъ при городахъ, а слѣдовательно—отказаться отъ непосредственнаго содержанія войска населеніемъ при расквартировкѣ полковъ на „вѣчныхъ квартирахъ“ въ уѣздахъ. Этимъ самымъ, какъ справедливо отмѣтилъ Милюковъ (Гос. хоз, стр. 518), отмѣнена одна изъ самыхъ основныхъ чертъ петровской организаціи.

[2]) Хотя указъ 31 окт. 1730 г. изданъ еще до учрежденія Кабинета Министровъ, но во 2-й главѣ указано, что если не весь, то значительная часть законодательнаго матеріала, появившагося съ момента уничтоженія Верховнаго Тайнаго Совѣта, до оффиціальнаго учрежденія Кабинета,—возникла подъ непосредственнымъ вліяніемъ и даже по иниціативѣ „тайно содержимаго“ Кабинета.

иной порядокъ (по счету 2-й—за ея царствованіе). 23 іюня 1731 г. былъ утвержденъ новый регламентъ (П. С. З. № 5789) камеръ-коллегіи, по которому положено: выборныхъ отъ уѣзднаго дворянства земскихъ коммиссаровъ упразднить, *а подушныя деньги платить самимъ помѣщикамъ*, или ихъ управляющимъ заранѣе до полугодового срока (1-ю половину собирать въ январѣ, февралѣ и мартѣ, а 2-ю съ половины сентября по 1-го декабря) и въ срокъ, не дожидаясь повѣстки, отвозить къ воеводѣ.

Такимъ образомъ отвѣтственный плательщикъ, по словамъ проф. Ключевскаго (IV ч. „Русск. исторіи“, стр. 417), сталъ и обязательнымъ сборщикомъ. „Этотъ сборъ легъ на помѣщиковъ новымъ правительственнымъ порученіемъ въ прибавку къ прежнимъ: къ вотчинному суду, къ полицейскому надзору за своими крѣпостными, къ отвѣтственности за ихъ податную исправность и къ ходатайству за нихъ въ судныхъ дѣлахъ съ посторонними“.

Основная мысль закона 23-го іюня 1731 г. не была оригинальной: еще ранѣе, въ указѣ Екатерины I отъ 9 янв. 1727 г. уже высказывалось мнѣніе, что „брать подушную подать слѣдуетъ не прямо съ крестьянъ, а платить самимъ помѣщикамъ“. Здѣсь эта мысль получила дальнѣйшее развитіе. По регламенту „въ случаѣ непривоза денегъ въ срокъ, полковники вмѣстѣ съ воеводами посылаютъ въ незаплатившія деревни для правежа денегъ *экзекуцію*, велятъ немедленно править на помѣщикахъ или приказчикахъ и старостахъ и ихъ понуждать, чтобы они собирали съ крестьянъ; а буде крестьяне прикащиковъ и старостъ слушать не будутъ, въ томъ имъ вспомогать по ихъ требованію“. На время экзекуціи помѣщики должны были платить кормовыя деньги: оберъ-офицерамъ по 15, унтеръ-офицерамъ—по 5, рядовымъ по 3 к. на день и, сверхъ того, унтеръ-офицерамъ и рядовымъ на пропитаніе хлѣба по 3 ф. и мяса по 1 ф. на человѣка въ день, а затѣмъ фуражъ лошадямъ или прогонныя деньги.

Но полковыя команды не ограничивались получаемымъ ими жалованьемъ и спеціальными кормовыми, или экзекуціонными деньгами. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ со дня утвержденія новаго регламента, какъ уже появился 17 августа 1731 г. Сенатскій указъ (П. С. З. № 5833), которымъ объявлялось, что въ Вятской провинціи посланные съ полковыхъ дворовъ солдаты чинятъ побои, обиды и берутъ взятки. Указъ увѣщеваетъ офицеровъ и солдатъ не обижать жителей и не брать

съ нихъ взятокъ и устанавливаетъ порядокъ принесенія жалобъ на притѣсненія и обиды отъ обрѣтающихся на вѣчныхъ квартирахъ офицеровъ, отъ воеводъ и губернаторовъ.

Увѣщанія и угрозы не помогли. Проф. А. Н. Филипповъ напечаталъ интересную записку неизвѣстнаго [1]), которая относится къ 1733 году и озаглавлена въ подлинникѣ подъ названіемъ: „Представленіе объ утѣсненіяхъ народа отъ подушнаго сбора“. И эта записка прямо начинается такими словами: „извѣстно довольно всѣмъ, каковыя народу обиды отъ подушнаго непорядочнаго сбору происходятъ“. Происходятъ обиды, по запискѣ, отъ „воеводскихъ и приказныхъ лишнихъ сборовъ и нападковъ“. Цѣлью записки было желаніе ограничить срокъ военной службы дворянства. Но авторъ представленія, по справедливому замѣчанію проф. Филиппова, наглядно связалъ *успѣшность* сбора подушныхъ съ *ограниченіемъ* срока дворянской службы, утверждая, что вслѣдствіе невозможности для помѣщиковъ слѣдить за своимъ хозяйствомъ, „всѣми ихъ шляхетными домами и деревнями владѣютъ приказчики и старосты, которые непорядками своими домы помѣщиковъ своихъ, такожъ и крестьянъ, разоряютъ и отъ того многое шляхетство въ такую бѣдность пришло, что своей фамиліи вспоможеніе учинить не могутъ, и крестьяне не только разоряются, но и государственный сборъ отъ такого несмотрѣнія съ великимъ умаленіемъ противъ надлежащаго собирается“.

Въ данномъ случаѣ „представленіе“ имѣетъ цѣнное значеніе по двумъ причинамъ. Во-первыхъ оно констатируетъ тотъ фактъ, что въ 1733 г. и ранѣе происходили извѣстныя всѣмъ (очевидно крупныя) народныя обиды въ подушномъ сборѣ отъ воеводъ и приказныхъ, которые совершали лишніе сборы и нападки, и затѣмъ отъ приказчиковъ и старостъ, разорявшихъ крестьянъ своими непорядками. Во вторыхъ записка излагаетъ проектъ, касающійся порядка сбора, и съ этой стороны въ цѣпи такихъ проектовъ она представляетъ собою ея естественное и при томъ весьма оригинальное звено. Если бы помѣщикъ оставался дома, то, по словамъ записки, „особливыхъ офицеровъ и солдатъ на вѣчныхъ квартирахъ держать не для чего“ и „нетокмо подушный окладъ сполна собираемъ, но и крестьянство отъ прочаго разоренія охранены“, при чемъ тогда „можетъ всякій помѣщикъ самъ подушный окладъ безъ высылки

---

[1]) Изданіе Императорскаго О-ва Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, 1907 года.

заплатить". По словамъ проф. Соловьева (его XX томъ „Исторіи Россіи") записка оказала вліяніе на извѣстный манифестъ 31 декабря 1736 г. По этому манифесту „для лучшей государственной пользы и содержанія шляхетскихъ домовъ и деревень" срокъ обязательной дворянской службы въ войскѣ ограниченъ двадцатью пятью годами. Желанія проекта исполнились: дворянство получило льготы. Но отъ этого сборъ не улучшился, а крестьянству стало еще хуже. Въ этомъ отношеніи весьма характерную и яркую бытовую картину даетъ оффиціальный документъ—именной указъ отъ 24 января 1738 г. (П. С. З. № 7494). Подтверждая о жестокомъ оштрафованіи помѣщиковъ за неплатежъ недоимокъ, указъ, въ своихъ разсужденіяхъ о причинѣ ихъ накопленія, дѣлаетъ между прочимъ такое откровенное заявленіе: „что же до помѣщиковыхъ доходовъ надлежитъ, то оные помѣщики своихъ на крестьянахъ доходовъ въ доимкѣ не оставляютъ, но отъ времени до времени свои доходы умножаютъ всегдашней крестьянской на нихъ работой, что ихъ крестьянамъ не токмо на подати государственныя, но и на свое годовое пропитаніе хлѣба изъ земли добыть или черезъ какіе промыслы получить времени не достаетъ. И тако не отъ податей государственныхъ, но отъ непрестанныхъ работъ помѣщиковыхъ крестьяне разоряются". Такимъ образомъ, помимо обидъ при сборѣ податей со стороны полковыхъ командъ, воеводъ, приказныхъ, приказчиковъ и старостъ,—крестьянъ, по словамъ Указа, крайне угнетали сами помѣщики. Впрочемъ, то, что было послѣ 1736 г., имѣло мѣсто и до этого года. По словамъ Маслова, „помѣщики какъ духовные, такъ и свѣтскіе крестьянъ своихъ въ работы употребляли и оброки съ нихъ собирали, кто какъ захотѣлъ по своей волѣ, а въ нужный случай вспоможеніе имъ не чинили" (III т., стр., 289). Когда голодъ наступилъ и крестьяне стали ѣсть траву, помѣщики пустили ихъ по-міру, и никакіе указы не могли ихъ заставить кормить крестьянъ.

Между тѣмъ обиды крестьянъ при сборѣ подушной подати получили широкое распространеніе и достигли, видимо, крайней степени. И Масловъ, въ своемъ проектѣ, поданномъ въ 1734 г., изложилъ положеніе дѣлъ такимъ образомъ: „при сборахъ подушныхъ денегъ и рекрутъ офицеры нетокмо, по своимъ инструкціямъ и указамъ В. И. В-ва, отъ посторонниихъ обидъ (крестьянъ) не охраняли, но паче сами многое утѣсненіе и обиды изо взятковъ чинили, о чемъ на многихъ письменныя жалобы произошли, а изъ дворцовыхъ управителей на од-

ного Маслова, который въ Чарондѣ, показываютъ съ 5 т. рублевъ взятковъ“ (III т., стр. 290).

Горячая защита Маслова въ этомъ отношеніи достигла цѣли. Особое Совѣщаніе при Кабинетѣ Министровъ съ ихъ участіемъ, въ засѣданіи своемъ 9 января 1735 г., постановило: „экзекуцію изо всѣхъ мѣстъ, гдѣ бъ опая для сбору подушныхъ денегъ ни была, до указу — вывести вонъ. А когда для высылки съ платежомъ подушныхъ денегъ послать будетъ потребно, тѣмъ посланнымъ экзекуцныхъ денегъ (кормовыхъ, установленныхъ по Регламенту 23 іюня 1731 г.), провіанта и фуража и кормовъ никакихъ имъ не брать и не давать, а довольствоваться опредѣленнымъ имъ жалованьемъ“ (IV т., стр. 7). Постановленіе Совѣщанія вошло въ силу и объявлено указомъ 23 января 1735 г. (П. С. З. № 6674): „для нынѣшней крестьянской скудости изъ всѣхъ деревень, гдѣ есть посланные на экзекуцію до указа—вывесть, а впредь если и будутъ посланы, не давать кормовыхъ, фуражныхъ и проч. „И такъ были отмѣнены экзекуціонныя (кормовыя) деньги, и затѣмъ на неопредѣленное время выведены и сами экзекуціи. Это по счету—3-е измѣненіе при Аннѣ Іоанновнѣ.

15 іюня 1735 г. въ Кабинетъ, между прочимъ, поступило доношеніе Сибирской губернской канцеляріи о присылкѣ туда „для безопасности отъ непріятелей, драгунскихъ полковъ и о гарнизонныхъ офицерахъ, которые у подушнаго сбору, чтобы ихъ отпустить въ гарнизонъ по прежнему“. Офицеровъ потребовали для выполненія ихъ прямыхъ военныхъ обязанностей. Министры приказали: отослать доношеніе для разсмотрѣнія въ Сенатъ (IV т., стр. 210). Но дѣла о взяткахъ офицеровъ, бывшихъ у подушнаго сбора, продолжали развиваться и впослѣдствіи на протяженіи нѣсколькихъ лѣтъ [1]).

Кабинетъ вообще, видимо, довольно чутко прислушивался къ положенію дѣлъ на мѣстахъ при новомъ порядкѣ сборовъ безъ экзекуцій. 5 августа 1735 г. имъ приказано изъ военной коллегіи прислать вѣдомости, „о сводѣ изъ деревень экзекуцій на вѣчныя квартиры, когда указы посланы, гдѣ имѣлись—

---

[1]) 1) 22 декабря 1735 г. доношеніе военной коллегіи о народныхъ обидахъ и разореніяхъ отъ офицеровъ, будущихъ у подушнаго сбора (IV т., стр. 535); 2) 29 февраля 1736 г. доношеніе Румянцева о слѣдствіи объ обидахъ отъ офицеровъ (V т., стр. 98); 3) о капитанахъ Алексѣевѣ, Возницынѣ и др., обвиняемыхъ въ взяткахъ—23 іюня 1736 г.—т. V, стр. 281, 4 сен. 1736 г.—т. V, стр. 429. 2 апр. 1737 г.—т. VI, стр. 190 и Указъ 7 сентября 1737 г.—П. С. З. № 7365 и 4) затребованы Кабинетомъ вѣдомости отъ военной коллегіи объ офицерахъ, обвиненныхъ во взяткахъ: 1 окт. 1736 г., т. V, стр. 478 и 8 февраля 1737 г., т. VI, стр. 77.

выведены ль“ (IV т., стр. 293). 13-го августа по поводу размѣровъ доимки, между прочимъ, затребованы отъ военной коллегіи свѣдѣнія, „когда офицеры на штапныхъ дворахъ тотъ подушный сборъ имѣли, съ меньшей или вящей доимкой исправлялся и сколько на который годъ въ доимкѣ“ (IV т. стр. 301—302). Министры, очевидно, тревожились и находили, что на мѣстахъ, съ удаленіемъ офицеровъ, образовался существенный пробѣлъ. И, дѣйствительно, уже на слѣдующій день 14 августа, въ совѣщаніи съ членами военной коллегіи, „г.г. кабинетные министры разсудили о подушномъ сборѣ, чтобы были опредѣлены *безперемѣнные сборщики*; надъ ними чтобъ губернаторовъ и провинціальныхъ воеводъ смотрѣніе было и объ непорядкахъ сборщиковъ въ военную и камеръ-коллегію репортовали“ (IV т., стр. 305). Это было уже зарожденіе 4-го измѣненія. Членъ военной коллегіи Тайный Совѣтникъ В. Я. Новосильцевъ выразилъ мнѣніе опредѣлить для подушнаго сбора отставныхъ офицеровъ и солдатъ 2 т. человѣкъ. По этому поводу Министры 18 августа затребовали отъ военной коллегіи свѣдѣнія о томъ „что если опредѣлить этихъ 2 тысячи человѣкъ и жалованье имъ давать противъ остзейскихъ гарнизонныхъ полковъ, на оное, тако жъ на мундиръ, на ружье и на амуницію и на провіантъ колико суммы въ годъ надобны“ (IV т., стр. 312).

Положеніе дѣлъ на мѣстахъ оставалось неудовлетворительнымъ и послѣ отмѣны экзекуціонныхъ денегъ. Изъ 4-го пункта сенатскаго доклада отъ 26 января 1736 г. (П. С. З. № 6872) видно, что „посылаются солдаты для повѣстки о платежѣ подушныхъ денегъ, которыхъ крестьяне не токмо принуждены кормить и подводы давать, но еще по копейкѣ съ каждаго двора иногда давать, и *ежели все исчислить, то едва ли не по 10 к. съ души исходитъ*“. Это былъ несомнѣнный минусъ и для правительства и для плательщиковъ. Для плательщиковъ податной налогъ изъ 70 к. превращался въ 80-ти копеечный, и придатокъ въ 10 к. шелъ изъ дыряваго кармана крестьянина мимо государственной кассы на совершенно непроизводительное дѣло, образуя на эту сумму нарощеніе доимки. Правительство, въ своихъ собственныхъ интересахъ, даже узко фискальныхъ, не могло примириться съ существующимъ порядкомъ; оно искало выходъ изъ этого положенія въ связи съ вопросомъ о „безперемѣнныхъ сборщикахъ“ и организаціей дѣла въ самомъ центральномъ учрежденіи. Кабинетъ, какъ указано выше, требовалъ различныя свѣдѣнія отъ военной коллегіи, устраивалъ совѣщанія съ ея членами, но въ конечномъ результатѣ всю разработку

вопроса поручилъ Сенату [1]), который и представилъ обширный докладъ, утвержденный Государыней 26 января 1736 г. (П. С. З. № 6872). По новому закону подушный сборъ оставался по прежнему на губернаторахъ и воеводахъ. Но къ нимъ (п. 5-й доклада) „*для сихъ токмо однихъ дѣлъ (положено) опредѣлить изъ отставныхъ офицеровъ*“. Новость, сравнительно съ прежнимъ порядкомъ, состояла еще въ томъ, что отставные офицеры, по 1—2 человѣка на уѣздъ, должны были собирать *каждый по своему уѣзду, а не по полкамъ*, какъ прежде, и сборную казну отсылать къ воеводамъ. А при воеводахъ, для сбора подушныхъ денегъ и искорененія воровъ, прибавлено разсыльщиковъ къ 5.488 еще 2744. На жалованье „будущимъ при сборѣ“ офицерамъ, солдатамъ и подъячимъ положенъ съ плательщиковъ дополнительный сборъ по 2 к. съ рубля, что составляло подушный налогъ уже не въ 70, а въ 72 к. Вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовало измѣненіе и въ организаціи центральнаго учрежденія по сборамъ. Подушный сборъ вѣдало спеціальное центральное учрежденіе — Генеральный Кригсъ-Коммиссаріатъ, который являлся совершенно самостоятельнымъ. Въ началѣ царствованія Анны Іоанновны была составлена для Коммиссаріата особая инструкція, утвержденная 12 декабря 1731 г. [2]) (П. С. З. № 5904), гдѣ сказано, что „съ 732 г. подушный сборъ весь опредѣленъ въ дирекцію Генералъ-Кригсъ-Коммиссаріата“. Но въ Коммиссаріатѣ, какъ выражено въ указѣ, дѣла происходили не въ порядкѣ, и Коммиссаріатъ въ 1736 году соединенъ съ военной коллегіей (26 января 1736 г.—П. С. З. № 6872). Это было, по счету, 4-е измѣненіе за время царствованія Анны Іоанновны.

Однако порядокъ 4-го измѣненія, видимо, также не вполнѣ удовлетворялъ Кабинетъ. Только этимъ и можно объяснить довольно необычное и характерное требованіе, предъявленное Сенату 5 сентября 1738 г. (т. VIII, стр. 212) представить записку „о бывшихъ, за неплатежъ на сроки, экзекуціяхъ и для чего оныя отставлены, и вмѣсто того, о скорѣйшемъ и порядочномъ безъ доимки сборѣ порядокъ введенъ“. По этому поводу слѣдуетъ отмѣтить, что отъ экзекуцій, какъ крайней мѣры воздѣйствія, правительство Анны Іоанновны въ сущности ни-

---

[1]) Кабинетъ два раза дѣлалъ Сенату напоминанія о скорѣйшемъ окончаніи вопроса о коммиссаріатѣ и о подушномъ сборѣ: 1 сент. 1735 г. (т. IV, стр. 335) и 5 сент. 1735 г. (т. IV, стр. 340).

[2]) Объ утвержденіи ея упоминается въ журналѣ 12 декабря 1731 г. (I т., стр. 78).

когда не отказывалось. Оно отмѣнило ее въ 1735 году, подъ вліяніемъ Маслова, *какъ обычную мѣру*, лишь въ видѣ временнаго исключенія „для нынѣшней крестьянской скудости“, но и тогда была сдѣлана предусмотрительная оговорка, что экзекуціи и впредь могутъ быть посланы „когда потребно“. Слѣдовательно, экзекуціи, какъ необходимая составная часть порядка сбора, дѣйствовали въ продолженіи всего царствованія Анны Іоанновны.

Также необходимый элементъ порядка сбора составляла отчетность.

Въ бумагахъ имѣются, между прочимъ, свѣдѣнія и о томъ, что Кабинетъ Министровъ заботился и объ отчетности по сбору на мѣстахъ. Еще въ 1732 году полковникамъ и офицерамъ велѣно было имѣть для сбора подушныхъ денегъ окладныя книги, „съ кого что взять надлежитъ“, по установленной формѣ (П. С. З. № 6003). А въ 1735 году, 30 декабря, велѣно Сенату чинить исполненіе о томъ, „чтобъ, по примѣру другихъ государствъ, имѣть помѣщикамъ, а въ небытность ихъ — прикащикамъ и старостамъ подушнаго платежу записныя книги, въ которыхъ преемщикамъ, вмѣсто данія отписей, росписываться“ (т. IV, стр. 554). Съ измѣненіемъ сборщиковъ Кабинетъ сталъ заботиться о примѣненіи новой реформы и новой отчетности. 14 мая 1736 г. былъ данъ указъ Сенату о скорѣйшемъ составленіи инструкціи о подушномъ сборѣ (т. V, стр. 206). 2 іюня 1736 г. Кабинетъ затребовалъ отъ военной коллегіи свѣдѣнія, „къ подушному сбору отставные офицеры и солдаты во всѣ ль мѣста опредѣлены [1]) и на приходъ и расходъ денегъ книги, и какъ имъ поступать Инструкціи посланы ль, и бывшихъ до сего времени отъ полковъ офицеровъ къ полкамъ ихъ отпустить велѣно ль“ (т. V, стр. 303). И наконецъ 30 сентября 1737 г. были получены изъ Сената Инструкціи, „какъ при подушномъ сборѣ поступать, ко апробаціи“ (т. VI, стр. 591).

При обозрѣніи матеріала, касающагося порядка сбора, невольно обращаетъ вниманіе частая смѣняемость и неустойчивость системъ сбора. Съ 1718 до 1736 г., т. е. на протяженіи всего лишь нѣсколькихъ лѣтъ, совершилось семь измѣненій, изъ коихъ большая часть—четыре—падаетъ на періодъ царствованія Анны Іоанновны. Правительство дѣлало пробы и въ

---

[1]) Вопросъ повторенъ 8 февраля 1737 г. (т. VI, стр. 77).

сущности ни одна проба вполнѣ его не удовлетворяла. Кабинетъ Министровъ очень живо относился къ этому дѣлу. И нужно отдать справедливость, что перемѣны вызывались не одними интересами фиска и желаніемъ только обезпечить бездоимочный сборъ, но главнымъ образомъ желаніемъ ввести систему неразорительную и нетягостную для плательщиковъ. И не вина Министровъ, если при каждой системѣ, при всемъ желаніи ихъ оберечь крестьянъ отъ обидъ и разореній, ихъ всѣ кругомъ угнетали и разоряли: и полковыя команды, и воеводы, и приказные, и прикащики, и старосты, и болѣе всего помѣщики.

ГЛАВА VIII.

Промышленность.

По мнѣнію проф. Ключевскаго, одной изъ плодотворнѣйшихъ идей, какія начинаютъ шевелиться въ московскихъ умахъ XVII вѣка, было сознаніе коренного недостатка, которымъ страдала финансовая система Московскаго Государства. Эта система, возвышая налоги по мѣрѣ увеличенія нуждъ казны, отягащала народный трудъ, не помогая ему стать болѣе производительнымъ. Мысль о предварительномъ подъемѣ производительныхъ силъ народа, какъ о необходимомъ условіи обогащенія казны, и легла въ основу экономической политики Петра. Онъ поставилъ себѣ задачей вооружить народный трудъ лучшими техническими пріемами и орудіями производства и ввести въ народнохозяйственный оборотъ новые промыслы, обративъ народный трудъ на разработку нетронутыхъ еще богатствъ страны (IV ч. „Рус. Ист.“, стр. 141).

Правительство Анны Іоанновны продолжало вести ту же политику покровительства и искусственнаго насажденія промышленности, какую проводилъ Петръ I. Дѣлалось это потому, что Остерманъ и ему подобные, по справедливому замѣчанію Соловьева, понимали, что однимъ взысканіемъ доимокъ нельзя увеличить государственные доходы, *что надобно усиливать промышленную дѣятельность народа* („Рус. исторія“, т. XX, гл. 3-я, стр. 1425).

1) **Фабрики.** *Взгляды* правительства *на значеніе* фабрикъ выражены совершенно опредѣленно въ нѣсколькихъ указахъ. Въ указѣ отъ 12 марта 1734 г. (П. С. З. № 6551) дѣлается ссылка на примѣръ дяди Петра I, который „прилежное стараніе имѣлъ, *для пользы государственной*, учредить разныя мануфактуры и фабрики, какъ и въ другихъ государствахъ находятся, а особливо такія, для которыхъ матеріалы въ Россійской Имперіи

найтися могутъ безубыточно, ввести и распространить, *ибо отъ того многія другія государства богатятся и процвѣтаютъ*". Намѣренія же правительства и его программа дѣйствій изложены въ высочайшей привиллегіи, данной купцамъ Еремѣеву и его товарищамъ на заведеніе въ Москвѣ суконной фабрики отъ 18 сентября 1736 г. (П. С. З. № 7060): „Наше всемилостивѣйшее намѣреніе соизволеніе есть не токмо заведенныя при жизни его, дяди нашего, Его Императорскаго В—ва, мануфактуры *и фабрики въ лучшее состояніе и размноженіе приводить,* и онымъ всякое надлежащее вспоможеніе чинить, но такожъ де и *вновь* всякія художества, мануфактуры и фабрики ввесть и *распространить*".

Въ размноженіи фабрикъ у правительства были и иныя, чисто практическія побужденія, которыя также выражены имъ въ указахъ и другихъ бумагахъ. Въ мнѣніи Министровъ, графа Головина и князя Шаховского [1]), утвержденномъ Государыней 18 ноября 1732 г. (П. С. З. № 6262) сказано: „и чтобъ впредь армію, безъ покупки чужестранныхъ суконъ, своими домашними удовольствовать возможно было". На эта цѣль плохо достигалась. Напр., въ указѣ отъ 12 марта 1734 г. (П. С. З. № 6551) дѣятельность фабрикъ и виды правительства охарактеризованы такимъ образомъ: что нѣкоторыя фабрики „находятся въ совершенномъ дѣйствіи, и содержатели получаютъ себѣ отъ оныхъ немалую прибыль, токмо еще на армію мундирными сукнами безъ вывоза чужестранныхъ удовольствовать не могутъ. А наше всемилостивѣйшее соизволеніе и попеченіе есть, чтобъ въ Россіи, между прочимъ, и суконныя фабрики умножить, дабы армію, безъ вывоза чужестранныхъ, россійскими сукнами удовольствовать". А въ Привиллегіи Еремѣеву (П. С. З. № 7060) говорится уже о томъ, что „*паче* суконныя умножить, дабы войска наши, безъ вывоза чужестранныхъ, россійскими сукнами удовольствовать".

Цѣли правительства, однако, не совпадали съ условіями современной русской жизни. Страна не была къ этому подготовлена—у нея не было капиталовъ, рабочихъ (вольнонаемнаго труда), предпринимателей и покупателей, и наша мануфактура и фабрика, какъ отмѣтилъ Милюковъ, не развилась органически, изъ домашняго производства, подъ вліяніемъ роста внутреннихъ потребностей населенія, а была создана правитель-

---

[1]) Строевъ правильно замѣтилъ, что Государыня утвердила не докладъ Сената, а представленіе упомянутыхъ выше лицъ („Кабинетъ Министровъ", ч. I-я, стр. 103), о совѣщаніи которыхъ отмѣчено въ I т. на стр. 469, 470, 471, 489).

ствомъ („Очерки рус. культуры“, ч. I-я, стр. 80). Новая форма производства заимствована Петромъ у господствовавшей тогда на Западѣ политико-экономической школы меркантилистовъ; и въ Россіи эта форма, какъ справедливо замѣтилъ Милюковъ, могла держаться только искусственными средствами, благодаря усиленному покровительству. Фабрикантамъ стали давать исключительныя льготы. Имъ были даны даровые рабочіе въ видѣ приписанныхъ къ заводамъ крѣпостныхъ; затѣмъ имъ были даны и обязательные покупатели путемъ предоставленія монополіи и путемъ устраненія съ рынка однородныхъ иностранныхъ продуктовъ, облагавшихся тяжелыми ввозными пошлинами („культура“, I ч., стр. 81). И, наконецъ, фабрикантамъ были обезпечены поставки казенныя [1]).

Петръ I [2]) особенно щедро расточалъ фабрикантамъ всякія льготы. Основатели фабрики или завода освобождались отъ казенныхъ и городскихъ службъ и другихъ повинностей, могли извѣстное число лѣтъ безпошлинно продавать свои товары и покупать матеріалы, получали безвозвратныя субсидіи и безпроцентныя ссуды. Затѣмъ по указу 18 іюля 1722 г. было запрещено отдавать съ фабрикъ рабочихъ, хотя бы это были бѣглые крѣпостные (Ключевскій, IV ч., „Рус. ист.“, стр. 152).

Верховный Тайный Совѣтъ преемственно унаслѣдовалъ политику меркантилизма; имъ давалось разрѣшеніе новыхъ производствъ и затѣмъ принимались поощрительныя мѣры: льготы тѣмъ изъ нихъ, которыя приходили въ упадокъ, субсидіи, предпочтеніе русскихъ фабрикантовъ иностраннымъ и т. д. (Кн. Вяземскій „Верховный Тайный Совѣтъ“, стр. 330).

Покровительственная политика правительства или, точнѣе, Кабинета Министровъ вылилась въ самой яркой формѣ. Министрами было представлено мнѣніе, утвержденное Императри-

---

[1]) Можно признать типичной, между прочимъ, такую отмѣтку въ журналѣ за 11 февраля 1736 г.: „фабрикантовъ суконныхъ призвать и имъ объявить, сколько въ годъ суконъ надобно и въ то число по скольку они ставить будутъ и какой цѣною, и образцы бъ объявили“ (т. V, стр. 69).

[2]) Аннѣ Іоанновнѣ пришлось между прочимъ, ликвидировать одну претензію за время Петра I. Пруссакъ Фонъ-Иттеръ подалъ Императрицѣ челобитную о томъ, что онъ призванъ былъ „для суконныхъ фабрикъ“, по контракту 721 г., и ему не додано по 19 февр. 1724 г. жалованья, квартирныхъ и прогонныхъ 950 червонныхъ 22 к.; кромѣ того, онъ насчиталъ проценты на этотъ капиталъ за 7 лѣтъ, съ 19 февр. 1724 г. по день подачи челобитной, считая по 8% годовыхъ, 532 червонныхъ, всего 1482 червонныхъ 22 к. Камеръ-коллегія нашла, что ему слѣдуетъ додать только 48 червонныхъ 1 р. 34 к. Императрица, видимо, осталась недовольна Иттеромъ и приказала доплатить, что причитается, а Иттера выслать немедленно и объявять ему, чтобы онъ „здѣсь болѣе не былъ“ (I т., стр. 294 и т. II, стр. 307—309).

цей 18 ноября 1732 г. (П. С. З. № 6262) о томъ, чтобы „публиковать во всемъ государствѣ, чтобы которые охоту имѣютъ всякаго чина люди (кромѣ крестьянства) суконныя фабрики компаніею вновь заводить,—и тѣ бы явились въ немедленномъ времени въ Сенатѣ и объявляли кондиціи, по которымъ они тѣ фабрики заводить похотятъ, которымъ не токмо на оный заводъ, въ потребномъ случаѣ, изъ казны Е. И. В. вспоможеніе учинено, но и прочими привиллегіями снабдены будутъ". 7 января 1736 г. (П. С. З. № 6858) послѣдовалъ указъ объ укрѣпленіи за фабрикантами оказавшихся у нихъ разнаго вѣдомства людей и крестьянъ, объ исключеніи ихъ изъ подушнаго оклада („а вмѣсто ихъ причислить изъ прибылыхъ въ подушныхъ окладъ послѣ расположенія полковъ") и о позволеніи фабрикантамъ покупать людей и крестьянъ безъ земель. А въ привиллегіяхъ, напр., Еремѣеву [1]) (П. С. З. № 7060), говорилось такъ: „повелѣваемъ оную (фабрику) размножить сильною рукою, а не подъ видомъ содержать, чтобъ оною отъ службъ и отъ постоевъ быть свободнымъ". Въ 1733 году получено доношеніе Сената, основанное на донесеніи коммерцъ-коллегіи, а у послѣдней—на челобитьѣ фабриканта Полуярославцева. Полуярославцевъ билъ челомъ, что „съ приписныхъ къ той его фабрики деревень спрашиваютъ по указу [2]) на границу работниковъ человѣкъ по 400 въ лѣто, и чтобъ тѣхъ работниковъ не имать; а ежели посылать будутъ, то ему оной фабрики размножить и опредѣленнаго числа суконъ сдѣлать невозможно". И по доношенію Сената, какъ и слѣдовало ожидать, была положена разрѣшающая резолюція: „съ тѣхъ деревень нынѣшній годъ работниковъ не спрашивать" (т. II, стр. 433).

Среди „бумагъ" имѣется весьма характерная челобитная шелковаго фабриканта Евреинова о дозволеніи ему „покупая въ Россіи на собственныя наши деньги товары, которые могутъ быть способны и для употребленія на мѣну шелка, отпускать въ Китайское государство, суммою до 10.000 р. или на сколько всевысочайшимъ В. И. В. указомъ повелѣно будетъ, и съ того купленнаго и вывознаго шелка отъ платежа пошлинъ и десятой всемилостивѣйше пожаловать насъ уволить". Въ челобитной

---

[1]) Привиллегія Еремѣеву съ товарищи представлена въ Кабинетъ при доношеніи Сената 12 сент. 1736 г. (т. V, стр. 446).

[2]) По указу 29 іюня 1731 г. „для вспоможенія къ строенію украинской линіи, изъ всѣхъ помѣщиковыхъ деревень какъ работниковъ, такъ и прочее брать по той же пропорціи, какъ то казаки исправляютъ".

же фабрикантъ совершенно откровенно признаетъ, что „хотя на той нашей фабрикѣ объявлены товары передъ прежнимъ дѣлаются добротою гораздо лучше, но *противъ иностранныхъ государствъ чистотою привесть оныхъ не можемъ*“ и „*затѣмъ тѣ парчи добротою противъ иностранныхъ никакъ быть не могутъ*“ (мартъ 1737 г., т. VI, стр. 151, 187—188). Просимое позволеніе было дано по резолюціи Императрицы 1-го апрѣля 1737 г.

Кабинетъ Министровъ очень заботливо относился и къ вопросамъ о предоставленіи мѣстъ подъ фабрики (т. II, стр. 191, 219, 233, т. IV стр. 67, 68, 349; т. V, стр. 564; II. С. З. № 7036). Но особенное значеніе имѣютъ дѣла о выдачѣ фабрикантамъ денежныхъ пособій и субсидій. Государственное Казначейство было крайне истощено въ денежныхъ средствахъ и едва справлялось со своими государственными потребностями, и если даже при такихъ условіяхъ правительство рѣшалось субсидировать фабрикантовъ, то эти проявленія политики правительства являлись наглядными мѣриломъ той чрезвычайной важности, какую придавали министры расширенію и укрѣпленію фабрикъ. Въ этомъ отношеніи наиболѣе характернымъ было дѣло фабриканта Затрапезнаго. 31 іюля 1734 г. послѣдовалъ именной указъ, за подписью Императрицы, на имя Сената о выдачѣ Затрапезному на вспоможеніе „изъ казны нашей, изъ штатсъ конторы денегъ 20000 р.“, съ уплатою ихъ въ 5 лѣтъ поставкой бумаги [1]) (т. III, стр. 298). Проходитъ послѣ этого 3 мѣсяца, а денегъ не платятъ. Фабрикантъ шлетъ доношеніе въ Кабинетъ „о выдачѣ имъ, по именному Е. И. В. указу, на размноженіе ихъ фабрики 20 т., которыхъ въ Москвѣ штатсъ контора и понынѣ имъ не выдаетъ, хотя изъ Сената подтвердительные указы о томъ отправлены“. Случай необычайный: штатсъ контора не слушается даже именного указа; она не внемлетъ и подтвердительнымъ сенатскимъ указамъ. Писать снова въ Сенатъ, конечно, безполезно. Тогда Кабинетъ посылаетъ, 6 ноября 1734 г., письмо Салтыкову: „Ваше Сіятельство, благоволите оную штатсъ контору принудить, дабы оныя деньги имъ выданы“ (т. III, стр. 434—435). Отвѣтъ получился довольно быстро—19 ноября. Денегъ опять не отдали. Салтыковъ указываетъ причину: *за неимѣніемъ въ* штатсъ-конторѣ денегъ“ (т. III, стр. 438). На картѣ стоялъ престижъ государственнаго казначейства. Салтыковъ, какъ вѣрный слуга

---

[1]) О поставкѣ бумаги т. IV, стр. 426 и т. V, стр. 196.

правительства, не могъ допустить его поруганія, и 26 ноября отъ него получился, наконецъ, желаемый отвѣтъ, что 20000 р. Затрапезному выданы (т. III, стр. 450).

Послѣ этого въ 1736 году разрѣшено выдать: Меллеру и Рихтеру 10000 р. [1]) на 5 лѣтъ (т. V, стр. 165, 215, 233, 371 и 391) и Еремѣеву съ товарищами—10000 р. на 3 года (т. V, стр. 172, 294 и 295 и П. С. З. № 7060), съ уплатой сукнами. Были, конечно, еще попытки получить деньги, но онѣ кончились неудачно. Напр. англичанинъ Вилькенсъ просилъ на учрежденіе шелковыхъ фабрикъ заимно на 15 лѣтъ капиталъ въ 50 т. Но Ея В—во „на то, чтобъ дать столько денегъ не соизволила. а ежели де они похотятъ фабрику заводить на свои деньги, и въ томъ имъ позволено“ (23 апр. 1735 г., т. IV, стр. 134 и 135). Въ 1737 г. обратился купецъ Фонъ-Анкеръ. И ему объявили, что „безъ порукъ повѣрить невозможно... а ежели онъ пожелаетъ своимъ коштомъ заводить, въ томъ позволеніе ему дать можно, и когда увиденъ будетъ трудъ его и заводъ по малочасти заведенъ, тогда ему отъ Кабинета вспоможеніе будетъ учинено“ (29 сентября 1737 г., т. VI, стр. 589), Національность въ данномъ случаѣ, въ смыслѣ довѣрія, не имѣла значенія: довѣряли вообще только кредитоспособному. И когда обратился содержатель суконной фабрики Третьяковъ „о дачѣ ему для размноженія фабрики 10 т.,“ Кабинетъ отнесся весьма скептически и велѣлъ предварительно освидѣтельствовать его капиталъ, можно ли ему вѣрить (20 апр. 1737 г., стр. 233). Результатъ получился, повидимому, отрицательный. По крайней мѣрѣ въ „бумагахъ“ о выдачѣ этихъ денегъ не встрѣчается болѣе никакихъ указаній.

Денежныя льготы фабрикантамъ, на сколько можно судить по „бумагамъ“, выражались въ различной формѣ. Напр. въ 1724 году Петръ I отдалъ гостю Микляеву шерстяную фабрику для размноженія. Микляевъ вложилъ въ это дѣло своихъ денегъ 10000 р., и умирая составилъ духовную, по которой, какъ видно изъ доклада Сената Императрицѣ, „положенные его, на содержаніе той фабрики, 10000 р. и что надлежитъ прибыли, тою духовной опредѣлилъ въ волю Вашему И. В—ву, куда Ваше

---

[1]) 23 Апрѣля 1737 г. Кабинетъ запросилъ Сенатъ, сколько Меллеромъ и Рихтеромъ возвращено въ счетъ 10000 р. (т. VII, стр. 343). Отъ тѣхъ же фабрикантовъ Меллера и Рихтера 17 іюня 1738 г. было получено прошеніе „объ отпускѣ на фабрику ихъ въ каждую четверть года по 4 или 5 пуд. серебра съ монетнаго двора, принимая у нихъ по прошествіи 3 мѣсяцевъ, по 19 к. за золотникъ и, сверхъ того. за кредитъ по 12% въ годъ“. Въ журналѣ имѣется короткая отмѣтка: „рѣшено“. Ходатайство вѣроятно было удовлетворено. (т. VII, стр. 482).

Величество соизволите опредѣлить“. Вдова съ братомъ Микляева подали въ Сенатъ челобитную о томъ, чтобы „капиталу, который онъ по духовной опредѣлилъ въ волю В. И. В., указать быть при оной мапуфактурѣ вѣчно и для прочности наслѣдникамъ и потомкамъ ихъ, чтобы они оную мануфактуру наивяще размножили“. Министры на донесеніи Сената положили условную резолюцію, что 10000 р. съ жены и брата „до указа“ не взыскивать и при томъ „ихъ обнадежить, ежели ихъ трудами тѣ заводы размножатся и сукна будутъ дѣланы лучше и плотнѣе, тогда о вышеписанной суммѣ въ пользу ихъ опредѣленіе учинено будетъ“ (9 сент. 1735 г., т. IV, стр. 345—346). Изъ доклада Сената отъ 24 октября 1736 г. выясняется другое характерное дѣло. Въ 1720 г. были даны Щеголину съ товарищи для „заводу“ суконной фабрики ссуда въ 30000 руб. и разныхъ матеріаловъ и инструментовъ и овечьей шерсти на 9373 р. $21^1/_2$ коп. всего 39373 р. $21^1/_2$ коп. Въ то число зачтено поставкой сукна 35495 р. $31^1/_2$ коп. Затѣмъ, по докладу Сената, „на нихъ, компанейщикахъ, за отданные имъ инструменты, осталось 3877 р. 90 к., о которыхъ изъ бывшей мануфактуръ конторы показано, что оныхъ денегъ на нихъ, компанейщикахъ, взыскивать не подлежитъ, для того, что тѣ деньги за инструменты имъ, компанейщикамъ, платить или нѣтъ, того въ вышеписанномъ указѣ (17 февр. 720 г.) не написано. А показанные компанейщики просятъ, чтобъ тѣхъ денегъ на нихъ не взыскивать“. Сенатъ, очевидно, склонялся къ тому мнѣнію, чтобы денегъ не взыскивать. Резолюція Императрицы написана въ строго выдержанномъ тонѣ всей политики правительства. „По сему доношенію за показанные инструменты хотя и надлежало было вычесть, токмо оное имъ, фабрикантамъ, *для лучшаго размноженія фабрики*, уступается изъ Нашей Императорской милости, и при томъ имъ наикрѣпчайшее подтвердить, чтобъ они, видя къ себѣ такую высочайшую Нашу милость, какъ возможно стараніе и тщаніе свое въ размноженіи фабрики прилагали и сукна отъ времени до времени дѣлали лучше“ (12 ноября 1736 г., т. V, стр. 541—542).

Кабинетъ Министровъ, какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, вообще придавалъ большое значеніе „размноженію“ фабрикъ; къ этому дѣлу, а въ особенности къ суконнымъ фабрикамъ (въ цѣляхъ снабженія арміи своими сукнами) онъ относился съ большимъ интересомъ и вниманіемъ и поэтому, естественно, желалъ имѣть достовѣрныя свѣдѣнія о ихъ состояніи. Свои потребности въ этомъ направленіи онъ выразилъ опредѣ-

ленно въ мнѣніи, утвержденномъ 18 ноября 1732 г. (П. С. З. № 6262), гдѣ на первомъ планѣ поставлено такое разсужденіе. „Изъ всѣхъ суконныхъ фабрикъ, сколько и гдѣ въ россійскомъ государствѣ заведены, взять подлинную вѣдомость и *велѣть черезъ искусныхъ и того дѣла знающихъ людей освидѣтельствовать*, въ какомъ состояніи оныя нынѣ обрѣтаются, и въ какомъ состояніи съ начала тѣ фабрики приняли фабриканты, и какъ изъ году въ годъ умножали, и что нынѣ на нихъ суконъ и прочихъ шерстяныхъ парчей въ годъ дѣлается, и сколько дѣлать могутъ, и какой у нихъ въ чемъ либо недостатокъ находится; и что имъ ко умноженію тѣхъ фабрикъ потребно, взять отъ нихъ проектъ на письмѣ“. Здѣсь уже имѣются зачатки правительственнаго надзора за фабриками. Въ 1733 году въ Кабинетъ поступили: мнѣнія о суконныхъ фабрикахъ члена коммерцъ-коллегіи Мелесина (т. II, стр. 158 и 217) и письмо Салтыкова о состояніи фабрики Макарова (т. II, стр. 295). Послѣ этого вполнѣ естественно было ожидать установленія уже систематическаго и общаго правительственнаго надзора за всѣми фабриками. И, дѣйствительно, въ 1734 году послѣдовалъ извѣстный въ исторіи указъ отъ 13 февраля (П. С. З. № 6546) объ опредѣленіи, для лучшаго *смотрѣнія надъ фабриками*, оберъ коммиссара и трехъ коммиссаровъ, съ жалованьемъ „сколько и по какой пропорціи съ фабрикантовъ, безъ тягости, собирать будетъ можно“. На коммиссаровъ была возложена задача: „надъ фабриками смотрѣніе имѣть и ихъ въ лучшій распорядокъ привесть“.

Кабинетъ Министровъ устраивалъ, черезъ посредство спеціалистовъ, пробы на фабрикахъ мундирныхъ суконъ изъ разныхъ сортовъ шерсти [1]); затѣмъ, по мѣрѣ встрѣчавшейся потребности, требовалъ различныя вѣдомости о состояніи фабрикъ, ихъ производствѣ, мѣстѣ сбыта и прочее [2]).

Всякаго рода челобитныя фабрикантовъ или иныхъ лицъ по дѣламъ, касающимся фабрикъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ поступали въ Кабинетъ, направлялись послѣднимъ въ коммерцъ-коллегію или въ Сенатъ. Для исторіи учрежденій важно отмѣтить тѣ мотивы, какіе приводилъ Кабинетъ, а именно:

1) по челобитной суконнаго фабриканта Дмитріева объ отдачѣ ему суконной фабрики Дубровскаго и Корчмина и о

---

[1]) Напримѣръ, на фабрикѣ Полуярославцева черезъ посредство голландца Фонъ Акера въ сопровожденіи гвардейскаго подпоручика Суворова т. IV, стр. 485; т. V, стр.: 16, 17, 19 и 104.

[2]) Т. I, стр. 333. 437. 463. 464, 465, 469, 486; т. II 22; т. IV: 340. 416, 425, 517; т. V: 141; т. VI: 323; т. VII: 285, 299, 350, 462; т. IX: 426, 504, 512.

вѣдѣніи его въ Кабинетъ приказано: „по той челобитной, справясь, надлежащее опредѣленіе учинить въ *коммерцъ-коллегіи* немедленно, а чего рѣшить будетъ неможно, о томъ докладывать въ Сенатѣ“ (т. I, стр. 82 и 376);

2) жалобу ткача Дементьева на обиды компанейщиковъ той же фабрики и „о похищеніи при дѣлѣ суконъ интереса“ приказано: отослать въ коммерцъ-коллегію“ для разсмотрѣнія и рѣшенія по указамъ“ (т. X, стр. 94);

3) челобитную Дубровскаго о возвращеніи ему заведенной ему суконной и стамедной фабрики приказано отдать въ Сенатъ „для надлежащаго по тому дѣлу разсмотрѣнія“ (т. I, стр. 221 и т. X, стр. 30—40);

4) особенно характерна резолюція на челобитной купца Кулагина „о заведеніи вновь при С.-Петербургѣ сургучной, лакарной и свѣчной фабрикъ“. Эту челобитную велѣно возвратить, „чтобъ о томъ подавалъ прежде въ Сенатъ“ (т. V, стр. 112).

Бывали и отклоненія отъ этого общаго порядка, что объяснялось иногда личностью челобитчика. Напр. по челобитной Акинфа Демидова о заведенной имъ косной фабрики, „чтобъ торговать нѣсколько лѣтъ косами безъ пошлинъ,—Ея В—во изволила указать отложить по то время, какъ онъ, Демидовъ, самъ въ Петербургъ пріѣдетъ“ (т. I, стр. 471). Въ тѣхъ случаяхъ, когда коммерцъ-коллегія составляла кондиціи по открытію фабрики, онѣ присылались предварительно на разсмотрѣніе Кабинета. Кабинетъ ихъ тщательно разсматривалъ и, бывали случаи, исправлялъ ихъ (т. IX, стр. 392, 449, 532 и 590). Привиллегіи фабрикантамъ составлялъ Сенатъ; но ихъ проекты должны были также представляться въ Кабинетъ (т. IV, стр. 343 и 348).

Между прочимъ въ царствованіе Анны Іоанновны послѣдовало оригинальное распоряженіе. Отъ Сената поступило въ Кабинетъ, 15 сентября 1739 г., сообщеніе „о сдѣланіи въ Москвѣ при парусной фабрикѣ, для ссылки являющихся въ разныхъ винахъ женокъ, прядильнаго дома“ (т. X, стр. 252 и 253). Изъ самаго сообщенія (П. С. З. № 8224) видно, что еще по указу Петра I отъ 15 января 718 г. было велѣно женъ умершихъ должниковъ опредѣлять въ прядильный домъ, и за ту работу зачитать ихъ долговыя деньги. Но по справкѣ адмиралтейской и коммерцъ-коллегій оказалось, что „въ вѣдомствѣ оныхъ прядильныхъ домовъ не было и нынѣ нѣтъ“. Далѣе выяснилось, что въ 1730 г., „по приговорамъ Прав. Сената, за разныя вины изъ женска пола, вмѣсто натуральной и поли-

тической смерти, *для многолѣтняго здравія и коронаціи Ея Имп. В—ва*, посланы двѣ въ Сибирь, въ томъ числѣ одна на серебряные заводы въ работу вѣчно, одна жъ—въ Тару. Юстицъ-коллегія, С.-Петербургской и Новгородская Губернскія Канцеляріи въ Сенатъ доносятъ, что въ тѣхъ мѣстахъ содержатся въ долгахъ и въ разныхъ винахъ женки, подлежащія по указамъ въ ссылки на прядильные дворы". Сенатъ предложилъ сдѣлать въ Москвѣ при парусной фабрикѣ прядильный домъ, „на которомъ такихъ женокъ содержать въ работѣ, чтобы онѣ на ту парусную фабрику пряли пряжу, за которую работу имъ зачитать, и для пропитанія ихъ казенной хлѣбъ давать противъ каторжныхъ невольниковъ". Кабинетъ Министровъ почти цѣлый годъ не давалъ сообщенію движенія, и, наконецъ, 1 сентября 1740 г., наложилъ резолюцію, въ которой согласился съ разсужденіемъ Сената, „токмо чтобъ оный домъ построенъ былъ безъ великихъ казенныхъ убытковъ".

Надо указать для полноты еще на то, что по указу отъ 8 октября 1731 г. (П. С. З. № 5860) съ коммерцъ-коллегіей соединены Мануфактуръ и Бергъ коллегіи, и должность коммерцъ-коллегіи, какъ сказано въ указѣ, „состоитъ въ томъ, чтобы смотрѣть: можетъ ли что на россійскихъ фабрикахъ и горныхъ заводахъ съ удовольствіемъ на все государство сдѣлано быть, или нѣкоторую часть, почему бы пошлину прибавлять и убавлять". Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что Кабинетъ Министровъ вложилъ въ это дѣло много труда и энергіи, но конечный результатъ оказался довольно неутѣшительный. Въ бумагахъ за 31 декабря 1739 г. значится полученнымъ доношеніе коммерцъ-коллегіи о томъ, что, какъ ею усмотрѣно: *„нѣкоторые фабриканты содержатъ свои фабрики подъ видомъ, отбывая службъ и постовъ*, которые изъ числа фабрикантовъ и отрѣшены" (т. X, стр. 691—692). По этому поводу Кабинетъ, въ своей резолюціи отъ 15 іюля 1740 г. (П. С. З. № 8176) прежде всего указалъ, что, по взятымъ вновь справкамъ, фабрика одного изъ отмѣченныхъ камеръ-коллегіей—Симонова—оказалось дѣйствительной, и поэтому далъ совѣтъ, прежде принятія репрессивныхъ мѣръ, вновь переосвидѣтельствовать всѣ фабрики, „и въ такомъ случаѣ должно и съ прочими *съ осмотрѣніемъ поступать*, употребляя пристойные способы, какимъ бы образомъ фабрикъ пріумножать, а не убавлять, да и перачительныхъ фабрикантовъ, черезъ доброе надъ ними смотрѣніе, къ лучшему содержанію приводить". Здѣсь отразились и симпатіи Кабинета къ фабрикамъ и

присущая ему осторожность. Онъ еще не терялъ надежды на исправленіе, и поэтому даже недѣйствительнымъ фабрикантамъ поручилъ объявить „съ обнадеживаньемъ, ежели они пожелаютъ впредь тѣ свои фабрики въ надлежащемъ порядкѣ содержать и къ распространенію оныхъ стараніе имѣть, то могутъ остаться при прежде данныхъ имъ указахъ“. Милюковъ отмѣчаетъ, что какіе скудные плоды принесли первыя усилія создать путемъ покровительства національную промышленность, видно изъ результатовъ правительственнаго освидѣтельствованія фабрикъ въ 1730-хъ годахъ. То обстоятельство, что многіе фабриканты оказались при этой повѣркѣ „подложными“, объясняетъ, почему въ спискѣ 300 важнѣйшихъ фабрикъ, существовавшихъ въ 1780 году, мы находимъ только 22 уцѣлѣвшихъ отъ петровскаго времени; между тѣмъ общее количество фабрикъ и заводовъ, открытыхъ при Петрѣ, доходило до сотни („Очерки русск. культуры“, ч. 1-я, стр. 81).

2) Заводы. Сфера частнозаводской промышленности вообще была невелика. По многимъ отраслямъ заводы принадлежали самой казнѣ, напр. винокуренные [1]), соляные [2]), поташные [3]), оружейные [4]), шпажные [5]), селитреные [6]) и конскіе [7]) и эксплуатировались ею самою. Объясняется это тѣмъ, что вино и соль составляли государственную регалію, остальныя же отрасли, большею частью, обслуживали потребности самаго правительства, и, кромѣ того, онѣ вѣроятно не имѣли подходящихъ предпринимателей. Казенное винокуреніе было довольно употребительно уже въ царствованіе Петра I. Правительство Анны Іоанновны придавало большое значеніе управителямъ винокуренныхъ заводовъ. „Къ тѣмъ заводамъ, говорится въ указѣ 1731 г. (П. С. З. № 5789), управителей опредѣлять людей добрыхъ и вѣрныхъ, которые бъ не токмо во всемъ томъ исправные счеты чинить и показывать могли, но и способы сыскивали чрезъ что можетъ дешевле и казнѣ прибыльнѣе сдѣланные на такихъ заводахъ и промыслахъ казенные товары и куреніе вина становиться, ибо въ такихъ случаяхъ чрезъ прилежность и способы,

---

[1]) Винокуренные—„Исторія финанс. учрежд. Россіи“ Толстого, стр. 153, 154 и 155.
[2]) Соляные—та же книга, стр. 180.
[3]) Поташные—III т., стр. 130.
[4]) Оружейные—Баранов. опись № 3954.
[5]) Шпажные—III т., стр. 298.
[6]) Селитреные—П. С. З. № 8123.
[7]) Конскіе—П. С. З. № 6067 и Соловьева т. XX, гл. 3-я, стр. 1426.

добрый правитель, отъ чего бы неупаваемо, можетъ приносить казнѣ прибыль". Продажа соли до 1727 года была въ казенномъ управленіи; затѣмъ при Петрѣ II это управленіе было уничтожено и введена вольная продажа [1]). А въ 1731 году, по указу отъ 9 августа (П. С. З. № 5827), продажа соли взята вновь въ казенное управленіе, и соляная контора подчинена Кабинету. Основаніемъ такой перемѣны, по указу, было то, что „отъ вольной продажи такой настоящей казенной доходъ не токмо умалился, но, почитай, въ треть того въ казну приходитъ".

Въ отношеніи частныхъ заводовъ Кабинетъ интересовался овчарными заводами [2]), что объясняется ихъ непосредственной связью съ мануфактурой. Затѣмъ, по „бумагамъ", замѣтно наибольшее проявленіе интереса къ заводамъ черепичнымъ [3]), кожевеннымъ [4]) и стекляннымъ [5]), что объяснялось практическими потребностями въ этихъ производствахъ.

Челобитныя объ устройствѣ заводовъ, поступавшія въ Кабинетъ, передавались обычно для разсмотрѣнія въ камеръ-коллегію. Таковы: о фарфоровыхъ заводахъ (т. III, стр. 8, 12), стеклянныхъ (т. I, стр. 394) и красочныхъ (т. II, стр. 281). Иногда передавались въ Сенатъ — напр. о каменноугольномъ заводѣ (т. VI, стр. 72 и 83). Но бывали случаи разсмотрѣнія и отказа самимъ Кабинетомъ (по челобитной Маторина о колокольномъ заводѣ, т. V, стр. 546).

Вообще же изъ числа заводовъ *особенное* вниманіе правительства, какъ это замѣчено было историкомъ Соловьевымъ, было обращено на устройство конскихъ заводовъ и горнаго дѣла, вслѣдствіе чего эти отрасли выдѣлены ниже особо.

3) Коннозаводство. Устройство въ Россіи конскихъ заводовъ представляетъ собою одну изъ видныхъ особенностей аннинскаго царствованія. Необходимость ихъ учрежденія, по указу 1732 г. (П. С. З. № 6967), вызвана печальнымъ состояніемъ русской конницы. „Извѣстно всѣмъ—говорилось въ указѣ, коимъ образомъ до сего времени при нашей кавалеріи употребляемыя лошади,—по породѣ своей, къ стрѣльбѣ и порядочному строю весьма неспособны, и такожде за малостію въ

---

[1]) Толстой „Исторія финансов. учрежд. Россіи", стр. 180.
[2]) Т. I, стр. 32, 36, 121; т. VI, стр. 270 и т. X, стр. 31.
[3]) Т. V, стр. 482; т. VII—279, 292, 285, 299; т. IX—62 и П. С. З. № 7999.
[4]) Т. III, стр. 214, т. IV—277, 520; т. V—51, 69.
[5]) Т. III—433; т. VIII—502.

нужныхъ случаяхъ такую службу показать не могутъ, какой отъ порядочной и доброконной кавалеріи ожидать надлежитъ; а такихъ рослыхъ и добрыхъ лошадей изъ чужихъ краевъ доставать великое иждивеніе и трудъ требуется и не всегда возможно. Того ради указали мы въ пристойныхъ мѣстахъ учредить конные заводы". Историкъ Соловьевъ приводитъ по этому поводу такія фактическія данныя. Во 1-хъ) что для этого составлена была особая коммиссія, порученная Левенвольду; [1]) а такъ какъ послѣдній былъ отвлекаемъ иными дѣлами, то устроеніе конскихъ заводовъ было поручено Волынскому, который и разослалъ въ разныя губерніи офицеровъ для осмотра и описи удобныхъ мѣстъ. Во 2-хъ) посланные нашли 104 удобныхъ мѣстности, въ которыхъ, по ихъ мнѣнію, можно было содержать до 36000 лошадей; но въ Кабинетѣ было положено на первое время выбрать удобныя мѣста въ дворцовыхъ и ясачныхъ дачахъ на 2000 заводныхъ кобылъ и на 240 жеребцовъ, вслѣдствіе чего въ Казанской и Нижегородской губерніяхъ выбрано было 10 мѣстъ. Затѣмъ въ 1739 году встрѣчаются распоряженія (П. С. З. №№ 7889 и 7954) объ устройствѣ конскихъ заводовъ въ малороссійскихъ и слободскихъ полкахъ и объ учрежденіи государственныхъ лошадиныхъ заводовъ въ синодальной области и въ архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинахъ („Русск. истор.", т. XX, гл. 3-я, стр. 1426).

Въ „бумагахъ" имѣются свѣдѣнія, что 15 марта 1735 г. въ Кабинетѣ было особое совѣщаніе (съ участіемъ Волынскаго), которое имѣло разсужденіе о „конскихъ вновь заводахъ" и опредѣлило слѣдующее: 1) заводы завести для конной гвардіи и для 10 полковъ кирасирскихъ, 2) въ заводы опредѣлить 7 т. кобылъ, которыхъ купить по 15 р., а къ нимъ 840 жеребцовъ по 100 р., и на первый годъ купить 1 т., а въ прочіе по 2 т. на годъ; 3) на покупку употребить деньги изъ коммиссаріата, оставшіяся за убавкой лошадей въ полкахъ, 4) „которыя мѣста назначены будутъ для заводовъ, въ тѣхъ четыре-гривенный сборъ отдать въ употребленіе заводовъ какъ на строеніе, такъ и на покупку лошадей" (т. IV, стр. 85 и 86). Послѣ этого послѣдовало отмѣченное Соловьевымъ рѣшеніе „для заводу конскаго вновь начать прежде на земляхъ дворцовыхъ, государственныхъ, и употребить на покупку число кобылъ 2000 и жеребцовъ 240" (8 сент. 1735 г. т. IV, стр. 343). Къ числу заводовъ, указанныхъ Соловьевымъ, слѣдуетъ доба-

---

[1]) Указъ 25 мая 1732 г.—П. С. З. № 4270.

вить еще учрежденіе заводовъ при кирасирскихъ драгунскихъ полевыхъ и гарнизонныхъ полкахъ по указу 13 іюля 1740 г. № 8171. Вообще дѣло было поставлено широко, и устроитель конныхъ заводовъ Волынскій развивалъ въ этомъ направленіи планы такіе, которые далеко выходили за предѣлы перваго указа 1732 г. № 6967. Въ своемъ обстоятельномъ докладѣ, поданномъ Императрицѣ въ концѣ 1739 г., Волынскій высчиталъ, что „во время прошедшей войны, а именно 1736 и въ 1737 и въ 1738 годахъ лошадей куплено и съ государства взято, исчисляя цѣною отъ 10 до 12 р. всякую лошадь, за нихъ денежной суммы по исчисленію имѣетъ быть 1113936 р.“. А затѣмъ Волынскій указалъ на троякую выгоду заводовъ:

1) „когда уже свои домашніе въ государствѣ лошадиные заводы будутъ, тогда вся та сумма, которая на покупку лошадей употребляема бываетъ, слѣдственно будетъ оставаться въ казнѣ В. И. В.“;

2) „покупать или съ государства сбирать уже нужды не будетъ, такожъ помѣшательства въ денежныхъ сборахъ, въ зачетахъ въ подушный окладъ и въ прочемъ счетовъ и конфузій такихъ, какія отъ того нынѣ происходятъ, впредь быть не можетъ“;

3) „старыя кобылы и жеребцы (когда замѣнятся молодыми) могутъ отдаваны быть въ монастыри, для поправленія ихъ монастырскихъ собственныхъ заводовъ и для продажи шляхетству и прочимъ партикулярнымъ людямъ, отчего *могутъ во всей имперіи россійской умножится рослыя лошади и со временемъ большая часть породы малорослыхъ лошадей само собою искоренится*“.

На докладѣ наложена резолюція Императрицы, что разсужденіе „апробуется“ и затѣмъ, самое главное, „впредь къ содержанію оныхъ лошадиныхъ заводовъ чинить немедленное исполненіе и всякое вспоможеніе, *и о томъ Нашему Кабинету и обще Сенату, яко о нужнѣйшемъ и полезномъ государственномъ дѣлѣ, имѣть крайнее попеченіе, дабы оные заводы неотмѣнно со всѣми къ тому потребностями учреждены и въ совершенное состояніе приведены были*“ (24 октября 1739 г., П. С. З. № 7928).

При устройствѣ заводовъ въ средствахъ не стѣснялись и выписывали производителей изъ за границы. 24 февраля 1733 г. данъ указъ Сенату отпустить Левенвольду 65000 р. за подряженныхъ имъ „чужестранныхъ жеребцовъ—100 и кобылъ—400 (т. II, стр. 93). 3 іюля 1733 г. Императрица распоряди-

лась „о заплатѣ Липману 14424 р.... которые онъ отдалъ *въ Италіи* на покупку кобылъ“ (т. II, стр. 327). 17 августа 1734 г. данъ указъ, за подписями Министровъ, генералъ-директору экономіи Фонъ Фелькерзаму съ увѣдомленіемъ, „что берейторъ Фирингъ изъ Италіи слѣдуетъ съ заводными нашими *неаполитанскими* кобылами и жеребцами“. По этому поводу отдано распоряженіе зимовать лошадямъ въ Лифляндіи, „понеже здѣшній климатъ противъ Италіи зѣло студенъ“ и сдѣлать для зимовки соотвѣтственныя приготовленья. На сколько въ этомъ случаѣ была проявлена заботливость, видно изъ слѣдующихъ указаній. „Чтобъ конюшни для оныхъ лошадей такъ исправны были, чтобъ въ нихъ зимою отъ стужи лошади не повредились, чего ради надлежитъ въ тѣхъ конюшняхъ потолки, ежели нѣтъ, сдѣлать; также и въ окна придѣлать окончины и ставни и въ конюшни двери; а гдѣ на стѣнахъ явятся скважины, оныя задѣлать или законопатить..... и конюшню очистить“ (т. III, стр. 330).

Выписывали, между прочимъ, жеребцовъ и изъ Вѣны (т. V, стр. 9 и 33), а кобылъ и изъ Персіи (т. V, стр. 466), и изъ Силезіи (т. VI, стр. 33). И, наконецъ, послѣ извѣстнаго опыта, Волынскій въ 1739 году предложилъ устраивать заводы „собранные изъ русскихъ кобылъ съ нѣмецкими жеребцами, отъ которыхъ могутъ родиться лошади для надлежащаго впредь удовольствованія и наилучшаго исправленія всей В. И. В. кавалеріи „и купить 1000 жеребцовъ, по 1 на 8 кобылъ, съ чѣмъ Императрица согласилась (П. С. З. № 7928). Разочарованіе разнообразными чужестранными производителями видно и изъ указа отъ 19 ноября 1739 г. (П. С. З. № 7954), гдѣ говорится о томъ, что комплектованіе арміи „нѣмецкими лошадьми происходило съ великимъ и невозвратнымъ изъ казны нашей убыткомъ“ и что „не вездѣ для такихъ нѣжныхъ лошадей надлежащихъ по природѣ оныхъ покоевъ сыскать можно и такого труда, какъ природныя домашнихъ породъ русскія, снести не могутъ“. На заводы расходовались самыя разнообразныя средства. Прежде всего на ихъ содержаніе выдѣлялась половина денегъ, отпускавшихся на содержаніе Императорской конюшни, т. е. 50000 р. (т. V, стр. 407). Затѣмъ для ихъ содержанія были приписаны особыя волости, область которыхъ не оставалась неустойчивой, а подвергалась крупнымъ расширеніямъ [1]). Въ Малороссіи находились заводы большіе. Шиповъ

[1]) Донесеніе Волынскаго, получ. 21 октября 1736 г. т. V, стр. 503, 2-е доношеніе его получ. 26 апрѣля 1737 г., т. VI, стр. 247.

въ 1739 г. доносилъ, что тамъ содержится: мериновъ 1195 и кобылъ 4479, а „для заводовъ жеребцовъ тамъ нѣтъ“. Указомъ отъ 5 сентября 1739 г. (П. С. З. № 7889) предписано содержать въ заводахъ малороссійскихъ и слободскихъ полковъ“ неотмѣнно 5000 кобылъ, и оныхъ заводныхъ кобылъ безъ особливаго нашего указа, никуда не отдавать и ни въ какую работу не употреблять, кромѣ того, когда, случится, съ луговъ къ заводамъ для корму заводныхъ и приплодныхъ лошадей возить въ скирды сѣно, но и то чтобъ чинено было съ добрымъ порядкомъ, дабы и отъ того оныя кобылы не изпурены были“. Затѣмъ велѣно купить въ тѣ же заводы жеребцовъ изъ породъ украинскихъ и нѣмецкихъ шленскихъ, по 1 на 10 кобылъ, цѣною отъ 40 до 50 р., и „на покупку ихъ деньги употреблять изъ наличныхъ малороссійскихъ доходовъ“. На это получился отвѣтъ, что „па оную покупку денегъ употребить не изъ чего“ (4 ноября 1739 г., т. X, стр. 433). Но это не остановило дальнѣйшаго движенія. Препятствія преодолѣвались, и дѣло продолжало расширяться. 19 ноября 1739 г. послѣдовалъ новый указъ (П. С. З. № 7954) объ учрежденіи конскихъ заводовъ въ синодальныхъ, архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинахъ, и „о сборѣ съ синодальной области и епархіальныхъ домовъ и монастырей, по числу состоящихъ за ними душъ, по одной русской кобылѣ“. А гдѣ не окажется годныхъ лошадей, „тѣмъ купить изъ монастырскихъ доходовъ, остаточныхъ отъ неполныхъ комплектовъ, опредѣленныхъ на жалованье монахамъ и служителямъ и отставнымъ офицерамъ и рядовымъ; а чего не достанетъ, то изъ надлежащихъ въ коллегіи экономіи“. Заводы, по указу № 8171, при кирасирскихъ и драгунскихъ полкахъ разчитаны, относительно, на небольшое количество — по 80 кобылъ и по 10 жеребцовъ на каждый полкъ, которыхъ велѣно купить „безъ излишняго отягощенія казнѣ нашей на остаточныя деньги отъ неполнаго комплекта людей и лошадей“.

Бумаги по конскимъ заводамъ проходили черезъ Кабинетъ. Нѣкоторые указы онъ, возможно, и самъ составлялъ. Напр. указъ о встрѣчѣ неаполитанскихъ лошадей, со всѣми его мелочными заботами, какъ будто напоминаетъ остермановскій стиль. Но все это дѣлалось имъ просто „по установленію“, а иногда почти изъ подъ палки. Кто былъ душою, организаторомъ и вдохновителемъ дѣла, по крайней мѣрѣ явно — не остается никакого сомнѣнія. Это былъ, конечно, Волынскій, который дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ самостоятельно, совершенно игнорируя

Кабинетъ и докладывалъ непосредственно Императрицѣ; точно также объявлялъ для исполненія ея словесные указы. Напр. самая начальная стадія дѣла—учрежденіе въ Москвѣ комиссіи о размноженіи лошадиныхъ заводовъ—прошла уже при условіяхъ необычныхъ. Въ журналѣ Кабинета за 26 мая 1732 г. имѣется такая запись: „сего числа генералъ-маіоръ Волынскій объявилъ въ Кабинетѣ *данную ему инструкцію, за собственною Ея И. В-ва рукою*, подписанную сего же мая 20 дня, объ учрежденіи въ Москвѣ коммиссіи о размноженіи лошадиныхъ заводовъ, и о посылкѣ для осмотру въ волости мѣстъ, и что ему при томъ чинить надлежитъ, всего 13 пунктовъ“ (т. I, стр. 284). Значитъ въ организаціи этого дѣла Кабинетъ не принималъ никакого участія. Онъ не дѣлалъ объ этомъ доклада, и его мнѣнія даже не спросили. А какъ поступилъ въ этомъ случаѣ Кабинетъ и для чего ему объявили инструкцію, видно, изъ слѣдующей записи: „и оная инструкція сего числа въ книгу записана и подлинную отъ Г.г. Министровъ приказано скрѣпить секретарю по листамъ и отдать ему, Волынскому“. Что эта за книга, въ которую записали инструкцію, видно изъ журнала Кабинета отъ 3 ноября 1731 г., которымъ устанавливалась организація Кабинетскаго дѣлопроизводства—это „книга записная указамъ Ея И. В-ва, отправляемымъ за собственною Е. В-ва рукою“. (I т., стр. 3). Слѣдовательно, инструкцію объявили Кабинету даже не для „свѣдѣнія“, а для простой регистраціи. Наконецъ для этой цѣли предъявили инструкцію не сразу, не въ день ея подписанія, а спустя 6 дней. Въ данномъ случаѣ Кабинетъ явился въ необычной для него роли простой нотаріальной конторы. Еще хуже поступили съ Кабинетомъ 22 января 1736 г., т. е. въ то самое время, когда Кабинетъ былъ въ апогеѣ своего величія, и никакіе словесные именные указы были недѣйствительны, кромѣ тѣхъ, которые „за подписаніемъ Нашея руки или всѣхъ трехъ Нашихъ Кабинетъ Министровъ“ (Указъ 9 іюня 1735 г.—П. С. З. № 6745). Въ это самое время Волынскій рапортовалъ Кабинету, что 10 декабря 1735 г. Ея И. В-во соизволила ему повелѣть сдѣлать распоряженіе“ о приведенныхъ изъ Вѣны жеребцахъ и объ осмотрѣ лошадей, находящихся на конюшнѣ въ С.-Петербургѣ, съ отправкой годныхъ къ заводу въ Москву“. И Кабинетъ написалъ „того ради изъ Кабинета Ея И. В-ва шталмейстерамъ Кошелеву и Финку симъ объявляется: по вышеписанному, объявленному отъ ген.-лейтенанта Волынскаго, именному указу исполнять“ (т. V стр. 33). Властный Кабинетъ смиренно

привелъ въ исполненіе словесное распоряженіе Императрицы, объявленное ему чрезъ 3-е лицо. Здѣсь является сомнительнымъ даже право Волынскаго объявлять словесные указы Императрицы. Хотя указомъ отъ 16 іюля 1735 г. (П. С. З. № 6773) и сдѣлано исключеніе изъ общаго правила, установленнаго указомъ 9 іюня 1735 г., но оно касалось только *придворныхъ дѣлъ*, объявленныхъ черезъ оберъ-гофмаршала и гофмаршала: „оный указъ (9 іюня 1735 г.) Двору Нашему и къ дѣламъ придворнымъ не слѣдуетъ“, и слѣдовательно какъ будто не могло относиться до общегосударственныхъ дѣлъ, къ числу коихъ слѣдовало отнести и конные заводы. Но фактическая сила была выше писанаго закона, и Кабинетъ, очевидно, это сознавалъ и исполнялъ то, что ему приказывали.

У Волынскаго открывались по его докладу (П. С. З. № 7928), широкія перспективы въ будущемъ умножить рослыхъ лошадей во всей Имперіи. Но объ этомъ серьезно едва ли думалъ и самъ Волынскій. Это было просто красивая фраза, эффектный жестъ. Дѣло не шло и не могло пойти далѣе кавалеріи, т. е. той довольно узкой и сцеціально военной цѣли, которая была намѣчена въ началѣ указомъ № 6967. И въ данной области Волынскій и его закулисные вдохновители не считались ни съ финансовыми, ни съ коренными нуждами Россіи. Выбирали изъ дѣлъ не самое нужное, а самое пріятное и доводили послѣднее до самыхъ прихотливыхъ сочетаній и красокъ роскоши. Въ 1733 и 1734 г. крестьяне отъ голода пухли и умирали, а здоровые по міру ходили; они, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, „ѣдятъ траву и гнилую колоду; ѣдятъ мякину отолча съ дубовой гнилою колодою, желудки съ травою лебедою и съ лебеднымъ сѣмемъ и съ колокольцемъ сушеной листъ и прочее быліе, примѣшцвая овсяной муки по малому числу [1]). И въ это же время покупали чужестранныхъ жеребцовъ и кобылъ, готовили этимъ „неаполитанскимъ“ новоселамъ торжественную встрѣчу и заботливо устраивали имъ въ Ригѣ обильный кормъ и теплую и удобную зимнюю квартиру: „и въ окна придѣлать окончины и ставни и въ конюшни двери, а гдѣ на стѣнахъ явятся скважены, оныя задѣлать или законопатить..... и конюшни очистить“ и затѣмъ „для тѣхъ лошадей заготовить фуража и къ станціямъ мѣста заблаговремено жъ“. Хорошо еще что правительство, хоть и поздно (въ 1739 году) имѣло мужество признаться, что комплектованіе чужестранными ло-

---

[1]) Донесенія Маслова, глава V.

шадьми происходило „съ великимъ и невозвратнымъ изъ казны Нашей убыткомъ“ (П. С. З. № 7954).

Во многомъ коннозаводство являлось затѣйливой игрушкой, которая нищему государству была не по карману и оплачивалось тяжелой цѣной за счетъ отказа отъ удовлетворенія самыхъ естественныхъ народныхъ потребностей вродѣ удовлетворенія голода. Но эта политика проводилась помимо Кабинета Министровъ и онъ прямого участія въ ней не принималъ, ограничиваясь пассивной ролью регистратора и исполнителя велѣній сверху.

4) Горное дѣло. Горное дѣло при Петрѣ I и его ближайшихъ преемникахъ находилось въ вѣдѣніи Бергъ-Коллегіи. Анна Іоанновна, по указу отъ 8 октября 1731 г.—П. С. З. № 5860—соединила ее съ Коммерцъ-коллегіей, потому что, какъ сказано въ указѣ „хотя коллегіи Коммерцъ, Бергъ—и Мануфактуръ въ разныхъ правленіяхъ состоятъ и особливыхъ членовъ имѣютъ, но отъ этого *никакой пользы не находится, кромѣ казеннаго убытка* и въ дѣлахъ затрудненія и излишнихъ переписокъ и одно дѣло въ разныхъ рукахъ обрѣтается“. Въ 1736 году принятъ на службу Саксонскій оберъ-Бергъ-Гауптманъ Баронъ Шембергъ въ чинѣ генералъ-Бергъ-Директора, которому повелѣно „правленіе горныхъ и рудокопныхъ дѣлъ и заводовъ поручить и слѣдовательно, оныя дѣла отъ Коммерцъ-коллегіи весьма отрѣшить, и особливый о томъ департаментъ подъ главною его дирекціей учредить; а оное порученное ему правленіе впредь называть генералъ-Бергъ-директоріумъ“ (П. С. З. № 7047).

Самымъ крупнымъ и, къ сожалѣнію, самымъ темнымъ дѣломъ была отдача казенныхъ заводовъ въ частныя руки. Уже въ 1733 году поставленъ на разрѣшеніе принципіальный вопросъ крупной важности о всѣхъ казенныхъ желѣзныхъ и мѣдныхъ заводахъ, „какимъ образомъ къ лучшему Нашему интересу быть можетъ, а именно: на казенномъ ли коштѣ ихъ содержать или отдать партикулярнымъ людямъ“. Для разрѣшенія этого вопроса была учреждена особая комиссія, въ составъ которой вошли графъ Михаилъ Головкинъ и Анисимъ Масловъ (П. С. З. № 6411). Но труды этой коммиссіи, повидимому, не повели къ опредѣленнымъ результатамъ. И 31 мая 1738 года, уже по докладу Шемберга, учреждена новая коммиссія для разсмотрѣнія стараго вопроса, „какъ выгоднѣе содержать горные заводы, казною ли или частными людьми“ (П. С. З. № 7589). Дѣло въ этой коммиссіи повели необычайно быстро.

Въ началѣ іюня того же года коммиссія уже составила докладъ, въ которомъ высказалась за то, что „полезные тѣ казенные, какъ старые, такъ и новые заводы отдать охочимъ людямъ въ компаніи“, а 16 іюня 1738 г. была положена резолюція Императрицы на докладѣ о ея согласіи на отдачу въ компаніи казенныхъ заводовъ (П. С. З. № 7600). Въ докладѣ коммиссіи, несмотря на всю важность и величину вопроса, не было приведено ни расчетовъ, ни подробныхъ мотивовъ, все ограничивалось ссылкой на генеральную вѣдомость Бергъ-Директора и вообще получается такое впечатлѣніе, какъ будто вопросъ уже былъ предрѣшенъ и развивать его безполезно, а докладъ и резолюція являлись простой формой. Это предположеніе находитъ себѣ нѣкоторую почву и въ журнальныхъ записяхъ Кабинета. Во входящихъ бумагахъ *22 марта 1738 г.* значатся поступившими такія бумаги. „Доношеніе генералъ-бергъ-директора Шемберга, чтобъ соизволено *ему* было въ Верхотурскомъ уѣздѣ при горѣ Благодати и въ Лапландіи рудокопные заводы заводить собственнымъ его коштомъ и о прочемъ. Его же, генерала-бергъ-директора, представленіе на челобитную Петра Осокина, которою проситъ объ отдачѣ ему находящейся въ горѣ Благодати желѣзной руды, *которое дѣло онъ, генералъ-бергъ-директоръ на себя принимаетъ*. Его же, генералъ-бергъ-директора проектъ о горныхъ заводахъ, которые партикулярные люди строить хотятъ“ (т. VII, стр. 247). Въ журналѣ значится помѣтка: „рѣшены мая 31 дня“. А этого числа послѣдовалъ указъ № 7589 о назначеніи, по докладу Шемберга, коммиссіи для разрѣшенія вопроса о томъ, какъ выгоднѣе содержать казенные заводы—казною или частными лицами. Домогательства Шемберга далѣе стали выступать наружу совершенно явственно. 2 августа 1738 г. поступило въ Кабинетъ „доношеніе отъ коммиссіи, учрежденной о горныхъ заводахъ, *и при томъ представленіе генерала-бергъ-директора Шемберга объ отдачѣ ему въ компанію обысканной въ Лапландіи мѣдной да въ Сибири горы „Благодати“ съ желѣзными рудами*“ (т. VIII, стр. 108). Отъ канцеляріи Екатеринбургскихъ заводовъ затребовали вѣдомость, „въ какомъ состояніи при горѣ Благодати руды и заводы находятся“ (т. VIII, стр. 307). Тѣмъ временемъ Кабинетъ Министровъ и генералъ-бергъ-директоръ представили мнѣніе объ отдачѣ въ разныя компаніи казенныхъ заводовъ, кромѣ сибирскихъ, которые „въ горѣ, именуемой Благодать, и мѣдные въ Лапландіи“, т.-е. какъ разъ тѣхъ частей, которыхъ добивался себѣ Шембергъ. О нихъ было

оговорено: „не соизволитъ ли Ея И. В—во оные заводы имѣть главнѣйше подъ именемъ своимъ, учредя *пристойную* компанію, въ которую удостоены быть могутъ тѣ, кого Е. В., по высокой своей милости, нынѣ и впредь допустить соизволитъ“. Затѣмъ въ мнѣніи было сказано: „для пресѣченія всякихъ затрудненій оную въ дѣйствіи состоящихъ *заводовъ отдачу чинить генералъ-бергъ-директоріуму по своему разсмотрѣнію*“. Императрица утвердила это мнѣніе 15 февраля 1739 г. (П. С. З. № 7756). А 3 марта 1739 г. поступило доношеніе изъ Екатеринбургской заводской канцеляріи и при этомъ „о множествѣ и добротѣ въ горѣ Благодати рудъ и о заводахъ вѣдомость, тако-жъ общій планъ и чертежи“ (т. IX, стр. 215). Противъ доношенія сдѣлана отмѣтка: „отложено, понеже оный заводъ отданъ въ компанію“. А кому отданъ, видно изъ привиллегіи, утвержденной 3 марта 1739 г. (П. С. З. № 7767) и записи за 7 марта 1739 г.: „доношеніе ген.-бергъ-директора Шемберга о посылкѣ указовъ къ г. Архангельску и въ Сибирскій бергъ-амптъ, *по силѣ данной ему привиллегіи, о пожалованіи Лапландскаго и горы „Благодати“ горныхъ заводовъ*“ (т. IX, стр. 220). Шембергъ достигъ своей цѣли. Онъ взялъ себѣ гору Благодать, ту самую, о которой Татищевъ писалъ Императрицѣ въ сентябрѣ 1735 г.: „сего сентября 5 числа ѣздилъ я отсюда на рѣку Кушву и, пріѣхавъ на оную 8 числа, осматривалъ. Оная гора есть такъ высока, что кругомъ видѣть съ нея верстъ по 100 и болѣе; руды въ оной горѣ не токмо наружной, которая изъ горъ вверхъ столбами торчитъ, но кругомъ въ длину болѣе 200 сажень, поперекъ на полдень сажень на 60. Раскапывали и обрѣли, что всюду лежитъ сливная однимъ камнемъ въ глубину. Надѣюсь, что и во многіе годы дна не дойдемъ. Для такого обстоятельства назвали мы оную гору „Благодать“, ибо такое великое сокровище на счастье Вашего Величества по благодати Божьей открылось, тѣмъ же и Вашего В—ва имя въ ней въ безсмертность славиться имѣетъ“ (Соловьевъ, т. XX, гл. 3, стр. 1429). Затѣмъ этотъ же г. Шембергъ получилъ право раздавать всѣ заводы по своему разсмотрѣнію, чѣмъ онъ, конечно, воспользовался въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Татищевъ свидѣтельствуетъ, что всѣ заводы подъ именемъ Шемберга отданы Бирону съ „нѣкоторыми темными и весьма казнѣ убыточными договоры“ и что Биронъ и Шембергъ въ два года похитили болѣе 400000 рублей (Соловьевъ, стр. 1434). Бралъ ли деньги Биронъ—изъ памятниковъ не видно, но что Шембергъ—узурпаторъ, въ этомъ теперь не представляется никакихъ со-

мнѣній. Онъ похитилъ „великое сокровище“, данное Россіи „по благодати Божіей“ и раздалъ по своему усмотрѣнію всѣ казенные заводы.

Послѣ того, какъ совершилось позорное дѣло съ захватомъ Шембергомъ горы Благодать, допустимы всяческія предположенія и въ отношеніи остальныхъ „охочихъ людей“, которымъ передавались другіе заводы [1]). Раздача казенныхъ заводовъ продолжалась до самаго конца царствованія Анны Іоанновны, и о порядкѣ отдачи были составлены Кабинетъ-Министрами и Шембергомъ особыя правила, утвержденныя 8 августа 1740 г. (П. С. З. № 8196).

По Бергъ-привиллегіи Петра I, состоявшейся въ 719 году, было положено брать съ заводчиковъ всякихъ серебряныхъ, мѣдныхъ, желѣзныхъ и прочихъ заводовъ десятую долю отъ прибыли. Сверхъ того, правительство удержало за собою право покупки золота, серебра, мѣди и селитры съ заводовъ, преимущественно передъ частными лицами по цѣнамъ, назначеннымъ Бергъ-коллегіею (П. С. З. № 3464). Въ 1724 году велѣно было брать съ заводовъ, вмѣсто десятой доли металла, деньгами, въ соразмѣрности (П. С. З. № 4444). При Аннѣ Іоанновнѣ прежняя десятая доля и всякія внутреннія пошлины съ золота и серебра замѣнены въ 1739 г. (П. С. З. № 7766, пунктъ 15-й) назначеніемъ цѣны, по которой положено было принимать эти металлы въ казну: золотникъ чистаго золота—по 2 р. 30 к., а золотникъ чистаго серебра—по 14 коп. „А съ мѣди, олова и свинца, считая попудно, брать десятую часть съ минераловъ и всякихъ красокъ, потребныхъ земель и цѣны достойныхъ камней также *десятую долю, хотя бы промышленники оные съ прибылью или съ убыткомъ доставали*“ (прежде съ чистой прибылью). Измѣнена десятина и съ желѣза: „съ желѣза, какъ за десятую часть, такъ и за внутреннюю пошлину окладъ положить по пропорціи по тому основанію, по чему платитъ Демидовъ“ (съ одной домны, на которой въ годъ выплавливается чугуна до 100000 пудовъ—3392 р.), съ той разностью, что „уравненіе между богатыми и скудными заводами учинено будетъ отъ Бергъ-Директоріума“.

Въ 1733 году, между прочимъ, возникло особое слѣдствіе объ „опущеніи“ десятой доли. Въ указѣ на имя барона Шафирова было написано, что отъ заводчиковъ „съ начала тѣми заводами ихъ владѣнія до 720 г. никакого, а съ 720 г, по

---

[1]) Т. X., стр. 461, 483, 507, 629.

нынѣ на нѣкоторые годы той десятой доли платежа не было". Это слѣдствіе тянулось нѣсколько лѣтъ [1]).

Первая золотая руда въ Россіи была сыскана и отчасти разработана въ 1739 году [2]). Кабинетъ обращалъ большое вниманіе на открытіе повыхъ рудъ и, помимо коммерцъ-коллегіи и бергъ-директоріи, входилъ въ непосредственное сношеніе даже съ рудными мастерами и рудоискателями [3]). Иногда заявка оказывалась ложной тревогой. Напр., въ журналѣ за 22 октября 1735 г. имѣется такая запись: „Пошехонскаго уѣзда крестьянамъ Ивану Абрамову, Никитѣ и Ивану Андреевымъ, которые руду объявили, отказать, понеже явились несеребряныя; а чтобъ они еще сыскивали, имъ объявить, что ежели подлинно сыщутъ серебряную руду, то имъ дано будетъ награжденіе, а нынѣ за труды дать по рублю, а для проходу до домовъ дать имъ пашпорты" (т. IV, стр. 419). Но бывало и иначе. Въ томъ же году, 17 декабря, приказано: „рудоискателямъ Ѳедору Прядунову съ товарищи дать нынѣ тысячу рублевъ, а имъ стараться еще такія руды пріискивать" (т. IV, стр. 529).

Кабинетъ живо интересовался заводскимъ дѣломъ, велъ оживленную переписку съ Татищевымъ, давалъ ему инструктивныя указанія [4]), требовалъ для соображенія различныя свѣдѣнія какъ по казеннымъ, такъ и частнымъ заводамъ [5]) и вообще заботливо хлопоталъ о развитіи горной промышленности и увеличеніи доходовъ казны.

---

[1]) Т. II, 373; т. III, 216, 454; т. IV, 459, 498; т. V, 97; т. VI, 52, 182, 299, 271.

[2]) Толстой „Исторія финансов. учрежден. Россіи", стр. 189.

[3]) Т. II, стр. 553; т. III: 4, 5, 78, 113, 205, 472; т. IV: 297, 326, 384, 416, 427, 499, 525, 531, 540, 548; т. V: 2, 54, 55, 64, 98, 104, 105, 115, 127, 128, 266, 306, 312, 401, 427, 424, 562; т. VI: 117, 396, 596, 711; т. VII: 112, 125, 232, 308, 340, 375; т. VIII: 35; т. IX—33.

[4]) Была составлена и отослана Татищеву даже спеціальная Инструкція (т. III, стр. 81).

[5]) Т. I: 4, 17, 214, 257, 317, 333, 429, 436, 446, 477, 497, 539, 548; т. II: 4, 47, 217, 351; т. III: 63, 151, 158, 174, 175, 198, 217, 298, 363, 463, 476; т. IV: 8, 29, 82, 88, 105, 190, 286, 296, 299, 327, 342, 411, 420, 427, 433, 446, 459, 490, 492, 493, 494, 499, 502, 503, 505, 509, 528, 531, 536, 547; т. V: 1, 9, 24, 88, 95, 120, 126, 176, 173, 207, 217, 229, 230, 236, 256, 258, 276, 307, 333, 336, 382, 361, 409, 426, 464, 476, 536, 564. 566, 614, 635, 655; т. VI: 23, 32, 61, 62, 63, 73, 78, 86, 101, 118, 140, 154, 179, 190, 202, 265, 273, 278, 299, 304, 309, 311, 326, 327, 329, 354, 355, 368, 412, 472, 481, 490, 528, 564, 565, 585, 677, 682, 711, 780; т. VII: 66, 67, 73, 74, 87, 112, 154, 155. 268, 303, 308, 309, 441, 483, 489, 655, 738; т. VIII: 95, 136, 172, 178, 204, 243, 256, 299, 301, 307, 335, 336, 399, 514; 528; т. IX: 33, 263; т. X: 23, 141, 363, 528.

ГЛАВА IX.

Торговля.

1) Общее положеніе. Торговая политика, подобно предыдущимъ царствованіямъ, преслѣдовала интересы двоякіе: казенные фискальные и частные купеческіе. Вся разница съ прежнимъ заключалась въ количествѣ регалій, которыя правительство выдѣляло себѣ, и въ свойствѣ пользованія ими. При Аннѣ Іоанновнѣ регаліи находились въ слѣдующемъ положеніи [1]).

Винная регалія оставалась по прежнему въ казенномъ управленіи. При этомъ правительство, въ интересахъ страны, проявило особенную заботливость о томъ, чтобы, при неурожаѣ въ однѣхъ губерніяхъ, хлѣбъ поставлялся на винокуреніе изъ другихъ. Такъ въ голодный 1735 г. вино велѣно было привозить во всѣ русскіе города изъ Лифляндіи и Эстляндіи (П. С. З. № 6674). Затѣмъ, когда правительство нуждалось въ запасахъ, употребляемыхъ на производство вина, то винокуреніе запрещалось въ извѣстныхъ провинціяхъ. Въ 1736 г., для окончательнаго сбора провіанта, закрыты были на время (на годъ) винокурни въ губерніяхъ Воронежской и Бѣлгородской (П. С. З. № 7031). То же запрещеніе, въ 1738 г., наложено на всѣ провинціи, съ которыхъ для продовольствія войскъ, положено было собрать, въ зачетъ подушныхъ денегъ, провіантъ натурою (П. С. З. № 7569). По этимъ же причинамъ, въ 1737 г., дозволено было (П. С. З. № 7450) въ Малороссіи употреблять на куреніе вина только третью часть собираемаго ими хлѣба.

Торговля табакомъ была предоставлена вольнымъ предпринимателямъ въ 1727 г., и съ этого времени была вполнѣ свободной до 1748 г.

---

[1]) Обзоръ регалій у Д. А. Толстого въ его „Исторіи финансовыхъ учрежденій Россіи".

Соль при Петрѣ I была регаліей; въ 1727 г. введена вольная продажа, а въ 1731 г. вновь введено казенное управленіе, на томъ основаніи, что „отъ вольной продажи такой настоящей казенной доходъ не только умалился, но почитай въ треть того въ казну приходитъ“ (П. С. З. № 5827). Въ 1733 г. дозволена была вольная продажа соли въ *розницу*, съ тѣмъ „чтобы одной персонѣ большимъ числомъ продажи изъ казны соли не было, дабы въ однѣхъ рукахъ вся розничная продажа остаться не могла“.

Этимъ торговцамъ позволено было „за трудъ свой“ прикладывать къ постановленной цѣнѣ соли: въ городахъ—2 деньги на пудъ, а въ уѣздахъ „на провозъ“ по 4 деньги. Но вмѣстѣ съ тѣмъ правительство оставило за собою повсемѣстную розничную торговлю, съ тѣмъ намѣреніемъ, какъ сказано въ указѣ, „чтобъ вольнопродавцы не могли соли продавать высокою цѣною и не имѣли бъ въ томъ заговору“ (П. С. З. № 6452). Такимъ образомъ, по справедливому замѣчанію Толстого, торговля солью въ розницу сдѣлалась только номинальной, потому что вольными торговцами прикладывался извѣстный процентъ за трудъ и ихъ цѣна была выше казенной; поэтому всякій предпочиталъ покупать соль въ казенныхъ лавкахъ.

Горная регалія. Отдавая въ частныя руки горные промыслы, „Намъ однимъ—говоритъ Петръ—яко Монарху принадлежащіе рудокопные заводы и ихъ употребленіе“, Императоръ положилъ взимать съ заводчиковъ 10-й процентъ отъ прибытка. При Аннѣ Іоанновнѣ всѣ заводы, въ 1738 году, рѣшено отдать въ содержаніе частнымъ лицамъ съ сохраненіемъ десятинной пошлины (нѣсколько измѣненной, о чемъ указано выше при обзорѣ горнаго дѣла).

Селитра, или ямчуга. Выдѣлываніе и продажа ея были регаліей.

Монетная регалія всегда принадлежала правительству.

Звѣриная регалія:

а) собственно звѣриная ловля съ древнихъ временъ была въ Россіи государственнымъ промысломъ. По показанію Кильбургера, Сибирь доставляла ежегодно мѣховъ въ казну на 600000 р. Ловля другихъ звѣрей и при Аннѣ Іоанновнѣ не переставала быть регаліей правительства, отдававшаго ее обыкновенно въ откупъ частнымъ людямъ (П. С. З. № 6734). На частные же звѣриные промыслы наложенъ былъ сборъ въ пользу казны, который отмѣненъ только въ 1775 году.

б) Птичья ловля. Изъ птицъ соколы, кречеты и ястребы

составляли предметъ государственнаго промысла. По извѣстію Флетчера онѣ составляли предметъ внѣшней торговли, но продавались весьма дорогой цѣной. Съ дорогихъ птицъ, ловимыхъ частными лицами, шелъ извѣстный сборъ въ пользу казны, отмѣненный только въ 1775 году.

в) Рыбный промыселъ съ самыхъ древнихъ временъ входилъ въ составъ государственныхъ промысловъ. При Петрѣ I и его преемникахъ съ частныхъ рыбныхъ ловель продолжали собирать такъ называемый оброкъ, „смотря по водамъ и по рыбѣ, и усматривая, чтобъ въ томъ была Великому Государю прибыль прочная“. Этотъ оброкъ обыкновенно отдавался на откупъ, причемъ Екатерина I распорядилась отдавать рыбныя ловли въ откупъ тѣмъ лицамъ, въ чьихъ владѣніяхъ онѣ находились (П. С. З. № 5054).

Ревень, бывшій регаліей еще до Петра I, остался и при немъ монополіей казны; въ 1727 году поступилъ въ вольную продажу, а въ 1731 году снова обращенъ въ регалію. Цѣна ревеню назначалась въ пять и даже въ шесть разъ выше его дѣйствительной цѣнности на мѣстѣ. На эту отрасль Кабинетъ Министровъ обращалъ большое вниманіе. Въ 1735 году сдѣлалось извѣстнымъ, что „многіе являются вывозы (ревеня) изъ Сибири, такъ и отпуски за море, тайно“. Поэтому, указомъ 15 іюня 1735 г. (П. С. З. № 6749) подтверждено, „чтобъ, кромѣ казеннаго ревеню, отнюдь изъ партикулярныхъ людей никто не дерзалъ изъ Сибири вывозить или за море отпускать, ни съ собою вывозить, ни единаго фунта. Буде же у кого и въ которомъ мѣстѣ хотя фунтъ сыщется, что тайно вывезено, у того безъ пощады, ни на какія отговорки или выкрутки смотря, въ конецъ все его имѣніе взять на Насъ“. Послѣ этого узнали, что за море отпущено тайно лѣтомъ 1735 г. около 50 пуд., и новымъ указомъ отъ 15 іюня 1735 г. (П. С. З. № 6749) запрещенъ вывозъ *подъ смертной казнью*. Въ 1736 г. отправленъ въ Иркутскъ одинъ „купчина“ и одинъ опытный аптекарь для бракованія ревеня (П. С. З. № 7058). Въ томъ же году сдѣлано распоряженіе высылать ежегодно изъ Сибирской губерніи въ Петербургъ до 800 п. (П. С. З. № 7058), впослѣдствіи до 1000 п. ревеня для отпуска за границу (П. С. З. № 5705 и 5737). Съ 1737 г. правительство стало посылать для закупки ревеня особаго коммиссара, съ помощникомъ, изъ купцовъ въ самую Кяхту (П. С. З. № 7181). Иногда значительные запасы ревеня лежали въ казенныхъ магазинахъ отъ недостатка потребителей. Въ этомъ отношеніи интересенъ указъ

отъ 27 марта 1735 г. (П. С. З. № 6714), въ которомъ сказано: „покамѣстъ имѣющійся въ Петербургѣ ревень проданъ будетъ, изъ Тобольска того ревеня въ Москву не пропускать, а содержать тамо по тому же секретно, не разглашая въ народъ, дабы отъ умноженія онаго не могло произойти здѣшнему умаленіе въ цѣнѣ".

Регалія поташная и смольчужская. Поташъ и смольчугъ были издавна регаліей правительства, а въ 1726 году отданы въ вольную продажу: „уповаемъ было, что трудомъ и раченіемъ подданныхъ оной торгъ въ лучшее приращеніе придетъ, и потому онаго торга противъ прежняго гораздо больше за море отпускаться будетъ, а отъ возвышенія пошлинъ то возвращено бъ было, что казеннаго урона отъ уступленія той монополіи воспослѣдовало" (П. С. З. № 8302). Но эти разсчеты не оправдались. Напр., въ 1712—1718 годахъ казна имѣла прибыли въ среднемъ по $43.333^{2}/_{3}$ р. въ годъ, а съ 1726 г. сборъ пошлинъ достигалъ только 8000 р. въ годъ, и за 14 лѣтъ—до 1740 г.—казна потеряла (считая прежній доходъ округленно въ 40 р.) 448.000 р. И 22 декабря 1740 г., въ правленіе Анны Леопольдовны, вновь введена казенная продажа (П. С. З. № 8302). Докладъ по этому поводу Фонъ-Менгдена, президента камеръ-коллегіи, состоялся 24 ноября 1740 г. Но корни недовольства вольной продажей и зачатки реформы, несомнѣнно, относились еще ко времени Анны Іоанновны.

При Аннѣ Іоанновнѣ, наряду съ вольной продажей, существовали и казенные заводы, и правительство очень заботилось о сбытѣ казенныхъ товаровъ. Напр., въ 1732 г. Сенатъ нашелъ, что отправлять казенный товаръ—поташъ—на русскихъ корабляхъ отъ Архангельска за границу на коммиссію очень убыточно, что гораздо полезнѣе продавать казенные товары при русскихъ портахъ вѣрнымъ купцамъ. При этомъ Сенатъ представлялъ необходимость уменьшить добываніе поташу и смольчуга, ибо во многихъ мѣстахъ, гдѣ бывали поташные и смольчужные заводы, тамъ стали степи и на дрова лѣсу не осталось (Соловьевъ „Исторія Россіи", т. XX, гл. 3, стр. 1436).

Почтовая регалія. Прочное начало этому дѣлу надо считать положеннымъ съ Петра I, когда правительство взяло въ свое исключительное завѣдываніе управленіе почтами, и съ этого времени почтовыя сношенія внутри Россіи стали значительно умножаться и улучшаться. Царствованіе Анны Іоанновны выдѣляется особыми трудами и заботами въ этомъ направленіи. Это было какъ бы преемственное продолженіе дѣлъ Петра. Въ

1733 и 1736 гг. устроены были почты въ Малороссіи и между нею и нѣкоторыми великороссійскими городами (П. С. З. № 6332, 6888, 6891), въ 1733 г.—между Нарвою и Псковомъ (П. С. З. № 6510), въ томъ же 1733 году устроены почты въ Сибири (П. С. З. № 6351), въ 1736 г. устроены почтовыя станціи отъ Москвы до Крыма и Азова (П. С. З. № 6985), въ 1735 г.—до Уфы (П. С. З. № 6721), въ 1738 г.—до Кіева (П. С. З. № 7641). По отзыву графа Д. А. Толстого, умноженіе почтовыхъ сношеній при Аннѣ Іоанновнѣ явилось результатомъ усиленія промышленности, торговли и увеличенія дѣлъ въ присутственныхъ мѣстахъ и распоряженій правительственныхъ („Исторія финанс. учрежд. въ Россіи“, стр. 222).

Китайскій торгъ мягкой рухлядью составлялъ также регалію. Подъ этой рухлядью подразумѣвались: камчатскіе бобры, рысяки, бѣлка и соболя камчатскіе и якутскіе и лисицы. Правительство неоднократно запрещало (въ 1731, 734 и 739 годахъ) русскимъ подданнымъ торговать означенной рухлядью въ Пекинѣ и прочихъ мѣстахъ, подвластныхъ Китаю, и Кабинетъ заботливо относился къ этому дѣлу [1]). Послѣдній запретительный указъ послѣдовалъ 12 сентября 1739 г. (П. С. З. № 7895). Но черезъ нѣсколько дней послѣ этого политика правительства измѣнилась. Въ журналѣ за 19 сентября 1739 г. записано: „Ея Императорское Величество указала: нынѣшній китайскій караванъ отправить немедля попрежнему обыкновенію... а впредь Ея Императорское Величество указала китайскому караванному торгу не быть, а собрать компанію знатныхъ купцовъ и прочихъ персонъ, кто пожелаетъ въ оную китайскую компанію положить капиталъ и для того о томъ заблаговременно публиковать, чтобъ въ коммерцъ-коллегію записывались и подавали извѣстія, кто сколько капитала положить въ китайскій торгъ желаетъ; а на какомъ основаніи быть оному китайскому компанейскому торгу, о томъ взять представленіе отъ Иркутскаго вице-губернатора Ланга [2]); а что потребно ко двору Ея Императорскаго Вели-

---

[1]) Переписка кабинета по дѣламъ китайскаго торга: т. III, стр. 184, 404, 485; т. IV, стр. I, 493; т. VI—732; т. VIII—179, 245, 349, 452, 475; т. IX—279; т. X—23, 139, 324.

[2]) Распоряженіе о прекращеніи казеннаго торга послѣдовало, очевидно, по представленію Ланга. Въ Барановской описи Сенат. Арх. значится подъ № 7137 резолюція отъ 12 сентября 1739 г. (т. е. за недѣлю до 19 сент.) о разсмотрѣніи въ Сенатѣ представленія Ланга по вопросу объ учрежденіи въ Сибири торговой компаніи для сношенія съ Китаемъ. — Мнѣнія Ланга по распоряженію отъ 19 сентября не имѣется ни въ П. С. З., ни въ Кабинетскихъ бумагахъ.

чества впредь какихъ вещей будетъ, о томъ имѣетъ быть въ ту компанію отъ Двора Ея Императорскаго Величества даваны реестры и потребная на ту покупку сумма деньгами или талерами“ (т. IX, стр. 268 и 269). Послѣ этого 21 сентября 1739 г. (II. С. З. № 7906) послѣдовалъ указъ объ отмѣнѣ китайскаго каравапнаго казеннаго торга.

Такимъ образомъ въ отношеніи торговли казна являлась соперникомъ купечеству. Это положеніе, впрочемъ, далеко не было новымъ. Милюковъ отмѣчаетъ, что и при Петрѣ I гораздо болѣе опаснымъ соперникомъ, чѣмъ иностранцы, являлась для русскаго купечества казна, ея откупщики и покровительствуемые ею монополисты. Не менѣе настойчиво, поэтому, повторяются со стороны купечества требованія объ отмѣнѣ казенной торговли. Напр., когда, по пунктамъ 2 марта 1711 г. Сенатъ хлопоталъ объ отдачѣ въ компанію на откупъ китайскаго торга, то московскій капиталистъ Филатьевъ, вмѣстѣ съ Григорьевымъ и Исаевымъ, подали коллективное доношеніе, въ которомъ прямо заявляли, что если *вольный торгъ учиненъ будетъ*, то, конечно, многому народу ко исправленію и пополненію въ пожиткахъ способъ быть можетъ, отчего въ казну Царскаго Величества не малое число пошлинъ, а съ тѣхъ торговцевъ во взятьѣ падлежащихъ съ нихъ податей свобода можетъ быть“ („Госуд. хоз.“, стр. 390).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство выступало въ роли торговца, оно дѣйствовало со всѣми торгашескими пріемами. Въ этомъ отношеніи особенно характерна коммиссіонная операція, которую затѣялъ Кабинетъ по продажѣ быковъ изъ Украйны въ Бреславль. Дѣло началось съ указа отъ 17 мая 1735 г., даннаго отъ имени Императрицы за подписью Министровъ, на имя Генерала Князя Шаховского. „Понеже Намъ извѣстно — писано въ указѣ — коимъ образомъ великій торгъ изъ Украйны въ Бреславль прежде сего отправлялся, которые, покупая дешевою цѣною, съ немалой прибылью тамо продавались, а Намъ нынѣ въ тѣхъ краяхъ въ деньгахъ нужда состоитъ, того ради разсудили Мы за благо сей способъ употребить, и для того повелѣваемъ вамъ: *въ украйнѣ купить такихъ быковъ до 3 тысячъ или болѣе, какою дешевою цѣною возможно*, и которые къ тамошней продажѣ способны, и оные съ вѣрными,

---

В. Покровскій отмѣчаетъ, что караванный торгъ за счетъ казны требовалъ значительныхъ затратъ, не окупавшихся прибылями, почему при Петрѣ III былъ отмѣненъ (Энциклопед. Словарь Брокгауза, т. 66-й, стр. 578).

добрыми купцами, въ томъ торгѣ обыкновенными, отправить надлежащимъ порядкомъ въ Шлезію и велѣть тамъ продавать настоящею лучшею цѣною... Мы сію коммиссію вамъ наилучше рекомендуемъ, ибо оттого въ казнѣ Нашей, можетъ произойти не малая польза“ (т. IV, стр. 173 и 174).

Это дѣло вызвало довольно большую переписку [1]). Изъ нея слѣдуетъ выдѣлить еще одинъ указъ Шаховскому отъ 8 марта 1736 г. по поводу отправленія купленныхъ быковъ на продажу въ Бреславль. Шаховскому поручено „посланнымъ съ тѣми быками имѣете вы особливо приказать и *пристойный* универсалъ имъ дать: ежели бъ гдѣ такихъ пошлинъ стали у нихъ требовать, то бъ *отвѣтствовать, что тѣ быки отправлены не на продажу, но на содержаніе нашихъ войскъ*, обрѣтающихся въ Цесаріи и въ польской области. А буде, не смотря на такія представленія и данные универсалы, копечно, такихъ пошлинъ кто будетъ требовать и безъ платежа всемѣрно обойтись невозможно, въ тѣхъ мѣстахъ положенную пошлину велѣть имъ платить“ (т. V, стр. 108). Въ этомъ коммиссіонномъ дѣлѣ все характерно: и желаніе подешевле купить у своихъ, подороже продать за границу, и обходъ пограничниковъ при оплатѣ пошлинъ. Выжиманіе при куплѣ денегъ даже у своихъ подданныхъ и неискренность въ международныхъ таможенныхъ сношеніяхъ входили въ составъ торговой политики. Почему такъ дѣлало правительство и почему брало на себя торговыя „коммиссіи“, сказано въ указѣ отъ 17 мая 1735 г.: „въ деньгахъ нужда состоитъ“.

Развитію торговли препятствовали тяжелое экономическое положеніе крестьянъ (глава V), ихъ бѣгства и затѣмъ конфискація имуществъ при взысканіи доимокъ (отд. III). На это указалъ и Соловьевъ („Исторія“, т. XX, гл. 3, стр. 1436). Но, съ своей стороны, Кабинетъ Министровъ старался принимать различныя мѣры къ развитію и упорядоченію торговли, что видно изъ послѣдующаго изложенія.

2) Внѣшняя торговля. Въ основѣ русской торговли и экономической политики изслѣдуемаго періода находилась господствовавшая въ Европѣ меркантильная система, при которой цѣлью государственнаго хозяйства являлось накопленіе денегъ, а главнѣйшимъ къ тому средствомъ — развитіе внѣшней

---

[1]) т. IV, стр. 173, 174, 180, 200, 203, 218, 239, 262; т. V, стр. 30, 74, 76, 99, 108, 142, 148; т. VI, стр. 33.

и транзитной торговли. Считалось выгоднѣе вывозить болѣе дорогіе фабрикаты и ввозить менѣе дорогое сырье, чѣмъ наоборотъ; вообще преслѣдовали задачу вывозить товаровъ на большую сумму, чѣмъ ввозить и этимъ путемъ добиваться *выгоднаго торговаго баланса*.

Милюковъ охарактеризовалъ внѣшнюю торговлю древней Россіи такими положеніями. Вокругъ Россіи во все время ея историческаго существованія всегда были на-лицо народности съ болѣе развитыми потребностями, чѣмъ она сама. Очевидно, и торговля съ этими народностями должна была существовать, но только эта торговля носила не активный, а чисто пасивный характеръ. Другими словами, иностранные потребители нуждались въ русскихъ товарахъ, а не русскіе въ иностранныхъ; поэтому вывозъ русскихъ товаровъ долженъ былъ преобладать надъ ввозомъ заграничныхъ, и самое веденіе торговли должно было находиться въ рукахъ иностранныхъ посредниковъ („Очерки русской культуры“, ч. I, стр. 96). Такимъ образомъ выгодный торговый балансъ получался не въ силу только однихъ теоретическихъ побужденій, а по самой природѣ естественнаго положенія Россіи, какое, по справедливому опредѣленію Милюкова, занимала Россія.

Соловьевъ указалъ (т. XX, гл. 3, стр. 1426) что, по господствовавшему въ меркантильной системѣ правилу — не позволять вывоза сырыхъ произведеній за границу — въ 1736 г. возстановленъ былъ (8 окт. — П. С. З. № 7077) указъ Петра I, запрещавшій вывозить козлиныя сырыя кожи (6 іюня 1721 г.); въ слѣдующемъ году указъ былъ повторенъ (22 февраля 1737 — П. С. З. № 7183). Къ этому указанію Соловьева надо добавить прежде всего, что указомъ № 7183 сдѣлано болѣе широкое ограниченіе: запрещено вывозить не однѣ козлиныя, а вообще *сырыя и необдѣланныя кожи*. А затѣмъ, самое главное, слѣдуетъ добавить нѣкоторыя исключенія, допущенныя по ходатайству жителей. 6 іюля 1737 г., по резолюціи Кабинета Министровъ, позволено вывозить сырыя кожи за границу городу Ревелю „на одинъ нынѣшній годъ“ (т. VI, стр. 185, 422—423). По примѣру Ревеля, разрѣшено на одинъ годъ вывозить сырыя кожи городу Ригѣ и Аренсбургу (17 октября 1737 г. П. С. З. № 7403). Просилъ еще Нарвскій купецъ Кнопъ вывести 800 сырыхъ кожъ, но ему было отказано (7 октября 1737 г.— П. С. З. № 7666). А рижскому купечеству позволено отпускать въ чужіе края привозныя изъ Польши и изъ Рижскаго уѣзда сырыя кожи (17 февраля 1739 г. — П. С. З. № 7758 и т. VIII,

стр. 257, 446 и 456) уже безъ всякихъ ограниченій въ срокахъ. Затѣмъ, по прошенію ревельскаго магистрата и всего мѣщанства, Министры, резолюціей на этомъ прошеніи, 11 августа 1740 г. (П. С. З. № 8202) разрѣшили отпускать въ чужіе края привозныя изъ Эстляндіи сырыя кожи.

20 іюля 1731 г. (П. С. З. № 5820) утвержденъ проектъ портоваго тарифа привознымъ и вывознымъ товарамъ. Новый тарифъ, сравнительно съ тарифомъ Петра I, изданнымъ въ 724 году, отличался умѣренностью ставокъ: товары, „которые въ Россіи работаются“ и которые Петръ I облагалъ 75%, были обложены 20%, другіе 10% и менѣе. А съ вывозныхъ пошлинъ, кромѣ очень немногихъ, пошлины были сложены. Обложеніе по цѣнѣ для большей части товаровъ замѣнено пошлинами съ вѣса, мѣры и счета. Обложеніе товаровъ, шедшихъ черезъ Архангельскъ, дополнительной пошлиной въ 25%, было отмѣнено. Это было новое теченіе. Зачатки его были замѣтны, впрочемъ, уже въ 1726 году, когда началось уменьшеніе пошлинъ по нѣкоторымъ статьямъ тарифа 1724 года. Очевидно, преемники Петра признали, что промышленность въ Россіи еще не была настолько развита, чтобы стоило, въ ея интересахъ, стѣснять привозъ иностранныхъ товаровъ [1]).

Въ томъ же 1731 г. утвержденъ и опубликованъ другой законъ крупной важности—морской пошлинный уставъ (31 марта—П. С. З. № 5733). По этому уставу съ русскихъ купцовъ, отправлявшихъ свои товары изъ Петербурга, Архангельска и Колы на собственныхъ корабляхъ или же вообще на судахъ, построенныхъ въ Россіи, взималось сборовъ въ 4 раза меньше, чѣмъ было установлено тарифомъ; съ привоза на тѣхъ же корабляхъ, во избѣжаніе подлоговъ, брали полную пошлину. Если русскій подданный отпускалъ свои товары на иностранныхъ корабляхъ, то платилъ лишь $^3/_4$ пошлины, установленной для иностранцевъ. Благодаря облегченію таможеннаго бремени, торговля оживилась; такъ изъ Петербурга въ 1726 году вывозилось русскихъ товаровъ на $2^2/_5$ мил. рублей, а въ 1751—на $4^1/_4$; въ 1726 г. привозилось въ Петербургъ на $1^1/_2$, а въ 1751 г.—на $3^3/_4$ мил. рублей [1]). 31 мая 1731 г. изданъ указъ (П. С. З, № 5765) о предоставленіи десятилѣтней безпошлинной торговли лошадьми на учрежденной въ 1724 г. ярмаркѣ

---

[1]) В. Покровскій „Торговля“ въ Энциклопед. словарѣ Брокгауза (66 т., стр. 577). Кромѣ того, по портовому тарифу—В. II. „протекціонизмъ“ въ томъ же словарѣ (50 т., стр. 514, 515).

въ Ригѣ для иностранцевъ, желающихъ приводить нѣмецкихъ лошадей. Хотя портовый тарифъ и морской уставъ и указъ № 5765 изданы до оффиціальнаго открытія Кабинета Министровъ, но его члены, въ особенности Остерманъ, несомнѣнно, принимали въ этихъ закопахъ участіе въ качествѣ „тайнодѣйствующаго“ Кабинета.

Послѣ Петра I морская торговля шла преимущественно чрезъ порты Балтійскаго моря, гдѣ, кромѣ Петербурга, было 6 торговыхъ портовъ: Рига, Ревель, Перновъ, Аренсбургъ, Нарва и Выборгъ. Въ 1737 году присоединенъ къ нимъ Гапсаль [1]).

Милюковъ отмѣчаетъ, что приблизительно съ 1715—1717 годовъ мы находимъ признаки вниманія къ интересамъ частной предпринимательности. Однимъ изъ такихъ признаковъ можно считать учрежденіе торговыхъ агентуръ и консульствъ за границей. Въ 1715 г. Иванъ Лефортъ назначенъ былъ агентомъ въ Парижъ съ титуломъ коммерціи совѣтника, а братъ его Амедей сдѣланъ былъ тамъ консуломъ коммерціи. Въ томъ же году назначены новые агенты въ Антверпенъ и Бреславль, въ 1718 г.—въ Вѣну и Люттихъ, въ 1719—въ Китай, въ 1723—въ Бордо и Кадиксъ („государ. хозяйство“, стр. 396 и 397). Относительно періода Анны Іоанновны имѣются совершенно ясные и опредѣленные слѣды, что этотъ институтъ еще болѣе расширяется и проявляетъ свою дѣятельность. Въ 1737 году сдѣлано представленіе объ опредѣленіи „для коммерціи съ Персіей *за консуля* „поручика Арапова (т. IV, стр. 151). Въ 1737 г. Араповъ именуется уже исправляющимъ должность консула въ Персіи, и ему назначено жалованье изъ астраханскихъ доходовъ (Баранов. опись Сенат. архива № 6220). Въ томъ же году появились разбои русскихъ людей на Каспійскомъ морѣ, что препятствовало свободному и безопасному плаванію торговыхъ судовъ и вообще нарушало торговыя сношенія русскихъ купцовъ съ Персіей. Объ этомъ русскій консулъ въ Персіи, поручикъ Араповъ прислалъ донесеніе о принятіи надлежащихъ мѣръ къ прекращенію разбоевъ на морѣ, и Кабинетъ 28 августа 1737 г. передалъ выписку изъ донесенія Сенату для разсмотрѣнія „обіце“ съ адмиралтейскою и коммерцъ-коллегіями (Баранов. опись Сенат. арх. № 6229). Въ Данцигѣ въ 1736 г. агентъ уже существовалъ. Это мѣсто занималъ Эрдманъ,

---

[1]) В. Покровскій. „Торговля“ въ Энциклопедич. словарѣ Брокгауза (т. 66-й, стр. 577, 578).

который умеръ, и на его мѣсто „пожалованъ“. Шендель, которому, 19 октября 1736 г., отправлены патентъ и „вѣрющая къ помянутому городу грамота“, о чемъ Кабинетъ сообщилъ Сенату, 23 октября 1736 г., „для извѣстія и потребнаго о томъ, куда надлежитъ, сообщенія“ (т. V, стр. 505). Въ томъ же 1736 году возбужденъ общій вопросъ объ учрежденіи въ Европѣ „консулей“, и Кабинетъ Министровъ, по доношенію объ этомъ Сената, потребовалъ изъ Коммерцъ-коллегіи „кандидатовъ такихъ, которые бъ здѣсь свой довольный капиталъ имѣли, чтобъ можно было въ томъ повѣрить“ (т. V, стр. 143).

Въ 1732 г. послѣдовалъ указъ (П. С. З. № 5987), которымъ установленъ рядъ мѣропріятій по регулированію порядка въ торговыхъ операціяхъ и сношеніяхъ, какъ напр.: разсмотрѣніе въ коммерцъ-коллегіи дѣлъ между русскими и иностранными купцами до учрежденія магистрата; подтвержденіе права торговли купеческихъ приказчиковъ на основаніи указа 1723 г. (которымъ предписывалось „купецкимъ людямъ, у которыхъ прикащики и въ лавкахъ сидѣльцы торгуютъ именами хозяйскими, впредь тѣхъ сидѣльцевъ имена хозяевамъ ихъ записывать въ таможнѣ“, причемъ сдѣлки, заключенныя приказчикомъ отъ имени хозяина, разсматривались „какъ бы они хозяева сами то учинили“); о порядкѣ разсчетовъ за товары между русскими и иностранными купцами; о запрещеніи крестьянамъ торговать портовыми товарами; объ учрежденіи присяжныхъ мѣрщиковъ для холстовъ; о снабженіи отходящихъ кораблей росписями отпущенныхъ товарамъ и о выдачѣ иностраннымъ купцамъ, при выѣздѣ изъ Россіи, паспортовъ изъ коммерцъ-коллегіи.

Внѣшнія торговыя сношенія находились въ состояніи особаго оживленія. Въ началѣ было обращено вниманіе на торговлю съ *Хивой и Бухарой*. Извѣстно, что Петръ I дѣлалъ попытку пріобрѣсти нѣсколько крѣпкихъ пунктовъ на восточномъ берегу Каспійскаго моря, чтобы оттуда вести непосредственную торговлю съ Хивой и Бухарой, а затѣмъ, съ помощью караванов, посылаемыхъ изъ этихъ ханствъ въ Индію, направить индійскую торговлю чрезъ Каспійское море въ Россію; но эта попытка не имѣла успѣха [1]), При Аннѣ Іоанновнѣ, вскорѣ по вступленіи ея на престолъ—18 марта 1731 г.—былъ данъ указъ о порученіи князю А. М. Черкасскому наблюденія за

---

[1]) В. Покровскій „Торговля“ въ Энциклопедич. словарѣ Брокгауза (66 т., стр. 578)

правильнымъ ходомъ торговли съ Хивою и Бухарою (Баранов. опись Сен. арх. № 3973). 31 мая 1731 г. данъ указъ объ отправленіи купца Льва Семенникова къ князю Черкасскому „по особо возложенному на послѣдняго порученію“ (Б. опись С. А, № 4001). А 28 сентября 1731 г. разрѣшено отпустить Черкасскому 200 р. „на извѣстные расходы“, къ отпущеннымъ ему уже 4000 р. (Б. опись С. А. № 4051). Въ 1736 г. Кириллову даны такія порученія: 1) привлекать для оренбургской коммерціи горожанъ изъ Ташкента, Туркестана и прочихъ принадлежащихъ къ Туркестану городовъ, 2) „въ будущее лѣто отпустить караваны въ Хиву и въ Бухарію, и въ Ташкентъ, буде въ пути никакого препятствія быть не надѣетесь“, 3) „о посылкѣ съ караванами ссылочныхъ до Аральскаго моря и о селеніи ихъ на самомъ устьѣ Сыръ-Дарьи, гдѣ живутъ новоподданные каракалпаки; оставить, пока Оренбургъ уфундуется, а потомъ о произведеніи сего дѣла чинить вамъ по своему разсмотрѣнію“, 4) „съ оными караванъ-башами отпустить вамъ товаровъ на тамошнюю руку годныхъ, тысячи по двѣ на караванъ, съ обнадеживаніемъ тѣмъ караваннымъ башамъ изъ полученной прибыли четвертой части, и велѣть тѣ товары мѣнять больше на золото и каменья“, 5) „для обращенія *Индѣйской компаніи*, коя была въ Бухарахъ и возвратилась въ Индію, отправить вамъ индѣйца Марварія Бараева, давъ ему съ привиллегіи копію и на товаръ денегъ до тысячи рублей“ (П. С. З. № 6889). *Индѣйская компанія* функціонировала и въ 1740 г., что видно изъ жалобы на эту компанію торговаго индѣйца Марвара Бараева (1 мая 1740 г., Баранов. опись Сен. Арх. № 7522).

По договору, заключённому съ *Китаемъ* въ 1728 году, устанавливалась свободная торговля между обѣими имперіями. Для торга частныхъ лицъ назначены были два пограничныхъ мѣста—Кяхта и Цурухайту, а право отправлять караваны предоставлено было только русскому правительству, не чаще, чѣмъ разъ въ 3 года [1]). Торговля въ Китаѣ рухлядью, какъ указано выше, составляла правительственную монополію, отъ которой въ 1739 г. рѣшили отказаться и перейти къ устройству частныхъ компаній. О размѣрѣ казенныхъ операцій можно судить по сообщенію Сената въ августѣ 1739 г., въ которомъ указано, что въ 3 г. отправлено при караванѣ мягкой рухляди на 30 т.

---

[1]) В. Покровскій „Торговля“ въ Энциклопедич. словарѣ Брокгауза (66 т.' стр. 578).

(т. X, стр. 139). На выборъ человѣка во главѣ казеннаго каравана обращала особое вниманіе: „понеже съ китайскимъ государствомъ всегда какъ о границахъ, такъ и о другихъ всякихъ дѣлахъ всегда дѣла будутъ, и потому, по моему мнѣнію (Остермана) небезпотребно, дабы въ каравапѣ, по прежнимъ примѣрамъ, такой человѣкъ былъ, который и о тѣхъ дѣлахъ паставленъ и потому въ состояніи быть могъ китайскимъ министрамъ, когда оные о томъ говорятъ, подлежащій отвѣтъ дать“ (т. X, стр. 157 и 226). Каковы были задачи китайскаго каравана, видно изъ словеснаго указа Императрицы, даннаго 19 сентября 1739 г.: что хотя караванъ отправляется *по прежнему обыкновенію* съ директоромъ Фирсовымъ, однако жъ въ инструкціи написать (т.-е, точнѣе, подтвердить): 1) „о крайнѣйшемъ стараніи, чтобъ опъ, будучи тамъ, покупалъ *наипаче такіе товары, какіе до двору Ея Императорскаго Величества потребны* и для прочихъ знатныхъ персонъ годныя японскія, такъ и китайскія вещи“ и 2) „понеже онъ, Фирсовъ, будучи здѣсь, довольно ужъ насмотрѣлся, какія вещи потребны для знатныхъ персонъ, таковыхъ имѣетъ стараться болѣе покупать, а что затѣмъ покупками, изъ посылаемой съ нимъ мягкой рухляди, останется, тогда опую мѣнять на прочіе японскіе и китайскіе товары“ (т. X, стр. 268). Сообразно такимъ заданіямъ, и отъ цѣловальника каравана требовались такія качества (которыя одинъ изъ кандидатовъ на эту должность уже проявилъ на практикѣ): „видѣлъ тамошнее въ купечествѣ обхожденіе и караванное путевое отправленіе и назадъ возвращеніе, и въ Пекинѣ россійскимъ товарамъ разборъ, и съ тамошними китайскими народы товарную мѣну и продажу и покупку каменью, золоту завѣсамъ и поставамъ фарфоровой посудѣ и прочимъ китайскимъ товарамъ и вещамъ, также и здѣсь, въ С.-Петербургѣ привознымъ изъ Китая товарамъ оцѣнку, и чрезъ аукціонный торгъ счастливую продажу и пополненіе интереса“ (т. X, стр. 308). Изъ этого видно, что китайскіе казенные караваны обслуживали, главнымъ образомъ, потребности Двора.

2 декабря 1734 г. (П. С. З. № 6652) заключенъ договоръ съ Англіей, предоставлявшій подданнымъ обоихъ государствъ право свободнаго плаванія и торговли во всѣхъ областяхъ, принадлежащихъ имъ въ Европѣ, причемъ англійскіе и русскіе корабли допускались на правахъ наибольшаго благопріятства. Какъ русскіе въ Англію, такъ и англичане въ Россію имѣли право провозить всякіе, за немногимъ исключеніями, товары, причемъ съ обѣихъ сторонъ уплачивались одинаковыя

пошлины. Въ англійскихъ рукахъ сосредоточивался вывозъ изъ Россіи желѣза, парусины, полотна и ревеня. Южно-европейскихъ купцовъ англичане пріучили обращаться съ заказами на русскіе товары къ англійскимъ торговымъ фирмамъ. Между прочимъ, по 16 -му пункту трактата не велѣно ставить постоя у англійскихъ купцовъ, которые дворы свои имѣютъ въ Петербургѣ, Москвѣ и Архангельскѣ, что вызвало рядъ разъясненій и указаній со стороны Кабинета полиціи (Баранов. опись С. Арх. №№ 5174, 5201 и П. С. З. № 8177). Съ англійскими же купцами Шифнеромъ и Вульфомъ произошелъ довольно характерный инцидентъ. 5 февраля 1739 г. состоялась Высочайшая резолюція на вѣдомости бергъ-директоріума о заключеніи съ Шифнеромъ и Вульфомъ контракта объ отдачѣ имъ на 4 года всего привозимаго съ екатеринбургскихъ заводовъ желѣза по 58 к. за пудъ (Бар. опись С. Арх. № 6893). А 3 марта 1739 г. выдана привиллегія Шембергу о передачѣ ему разработки рудъ въ Лапландіи и горы Благодать, и Шембергъ обратился съ просьбой отмѣнить контрактъ съ Шифнеромъ и Вульфомъ и отдать ему все то желѣзо на тѣхъ же условіяхъ. Императрица согласилась, англійскимъ купцамъ Шембергъ уплатилъ вознагражденія 20 т., а поставка передана Шембергу (16 іюня 1739 г., т. IX, стр. 562 и 563).

5 августа 1735 г. (П. С. З. № 6782) заключенъ трактатъ съ Швеціей на 12 лѣтъ, по которому дозволено Швеціи безпошлинно вывозить изъ гаваней Балтійскаго моря ежегодно хлѣба на 50 т., пеньки, льна и мачтъ—также на 50 т.—во всемъ этомъ по прежнему, какъ было условлено трактатами 1721 и 1724 год. Объ этомъ Кабинетомъ сообщено Сенату для распоряженій 17-го апрѣля 1736 г. (П. С. З. № 6940).

Съ Пруссіей торговый договоръ былъ заключенъ еще въ 1726 г. и затѣмъ возобновленъ въ 1743 г. [1]) До 1730 г. казенные товары за послѣднее время отдавались прусскимъ купцамъ, которые за то поставляли сукно на армію. Но въ 1730 г. англійскіе купцы явились соперниками прусскимъ, и Сенатъ склонялся на сторону англичанъ: сукна англійскія находили лучше нѣмецкихъ, а затѣмъ на нѣмцевъ было много жалобъ и отъ своихъ купцовъ и отъ иностранныхъ (Соловьевъ „исторія“, XIX т., гл. 3-я. стр. 1184). Въ 1738 г. военная коллегія донесла Кабинетъ—Министрамъ, что сукна прусскихъ фабрикъ весьма непрочны. При этомъ министрами приняты во вниманіе и такія соображенія,

---

[1]) В. Покровскій „торговля“ въ Энциклопед. Словарѣ 66-й т., стр. 577.

что „прусской компаніи купцы получаемыя за оныя сукна деньги натурою вывозятъ изъ государства, а напротиву того другіе иностранные купцы взятыя за сукна жъ деньги употребляютъ здѣсь въ торгъ на россійскіе товары или за поставленныя свои сукна берутъ казенные товары и съ отпуска такихъ товаровъ платятъ пошлины“. Поэтому рѣшено: „когда оныя прусскія сукна такъ плохи и къ носкѣ непрочны, то такихъ и употреблять и казны Нашей напрасно тратить не падлежитъ“. Заказы на сукна переданы русскимъ фабрикантамъ, „а ежели полнаго числа суконъ на россійскихъ фабрикахъ сдѣлать не успѣютъ, то въ прибавокъ подрядить иностранныхъ купцовъ (кромѣ прусской компаніи)... при томъ же договариваться, чтобы взятыя за нихъ деньги употребляли здѣсь на товары, а натурою изъ государства Нашего не вывозили“ (т. VII, стр. 341—343). Здѣсь чрезвычайно ярко выражена меркантильная точка зрѣнія о томъ, чтобы деньги не вывозить, а оставлять въ своемъ государствѣ.

1 декабря 1733 г. послѣдовала декларація (П. С. З. № 6513) „о безопасномъ продолженіи торговли подданнымъ королевства Польскаго и В. Княжества Литовскаго въ Ригѣ и другихъ подвластныхъ россійской державѣ городахъ“. Черезъ Польшу въ Пруссію, Шлезвигъ, Саксонію и Турцію шли русскіе мѣха, кожи и скотъ. Русскіе купцы сами отправлялись на мѣста назначенія товаровъ и тамъ пріобрѣтали товары, нужные для Россіи [1]).

По трактату съ Персіей, заключенному 21 января 1732 г., предоставлено русскимъ купцамъ право безпошлиннаго торга въ Персіи. По этому поводу Сенатъ, по донесенію коммерцъ-коллегіи, представилъ Императрицѣ въ ноябрѣ 1734 г. формуляръ публикаціи, „чтобъ о томъ. для вѣдома въ Россіи, публиковать, дабы, смотря на то, россійскіе купцы могли купечество свое въ Персіи распространять и, будучи въ тѣхъ краяхъ, о томъ привиллегіи требовать и оными пользоваться, отчего въ Россіи коммерція въ лучшее распространеніе приходить будетъ“ (т. III, стр. 445 и 446). Одобренный проектъ напечатанъ 23-го ноября 1734 г. (П. С. З. № 6648).

Проектировались, между прочимъ, торгъ въ Любекѣ и „любское складываніе товаровъ“, но этотъ проектъ, повидимому, остался неосуществленнымъ (т. II, стр. 614, т. III—4 и 22).

---

[1]) В. Покровскій „торговля“ въ Энциклопедическомъ Словарѣ т. 66-й, стр. 577.

Для характеристики торговой политики и роли въ этомъ Сената и Кабинета представляетъ извѣстный интересъ проектъ 1736 г. по доношенію „жида Симона Абрагама“, поданному имъ въ Сенатъ „объ обысканной имъ въ Америкѣ, противъ острова Допага, землѣ, которая де и понынѣ ни подъ чьимъ владѣніемъ, гдѣ возможно коммерцію производить и оную населить“. Сенатъ послалъ Абрагама въ Кабинетъ при сообщеніи „понеже Сенатъ собою о томъ рѣшенія учинить не можетъ“. На сообщеніи наложена резолюція за подписью Императрицы: „сіе дѣло надлежало было Сенату Нашему напередъ разсмотрѣть и потомъ представить со мнѣніемъ, какъ о возможности произведенію онаго, такъ и о пользѣ, которая отъ онаго государству Нашему произойти можетъ. И для того оное при семъ въ Сенатъ посылается“ (20 декабря 736 г. т. V, стр. 632 и 446). Отъ Сената отвѣтное доношеніе поступило довольно поздно—9 апрѣля 1737 г. Сенатъ предложилъ: „не соизволено ль будетъ отправить туда изъ Россіи одинъ фрегатъ съ пристойнымъ числомъ морскихъ служителей, а для нагрузки того фрегата товарами могутъ либо сыскаться компаніи изъ купцовъ“ (т. VI, стр. 209 и 210). Министры такимъ мнѣніемъ не удовлетворились. Они приказали вернуть доношеніе, „понеже надлежитъ о томъ разсуждать: 1) о возможности произведенія онаго—какимъ образомъ отправленныхъ туда людей пропитать, ибо тамо хлѣба не родится, а тамошняго коренья ѣсть не обыкли; 2) не можетъ ли быть отъ другихъ государствъ, которыя близко тѣхъ мѣстъ населеніе имѣютъ, сіе за противно принято быть; 3) какая польза отъ того государству произойти можетъ; 4) сыскивать способы, кто изъ купцовъ компаніей товары свои отпустить пожелаетъ. И, когда все сіе будетъ разсуждено, тогда надлежитъ доложить Ея Императорскому Величеству. а безъ того никакой резолюціи учинить невозможно“ (19 апр. 1737 г., т. VI, стр. 223 и 224). На этомъ переписка заканчивается, и имя доносителя Абрагама болѣе не встрѣчается въ „бумагахъ“. Очевидно, на той практической почвѣ, на которую переносилъ Кабинетъ, легковѣсный проектъ не выдержалъ испытанія. Здѣсь еще лишній разъ отразились такія качества Кабинета Министровъ, какъ осторожность, предусмотрительность и здоровый скептицизмъ. Здѣсь же выясняется и роль Сената и Кабинета: 1-й управлялъ, а 2-й руководилъ, и вся торговая политика находилась въ рукахъ послѣдняго.

Кабинетъ, по обыкновенію, близко входилъ во всѣ детали дѣла и давалъ указанія и разъясненія по различнымъ вопро-

самъ, частнымъ и общимъ, вытекающимъ изъ внѣшней торговли, по докладу объ этомъ Сената, Каммеръ-коллегіи и прочихъ учрежденій, [1]) а равно и по жалобамъ [2]).

3) Внутренняя торговля. Съ лицъ торговаго сословія взимались разнаго рода налоги: [3]) 1) десятая деньга (или $10^0/_0$ съ рубля при продажѣ товаровъ), 2) купеческая подушная подать въ видѣ сорокаалтыннаго оклада и 3) многочисленные внутренніе таможенные сборы. или пошлины. Внутреннія таможенныя пошлины нарощались въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій и образовались въ многосложную и мелочную систему казенныхъ доходовъ. Эта система была обременительна не столько по суммѣ сбора, [4]) сколько, главнымъ образомъ, по условіямъ ея взиманія: угнетали формальности, произвольные поборы и всякія прижимки. Эти условія, надо полагать, не были рѣдкимъ исключеніемъ. По крайней мѣрѣ, по отношенію къ періоду царствованія Анны Іоанновны, они имѣли мѣсто и оффиціально признаны самимъ правительствомъ. Въ именномъ указѣ отъ 5 іюля 1734 г. (П. С. З. № 6600) сказано: „нынѣ Нашему Императорскому Величеству въ Сенатъ *разныхъ городовъ купечество* били челомъ, объявляя, что въ провозѣ товаровъ ихъ сухимъ и воднымъ путемъ и въ прогонѣ скотины къ С.-Петербургскому порту и въ другіе города воеводы и приказные люди и на полковыхъ дворахъ офицеры и солдаты, а паче откупщики таможенные и мостовые чинятъ великія помѣшательства и остановки и убытки и берутъ съ судовъ ихъ и телѣгъ немалое число денегъ напрасно, и посланнымъ отъ нихъ за тѣми товарами бьютъ безвинно... въ многихъ мѣстахъ, на мостахъ и перевозахъ берутъ мостовыя и перевозныя деньги неуказанное число и втрое и вчетверо, и, сверхъ того, многихъ прикащиковъ ихъ и изво-

---

[1]) Т. I. стр. 164; т. III: 9, 153, 181, т. IV: 39, 53, 214, 221, 278, 286, 296, 315, 337, 340, 351, 354, 389, 416, 424. 435, 457, 466, 517, 525, 548; т. V: 59, 67, 71, 75, 118, 124, 134, 159, 172, 185, 193, 81, 196, 234, 226, 429, 465, 474, 558, 566; т. VI: 107, 135, 264, 290. 294, 323, 358, 382, 395, 411; т. VIII: 5, 147, 166, 247, 256, 293, 291, 318, 336. 369. 434, 453: т. IX: 45, 49, 131, 253, 280, 287, 374, 381, 387, 390. 417, 476; т. X: 8, 94, 310, 323, 371, 413, 468. 475, 477, 496, 543.

[2]) Т. III стр. 295—297; т. IV—379, 456; т. V—41, 58, 126, 307, 335; т. VIII—26, 437; т. IX—34, 56, 291, 377, 381, 390; т. X—363, 422 477, 490, 563, 576, 614, 657.

[3]) Милюковъ „Государ. хозяйство“, стр. 61. Рудченко. „Историч. очерки облож. торгов. и промысл.“ стр. 37, 55, 60, 74, 77. Толстой „Исторія финанс. учрежд. Россіи“, стр. 72.

[4]) Хотя, въ общемъ и сумма сбора была довольно значительна. Когда въ 1753 г. уничтожены были Елизаветой внутреннія пошлины. оказалось, что казна собирала ихъ, среднимъ числомъ, по 900 тысячъ рублей въ годъ (Милюковъ „Очерки культуры“, I ч., стр. 102).

щиковъ бьютъ и увѣчатъ и грабятъ безвинно". Правительство Анны Іоанновны этимъ указомъ дало публичное подробное разъясненіе, что̀ нужно взимать и чего не нужно. Свой указъ Императрица повелѣла выставить „во всѣхъ городахъ и въ таможняхъ, и на полковыхъ дворахъ и пристаняхъ и при мостахъ и перевозахъ и въ другихъ удобныхъ мѣстахъ, и имѣть всегда во охраненіи, чтобъ всякъ вѣдалъ и въ противныхъ поступкахъ симъ *защищаться могли*". Правительство открыто стало на защиту торговцевъ: „и понеже нестерпимость такихъ бываемыхъ разныхъ вымышленныхъ общаго народа разореніевъ, которыя хотя они партикулярнымъ людямъ чинятся, однакожъ все наконецъ во вредъ интересамъ Нашего Императорскаго Величества приходятъ,—принуждать крѣпчайше смотрѣть, дабы впредъ всякъ спокойно свое купечество отправлять могли". Такимъ образомъ правительство стремилось упорядочить порядокъ взиманія внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ и, до извѣстной степени, вѣроятно, достигло своей цѣли.

Заботы о развитіи торговли выражались въ различныхъ формахъ. Въ „бумагахъ" видны слѣды хлопотъ о прямомъ и свободномъ трактѣ въ Камчатку (т. IV, стр. 468, 479, т. V—144 и 313), объ устройствѣ ярмарокъ въ Уфимской губ. (т. III, стр. 464 и т. IV, стр. 145), о торговлѣ съ астраханскими калмыками и киргизъ-кайсаками (т. X, стр. 643) и объ устройствѣ гостинаго двора въ Петербургѣ [1]).

Кабинетъ Министровъ вызывалъ къ себѣ и маклеровъ для личныхъ объясненій (т. IV, стр. 305). Послѣ неурожаевъ Министры обратили вниманіе на хлѣбныя цѣны. Въ концѣ 1735 г. они потребовали изъ Сената вѣдомости: 11-го ноября — „о хлѣбныхъ цѣнахъ по провинціямъ же трехъ лѣтъ порознь" (т. IV, стр. 463), а 2 и 10 декабря—„въ прошлыхъ 728, 729 и 730 годахъ какими гдѣ цѣнами хлѣбъ былъ въ продажѣ" (т. IV, стр. 503 и 514). Затѣмъ съ 1737 года и въ продолженіе 1738 и 1739 годовъ поступали уже періодическія свѣдѣнія о цѣнахъ на хлѣбъ преимущественно изъ камеръ-коллегіи, а иногда отъ военнаго вѣдомства и изъ Смоленской губерніи [2]).

---

[1]) т. IV, стр. 467, 505; т. V—148, 179, 396, 401, 402, 405, 427. 428, 461; т. VI—74 и 413; т. VIII-377; т. IX—39.

[2]) Камеръ-коллегіи: т. VI, стр. 320, 397, 722: т. VIII—235, 318, 378, 483; т. IX—33, 122, 256, 376, 471, 555; т. X—109, 289, 419, 539, 542, 630;

военнаго вѣдомства: воен. кол. (т. VI, стр. 180), адмирала Мамонова т. VI, стр. 310); слободскихъ полковъ (т. VIII, стр. 106, 205, 439; т. X—341);

разныхъ учрежденій: Генер. Барятинскаго (т. VI, стр. 371), дворцовой канцеляріи (т. VI, стр. 418) и С. М. Б. портовой таможни (т. IX, стр. 472).

Кабинетъ проявилъ, между прочимъ, дѣятельность о повышеніи пробы въ серебряныхъ издѣліяхъ. Продавали въ 62-ю пробу, а требовали въ 72-ю (П. С. З. 732 № 6213, 6333 и 6771 и т. II, стр. 95, VIII—508, IX—20 и X—8).

Затѣмъ Кабинетъ, по обычаю, требовалъ различныя вѣдомости и свѣдѣнія, касающіяся торговли [1]).

Но, сравнительно съ внѣшней торговлей, правительство оказывало вниманія торговлѣ внутренней меньше, чѣмъ внѣшней. Это явленіе при меркантильной системѣ совершенно понятно. Меркантилисты считали, что торговля внутренняя не обогащаетъ страны, такъ какъ въ результатѣ ея деньги лишь переходятъ изъ рукъ въ руки внутри страны, а не увеличиваются въ количествѣ; между тѣмъ цѣлью государственнаго управленія признавалось именно накопленіе денегъ. Политика правительства (а по Милюкову, кромѣ того, и естественныя условія страны) получала соотвѣтственное отраженіе и на размѣрахъ торговли. По вычисленію Милюкова, внѣшняя торговля составляла въ серединѣ XVIII вѣка 7/10 всего обращенія товаровъ въ странѣ. Далѣе, постепенно положеніе мѣняется въ обратную сторону („Очерки культуры“, I ч., стр. 102—103); тѣ же 7/10 (не менѣе) слѣдуетъ принять и для эпохи Анны Іоанновны.

4) Банкъ. Графъ Д. А. Толстой, въ своемъ сочиненіи „Исторія финансовыхъ учрежденій Россіи“, отмѣтилъ (стр. 232 и 233): „несправедливо полагаютъ Шторхъ и другіе ученые, что *первая идея учрежденія Банковъ въ Россіи* относится ко второй половинѣ царствованія Императрицы Елизаветы Петровны, когда основанъ Государственный Заемный Банкъ. Дѣйствительно, только съ этого времени возникаютъ у насъ кредитныя установленія на правильныхъ началахъ, коимъ слѣдовали государства Западной Европы. Но попытки устройства банковъ, попытки неполныя и малоуспѣшныя, встрѣчаемъ въ исторіи русскихъ финансовъ гораздо ранѣе. *Именно, въ 1733 году* Императрица Анна Іоанновна, имѣя въ виду недостатокъ частнаго кредита, что имѣло слѣдствіемъ чрезвычайное возвышеніе процентовъ, отъ 12 до 20%, чего во всемъ свѣтѣ не водится, повелѣла открыть заемъ изъ Монетной Конторы по 8%“. Такимъ образомъ, *по Толстому, первая идея учрежденія банковъ въ Россіи*

---

1) Смоленск. губ. т. VI, стр. 738; т. VIII: 15, 106, 160, 261, 366, 478, 514; т. IX: 213, 217, 348, 380, 517; т. X: 2, 198. 390, 399.
т. IV—390, 461, 492, 493. 531; т. V—411, 482, 526, 535, 560, 634, 603;
т. VI—292, 306; т. IX—275; т. X—46, 47, 351, 358, 418, 608.

какъ будто принадлежитъ Аннѣ Іоанновнѣ. По „бумагамъ“ это представляется нѣсколько въ иномъ освѣщеніи. Въ журналѣ за 23 ноября 1732 г. (т. I, стр. 499 и 500) значится слѣдующій докладъ Министровъ Императрицѣ: „по доношенію Сенатскому, съ представленія тайнаго совѣтника Графа Головкина о дачѣ изъ монетной конторы, для государственной и всенародной пользы, капитальныхъ денегъ въ процентъ всякаго чина людемъ, — по которому Ея Императорское Величество изволила указать: ко оному доношенію сообщить поданное въ 728 году въ Верховный Тайный Совѣтъ доношеніе изъ Коммиссіи о коммерціи, въ которомъ представлены способы о содержаніи векселя, и по тѣмъ доношеніямъ разсужденіе имѣть въ Кабинетѣ и потомъ доложить Ея Величеству“. Послѣ этого послѣдовало утвержденіе, 8 января 1733 г. (П. С. З. № 6300), доклада Сената „о дозволеніи выдавать изъ монетной конторы на пропенты деньги всякаго чина лицамъ, на извѣстныхъ условіяхъ“. Въ промежутокъ между 23 ноября 1732 г. и 8 января 1733 г. имѣло мѣсто, очевидно, разсмотрѣніе Кабинетомъ доношенія коммиссіи о коммерціи, касавшагося вопроса, возбужденнаго въ 1732 году.

Извѣстно, что коммиссія о коммерціи учреждена 20 декабря 1726 г. (П. С. З. № 5000), а 2 марта 1727 г. утвержденъ личный составъ коммиссіи (Баранов. опись Сенат. Архива № 2090). *Такимъ образомъ идея учрежденія въ Россіи банка восходитъ къ 728 году*, а можетъ быть возникла еще и раньше этого года, *а при Аннѣ Іоанновнѣ эта идея осуществилась и возникъ первый опытъ учрежденія Банка.*

По закону 8 января 1733 г. (П. С. З. № 6300) повелѣно, для государственной и народной пользы, „деньги въ проценты всякаго чина людямъ отдавать Монетной конторѣ“. Предѣлы ссуды не ограничивались: можно было получать „сколько надобно“. Заемъ обезпечивался закладомъ золота или серебра, который „превосходилъ бы цѣною данныхъ денегъ четвертою долею“. Процентъ за ссуды былъ назначенъ въ 8 годовыхъ. Срокъ займа назначался годовой, но допускалась разсрочка до 3 лѣтъ.

Мотивомъ установленія банковскихъ операцій чрезъ посредство монетной конторы были тяжелыя условія частнаго кредита: 1) „несносные“ великіе процепты — по 12, 15 и 20, „чего во всемъ свѣтѣ не водится“, 2) потери на закладѣ, который превышалъ ссуду въ $1^1/_2$ и 2 раза и 3) „такожъ есть такіе безсовѣстные грабители, что, по прошествіи срока нѣсколько

малыхъ дней, того положеннаго заклада, хотя бы и деньги приносилъ, не отдаютъ, и тако въ малыхъ деньгахъ великаго заклада лишаются“.

При такихъ условіяхъ заемъ изъ монетной конторы являлся чрезвычайно льготной и выгодной операціей, и цѣль такого нововведенія можно объяснить не иначе, какъ это истолковано въ самомъ указѣ „для государственной и народной пользы“. Народная польза здѣсь, совершенно правильно, отождествлялась съ государственной.

Толстой высказался, что правительство, при учрежденіи подобнаго Банка, не столько заботилось о доставленіи кредита частнымъ лицамъ, сколько о своихъ собственныхъ выгодахъ и привлеченіи въ казну большаго количества золота и серебра („Исторія финансовыхъ учрежденій въ Россіи“, стр. 233); поэтому, по его мнѣнію, дѣйствія Банка не могли быть успѣшны. Съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться. *Закладъ* представлялся „въ посудѣ и въ лому и въ слиткахъ“, и *оставался, по указу, безъ всякаго употребленія до истеченія конечной разсрочки*, а затѣмъ, въ случаѣ неуплаты долга, въ присутствіи хозяина, сплавливался „и по сплавкѣ что чистаго явится, то изъ того вычесть данныя деньги, счисляя оное серебро по указанной цѣнѣ“ — по 18 к., а излишекъ уплачивался деньгами. Золото и серебро брали въ закладъ потому, что этотъ матеріалъ не представлялъ ни риска, ни хлопотъ для правительства и обезпечивалъ передѣлку его въ монету и возстановленіе этимъ путемъ монетъ, выданныхъ въ ссуду. Что касается „алмазныхъ и прочихъ вещей, также деревень и дворовъ“, то ихъ не брали подъ закладъ потому, что, въ случаѣ неплатежа ссуды, осложнялась бы реализація этого имущества.

Толстой говоритъ, что „послѣ самаго учрежденія онаго (Банка) мы не встрѣчаемъ болѣе и упоминанія объ немъ: вѣроятно, онъ въ скоромъ времени былъ уничтоженъ“ (стр. 233). Мнѣніе это, повидимому, довольно распространенное [1]). Но въ дѣйствительности нѣкоторые слѣды банковской дѣятельности монетной конторы все-таки имѣются, по крайней мѣрѣ въ „бумагахъ“ Кабинета Министровъ. Въ журналѣ за 14 сентября 1736 г. значится запись, что изъ монетной конторы потребна

---

[1]) Въ обширной статьѣ „Банки“, помѣщенной въ Энциклопед. словарѣ Брокгауза, т. 4-й, стр. 917 также говорится: дѣятельность этого кредитнаго учрежденія (ссуды изъ монетной конторы при Аннѣ Іоанновнѣ) была незначительна и, вѣроятно, оно скоро было закрыто, такъ какъ никакихъ слѣдовъ его дальнѣйшаго существованія мы не встрѣчаемъ.

вѣдомость, сколько въ 1734 и 1735 годахъ (пунктъ 4-й) „съ отданныхъ взаймы денегъ процентовъ взято“ (т. V, стр. 449). Въ томъ же мѣсяцѣ на разрѣшеніе Министровъ поступило сообщеніе Сената о томъ, можно ли отпустить фабрикантамъ Миллеру и Рихтеру изъ монетной конторы 5 или 6 пудовъ чистаго серебра, „за которое обѣщаютъ возвратить деньги и съ надлежащими проценты въ 4 мѣсяца, и въ томъ отдаютъ подъ закладъ свою фабрику“. Канцелярія Монетнаго правленія затруднилась произвести просимую выдачу: „понеже де по вышеписанному указу (8 января 1733 г.) велѣно въ проценты отдавать деньги, а не серебро“. Съ своей стороны канцелярія представила мнѣніе, что Миллеру и Рихтеру „для умноженія фабрики серебра 5 пуд. цѣною почему въ покупкѣ и что изъ него по передѣлу будетъ монетъ, *съ указаннымъ процентомъ*, всего на 4.055 р. на 5 1/4 к. на 4 мѣсяца отпустить надлежитъ, а фабрики въ закладъ, по объявленному указу, принять не подлежитъ, что оная—недвижимое, а во увѣреніе въ платежѣ онаго числа денегъ на срокъ порукою по нихъ подписался д. т. с. баронъ Петръ Павловичъ Шафировъ“. Сенатъ согласился съ мнѣніемъ монетнаго правлепія. А министры наложили такую резолюцію „по сему сообщенію фабрикантамъ Миллеру и Рихтеру дать взаймы съ монетныхъ дворовъ чистаго серебра пять пудовъ, взявъ у нихъ по указу (кромѣ ихъ фабрикъ) надлежащій закладъ, ежели оттого въ монетной канцеляріи въ дѣлѣ денегъ остановки не будетъ“ (т. V, стр. 456 и 457). Изъ этого видно, что банковскія операціи въ монетной конторѣ совершались и за это взимались проценты въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, по крайней мѣрѣ включительно до 1736 года. Возможно, что онѣ имѣли мѣсто въ теченіе извѣстнаго времени и послѣ этого года. Но все-таки эти операціи едва ли имѣли большое развитіе. Такое положеніе слѣдуетъ объяснить слѣдующими причинами.

При современныхъ условіяхъ (самое главное—по затруднительности сбыта и заклада въ случаѣ его невыкупа) правительство не находило возможнымъ пользоваться иными формами закладовъ, Но съ другой стороны и ограниченіе формы заклада только однимъ видомъ—золотомъ и серебромъ, вѣроятно, также затрудняло лицъ, искавшихъ кредита. Этимъ и объясняется слабое развитіе кредитныхъ операцій Монетной Конторы.

Почему Кабинетъ Министровъ не поддержалъ и не укрѣпилъ своего благого начинанія? Этотъ вопросъ возникаетъ вполнѣ естественно, тѣмъ болѣе, что Кабинетъ всегда чутко относился

ко всякимъ финансовымъ осложненіямъ. На это можно отвѣтить, что при *нормальномъ теченіи жизни* Кабинетъ несомнѣнно постарался бы примирить взаимно интересы Банка и его кліентовъ и нашелъ бы выходъ изъ ихъ обоюдныхъ затрудненій. Но въ то время правительсто не могло заниматься такими вопросами: этому препятствовали другія, болѣе важныя государственныя дѣла и затѣмъ состояніе государственной кассы.

Въ томъ году, когда правительство объявило начало кредитнымъ операціямъ — 1733-мъ — начались подготовительныя дѣйствія къ войнѣ; затѣмъ во многихъ мѣстахъ не родился хлѣбъ. Въ слѣдующемъ году былъ самый разгаръ и голода и польской войны, а далѣе пошла долголѣтняя турецкая война. Все вниманіе правительства было устремлено на отысканіе средствъ для удовлетворенія этихъ нуждъ первой важности. Параллельно съ этимъ шло хроническое безденежье. Государственная касса часто оставалась пустой и не могла удовлетворять самыхъ неотложныхъ нуждъ. Поэтому уже въ 1736 году, въ резолюціи Министровъ, мы видимъ, что хотя они и разрѣшаютъ выдачу изъ монетной конторы займа серебра Миллеру и Рихтеру, но условно: „ежели оттого въ монетной канцеляріи въ дѣлѣ денегъ остановки не будетъ“. А къ концу царствованія Анны Іоанновны, какъ видно изъ указа отъ 29 іюля 1740 г. (П. С. З. № 8188), финансы находились въ отчаянномъ стостояніи: „наличная денежная всякихъ сборовъ казна ассигнована вся и, за неимѣніемъ нынѣ въ С.-Петербургской и Московской рентеріяхъ и въ другихъ принадлежащихъ вѣдомствахъ денежной казны, въ положенныя мѣста и въ другія окладныя дачи платить не изъ чего“.

При такихъ условіяхъ, когда правительство только и думало о томъ, гдѣ перехватить денегъ и заполнить пустую кассу, оно ужъ не могло давать, хотя бы и за проценты. Итакъ, слѣдовательно Банкъ при Аннѣ Іоанновнѣ не получилъ болѣе или менѣе полнаго развитія по причинѣ безденежья.

Въ „бумагахъ“ встрѣчаются, между прочимъ, упоминанія о векселяхъ. Напримѣръ 17 февраля 1735 г. поступилъ „репортъ рижскаго вице-губернатора о принятіи по векселю черновныхъ“ (т. IV, стр. 54). Затѣмъ 15 іюля того же 1735 г. поступило доношеніе рижскаго вице-губернатора Гохмута „о данномъ вексельномъ письмѣ отъ рижскаго купца Гартмана о заплатѣ Брянскому купцу Кольцову на вѣчной квартирѣ въ Лифляндскомъ полку 5 т. рублей“ (т. IV, стр. 259). Но это были переводные векселя, которые введены еще Петромъ I и о кото-

рыхъ почти исключительно говоритъ вексельный уставъ 16 мая 1729 г. (П. С. З. № 5410).

Слѣдовательно эти переводные векселя дѣйствовали еще до учрежденія Банка, и затѣмъ хотя они имѣли примѣненіе и при Аннѣ Іоановнѣ, но можно сказать увѣренно, безъ всякаго содѣйствія Монетной Конторы, какъ кредитнаго учрежденія.

ГЛАВА X.

Монетная регалія.

Прежде, чѣмъ перейти къ дѣятельности правительства Анны Іоанновны, необходимо сдѣлать краткій историческій очеркъ чеканки монеты.

1) Положеніе дѣлъ до Кабинета. Государственная власть повсюду взяла въ свои руки чеканку монеты въ общихъ интересахъ, *для того, чтобы создать устойчивый твердый денежной оборотъ* [1]). И въ настоящее время, по словамъ проф. Озерова, всѣ государства уже не пользуются монетнымъ дѣломъ въ качествѣ доходнаго источника; они взимаютъ только незначительную пошлину, едва покрывающую расходы, сопряженные съ чеканкой монеты (Франція, Германія), а въ нѣкоторыхъ странахъ правительства чуть ли совсѣмъ не отказываются даже отъ взиманія этой пошлины и производятъ чеканку золотой монеты для частныхъ лицъ почти даромъ—Англія, Соед. Штаты („основы финансовой науки“, вып. I-й, стр. 227).

Прежде однако государственная власть смотрѣла на монетную регалію, какъ на фискальный источникъ. Правительства уменьшали содержаніе благороднаго металла въ монетѣ, сохраняя прежнюю цѣну, и такую дешевую монету пускали въ обращеніе. Это, по выраженію проф. Озерова, была, по-просту говоря, фальсификація монеты, и нѣкоторые короли, напр. Филиппъ IV во Франціи, за поддѣлку монеты получали названіе фальшивыхъ монетчиковъ („основы“, стр. 226).

И въ Россіи, какъ и на Западѣ, было много злоупотребленій съ монетой. Такъ, иностранные ефимки, поступившіе въ

---

[1]) По словамъ проф. Кауфмана, назначеніе монетной регаліи измѣнилось: она служитъ уже не интересамъ фиска, а интересамъ народнаго хозяйства; она нужна для поддержанія порядка въ денежномъ отношеніи, а не для выгодъ казны („серебрянный рубль въ Россіи“, стр. 147).

казну, уже въ XVI вѣкѣ, по Озерову, перечеканивались въ рубли по удвоенной цѣнѣ. А въ XVII вѣкѣ при Алексѣѣ Михайловичѣ началась, по словамъ Милюкова, усиленная эксплотація монетной регаліи. Изъ иностранныхъ ефимковъ рыночной цѣной въ 40—42 к. начеканены были вновь серебряные рубли (т. е. 138% прибыли). Но, кромѣ того, въ слѣдующемъ 1654 году тѣ же ефимки были выпущены въ оборотъ безъ всякой перечеканки и переливки, съ однимъ только московскимъ штемпелемъ, означавшимъ ихъ новый принудительный курсъ, „не противъ того—по словамъ Котошихина—какъ иманы въ царскую казну и какъ прежъ хаживали въ рядѣхъ“; именно, вмѣсто 40—42 к., по 64 к., „съ великою прибылью“ въ 52% противъ рыночной цѣны. Въ 1654 же году выпущены полтинники изъ мѣди. Съ 1656 г. выпускъ мѣдныхъ денегъ особенно усилился („госуд. хозяйство“, стр. 57—58). Вообще въ царствованіе Алексѣя Михайловича очень злоупотребляли выпусками низкопробной монеты, особенно мѣдныхъ денегъ вмѣсто серебряныхъ, что вызвало даже народное волненіе, извѣстное подъ названіемъ „мѣдный бунтъ“. Въ 1657 году было велѣно взимать $^2/_3$ податей серебряной монеты и только $^1/_3$ мѣдной. Неуравнительность мѣдныхъ денегъ относительно серебряныхъ и несоразмѣрность постановленной имъ цѣны съ дѣйствительной ихъ стоимостью имѣли слѣдствіемъ совершенный упадокъ мѣдныхъ денегъ. По свидѣтельству Котошихина за одинъ серебряный рубль давали 17 рублей мѣдныхъ. Изъ пуда мѣди, стоившаго 5 рублей, чеканили монеты на 312 рублей. Это повело къ тому, что крестьяне, убѣдившись въ негодности мѣдныхъ денегъ, получавшихся ими въ городахъ за проданные товары, перестали ѣздить на базары, подвозъ жизненныхъ припасовъ прекратился, и во многихъ городахъ наступилъ голодъ. Солдаты отказывались брать жалованье дешевой мѣдной монетой „съ голоду помираютъ, а полки мѣдныхъ денегъ брать не хотятъ, хотя бы ихъ рубить велѣли, но всѣхъ не перерубить“. Въ концѣ концовъ пришлось произвести девальвацію (1664 г.), т. е. начеканить вновь серебряной монеты и мѣдную обмѣнять на серебряную, но не по первоначальному курсу, а по низкому, установившемуся въ жизни [1]). Но отсутствіе мелкой мѣдной монеты вызвало новыя неудобства. „Во многихъ низовыхъ и въ иныхъ

---

[1]) Проф. Озеровъ „Основы финансовой науки“, вып. I-й, стр. 227. Толстой „Исторія финансов. учрежд. Россіи“, стр. 194—195. Яроцкій „Монетн. регалія“ въ Энциклопед. слов. Брокгауза, т. 38, стр. 762.

городѣхъ—сказано въ указѣ 1700 года № 1776—за скудостью денежекъ, на размѣну въ мелкихъ торгахъ пересѣкаютъ серебряныя копѣйки на двое и на трое, и торгуютъ ими вмѣсто денежекъ на размѣнъ, а въ Калугѣ и въ иныхъ городѣхъ вмѣсто серебряныхъ денежекъ торгуютъ жъ кожаными и иными жеребьями". Поэтому въ 1700 году велѣно было начать вновь дѣлать изъ мѣди денежки, полушки и полуполушки. Разработка мѣди обходилась правительству дешево: „изъ моихъ сысканныхъ мѣстъ—писалъ къ Петру Генинъ въ 1724 году—пудъ ставится совсѣмъ расходомъ и съ жалованьемъ горнымъ по $1^1/_2$, по 2 и по-полтретья рубля, а самая добрая по 3 рубля". Между тѣмъ изъ пуда дѣлались мѣдныя копейки и полушки на такую сумму: съ 1700 по 1701-й г.—на 12 р. 80 к., съ 1701 по 1704 годъ—на 14 р. 20 к., съ 1704 по 1719 г.—на 20 р., а съ 1719 по 1724 годъ полушки по 40 р. Такая же цѣна назначена была мѣднымъ пятикопеечникамъ, которые начали дѣлать въ 1724 году [1]).

Не удовлетворившись потребностью въ мелкихъ деньгахъ выпускомъ 1700 года, мѣдныя деньги продолжали выпускать и въ послѣдующихъ годахъ. Въ 1713 году ихъ надѣлано на полмилліона рублей. Пятикопеечниковъ выбито въ 1723 году опять на полмилліона [1]).

Перечеканка иностранной монеты не прерывалась ни на одинъ годъ, и прибыль отъ монетнаго передѣла сдѣлалась постоянной статьей бюджета. Къ этому старому источнику передѣла (получавшемуся путемъ продажи казенныхъ товаровъ, главнымъ образомъ, поташа и смольчуга) и путемъ прямой покупки присоединился новый гораздо болѣе обильный—старыя серебряныя деньги, ходившія въ государствѣ. Вся наличность этихъ денегъ въ приказахъ была обращена на денежный дворъ для перечеканки съ убавкою вѣса, и затѣмъ новыя деньги возвращались въ приказы въ томъ же количествѣ, съ прибавкой $10^0/_0$—„по гривнѣ на рубль"; частныя лица также должны были приносить на денежный дворъ старыя деньги для обмѣна на новыя съ десятипроцентной „наддачей [2]).

Въ 1704 году появилась впервые мѣдная копейка, долженствовавшая ходить наравнѣ съ серебряными, принимавшаяся по одинаковому курсу при платежахъ податей, но въ размѣрѣ не болѣе $^1/_{15}$ вносимой суммы и уплачивавшаяся наравнѣ съ

---

[1]) Толстой „Исторія финансовыхъ учрежденій Россіи", стр. 196—197.
[2]) Милюковъ „Госуд. хозяйств.", стр. 148—149.

ними изъ казны при выдачѣ жалованья, въ размѣрѣ $^1/_{10}$ его (Милюковъ „Госуд. хозяйств.“, стр. 361). Такимъ образомъ Петръ I замѣнилъ серебряную копейку мѣдной, заставивъ принимать ее по равной цѣнѣ съ серебряной копейкой (соотвѣтствовавшей не только по виду, но, приблизительно, и по цѣнности нашимъ двугривеннымъ и гривенникамъ; сто такихъ копеекъ составляли счетную единицу—рубль [1]), т. е. сообщивъ ей принудительный курсъ. Съ 1713 г. начинается паводненіе денежнаго рынка мѣдной монетой. При существованіи дешевыхъ мѣдныхъ денегъ никому не выгодно было платить серебряными. Все серебро мало по малу исчезло изъ монетнаго обращенія, ушло въ чужія страны или было передѣлано въ вещи, и въ народномъ оборотѣ осталось почти одна тяжеловѣсная мѣдь [2]).

Прибыль отъ монетнаго передѣла дала огромный добавочный доходъ въ 1701—1702 годахъ, затѣмъ стала быстро падать. Но такая эксплотація монетной регаліи уже при Петрѣ I признавалась вредной. Это—по словамъ Кохіуса„—1) вредно для государя, т. к. хотя оно (увеличенье) и приноситъ при выпускѣ вдвое или втрое противъ капитала, но, при уплатахъ ею въ правительственную кассу, казна получаетъ только внутреннюю цѣну металла, такъ какъ доказано, что деньги должны считаться такимъ же товаромъ, какъ и другіе, и въ концѣ концовъ сводятся къ своей внутренней цѣнности и 2) приноситъ непоправимый вредъ странѣ, такъ какъ страна наводняется отовсюду дурной монетой, а хорошая монета вывозится изъ нея“. По совѣту Любераса, президента бергъ-коллегіи, Петръ I предполагалъ выкупить старую мѣдную монету, но—по словамъ указа 1727 г.—„потомъ за болѣзнью, а паче за кончиною Е. И. В. по тѣмъ указамъ не исполнено“.

По свѣдѣніямъ бергъ-коллегіи мѣдной монеты стараго чекана (1700—1718) обращалось въ народѣ и подлежало выкупу на 1.732.940 р. Послѣдующее правительство также предполагало произвести обмѣнъ старой монеты на новые пятикопеечники. Но въ это время были подняты вопросы о народной тягости и необходимости ея облегченія. Указъ отъ 26 января 1727 г. чрезвычайно откровенно высказалъ: „необходимая нужда требуетъ изъ двухъ одно выбрать: или денегъ умножить или расходовъ убавить“. Но объ убавкѣ расходовъ „уже до сего времени тщаніе было, и немного или почитай и ничего не

---

[1]) Милюковъ „Государств. хозяйств.“, стр. 148—149.
[2]) Милюковъ „Очерки русск культ.“, ч. I-я, стр. 106.

удалось убавить, а объ убавкѣ армейскихъ расходовъ опасно и думать“. И такъ остается одно: „умножить денегъ“. И 7 іюня 1727 г. Верховный Тайный Совѣтъ постановилъ: сдѣлать еще 2 милліона пятикопеечниковъ, 1 милліонъ копеекъ и $^1/_2$ милліона полушекъ (П. С. З. № 5088). А въ 1728 году велѣно сдѣлать еще 1 милліонъ мѣдныхъ копеекъ. Слѣдовательно, и при Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ обмѣнъ не состоялся; напротивъ скоро правительство прибѣгнуло къ новымъ выпускамъ мѣдной монеты.

Такимъ образомъ на долю Анны Іоанновны выпало чрезвычайно тяжелое наслѣдство въ видѣ совершенно разстроенной денежной системы, которая пагубно отражалась на финансахъ страны и поэтому требовала неотложной реформы.

Когда выпускается дешевая монета—говоритъ проф. Озеровъ—тогда цѣнность монеты начинаетъ падать, а вслѣдствіе этого поднимаются цѣны на продукты; между тѣмъ правительство, когда страна бываетъ наводнена ею, само начинаетъ получать налоги въ этой дешевой монетѣ, доходъ казны падаетъ, расходы же, вслѣдствіе поднятія цѣнъ на товаръ, увеличиваются и, слѣдовательно, правительство само въ концѣ концовъ проигрываетъ отъ дешевой монеты. И такъ временныя выгоды отъ выпуска дешевой монеты скоро превращаются въ большой убытокъ для страны („Основы финансов. науки“, в. I-й, стр. 226—227). Это положеніе понимали и современники изслѣдуемой эпохи.

2) Мѣры къ изъятію прежней монеты при Аннѣ Іоанновнѣ:

а) Общія.

Періодъ царствованія Анны Іоанновны, въ отношеніи монетной регаліи, отличается тѣмъ, что изобилуетъ заботами и мѣропріятіями по изъятію изъ обращенія прежней дешевой монеты и вообще по улучшенію разстроенной денежной системы. Первый, въ этомъ направленіи, программный указъ изданъ спустя лишь нѣсколько мѣсяцевъ послѣ вступленія на престолъ Анны Іоанновны, а именно: 19 іюня 1730 г. (П. С. З. № 5578). Въ этомъ указѣ прежде всего сдѣлана ссылка на умноженіе мелкихъ денегъ, которыя „въ прошедшіе годы дѣланы разными пробами, а иные и безъ пробъ, къ тому же въ прошедшую долговременную войну, за умаленіемъ серебряной монеты, дѣланы мѣдныя деньги“, затѣмъ указаны послѣдствія этой системы: „въ народѣ между казенными являются воровскіе, а особливо въ мѣдныхъ монетахъ, и не точію внутрь государства воровски дѣлаютъ, но изъ-за границы чужихъ при-

возятъ тайно и въ народъ пускаютъ, а вмѣсто того золотыя и серебряныя монеты изъ государства вонъ вывозятъ, отчего государственный вредъ и народная тягость происходятъ". Какъ на естественный выходъ изъ этого положенія, Монетная Контора сдѣлала представленіе" о вымѣнѣ изъ народа мелкихъ серебряныхъ денегъ и о дѣлѣ, вмѣсто оныхъ, рублевой монеты, разсуждая при томъ и о мѣдныхъ монетахъ, какимъ бы образомъ оныя такожде изъ народа вымѣнять". Правительство отнеслось къ этому представленію чрезвычайно вдумчиво и внимательно. Очевидно, вопросъ къ этому времени достаточно назрѣлъ и признавался неотложнымъ, но онъ былъ слишкомъ сложенъ и требовалъ тщательнаго и всесторонняго обсужденія. Этимъ объясняется и содержаніе указа № 5578, гдѣ приказъ правительства изложенъ такимъ образомъ: „понеже оное дѣло важное и требуетъ разсужденія довольнаго и черезъ многое число голосовъ, дабы могли быть всѣ того дѣла обстоятельства изслѣдованы и истолкованы, учредить для того въ Монетной конторѣ коммиссію и выбрать къ тому дѣлу искусныхъ и знающихъ людей, какъ изъ шляхетства, такъ и изъ купечества русскихъ и иноземцевъ, подданныхъ Е. И. В.,—*которой разсмотрѣть, какимъ образомъ безъ дальняго казеннаго убытка и народной тягости прежнія мелкія серебряныя и мѣдныя деньги изъ народа вымѣнять можно и впредь какимъ монетамъ въ народъ ходить потребно и воровскія пресѣчь.* И разсмотря подать въ Сенатъ мнѣніе. А быть въ той коммиссіи изъ коллежскихъ членовъ, изъ шляхетства и изъ купечества по четыре члена". Вопросъ былъ поставленъ широко, и къ участію въ его разработкѣ, помимо администраціи, намѣчались разнообразные слои общества. Дѣло, однако, не ограничилось одной этой коммиссіей. Кабинетъ, какъ всегда, горячо отнесся и къ этому дѣлу и, очевидно, пожелалъ непосредственно принять участіе въ разработкѣ вопроса, по крайней мѣрѣ въ той его части, которая, по условіямъ времени, являлась особенно важной и неотложной, а именно: о вымѣнѣ изъ народа мѣдныхъ пятикопеечниковъ. Для этой цѣли, указомъ отъ 16 февраля 1732 г., назначенъ „общій совѣтъ, въ которомъ, сверхъ опредѣленныхъ въ Кабинетъ Нашъ, (указали) присутствовать генералъ-фельдцейхмейстеру графу Фонъ-Минниху, генералу Ушакову, тайнымъ совѣтникамъ графу Головкину и Новосильцову, ген.-маіору князю Шаховскому и вице-президенту Исаеву, прибавя къ тому человѣкъ двухъ, знающихъ такія дѣла изъ купечества, которыхъ они заблагоразсудятъ" (т. I, стр. 167—168).

Совѣтъ этотъ собирался въ Кабинетѣ 5 разъ: 24 Февраля (I т., стр. 181), 29 Февр. (стр. 187), 1 Марта (стр. 187), 9 Марта (стр. 196) и 21 Марта (стр. 206) 1732 года.

б) мѣдной монеты. Одной изъ самыхъ важныхъ мѣръ былъ *выпускъ* въ 1730 и 1731 годахъ новыхъ денежекъ и полушекъ *тяжеловѣсныхъ*, *по 10 р. изъ пуда* и изданіе распоряженій принимать въ подати и вымѣнивать деньга за деньгу, т. е. безъ всякаго нарушенія интересовъ владѣльцевъ, всѣ монеты, сдѣланныя съ 1700 по 1704 г. по 12 р. 80 к. и 15 р. 40 к. съ пуда, если онѣ были цѣлыя и необрѣзанныя и сохранили обозначеніе года. „А прочія денежки и копѣйки и полушки, сдѣланныя по 20 и по 40 рублей (въ 1728 г.) изъ пуда, которыя уже давно откликаны [1]) и за деньги ходить не велѣно,— тѣмъ въ народѣ ни за что отнюдь не ходить; а у кого оныя имѣются, тѣмъ употребить ихъ въ посуду „(Іюль 1731 г.— П. С. З. № 5816). 9 Сентября 1731 г. подтверждено“ о высылкѣ въ Монетную Контору изъ всѣхъ мѣстъ, не оставливая въ казнѣ ничего, для передѣла новаго дѣла полушекъ и денежекъ, дѣланныхъ въ 700—704 годахъ“ (П. С. З. № 5848).

Цѣна на отмѣненныя монеты все понижалась: въ 1730 г. за полушки платили по 20 р. за пудъ, (П. С. З. № 5656), 28 Февраля 1738 г.—за копейки 6 р. 75 к., а за полушки и воровскія копейки—по 5 р. 50 к. за пудъ, а 24 Мая 1732 г.— за денежки по 6 р. за пудъ (П. С. З. № 6065).

Количество дешевой монеты, подлежавшей изъятію, было чрезвычайно велико. По свѣдѣніямъ Миниха съ 1704 до 1717 года мѣдныхъ денегъ начеканено (въ 1700 и 1701 г.—по 12 р. 80 к. изъ пуда, въ 1702 и 1703 г.г.—по 15 р. 40 к., а съ 1704 по 1717 г.—по 20 р. изъ пуда) на $2^{1}/_{5}$ милл. рублей [2]). А при Екатеринѣ I и Петрѣ II усердно чеканили мѣдную монету по 40 р. изъ пуда и начеканили ея на 3.988.330 р., въ то время, когда серебряной монеты было начеканено на 5.157.670 р. По словамъ проф. Кауфмана, при Петрѣ I чеканка мѣди составляла немного болѣе $^{1}/_{10}$ суммы серебряныхъ чеканокъ; а

---

[1]) 27 Сентября 1730 г. утвержденъ докладъ Сената объ изъятіи изъ употребленія полушекъ и о вымѣнѣ мѣдныхъ копеекъ, сдѣланныхъ въ 1728 г. (П. С. З. № 5626).

Указъ 20 Дек. 1730 г. о вымѣнѣ изъ обращенія новаго дѣла 1728 г. полушекъ и о пріемѣ ихъ въ казну вѣсомъ, а не счетомъ (П. С. З. № 5656), цѣною за пудъ по 20 р., а за фунтъ по 50 коп.

[2]) Кауфманъ „Серебр. рубль въ Россіи“, стр. 129.

при ближайшихъ его двухъ преемникахъ чеканка мѣди увеличилась почти въ 7 разъ, но абсолютно увеличеніе еще не было значительное. Такъ какъ техника чеканки мѣди была еще очень несовершенная, то это, при очень высокой цѣнѣ мѣди въ монетѣ, вызвало опять сильное распространеніе фальшивой мѣдной монеты, чеканившейся и въ Россіи, и за границей. Говорятъ, что при воцареніи Анны Іоанновны въ Россіи обращалось столько же фальшивыхъ мѣдныхъ денегъ, сколько было выпущено казною [1]).

При изъятіи дешевой монеты особенное вниманіе было обращено на *пятикопеечники*: „подъ мѣдную монету воровски поддѣлываются—говорится въ указѣ № 5663 отъ 31 Декабря 1730 г.—не токмо внутри, но изъ чужихъ границъ тайно провозятъ“. Поэтому въ 1730 году данъ указъ Сенату (№ 5663) объ опредѣленіи способовъ къ изъятію изъ употребленія пятикопеечниковъ. А 25 Января 1731 г. уже послѣдовалъ сенатскій указъ (П. С. З. № 5684) о вымѣнѣ пятикопеечниковъ для изъятія ихъ изъ обращенія. Срокомъ обмѣна назначено 1-е мая 1731 г. [2]), до котораго времени велѣно въ подати принимать и просто вымѣнивать, причемъ платить ходячими серебряными монетами и новаго дѣла (1730 и 1731 годовъ) мѣдными денежками и полушками. На сколько тяжела была, въ этомъ случаѣ, задача правительства, видно изъ слѣдующихъ цифровыхъ данныхъ, приведенныхъ въ томъ же указѣ. Выпущено было пятикопеечниковъ въ народъ 3.172.929 р. „чтобъ ворамъ поддѣлывать было не изъ чего“, велѣно было, по полученіи, перепечатывать ихъ *въ копейки по 8 р. изъ пуда*. Сумма монетъ, по переклейменіи, опредѣлялась только въ 648.344 р. Такимъ образомъ казна должна была произвести доплату въ суммѣ разницы нарицательнаго капитала—въ 2.524.585 р. На выкупъ предвидѣны слѣдующіе запасы:

1) на денежныхъ дворахъ ефимковъ и серебра 1.890 пуд., изъ которыхъ по передѣлу получится, напримѣръ . . . . . 1.134.000 р.,

2) готовой мѣди 56.182 пуда, изъ которыхъ, по передѣлѣ въ новыя копейки *по 8 р. изъ пуда*, получится сумма округленно . . . 449.000 р.,

3) удержанныя изъ суммы, положенной канцеляріи отъ строеній на 1731 г. . . . . 100.000 р.,

---

[1]) Кауфманъ „Серебр. рубль въ Россіи“, стр. 160.
[2]) Фактически обмѣнъ обратился въ безсрочный.

4) изъ провіантской конторы взять . . . 300.000 р.,
5) изъ военной коллегіи остаточные отъ неполнаго комплекта людей . . . . . 500.000 р.,
6) изъ адмиралтейства остальную сумму, т. е. 41.585 р.

Эти цифры заслуживаютъ особаго вниманія. Правительство Анны Іоанновны, въ своемъ стремленіи исправить денежную систему, разстраивавшуюся на протяженіи нѣсколькихъ царствованій, героически приносило въ жертву всѣ свои тощіе запасы и опредѣляло для этой цѣли громадный капиталъ въ $2^1/_2$ милліона.

Кабинетъ-министры вообще много удѣляли вниманія этому дѣлу. Они уже черезъ нѣсколько дней послѣ своего назначенія—13 Ноября 1731 г.—имѣли разсужденіе „о переводѣ изъ народа мѣдныхъ пятикопеечниковъ и о рудныхъ дѣлахъ, и по томъ разсужденіи отложили то до пространнаго и довольнаго о томъ разсужденія до предбудущаго времени“ (I т., стр. 17). Затѣмъ, какъ указано выше, былъ образованъ „общій Совѣтъ“ при Кабинетѣ, имѣвшій нѣсколько засѣданій. Центромъ тяжести при этомъ былъ вопросъ о средствахъ выкупа. Для правительства сумма въ два съ половиной милліона была, несомнѣнно, слишкомъ велика. По крайней мѣрѣ въ журналѣ засѣданія 24 февр. 1732 г. прямо выражено: „*имѣли разсужденіе* о вымѣнѣ изъ народа пятикопеечниковъ и *откуда на обмѣнъ ихъ сумму получить*“ (I т., стр. 181). Въ засѣданіи 1 марта Минихъ, между прочимъ, сдѣлалъ предложеніе „тѣ пятикопеечники оставить не вымѣнивая и ходить по одной копейкѣ; а вмѣсто того народъ наградить упущеніемъ одной трети подушныхъ денегъ“ (I т., стр. 187). Но предложеніе Миниха не было принято, и 30 марта 1732 г. (П. С. З. № 6013) послѣдовало новое распоряженіе о производствѣ вымѣна пятикопеечниковъ. Мѣропріятіе правительства вызвало довольно большую переписку въ видѣ послѣдующихъ подтвержденій и различныхъ разъясненій указами и запросовъ министровъ [1]). Изъ нихъ слѣдуетъ отмѣтить воспрещеніе обращенія пятикопеечниковъ въ пограничныхъ городахъ, разстояніемъ 100 в. отъ границъ „дабы подъ видомъ оныхъ не могли вывозить изъ-за границы моремъ и сухимъ путемъ“ (т. VI, стр. 375. 376). Затѣмъ достоинъ вниманія случай несогласія министровъ съ Сенатомъ. Сенатъ,

---

[1]) П. С. З. № 6818 отъ 2 окт. 1735 г., № 7101 отъ 15 ноября 1736 г., № 7212 отъ 29 марта 1737 г., № 7640 отъ 25 авг. 1738 г.; Сборники „бумагъ“ т. II—349, 359; т. V—398, 565; т. VI—86, 363, 386; т. VII—373; т. IX—95, 123.

въ октябрѣ 1738 г., подалъ въ Кабинетъ для апробаціи формуляръ„ о публикованіи въ народъ, чтобы являющіеся въ народѣ воровскіе пятикопеечники, на которыхъ подпись „пять копеекъ“: *старые*—отбирать въ казну и *платить за нихъ деньги что по вѣсу явиться, а новыя бы — безденежно*“. Этотъ формуляръ министры возратили съ такимъ приказомъ: „ежели такіе воровскіе пятикопеечники отбирать и платить за нихъ только за вѣсъ мѣди, а не копейка за копейку, а новые безденежно, то больше всѣхъ иныхъ чиновъ разореніе можетъ учиниться крестьянамъ, ибо большая часть мѣдной монеты обращаетъ между крестьянствомъ, а наипаче, когда о новыхъ слѣдствіе производить, то многіе крестьяне и пострадаютъ безвинно, для того, что едва не всѣ крестьяне грамотѣ не умѣютъ и для того они между настоящими воровскихъ монетъ и знать не могутъ. Того ради о такихъ воровскихъ пятикопеечникахъ довольное надлежитъ разсужденіе имѣть, чтобъ отъ того крестьянамъ разоренія не учинилось и безвинно бъ кто не пострадали, понеже Прав. Сенату извѣстно, что крестьяне въ нынѣшнее военное время и кромѣ того несутъ великую тягость“ (т, VIII, стр. 307 и 308). Если принять во вниманіе отмѣченное выше колоссальное количество фальшивой монеты, которой обращалось въ Россіи столько же, сколько было выпущено казною, то нельзя не признать, что Кабинетъ далъ достойный отвѣтъ: онъ высказалъ при этомъ выдающуюся гуманность и широкое попеченіе объ экономическихъ интересахъ населенія.

Желаніемъ правительства изъять изъ обращенія прежнюю монету объясняется и указъ отъ 3 октября 1737 г. (П. С. З. № 7391), которымъ позволялось сплавливать и передѣлывать мѣдныя деньги въ посуду.

Каковы были результаты трудовъ въ этомъ направленіи, видно изъ словъ проф. Кауфмана, что за все время царствованія Анны Іоанновны старой мѣдной монеты много было изъято изъ обращенія.

б) Серебряной монеты. Правительство Анны Іоанновны стало изготовлять серебряную монету съ 1731 г. *77-й пробы и вѣсомъ 633 р. 60 к. изъ пуда* (П. С. З. № 5726), и отдало распоряженіе вымѣнивать всю прежнюю серебряную монету для переплавки въ 77-ю пробу. Приказано вымѣнивать старыя мелкія копейки, пятикопеечники и алтынники для передѣла ихъ въ рублевики и полтинники, а для мелкаго раз-

мѣна—въ гривенники новой пробы (22 янв. 1731—II. С. З. № 5677 и 22 іюня 1733 г.—II. С. З. № 6447). Вообще требовалось принимать серебряныя мелкія деньги какъ присылаемыя въ уплату казенныхъ сборовъ, такъ „и отъ партикулярныхъ людей приносныя, *государева чекана всякія* ходячія: какъ хорошія, такъ и малыя, низкопробныя, односторонки и денежки разныя, и *платить за них копейка за копейку*“ (т. II, стр. 238). Въ то число входили и монеты, дѣланныя въ 1713, 1714, 1718 и 1726 годахъ, (II. С. З. № 5726) и гривенники 701, 704, 705, такъ же и „которыхъ гривенниковъ 702, 706, 707, 708 къ пробѣ не сыскано... ибо оные дѣланы противъ ефимковъ“ (т. III, стр. 268). Исключеніе представляли слѣдующіе случаи:

1) за дѣланные въ 726 и 727 г. при Меньшиковѣ гривенники платить по 5 к.:“ они ужъ до сего времени въ нарядѣ ходить заказаны“ (П. С. З. № 5726; т. III, стр. 267);

2) „воровскія мѣдныя, оловянныя, стальныя и серебряныя съ мѣдью смѣшанныя: оныя отбирать и приносителямъ назадъ не отдавать, а брать въ казну безъ заплаты“ (т. II, стр. 241);

3) за обломанныя и обрѣзанныя платить по вѣсу за чистое серебро, по сплавѣ, изъ разсчета 18 к. золотникъ (т. II, стр. 241 и П. С. З. №№ 5965, 6766 и 6545);

4) „за гривенники 709-го, 713-го, также и 1719 (годовъ), которыхъ къ пробѣ не сыскано, (платить)—по 7 к.; 718-го, 720-го годовъ—по 8 к.; за пятикопеечники 701-го, также которыхъ къ пробѣ жъ не сыскано 702-го, 704-го, 714-го годовъ—по 4 к.; за алтынники 704-го, 712-го, 718-го, также 711, 713, 714-го годовъ—по 2 к.“ (т. III, стр. 268);

5) за старые полтинники 1701, 1702, 1703, 1704, 1705, 706 и 707 годовъ и полуполтинники 1701—1707 годовъ платить, сверхъ обыкновенной цѣны, по 5 к. на рубль (II. С. З. № 6320 отъ 8 марта 1733 г. и 6527 отъ 4 янв. 1834 г.);

6) за старыя серебряныя деньги, которыя имѣютъ не меньше 82-й пробы, платить по 19 к. за золотникъ чистаго серебра.

О производствѣ обмѣна старой монеты было подтверждено указами многократно [1]), но обмѣнъ затянулся на довольно продолжительное время. Въ указѣ 1732 г. № 6013 написано, что

---

[1]) II. С. З. № 5726—отъ 23 марта 1731 г., 14 авг. и 21 сент. 1731 г., № 6013 отъ 30 марта 1732 г., 28 февр. и 15 іюня 1732 г., № 6178 отъ 9 сен. 1732 г., № 6236 отъ 20 окт. 1732 г., № 6266 отъ 27 ноября 1732 г., 6327 отъ 15 февр. 1732 г., 6917 отъ 15 марта 1736 г. и 7092 отъ 5 ноября 1736 г.

„на обмѣнъ весьма мало несутъ“. И черезъ четыре года—въ 1736 году доносили, что „мало присылаютъ на обмѣнъ“ (П. С. З. № 6917). Въ томъ же году, указомъ № 7092, констатируется тотъ же фактъ: „вымѣна является очень мало“, при чемъ „въ народѣ есть еще довольное число“ (П. С. З. № 7092). Виною этому была отчасти и мѣстная администрація, которая „тѣ мелкія деньги (вопреки указамъ) производитъ въ расходъ“ (П. С. З. № 6917). Первоначально для вымѣна былъ назначенъ 3-хъ мѣсячный срокъ; затѣмъ для того, чтобы обезпечить „совершенный вымѣнъ мелкихъ серебряныхъ денегъ“, былъ назначенъ, указомъ отъ 5 ноября 1736 г. № 7092, *пятилѣтній срокъ* съ предупрежденіемъ: „а по прошествіи въ сборы не принимать, а приносить на монетный дворъ по 18 к. золотникъ“. Такимъ образомъ изъятіе прежней серебряной монеты при Аннѣ Іоанновнѣ вполнѣ не было закончено и перешло въ послѣдующія царствованія.—По свѣдѣніямъ Монетной конторы, за время съ 7 мая 1701 г. по 20-е іюня 1731 г., на монетномъ дворѣ передѣлано серебра „безъ установичной пробы“ 12.719 пуд 37 фун. 41 золот., изъ которыхъ сдѣлано мелкихъ монетъ 7.237.099 р. Изъ того числа за рублевики 704, 705 и 707 годовъ и полтинники 701, 702, 703, 706 и 707 годовъ обѣщано, какъ указано выше, „паддача“, сверхъ номинальной, по 5 к. на рубль (П. С. З. № 6320)—что дѣлалось въ виду высокой пробы этой монеты.—По словамъ Ламанскаго, въ 1741 г., за 6 мѣсяцевъ до окончанія послѣдняго срока, обмѣнъ далеко еще не приходилъ къ концу. Въ годъ поступало ихъ отъ 280 до 380 тысячъ, и, по счету правительства, всего мелкихъ серебряныхъ денегъ, подлежавшихъ обмѣну, какъ безпробныхъ, такъ и прежнихъ пробъ, осталось еще до 17 милліоновъ („Исторія денежн. обращенія“, стр. 93).—Но о начальномъ періодѣ изъятія—съ сентября 1731 г. по сент. 1732 г.—имѣются опредѣленныя цифровыя свѣдѣнія, что въ это время „отъ казенныхъ сборовъ и отъ партикулярныхъ вымѣнено мелкихъ денегъ счетомъ 2.103.160 р., вѣсомъ 3.407 пуд. (что предоставляло средній вѣсъ изъ пуда 617 р. 35 к.) да старыхъ денегъ въ добавку 160 пуд. и передѣланы въ крупную монету“ (П. С. З. № 6294).

Изъятіе совершалось естественнымъ путемъ взноса въ казну сборовъ. Деньги эти поступали въ Монетную контору, гдѣ и переплавливались въ новую болѣе высокую пробу. Но, помимо этого, нормальнаго пути существовали и вспомогательные—*пріемъ старой монеты при посредствѣ особыхъ вольно-*

наемныхъ компанейщиковъ. Причина, почему правительство привлекло къ этому дѣлу частныхъ лицъ, высказана совершенно откровенно и публично въ указѣ отъ 16 сент. 1731 г. — П. С. З. № 5853: пріемъ старыхъ монетъ отдать въ компанію купцу Корыхалову“ *дабы черезъ казенныхъ счетчиковъ въ пріемахъ не было волокиты и въ заплатѣ продолженія и обидъ не происходило*“. Указъ констатировалъ, какъ обычное явленіе, волокиты и обиды со стороны казенныхъ агентовъ. Эти печальныя свойства правительственныхъ агентовъ того времени [1]) сама верховная власть признавала, очевидно, ихъ неизбѣжной принадлежностью; они входили въ плоть и кровь казенныхъ людей, составляя какъ бы частицу ихъ природы. Этимъ и объясняется эпическая мотивировка властью недовѣрія къ своимъ агентамъ.

Но и компанейщикамъ правительство также не вполнѣ довѣряло, и поручило надзоръ за ними Сенату (П. С. З. № 6364), „чтобъ у тѣхъ компанейщиковъ мелкія деньги на монетномъ дворѣ для сплавки принимать съ лучшимъ и *крѣпкимъ смотрѣніемъ*, дабы не токмо вѣсъ въ каждыхъ мѣшкахъ свидѣтельствовать, но и счетъ, ежели которой мѣшокъ явится вѣсомъ легокъ, пересчитать... и *при томъ при всемъ быть по одному изъ сенаторовъ по очереди*“. Недовѣріе правительства имѣло свои основанія и на практикѣ вполнѣ подтвердилось. Сначала, въ 1731 году вымѣнъ поручили компанейщику Корыхалову [2]) съ товарищи, но они „многій убытокъ приключили, а себѣ великую неправдивую, вымышленную прибыль получили и партикулярнымъ людямъ въ вымѣнѣ тѣхъ денегъ нѣкоторую обиду казали“ (П. С. З. № 6419 и II т., стр. 237). Пришлось передавать другимъ компанейщикамъ, но и съ ними также происходили всякія недоразумѣнія, вслѣдствіе чего приходилось ихъ отрѣшать, задерживать платежи и т. д. [3]).

Въ „бумагахъ“ имѣется типъ договора съ однимъ изъ компанейщиковъ — Дудоровымъ съ товарищи (т. II, стр. 237—242). Изъ него видно, что за совершеніе операціи имъ (п. II-й). „обѣщано давать на всю компанію и на содержаніе счетчиковъ и на всѣ расходы, которые могутъ при вымѣнѣ тѣхъ денегъ быть, по 10.000 р, въ годъ“, и они обязались (пунктъ 14-й) „всѣ серебряныя деньги государева чекана, крупныя и мелкія, вы-

---

[1]) Напр. подьячій Московской адмиралт. конторы Вартимѣевъ „воровски подмѣнилъ въ казну откликанной не ходячей монеты 13 т. рублей и нынѣ еще разворовалъ сборныхъ. въ 732 и 733 годѣхъ, доимочныхъ денегъ 20.500 р.“ (т. IV, стр. 383).

[2]) т. II, стр. 100, 243, 294.

[3]) т. II—197, 313; т. IV—34, 188, 315; т. V—616; т. VI—89: т. XI—542, 485.

сокихъ и низкихъ пробъ, что есть въ государствѣ, вымѣнить до самаго послѣдка".

Чтобы обезпечить безостановочный вымѣнъ, монетная канцелярія возбудила ходатайство отпускать „повсегодно на денежные дворы до 300 т. р. отъ генералъ-поручика Волкова — чтобъ въ вымѣнѣ мелкихъ денегъ и въ покупкѣ серебра остановки не чинилось, а къ нему, — генералъ-поручику отсылать, какъ серебро въ монеты передѣлано будетъ" (т. V, стр. 561—562). Просимая сумма 300 т. была отпущена (П. С. З. № 7376),

Правительство зорко слѣдило за тѣмъ, чтобы старыя серебряныя деньги никуда не расходовались, кромѣ переплавки на монетномъ дворѣ. Ихъ запрещали сплавливать въ домахъ (П. С. З. № 6008) и употреблять въ позументы, подъ опасеніемъ смертной казни (П. С. З. № 6910 и т. V, стр. 108). И когда однажды Монетная контора донесла, что поручикъ Карповъ продалъ найденныя имъ обрѣзки отъ мелкихъ серебряныхъ денегъ въ количествѣ $23^1/_4$ золотника, то лишь потому только, что этотъ поступокъ признали происшедшимъ „отъ простоты", ограничились довольно мягкимъ рѣшеніемъ: взять обрѣзки въ Монетную контору безденежно, и наложить на виновнаго штрафъ въ размѣрѣ двухмѣсячнаго жалованья (П. С. З. № 5985).

Вообще дѣло вымѣна вызвало довольно большую переписку съ Кабинетомъ, который, при этомъ, обычно требовалъ различныя свѣдѣнія [1]). А монетная Контора должна была ежемѣсячно представлять въ Сенатъ вѣдомости о передѣлкѣ монетъ (П. С. З. № 6651).

Новый выпускъ монеты:

а) матеріалъ для монетъ.

Для чеканки монеты, также какъ и прежде широко пользовались иностраннымъ золотомъ и серебромъ. Въ „бумагахъ" имѣются опредѣленныя указанія, что на денежныхъ дворахъ постоянно находились въ большомъ количествѣ иностранныя монеты, которыя передѣлывались въ русскія съ прибылью [2]). Министры нерѣдко требовали изъ Монетной канцеляріи свѣдѣнія, о томъ, „сколько есть на лицо иностранной монеты по званіямъ" и какая отъ нихъ получается прибыль.

Иностранная монета получалась и путемъ продажи казенныхъ товаровъ (т. VII, стр. 135 и П. С. З. № 6397) и путемъ

---

[1]) II—318, 364; т. III—256; т. IV—164, 168, 185, 200, 238, 265, 447; т. VI—45, 62, 71, 116, 166, 171, 260, 262, 271, 326, 383, 415, 449, 481, 731.

[2]) I. т. 97, 118, 406, 412, 539, 406; т. IV—108, 133; т. V—346, 652; т. VI—715; т. VII—45, 135; т. VIII—450, 459, 490; т. IX—57, 377; т. X—44, 291.

поставки (т. I, стр. 406). Среди нихъ встрѣчались, между прочимъ, въ значительномъ количествѣ и персидскія деньги [1]).

Помимо монетъ, получалось изъ за границы и серебро, изъ котораго выдѣлывались монеты [2]). Въ „бумагахъ“ часто встрѣчаются такія названія серебра: „чужестранное“, „заморское“, „иностранное“, „иноземное“. Заморское чистое серебро поставляли по контрактамъ иноземцы, цѣною по 19 к. за золотникъ. Это были, по преимуществу, голландцы. Поставки происходили крупныя; напр. въ 1737 г. поставлено 4-мя голландцами 583 п. 9 ф. 77 зол. Предложеніе поставки иногда превышало наличныя кассовыя средства и предѣльную работоспособность монетныхъ дворовъ, — что ставило правительство въ затрудненіе (П. С. З. № 7376 и VI т., стр. 691) и повлекло за собою распоряженіе заключать контракты на поставку съ „надежными людьми, въ особенности съ такими, которые впредь денегъ требовать не будутъ“ (П. С. З. № 7497). Тогда же была сурово поставлена на видъ медленность работъ монетнаго двора. „Лежитъ серебра слишкомъ 1000 пудъ около полугода — говорится въ указѣ № 7497 — и ни единаго еще фунта не передѣлано; и ежели по купечеству обыкновенія на весь тотъ капиталъ, который черезъ толь многое время лежитъ праздно, и съ полгода положить по 3 процента, то по сіе время уже стало убытковъ слишкомъ 60.000 р.“

Золото и серебро пріобрѣтались въ большомъ количествѣ въ Китаѣ [3]). Напр. въ 1734-мъ году министры дали порученіе Иркутскому вице-губернатору купить китайскаго ханскаго серебра до 100.000 ланъ, цѣною за ланъ по рублю или съ гривною. Пріемъ для этого былъ употребленъ вполнѣ согласный съ духомъ времени: „чинить оную покупку весьма искустно и зѣло тайно, дабы китайцы не провѣдали, что та покупка чинится въ казну Нашу и не подняли бъ на серебро высшую цѣну“ (т. III. стр. 407). Въ слѣдующемъ 1735-мъ году министры отдали приказъ „чтобъ китайское серебро вымѣнивалъ (Иркутскій вицегубернаторъ) на верблюдовъ и лошадей и на рогатый

---

[1]) Такъ генералъ Венедіеръ привезъ изъ Персіи тамошней монеты на 7473 р (т. I, стр. 41), которые и употреблены въ передѣлъ, а вмѣсто нихъ получилъ русскою монетою только 5000 р. (т. I, стр. 37). Въ журналѣ за 15 дек. 1731 г. имѣется запись о передѣлѣ изъ персидскихъ монетъ денегъ на 100,000 (т. I, стр. 81). А въ сентябрѣ 1732 г. отправлено въ Москву (очевидно, на монетный дворъ для передѣлки) персидскихъ денегъ на 39.835 р. (т. II, стр. 463).

[2]) т. I—366, 376, 527; т. II—423; т. IV—517; т. VII—55; т. VIII—458; т. IX—470.

[3]) т. IV, стр. 128, 160, 517, 525; т. VIII—302, 457, 487.

скотъ, а на деньги не покупалъ (т. IV, стр. 479). Въ 1735 году куплено китайскаго серебра 15.000 ланъ (П. С. З. № 6843) цѣною по рублю за лану (1 лана = $1^1/_3$ унціи = 8,524 золотника), что составляло плату за золотникъ въ 11,7 к. Эта покупка была произведена чрезвычайно дешево: за золотникъ платили голландцамъ по 19 к., а внутри Россіи — 18 к. При этомъ была выражена надежда на покупку въ томъ же 1735 году еще 50.000 ланъ. Въ маѣ 1738 года прислано въ Кабинетъ, изъ канцеляріи монетнаго правленія, „*прибыльныхъ денегъ*“, изъ присланнаго въ Москву, въ монетную канцелярію изъ Иркутска въ ланахъ серебра, 12.660 р. (т. VII, стр. 357). Въ 1738-мъ году заключенъ контрактъ“ въ крайнѣйшемъ секретѣ“, на поставку отъ 10 до 20 пудовъ золота, по 2 р. за золотникъ. По расчету, при передѣлѣ въ червонцы, ожидалось прибыли на пудъ 1.355 р. $82^3/_4$ к. (т. VIII, стр. 487—489). Въ 1739 году было принято китайскаго золота 6 пуд., изъ которыхъ вышло червонныхъ на 62.092 р. 80 к. (т. X, стр. 343).

Покупная цѣна внутри государства на золото была опредѣлена: въ 1729 году — по 2 р. 45 к., а въ 1731-мъ и 735-мъ годахъ — по 2 р. 52 к. за золотникъ; серебро покупалось одинаково въ этихъ годахъ по 18 к. (П. С. З. №№ 6593 и 6672). Въ „бумагахъ“ сохранилось много слѣдовъ операцій съ покупкою золота и серебра [1]).

Объ отписномъ (конфискованномъ) золотѣ и серебрѣ держалась политика неизмѣнная. Еще Петръ I, 10 фев. 721 г., повелѣлъ „изъ всѣхъ Канцелярій и приказовъ и изъ прочихъ мѣстъ отовсюду отписное золото и серебро и прочее для передѣла присылать на денежные дворы“. Въ 1728 году Монетная контора доносила Сенату, что „прежде сего въ присылкѣ было, а потомъ ниоткуда не присылаютъ“; поэтому просила подтвердить прежній указъ. И при Аннѣ Іоанновнѣ было указано всякія золотыя и серебряныя вещи, поступающія въ Канцелярію и Контору Конфискаціи, отсылать на монетные дворы „для умноженія на денежныхъ дворахъ капиталу“ (П. С. З. № 6966, 5707, 7316, т. V, стр. 179 и т. VI, стр. 411). Къ этому присоединились золото, серебро и др. металлы въ издѣліяхъ, остающіеся послѣ духовныхъ (П. С. З. № 7551).

Съ монетныхъ дворовъ серебро отпускалось и фабрикантамъ по 4 и по 5 пуд., „сколько когда имъ надобно будетъ,

---

[1]) Т. I—34; II—92, 233, 253, 532; т. IV—151; т. V—37, 537, 655; т. VI—26, 207, 514, 585, 691; т. VII—122, 160, 505, 509; т. VIII—162, 489, 501; т. IX—549; т. X—578. 318.

взаймы и въ продажу по 19 к. за золотникъ“ (т. V, стр. 456. т. VII—346; т. VIII—380 и 419).

Мѣдь покупалась на частныхъ заводахъ и затѣмъ доставлялась казенными заводами [1]), а въ началѣ—и въ Персидскихъ провинціяхъ (П. С. З. №№ 5675, 6120, 6265). Мѣдь покупалась на частныхъ заводахъ въ 1735 г. по 6 р. за пудъ (т. IV, стр. 155), но это считалось дорогой цѣной. Въ 1736 г. сибирская мѣдь „въ истинной цѣнѣ съ провозомъ до Москвы стала по 4 р. пудъ“ (П. С. З. № 6902).

I. Золото.

б) Качество новой монеты. Относительно золотой монеты Толстой говоритъ, что, за исключеніемъ кратковременныхъ изъятій, русскіе червонцы дѣлались обыкновенно пробою и вѣсомъ какъ голландскіе. Установленная Петромъ I въ 1700 году проба золотой монеты, червоннымъ 93-я [2]) и двухрублевымъ золотымъ 75-я, сохранялась долгое время, а именно: двухрублевымъ золотымъ, импе́ріаламъ и полуимпе́ріаламъ только въ 1755 году назначена 88-я проба, а червонцы оставались 93-й пробы до самаго конца царствованія Екатерины II („Исторія финансов. учрежденій Россіи“, стр. 205—206). При Аннѣ Іоанновнѣ состоялся указъ, 23 дек. 1730 г. (П. С. З. № 5660), которымъ повелѣно „дѣлать русскіе червонцы пробою и вѣсомъ противъ голландскихъ, какъ и напередъ сего по 718 г., такожъ и въ 729 году дѣланы, и тѣмъ вновь сдѣланнымъ и прежнимъ русскимъ той же доброты и вѣсу въ народѣ ходить и въ казну принимать по 2 р. 20 к.“. По изслѣдованію проф. Кауфмана этимъ указомъ *червонцы въ первый разъ* сдѣланы настоящей монетой и деньгами, а до Анны Іоанновны червонцы не имѣли еще нарицательной цѣны, установленной закономъ, и не составляли собою монеты, а служили для наградъ и представляли одинъ изъ предметовъ казенной торговли („Серебряный рубль въ Россіи“, стр. 130 и 156).

Въ „бумагахъ“ имѣется, между прочимъ, такая запись за 3 октября 1738 г.: „приказано отъ гг. Кабинетъ-Министровъ

---

[1]) Т. I—121, 492; т. IV—450, 481; т. VI—291, 322, 671.

[2]) Изъ указа 1712 г. (П. С. З. № 2473) видно, „что въ фунтѣ голландскихъ золотыхъ содержится чистаго золота 92 и полтретья золотника“. Но по свидѣтельству Шлецера въ нихъ было 93 золотника, и проба 93-я согласуется съ данными монетнаго двора (Кашкаровъ „Денежное обращеніе въ Россіи“, т. I, стр. 118—120).

изъ монетной канцеляріи требовать вѣдомости: 1) сколько въ одномъ россійскомъ червонномъ вѣсу, 2) сколько въ немъ чистаго золота и къ тому прибавляется лигатуры и серебра, 3) противъ цѣны апробованнаго китайскаго золота почему у каждаго золотника прибыли будетъ“ (т. VIII, стр. 302). Изъ разсчета, сдѣланнаго въ томъ же 1738 году монетной канцеляріей, видно, что, по передѣлу китайскаго золота, „*изъ пуда выйдетъ червонныхъ* 4.216 $^{5}/_{8}$, *по 2 р. 20 к. червонный, на 9.276 р.* 57 $^{1}/_{2}$ к.“, а прибыли у каждаго червоннаго—по 33 $^{1}/_{3}$ коп., а у пуда—1355 р. 82 $^{3}/_{4}$ к. (т. VIII, стр. 488) и съ золотника—35,3 к.

Но китайское золото, по своему количеству, являлось матеріаломъ недостаточнымъ, а остальное покупное золото было слишкомъ дорогое. Поэтому чеканка червонцевъ производилась только для нуждъ двора, да и то лишь въ 1730, 1738 и 1739 годахъ. По суммѣ чеканка золотой монеты выражается слѣдующими размѣрами (Кауфманъ, стр. 156 и 159):

при Петрѣ I на . . . . . 706.236 р.
„ Екатеринѣ I и Петрѣ II не выше . . 145.558 „
„ Аннѣ Іоанновнѣ не выше . . . . . 176.652 „

2. *Серебро.*

Передѣлка старой *серебряной монеты*, какъ указано выше, назначена *въ 77-ю пробу* (П. С. З. № 5677) *и вѣсомъ въ 633 р. 60 к. изъ пуда* (П. С. З. № 5726), причемъ повелѣно было совершать передѣлку въ рублевики и полтинники, а для мелкаго размѣна — въ гривенники, „только чтобъ такихъ гривенниковъ сдѣлано было милліонъ“ (П. С. З. № 5677).

До этого времени серебряная монета (по таблицѣ, приведенной въ сочиненіи Кашкарова „Денежное обращеніе въ Россіи“, т. I, стр. 123)—имѣла слѣдующую пробу:

	Проба.	Нарицательная стоимость.
по указу 14 февр. 1718 г.		
(П. С. З. № 3164)	70	1 р. и $^{1}/_{2}$ р.
	38	3 и 1 к.
по указу 25 мая 1726 г.		
(П. С. З. № 4890)	72	1 р. и $^{1}/_{2}$ р.
	64	$^{1}/_{4}$ р. и 10 к.
	48	алтыны (3 к.).
по указу 15 іюня 1726 г.		
(П. С. З. № 4909)	48	10 к.

по указу 13 іюля 1726 г. (П. С. З. № 4920) . . . . . 42 — 10 к. Въ послѣдующихъ указахъ называются „худыя гривны“ Меньшикова.

Такимъ образомъ *монета Анны Іоанновны, назначенная въ 77-ю пробу, превышала своей пробой всѣ предыдущія монеты.*

Послѣ Анны Іоанновны проба имѣла слѣдующія колебанія:

по указу	10 іюня 1741 г. .	72	10 к.
„ „	28 марта 1746 г. .	77	10 к.
„ „	25 мая 1755 г. . .	77	25 к.
„ „	4 іюля „ . .	—	5 к.
„ „	25 окт. 1756 г. . .	72	96, 48, 24, 4 и 2 к.
„ „	17 янв. 1762 г. . .	72	1 р., $^1/_2$ р., 20 к., 15 к.
„ „	18 дек. 1763 г. . .	72	1 р., $^1/_2$ р., $^1/_4$ р. и 20 к.
„ „	30 марта 1764 г. .	—	15 и 10 к.
„ „	20 янв. 1797 г. .	$83^1/_3$	всѣ серебряныя монеты.

Слѣдовательно, послѣ Анны Іоанновны, десятикопеечная монета въ 1741 г. понизилась до 72 пробы, въ 1746 и 1755 г. проба вновь сравнивается и, наконецъ, съ 1756 г. падаетъ до 72, и только съ 1797 года проба становится выше.

Эти цифры даютъ полное основаніе признать, что *серебряныя монеты Анны Іоанновны, по высотѣ пробы, превышали монеты всѣхъ предыдущихъ царствованій и часть—послѣдующихъ.* При этомъ, однако, относительно рублевой монеты надлежитъ сдѣлать существенную оговорку: что *хотя проба изъ петровской 70-й превращена въ 77-ю, но содержаніе чистаго серебра въ петровскомъ рублѣ не было измѣнено.* Проф. Кауфманъ приводитъ, по этому поводу, слѣдующіе разсчеты. „Петръ Великій чеканилъ 14 р. 40 к. изъ фунта или 96 золотниковъ лигатурнаго серебра 70-й пробы, или тѣ же 14 р. 40 к. чеканились изъ 70 золотниковъ чистаго серебра. Поэтому лигатурный вѣсъ его рубля былъ $96:14,4 = 6^2/_3$ золотника, а содержаніе чистаго серебра въ его рублѣ было $70:14,4 = 4^{31}/_{36}$ золотниковъ. По указу 23 марта 1731 г. изъ фунта лигатуры серебра 77-й пробы чеканили 15 р. 84 к. [1])

[1]) $15,84 \times 40 = 633$ р. 60 к. изъ пуда.

или тѣ же 15 р. 84 к. чеканили изъ 77 золотниковъ чистаго серебра. Слѣдовательно, лигатурный вѣсъ рубля Анны Іоанновны былъ: $96 : 15{,}84 = 6^{2}/_{3}$ золотника, а содержаніе чистаго серебра въ немъ, какъ и при Петрѣ, осталось $77 : 15{,}84 = 4^{31}/_{36}$ золотника. Содержаніе чистаго серебра въ рублѣ осталось прежнее—$4^{31}/_{36}$ золотниковъ, потому что рубль основывается на одной и той же монетной цѣнѣ золотника чистаго серебра въ $20^{4}/_{7}$ к. ($14{,}4 : 70 = 15$, $84 : 77 = 20^{4}/_{7}$), а слѣдовательно и фунтъ чистаго серебра ($20^{4}/_{7} \times 96 = 19$ р. $74^{6}/_{7}$ к.). Измѣнился только валовой (лигатурный) вѣсъ рубля, уменьшившійся съ $6^{2}/_{3}$ до $6^{2}/_{33}$ золотниковъ, т.-е. на $^{1}/_{11}$, отъ соразмѣрнаго уменьшенія лигатуры (мѣди) въ рублѣ. Такимъ образомъ серебряный рубль Петра Великаго, нѣсколько обновленный, продолжалъ существовать, оставаясь съ тѣмъ же содержаніемъ чистаго серебра, которое было установлено въ 1718 году. Въ такомъ видѣ онъ просуществовалъ царствованіе Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны“ („Серебряный рубль въ Россіи“, стр. 152 и 153). Что касается мелкой серебряной монеты, то она при Аннѣ Іоанновнѣ была такой же пробы, какъ и крупная. Между тѣмъ, какъ указано выше, прежняя мелкая серебрянная монета (а въ особенности 1726 и 1727 годовъ) была и низкопробная и легковѣсная (встрѣчалась и 38-й пробы), что и вынуждало дѣлать различную расцѣнку при ея изъятіи, а именно: платили копейка за копейку, по 5, 7 и 8 к. за гривенники и т. д. Такимъ образомъ улучшеніе качества серебряной монеты при Аннѣ Іоанновнѣ является фактомъ прочно установленнымъ. Для болѣе полнаго освѣщенія настоящаго вопроса необходимо привести еще слѣдующее компетентное заключеніе проф. Кауфмана: „измѣнять пробу монетъ можно двоякимъ путемъ: 1) измѣняя отношеніе между содержаніемъ чистаго металла и лигатуры въ монетѣ, *но не измѣняя цѣны чистаго металла въ монетѣ* и 2) измѣняя отношеніе между содержаніемъ чистаго металла и лигатуры въ монетѣ при *одновременномъ измѣненіи цѣны чистаго металла въ монетѣ. Только перваго рода измѣненія не измѣняютъ существенно монету и дѣлаются для ея улучшенія; къ ихъ категоріи принадлежало увмѣненіе Анны Іоанновны.* Напротивъ измѣненія пробы второй категоріи прямо ухудшаютъ монету и производятся всегда для того, чтобъ посредствомъ ухудшенія монеты извлекать изъ чеканки ея фискальныя выгоды“ (стр. 163). Кауфманъ до извѣстной степени умаляетъ заслугу правительства Анны Іоанновны, высказываясь такимъ образомъ: что „перечеканка серебряной мо-

неты 1731 г. имѣла и фискальное значеніе, это явствуетъ изъ цѣны серебра, назначенной указомъ 23 марта—по 18 к. за чистый золотникъ. А чеканила казна изъ золотника чистаго серебра $20^4/_7$ к. Разность въ $20^4/_7$ к.—$18 = 2^4/_7$ составляетъ $14^2/_7{}^0/_0$ на расходуемыя 18 к. и должна была служить для расходовъ чеканки и прибыли казны. Это не было большой прибылью, но не свидѣтельствовало также объ отреченіи отъ нея, даже когда монетная операція клонилась къ улучшенію монетной системы“ (стр. 153). Для того, чтобы болѣе рельефно отмѣтить степень благотворности реформы Анны Іоанновны, необходимо провести параллель съ современнымъ положеніемъ въ Россіи. Проф. Озеровъ говоритъ: „отъ размѣнной серебряной монеты правительство получаетъ, но въ нѣкоторые годы оно получало крупный доходъ отъ чеканки банковой серебряной монеты; такъ въ 1898 г. отъ чеканки этой монеты получено 11 мил. 700 тыс. руб. Дѣло въ томъ, что хотя эта монета называется полноцѣнной, но заключающееся въ ней количество серебра стоитъ значительно ниже той цѣны, по которой эта монета пускается въ обращеніе (около $30^0/_0$), и эта разница составляетъ доходъ казны. Какъ нѣкоторые указываютъ, этотъ доходъ слѣдовало бы заносить не въ рубрику обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ, а по отдѣлу государственнаго кредита (проф. Ходскій); въ сущности это—кредитъ, какъ и выпускъ бумажныхъ денегъ“ („Основы финансовой науки“, вып. 1-й, стр. 229 и 230). Правительство Анны Іоанновны, вполнѣ понятно, не могло отказаться и отъ желанія получить при чеканкѣ нѣкоторую прибыль; но если сравнить процентъ его прибыли—$14^2/_7$—и указываемый проф. Озеровымъ процентъ современный—около 30,—то нельзя не признать, что улучшеніе серебряной монеты при Аннѣ Іоанновнѣ было необычнымъ и во всякомъ случаѣ весьма крупнымъ.

Чеканка серебряной монеты, по цифрамъ Кауфмана (стр. 153 и 154), выражается въ такихъ количествахъ:

Петра I за 35 лѣтъ—съ 1690 до конца 1724 г. на 38.380.694 р.
Екатерины I и Петра II (въ 5 лѣтъ). . . . . 5.157.670 „
Анны Іоанновны (въ $10^2/_3$ лѣтъ). . . . . 20.094.975 „

Изъ этого видно, что относительная величина чеканки (на каждый годъ) является преобладающей въ періодъ Анны Іоанновны.

Изъ числа намѣченнаго количества новыхъ гривенниковъ 77-й пробы было сдѣлано къ началу 1734 г. на 38.000 р., которые, по донесенію Сената, „лежатъ праздно и для того бъ

оные повелѣно было употреблять въ расходъ“ (т. III, стр. 268). Въ 1734 г. былъ изданъ указъ публиковать во всенародное извѣстіе „объ употребленіи на указные расходы гривенниковъ 77-й пробы новыхъ, дѣланныхъ въ 1731—1734 г.“ (П. С. З. № 6615). Новый сплавъ производился весьма тщательно [1]), подъ наблюденіемъ генерала Салтыкова, а „при той сплавкѣ и передѣлѣ и для свидѣтельства счета быть профессору Летману и, сверхъ того, опредѣлить ему, генералу, вѣрныхъ и искусныхъ къ тому дѣлу двухъ человѣкъ“ (т. II, стр. 258). Въ стремленіи выдѣлывать добротную монету иногда даже увеличивали и вѣсъ и пробу. Такъ, напр., въ 1733 году замѣтили, что въ 1000 рублевикахъ вѣсу 1 п. 23 фунта, т.-е. изъ пуда сдѣлано на 634 р. 92 к. (здѣсь незначительное уклоненіе въ сторону пониженія вѣса противъ нормы на 1 р. 32 к. съ пуда), а въ копейкахъ въ 1000 же руб.—1 п. 25 ф., т.-е. изъ пуда получилось только 615 р. 38 к. (повышеніе вѣса съ пуда на 18 р. 22 к.), „а пробою копейки обошлись выше нынѣшнихъ монетъ 77-й пробы однимъ золотникомъ съ четвертью“ (т. II, стр. 256). „Заморское“ серебро, покупаемое для передѣла въ монету, принимали въ Петербургѣ и оттуда отправляли на монетные дворы въ Москву, „которое туда нескоро поспѣваетъ и оттого въ дѣлѣ монетъ чинится остановка“. Чтобы ускорить дѣло, „дабы въ томъ нималой остановки впредь не было“, въ 1737 году повелѣно взять съ московскихъ монетныхъ дворовъ половину мастеровъ въ Петербургъ, а Головкину, „яко главному того дѣла директору крѣпкое надзираніе имѣть и о умноженіи россійской монеты стараться“ (П. С. З. № 7357).

3. Мѣдь.

По указу 22 дек. 1730 г. (П. С. З. № 5657) мѣдная монета стала выпускаться значительно тяжеловѣснѣй, чѣмъ прежде, а именно: по 10 р. изъ пуда, а пятикопеечниковъ даже по 8 р. (П. С. З. № 5684). Къ 1733 году выпущено новыхъ денежекъ и полушекъ на 463.000 р. Въ томъ же году образовались большіе запасы мѣди на монетномъ дворѣ, и повелѣно было сдѣлать (съ прежними) денежекъ и полушекъ на милліонъ рублей „дабы мѣдь праздно не лежала и въ народѣ

---

[1]) Серебряная монета выдѣлывалась по образцамъ, „апробованнымъ“ проф. Летманомъ (П. С. З. № 6635) и новымъ штемпелемъ, но различіе его со старымъ было только „одно званіе крупными литерами да годъ“ (П. С. З. № 6742 и 7373).

въ размѣнѣ мелкимъ деньгамъ нужды не было“ (П. С. З. № 6386). Въ 1734 г, повелѣно сдѣлать денежекъ и полушекъ еще на 2 милліона [1]). А всего новой мѣдной монеты начекано лишь на 2. 936.482 р. (Кауфманъ „Серебряный рубль“, стр. 160). При этомъ внушено „съ крайнимъ прилежаніемъ смотрѣть, чтобы оныя денежки и полушки сдѣланы были самою чистою и хорошею работою, чтобъ отъ воровъ поддѣланы быть не могли и въ томъ взять всякую возможную предосторожность и смотрѣть, чтобъ штемпели были сдѣланы самою хорошею работою, чтобы ворамъ поддѣлать было невозможно. И ежели такихъ искусныхъ мастеровъ здѣсь не имѣется, то немедленно стараться изъ чужихъ краевъ, особливо изъ Нюренберга, Англіи или изъ другихъ мѣстъ такихъ искусныхъ мастеровъ на службу Нашу принять съ такимъ жалованьемъ, которымъ они довольны быть могутъ“ (П. С. З. № 6654).

Кромѣ Петербургскаго и Московскаго монетныхъ дворовъ, мѣдныя деньги и кружки выдѣлывались при Татищевѣ и на Сибирскихъ казенныхъ заводахъ [2]), того же вѣса — 10 р. съ пуда, при чемъ часть сдѣланныхъ денегъ въ суммѣ „истинной“ цѣны мѣди, оставлялось въ Сибири для платежа частнымъ заводчикамъ за мѣдь (если она ими поставлялась) или употреблялась на содержаніе Сибирскихъ казенныхъ заводовъ (если мѣдь была казенная),

Помимо общихъ вопросовъ, касающихся устройства денежной системы, Кабинетъ Министровъ много занимался и разными иными, уже мелкими вопросами, касающимися техники монетнаго дѣла, администрація денежныхъ дворовъ, чисто хозяйственной части, отвода квартиръ мастеровымъ, дѣлъ о „ссорахъ“ монетной конторы и проч. [3]).

---

[1]) Чеканка большого количества мѣдной мелкой монеты вызывалась, несомнѣнно, дѣйствительно, большимъ на нее спросомъ. Напр. Кирилловъ, когда поручили ему купить лошадей у башкиръ, просилъ отпустить ему для этой цѣли до 30.000 р. „*мелкими копейками* для того, что—де башкирскій и татарскій народъ крупной монеты самое малое число берутъ, а мѣдныхъ пятикопеечниковъ и ничего не берутъ“. Поэтому ему были посланы просимыя деньги въ гривенникахъ, денежкахъ и полушкахъ (т. IV, стр. 21—22).

[2]) П. С. З. № 6813, 6902, 7125; Сборники: III т.—стр. 470, 472; т. IV—8, 303, 445, 469, 480, 484; т. V, стр. 1, 97, 176, 323, 536, 559; т. VI—402, 608; т. VII—50; т. VIII—307, 340, 486; IX—23[illegible].

[3]) I т. стр. 158, 167, 293, 307, 408, 495; т. II—24, 30, 36, 52, 115, 255, 314, 316, 519, 76, т. III—135, 213, 475, 485, 486; т. IV—68, 90, 91, 204, 261, 458, 485, 492, 503, 513, 533, 537, 544; т. V—83, 98, 176, 306, 448, 449, 465, 428, 655; т. VI—83, 138, 153, 222, 240, 427, 449, 526, 601 608, 617, 682, 689, 692, 702, 704; т. VII—21, 49; т. VIII—145, 219, 247, 252, 481; т. IX—2, 104; т. X—406, 550, 572.

Къ началу царствованія Анны Іоанновны денежная система была совершенно разстроена. Серебра обращалось мало да и то, что предъявлялось къ уплатѣ, отличалось малоцѣнностью (кромѣ петровскихъ рублей и полтинниковъ). Мѣди, наоборотъ, было выпущено чрезвычайно много по количеству и весьма малоцѣнной — отъ 12 р. 80 к. до 20 р. и 40 р. изъ пуда. Вмѣстѣ съ тѣмъ фальшивой монеты, по разсказамъ, обращалось столько же, сколько было выпущено казною. Къ этому надо добавить общее экономическое и финансовое разстройство. Словомъ обстоятельства сложились самымъ неблагопріятнымъ образомъ. Не смотря на это, правительство Анны Іоанновны, (подъ которымъ нужно подразумѣвать Кабинетъ Министровъ) съ самаго начала выразило совершенно опредѣленную политику—изъятія изъ обращенія дешевой монеты и выпуска болѣе полноцѣнной; и эту политику оно твердо выдержало до самаго конца.

Серебро было выпущено съ такимъ незначительнымъ процентомъ прибыли — $14^2/_7$, что послѣдній стоялъ ниже современной—30.

Мѣдь чеканилась достаточно полновѣсная: по 10 р., а пятикопеечники даже по 8 р. изъ пуда, съ такимъ расчетомъ, „чтобъ ворамъ поддѣлывать было не изъ чего“.

Впервые выпущено золото, какъ монета, безъ всякой прибыли.

Кабинетъ Министровъ проявилъ выдающуюся энергію по изъятію изъ обращенія прежней дешевой серебряной и мѣдной монеты и добился, въ этомъ направленіи, большихъ результатовъ, хотя все же много монеты перешло и въ послѣдующія царствованія.

Кабинетъ Министровъ много хлопоталъ о пріобрѣтеніи по дешевымъ цѣнамъ золота и серебра (преимущественно китайскаго) и вообще его дѣятельность изобиловала мѣропріятіями по улучшенію разстроенной системы и техники дѣла.

Въ результатѣ, слѣдуетъ признать, что Кабинетъ Министровъ, насколько было возможно, достигъ своей задачи и значительно улучшилъ денежную систему,

ОТДѢЛЪ II.

Взысканіе доимки.

Во всѣхъ памятникахъ изучаемой эпохи, вмѣсто слова „недоимка“, употреблялось слово: „доимка“, откуда, между прочимъ, получилъ свое названіе и спеціальный приказъ „доимочный“. Поэтому и въ настоящемъ изслѣдованіи принято къ названію уже выраженіе той эпохи: „доимка“.

Взысканію доимки въ царствованіе Анны Іоанновны историки вообще удѣлили особое вниманіе. Проф. А. Н. Филиппов также указываетъ на ревностныя заботы о взысканіи доимокъ, какъ на проявленіе общаго характера царствованія („Сенатъ“, стр. 564).

Главная причина, вслѣдствіе которой историки останавливали свое вниманіе на аннинской доимкѣ, это— *строгость* взысканія. О строгости взысканія упоминаетъ и Соловьевъ (т. XX, гл. 3-я, стр. 1415). О ней же говоритъ и Ключевскій, при чемъ послѣдній указываетъ, что доимки не просто взыскивались, а выколачивались изъ народа при посредствѣ особыхъ вымогательныхъ отрядовъ во главѣ съ гвардейцами (IV ч. „Рус. Ист.“, стр. 391, 394).

Другой причиной вниманія историковъ, пожалуй, не менѣе важной, было *назначеніе взысканныхъ доимокъ*. Было распространено мнѣніе, что этими деньгами большею частью воспользовался Биронъ. Объ этомъ говоритъ положительно Болтинъ („Примѣчанія на исторію древнія и нынѣшнія Россіи Леклерка“, т. II, стр. 326), что Биронъ доставилъ себѣ „многіе милліоны рублей, а государство въ конецъ разорилъ“. И у проф. Ключевскаго встрѣчается выраженіе, что „на многомилліонныя доимки разбѣжались глаза у Бирона“. Этотъ же почтенный ученый, кромѣ того, находитъ и другого потребителя

доимокъ—Дворъ Императрицы. „При разгульномъ дворѣ, то и дѣло увеселяемомъ блестящими празднествами... вся эта стая кормилась досыта и веселилась до упаду на доимочныя деньги“ (IV ч., „Рус. Ист.“, стр. 391).

Въ виду такого особаго значенія, какое отводили историки взысканію доимки въ жизни изучаемой эпохи, а также въ цѣляхъ болѣе полнаго освѣщенія финансовой части,—пришлось коснуться всей организаціи доимочнаго дѣла, па сколько она получила свое отраженіе въ закопахъ и „бумагахъ“ Кабинета Министровъ.

ГЛАВА XI.

Органы, вѣдавшіе взысканіемъ.

1) Сенатъ. По Регламенту камеръ-коллегіи, утвержденному 23 іюня 1731 г. (П. С. З. № 5789) „хотя камеръ-коллегія надъ всѣми государственными доходы и оныхъ исправномъ опредѣленіи (въ томъ числѣ и о доимкахъ) вышнее надзираніе имѣетъ“ (п. 9-й), но верховнымъ учрежденіемъ, вѣдавшимъ всѣ доходы, въ томъ числѣ и доимки, являлся Сенатъ, и камеръ-коллегія должна была доносить Сенату о неплатежѣ и о ходѣ взысканія доимки. 14-го октября 1731 г. послѣдовалъ именной указъ „о порученіи Сенату наблюденія за взысканіемъ камеръ-коллегіей недоимокъ прежнихъ лѣтъ“ [1]).

Когда былъ учрежденъ Кабинетъ Министровъ, то въ его засѣданіи 8-го ноября 1731 г. (т. е. спустя нѣсколько дней послѣ его учрежденія) былъ „чтенъ репортъ изъ журнала сенатскаго, въ которомъ показано: что октября съ 25 сего ноября по 6-е число въ Сенатѣ учинено“. А въ этомъ репортѣ, между прочимъ, сдѣлана такая запись: „*въ Сенатѣ рѣшено*, чтобы подушную доимку по 730-й годъ взыскивать на обрѣтающихся въ Москвѣ помѣщикахъ и архіереяхъ и монастыряхъ—генералу лейтенанту Волкову, а которые обрѣтаются въ губерніяхъ, провинціяхъ и городахъ—на тѣхъ на самихъ же взыскивать на вѣчныхъ квартирахъ офицерамъ“ [2]) (I т., стр. 9). По этому поводу Кабинетъ затребовалъ изъ Сената справку о томъ, не можетъ ли произойти при указанномъ способѣ двойного взысканія: въ Москвѣ—съ самаго помѣщика, а въ его деревнѣ—съ его прикащика или крестьянъ (I т., стр. 9—10). Въ этомъ уже отражается роль Кабинета, какъ наблюдательнаго органа

---

[1]) Барановская опись сенат. архива № 4055.

[2]) Это рѣшеніе Сената было основано на именномъ указѣ отъ 16 іюня 1731 г. (II. С. З. № 5780).

по доимкамъ. На послѣднія онъ обратилъ вниманіе еще до полученія вышеупомянутаго журнала Сената, вслѣдствіе чего отъ военной коллегіи и камеръ-коллегіи, въ числѣ другихъ свѣдѣній, были затребованы по указамъ отъ 6 ноября 1731 г., и свѣдѣнія о томъ, „что въ доимкѣ остается“ подушныхъ денегъ (I т., стр. 8).

Послѣдующіе указы лишь подтверждали прежнія права и полномочія Сената по взысканію доимокъ: впервые, при Кабинетѣ Министровъ, былъ изданъ по этому поводу указъ Сенату 13 марта 1732 г. (II. С. З. № 5983) „о взысканіи доимокъ и о разсматриваніи о томъ дѣлъ и вѣдомостей въ Сенатѣ, и объ опредѣленіи къ тому Стат. Сов. Маслова“. Съ этимъ указомъ министры ходили лично къ Императрицѣ для его подписи (I т., стр. 199). 10 октября 1732 г. изданъ указъ Маслову [1]) о разсматриваніи дѣлъ о доимкахъ и „*для взысканія* тѣхъ *доимокъ* и, на комъ надлежитъ, штрафовъ *предлагать Сенату*“ (I т., стр. 448). Роли оберъ-прокурора и Сената здѣсь разграничены опредѣленно: 1-й разсматривалъ и докладывалъ, а 2-й рѣшалъ. Маслову приказано, при этомъ, доносить непосредственно Императрицѣ, „что объ ономъ происходить будетъ“. Но этимъ приказомъ не создавалось никакого новаго права: оберъ-прокуроръ, какъ замѣститель генералъ-прокурора, и безъ этого постоянно и по всѣмъ дѣламъ долженъ былъ слѣдить за дѣятельностью Сената согласно пункту 1-му петровской „должности“. 9 мая 1733 г., по резолюціи Императрицы на доношеніи Маслова, повелѣно о доимкахъ на купцахъ и ратушахъ „разсматривать въ Сенатѣ Стат. Сов. Маслову, и, по разсмотрѣніи. экстракты, съ приложеніемъ своего мнѣнія, подавать въ Кабинетѣ Нашемъ“ (II т., стр. 205 и 206). Оберъ-прокуроръ Сената завѣдывалъ вообще взысканіемъ доимокъ (Проф. А. Н. Филиппов „Сенатъ“, стр. 565); поэтому, когда скончался Масловъ (5 ноября 1735 г.), его обязанности по доимкамъ перешли къ преемникамъ. Но послѣдніе уже не могли проявить той иниціативы, мощи и широты мысли, какія были свойственны Маслову, и активная роль по разсмотрѣнію и взысканію доимокъ перешла къ Сенату. Его авторитетъ въ этомъ отношеніи стоялъ въ то время высоко, чѣмъ и объясняется доношеніе прокурора камеръ-коллегіи Мельгунова, поступившее въ Кабинетъ 6 апр.

---

[1]) 12 Октября 1732 г. подписаны Императрицею указы „въ губерніи о немедленной присылкѣ къ разсмотрѣнію Маслову дѣлъ и вѣдомостей о доимкѣ“ (I т., стр. 450).

1736 г. (т. V. стр. 151), о томъ, чтобы доимку, учиненную по камеръ-коллегіи, „поручить подъ смотрѣніе изъ господъ сенаторовъ“. Кабинетъ, требуя отъ Сената проявленія болѣе активной роли, вмѣстѣ съ тѣмъ возлагалъ на него и отвѣтственность за успѣхъ дѣла. Въ своемъ сообщеніи Сенату отъ 10 августа 1736 г. (т. V, стр. 379 и 380) Кабинетъ „разсудилъ“ послать изъ Сената подтвердительные указы о скорѣйшемъ сборѣ доходовъ и доимки, причемъ свое разсужденіе закончилъ такимъ образомъ: „*и въ томъ во всемъ надлежитъ имѣть особливое стараніе Прав. Сенату, понеже всѣ такія доимки и недоборы отъ Ея И. В-ва взысканы будутъ на Прав. Сенатъ*“. Впослѣдствіи обязанности Сената были нѣсколько облегчены Канцеляріей Конфискаціи. По резолюціи Министровъ на сообщеніи Сената 16 марта 1738 г. (П. С. З. № 7539) надлежало: рѣшать доимочныя дѣла (*кромѣ подушныхъ*) въ Канцеляріи Конфискаціи и представлять въ Сенатъ только тогда, „когда оная Канцелярія чего разрѣшить сама не будетъ въ состояніи“. Но за то въ Сенатѣ разрослось дѣло по доимкамъ подушнаго сбора. Въ томъ же 1738 году — 17 августа (П. С. З. № 7632) сдѣлано распоряженіе присылать въ Сенатъ изъ каждаго города дважды въ мѣсяцъ рапорты о ходѣ дѣла, а изъ присланныхъ вѣдомостей составлять и подавать въ Кабинетъ реестры каждый мѣсяцъ. „Для сочиненія и отправленія всего того (велѣно) учредить *при Сенатѣ особую* экспедицію только для однихъ тѣхъ дѣлъ“ (VIII т., стр. 313, пунктъ 5-й).

2) Доимочныя Коммиссіи при Сенатѣ.

Къ 1738 г. въ Сенатѣ доимочное дѣло вообще расширилось, въ особенности съ такъ называемой „адмиралтейской доимкой“. 7 октября 1738 г. поступило въ Кабинетъ сообщеніе изъ Сената, что, „по усмотрѣнію онаго, изъ репортовъ посланныхъ для слѣдствія объ адмиралтейской доимкѣ офицеровъ, явились въ губерніяхъ и провинціяхъ непорядки и упущенія и похищенія сборовъ, и не соизволено ли будетъ *о взысканіи той доимки учредить особую коммиссію*, которой быть подъ дирекціей Сената“ (т. VIII. стр. 309). Инпціатива Сената въ этомъ направленіи была встрѣчена, видимо, сочувственно, и Кабинетъ далъ просимое согласіе съ выраженіемъ упованія, „что подъ дирекціею сенатскою сей важный государственный интересъ съ лучшимъ и присяжно должнымъ радѣніемъ, не продолжая вдаль произведенъ будетъ, чтобы такіе государственные доходы безбожно далѣе не пропадали, но къ государственнымъ нуждамъ употреблены быть могли“

(16 окт. 1738 г., т. VIII, стр. 326—328). Послѣ этого 11 дек. 1738 г. послѣдовалъ именной указъ о порученіи Сенату „опредѣлить порядокъ дѣйствія особой Коммиссіи, учрежденной подъ вѣдѣніемъ его, для взысканія доимокъ, числящихся въ губерніяхъ и провинціяхъ по адмиралтейству, штатсъ конторѣ и по артиллеріи“ (Баранов. опись сенат. архива № 6838). Взглядъ правительства на назначеніе этой Коммиссіи выраженъ опредѣленно въ указѣ отъ 11 іюля 1739 г. (П. С. З. № 7848): „оная Коммиссія учреждена не для *повѣденія* и разсмотрѣнія впредь какихъ по учрежденію или поправленію касающихся доходовъ, но для взысканія и разсмотрѣнія неправильно запущенныхъ въ доимку или, конечно, учинившихся за какими невозможностями запустѣлыхъ сборовъ и о имѣющихся всякихъ при слѣдствіи доимокъ дѣлахъ“.

Въ Доимочную Коммиссію должны были поступать рапорты о ходѣ взысканія изъ губерній и провинцій отъ губернаторовъ, воеводъ и офицеровъ. Вообще работы въ Коммиссіи получилось много, и количество рабочихъ силъ оказалось недостаточнымъ. Напр. изъ сенатскаго сообщенія, поступившаго въ Кабинетъ 19 іюня 1739 г., видно, что „для взысканія адмиралтейской и прочихъ сборовъ доимки учинена при Сенатѣ Коммиссія, въ которую о тѣхъ доимкахъ вступило 306 дѣлъ, о которыхъ приложенъ экстрактъ, а во опой Коммиссіи нынѣ обрѣтается только 2 члена, а главнаго члена и по-нынѣ не опредѣлено и чтобы для рѣшенія оныхъ дѣлъ во оную Коммиссію опредѣлить главнымъ членомъ Стат. Сов. Григорія Орлова“. Въ журналѣ имѣется отмѣтка, что „рѣшено особымъ указомъ окт. 27 дня 740 г. (т. IX. стр. 555), т. е. уже послѣ смерти Анны Іоанновны.

Дѣйствіе Доимочной Коммиссіи было весьма не продолжительно. Она была закрыта въ 1741 году, по указу 31 дек. 741 г. № 8492, т. к. доимки по 730-й годъ были сложены, а остальныя доимки съ 730 года „поручены разсматривать Ревизіонъ-Коллегіи“.

Кромѣ указанной, имѣлась еще другая Коммиссія, учрежденная въ 1739 году при Сенатской Конторѣ спеціально для взысканія подушной доимки (П. С. З. № 8071).

3) Доимочный Приказъ. 7 мая 1733 г. Сенатъ представилъ Императрицѣ интересный докладъ, изъ котораго видно, что Ею еще 21 марта повелѣно было „для взысканія и правежа запущенныхъ въ губерніяхъ съ 1719 г. доимокъ, выбравъ опредѣлить прилежнаго человѣка, придавъ ему двухъ чело-

вѣкъ товарищей“. Согласно этому указу, Сенатъ представилъ кандидатовъ на каждую персону по двѣ. Императрица, въ резолюціи своей, утвердила „ко взысканію и правежа доимокъ Степана Грекова, а въ товарищи — Ивана Скрипицына и князя Львова“ (т. II. стр. 202 и 203). Данное этимъ лицамъ порученіе было такъ велико и оно затрогивало на столько обширный раіонъ, что дѣятельность ихъ, казалось, должна была неизбѣжно оставить большіе слѣды въ „бумагахъ“ и доношеніяхъ. Между тѣмъ во всѣхъ томахъ объ этихъ лицахъ, и вообще о „прилежномъ человѣкѣ“ съ товарищами, уполномоченныхъ для правежа въ губерніяхъ доимокъ, кромѣ приведеннаго выше факта утвержденія въ новыхъ обязанностяхъ, не содержится рѣшительно никакого упоминанія [1]). Было очевидно, что эта новая и необычная организація вскорѣ или была упразднена и не успѣла еще проявить никакой самостоятельной дѣятельности, или же вылилась въ какую либо иную форму, но уже безъ права самостоятельныхъ дѣйствій. Въ томъ же мѣсяцѣ былъ учрежденъ особый Доимочный Приказъ, а 24 мая 1733 года послѣдовало утвержденіе его Инструкціи. Въ виду однородности функцій „прилежнаго человѣка“ съ доимочнымъ приказомъ слѣдовало искать какую то причинную связь между фактами упраздненія перваго и появленія новаго спеціальнаго учрежденія. И, дѣйствительно, только при чтеніи Инструкціи и возможно было вполнѣ выяснить указанную связь. Въ ней оказались поименованными полностью и „прилежный человѣкъ“ и оба его товарища, но уже съ другими наименованіями. Въ Инструкціи написано: „быть въ Москвѣ особливому Доимочному приказу, въ которомъ быть судьями бригадиру Степану Грекову, подполковнику Ивану Скрипицыну, ассесору князь Алексѣю Львову“. Такимъ образомъ всѣ эти три лица, спустя нѣсколько дней, вошли въ новую организацію и въ новыхъ уже болѣе опредѣленныхъ должностяхъ. Отсутствіе же упоминаній о нихъ въ „бумагахъ“ объясняется тѣмъ, что Доимочный приказъ находился подъ начальствомъ Маслова, и всѣ сношенія съ разными учрежденіями велись уже отъ имени послѣдняго.

---

[1]) Въ указѣ Сенату отъ 13 марта 1732 г. (II. С. З. № 5983) упоминается о томъ, чтобы опредѣлить особаго прилежнаго человѣка, но это спеціально для описанія старыхъ дѣлъ прежней камеръ-коллегіи и сочиненія доимочныхъ вѣдомостей: „который бы могъ тѣ описи и доимочныя вѣдомости засвидѣтельствовать дабы проронено отнюдь не было и стараться, дабы то какъ наискорѣе было отправлено“. — Слѣдовательно „прилежный человѣкъ“, упоминаемый въ сенатск. докладѣ отъ 7 мая 1733 г. есть тотъ человѣкъ, о которомъ послѣдовала особая резолюція 21 марта 1733 г. (П. С. З № 6358).

Доимочный приказъ впервые былъ учрежденъ въ 1722-мъ году, а въ 1727-мъ году закрытъ (Строевъ „Кабинетъ Министровъ“ ч. 1-я, стр. 105). Когда возложили взысканіе доимокъ на Маслова, то въ 1733-мъ г. былъ вновь открытъ доимочный приказъ, а 24 Мая 1733 г. утверждена ему инструкція (П. С. З. № 6412). Новый приказъ, по отношенію къ Маслову, занялъ подчиненное положеніе и долженъ былъ испрашивать его указаній и распоряженій во всѣхъ болѣе или менѣе сложныхъ и крупныхъ дѣлахъ, какъ наприм. продажа имѣній и и несостоятельность должниковъ (п. 3, 4 и 5), ежемѣсячно рапортовать ему о положеніи дѣлъ (п. 9). Учрежденъ былъ приказъ „для правежа и взысканія упущенныхъ доимокъ съ 1719 года въ сборахъ съ таможенъ, кабаковъ, рыбныхъ ловель, мостовъ, мельницъ, перевозовъ и прочихъ *оброчныхъ статей*, которыхъ съ 720 по 732 г. болѣе 7 милліоновъ въ доимку запущено“. Когда скончался Масловъ, изъ Сената поступило 22 Дек. 1735 г. доношеніе въ Кабинетъ, „доимочныя дѣла послѣ д. с. с. Маслова кому разсматривать“. По этому поводу Кабинетомъ „приказано сочинить докладъ, чтобъ доимочному приказу не быть, а тѣ всѣ доимочныя дѣла снесть въ канцелярію конфискаціи и учинить о дѣлахъ того доимочнаго приказа особливую экспедицію“ (т. IV, стр. 535). А 23 Декабря 1735 г. состоялся указъ (П. С. З. № 6849) о присоединеніи доимочнаго приказа къ канцеляріи конфискаціи, потому что „въ обоихъ оныхъ мѣстахъ одна доимка взыскивается“. Доимочный приказъ, по его инструкціи, былъ въ сущности канцеляріей Маслова, и потому съ его смертью, долженъ былъ прекратить свою дѣятельность независимо отъ причины, указанной въ указѣ № 6849.

4) Особая Доимочная Канцелярія. Особая Доимочная Канцелярія была учреждена впервые при Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ по указу отъ 24 Февраля 1727 г. (Барановская опись С. А. № 2076) съ функціями закрытаго въ томъ году доимочнаго приказа. Въ слѣдующемъ 1728 году, послѣдовалъ указъ В. Т. С. отъ 22 Іюля 1728 г. № 5312, „о бытіи доимочной канцеляріи въ вѣдѣніи Сената“. А 4 Декабря 1730 г. (П. С. З. № 5652) Доимочная Канцелярія была закрыта, и отписные дворы и пожитки отданы въ канцелярію Конфискаціи.

5) Канцелярія Конфискаціи. Учрежденіе Канцеляріи Конфискаціи было предположено еще Петромъ I, затѣмъ при Петрѣ II въ 1729 году уже состоялся объ этомъ указъ, но не былъ при-

веденъ въ исполненіе. Анна Іоанновна учредила эту Канцелярію въ первый же годъ своего царствованія—27 Іюня [1]) 1730 г. (П. С. З. № 5601). Вѣдѣнію ея подлежали всѣ отписные и выморочные дворы, деревни, лавки и всякіе пожитки и конфискованные товары и *доимочно* правежъ на сборщикахъ и расходчикахъ другихъ людяхъ по подрядамъ, откупамъ какого бъ званія оныя ни были, кромѣ подушныхъ. 4 Декабря 1730 г. (П. С. З. № 5652) была закрыта доимочная канцелярія, и отписные дворы и пожитки отданы въ Канцелярію Конфискаціи.

И наконецъ 23 дек. 1735 г. былъ присоединенъ къ Канцеляріи и доимочный приказъ.

Канцелярія Конфискаціи, какъ видно изъ Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго Кабинетомъ Сенату 2 Авг. 1737 г. (т. VI, стр. 486), *представляла выписки о доимкахъ съ своимъ мнѣніемъ на разрѣшеніе въ Сенатъ*. Но Сенатъ велъ дѣло чрезвычайно медленно: съ 733 г. по 2 Августа 1737 г. было послано изъ Канцеляріи въ Сенатъ къ разсмотрѣнію „52 выписки съ мнѣніемъ, да 4 допошенія и I подлинное дѣло, на которыя указа и по се время не получено“, что, по допошенію Канцеляріи, вызвало подтвержденіе Сенату отъ Высочайшаго имени. Помимо Сената Канцелярія Конфискаціи входила въ непосредственныя сношенія съ Кабинетомъ и довольно часто испрашивала его указаній по различнымъ доимкамъ, а равно представляла ему свѣдѣнія о взысканныхъ доимкахъ [2]). Изъ числа донесеній Канцеляріи Кабинету слѣдуетъ отмѣтить слѣдующія. Напр. 28 Авг. 1737 г. отъ нея поступила вѣдомость доимкамъ, которыхъ взыскивать не велѣно до полученія сенат. указа, съ просьбой разъяснить, „оныя нынѣ взыскивать ли“ (VI т., стр. 529 и 530), Канцеляріи, очевидно, хотѣлось болѣе точно опредѣлить ея отношенія къ Сенату и свой кругъ обязанностей, тѣмъ болѣе въ виду поступившихъ къ ней челобитныхъ по доимкамъ. Этимъ объясняется допошеніе Завѣдывающаго Канцеляріей, гр. Мусина-Пушкина отъ 25 Октября 1737 г., „чтобъ о доимкахъ разсмотрѣніе имѣть въ Прав. Сенатѣ, понеже присутствуетъ немалое число персонъ и довольное число приказныхъ служителей, отчего могутъ и скорѣйшую резолюцію учинить, нежели ему одному“ (VI т., стр. 581—582). По тому же

---

[1]) Напечатана Инструкція 7 Августа 1730 г.

[2]) VII т., стр. 22, 116, 119, 178, 182, 271, 278, 388, 389, 210, 211, 248, 417, 419. VIII т., 308, 106, 309, 345, 361, 377, 409-411, 447, 501, 502, 512, 111. IX—209, 210, 214, 227, 228, 257, 276, 307, 452, 454, 473, 478, 569. 556. X—76, 77, 107, 298, 269, 415. XI—92, 226.

вопросу поступилъ и сенатскій докладъ, и министры, 30 Сентября 37 г., наложили на немъ такую резолюцію: „конфискація для правежа только учреждена“ (П. С. З. № 7388). Но позже, по сенатскому же докладу, права канцеляріи были расширены, и Министры, въ своей резолюціи 16 Марта 1738 г. (П. С. З. № 7539), сдѣлали распоряженіе: рѣшать доимочныя дѣла (кромѣ подушной подати) въ Канцеляріи Конфискаціи и представлять въ Сенатъ только тогда, когда „оная канцелярія чего разрѣшить сама не будетъ въ состояніи“. Но Канцелярія Конфискаціи, какъ указано выше, въ затруднительныхъ случаяхъ, представляла дѣло на разрѣшеніе въ Кабинетъ.

Канцелярія Конфискаціи сначала находилась въ Москвѣ. Но Кабинетъ Министровъ нашелъ это неудобнымъ. „Понеже Сенатъ обрѣтается здѣсь при присутствіи Нашемъ (Императрицы) въ С-Петербургѣ, а въ Москвѣ оставлена сенатская контора, и для того и канцеляріи конфискаціи надлежало быть здѣсь при Сенатѣ, а въ Москвѣ, при сенатской конторѣ, надлежало остаться конторѣ. Но то Сенатъ весьма неосмотрительно учинилъ, что оную канцелярію въ Москвѣ оставилъ. „Поэтому указомъ 11 Мая 1737 г., за подписью Императрицы, повелѣно Сенату“ канцеляріи конфискаціи быть здѣсь, въ С-Петербургѣ, а въ Москвѣ быть конторѣ, однакожъ съ такимъ опредѣленіемъ, *чтобъ какъ въ канцеляріи*, такъ и въ конторѣ равное дѣйство по инструкціи происходило, и чтобъ та *контора* по вся мѣсяцы репортовала о всѣхъ чинимыхъ дѣлахъ (въ) канцеляріи конфискаціи, а *канцелярія конфискаціи*, для сообщенія и извѣстія, по тому жъ по вся мѣсяцы, посылала бъ при указахъ въ тое контору обо всемъ вѣдомости, когда бы она отъ другой могли извѣстны быть, что гдѣ учинено“ (т. VI, стр. 284).

6) Камеръ-коллегія. 23 Іюня 1731 г. утвержденъ (П. С. З. № 5789) новый регламентъ камеръ-коллегіи, къ обязанности которой было отнесено (п. 3-й) имѣть въ платежѣ „доимочныхъ денегъ крѣпкое взысканіе“. По таможеннымъ и кабацкимъ сборамъ, всякимъ пошлинамъ и оброчнымъ статьямъ камеръ-коллегіи вмѣнено въ обязанность „всячески стараться, дабы оные доходы пріумножены были, а особливо тѣ, которые безъ народной тягости быть могутъ, и по вся годы исправно и *бездоимочно* въ казну Нашу доходили“ (п. 1-й). Въ отношеніи подушныхъ податей камеръ-коллегія должна была вести окладныя книги и „получать отъ губернаторовъ полугодовые рапорты, за общей подписью воеводскою и обрѣтающихся на вѣчныхъ

квартирахъ офицеровъ, сколько гдѣ на которую половину въ сборѣ *и что въ доимкѣ и для чего осталось*“ (п. 5-й), а по остальнымъ сборамъ—третные репорты (п. 33)

Если подушная подать не уплачивалась въ срокъ. т. е. образовывалась уже доимка, „и буде жъ по той экзекуціи вскорѣ платить не станутъ“, объ этомъ воеводы должны были рапортовать губернаторамъ, а губернаторы—камеръ-коллегіи, камеръ-комлегія же доносила Сенату (п. 6-й).

Затѣмъ камеръ-коллегіи ставилось въ обязанность „губернаторамъ, новымъ воеводамъ и сборщикамъ накрѣпко указами подтверждать, чтобы оные, какъ настоящіе сборы, такъ и прошлыхъ лѣтъ *оставшіе изъ доимки* тщательно собирали“ (п. 8-й).

Такимъ образомъ, по Регламенту, „вышнее надзираніе“ надъ всѣми доимками должна была имѣть камеръ-коллегія.

Съ 12 Декабря 1731 г. въ отношеніи подушныхъ податей наблюденіе и взысканіе возложены и на генеральный кригсъ комминссаріатъ.

7) Генеральный Кригсъ - Коммиссаріатъ.

По Инструкціи, утвержденной 12 Дек. 1731 г. (П. С. З. № 5904), весь подушный сборъ съ 731 года „опредѣленъ въ дирекцію Генеральнаго кригсъ - коммиссаріата“. Взысканная на вѣчныхъ квартирахъ доимка, а равно остаточныя въ полкахъ деньги подлежали отсылкѣ въ генеральный кригсъ - коммиссаріатъ (п. 4 и 5). О приходѣ и расходѣ полковники должны были отправлять полугодовые отчеты въ Коммиссаріатъ, а послѣдній—въ Сенатъ.

Коммиссаріатъ долженъ былъ имѣть окладныя книги съ указаніемъ „которые полки и въ которыхъ же уѣздахъ по дистриктамъ расположены и колико на оные на который полкъ мужеска полу душъ и съ нихъ подушныхъ денегъ“. По рапортамъ дѣлались въ книгахъ отмѣтки, „дабы платежъ и доимка всегда видимы были и тое доимку выносить изъ году въ годъ въ доимочныя книги съ достовѣрнымъ свидѣтельствомъ, чтобъ въ той какой пропопки и излишней приписки не было, *и взыскивать оную доимку безъ утущенія*, и какъ по репортамъ выбрана будетъ, по тому жъ взятье очищать“ (п. 8.).

26 Января 1736 г. утвержденъ докладъ Сената (П. С. З. № 6872) о соединеніи Коммиссаріата съ военной коллегіей, при чемъ „сборъ подушныхъ денегъ и что до того сбора касается“ возложенъ на контору Генералъ-кригсъ-коммиссаріатскую, куда и должны были поступать ежемѣсячные рапорты о сборѣ денегъ отъ губернаторовъ и воеводъ.

8) Губернаторы и воеводы. По Регламенту камеръ-коллегіи (П. С. З. № 5789) подушный сборъ и взысканіе доимки были возложены на губернаторовъ и воеводъ. Взысканіе прочихъ доимокъ по оброчнымъ статьямъ, по Инструкціи доимочному приказу, относилось также къ ихъ обязанности. Объ этомъ подтверждалось въ каждомъ указѣ по доимкамъ, Такимъ образомъ губернаторы и воеводы на мѣстахъ являлись активными полномочными дѣятелями по взысканію доимокъ. Они были настоящими хозяевами этого дѣла. Сообразно съ такимъ положеніемъ, и вся отвѣтственность за невзысканіе возлагалась на нихъ.

Въ отношеніи подушныхъ податей составъ ихъ сотрудниковъ, какъ подробно изложено въ главѣ VII-й, былъ особенно неустойчивъ. Въ началѣ собирали деньги одни земскіе коммиссары, поставленные въ прямую зависимость отъ воеводъ. Но это продолжалось очень недолго: въ 1731 году ихъ упразднили, и сборъ доимки сталъ производиться съ участіемъ воинскихъ командъ. 26 Января 1736 г. полковыхъ офицеровъ устранили отъ сбора („отъ полковъ офицерамъ не быть“), а къ губернаторамъ и воеводамъ „для сихъ токмъ однихъ дѣлъ“ опредѣлили отставныхъ офицеровъ по 1—2 человѣка на уѣздъ и „сбирать имъ тѣ подушныя деньги каждому съ своего уѣзда, хотя бъ который уѣздъ и не на одинъ полкъ положенъ былъ“. При воеводахъ прибавлено, для сбора податей и искорененія воровъ около 3000 солдатъ разсыльщиковъ.

9) Губернскіе прокуроры. Сенатъ, представляя Императрицѣ на утвержденіе новую Инструкцію прокурорамъ, доложилъ, что въ „прежнюю должность“ дополнено о смотрѣніи за тѣмъ, дабы губернаторы и воеводы доимку не запускали (3 Сент. 1733 г., т. II, стр. 415 и 416). И, дѣйствительно, въ Инструкціи прокурорамъ, утвержденной 3 Сентября 1733 г. (П. С. З. № 6475) имѣется спеціально финансовый пунктъ (5-й), гдѣ сказано: „имѣть крѣпкое смотрѣніе, чтобъ губернаторъ съ товарищи о всей своей губерніи всѣмъ доходамъ. какого бъ оные званія не были, имѣлъ окладную книгу не токмо по городамъ и уѣздамъ, но и каждаго мѣста всякому доходу подробно, и *чтобъ тѣ всѣ доходы въ казну сбираны были на опредѣленные сроки сполна безъ доимки*“.

По этой Инструкціи (п. 7-й) прокуроръ доноситъ Генералъ-Прокурору, „и единымъ словомъ сей чинъ—око генерала прокурора въ той губерніи“.

О „смотрѣній“ прокуроровъ за доимкой въ „бумагахъ“ свѣдѣній нѣтъ. Но среди прокуроровъ встрѣчались такіе, которые и сами доимки не платили. Напр. подполковникъ Анненковъ, спеціально занимавшійся наборомъ рекрутъ и лошадей [1]) прислалъ въ Кабинетъ доношеніе (VII т., стр. 267 и 268), что „Нижегородскій прокуроръ Семенъ Полочаниновъ съ деревень своихъ и племянниковъ своихъ никакихъ податей многое время, невѣдомо для чего, не платитъ“. А поручикъ Селиверстовъ, донося о доимкѣ Полочаниновыхъ, добавилъ: „и во взысканіи чинятся противны“ (т. VII, стр. 282). Послѣ того началось слѣдствіе. Полочаниновъ былъ лишенъ мѣста, его пожитки описаны и самаго взяли подъ караулъ (VII т., стр. 372, 408, 423, 487, 493; VIII т., стр. 16, 54, 67, 106, 177, 216, 346, 349; IX т., 3, 363).

10) Полковники и офицеры, обрѣтающіеся на вѣчныхъ квартирахъ.

31 Октября 1730 г. послѣдовалъ именной указъ (II. С. З. № 5638) о томъ, чтобы съ 731 года подушный сборъ съ крестьянъ положить „на Полковниковъ съ офицеры“, находящихся на вѣчныхъ квартирахъ. Ихъ дѣйствія предусмотрѣны въ Регламентѣ камеръ-коллегіи (П. С. З. № 5789), а затѣмъ—въ Инструкціи Генеральному Кригсъ-коммиссаріату (П. С. З. № 5904). Главной ихъ обязанностью по Регламенту было „смотрѣніе“ за сборомъ, а затѣмъ совершеніе экзекуціи—въ случаѣ неплатежа денегъ въ срокъ, т. е. образованія доимки. По Инструкціи же полковники должны были сами вести оклади. книги и собирать съ дистриктовъ каждый на свой полкъ и отсылать деньги въ Коммиссаріатъ, а при неуплатѣ совершать экзекуціи, порядкомъ, указаннымъ въ Регламентѣ.

23 Января 1735 г. экзекуція, какъ постоянная мѣра, упразднена. А 26 Января 1736 г. (П. С. З, № 6872) воинскія команды устранены отъ сбора.

11) Офицеры, обрѣтающіеся у слѣдствія адмиралтейской доимки.

Въ 1735 году возникъ вопросъ о причинахъ недосыла болѣе милліона рублей сборовъ, положенныхъ на адмиралтейство. Тогда, по указу, подписанному Министрами 6 Марта 1735 г. (т. IV, стр. 72), было велѣно „о той доимочной суммѣ слѣдствіе произвести опредѣленнымъ въ тѣхъ провинціяхъ отъ адмиралтейства офицерамъ“. Но результатъ

---

[1]) VII т. стр. 239, 270, 328, 358, 424.

этого слѣдствія получился неудовлетворительный. Показанныя при слѣдствіи обстоятельства, какъ видно изъ доклада адмиралтейской коллегіи, сдѣланнаго въ 1737 году, выяснили, что „ежели будетъ *на одномъ воеводскомъ смотрѣніи*, то впредь лучшему исправленію быть безнадежно". Поэтому коллегія предложила: „для лучшаго, дабы многіе непорядки и упущенія миноваться могли, а адмиралтейская сумма бездоимочно приходила, чтобъ повелѣно было по всѣмъ адмиралтейскимъ сборамъ, что *ко смотрѣнію и ко взысканію прилично, обще съ воеводами посланнымъ отъ адмиралтейства офицерамъ вѣдать*". На это послѣдовало согласіе Императрицы 5 Марта 1737 г. (П. С. З. № 7193).

Сначала Кабинетъ Министровъ пользовался экстрактами изъ доношеній офицеровъ адмиралтейской коллегіи (VI т., стр. 181), а съ 1738 года донесенія офицеровъ стали поступать въ Кабинетъ непосредственно. Съ этого времени, по „бумагамъ", дѣлается извѣстнымъ терминъ „обрѣтающіеся у слѣдствія адмиралтейской доимки офицера"—наименованіе, которое пишется въ ихъ донесеніяхъ. Это наименованіе часто пишется съ выпускомъ слова „адмиралтейской", а иногда просто „обрѣтающихся у слѣдствія".

Въ 1738 году количество донесеній въ Кабинетъ было невелико. Въ 18 донесеніяхъ указывалось, сколько взыскано изъ доимки денегъ [1]); въ 6-ти увѣдомлялось о полученіи указа о взысканіи доимокъ, два касались времени подачи вѣдомостей о доимкѣ мѣстными властями (VIII т., стр. 258 и 503), а въ двухъ указывалось о сопротивленіи и насиліи въ Тульской провинціи, посланному для сбора доимки офицеру со стороны Дворянина Демидова (VIII т., стр., 143, 189 и 190). И, наконецъ, въ одномъ доношеніи, поданномъ Новгородскимъ вице-губернаторомъ и его товарищемъ, говорилось уже о непорядкахъ, чинимыхъ отъ самихъ „обрѣтающихся въ Новгородѣ у слѣдствія объ адмиралтейской доимкѣ офицеровъ" (т. VIII, стр. 262—264). По резолюціи Министровъ велѣно выслать этихъ офицеровъ въ Петербургъ (стр. 264).

Обязанности „обрѣтающихся у слѣдствія адмиралтейской доимки офицеровъ" не ограничивались однѣми только адмиралтейскими доимками. На нихъ возлагалось и участіе во взы-

---

[1]) Т. VIII 26, 61, 68, 71, 84, 93, 105, 144, 176, 262, 278, 345, 396, 415, 438, 439, 505, 514.

сканіи подушныхъ и прочихъ доимокъ [1]). Въ чемъ именно заключались ихъ обязанности по доимкамъ, опредѣленно указано въ донесеніи офицеровъ, обрѣтающихся въ Тульской провинціи при слѣдствіи адмиралтейской доимки: „указомъ изъ Кабинета В. И. В. повелѣно обрѣтающимся въ Тульской провинціи (вѣроятно, одинаково и въ другихъ провинціяхъ) при слѣдствіи адмиралтейской доимкѣ офицерамъ, по силѣ публикованныхъ печатныхъ указовъ о взысканіи подушныхъ и прочихъ доимокъ, *обще* съ губернаторами и воеводами и опредѣленными къ тому сборщиками, крайнѣйшее *стараніе имѣть и ихъ понуждать*, дабы никому ни для какой страсти послабленія не чинили, но со всѣми равно поступали, какого бъ кто достоинства ни былъ; а ежели что усмотрѣно будетъ, тогда на воеводъ писать къ губернаторамъ, а на губернаторовъ доносить Сенату, а о тѣхъ, отправленныхъ въ Сенатъ, доношеніяхъ въ Кабинетъ В. И. В. кратко рапортовать“ (24 іюля 1738 г., т. VIII, стр. 189). Такимъ образомъ адмиралтейскіе офицеры должны были побуждать воеводъ ко взысканію.

Ихъ привлекали и къ слѣдствію по неплатежу рекрутъ и лошадей (т. VIII, стр. 16). И затѣмъ на нихъ, по резолюціи Министровъ на донесеніи Сената, 5 марта 1738 г., было возложено весьма сложное порученіе составлять, по преподанной формѣ, чрезвычайно сложныя свѣдѣнія о всякихъ доходахъ— для составленія, на основаніи этого матеріала, окладной книги (т. VII, стр. 165). При такихъ сложныхъ и разносторонніхъ обязанностяхъ трудно было ожидать, чтобъ адмиралтейскіе офицера могли выполнить удовлетворительно не только всѣ, а хотя бы одну изъ своихъ обязанностей. И, дѣйствительно, вѣдомостей для окладной книги они не составили. А ихъ прямымъ обязанностямъ по адмиралтейской доимкѣ Министры дали такую оцѣнку: „*для взысканія доимокъ во всѣ губерніи и провинціи отправлены* изъ адмиралтейства нарочные офицеры и нѣсколько лѣтъ тамо обрѣтаются, изъ которыхъ посланы въ тѣжъ городы, гдѣ они и спомѣщены, которые не столько старались о взысканіи доимокъ, какъ о своихъ партикулярныхъ дѣлахъ, что ужъ и самымъ дѣйствомъ чрезъ доношеніе изъ Новгородской губерніи показано и въ Прав. Сенатъ для изслѣдованія

---

[1]) VIII т., стр. 26, 61, 83, 105. 176, 189, 366, 439, 505, 514, 654.
IX т.: 78, 262, 276, 279, 319, 347, 418, 477, 482, 518, 529, 564, 568, 573, 589.
X т.: 323. 326. 477.
XI т., стр. 271.

сообщено. Того ради весьма потребно изъ упомянутой (адмиралтейской) коллегіи взять извѣстіе: кто именно и въ которыя провинціи отправлены, и которыхъ городовъ они помѣщики, и такъ ли поступали, какъ данныя имъ инструкціи и указы повелѣваютъ, и сколько кто изъ доимки какихъ сборовъ взыскали, и какіе, по ихъ свидѣтельству, гдѣ непорядки явились“ (7 янв. 1739 г., т. IX, стр. 8).

26 декабря 1738 г. адмиралтейская коллегія представила донесеніе, въ которомъ опредѣлила сумму доимки съ 731 г. въ 2394605 р. $47^1/_2$ к. Между тѣмъ въ прежнихъ свѣдѣніяхъ показывалось въ доимкѣ по 735-й годъ всего лишь „болѣе милліона“. Громадная разница почти въ полтора милліона объясняется двумя причинами: во 1-хъ, прежнія свѣдѣнія были, несомнѣнно, невѣрны и, во 2-хъ, повидимому, и доимка не уменьшалась, а увеличивалась. „Обрѣтающіеся“ адмиралтейскіе офицеры, дѣйствительно, какъ справедливо отмѣчено въ резолюціи Министровъ, не принесли никакой пользы.

Въ 1739 году по „бумагамъ“ значатся поступившими въ *Кабинетъ 124 рапорта* [1]) адмиралтейскихъ офицеровъ, съ указаніемъ суммъ сбора доимки изъ разныхъ провинцій [2]). И въ этомъ году адмиралтейскіе офицеры выполняли на мѣстахъ самыя разнообразныя обязанности, и, кромѣ адмиралтейскихъ доимокъ, наблюдали за подушными и всякими иными доимками.

Суммы взысканныхъ доимокъ указываются не во всѣхъ рапортахъ; но тамъ, гдѣ онѣ указаны, цифры, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, выдѣляются своей мизерностью, напр., въ Углицкой провинціи за февраль взыскано „разныхъ сборовъ на прошлые годы“ 43 р. 90 к. (т. IX, стр. 262), а въ мартѣ (изъ какой провинціи—не указано) только 12 р. $55^3/_8$ к. (т. IX, стр. 389).

Дѣло затянулось и, повидимому, безнадежно. Тогда по именному указу, состоявшемуся 3 апрѣля 1739 г., было повелѣно: „морского флота офицеровъ, которые въ провинціяхъ у сбора къ адмиралтейству доходовъ не по ихъ должности опре-

---

[1]) IX т., стр.: 41, 103, 111, 78, 151, 210, 211, 213, 217, 237, 262, 263, 276, 279, 291, 319, 334, 347, 369, 374, 375, 377, 378, 380, 387, 388, 389, 418, 426, 469, 471, 482, 510, 517, 518, 521, 528, 529, 551, 564, 568, 573, 589; X т.: 2, 21, 42, 47, 48, 54, 61, 83. 110, 156, 197, 219, 267, 268, 323, 326, 341, 400, 419, 423, 434, 444, 445, 476, 477, 497, 517, 539, 542, 564, 573, 591, 592, 594, 614, 615, 622, 655, 656, 663, 692.

[2]) Астраханской, Бѣлогородской, Вологодской, Бѣлозерской, Вятской, Воронежской, Владимірской, Костромской, Переяславской, Любима, Тульской, Свіяжской, Суздальской, Калужской, Угличской, Ярославской и Уфимской.

дѣлены, отослать по прежнему во флотъ и впредь, безъ особливаго указа, такихъ морскихъ офицеровъ, кромѣ настоящихъ по ихъ искусству службы, къ инымъ дѣламъ отнюдь не употреблять“, а вмѣсто ихъ опредѣлить, „сыскавъ такихъ людей, которые оныя дѣла могутъ исправить“. По этому поводу адмиралтейская коллегія предложила послать „изъ морскихъ солдатскихъ полковъ и артиллерійскихъ офицеровъ и ихъ коммисаровъ, которые до морского искусства не принадлежатъ“. Министры представили „о томъ Прав. Сенату учинить по своему разсмотрѣнію“ (т. X, стр. 123—125).

Доношенія по адмиралтейской доимкѣ встрѣчаются и въ 1740 году. Поступали, между прочимъ, доношенія полковника Вельяминова съ жалобой на мѣстныхъ властей въ Бѣлгородской губ., которые доимки не взыскивлютъ и „явные презрители и противники и ослушники Ея И. В. указовъ“ (XI т., стр. 372—375, 520 и 572—576). Затѣмъ почти къ концу царствованія Анны (11 сентября 1740 г. П. С. З. № 7901) налагается на доношенія находящагося въ Бѣлозерской провинціи у слѣдствія адмиралт. и прочихъ доимокъ капитана Ушакова [1]) резолюція Министровъ: „о подтвержденіи Бѣлозерской провинціальной и каргопольской и устюжны-желѣзнопольской воевод. канцеляріямъ о неослабномъ взысканіи всякихъ доимокъ прошлыхъ лѣтъ“.

12) Гвардейскіе офицеры. Проф. Ключевскій, указывая на то, что при Аннѣ Іоанновнѣ „устроена была доимочная облава на народъ: снаряжались вымогательныя экспедиціи“, отводитъ въ этомъ случаѣ видное мѣсто участію гвардіи. По его словамъ, „подпирая собой иноземное иго, гвардія услужила бироновщинѣ и во взысканіи недоимокъ: гвардейскіе офицеры ставились во главѣ вымогательныхъ отрядовъ. Любимое дѣтище Петра, цвѣтъ созданнаго имъ войска, гвардеецъ явился жандармомъ и податнымъ палачомъ пришлаго проходимца. Лойяльными гвардейскими штыками покрывались ужасы, какихъ надѣлали разпузданные народнымъ безсиліемъ пришельцы“ (IV ч., „Рус. Ист.“, стр. 393 и 394).

Въ „бумагахъ“ встрѣчаются донесенія гвардейцевъ о количествѣ собранныхъ доимокъ, представленіе вѣдомостей о ходѣ взысканія и т. п., и вообще, при бѣгломъ обзорѣ, какъ будто замѣчаются нѣкоторые слѣды участія гвардейцевъ въ сборѣ

---

[1]) Донесеніе капитана Ушакова въ 1740 году: XI т., стр. 271, 301, 547.

домокъ. Это обстоятельство, въ связи съ вышеприведеннымъ отзывомъ проф. Ключевскаго, побудило составить особый сводъ всѣхъ донесеній гвардейцевъ, какія только отмѣчены въ „бумагахъ“ и касаются домокъ (приложеніе въ концѣ). Изъ этого свода выясняются по „бумагамъ“ слѣдующія данныя.

Всего поступили въ Кабинетъ донесенія отъ 38 гвардейцевъ, въ томъ числѣ 28—отъ офицеровъ и 10—отъ нижнихъ чиновъ. По чинамъ они распредѣляются такимъ образомъ:

1) офицеры:

капитанъ-поручикъ	1
капитаны	2
поручики	6
подпоручики	5
корнеты	2
прапорщики	11
подпрапорщики	1 [1])
	28

2) нижніе чины:

капралы	2
каптенармусы	2
фурьеры	3
вахмистры	2
рейтаръ	1
	10

При сравненіи донесеній офицеровъ и нижнихъ чиновъ обращаетъ на себя вниманіе та наиболѣе важная особенность, что дѣятельность офицеровъ пріурочивалась, преимущественно, къ какому-либо опредѣленному одному пункту, а нижніе чины (за нѣкоторыми исключеніями) часто переѣзжали съ мѣста на мѣсто. Отсюда невольно возникаетъ представленіе о роли нижнихъ чиновъ, какъ простыхъ курьеровъ и нарочныхъ, посланныхъ для полученія извѣстныхъ бумагъ. Такое предположеніе являлось тѣмъ болѣе естественнымъ, что еще при Петрѣ II послѣдовалъ указъ Верховнаго Тайнаго Совѣта отъ 21 августа 1727 г. № 2508 „о назначеніи въ камеръ-коллегію изъ гвардіи 9 человѣкъ унтеръ-офицеровъ и солдатъ *для посылокъ въ провинціи съ понужденіями* губернаторовъ и воеводъ по сбору подушныхъ денегъ“. При детальномъ изслѣдованіи донесеній

---

[1]) Подпрапорщикъ помѣщенъ въ группѣ офицеровъ, въ виду его большей близости къ послѣдней, чѣмъ къ нижнимъ чинамъ.

выяснилось, что, изъ нижнихъ чиновъ, 6 человѣкъ, дѣйствительно, являлись простыми курьерами, ѣздившими съ различными порученіями, о результатѣ которыхъ они доносили непосредственно Кабинету. Послѣднему же представляли, между прочимъ, и вѣдомости о доимкахъ [1]), но сами участія во взысканіи не принимали.

Два нижнихъ чина доставили вѣдомости только по одному разу и, очевидно, выполнили это порученіе случайно попутно съ своими другими обязанностями [2]). И лишь одинъ вахмистръ

[1]) 1) 24 декабря 1738 г. полученъ въ Кабинетѣ репортъ капрала Нестерова, что „онъ *на Вологдѣ былъ* и, *оттуда ѣдучи къ Москвѣ, наѣхалъ* маршрующихъ оттуда къ рекрутъ и лошадей, при которыхъ обрѣтающимся *командирамъ объявилъ указъ, чтобъ маршировали съ поспѣшеніемъ, а самъ поѣхалъ къ ген.-фельдмаршалу гр. ф.-Миниху*“ (т. VШ, стр. 504). А 31 декабря 1738 г. значится отмѣченнымъ „репортъ изъ Вологды капрала Нестерова и при томъ вѣдомости, сколько тамо собрано и куда съ кѣмъ отправлено рекрутъ и лошадей, и, съ полученія указа, денегъ изъ доимки взыскано“ (стр. 514). Больше о немъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній

2) Каптенармусъ Афросимовъ отмѣченъ въ „бумагахъ“ 2 раза: 1-й разъ полученъ его репортъ 24 дек. 1738 г. изъ Юрьева Польскаго (т. VШ, стр. 504), а 2-й—23 янв. 1739 г. изъ Нижняго Новгорода (т. IX, стр. 58), въ обоихъ случаяхъ съ представленіемъ вѣдомостей о сборѣ рекрутъ, лошадей и доимки денегъ.

3) Фурьеръ Карабановъ упомянутъ только одинъ разъ—17 января 1739 г. (т. IX, стр. 40), когда значатся полученными отъ него изъ Арзамасской провинціи вѣдомости о сборѣ рекрутъ, лошадей и доимки денегъ.

4) Отъ фурьера Ивана Карпова получены доношенія: 1-е 12 декабря 1738 г.—изъ Новгорода (т. VШ, стр. 482 и 483), 2-е 16 дек. 1738 г.—изъ Твери (т. VШ, стр. 486), 3-е изъ Москвы 24 дек. 1738 г. (т. VШ. стр. 503),—во всѣхъ трехъ случаяхъ съ представленіемъ вѣдомостей о сборѣ рекрутъ, лошадей и доимочныхъ денегъ и 4-е, что „наѣхалъ онъ въ Орлѣ рекрутъ съ поручикомъ Кувязевымъ и о скорѣйшемъ маршѣ указъ объявилъ ему съ подписью“ (т. IX. стр. 120).

5) Фурьеръ Корабовскій прислалъ два доношенія: 28 января 1739 г.—изъ Алатыря (т. IX, стр. 78) и 11 февраля 1739 г.—изъ Симбирска (т. IX, стр. 120), въ обоихъ случаяхъ съ представленіемъ вѣдомостей о сборѣ рекрутъ, лошадей и доимочныхъ денегъ.

6) Вахмистръ Румянцевъ, въ своихъ репортахъ, наиболѣе рельефно проявилъ свои функція курьера. Отъ него въ 1739 г. получены вѣдомости о рекрутахъ, лошадяхъ и доимкѣ изъ разныхъ городовъ: а) 11 января, взятыя имъ отъ офицеровъ въ Пензѣ“ (т. IX, стр. 29). б) 17 января—изъ Казани (т. IX. стр. 39), в) 19 февраля изъ Вятки (т. IX, стр. 141) и г) 27 февраля—изъ Кунгура, причемъ сдѣлалъ два весьма характерныхъ доношенія: а) „что, по требованію его, обрѣтающійся у Соли Камской у подушнаго сбора маіоръ Мордвиновъ вѣдомостей не присылаетъ и тѣмъ учинился противенъ указу“ и б) что „онъ же Румянцевъ, наѣхалъ въ Кунгурѣ отправленнаго изъ Сибири съ рекрутами прапорщика Корсунскаго, который находится въ великомъ шумствѣ и непорядкахъ и отъ несмотрѣнія его двое рекрутъ сбѣжали“ (т. IX, стр. 210).

[2]) Каптенармусъ Кудрявцевъ занимался, очевидно, спеціально сборомъ рекрутъ и лошадей въ Ярославлѣ, о чемъ посылалъ вѣдомости въ Кабинетъ (VШ т., стр. 505 и IX т., стр. 2, 23, 38, 57, 84, 211 и 219) и, между прочимъ, дважды прислалъ вѣдомости о сборѣ по Ярославской провинціи доимки сборовъ, рекрутъ и лошадей (т. VIII, стр. 493) и о суммѣ взысканной доимки (т. IX, стр. 217).

О капралѣ Алексѣевѣ имѣется только одна отмѣтка въ журналѣ за 28 ноября 1738 г,. что Министры приказали: „изъ конфискаціи взять экстрактъ изъ полученнаго доношенія изъ Лукъ Великихъ лейбъ-гвардіи отъ капрала Алексѣева о взысканіи доимокъ“ (т. VIII. стр. 446 и 447).

Отъ рейтара кн. Кугушева только однажды (17 сент. 1738 г.) были получены репорты о доимкахъ (VIII т., стр. 242 и 243).

Жемчужниковъ 3 раза писалъ о доимкахъ (т. VII, стр. 275, 303 и 478), но прямымъ его занятіемъ былъ сборъ рекрутъ и лошадей, а доношенія его по доимкамъ надо признать также случайными.

Такимъ образомъ имѣющими отношеніе къ доимкамъ слѣдуетъ считать только однихъ офицеровъ [1]).

Изъ 28 офицеровъ трое принадлежали къ Преображенскому полку (капитанъ Юрьевъ, Прапорщикъ Щепотьевъ и капитанъ-поручикъ Орловъ), трое—къ Измайловскому (поручикъ Перепечинъ, поручикъ Кайсаровъ и прапорщикъ Бунинъ) и двое къ конному (поручикъ Леонтьевъ и корнетъ Елагинъ). У остальныхъ полкъ не былъ поименованъ.

По своду донесеній видно наглядно, что изъ числа 28 офицеровъ [2]) 19 занимались первоначально спеціально сборомъ рекрутъ и лошадей, а съ 1738 года началась ихъ дѣятельность и по доимкамъ, но попутно съ ихъ прежнимъ дѣломъ четверо [3]) начали одновременно и по сбору рекрутъ и лошадей и по доимкамъ и двое (Ушаковъ и Орловъ)—сначала по доимкамъ, а затѣмъ вскорѣ и по рекрутамъ и лошадямъ. И только 3 человѣка (Тыртовъ, Стрекаловъ и Загряскій) занимались однѣми доимками, при чемъ изъ нихъ у Тыртова занятія доимками въ Суздальск. пров. явились какъ бы продолженіемъ его командировки для слѣдствія надъ мѣстнымъ воеводой о запущенной имъ доимкѣ (т. IX, стр. 125, 263, 292); участіе Стрекалова ограничилось однимъ рапортомъ. Такимъ образомъ участіе этихъ двухъ лицъ въ доимкахъ явилось случайнымъ. Что касается Загряскаго, то въ отношеніи его остались невыясненными причины ограниченія его дѣятельности исключительно доимками. Но одно исключеніе доказываетъ лишь наличіе противоположнаго ему общаго порядка.

Главной обязанностью гвардейскихъ офицеровъ въ теченіе всей ихъ дѣятельности на мѣстахъ былъ сборъ рекрутъ и лошадей. Доимки явились къ этому главному дѣлу только при-

---

[1]) Въ бумагахъ, кромѣ гвардейскихъ, встрѣчаются еще доношенія по доимкамъ капитана Ингерманландскаго полка Арцыбашева и капитана Петербургскаго гарнизона Сназина, занимавшихся сборомъ рекрутъ и лошадей, но у 1-го было только одно доношеніе по доимкамъ (т. VII, стр. 284), а у другого четыре (т. VII, стр. 127, 347; т. VIII стр. 105, 107), но и его участіе въ доимкахъ было видимо также случайно. Доношенія по сбору рекрутъ и лошадей: 1) Арцыбашева—т. VI, стр. 751, т. VII—46, 71, 126, 284, 2) Сназина т. VII, стр. 107, 127, т. VIII—105 и 246.

[2]) Волковъ, Елагинъ, Егуповъ-Черкасскій, Жеребцовъ, Зубовъ, Кайсаровъ, Кудрявцевъ, Крюковскій, Леонтьевъ, Майковъ, Перепечинъ, Юрьевъ, Бунинъ, Воейковъ, Головинъ, Нармацкій, Нарышкинъ, Обуховъ, и Щепотьевъ.

[3]) Гурьевъ, Ермолаевъ, Коновницынъ, и Селиверстовъ.

даткомъ. Такъ смотрѣло на это дѣло и само правительство. Помимо приведенныхъ выше доказательствъ, заключающихся въ донесеніяхъ офицеровъ, это положеніе подтверждается слѣдующими памятниками: 1) докладомъ Кабинету лейбъ-гвардіи подполковника Ушакова, внесеннымъ имъ въ 1739 году по вопросу о возвращеніи гвардейскихъ офицеровъ къ командамъ (П. С. З. № 7778). Ушаковъ опредѣлилъ ихъ дѣятельность такимъ образомъ: „лейбъ гвардіи полковъ Вашего Императорскаго Величества оберъ-офицеры обрѣтаются нынѣ въ городахъ у *набора рекрутъ и у прочихъ дѣлъ* давнее время, которые отъ полковъ посланы въ разныхъ городахъ“. Какія это прочія дѣла, Ушаковъ даже не упомянулъ. И только изъ резолюціи Министровъ на докладѣ видно, что это была доимка. Министры положили такую резолюцію: „понеже сборъ рекрутъ и лошадей почти вездѣ оканчиваются и осталось въ доимкѣ малое число, того ради опыхъ офицеровъ возвратить къ полкамъ, а доимочныхъ рекрутъ и лошадей, тако-жъ и прочія всякаго званія доимки, велѣть взыскивать губернаторамъ и воеводамъ“. 2) О томъ, что гвардейскіе офицеры были отправлены для набора рекрутъ, упоминается и въ указѣ отъ 14 Іюня 1738 г. (П. С. З. № 7596). 3) Въ указѣ отъ 4 Іюня 1739 г. (П. С. З. № 7832) сказано такимъ образомъ: „взысканіе доимокъ поручить губернаторамъ и воеводамъ съ ихъ товарищами, *обще съ офицерами, которые для набору рекрутъ и лошадей*, а въ другихъ мѣстахъ для того жъ взысканія адмиралтейскихъ доимокъ обрѣтаются“. Кто собственно долженъ былъ взыскивать доимки, въ указѣ № 7832 сказано опредѣленно, въ связи съ функціями офицеровъ: „а ежели они, губернаторы и воеводы и ихъ товарищи во взысканіи томъ будутъ слабо поступать и поноровку чинить и до того срока всю сполна не взыщутъ, *а вышеупомянутые офицеры не станутъ ихъ понуждать* или, увидя какіе непорядки, не будутъ на нихъ доносить, тогда выше упомянутая доимка, мимо самихъ должниковъ и другихъ, доправлена будетъ на губернаторахъ и воеводахъ и на ихъ товарищахъ и офицерахъ, расположена на всѣхъ по равнымъ частямъ, а офицеры, яко преступники, по указамъ суждены будутъ военнымъ судомъ“. Слѣдовательно, активная роль взысканія принадлежала губернаторамъ и воеводамъ, а офицеры должны были только *смотрѣть* за ними и *понуждать ихъ* ко взысканію.

Въ донесеніяхъ офицеровъ часто упоминается о полученіи ими указа о взысканіи доимокъ. Въ нѣкоторыхъ записяхъ со-

держаніе указа излагается довольно полно. напр. 24 Іюня 1738 г. полученъ „репортъ изъ Новгорода гвардіи поручика Семена Кайсарова о полученіи указа о взысканіи доимокъ и о сочиненіи о томъ именныхъ вѣдомостей и объ отсылкѣ оныхъ въ Прав. Сенатъ, тако жъ и для вѣдома въ Кабинетъ“ (т. VII, стр. 502). Поэтому можно предѣленно сказать, что здѣсь имѣется въ виду указъ отъ 24 Января 1738 г. № 7494, который велѣно публиковать во всемъ государствѣ печатными указами и гдѣ содержится требованіе о представленіи именныхъ вѣдомостей въ Сенатъ „и таковы жъ для вѣдѣнія въ Кабинетъ“. Тотъ же указъ, очевидно, имѣли въ виду и другіе офицеры, увѣдомлявшіе въ 1738 году о полученіи его [1]). Разница во времени увѣдомленій объясняется степенью отдаленности мѣста командировки офицеровъ.

Но офицеры получали изъ Кабинета и такіе указы, которые были адресованы только однимъ имъ непосредственно и не встрѣчаются въ П. С. З. Въ „бумагахъ“ имѣются объ этомъ указанія совершенно опредѣленныя. 12 Іюля 1738 г. прапорщикъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка Андрей Волковъ послалъ въ Кабинетъ репортъ о слабомъ взысканіи устюжскимъ воеводой, а изъ репорта видно слѣдующее: „по присланному изъ онаго Кабинета Ея И. В-ва высокому указу, писанному прошедшаго Іюня 9-го здѣсь мною полученному Іюля 5-го числа *о взысканіи всѣхъ доимокъ о имѣніи мнѣ крайняго стараніе, обще съ воеводою* и опредѣленными къ тому сборщики, *и ихъ понуждать*, дабы никому ни для какой страсти и послабленія не чинили, но со всѣми равно поступали, какого бъ кто достоинства ни былъ; а ежели *усмотримъ*, что будетъ чинить кому для чего нибудь *поноровку*, тогда на воеводъ писать къ губернаторамъ, чтобъ ихъ за такіе слабые поступки штрафовали по указамъ, а на губернаторовъ доносить Прав. Сенату, и о тѣхъ отправленныхъ въ Сенатъ доношеніяхъ, въ оный Кабинетъ Е. И. В. кратко репортовать“ (VIII т., стр. 265 и 266). Указъ отъ 9 Іюня 1738 года, данный Кабинетомъ и приведенный въ доношеніи Волкова,

---

[1]) Коновницынъ изъ Иркутска 27 Окт.—VIII т., 347; Загряскій Великоякуцкой пр. Запр. VII, 282; Селиверстовъ Арзамасск. пр. 3 Іюля VIII, 16; Юрьевъ изъ Москвы 4 Марта VII, 148; Нарышкинъ—Серпухова, 13 Марта VII, 182; Перепечининъ—Архангельскъ, 24 Марта. VII, 264; Егуповъ-Черкасскій—Нижній, 13 Марта VII, 182; Леонтьевъ—Ярославль, 14 Марта, VII, 183; Майковъ—Галичъ 5 Марта VII, 149; Щепотьевъ—Твер. 28 Февр. VII, 133; Кудрявцевъ—Казань 7 Авг. VIII, 124; Бунинъ—Астрахань 18 Апр., VII, 331; Обуховъ—Симбирскъ 25 Апр., VII, 347; Ушаковъ—Вологда, 20 Марта, VII, 239; Головинъ—Тобольскъ 29 Іюля VIII, 97; Волковъ—Устюгъ 3 Авг. VIII, 109; Елагинъ—Алатырь 25 Апр. VII, 349; Жеребцовъ—Смоленскъ 20 Марта VII, 240.

важенъ потому, что здѣсь выражена вся программа дѣйствій гвардейскихъ офицеровъ у сбора доимокъ. Взыскивать самостоятельно и одни по этому указу они не могли. Они должны были крайнее стараніе обще съ воеводой имѣть о взысканіи доимки. А въ чемъ выражалось это „стараніе“, опредѣленно указано: 1-е) понуждать воеводъ и 2) смотрѣть, чтобы не было поноровки.

Къ этому нужно добавить, что тотъ же Волковъ одновременно занимался въ той же Устюжской провинціи и сборомъ рекрутъ, и послѣднее было его главной обязанностью, которой онъ и занимался и до начала взысканія доимокъ и въ продолженіи этого взысканія [1]).

Указъ отъ 9 Іюня 1738 г. упоминается и въ репортѣ прапорщика лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка Якова Бунина, но здѣсь говорится о немъ очень коротко: „а сего жъ 1738 г. Іюня отъ 9 дня присланный же ко мнѣ Ея И. В-ва высочайшій указъ, который я, всеподданѣйше, въ Астрахани получилъ сего Августа 2 дня, о взысканіи вышеупомянутой же доимки и о рекрутованіи“ (т. VIII, стр. 266). За то у Бунина упоминается еще одинъ указъ: „по силѣ присланнаго Ея И. В-ва высочайшаго ко мнѣ указа Февраля отъ 17 дня сего 738, который я, всеподданнѣйше, въ Астрахани получилъ Марта 25 дня, въ которомъ, между прочимъ, написано, чтобъ о *выбираніи доимки губернатора понуждать и обще съ нимъ стараніе имѣть*“ (т. VIII, стр. 270). Такимъ образомъ и по указу отъ 17 Февраля 1738 г. программа является одинаковой съ той, которая приведена въ указѣ 9 Іюня 1738 г.

Изъ этого же репорта видно, что Бунинъ занимался и сборомъ рекрутъ и лошадей (т. VIII, стр. 267). А другими его репортами устанавливается положительно, что онъ вообще занимался въ Астраханск. губ., помимо доимки и сборомъ рекрутъ и лошадей [2]).

Вѣроятно, тотъ же указъ отъ 9 Іюня 1738 г. имѣетъ въ виду и прапорщикъ Нормацкій, который доноситъ: „что по присланному къ нему изъ Кабинета указу велѣно о взысканіи доимокъ воеводъ и прочихъ сборщиковъ понуждать“ (22 Іюня 1738 г., т. VII, стр. 498).

---

[1]) Донесенія Волкова о сборѣ рекрутъ: VI т., 704, 728; VII: 181, 330, 491; VIII: 15, 39, 177, 206, 317, 319, 374, 436, 445, 514; IX т.: 449.

[2]) Репорты Бунина о сборѣ рекрутъ и лошадей VIII т., стр. 17, 29, 30, 82, 162, 162, 239, и 268.

Въ доношеніи лейбъ-гвардіи капитана Юрьева содержатся такія свѣдѣнія: „по высокоповелительнымъ В. И. В. изъ Кабинета указамъ повелѣно мнѣ, всеподданнѣйшему, во взысканіи доимки *имѣть крайнѣйшее стараніе и понужденіе* и взыскивать именныхъ вѣдомостей, сколько и на комъ какой доимки есть и для чего такая доимка запущена, которая оригинальныя, тако жъ и ихъ отвѣтовъ экстракты велѣно прислать въ Кабинетъ Вашего И. В.“ (5 Окт. 1738 г. т. VIII, стр. 334).

Въ числѣ другихъ гвардейскихъ офицеровъ также занимался одновременно сборомъ денежныхъ доимокъ и рекрутъ поручикъ Воейковъ. Какую изъ этихъ своихъ обязанностей онъ считалъ основною, видно изъ его доношенія въ Кабинетъ отъ 1 Авг. 1738 г., гдѣ онъ именуетъ себя такимъ образомъ: „Ея И. В-ва въ высокоучрежденный Кабинетъ отъ *обрѣтающагося въ Пензенской провинціи у набора рекрутъ и разбора церковниковъ гвардіи поручика Воейкова*“ (т. VIII, стр. 265). Въ этомъ рапортѣ онъ ни слова не упоминаетъ о доимкахъ и спрашиваетъ разъясненія инструкціи по набору рекрутъ. Но отъ него и до и послѣ этого рапорта поступали донесенія и по денежнымъ доимкамъ, и по набору рекрутъ по той же Пензенской провинціи, при чемъ доношенія о доимкахъ касались, между прочимъ, того періода, когда онъ писалъ о рекрутахъ (т. VIII, стр. 319).

Отъ гвардейцевъ было послано въ Кабинетъ довольно большое количество донесеній:

по сбору рекрутъ и лошадей	376
по сбору доимокъ	338
Всего. . .	714

Донесенія о доимкахъ распадаются по такимъ категоріямъ:

1) съ извѣщеніемъ, сколько взыскано и сколько накопилось доимокъ	101
2) съ представленіемъ вѣдомостей, полученныхъ отъ губернскихъ или провинціальн. властей	111
3) о понужденіи канцеляріи къ составленію вѣдомостей и о наложеніи на нихъ взысканій за медленность.	37
и 4) разныя: о полученіи указовъ, о сочиненіи вѣдомостей, упоминанія о своихъ стараніяхъ и заботахъ и пр.	89
	338

Какъ понимали сами гвардейцы свои функціи по взысканію, видно изъ слѣдующихъ ихъ доношеній, приводимыхъ для примѣра:

1) доношеніе изъ Ярославля лейбъ-гвардіи поручика Леонтьева—„о взысканіи запущенной доимки всякихъ доходовъ имѣетъ онъ понужденіе“ (29 Марта 1738 г., VII, стр. 271);

2) доношеніе лейбъ-гвардіи капитана Юрьева—„что о взысканіи доимки на прошлые годы имѣетъ прилежное понужденіе“ (29 Марта 1738 г., т. VII, стр. 271) и „непрестанное попеченіе и понужденіе повсегда имѣетъ“ (28 Іюня 1738 г., т. VII, стр. 508);

3) доношеніе гвардіи прапорщика Нармацкаго, что „стараніе имѣетъ“ понуждать воеводу и прочихъ сборщиковъ ко взысканію доимки (22 Іюня 1738 г., т. VII, стр. 498);

4) репортъ „изъ Новгорода лейбъ-гвардіи поручика Кайсарова—о полученіи указу о взысканіи всякихъ сборовъ запущенной доимки, о которой онъ и понужденіе имѣетъ, токмо, за малоимуществомъ приказныхъ служителей и солдатъ и разсыльщиковъ, чинится немалая остановка, о чемъ онъ и въ Сенатъ доносилъ“ (30 Іюля 1738 г., т. VIII, стр. 100);

5) доношеніе изъ Нижегород. губ. гвардіи поручика князя Егупова-Черкаскаго, что „о взысканіи доимокъ имѣетъ онъ всевозможное стараніе“ (22 Мая 1738 г., 425);

6) доношеніе изъ Ярославля лейбъ-гвардіи поручика Леонтьева „въ отвѣтъ на посланный къ нему указъ изъ Кабинета, какое исполненіе учинено о сборѣ рекрутъ и лошадей и о покупкѣ лошадей же, и что о подушномъ и прочихъ сборахъ доимокъ *съ Ярославскаго воеводы неослабно требуетъ*“ (31 Янв. 1738 г., т. VII, стр. 57);

7) доношеніе изъ Галича гвардіи прапорщика Майкова, что „по требованіи его отъ Галицкаго воеводы Травина отвѣта о запущенной многаго числа доимкѣ къ нему не прислано, зачѣмъ — не знаетъ, въ которой присылкѣ всегдашнее онъ, Майковъ, *имѣетъ понужденіе*“ (8 Мая 1738 г., т. VII, стр. 373);

8) доношеніе лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка подпоручика Щепотьева, „который *былъ во Твери у набору рекрутъ и лошадей*, которымъ объявляетъ, что онъ съ воеводъ, за неотдачу вѣдомостей, по указу, доправилъ штрафу 200 р. и привезъ съ собой, а Тверской воевода Кирѣевскій штрафу жъ 100 р. не заплатилъ, а объявилъ ему, что заплатитъ въ Кабинетѣ Ея И. В. самъ, и при томъ приложены вѣдомости,

сколько какихъ доимокъ запущено и недоборовъ“ (10 Августа 1739 г., т. X, стр. 93);

9) доношеніе лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка кап.-поручика Орлова, „который былъ въ Юрьевской провинціи у сбора рекрутъ и у взысканія доимокъ денежныхъ сборовъ и при томъ вѣдомости, сколько собрано церковниковъ и рекрутъ и куда и съ кѣмъ высланы, тако жъ и о денежныхъ сборахъ, и что еще осталось рекрутъ и денегъ въ доимкѣ“ (15 Іюня 1739 г., т. IX, стр. 559).

10) репортъ изъ Астрахани лейбъ-гвардіи прапорщика Бунина,—„въ которомъ отвѣтствуетъ, на посланный ему указъ изъ Кабинета, какое исполненіе въ сборѣ рекрутъ и лошадей и въ покупкѣ лошадей же чинено и что о денежныхъ сборахъ вѣдомость, получа изъ губернской канцеляріи, пришлетъ“ (20 Марта 1738 г., т. VII, стр. 239);

11) репортъ изъ Пензенской провинціи гвардіи поручика Воейкова, что онъ „въ сборѣ запущенной доимки *понужденіе имѣетъ*“ (22 Мая 1738 г., т. VII, стр. 425);

12) доношеніе изъ Алатырской провинціи гвардіи коннаго полка корнета Елагина, что „во взысканіи доимокъ имѣетъ онъ радѣтельное стараніе, токмо воевода Феофиловъ и товарищъ его прапорщикъ Репьевъ уже многіе мѣсяцы объявляютъ себя больными и въ канцелярію не ѣздятъ и именныхъ вѣдомостей къ нему и понынѣ не присылаютъ, и затѣмъ взысканію доимки чинится отъ нихъ остановка“ (25 Апр. 1738 г., т. VII, стр. 348);

13) доношеніе изъ Арзамасской провинціи гвардіи подпоручика Селиверстова, что онъ, „по присланному изъ Кабинета указу, о взысканіи запущенной доимки воеводъ и обрѣтающихся у тѣхъ сборовъ офицеровъ и сборщиковъ *понуждаетъ непрестанно*“ (3 Іюля 1738 г., т. VIII, стр. 16);

14) доношеніе лейбъ-гвардіи подпрапорщика Нарышкина изъ Серпухова „при томъ сколько имѣется какой доимки на прошлые годы всякихъ доходовъ, прислалъ вѣдомость и о взысканіи оной *имѣетъ понужденіе*“ (28 Марта 1738 г., т. VII, стр. 270);

15) репорты изъ Архангельска гвардіи подпоручика Перепечина:

а) „что о запущенной подушной доимкѣ вѣдомости требуетъ онъ непрестанно и для того секретари и приказные служители держатся безъ выпуска“ (19 Апр. 1738 г., т. VII, стр. 334).

б) „что онъ во взысканіи запущенной доимки губернатора *непрестанно понуждаетъ*“ (22 Мая 1738 г., т. VII, стр. 423);

16) репортъ изъ Казани лейбъ-гвардіи прапорщика Кудрявцева:

а) „что въ сборѣ рекрутъ и лошадей и въ покупкѣ лошадей стараніе имѣетъ и о подушныхъ и другихъ сборахъ *вѣдомости отъ губернатора неослабно требуетъ*“ (29 Янв. 1738 г., т. VII, стр. 53),

б) „въ отвѣтъ на указъ изъ Кабинета, что о взысканіи доимокъ и о сочиненіи вѣдомостей стараніе и *понужденіе губернатору чинитъ*“ (18 апр. 1738 г., т, VII, стр. 329).

Изъ всѣхъ этихъ донесеній видно, что офицеры, по ихъ донесеніямъ, старались *понуждать* губернаторовъ и воеводъ ко взысканію доимокъ и предоставленію вѣдомостей о сборѣ, и въ этомъ, по мнѣнію ихъ самихъ, и заключались всѣ ихъ обязанности по доимкамъ. Настоящіе же хозяева и распорядители доимочнаго дѣла на мѣстахъ были губернаторы и воеводы, что прекрасно сознавали всѣ три заинтересованныя стороны: плательщики, распорядители-губернаторы и воеводы и наблюдатели-офицеры. Для иллюстраціи такого пониманія можно привести два случая, имѣвшихъ мѣсто по отношенію къ офицерамъ, „обрѣтающимся у слѣдствіи адмиралтейской доимки“. Примѣры эти могутъ подходить и къ гвардейскимъ офицерамъ, п. ч. ихъ права и обязанности были совершенно одинаковы (у гвардейцевъ т. VIII, стр. 265 и 266 и у адмиралтейскихъ т. VIII, стр. 189).

Офицера, обрѣтающіеся у адмиралтейской доимки въ Тульской провинціи донесли Кабинету, что посланъ былъ (кѣмъ не указано, но очевидно, ими) съ доимочнымъ реестромъ къ неплательщикамъ отставной подпрапорщикъ Тесинскій съ солдаты на дворы къ дворянамъ Демидовымъ, на которыхъ имѣлась подушная и адмиралтейскихъ доходовъ доимка, „о забраніи самихъ помѣщиковъ, а въ небытность ихъ — приказчиковъ“. А сынъ Демидова сказалъ: „вамъ де посланнымъ меня не взять, *пришлите воеводу и онъ де возьметъ*“. И сынъ Демидова „выбилъ ихъ по шеѣ“, а приказчикъ его „сопхалъ ихъ, посланныхъ, съ дубьемъ со двора“ (24 іюля 1738 г., т. VIII, стр. 189 и 190).

Полковникъ же Вельяминовъ, „обрѣтающійся въ Бѣлогородской губ. у слѣдствія о доимкахъ адмиралтейскихъ и прочихъ сборовъ“, подалъ донешеніе въ Кабинетъ о томъ, что

„изъ губернской канцеляріи, по многому моему требованію, вѣдомости ко мнѣ не прислано. И для требованія той вѣдомости оной губерніи къ губернатору, къ бригадиру Грекову, посылалъ я на дворъ каптенармуса Силина. И оный губернаторъ того посланнаго велѣлъ изъ хоромъ выбить въ шею и вѣдомости не прислалъ“ (мартъ 1740 г., т. XI, стр. 573).

Въ обоихъ этихъ случаяхъ какъ дворяне Демидовы, такъ и губернаторъ Грековъ совершили дѣяніе несомнѣнно грубое и непозволительное. Но въ основѣ этого „вышибанія по шеѣ“ посланныхъ отъ офицеровъ лежало сознаніе, что настоящими хозяевами доимочнаго дѣла на мѣстахъ, по закону, являлись губернаторы и воеводы.

Изъ числа 338 донесеній по доимкамъ пять переданы въ Сенатъ на разсмотрѣніе, на 65 написано „во извѣстіе“. А на 4-хъ сдѣланы такія резолюціи:

1) 5 октября 1738 г. на донесеніи капитана Юрьева: „показанная въ семъ доношеніи о доимкахъ вѣдомость посылается при семъ въ Правит. Сенатъ, дабы какъ по сей, такъ по прежде-посланнымъ въ Сенатъ вѣдомостямъ немедленно разсмотрѣніе и взысканіе доимокъ учинено было; а что до сего времени по прежнимъ вѣдомостямъ учинено и сколько изъ доимки взыскано, требуется въ Кабинетъ изъ Прав. Сената извѣстіе“ (т. VIII, стр. 334);

2) 19 авг. 1739 г. по донесенію прапорщика Тыртова о доимкахъ на суздальскихъ откупщиковъ: „поступать по указамъ“ (т. X, стр. 128);

3) 25 сентября 1738 г. на репортѣ прапорщика Волкова о слабомъ взысканіи доимки Устюжскимъ воеводой: „по сему репорту онаго воеводу, за слабое взысканіе доимки, штрафовать по указамъ; а чтобъ впредь безъ всякаго послабленія та доимка была взыскана, о томъ послать туда указъ съ наикрѣпчайшимъ подтвержденіемъ“ (т. VIII, стр. 266);

4) 25 сентября 1738 г. на репортѣ прапорщика Бупина о безнадежности нѣкоторыхъ доимокъ: „по вышеупомянутымъ доношеніямъ и приложенной вѣдомости о доимкахъ разсмотрѣть и опредѣленіе учинить Прав. Сенату, чтобы ужъ впредь такія доимки, которыхъ, за пустотою и другими правильными причинами, по подлинному свидѣтельству, взыскать не на комъ, были выключены“ (т. VIII, стр. 271).

Остальныя донесенія, т. е. громадное большинство, не получили никакихъ резолюцій и отмѣтокъ.

Командированные гвардейцы, какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, сносились непосредственно съ Сенатомъ и Кабинетомъ Министровъ. Что касается вопроса о ихъ начальствѣ, то они, повидимому, считали себя подчиненными только Кабинету Министровъ. По крайней мѣрѣ держались они совершенно независимо по отношенію ко всѣмъ коллегіямъ, въ томъ числѣ даже и къ военной и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, обладали чрезвычайными полномочіями. Въ памятникахъ имѣются, по этому поводу, весьма интересныя данныя.

1) 22 іюня 1738 г. получено въ Кабинетѣ доношеніе изъ Псковской провинціи гвардіи прапорщика Нармацкаго, что „по присланному къ нему изъ Кабинета указу, велѣно о взысканіи доимокъ воеводу и прочихъ сборщиковъ понуждать, о чемъ онъ и стараніе имѣетъ. А по присланному жъ изъ военной коллегіи указу велѣно ему и съ имѣющимися при немъ солдаты ѣхать въ С.-Петербуръ и явиться въ оной коллегіи. И на оный указъ требуетъ отъ Кабинета повелительнаго указу“ (т. VII, стр. 498). Также поступилъ и прапорщикъ Загряскій, который донесъ Кабинету, „что получилъ онъ указъ изъ военной коллегіи, по которому велѣно ему ѣхать въ С.-Петербургъ, а онъ безъ указу изъ Кабинета ѣхать не смѣетъ“ (20 іюля 1738 г. т. VII, стр. 71). Кабинетъ, повидимому, приказалъ оставаться на прежнемъ мѣстѣ и никуда не выѣзжать. По крайней мѣрѣ и далѣе продолжали отъ нихъ поступать донесенія о доимкахъ по тѣмъ же провинціямъ.

2) Поручикъ Воейковъ затруднился, какъ ему собирать доимочныхъ рекрутъ въ Пензенской провинціи: „въ прочіе наборы, за собраніемъ рекрутъ, осталось душъ по малому числу, и ниже одного рекрута изъ тѣхъ оставшихъ душъ рекрутъ ли взыскивать или наборъ съ наборомъ прикладывать, о томъ *въ данной мнѣ изъ государственной военной коллегіи инструкціи именно не изображено*“. Казалось бы, разъ въ инструкціи существуетъ какой-либо пробѣлъ, то и спрашивать разъясненій слѣдовало бы у того учрежденія, которое составило инструкцію, т. е. у военной коллегіи. А Воейковъ обратился прямо въ Кабинетъ: „и объ ономъ Ея И. В. изъ высоко учрежденнаго Кабинета требую указа“. И Кабинетъ, очевидно, нашелъ это совершенно естественнымъ и нормальнымъ и наложилъ, 25 сентября 1738 г., такую резолюцію: „по сему доношенію разсмотрѣть и рѣшеніе учинить Прав. Сенату. А по разсужденію Кабинета Ея И. В. лучше тѣхъ доимочныхъ рекрутъ приложить къ нынѣшнему набору и собрать какъ новаго,

такъ и прежняго нарядовъ всѣхъ безъ доимки“ (т. VIII, стр. 265).

3) Изъ доклада военной коллегіи за 1739 г. (П. С. З. № 7754) видно, что Кабинетъ сдѣлалъ распоряженіе отъ себя непосредственно офицерамъ о томъ, чтобы всѣ „доимочныя деньги, какого бъ званія ни были, которыя впредь собраны будутъ, имѣть на лицо и ни на какіе расходы безъ указа изъ Кабинета употреблять не велѣно“. Это распоряженіе слишкомъ живо затрагивало интересы военной коллегіи; но она совсѣмъ не была поставлена Кабинетомъ въ извѣстность, и узнала о распоряженіи только по донесенію, сдѣланному въ военную коллегію обрѣтающимся въ Москвѣ гвардейскимъ капитаномъ Юрьевымъ. Военная коллегія не знала даже, кому было отдано распоряженіе и касалось ли оно одной только Москвы или и другихъ мѣстъ. При такихъ условіяхъ и собщеніе капитаномъ Юрьевымъ военной коллегіи важнаго для нея распоряженія Кабинета какъ будто не являлось и обязательнымъ, а носило случайный характеръ любезности. Военная коллегія воспользовалась ею и поспѣшила внести докладъ Императрицѣ объ отмѣнѣ распоряженія, отданнаго офицерамъ, потому что „въ нужныхъ исправленіяхъ учинится конечной недостатокъ и упущеніе“. И этотъ докладъ получилъ удовлетвореніе (14 февраля 1739 г., П. С. З. № 7754).

4) Распоряженіе, сдѣланное Кабинетомъ офицерамъ, поставило въ затруднительное положеніе и штатсъ контору. Послѣдняя также узнала о распоряженіи не прямо отъ Кабинета, а по доношеніямъ въ штатсъ-контору изъ Архангелогородской, Московской и Смоленской губерній и Костромской и Углицкой провинцій. Изъ представленнаго по этому поводу доклада штатсъ конторы Кабинету отъ 12 апрѣля 1739 г. (т. IX, стр. 455—456) выяснилось, что къ „обрѣтающимся въ тѣхъ губерніяхъ лейбъ-гвардіи офицерамъ“ былъ присланъ именной указъ, „за подписаніемъ г.г. кабинетныхъ Министровъ, *декабря отъ 28 дня 1738 года*“. Въ П. С. З. этого указа нѣтъ, а въ „бумагахъ“ его содержаніе изложено довольно полно. Оказывается, этимъ указомъ было велѣно: „запущенныя на прошлые годы доимки, на комъ надлежитъ, взыскивать и въ томъ всевозможное стараніе прилагать, *и губернаторовъ и воеводъ о скорѣйшемъ взысканіи понуждать;* и, сколько такихъ доимокъ взыскано, прислать въ Кабинетъ вѣдомость немедленно съ показаніемъ, куда оныя въ расходъ употреблены и на какія дачи или куда разосланы и въ которыхъ мѣсяцахъ и числахъ; *а впредь тѣ доимочныя деньги, которыя собраны будутъ, имѣть на*

лицо и ни на какіе расходы, безъ указа изъ Кабинета, не употреблять“.

Положеніе штатсъ-конторы было тѣмъ болѣе затруднительное, что она не знала предѣловъ запрещенія. „Статсъ-конторѣ мнится, что и въ прочія во всѣ губерніи и провинціи о недержаніи доимочныхъ на прошлые годы денегъ въ расходъ изъ Кабинета Ея И. В-ва указы посланы“.

Поэтому „за оными Ея И. В. указами сбираемыхъ на прошлые съ 1732 по 1738 г. доимочныхъ денегъ статсъ-контора ни на какіе расходы ассигновать не смѣетъ“ и „на чрезвычайные, по именнымъ Ея И. В. и изъ Прав. Сената указамъ, расходы употреблять статсъ-конторѣ не изъ чего“.

По этому докладу запрещеніе было снято. Для исторіи изучаемой организаціи докладъ штатсъ-конторы пріобрѣтаетъ чрезвычайно важное значеніе: во 1-хъ) приведеннымъ ею указомъ отъ 27 Декабря 1738 г. еще болѣе подтверждается и окончательно устанавливается *роль гвардейскихъ офицеровъ понуждать воеводъ ко взысканію доимокъ* и во 2-хъ) открываетъ данныя офицерамъ чрезвычайныя полномочія охранять взысканную доимку и не допускать никого до ея расходованія.

Дѣятельность гвардейскихъ офицеровъ по доимкамъ окончательно прекратилась въ 1739 году. Возвращеніе ихъ къ командамъ послѣдовало согласно резолюціи Кабинетъ Министровъ на докладѣ гвардіи подполковника Ушакова отъ 19 Марта 1739 г. (П. С. З. № 7778). Ушаковъ нашелъ, что „какъ не безъизвѣстно, что изъ оныхъ (офицеровъ) нѣкоторые нашлись и въ продерзостяхъ, а прочіе, за долговременнымъ отъ полковъ отбытіемъ, *могутъ забыть и должности свои и придти въ слабость*, особливо жъ нынѣ при полкахъ въ гвардіи въ оберъ-офицерахъ состоитъ крайняя нужда. Того ради Кабинета Е. И. В. покорно прошу, не повелѣно ль будетъ означенныхъ оберъ-офицеровъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они нынѣ обрѣтаются, отпустить къ командамъ... дабы они, за долговременнымъ отъ полковъ отбытіемъ, не могли придти въ крайнюю слабость и не забыли должностей своихъ вовсе“. Кабинетъ согласился: „того ради оныхъ офицеровъ возвратить къ полкамъ“.

Изъ числа 28 офицеровъ восемь человѣкъ вернулись еще до указа № 7778 [1]). Остальные, судя по времени полученія въ

---

[1]) Гурьевъ въ Январѣ 38 г., Зубовъ въ Февралѣ 38 г., Крюковскій—въ Мартѣ 38 г., Ушаковъ—въ Іюлѣ 38 г., Селиверстовъ—въ Августѣ, Бушинъ—въ Сентябрѣ 38 г., Ермолаевъ—въ Январѣ 39 г. и Кайсаровъ—въ Февралѣ 39 года.

Кабинетѣ ихъ послѣднихъ донесеній, прекратили свою дѣятельность и вернулись въ полки въ слѣдующіе мѣсяцы (считая за время возвращенія мѣсяцъ полученія репорта): Нормацкій и Нарышкинъ—въ Мартѣ, Леонтьевъ и Жеребцовъ—въ Апрѣлѣ, Елагинъ, Волковъ, Стрекаловъ и Обуховъ—въ Маѣ, Загрясскій, Коновницынъ, Юрьевъ, Орловъ, Кудрявцевъ и князь Егуповъ-Черкасскій—въ Іюнѣ, Майковъ, Воейковъ и Головинъ—въ Іюлѣ, Перепечинъ и Щепотьевъ—въ Августѣ и Тыртовъ—въ Декабрѣ 39 г. Послѣдній задержался дольше потому, что заканчивалъ слѣдствіе.

При перечисленіи этихъ фамилій невольно возникаетъ вопросъ, исчерпывается ли вышеуказанными 28 гвардейскими офицерами все количество гвардейскихъ офицеровъ, принимавшихъ участіе во взысканіи доимокъ. На это можно отвѣтить совершенно опредѣленно и положительно: да, исчерпывается. Послѣ того, какъ открыто въ „бумагахъ“ (т. IX, стр. 455—456) содержаніе указа Кабинета отъ 27 Декабря 1738 г., отпадаютъ всякія сомнѣнія. Согласно этому указу, *каждый офицеръ долженъ былъ присылать въ Кабинетъ доимочныя вѣдомости.* Присылка же вѣдомостей офицерами и вообще ихъ доношенія въ „бумагахъ Кабинета Министровъ“ регистрировались. Слѣдовательно, въ „бумагахъ“ отмѣчены всѣ гвардейскіе офицеры, принимавшіе участіе въ доимкахъ. А по „бумагамъ“, какъ видно изъ составленнаго изъ нихъ „свода донесеній“, оказалось всего лишь 28 гвардейскихъ офицеровъ.

При обзорѣ памятниковъ необходимо обратить вниманіе на то обстоятельство, что ни въ указахъ Императрицы и Кабинета гвардейскимъ офицерамъ, ни въ донесеніяхъ гвардейскихъ офицеровъ Кабинету *ни слова не упоминается ни объ экзекуціяхъ, ни о какихъ бы то ни было репрессивныхъ мѣрахъ со стороны гвардейскихъ офицеровъ по отношенію къ плательщикамъ.* Эта черта чрезвычайно характерна. Отсутствіе даже намековъ на репрессіи нельзя объяснить однимъ тѣмъ, что о такихъ предметахъ считалось почему либо неудобнымъ или неделикатнымъ указывать или доносить. Здѣсь можетъ быть только одно самое естественное объясненіе: не было ни слова объ экзекуціяхъ и репрессіяхъ потому, что не было самихъ дѣйствій. А не было такихъ дѣйствій потому, что, по инструкціямъ и вообще по современнымъ правиламъ, взыскивали доимку губернаторы и воеводы, а *гвардейскіе офицеры лишь наблюдали за ними и понуждали ихъ ко взысканію.* Да и это наблюденіе и понужденіе было лишь добавочнымъ занятіемъ

къ главной обязанности гвард. офицеровъ, которая состояла въ томъ, чтобы собирать рекрутъ и лошадей.

Нѣкоторые изъ гвардейскихъ офицеровъ, какъ видно изъ доклада Ушакова (№ 7778), на практикѣ допускали и „продерзости“, но это было уже недозволеннымъ уклоненіемъ, отъ нормы. Въ одномъ изъ донешеній гвардейскаго офицера Кайсарова встрѣчаются такія слова, что у него чинится немалая остановка „за малоимуществомъ приказныхъ служителей и солдатъ и разсыльщиковъ“. Но здѣсь, очевидно, солдаты имѣлись въ виду для посылокъ съ распоряженіями по поводу понужденія къ взысканію и присылкѣ вѣдомостей.

Эти выяснившіеся нынѣ матеріалы даютъ основаніе сдѣлать слѣдующіе выводы. О „вымогательныхъ отрядахъ“ въ памятникахъ нѣтъ никакихъ указаній. По инструкціямъ и положеніямъ гвардейскіе офицера́ не должны были становиться во главѣ никакихъ „вымогательныхъ податныхъ отрядовъ“ или иныхъ организаціи, а равно не могли совершать экзекуціи надъ плательщиками. Ихъ прямая обязанность заключалась въ томъ, чтобы собирать рекрутъ и лошадей и, между прочимъ, *наблюдать за взысканіемъ доимки губернаторами и воеводами и понуждать ихъ ко взысканію*, и этимъ ихъ обязанности заканчивались. Однако нѣкоторые изъ гвардейскихъ офицеровъ превышали свои полномочія и на практикѣ, какъ оффиціально засвидѣтельствовано докладомъ Ушакова, „*нашлись въ продерзостяхъ*“. Возможно, что они совершали даже такія насилія и ужасы, которые по справедливости, исторія заклеймила эпитетомъ „податного палача“. Но всѣ эти насилія или „продерзости“ являлись уклоненіемъ отъ инструкціи или исключеніемъ изъ общаго правила: въ каждой семьѣ не безъ урода.

ГЛАВА XII.

Предложенія Маслова. Распоряженія правительства по взысканію доимки.

Предложенія Маслова по доимкамъ:

а) подушныхъ денегъ.

Въ своемъ извѣстномъ выступленіи по поводу скудости крестьянской (III т., стр. 288—291) оберъ-прокуроръ Сената Аникимъ Масловъ опредѣленно выяснилъ причину накопленія доимокъ и способы ихъ устраненія.

Помѣщики, по словамъ Маслова, отягощали крестьянъ излишними работами и положенными оброками, „кто какъ хотѣлъ по своей волѣ, а въ нужный случай вспоможенія имъ не чинили... Понеже такихъ, кто бъ крестьянамъ своимъ вспоможеніе чинилъ, изъ принципальныхъ мало сыскаться можетъ, ибо имъ къ тому прежде поводъ былъ, что чрезъ нѣсколько лѣтъ государственныя подати нѣкоторою доимкою продолжали, а потомъ по случаямъ и по всемилостивѣйшимъ предковъ В. В. Государей Императоровъ указамъ безъ различія бѣдныхъ доимки оставлялись. „И такъ, слѣдовательно, доимка происходила изъ-за отсутствія вспоможенія помѣщиковъ и ихъ излишнихъ требованій работъ и оброковъ [1]). Затѣмъ Масловъ, во 1-хъ, указалъ на обиды и взятки офицеровъ, состоящихъ при сборахъ подушныхъ денегъ, 2) предложилъ не взыскивать подушныхъ денегъ, пока „въ состояніи придутъ“, 3) не доводить до скопленія доимокъ: „накопя доимочныя и настоящія, вдругъ взыскивать станутъ, отчего не поправленье, но бо́льшее разореніе послѣдуетъ“, и 4) *чтобы помѣщики „за наличныхъ крестьянъ къ назначенному сроку готовили бъ собственныя свои деньги“.*

---

[1]) Впослѣдствіе мнѣніе Маслова получило полное признаніе въ именномъ указѣ отъ 24 января 1738 г. за № 7494, гдѣ прямо сказано, что и крестьяне разоряются и доимка образовывается „отъ непрестанныхъ работъ помѣщиковыхъ“.

Коренная причина доимки—чрезмѣрная эксплоатація крестьянъ помѣщиками—осталась неустраненной. Правительство ограничилось лишь тѣмъ, что приказало: 1) вывесть вопъ экзекуцію, да и то условно—пока не будетъ „потребно“, 2) прекратило выдачу особыхъ экзекуціонныхъ денегъ и 3) простило сборъ за 1 пол. 1735 года, „а доимку и на послѣднія 1735 г. полгода—взыскивать“.

Слѣдуетъ отмѣтить нѣкоторое сходство въ предложеніяхъ, сдѣланныхъ Масловымъ и неизвѣстнымъ авторомъ въ его запискѣ „представленіе объ утѣсненіяхъ народа отъ подушнаго сбору, 1733 г.“. Масловъ предложилъ, чтобы помѣщики „за наличныхъ крестьянъ къ назначенному сроку готовили бъ собственныя свои деньги“. Авторъ представленія выразился такъ: „можетъ всякій помѣщикъ самъ подушный окладъ безъ высылки заплатить“ (стр. 9-я). Мысль у обоихъ одна и та же. Такое сходство будетъ вполнѣ понятно, если допустить предположеніе проф. А. Н. Филиппова, что „представленіе“ есть ничто иное, какъ „нѣкоторое мнѣніе“, упоминаемое въ указѣ отъ 24 іюля 1734 г. и приложенное къ нему вмѣстѣ съ проектомъ Маслова (страница 5-я объясненія профессора А. Н. Филиппова, помѣщеннаго въ изданіи „представленія“).

б) Оброчныхъ статей. По оброчнымъ статьямъ Масловъ высказывался нѣсколько разъ. Первое, и наиболѣе характерное его доношеніе отъ 19 февраля 1733 г. (т. II, стр. 205—206), отмѣчено въ книгѣ проф. А. Н. Филиппова „Сенатъ“ (стр. 585—586). Здѣсь Масловъ, какъ справедливо выразился проф. А. Н. Филипповъ, нарисовалъ поразительную картину разорительнаго способа взысканія доимки съ откупщиковъ и ратушъ. Если, говоритъ Масловъ, по сенатской резолюціи, править многочисленную доимку нынѣ всю вдругъ, „то купецкихъ домовъ до 20.000 или и больше можетъ вовсе разориться, ибо взысканіе доимки инако чиниться не можетъ, что у тѣхъ, которые платить не въ состояніи, отписываютъ и продаютъ дворы и пожитки; а понеже изъ тѣхъ должниковъ большая часть не въ состояніи, и ежели у такого превеликаго числа людей отписывать и продавать дворы, заводы и пожитки, то купить будетъ некому и во многіе годы“. Масловъ *осуждалъ взысканіе огульное*. Его личный взглядъ на порядокъ взысканія выраженъ такимъ образомъ: 1) чтобы доимка „*взыскана была съ такимъ разсмотрѣніемъ*, чтобъ подданные Вашего И. В—ва вышеписаннымъ образомъ вовсе были не разорены, дабы впредь

въ купечествѣ къ поправленію хотя малую надежду имѣть было можно“; 2) несостоятельнымъ *давать сроки*, и у такихъ „дворы, заводы и пожитки хотя и отписывать, только до указа и до разсмотрѣнія дѣла не продавать и въ домѣхъ своихъ жить имъ не запрещать“, и 3) если доимка образовалась вслѣдствіе неправильныхъ или „слабыхъ“ поступковъ мѣстной администраціи,—„править“ доимку и на администраціи, въ зависимости отъ степени вины—всю, половину или „нѣкоторую часть“.

Инструкцію Доимочному Приказу (утв. 24 мая 1733 г.—П. С. З. № 6412) составлялъ, несомнѣнно, самъ Масловъ. По крайней мѣрѣ, въ ней совершенно ясно выражены тѣ же мысли, какія были изложены въ его доношеніи отъ 19 февраля 1733 г.: 1) „не желая того, чтобы такъ скорымъ и острымъ правежемъ могли придти въ крайнее разореніе“,—давать сроки, 2) дворы и проч. имущество описывать, но не продавать до полученія указа и 3) привлекать къ денежной отвѣтственности виновныхъ губернаторовъ и воеводъ.

Насколько Масловъ мягко и гуманно относился ко всякой „скудости“ и вообще совѣтовалъ править *осмотрительно*, на столько же сурово каралъ всякую халатность и „неосмотрѣніе“ администраціи. Помимо приведенныхъ выше двухъ случаевъ, проф. А. Н. Филипповъ отмѣчаетъ еще предложеніе, сдѣланное Масловымъ Сенату, 13 августа 1733 г. „о превеликихъ доимкахъ и недоборахъ, учинившихся отъ несмотрѣнія прежнихъ президента и членовъ (старой камеръ-коллегіи) въ сборахъ таможенныхъ, кабацкихъ и прочихъ“. По именному указу было велѣно сборщиковъ на вѣрѣ съ 1719 по 1732 г. „счесть немедленно“; между тѣмъ „счетъ производится слабо“, и члены коллегіи „засѣданій не имѣютъ“ („Сенатъ“, страницы 562—563).

Масловъ, несомнѣнно, имѣлъ полное основаніе осуждать современную ему администрацію, которая, видимо, часто приносила вредъ и правительству и населенію, въ особенности въ правежѣ доимокъ. Въ докладѣ Сената Императрицѣ отъ 24 марта 1734 г. (т. III, стр. 357—359) дѣятельность администраціи обрисовывается въ крайне непривлядномъ свѣтѣ. Обличителемъ явился тотъ же Масловъ. Изъ этого доклада видно, что Петръ I 19 октября 1720 г. приказалъ, ради заключенія мира съ Швеціей, сложить съ народа доимки по всякимъ государственнымъ сборамъ и доходамъ съ начала бывшей войны по 1718 г. „Но такого свидѣтельства и съ кого такія доимки взыскивать и кому оставить надлежало, опредѣленія не учинено. А нынѣ д. с. с.

Масловъ Сенату предлагалъ, что въ городѣхъ *воеводы* и *приказные* изъ такихъ старыхъ доимокъ, хотя которыя и по 1718 г. на комъ были, подданнымъ Вашего И. В—ва многія *трудности и разоренія чинятъ* не для пользы государственной казны, только *для своей корысти и взятковъ*, и на комъ хотятъ, на томъ и взыскиваютъ, подъ такимъ претекстомъ,—ежели ихъ спрашивать, для чего они тѣ старыя доимки взыскиваютъ, то могутъ отговариваться, что точнаго указа, съ кого бы не взыскивать—не имѣютъ; напротивъ же того, ежели бъ спросить, для чего другимъ-то отпущаютъ, и въ томъ причину сыскать могутъ, что вышеписаннымъ всемилостивѣйшимъ указомъ оставлены... А понеже между тѣми доимками положенныя деньги съ разночинцовыхъ бань, съ отдаточныхъ наймы избъ и съ постоялыхъ дворовъ съ немалымъ правежемъ и разоренiемъ взыскиваются за многіе прошлые годы по первой переписи 1704 г., которой минуло 30 лѣтъ... и тако явное однимъ передъ другими разореніе, что имѣющіе платить—тѣ не платятъ, а неимѣющіе разоряются и страждутъ. Того ради В. И. В—ву Сенатъ всеподданнѣйше доноситъ, не соизволитъ ли В. И. В—во всемилостивѣйше повелѣть, по силѣ состоявшагося въ 721 г. блаж. и вѣчн. памяти о. д. Его И. В—ва Петра Великаго, для замиренія съ Швеціею, *всѣ доимки по 718 г. сложить*". Императрица согласилась съ докладомъ, и доимка за время по 718 г. была сложена.

Кабинетъ Министровъ, несомнѣнно, придавалъ цѣнное значеніе предложеніямъ Маслова въ области взысканія доимокъ и слѣдилъ за результатами ихъ проявленія. Объ этомъ сохранилась короткая замѣтка уже послѣ смерти Маслова въ журналѣ Кабинета за 7 янв. 1736 г., гдѣ сдѣлана такая запись: „изъ Сената подать вѣдомости по *прежнимъ* запискамъ: когда и какія по доимочнымъ дѣламъ отъ д. с. с. Маслова предложенія были, какъ оныя разсматриваны и что для взысканія оныхъ учиненныхъ"... (т. V, стр. 9).

Масловъ не всегда имѣлъ возможность добиваться преслѣдуемыхъ имъ цѣлей, но онъ проявилъ примѣръ разумнаго, гуманнаго и крайне осмотрительнаго отношенія къ доимщикамъ. И его свѣтлая дѣятельность оставила замѣтные слѣды какъ въ спеціальной исторіи изучаемаго вопроса, такъ и вообще въ современной ему исторіи: „онъ—родоначальникъ Сперанскихъ, Милюковыхъ и другихъ государственныхъ дѣльцовъ, мощной и человѣколюбивой мыслью поработавшихъ надъ разрѣшеніемъ крѣпостного вопроса" [1]).

[1]) Ключевскій, IV ч. „Рус. ист.", стр. 415 и 416.

Распоряженія правительства по взысканію доимки.

Распоряженія о взысканіи находились въ извѣстной (если не въ главной) зависимости и отъ величины доимки. По тѣмъ матеріаламъ, какіе имѣются въ П. С. З. и „бумагахъ Кабинета Министровъ“, размѣръ доимки за нѣкоторые годы можно установить точно.

Относительно подушной подати имѣется прежде всего указаніе въ 14-мъ пунктѣ журнала Кабинета отъ 9 Января 1735 г. (т. IV, стр. 7), гдѣ сказано, что „подушной доимки число невеликое. „То же мнѣніе выражено и въ сенатскомъ указѣ отъ 23 Января 1735 г. (П. С. З. № 6674): „по присланнымъ изъ коммиссаріата вѣдомостямъ, съ начала подушнаго оклада по прошлый 734 г., доимка, паче чаянія, является малая“. Здѣсь уже указана, совершенно опредѣленно, и самая сумма: „а именно только *845967 р.*, и то на нѣкоторые полки“. Черезъ нѣсколько лѣтъ положеніе дѣлъ, однако, рѣзко измѣнилось къ худшему. Изъ указа 15 Января 1739 г. № 7732 видно, что по вѣдомостямъ о 119 городахъ, на нихъ доимки подуш. сбора числится 1622908 р., а изъ 94 городовъ не получено и вѣдомостей, а слѣдовательно не выяснена и сумма доимки по нимъ. Кромѣ того, числилось въ доимкѣ доходовъ, положенныхъ на артиллерію: по 736 г.—болѣе 650000 р., а въ 1738 году—уже 870000 р. (VIII т., стр. 352).

Еще хуже обстояло дѣло по доимкамъ въ оброчныхъ статьяхъ (сборы съ таможенъ, кабаковъ, рыбныхъ ловель и проч.), гдѣ 2 Февраля 1733 г. насчитывали съ 719 г. *7 милліоновъ* (т. II, стр. 54—55). По свѣдѣніямъ камеръ-коллегіи, помѣщеннымъ въ Инструкціи доимочному приказу (24 Мая 1733 г.—П. С. З. № 6412), показано, что этихъ „сборовъ съ 720 по 732 г. болѣе 7 милліоновъ въ доимку запущено“. Въ Сенатскомъ указѣ отъ 24 Января 1735 г.—П. С. З. № 6676 — сумма доимки съ 719 по 732 опредѣлена уже точно — 7056036 р.

а) подушныхъ податей.

Дѣятельность правительства по взысканію доимокъ открылась именнымъ указомъ отъ 16 Іюня 1731 г. (П. С. З. № 5780), гдѣ было сказано, что, по вѣдомостямъ офицеровъ, „доимки—многое число“, и сдѣлано распоряженіе „обрѣтающимся на вѣчныхъ квартирахъ офицерамъ взыскивать безъ всякаго послабленія“. Но начало настоящей доимочной кампаніи слѣдуетъ относить ко времени утвержденія регламента камеръ-коллегіи, послѣдовавшаго 23 Іюня 1731 года. Поэтому регламенту положено: *подушныя деньги платить самимъ помѣщикамъ*. А въ случаѣ неуплаты въ срокъ, т. е.

когда подушн. подать обращается уже въ доимку, „полковники вмѣстѣ съ воеводами посылаютъ въ незаплатившія деревни для правежа денегъ экзекуцію, велятъ немедленно править на помѣщикахъ или приказчикахъ и старостахъ и *ихъ понуждать*, чтобы они собирали съ крестьянъ; *а буде крестьяне приказчиковъ и старостъ слушать не будутъ, въ томъ имъ вспомогать по ихъ требованію*“. Этимъ закономъ совершенно точно опредѣлены категоріи отвѣтственныхъ лицъ, а равно и способы понужденія къ выполненію государственныхъ повинностей.

Отвѣтственнымъ плательщикомъ, по регламенту, въ конечномъ результатѣ являлся крестьянинъ, а помѣщикъ былъ только сборщикомъ и посредникомъ между властью и землей, поэтому и требованія объ уплатѣ предъявлялись къ помѣщику, какъ къ сборщику и правительственному агенту.

Въ томъ же 1731 году, въ первые дни учрежденія Кабинета Министровъ, Сенатъ отдалъ распоряженіе взыскивать доимку съ помѣщиковъ (I т., стр. 9). Указъ Сената по этому поводу послѣдовалъ 11 Ноября 1731 г. (П. С. З. № 5873). По отношенію же къ дворцовымъ волостямъ Кабинетъ, 31 Декабря 1731 г., послалъ, за подписью Императрицы, указъ въ дворцовую канцелярію „о взысканіи запущенныя на волостяхъ доимокъ на нихъ, тако-жъ на судьяхъ канцелярскихъ и управителяхъ“ [1]), (I т., стр. 106). 30 Марта 732 г. изданъ именной указъ Сенату „о публикованіи печатными листами о счетѣ и взысканіи доимокъ и, на комъ оная есть, объ объявленіи самимъ (I т., стр. 221). 9 Октября 1732 г. вновь данъ Сенату указъ „оную доимку выбирать и на неплательщикахъ взыскивать безъ всякаго послабленія“ (т. I, стр. 444—446). Въ указѣ Сенату отъ 26 Октября 1732 г. также упоминается о „крѣпкомъ взысканіи“ (т. I, стр. 464).

Въ 1733 и 1734 годахъ возникаетъ новое теченіе и въ высшихъ правительственныхъ сферахъ и среди помѣщиковъ. Въ серединѣ 1734 года выступаетъ съ своимъ предложеніемъ Анисимъ Масловъ, который высказывается, „чтобы *помѣщики* за наличныхъ крестьянъ къ назначенному сроку *готовили объ собственныя свои деньги*“. Эта же идея проводится и въ са-

---

[1]) Велѣно взыскать на оберъ-гофмейстерѣ Олсуфьевѣ, на котораго были „написаны“ даже излишнія суммы. Объ этомъ возникла довольно большая переписка (2 Дек. 732 г.—т. I, стр, 511; 23 Янв. 733 г.—т. II, стр. 43; 28 Февр. 733 г.—т II, стр. 98; 18 Янв. 734 г.—т. III, стр. 15; 26 Марта 735 г.—т. IV, стр. 105).

мой помѣщичьей средѣ. Авторъ „представленія объ утѣсненіяхъ народа отъ подушнаго сбору“ находитъ это вполнѣ естественнымъ и возможнымъ: „*можетъ всякій помѣщикъ самъ подушный окладъ* безъ высылки *заплатить*“. Эта возможность лишь связывалась условіемъ ограниченія срока дворянской службы. Нужно напомнить, что еще въ указѣ Екатерины I отъ 9 Января 1727 г. высказывалось мнѣніе, что „брать подуш. подать слѣдуетъ не прямо съ крестьянъ, а платить самимъ помѣщикамъ“. Затѣмъ хотя по закону 23 Іюня 1731 г. и требовалось „подушныя деньги платить самимъ помѣщикамъ“, но, въ случаѣ неуплаты доимки, полковники *должны были понуждать помѣщиковъ, чтобы они собирали съ крестьянъ*.„ Слѣдовательно, по закону 1731 г., помѣщикъ, какъ указано выше, въ сущности былъ только сборщикъ, и, разъ онъ не уплатилъ въ срокъ, отвѣтственность за доимку въ конечномъ результатѣ перелагалась на крестьянъ; экзекуція совершалась надъ крестьянами, и вѣдаться съ многочисленнымъ классомъ прямыхъ плательщиковъ приходилось самому правительству. Вполнѣ понятно, что, при современной податной организаціи, это положеніе вполнѣ не устраивало правительство, и поэтому новое теченіе было встрѣчено имъ сочувственно. Послѣ этого появляется извѣстный указъ отъ 23 Января 1735 г. (П. С. З. №№ 6674 и 6675). Здѣсь совершается переломъ фискальной политики правительства. Правительство требуетъ: „*чтобы всѣ помѣщики, на которыхъ есть подушная доимка, заплатили сами*“. Этотъ переходъ сдѣланъ однако на столько не замѣтно. что, при чтеніи указа, онъ сразу почти неуловимъ. Въ указѣ, по прежнему, содержится ссылка на регламентъ камеръ-коллегіи, на основаніи котораго и предъявляется требованіе. Правительство ссылалась на старину. А между тѣмъ подъ прикрытіемъ старой формы оно вложило новое содержаніе. Первымъ его признакомъ была отмѣна экзекуціи на крестьянахъ и наложеніе, взамѣнъ этого, репрессій на помѣщиковъ. Правительство не желало имѣть дѣло непосредственно съ крестьянами, представляя это самимъ помѣщикамъ. Оно отказалось примѣнять къ нимъ и экзекуціи. Тѣмъ же указомъ приказано „изъ всѣхъ деревень, гдѣ есть посланные на экзекуцію, до указа вывесть“. И вмѣстѣ съ тѣмъ потребовано, чтобы доимку помѣщики заплатили сами. Это было вполнѣ согласно съ духомъ предложенія Маслова, который въ своемъ представленіи указывалъ именно на то, что помѣщики не помогали своимъ крестьянамъ въ платежѣ денегъ. Они лично для себя из-

влекали всѣ выгоды изъ крестьянъ и „въ работы употребляли и оброки съ нихъ собирали, кто какъ хотѣлъ по своей волѣ“, о государственной же денежной повинности плохо заботились. Такія узко эгоистическія вожделѣнія помѣщиковъ и ихъ уклоненіе отъ выполненія государственной денежной повинности вызвали неудовольствіе правительства. И хотя въ то время доимка была малая, но правительство, по соображеніямъ чисто принципіальнаго свойства (и можетъ быть подъ вліяніемъ Маслова) выразило свою новую точку зрѣнія и предписало принять противъ помѣщиковъ энергичныя и суровыя мѣры. „Въ Петербургѣ и въ Москвѣ посылать къ *знатнѣйшимъ* на дворы и объявлять самимъ съ запискою“. А въ деревняхъ „править на самихъ помѣщикахъ безъ всякаго послабленія, иначе держать подъ карауломъ безъ выпуска. А кто уѣзжать будетъ въ другія деревни (т е. явно уклопяться отъ платежа), то за отбывательство и укрывательство деревни будутъ отписаны на Ея Величество“.

Послѣ этого послѣдовали еще три распоряженія Сенату: 1) 14 Марта 1736 г. предписано Сенату послать нарочныхъ для взысканія доимки на ландмилицкіе полки (т. V, стр. 118); 2) 10 Августа 1736 г предложено Сенату по всѣмъ сборамъ „наикрѣпчайше подтвердить... дабы положенные доходы собирали безъ всякаго послабленія“ (т. V, стр. 379) и 3) 27 Іюля 1737 г. объявлено Сенату Высочайшее повелѣніе немедленно взыскать доимку“ на всѣхъ, какого бы кто званія ни былъ“ (т. VI, стр. 474).

Въ „бумагахъ“, какъ было указано выше, имѣются слѣды внимательнаго отношенія Министровъ къ предложеніямъ Маслова (т. V, стр. 9). Масловъ всегда совѣтовалъ дѣйствовать осмотрительно и обращать вниманіе на степень состоятельности плательщика, при чемъ малосостоятельнымъ давать сроки. Этихъ его завѣтовъ держался и Кабинетъ. Напримѣръ въ сообщеніи Кабинета Сенату отъ 10 Авг. 1736 г. „разсуждено“ подтвердить указами, дабы „*доходы сбирали безъ всякаго послабленія и поноровки*“. И въ то же время сказано: „доимку на прошлые годы, *на тѣхъ людяхъ, кто платитъ въ состояніи,* велѣть взыскивать безъ продолженія времени“ (т. V, стр. 379).

Въ концѣ 1736 г.—31 Декабря—вышелъ извѣстный манифестъ объ ограничсніи сроковъ дворянской службы въ войскахъ „для лучшей государственной пользы и содержанія шляхетскихъ домовъ и деревень“. Послѣ этого правительство было

вправѣ ожидать отъ помѣщиковъ тѣхъ благъ, какія, по „представленію объ утѣсненіяхъ народа отъ подушнаго сбору“, сулились правительству и должны были послѣдовать отъ ограниченія срока дворянской службы—это, прежде всего, бездоимочнаго сбора: что „можетъ всякій помѣщикъ самъ подушный окладъ безъ высылки заплатить“. Помѣщики однако не дали этихъ благъ. Доимка не сокращалась, а увеличивалась. Тогда правительство, подъ вліяніемъ горькаго разочарованія въ своемъ первенствующимъ сословіи, издало свой знаменитый указъ 24 Января 1738 г. [1]) (П. С. З. № 7494), въ которомъ констатируетъ печальную истину: „и тако не отъ податей государственныхъ, но отъ непрестанныхъ работъ помѣщиковыхъ крестьяне разоряются. А напротивъ того, которые помѣщики крестьянъ своихъ порядочно содержатъ и не такъ отягощаютъ, тѣ крестьяне все на нихъ положенное платятъ въ казну бездоимочно“. И образованіе доимки указъ ставитъ въ вину также помѣщикамъ: „доимка не вся отъ пустоты или скудости запущена, но другими разными видами, а именно: *на знатныхъ людяхъ*, тако-жъ и на ослушникахъ, изъ коихъ на первыхъ губернаторы и воеводы взыскивать не смѣютъ, бояся ихъ страха“. Указъ предписываетъ *взыскать съ людей всякаго званія* по таможенному, кабацкому, подушному и другимъ сборамъ „съ опубликованія сего указа въ мѣсяцъ и о наказаніи за невзносъ оныхъ доимокъ“ и предупреждаетъ, что сами помѣщики будутъ жестоко оштрафованы.

1738-й годъ былъ особенно обиленъ доимочными распоряженіями, что объясняется тѣмъ, „что при нынѣшнемъ военномъ времени на нужнѣйшіе расходы въ деньгахъ крайняя нужда“ (т. VIII, стр. 67). Послѣ 24 Января состоялось сообщеніе Кабинета Сенату съ объявленіемъ Высочайшаго повелѣнія (т. VIII, стр. 66—67).

17 Августа 1738 г. изданъ вновь указъ (П. С. З. № 7632) взыскивать на помѣщикахъ, а которые въ отлученіи—на прикащикахъ, старостахъ и выборныхъ безъ всякаго послабленія. 5 Сентября Кабинетъ потребовалъ отъ Сената обстоятельныя

---

[1]) Въ „бумагахъ“ замѣтны слѣды вліянія указа 24 Января 1738 г. Брали подъ караулъ за доимки даже управителя Имеретинской царевны Даріи, и царевна прислала письмо, что „та де доимка учинилась отъ хлѣбнаго недороду и отъ побѣгу крестьянскаго и отъ прочаго“ (т. VII, стр. 248). Отъ царевны Дарьи поступило еще одно „слезное“ прошеніе 7 Мая 1739 г. объ освобожденіи отъ взысканія ея маршала (IX т., стр. 514—515). Затѣмъ имѣются доношенія о взысканіи съ извѣстныхъ лицъ мценскихъ помѣщиковъ Шеншиныхъ 10 Іюня 1738 г. (т. VII, стр. 463).

справки о положеніи дѣлъ вообще по всѣмъ доимкамъ (т. VIII, стр. 212). 17 Сентября 1738 г. Сенатъ, въ сообщеніи Кабинету, опредѣлилъ „чинить“ слѣдующее (т. VIII, стр. 311—314):

1) доимку взыскивать по прежнимъ указамъ на самихъ помѣщикахъ или за отлучкою на ихъ уполномоченныхъ,

2) составить и вести въ Сенатѣ *поименные* реестры доимщиковъ, съ отмѣткою въ реестрахъ времени уплаты, а съ реестра ежемѣсячно подавать въ Кабинетъ краткія вѣдомости, „означивая сумму взысканныхъ денегъ отъ числа по число“,

3) по спискамъ взыскивать съ помѣщиковъ, которые служатъ въ гвардіи, флотѣ, гарнизонахъ, коллегіяхъ, канцеляріяхъ, конторахъ и проч.

и 4) „для сочиненія и отправленія всего того... учредить при Сенатѣ особую Экспедицію“.

Кабинетъ Министровъ, видимо, принялъ твердое рѣшеніе бороться съ помѣщиками—доимщиками, въ особенности съ знатными, съ которыхъ губернаторы и воеводы взыскивать не смѣютъ, боясь ихъ страха. 30 Октября 1738 г. потребована изъ Сената вѣдомость, „сколько имѣется на знатныхъ персонахъ [1]) по именамъ доимки и тое вѣдомость подать кончая сего жъ числа, а потомъ о всѣхъ чинахъ именную жъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ потребованы копіи со всѣхъ указовъ, посланныхъ съ состоянія Кабинета (т. VIII, стр. 350).

Поводомъ для этой борьбы Кабинета съ помѣщиками въ это время служили не одни только принципіальныя соображенія, но, еще болѣе, мотивы чисто практическаго свойства. Когда Сенатъ подалъ въ Кабинетъ вѣдомость о 119 городахъ, то въ ней оказалась доимка въ 1622908 р., т. е. вдвое болѣе бывшей въ началѣ 1735 г., при чемъ о 94 городахъ свѣдѣній еще не получалось. Такимъ образомъ всѣ прежніе указы и увѣщанія не помогли и положеніе дѣлъ не только не улучшилось, а еще болѣе ухудшилось. Нужно при этомъ принять во вниманіе еще то обстоятельство, что въ то же время правительство, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, вело безплодную борьбу съ тѣми же помѣщиками изъ-за того, что послѣдніе не исполняли закона 25 апрѣля 1734 года, которымъ ихъ обязывали кормить голодныхъ крестьянъ, и крестьяне нищенствовали и искали себѣ пропитанія по-міру (гл. V). Тогда Кабинетъ вновь выступилъ противъ помѣщиковъ и управителей съ

---

[1]) 5 Декабря 1738 г. получена изъ Сената вѣдомость о имѣющейся подушнаго сбору доимкѣ на знатныхъ и другихъ, на комъ есть знатная доимка (т. VIII, стр. 460).

самой рѣзкой формѣ и параллельно, также какъ въ 738 году, выказалъ свои симпатіи крестьянамъ. Въ изданномъ послѣ этого именномъ указѣ отъ 15 января 1739 г. [1]) (П. С. З. № 7732) сказано, что *виною* помноженія доимки „вначалѣ *знатныя персоны*, а на нихъ смотря или норовя имъ — губернаторы". Указъ называетъ управителей въ дворцовыхъ, синодальныхъ, монастырскихъ селахъ — плутами и взяточниками: „за подлинное мы увѣдомились, что оные управители не о доходахъ государственныхъ старались, но всегда о своемъ обогащеніи вымышляли, какъ бы имъ неправильную корыстъ получить, и для того изо взятковъ крестьянамъ потакали". По мнѣнію, выраженному въ указѣ, крестьяне представлены жертвою ихъ эксплоататоровъ: „и тако *бѣдное крестьянство* отъ такихъ вымышленныхъ имъ послабленій и обмановъ вовсе разоряется". Велѣно, „чтобы помѣщики имѣющуюся *на нихъ* доимку заплатили", а за синодальныхъ, архіерейскихъ и дворцовыхъ-взыскать съ управителей, виновныхъ въ допущеніи доимки. Для уплаты назначенъ срокъ въ $1^1/_2$ мѣсяца, а для служащихъ въ войскахъ — 3 мѣсяца. *Оставшуюся доимку велѣно доправить вдвое* [2]). За неисполненіе указъ угрожаетъ самыми страшными карами. По указу велѣно: „всѣ доимки, какъ подушнаго, такъ и прочихъ сборовъ, на всѣхъ кто *какого бы званія и достоинства ни былъ, не ослабно взыскивать*. „Въ указѣ № 7732 содержится, между прочимъ, указаніе о сборѣ податей съ крестьянъ помѣщиками. Приказано „накрѣпко подтвердить, дабы всѣ прикащики и старосты и выборные, въ небытность помѣщиковъ своихъ, подушныя деньги и другія положенныя подати собирая съ крестьянъ, сами отвозили и платили, а крестьянъ для того не посылали". Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ — 4 іюня 1739 г. (П. С. З. № 7832) Сенатъ, согласно прежнимъ указамъ, далъ распоряженіе канцеляріи конфискаціи: немедленно всѣ конфискованныя имѣнія описывать и продавать и доимки и штрафы взыскивать безъ всякаго послабленія. Въ томъ же 1739 году — 15 ноября поступило сообщеніе изъ Сената „какимъ образомъ впредь во взысканіи доимокъ поступать" (т. X, стр. 489). А въ 1740 году вышелъ опять указъ править „безъ всякаго послабленія„ (26 апрѣля — П. С. З. № 8080).

---

[1]) Указъ былъ отвѣтомъ и на доношеніе графа Мусина Пушкина, поступившее 30 дек. 738 г. съ его мнѣніемъ „какимъ образомъ впредь надлежитъ поступать по взысканію доимокъ"(т. VIII, стр. 512).

[2]) Взысканіе доимокъ вдвое, за неплатежъ въ срокъ, отмѣнено по указу 26 апрѣля 1740 г. П. С. З. № 8080. Въ этомъ указѣ вообще предполагалось облегчить положеніе недоимщиковъ, „особенно неимущихъ и бѣдныхъ".

Въ „бумагахъ“ имѣются и другія указанія, которыя еще болѣе подтверждаютъ опредѣленность системы, твердо проводившейся министрами на практикѣ — *что доимку за крестьянъ должны платить сами помѣщики*. Въ журналѣ за 14 авг. 1739 г. записано мнѣніе Остермана по поводу предположеннаго Тульскимъ и Калужскимъ воеводами употребленія крестьянъ на разныя работы для оплаты доимокъ. Остерманъ высказался такимъ образомъ: „ежели же крестьяне за подушную доимку имѣютъ быть въ такую работу употреблены, то они лишаются своей пашни и домовъ и въ крайнее разореніе приведены; и вмѣсто, чтобъ съ нихъ прежнюю *доимку съ добрымъ порядкомъ выбрать*, за такимъ ихъ конечнымъ разореніемъ, пока старая доимка ихъ заработными деньгами будетъ вычитаться, вновь больше того на нихъ накопится. *И особливо по послѣднимъ публикованнымъ двумъ указамъ велѣно: 1) доимку подушнаго сбора править на самихъ помѣщикахъ*, а въ небытность ихъ — на прикащикахъ и старостахъ, а по 2-му — гдѣ будутъ объявлять сущую пустоту, о томъ свидѣтельствовать и въ Сенатъ доносить и для того за такую подушную доимку за карауломъ крестьянъ держать, кажется, не надлежитъ“ (т. X, стр. 102—103). Подъ такими словами не отказался бы подписаться и самъ Масловъ. Да и вообще вся политика Кабинета по взысканію подушныхъ доимокъ послѣ 23 января 1735 г., есть не что иное, какъ воплощеніе самой завѣтной мечты идеалиста Маслова, чтобъ помѣщики“ за наличныхъ крестьянъ къ назначенному сроку готовили бъ собственыя свои деньги“. Но у Маслова это было только мечтой. А министры обратили ее въ законъ и имѣли мужество проводить его въ жизнь и вступить изъ за этого въ непопулярную борьбу со всѣми, „какого бы кто званія ни былъ, особенно знатными“. Они стали на защиту крестьянства и требовали, чтобъ доимку за крестьянъ платили сами помѣщики. А когда помѣщики начали всѣми мѣрами уклоняться отъ платежа — стали съ нихъ взыскивать и даже продавать ихъ деревни. Это было можетъ быть и сурово, но совершенно логично и справедливо.

Изъ за такой же доимки Кабинетъ Министровъ вступилъ въ борьбу и съ мѣстной администраціей — губернаторами, воеводами и приказными, на которыхъ, за послабленіе и упущеніе, налагалъ штрафы, подвергалъ задержанію и даже возлагалъ матеріальную отвѣтственность [1]).

---

[1]) П. С. З. №№ 5983, 6237, 6587, 7732 и 7946; Описаніе Сенат. Архива № 7735; Сборники бумагъ — тома: VI стр. 675, 739 и VIII т., стр. 37, 202 и 361.

Для того, чтобы быть въ курсѣ состоянія дѣла по доимкамъ, Кабинетъ часто требовалъ различныя свѣдѣнія и вѣдомости о доимкахъ [1]), Иногда свѣдѣнія требовались по челобитнымъ о сложеніи доимокъ. А начиная съ 1738 года провинціальныя канцеляріи стали доставлять свѣдѣнія о ходѣ взысканія доимки и Сенату и Кабинету. Всего такихъ донесеній поступило въ Кабинетъ: въ 1738 г., начиная съ 24 января, отъ 55 провинцій — 150 и въ 1739 году — отъ 23 провинцій — 48 донесеній [2]).

б) доходовъ положенныхъ на артиллерію.

Въ „бумагахъ“ встрѣчаются свѣдѣнія „о взысканіи запущенныхъ въ доимку положенныхъ на артиллерію доходовъ“. Изъ Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго Кабинетомъ Сенату 30 октября 1738 г., видно, что доходъ на артиллерію положенъ *изъ подушнаго сбора съ купечества и съ государственныхъ крестьянъ* (т. VIII, стр. 352). Такимъ образомъ эта доимка касалась также подушныхъ податей, по иной категоріи и иного назначенія. Подушная подать, какъ извѣстно, распадалась на три вида: 1-й съ крестьянъ всѣхъ наименованій — по 70 к., 2-й — съ государственныхъ крестьянъ (и однодворцевъ) кромѣ того дополни-

---

[1]) т. II 83; IV: 395, 530; т. V—15, 40, 51. 184, 420; т. VI—564; т. VII—4, 298, 321, 370; VIII—214, 333, 379, 484; IX т. — 11; т. X—78, 249, 320.

[2]) *Въ 1738 году* поступило донесеній отъ Канцелярій: Нижегородской—19, Елецкой—12, Бѣлозерской—8, Новгородской—7, Вологодской, Костромской и Переяславской—по 6, Алатырской, Казанской, Суздальской, Тульской и Устюжской—по 4, Воронежской, Угличской, Шацкой и Ярославской—по 3, Арзамасской, Архангелогородской, Великолуцкой, Владимірской, Вятской, Галичской, Кадомской, Калужской, Керенской, Ливенской, Мценской, Псковской, Починковской волости, Сибирской и Усманской—по 2, Борисоглѣбской, Бѣжецкой, Бѣлгородской Бѣлевской, Верхнеломовской, Ефремовской, Кашинской, Кромской, Курмышской, Волоколамской, Московской губ. канцеляріи, Муромской, Наровчатской, Пензенской, Свіяжской, Серпуховской, Симбирской Смоленской, Тамбовской, Тверской, Торопецкой, Тюменской, Уфимской и Юрьево-Польской — по 1-му

VII т., стр: 53, 125, 148, 150, 183, 240, 266, 268, 267, 269, 272, 282, 300, 330, 357, 358, 372, 373, 374, 379, 397, 409, 410, 424, 425, 432, 451, 452, 464, 465, 482, 486, 487, 490, 500, 508, 505, 506.

VIII т., стр: 15, 16, 17, 25, 38, 57, 60, 67, 68, 70, 71, 84, 105, 106, 107, 108 109, 124, 125, 142, 143, 145, 151, 155, 160, 174, 175, 176, 177. 204, 206. 226, 227, 243, 245, 262, 361, 302, 308, 315, 316, 319, 320, 321, 332, 333, 345, 366, 435, 443, 445, 449, 503, 504, 513.

Въ 1739 году поступило донесеній отъ Канцелярій Уфимской—6. Шацкой—5, Елецкой—4, Астраханской, Лебедянской и Угличской—по 3, Бѣлозерской, Галичской, Иркутской, Калужской, Переяславской, Суздальской и Устюжской—по 2, Алатырской, Бѣлгородской, Великолуцкой, Вологодской, Вятской, Касимовской, Костромской, Краснослободской, Свіяжской, Тульской и по дворовымъ волостямъ—по 1.

Т. IX, стр: 28, 33, 40, 103, 121, 357, 378, 380. 482, 534, 568, 572;

т. X, стр.: 2, 21, 22, 42, 110, 132, 156, 200, 211, 268, 304, 324, 328, 341. 346, 371, 400, 419, 434, 444, 542, 586, 614, 656.

тельный платежъ, или оброчная подать — по 40 к. и 3) съ городского населенія (80+40)=1 р. 20 к. съ души. По плакату 1724 года часть четырехгривеннаго сбора шла на содержаніе артиллеріи. Въ 1725-мъ году на содержаніе артиллеріи опредѣленъ былъ полностью весь третій изъ подушныхъ сборовъ по 1 р. 20 коп. съ городскихъ жителей, что составляло 203.311 р. (Милюковъ „Госуд, Хозяйст.“, стр. 480, 495 и 496). При Аннѣ Іоанновнѣ, какъ видно изъ кабинетскаго объявленія 30 окт. 1738 г., содержаніе артиллеріи черпалось изъ второго и третьяго вида податей. Относительно ея доимки издавались спеціальныя распоряженія.

Поводомъ для распоряженій объ артиллерійской доимкѣ послужила большая задолженность: съ 724 по 736 г. въ доимкѣ числилось болѣе 650.000 р., что превышало трехгодичный окладъ (по 203.311 р.). Артиллерійская Канцелярія объявила „крайній недостатокъ въ деньгахъ, и для такого крайняго недостатка на исправленіе помянутой артиллеріи дано изъ другихъ сборовъ, по двумъ Нашимъ указамъ, 100.000 р.“. Поэтому указомъ Императрицы на имя Сената 9 февр. 1737 г. повелѣно: „въ тѣ мѣста, откуда такая на артиллерію сумма въ недосылкѣ, послать къ тамошнимъ правителямъ *строгіе указы съ крѣпкимъ подтвержденіемъ*, дабы оные старались, *какъ возможно*, для нынѣшнихъ военныхъ случаевъ показанную доимку выбрать“ (т- VI, стр. 78—79). 22 іюня 1737 г. Кабинетъ, вслѣдствіе донесенія генералъ-фельдцейхмейстера, напомнилъ Сенату „о сборѣ на прошлые годы артиллерійской доимки стараніе и попеченіе имѣть“ (т. VI, стр. 392). 6 октября того же года затребовалъ изъ Сената вѣдомость, „артиллерійской доимки сколько взыскано и гдѣ тѣ деньги нынѣ имѣются“ (т. VI, стр. 599). Все это для того времени, были, несомнѣнно, слишкомъ мягкія мѣры воздѣйствія, и онѣ ни къ чему не привели. Дѣло не улучшилось, а ухудшилось. Въ 1738 году оказалось въ доимкѣ уже 870.000 р. и, по доношенію артиллерійской канцеляріи, „во исправленіи въ предбудущей компаніи артиллеріи съ ея амуниціею и прочихъ нужнѣйшихъ воинскихъ припасовъ учинилась всеконечная остановка, за тѣмъ, что доходы ежегодно несполна получаютъ“. По этому поводу кабинетъ 30 октября 1738 года сообщилъ Сенату: „того ради Ея И. В-во указала изъ Прав. Сената о взысканіи упомянутой доимки еще подтвердить съ *наикрѣпчайшимъ подтвержденіемъ*, чтобы они вышеупомянутую доимку взыскивали тѣхъ городовъ на бурмистрахъ и на всемъ купечествѣ, а на государственныхъ крестьянахъ тѣхъ

волостей, на которыхъ такая доимка есть, на всѣхъ безобходно. *А ежели января до 1 числа будущаго 1739 года всего сполна собрано не будетъ, то оставшаяся затѣмъ доимка взыскана будетъ на губернаторахъ и воеводахъ и ратушскихъ бурмистрахъ изъ ихъ собственныхъ имѣній*". При этомъ было совершенно справедливо сказано, что купечество и государственные крестьяне „положенныя на нихъ подати весьма въ состояніи платить" (т. VIII, стр. 352).

Но и послѣ этого доимка, подобно другимъ ея видамъ, повидимому, обратилась уже въ хроническое состояніе. Объ этомъ, между прочимъ, свидѣтельствуетъ докладъ генералъ-фельдцейхмейстера, поступившій въ Кабинетъ 4 Февраля 1739 г., „объ опредѣленіи въ артиллерію *ко взысканію доимокъ* и къ разсмотрѣнію артиллерійскихъ штатовъ въ ассесоры артиллер. капитана Григорія Кадрина (т IX, стр. 105).

в) Оброчныхъ статей. Главными видами оброчныхъ статей были сборы таможенные и кабацкіе. Порядокъ текущихъ по нимъ поступленій и, въ зависимости отъ этого, тотъ порядокъ, который существовалъ по взысканію доимокъ, опредѣленно указанъ въ 6-мъ пунктѣ Инструкціи Доимочному приказу (П. С. З. № 6412): „понеже по указамъ Нашимъ прошлыхъ 1724, 1725, 1727 годовъ велѣно въ губерніяхъ и провинціяхъ таможенные и кабацкіе и прочіе тому подобные сборы отдать на магистраты положа на нихъ, выбравъ средніе оклады, по которымъ указамъ во многихъ городахъ на магистраты и на ратуши оные и отданы, съ такимъ опредѣленіемъ, чтобъ положенный окладъ платили повсягодно сполна, а чего сполна не соберутъ, то на нихъ и взыскивать (т. е. на магистратахъ и ратушахъ). Также буде что сверхъ окладу соберутъ, то оставлять тѣмъ ратушамъ въ пользу городскую. Того ради въ которыхъ городахъ таможенные и кабацкіе и канцелярскіе сборы по вышеписаннымъ указамъ отданы на магистраты и потомъ на ратуши, а по обязательствамъ своимъ противъ окладовъ въ казну заплатили несполна, тѣ взыскивать и править по тѣмъ обязательствамъ на тѣхъ ратушахъ и на всѣхъ того посада купечествѣ".

Вообще подъ оброчными статьями памятники подразумѣваютъ сборы съ таможенъ, кабаковъ, рыбныхъ ловель, мостовъ, мельницъ, перевозовъ и т. п. (П. С. З. № № 5983 и 6412). Это перечисленіе слѣдуетъ считать однако только примѣрнымъ перечнемъ болѣе крупныхъ статей. Въ дѣйствительности коли-

чество оброчныхъ статей было довольно значительно. Въ дополненіе къ перечисленнымъ статьямъ можно еще указать сборы съ бань, съ постоялыхъ дворовъ, хомутный, съ конскихъ площадокъ, медовый и проч. (Милюковъ, „Госуд. Хоз.“, стр. 155—159). Всѣ перечисленныя статьи, вмѣстѣ съ другими имъ однородными, приведены Милюковымъ („Госуд. Хоз.“. стр. 484) въ качествѣ оклада 1724 года и составляли сумму въ (2.128.622+219780+254782)=2.603.184 р. Весь же окладъ 1724 года составлялъ 8.654.727 р., изъ коихъ: подушной подати—4.614.637 р. и прочихъ доходовъ—4.040.090 руб. (Ключевскій, „Рус. Ист.“ IV ч., стр. 187). Такимъ образомъ оброчныя статьи составляли 64,4% „прочихъ доходовъ“ и 30% всего оклада 1724 года. Правительство Анны Іоанновны придавало имъ весьма важное значеніе во 1-хъ потому, что они въ государственномъ бюджетѣ составляли, дѣйствительно, весьма крупную и прочную статью: „яко главные и благопадежные государственные доходы“ (П. С. З. № 5983) и во 2-хъ самое главное, что это были доходы“ безъ всякой народной тягости текущіе „(П. С. З. № 5983), или, какъ выражено въ другомъ памятникѣ:“ которыя безъ всякой общей народной тягости и всякой подданной по своему *произвольному* обязательству платить въ казну Нашу долженъ“ (П. С. З. № 6412). Но въ этомъ дѣлѣ нашлись „неправдивые люди“, которые „всѣми образами домогаться стали, чтобъ, имъ, взявъ изъ казны Нашей деньги подъ образомъ какихъ подрядовъ или купя казенные товары, безсовѣстно корыстоваться“. Изъ за этого, а равно неплатежа откупныхъ суммъ образовалась доимка, которая за время съ 719 по 732 г. была опредѣлена въ 7056036 р., что составляло почти трехгодовой окладъ. Авторъ указа (несомнѣнно Аникитъ Маслов), даннаго по этому поводу Сенату 13 Марта 1732 г. (П. С. З. № 5983), видимо, до глубины души возмущался этимъ, что и выразилъ въ указѣ: „и понеже передъ Богомъ безсовѣстно есть, чтобъ партикулярные люди такимъ образомъ многими государственными деньгами вымышленно корыстовались, а между тѣмъ въ государственныхъ расходахъ нужда состояла,—того ради Мы, по справедливости, того оставить отнюдь не можемъ“. По выраженію того же указа „такіе непорядки и казенные убытки о томъ Намъ чувственны“. Указъ предложилъ: 1) тѣ доимки взыскивать безъ всякаго послабленія, 2) выяснять причины невзысканія доимки, но „паче о томъ, съ такимъ ли основаніемъ и порядкомъ, какъ указы повелѣваютъ, тѣ откупы отдаваны или подряды какіе „*и такія*“ *доимки взыскивать*

жесточе на тѣхъ, кто въ томъ неисправенъ явится". 3) взыскивать „на судьяхъ и приказныхъ людяхъ штрафъ не меньше, какъ по 10 процентовъ въ годъ", 4) поручить разсматривать эти доимки Анисиму Маслову. Въ бумагахъ имѣются слѣды строгаго выполненія 2-го пункта и дѣйствительнаго взысканія съ камериpовъ и прочихъ мѣстныхъ властей всѣхъ тѣхъ денегъ, которыхъ по неисправности, несостоятельности или другимъ причинамъ, не уплатили откупщики или другіе недоимщики [1]).

О дѣятельности прежней камеръ-коллегіи указъ 19 Марта 1732 г. далъ довольно нелестный отзывъ: „той коллегіи судьи въ запущеніи доимки сами могутъ быть причиною". 18 Августа 1732 г. данъ Сенату указъ (П. С З. № 6154) „о немедленномъ выбираніи доимки прежнимъ камеръ-коллегіи президенту и членамъ" (I т., стр. 366).

Масловъ, по обычаю, принялся горячо за дѣло. 29 Янв. 1733 г. въ Кабинетѣ состоялось соединенное засѣданіе министровъ и сенаторовъ, на которомъ Масловъ подалъ Сенату "предложеніе и пункты объ имѣющейся таможенной кабацкой и проч. по камеръ-коллегіи доимкѣ, которые чтены черезъ сенатскаго секретаря Баскакова, и имѣли о томъ разсужденіе, и что положили, о томъ приказано написать оному секретарю". (II т., стр. 52). Въ результатѣ 21 Марта 1733 г. послѣдовала резолюція на приговорѣ министровъ и сенаторовъ (II т., стр. 153), которой предложено принять слѣдующія мѣры (П. С. З. № 6358): 1) взыскивать съ самихъ откупщиковъ, а если померли—на наслѣдникахъ, а если взять съ нихъ нечего—на губернаторахъ, воеводахъ и приказныхъ и 2) бывшіе члены камеръ-коллегіи, губернаторы, вице губернаторы, воеводы, секретари и подъячіе до погашенія доимки не могутъ продавать или закладывать имѣній.

19 Февраля 1733 г. Масловъ подалъ свое упомянутое выше знаменитое доношеніе о порядкѣ взысканія доимокъ на купцахъ и ратушахъ (II т., стр. 205 и 206), которое отмѣчено проф. А. Н. Филипповымъ. 24 Мая 1733 г. утверждена инструкція

---

[1]) Наприм.:
1) Камериръ Ушаковъ—за неоплату денегъ откупщиками (т.VI], стр. 7, 17—19, и 154).
2) Подъячій Шнитниковъ за неуплату заемщиками денегъ, выданныхъ „черезъ его свидѣтельство" (т. II, стр. 366).
3) Камериры Ушаковъ, Аничковъ, Ладыженскій, Лаптевъ и Чертовъ за „несмотрѣніе надъ коммиссары и подъячимъ, уличенными въ похищеніи казны и излишнихъ сборахъ" (т. II, стр. 460).

доимочному приказу (П. С. З. № 6412). 18 Октября 1735 г. Сенатомъ, по предложенію прокурора, составленъ важный приговоръ о томъ, что если недоимщики будутъ объявлять свои долги на казнѣ или „партикулярныхъ людяхъ“, но эти долги обращать на пополненіе доимки [1]). Кабинетъ, въ своей резолюціи на этомъ приговорѣ добавилъ: „и тѣхъ собранныхъ денегъ въ расходъ не употреблять, а сколько когда взыскано будетъ— репортовать, и, для скорѣйшаго взысканія, взять у тѣхъ людей, на которыхъ онъ (купецъ Эльмзель [1])) свои долги показываетъ, сказки, признаваютъ ли они, что ему должны, и потомъ подписаться тѣмъ должникамъ, что имъ въ назначенный срокъ заплатятъ“ (IV т., стр. 389).—Послѣ этого кипучая дѣятельность Маслова прекратилась, но взысканіе продолжало направляться Кабинетомъ вполнѣ согласно съ духомъ и направленіемъ Маслова, изъ за чего Кабинетъ, какъ указано выше, вступилъ въ борьбу съ помѣщиками и администраціей (24 Января 1738 г.—П. С. З. № 7494, 15 Января 1739 г.—П. С. З. № 7732, 21 Января 1739 г.—П. С. З. № 7739 и 10 Января 1740 г.—П. С. З. № 8000).

Кабинетъ, какъ всегда, внимательно слѣдилъ за ходомъ взысканій и часто требовалъ справки и свѣдѣнія о состояніи доимки и наличіи доимочныхъ денегъ [2]), въ томъ числѣ справки и по челобитьямъ о сложеніи доимокъ.

г) Адмиралтейской. Съ 1735 года въ „бумагахъ“ встрѣчается переписка спеціально по адмиралт. доимкѣ. Эта доимка представляла собою денежную казну, недосланную изъ губерній и провинцій *„въ положенный на адмиралтейство окладъ, изъ таможенныхъ и кабацкихъ, и канцелярскихъ сборовъ“*. (т. IV, стр. 70). Такимъ образомъ она являлась частью доимки оброчныхъ статей, которая отличалась отъ общей оброчной доимки нѣкоторыми спеціальными распоряженіями.

По бюджету 1725 года новый окладъ адмиралтейства опредѣленъ былъ въ 1400000 руб., на покрыіе котораго предназ-

---

[1]) Въ „бумагахъ“ видны слѣды примѣненія новой мѣры. Наприм. поступило въ Кабинетъ „доношеніе изъ коммер. колегіи—о долгѣ доктора Шмита на банкрутахъ Бодышкѣ и Борштѣ (4 Марта 1738 г.—т. VII, стр. 148); канцеляріи конфискаціи—о долгахъ Эльмзеля (21 Апр. 1738 г.—т. VII, стр. 339; 2 Сент. 1738 г.—т. VII, стр. 204 и прошеніе вдовы Эльмзеля 14 Февр. 1739 г.—т. IX, стр. 123).

[2]) I т.—21, 25 29, 82, 405; II т.: 346; IV т.: 216, 416, 425, 383, 553; V т.; 29, 56, 151, 196, 573; VI т.—459, 107, 599; VII т.: 355, 417, 434, 442; VIII т.: 203, 489; IX: 276, 472, 473, 514; X: 101, 209, 320; XI: 211.

начались всѣ остальные, послѣ подушной подати, государственные сборы сорока провинцій, среди которыхъ главное мѣсто занимали налоги таможенные и кабацкіе (Милюковъ, „Гос. Хоз.“, стр. 496 и 541). При Аннѣ Іоанновнѣ въ 1731 году ассигнованіе на содержаніе адмиралтейства уменьшилось до 1020000 р. въ годъ (указъ 13 Авг. 1731 года), а въ 1734 году назначено по 1200000 р. [1]). Но источники содержанія остались тѣ же, какіе были и въ 1725 году—таможенные, кабацкіе и канцелярскіе сборы.

Спеціальный вопросъ объ адмиралт. доимкѣ возникъ потому, что по вѣдомости адмиралт. коллегіи, поданной въ Кабинетъ, показано было въ недосылѣ, въ положенный на адмиралтейство окладъ, съ 731 по 19 Февраля 735 г. *болѣе милліона рублей.* А почему образовалась такая сумма, „изъ губерній и провинцій основательныхъ вѣдомостей и отвѣтовъ не имѣется“. Кабинетъ выразилъ свое отношеніе къ такому факту совершенно опредѣленно: „чтобъ въ помянутыхъ немногихъ годахъ толь великая сумма недоборомъ осталась совершенно въ доимкѣ, того за вѣроятность принять неможно“. По этому поводу было повелѣно: 1) „для подлиннаго о той доимкѣ изслѣдованія, зачѣмъ оная къ адмиралтейству въ недосылкѣ: оттого ль, что, можетъ быть, за какими невозможностями въ недоборѣ или за слабостію во упущеніи остается“ командировать на мѣста отъ адмиралтейства капитана Бестужева и ассесора Батурина, которымъ преподана подробная инструкція; 2) „по вышеупомянутому слѣдствію, которые явятся на откупщикахъ и на ратушахъ и на вѣрныхъ, тако жъ и прочимъ всякаго званія сборомъ, доимка, о той, между опаго слѣдствія, губернатора, вице губернатора и ихъ товарищевъ понуждать накрѣпко“ и 3) „по требованіямъ имѣющихся въ губерніяхъ и провинціяхъ отъ адмиралтейства офицеровъ подлежащіе отвѣты и справки и вѣдомости и служителей, такожъ какое будетъ чиниться отъ нихъ понужденіе, и въ томъ чинить безъ препятствія надлежащее исполеніе“ (указъ 6 Марта 1735 г., т. IV, стр. 70—72).

Послѣ этого возникла довольно большая переписка о доимкѣ на Московской провинціи. По вѣдомостямъ адмиралтейской и камеръ-коллегій на ней считалось 316789 р., а Московск. губернаторъ отрицалъ эту сумму, утверждая, что съ Московск.

---

[1]) Въ томъ числѣ съ губерній и провинцій 780831 р. 50½ к. и 419168 р. 49½.—изъ Петерб. и Московск. рентерей (донесеніе адмиралт. коллегіи IX т., стр. 5).

провинціи весь окладъ составлялъ только 57922 р., „кои, собравъ исправно, отданы сполна“ (IV т., стр. 288). Министры, по неимѣнію окладной книги, сами не могли установить точную цифру оклада, требовали по этому поводу свѣдѣній отъ Салтыкова, затѣмъ отъ штатсъ-конторы и наконецъ отъ Сената (IV т., стр. 298, 375, 397 и VII, стр. 3), но всѣ ихъ отвѣты, видимо, такъ и не удовлетворили Кабинетъ. Онъ добивался точной и опредѣленной цифры и не могъ ее получить.

Слѣдующіе 1737 и 1738 годы также оставили слѣды заботъ объ адмиралт. доимкѣ. 2 Марта 1737 г. поступило изъ адмиралт. коллегіи донесеніе „о взысканіи на губерніяхъ и провинціяхъ доимочныхъ, положенныхъ на адмиралтейство денегъ, о чемъ надлежитъ опредѣленіе учинить“ (VI т., стр. 123). Въ резолюціи на этомъ докладѣ было выражено возмущеніе плохими результатами взысканія: „и какъ безбожно доходы пропадаютъ, безъ всякаго надзиранія и должнаго исправленія“ и повелѣно: „чтобъ воеводы и прочіе при тѣхъ сборахъ управители, какъ прежніе, такъ и нынѣшніе, какъ движимыя, такъ и недвижимыя свои имѣнія продавать или на сторону отдать не могли до тѣхъ мѣстъ, пока сіи дѣла изслѣдованы и дѣйствительно рѣшены и окончены будутъ“ (II. С. З. № 7193). Послѣ этого 31 марта 1737 г. потребовали въ Кабинетъ „Экстрактъ изъ всѣхъ доношеній, присланныхъ отъ офицеровъ, отправленныхъ въ губерніи и города для взысканія адмиралтейской доимки и слѣдствія, съ показаніемъ годовъ, мѣсяцевъ и чиселъ“ (т. VI, стр. 181). А 14 марта 1737 г. поступило въ Кабинетъ сообщеніе Сената: „какое по именному указу опредѣленіе учинено, по сношенію съ президентомъ адмиралт. коллегіи, объ изслѣдованіи о непорядочныхъ сборахъ и о запущеніи въ доимку доходовъ“ (VI т., стр. 291).

Въ 1735 году Кабинетъ добивался вѣрной суммы задолженности. Онъ не удовлетворялся всѣми даваемыми ему отвѣтами. И его сомнѣнія оправдались въ полной мѣрѣ. Въ донесеніи адмиралт. коллегіи отъ 26 декабря 1738 г. сумма доимки съ 731 г. опредѣлилась въ 2394605 р. 47½ к. Прежнія свѣдѣнія о задолженности „болѣе милліона“, очевидно, были невѣрны. И адмиралтейство очутилось въ критическомъ положеніи: у него „во всѣхъ нужнѣйшихъ исправленіяхъ и приготовленіяхъ учинилась остановка“, а служители, не получая жалованья, „претерпѣваютъ немалую нужду“. Тогда коллегія обратилась съ просьбой отпускать ей изъ сборовъ Тульской и Переславской провинціи. Кабинетъ передалъ просьбу коллегіи на разсмотрѣніе Сената и поручилъ такое опредѣленіе учинить дабы

недостатка при адмиралтействѣ быть не могло, и о присылкѣ „этой недосланной суммы, куда надлежитъ, подтвердить указами“ (7 янв. 1739 г., т. IX, стр. 8). Въ исполненіе этой резолюціи Сенатъ издалъ указъ 11 іюля 1739 г. (II. С. З. №7848) „о содѣйствіи находящимся въ губерніяхъ и провинціяхъ отъ адмиралт. коллегіи офицерамъ для взысканія доимокъ“.

Этимъ и закапчиваются спеціальныя распоряженія по адмиралтейской доимкѣ.

д) Съ монастырей и епархій. О взысканіи доимки подушной подати на архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинахъ начались распоряженія съ 16 іюня 1731 г., когда послѣдовалъ общій указъ (П. С. З. № 5780), по поводу всѣхъ подушныхъ доимокъ.

Но, помимо этого, съ домовъ архіерейскихъ и монастырей взимались еще особые доходы. Изъ Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго Кабинетомъ Синоду 20 іюля 1736 г. видно, что „*по окладу 1702 года* опредѣлено: въ коллегію экономіи изъ домовъ архіерейскихъ и изъ монастырей присылать по 50 тысячъ рублевъ на годъ“ (т. V, стр. 342). Эти доходы представляли собою излишки сверхъ содержанія, опредѣленнаго на монастыри и епархіи и были положены на содержаніе госпиталей, богадѣленъ, школъ и т. п. (II. С. З. № 6237).

Количество такой доимки по 732-й годъ было исчислено въ суммѣ 81127 р. 66 к. Поступленіе вообще замѣчалось довольно слабое. Указъ 23 октября 1732 г. (П. С. З. № 6237) отмѣчаетъ, что „на 731 г. заплатили только 3516 р.“. Ко взысканію доимки еще въ 1732 году были приняты рѣшительныя мѣры. Собирать доимку было велѣно губернаторамъ и воеводамъ, а штабнымъ офицерамъ приказано: „приказныхъ и стряпчихъ и другихъ управителей держать за карауломъ и бить на правежѣ“. Указъ вызвалъ представленіе, по поводу доимки, синодскихъ докладовъ (31 октября 1732 г.,—т. I, стр. 473; 11 мая и 19 сентября 1733 г.—т. II, стр. 218 и 459), при чемъ Синодъ представилъ „экстракты о показанной изъ экономіи въ Сенатъ *доимкѣ, которой по справкѣ нѣсколько написано напрасно* (т. II, стр. 459).

Къ 1736 году количество доимки нѣсколько уменьшилось. По свѣдѣніямъ Кабинета „доходовъ отъ 733 г. въ доимкѣ (осталось): на домѣхъ архіерейскихъ—8692 р., на монастыряхъ—42708 рублевъ, итого 51400 рублевъ“. Императрица указала:

„изъ Св. Пр. Синода во всѣ тѣ мѣста, на комъ та доимка числится, отправить указы *съ наикрѣпчайшимъ подтвержденіемъ,* дабы тѣ доимочныя деньги собраны и въ коллегію экономіи отправлены были, отъ сего времени, конечно, въ два мѣсяца. *А буде въ томъ взысканіи сами власти и ихъ управители будутъ слабо поступать и продолжать время и въ два мѣсяца сполна не соберутъ и не отправятъ, то всю оную недоимку доправить на тѣхъ, кому тотъ сборъ порученъ*“ (т. V, стр. 342).

И здѣсь принципъ взысканія проводился одинаковый со всѣми остальными недоимками: при неуспѣшности взысканія „доправлять“ доимку на управителяхъ и вообще „на тѣхъ, кому тотъ сборъ порученъ“. Въ „бумагахъ“ встрѣчается еще нѣсколько несущественныхъ статей, касающихся уже частныхъ вопросовъ о сложеніи доимки и вообще о доимкѣ по монастырямъ: Залѣсскомъ, Троице-Сергіевскомъ и Симоновѣ и Рязанской епархіи (IV т., стр. 369; V т., стр. 314; VIII т., стр. 308; X т., стр. 646).

ГЛАВА XIII.

Характеръ взысканія. Репрессіи. Льготы.

1) Репрессіи. По отзыву проф. Ключевскаго, при Аннѣ Іоанновнѣ „устроена была доимочная облава на народъ: снаряжались вымогательныя экспедиціи; неисправныхъ областныхъ правителей ковали въ цѣпи, помѣщиковъ и старостъ въ тюрьмахъ морили голодомъ до смерти, крестьянъ били на правежѣ и продавали у нихъ все, что попадалось подъ руку. Повторялись татарскія нашествія, только изъ отечественной столицы“ (IV т. „Рус. Исторіи“, стр. 393). У Ключевскаго же въ исторіи сказано: „гвардія услужила бироновщинѣ и во взысканіи недоимокъ: гвардейскіе офицеры ставились во главѣ вымогательныхъ отрядовъ“ (стр. 394).

Болтинъ (во II томѣ своихъ опроверженій на исторію Леклерка) указывалъ, что Биронъ взялъ въ свои руки взысканіе податей, отправлены были воинскія команды въ села и деревни для правежа доимокъ. Исполнители Бироновой воли забирали у крестьянъ все, что находили въ домахъ: хлѣбъ, скотъ и всякую рухлядь, лучшихъ людей забирали подъ караулъ и каждый день, разставляя всѣхъ рядомъ разутыми ногами на снѣгу, били по пяткамъ палками. И это повторялось ежедневно, пока выплатятъ всю доимку. Помѣщиковъ и старостъ отвозили въ городъ, держали многіе мѣсяцы въ тюрьмѣ, гдѣ изъ нихъ большая часть умирала съ голоду и отъ тѣсноты.

Для нашихъ цѣлей, въ смыслѣ уясненія политики Кабинета, важно опредѣленно установить его точку зрѣнія и взгляды правительства на репрессивныя мѣры, какъ принципіально, такъ и въ частности, въ смыслѣ выбора извѣстныхъ способовъ и орудій взысканій, конечно, по стольку, по сколько это проявилось открыто въ формѣ объявленныхъ указовъ и другихъ матеріаловъ. При такомъ способѣ изслѣдованія выяснится: 1) какія репрессіи были „указаны“ и проводились правительствомъ въ

качествѣ необходимыхъ, или, по крайней мѣрѣ, желательныхъ имъ мѣръ и 2) какія репрессіи примѣнялись въ дѣйствительности внѣ указовъ: въ силу обычая или злоупотребленія.

Прежде всего надо указать на форму указовъ по взысканію доимокъ. Если сравнить между собою всѣ эти указы, то почти во всѣхъ ихъ можно встрѣтить одно и то же предписаніе: *взыскивать крѣпко и безъ всякаго послабленія*. Это обратилось какъ бы въ обычную формулу, которая примѣнялась независимо отъ измѣненій въ суммѣ доимки и въ категоріяхъ плательщиковъ. Напр., 23 янв. 1735 г., по признанію самаго указа, „доимка, паче чаянія, является малая". Тогда же положено начало новому направленію—править доимку на самихъ помѣщикахъ, а не на крестьянахъ. И все-таки въ этомъ указѣ, какъ писалось и раньше и позже, употреблена та же формула: „взыскивать безъ всякаго послабленія".

Репрессіи проявлялись правительствомъ какъ въ отношеніи плательщиковъ, такъ и администраціи. Въ цѣляхъ болѣе яснаго опредѣленія взглядовъ правительства на отвѣтственность этихъ различныхъ группъ, каждая изъ нихъ выдѣляется ниже особо. Точно также, въ силу различія свойства платежей и плательщиковъ, выдѣляются доимки: подушныя и оброчныя.

а) Къ плательщикамъ подушной доимки. Въ памятникахъ встрѣчаются указанія на продерзости, побои и обиды крестьянамъ во время сбора доимокъ. Но это не составляло законнаго или обычнаго и нормальнаго орудія взысканія. Наоборотъ, такія дѣйствія считались грубымъ правонарушеніемъ, и правительство въ этихъ случаяхъ старалось твердо охранять плательщиковъ отъ всякаго произвола и насилія. Лучшей иллюстраціей взглядовъ и желаній правительства въ этомъ направленіи является именной указъ, данный военной коллегіи 7 сентября 1737 г. (П. С. З. № 7365). Обвинялись бывшіе на полковыхъ вѣчныхъ квартирахъ капитаны Алексѣевъ и Возницынъ, капралъ Никифоровъ и писарь Орловъ въ томъ, что они „чинили многія продерзости, многихъ обывателей, захватя безвинно, за карауломъ держали и брали съ нихъ взятки и на такія дѣла вступали, которыя до нихъ не принадлежали, въ чемъ по слѣдствіямъ изобличены". По военному суду „велѣно, *за такія ихъ тяжкія вины: Алексѣева—казнить смертью*, а Возницына, наказавъ публично кнутомъ и вырѣзавъ ноздри, сослать въ Оренбургъ на работу". Но во вниманіе къ ихъ продолжительной службѣ и „для нынѣ дарованной отъ Вышняго надъ непріяте-

лемъ побѣды“ Императрица уменьшила имъ наказаніе и указала „оныхъ капитановъ, лиша всѣхъ чиновъ и отобравъ патепты, бить кнутомъ нещадно и послать въ ссылку въ Сибирь, а полученныя ими съ обывателей взятки изъ ихъ имѣнія возвратить тѣмъ же людямъ, съ кого они что получили“. Что касается капрала и писаря, то ихъ—„бить передъ полкомъ плетьми нещадно и, написавъ въ солдаты вѣчно, послать въ оренбургскій гарнизонъ“. Въ этомъ же указѣ особенно ярко и опредѣленно выразился взглядъ правительства на ту программу дѣйствій, какой должны были придерживаться при взысканіи податей. „И что имъ такое наказаніе учинено, публиковать во всемъ Нашемъ государствѣ и при арміи, дабы будущіе у подушнаго сбору штабъ и оберъ и унтеръ-офицеры, такожъ и рядовые были извѣстны *и такихъ продерзостей и народныхъ обидъ чинить не дерзали, а тѣ люди, кому такія обиды и разоренія учинены, небоязненно доносили въ надлежащихъ мѣстахъ, которымъ тотчасъ сатисфакція учинена и обидимое будетъ возвращено*“.

Тѣ репрессивныя мѣры, какія находило нужнымъ примѣнять само правительство, кореннымъ образомъ различались по двумъ періодамъ: *до* и *послѣ* 23 января 1735 года.

1. До 23 января 1735 г.

Въ этотъ періодъ взысканіе производилось на основаніи регламента камеръ-коллегіи, утвержденнаго 23 іюня 1731 г. Обычной и *постоянной мѣрой являлась экзекуція*, совершаемая чинами мѣстныхъ воинскихъ командъ, расположенныхъ по уѣздамъ. По регламенту команды должны были понуждать помѣщиковъ или ихъ приказчиковъ, чтобы они собирали съ крестьянъ; *„а буде крестьяне приказчиковъ и старостъ слушать не будутъ, въ томъ имъ вспомогать по ихъ требованію“*. Изъ этого видно, что въ конечномъ результатѣ правежъ совершался на крестьянахъ. *Въ какой формѣ должна была совершаться экзекуція, регламентъ совершенно не указываетъ*. Слѣдуетъ предполагать, что современная экзекуція понималась именно въ смыслѣ тѣлеснаго наказанія. Крестьянъ-недоимщиковъ, вѣроятно, били и этимъ путемъ „выколачивали“ доимку. Однако, здѣсь необходимо сдѣлать существенную оговорку.

При обзорѣ дѣятельности гвардейцевъ уже выяснилось, что они никакихъ экзекуцій не могли совершать и во главѣ

вымогательныхъ отрядовъ или иныхъ податныхъ экспедицій не должны были становиться. Что касается мѣстныхъ воинскихъ командъ, дѣйствовавшихъ по закону 23 іюня 1731 года (П. С. З. № 5789), то количество воинскихъ чиновъ, посылавшихся на экзекуціи, было весьма ограниченное и, во всякомъ случаѣ, сравнительно съ населеніемъ деревни, представляло собою совершенно ничтожную силу. Въ регламентѣ выражено категорически, что для экзекуціи посылать и оную опредѣлять *разсмотрительно*, смотря по вотчинамъ и по числу душъ и домки, а именно:

1) гдѣ деревни многолюдныя и домки будутъ рублей отъ 500 до 1000 или больше,—въ такія посылать изъ оберъ-офицеровъ—одного, унтеръ-офицеровъ—по два, рядовыхъ человѣкъ—по 5 и по 6,

2) отъ 100 до 500: 1 унтеръ-офицера, рядовыхъ—2 или 3,

3) меньше 100: 1 унтеръ-офицеръ и 1 или 2 рядовыхъ.

И при этомъ сдѣлано было еще одно весьма существенное ограниченіе ихъ дѣйствій: „но коль скоро домочныя деньги заплатятъ, то имъ изъ тѣхъ деревень въ то жъ время безъ всякія мѣшкоты вонъ выѣзжать и на проѣздъ не меньше 30 верстъ въ день, дабы для своихъ прихотей время не продолжали“.

При указанномъ выше весьма ограниченномъ количествѣ воинскихъ чиновъ, посылавшихся для правежа, едва ли даже имѣло мѣсто массовое битье на правежѣ. Но, судя по встрѣчающимся въ памятникахъ жалобамъ и другимъ указаніямъ, обиды крестьянъ при сборѣ все-таки происходили и довольно часто. Это слѣдуетъ признать теперь фактомъ прочно установленнымъ. Возможно, что тогда же могли происходить, въ отдѣльныхъ случаяхъ, и тѣ сцены истязаній, о которыхъ говорятъ Ключевскій и Болтинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, надлежитъ отмѣтить, что всѣ эти обиды и даже единичныя истязанія были очевиднымъ уклоненіемъ отъ нормы и являлись результатомъ только одной злой воли дурныхъ исполнителей. Правительство, и въ частности Кабинетъ Министровъ, не только не поощряло ихъ, а, наоборотъ, преслѣдовало и жестоко карало ихъ, и свой взглядъ на это выразило всенародно указомъ № 7365. Но это не помогало. Дурныя наклонности и жажда наживы брали у исполнителей перевѣсъ надъ страхомъ передъ правительствомъ. Было очевидно, что здѣсь могли помочь мѣры только радикальныя. Нужно было уничтожить въ корнѣ самое зло, т.-е.

уничтожить экзекуцію. Тогда выступилъ на сцену знаменитый Масловъ съ своимъ горячимъ протестомъ по поводу скудости крестьянской. Начались особыя совѣщанія при Кабинетѣ Министровъ. И эти совѣщанія рѣшили: до указа вывести экзекуцію *вонъ*. Въ результатѣ послѣдовалъ указъ 23 января 1735 года.

2. Съ 23 января 1735 г.

Указъ 23 января 1735 г. (№ 6674), въ отношеніи экзекуціи, выраженъ въ такихъ словахъ (п. 9-й, стр. 471): „для нынѣшней крестьянской скудости изъ всѣхъ деревень, гдѣ есть посланные на экзекуцію. до указа вывесть, а впредь хотя въ которыя деревни, для высылки съ платежомъ доимочныхъ и настоящихъ подушныхъ денегъ, послать будетъ потребно, то тѣмъ посланнымъ кормовыхъ, фуражныхъ денегъ и прочаго отнюдь ничего не требовать и не брать подъ штрафомъ по воинскому артикулу, понеже они, кромѣ того, жалованья и провіантъ изъ казны Ея Императорскаго Величества получаютъ".

Такимъ образомъ *экзекуція, какъ постоянная мѣра* уничтожалась. Вывесть ее совершенно, по крайней мѣрѣ оффиціально, правительство еще не рѣшалось, и опо сохранило ее, такъ сказать, *на случай*, что и выражено въ словахъ, когда „послать будетъ потребно". Но съ этого времени помѣщичьи крестьяне были освобождены отъ правежа и экзекуціи, и всякія орудія взысканія были направлены непосредственно противъ помѣщиковъ. Однако, при всѣхъ суровыхъ указахъ, направленныхъ противъ послѣднихъ, правительство явно оберегало и щадило ихъ крестьянъ. *Среди этихъ указовъ не было ни одного, гдѣ бы указывалось на примѣненіе экзекуціи или какихъ либо иныхъ способовъ взысканія къ помѣщичьимъ крестьянамъ. Такихъ указовъ или распоряженій послѣ 23 января 1735 г. въ П. С. З. и въ „бумагахъ Кабинета Министровъ" нѣтъ.*

Встрѣчаются нѣкоторыя указанія только относительно дворцовыхъ крестьянъ:

1-е) въ жалобѣ выборныхъ Арзамасскаго у. — что изъ за убыли у нихъ податныхъ душъ „учинилась великая доимка больше 3000 р., которую *управители повсегодно взыскиваютъ* на однихъ на нихъ, оставшихся обывателяхъ. *жестокимъ правежомъ и бьютъ на правежѣ* (1 апр. 1737 г. VI т., стр. 185),

2-е) доношеніе Петербургской Дворцовой Конторы, что изъ за фуражныхъ доимокъ на мызахъ Лиговой и Иваповской была поставлена экзекуція (18 мая 1738 г., т. VII, стр. 416).

Слѣдовательно въ дворцовыхъ волостяхъ экзекуція иногда примѣнялась; но вообще, „когда потребно“, она дѣйствовала, вѣроятно, въ продолженіи всего царствованія Анны Іоанновны. Нѣтъ данныхъ утверждать съ положительностью, что ея совершенно не было въ помѣщичьихъ деревняхъ послѣ указа 23 января 1735 г. Во всякомъ случаѣ можно опредѣленно высказать, что правительство не выражало никакихъ намѣреній наказывать крестьянъ и не издавало объ этомъ распоряженій.

По отношенію же къ помѣщикамъ и разнымъ управителямъ принимались слѣдующія мѣры.

По указу 23 января 1735 г. (П. С. З. № 6674) предписано:

1) къ помѣщикамъ, живущимъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ, посылать къ знатнѣйшимъ людямъ на дворы и объявлять указъ (объ уплатѣ доимки въ 3-хъ мѣсячный срокъ) самимъ съ запискою;

2) которые помѣщики живутъ въ деревняхъ своихъ... буде платить не станутъ, то, *какихъ бы оные чиновъ ни были*, держать подъ карауломъ безъ выпуска;

3) у тѣхъ, которые отъ платежа доимки уѣзжать будутъ въ другія свои деревни, — „за то платежа отбывательство и укрывательство, по подлинному свидѣтельству, тѣ ихъ деревни отписаны будутъ на Е. И. В.“;

4) въ городахъ доимку на посадскихъ людяхъ править на бурмистрахъ съ товарищи тѣхъ городовъ, которые ту доимку запустили и держать ихъ подъ карауломъ.

Указъ 24 января 1738 г. (П. С. З. № 7494), напоминая, „чтобъ какъ высокіе и низкіе чины, такъ и прочаго достоинства и званія людъ имѣющуюся на нихъ подушпаго и прочихъ сборовъ доимку заплатили, предупредилъ, что доимки взысканы будутъ съ процентами и, сверхъ того, сами помѣщики оштрафованы будутъ жестоко.

По указу 15 января 1739 г. (П. С. З. № 7732) объявлены слѣдующія наказанія:

1) кто не заплатитъ въ срокъ сполна всей доимки, „у такихъ оставшуюся на нихъ доимку доправить вдвое“:

2) прикащиковъ и старостъ и выборныхъ, которые, въ небытность помѣщиковъ ихъ, доимку запустили, буде въ упомянутые сроки не заплатятъ, учиня жестокое наказаніе кнутомъ и вырѣзавъ ноздри, послать въ каторжную работу;

3) кто изъ прикащиковъ, старостъ и выборныхъ не сполна по окладу платить будутъ, съ такихъ брать реверсы при платежѣ, *подъ смертной казнью*, чтобъ какъ наискорѣе досталную доимку заплатили;

4) у управителей и прикащиковъ въ дворцовыхъ, синодальныхъ, архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинахъ, если не уплатятъ доимки, конфисковать и продавать ихъ имѣнія, при чемъ въ ихъ дворахъ и вотчинахъ „*обиходовъ, крестьянскихъ скота, лошадей и прочаго, которые необходимо потребно къ пашнѣ не отбирать*“. А если имѣнія не достанетъ „за остальную для зарабатыванія ссылать на каторгу и въ прочія мѣста на тягчайшую работу вѣчно, а въ службу, годныхъ и молодыхъ людей, тако жъ и ихъ дѣтей опредѣлять въ солдаты“.

Въ этомъ же указѣ сдѣлано внушительное предупрежденіе мздоимщикамъ и взяточникамъ: „ко взяткамъ и подаркамъ ни съ кого, ни подъ какимъ предлогомъ отнюдь не касаться, по неже отъ того казнѣ Нашей не малой ущербъ учинится и, слѣдственно, народное разореніе воспослѣдовать можетъ. Того ради, ежели кто хотя въ маломъ въ чемъ обиченъ будетъ, тотъ бы не надѣялся ни на какія заслуги, ибо какъ вредитель государственныхъ правъ и народной разоритель, по суду казненъ будетъ смертью“.

Въ указѣ 4 іюня 1739 г. (П. С. З. № 7832) репрессивныя мѣры къ недоимщикамъ-помѣщикамъ достигли самаго крайняго предѣла. Въ отношеніи ихъ было отдано распоряженіе, что тѣхъ изъ нихъ, которые не будутъ платить доимокъ, „выслать изъ деревень и изъ домовъ ихъ и отъ заводовъ отказать, и людямъ и крестьянамъ ихъ ни въ чемъ слушать не велѣть, нежели кто положеннаго на нихъ штрафа или доимки не заплатилъ или не заплатитъ въ одинъ годъ съ того времени, какъ у кого отписано, то оныя ихъ имѣнія безъ всякаго отлагательства и поторовки продавать“.

б) Къ плательщикамъ оброчныхъ и прочихъ доимокъ.

На сколько суровыя мѣры принимало правительство въ началѣ дѣятельности по отношенію къ оброчнымъ доимкамъ, отмѣчено у проф. А. Н. Филиппова въ его книгѣ „Сенатъ“ (на стр. 585—586). По донесенію Маслова у купцовъ огульно продавали дворы и пожитки, „отчего купецкихъ домовъ до 20.000 и больше можетъ вовсе разориться“ (т. II, стр. 205), По инструкціи доимочному приказу рекомендована уже большая осмотрительность и продавать имѣнія не разрѣшалось до полученія

указа изъ Сената. Но въ общемъ, въ особенности по указамъ 1738 и 1739 г., мѣры взысканія принимались суровыя и рѣшительныя. Напр. по указу 4 іюня 1739 г. (П. С. З. № 7832) „ежели кто будетъ показывать, что такихъ доимокъ и штрафа платить нечѣмъ и расположить оной и взыскать всеконечно будетъ не съ кого“, то ихъ ссылать на каторжную работу на нѣсколько лѣтъ. И въ памятникахъ имѣются слѣды, что иногда неисправныхъ недоимщиковъ дѣйствительно ссылали на каторгу (X т., стр. 422—423 и 543).

в) къ администраціи. Мѣстная администрація, взыскивавшая доимку, въ глазахъ высшаго правительства, стояла вообще очень низко. Правительство ее не уважало и, вполнѣ основательно, не довѣряло агентамъ своимъ и относилось къ нимъ безпощадно-сурово, наказывая штрафами и даже возлагая на нихъ матеріальную отвѣтственность за неисправныхъ доимщиковъ.

Въ указѣ отъ 13 марта 1732 г. (П. С. З. № 5983) говорится, что когда выяснится, что доимка (оброчная) по небреженіямъ и слабостью упущена, то „такія доимки взыскивать жесточае на тѣхъ, кто въ томъ неисправенъ явится, нежели на самихъ тѣхъ должникахъ“ и, кромѣ того, взыскивать „на судьяхъ и на приказныхъ людяхъ штрафъ не меньше какъ по 10% въ годъ“. Въ инструкціи доимочному приказу велѣно за послабленіе и несвоевременное взысканіе брать 10% штрафъ „на судьяхъ, на губернаторахъ и воеводахъ и ихъ товарищахъ и прочихъ управителяхъ и приказныхъ людяхъ, расположа на всѣхъ... дабы впредь слабыми своими поступками или, паче, для своихъ корыстей того не упускали“. Это все были идеи Маслова. Кабинетъ Министровъ продолжалъ и далѣе раздѣлять его политику матеріальной и вообще личной отвѣтственности администраціи за упущенія.

Указъ 15 января 1739 г. (П. С. З. № 7732) называетъ управителей плутами и взяточниками, и на всѣхъ судей Дворцовой канцеляріи и въ конторахъ синодальныхъ, архіерейскихъ и монастырскихъ налагаетъ такія же взысканія, какъ и на управителей, т. е. предписываетъ продавать ихъ имѣнія и за недостающую сумму ссылать на каторгу. Что касается губернаторовъ, воеводъ и ратушскихъ бурмистровъ, то въ отношеніи ихъ выражена угроза: неуплаченную доимку взыскать изъ ихъ собственныхъ имѣній.

Указъ 4 іюня 1739 г. (П. С. З. № 7852) вновь подтвер-

дилъ, что неуплаченная доимка доправлена будетъ на губернаторахъ и воеводахъ и на ихъ товарищахъ, расположа на всѣхъ по равнымъ частямъ. „За то — говорится въ указѣ — у тѣхъ губернаторовъ и воеводъ и у прочихъ сборщиковъ брать, изъ ихъ собственныхъ имѣній, на колпкую сумму чего они прежнихъ лѣтъ доимки не взыскали и сами вновь запустили, а имъ съ тѣми должниками дѣлаться судомъ, гдѣ надлежитъ“.

Подушныя подати.

2) Льготы по уплатѣ доимокъ: а) сложеніе.

Сложеніе доимокъ подушныхъ податей вообще бывало очень рѣдко. Объясняется это прежде всего большими въ этомъ затрудненіями чисто формальнаго свойства. *Безъ личнаго разрѣшенія самой Императрицы нельзя было складывать никакихъ доимокъ.* Объ этомъ было категорически выражено въ указѣ 18 ноября 1732 г., а затѣмъ подтверждено указомъ 15 января 1739 г. (П. С. З. № 7732): „безъ именнаго Нашего указа, за подписаніемъ Нашего И. В. собственныя руки, ни малѣйшей доимки ни съ кого складывать не велѣно“. Форма объясняетъ и существо: въ обычномъ порядкѣ правительство вообще не было склонно дѣлать какія либо послабленія. А всякія изъятія изъ общаго правила если и являлись, то какъ особая милость, составлявшая непосредственную прерогативу самой Императрицы.

Первымъ воспользовался этой милостью адмиралъ графъ Головинъ. На пожалованныхъ ему деревняхъ оказалась недоимка за убылыя души, запущенная еще до перехода къ нему помѣстій, и это доимку онъ просилъ сложить. По его челобитной Сенатъ высказался за удовлетвореніе ходатайства, и Императрица согласилась (III т., стр. 389—391). Затѣмъ бояринъ Князь Алексѣй Васильевичъ Голицынъ просилъ не взыскивать съ него доимку: за покупные конфискованные пожитки — 250 р. да подушнаго сбора 100 р., всего 350 р., „которой заплатить онъ не въ состояніи“. По указу „пожаловали: такой доимки съ него взыскивать не указали“ (VIII т., стр. 480). Есть еще именной указъ, отъ 16 февраля 1740 г., что „пожаловали Мы Аннѣ Юшковой [1]) подушныя деньги, сколько ихъ числится въ доимкѣ на мужѣ ея, Афанасіи Никифоровѣ сынѣ Юшковѣ, съ 724 по

---

[1]) Анна Ѳеодоровна Юшкова — жена полковника Юшкова, была любимицей Анны Іоанновны и имѣла большое вліяніе при дворѣ.

738 г.; и для того тѣхъ денегъ въ казну Нашу не взыскивать, *другимъ не въ образецъ*“ (т. XI, стр. 108).

Встрѣчаются еще четыре челобитныхъ о сложеніи доимки за убылыя души: 1) пригорода Мокшанска села Архангельскаго пахотныхъ солдатъ, пушкарей, воротниковъ и старыхъ службъ служилыхъ людей, у которыхъ „померло, бѣжало, въ рекруты отдано, за помѣщиковъ вывезено и въ ландмилицію взято больше половины, за которыхъ осталось на нихъ доимки 9450 р.“ (X т., стр. 58 и 95), 2) такихъ же служилыхъ людей г. Саранска „съ пригородки, чтобы имѣющуюся на нихъ за убылыя души доимку, которой они отъ половины 733 г., за многою пустотою и за недородомъ хлѣба не платили, снять“ (X т., стр. 58 и 95), 3) выборнаго отъ пахотныхъ солдатъ Пензен. провинціи о сложеніи съ нихъ за умершихъ и взятыхъ въ ландмилицію, противъ переписи „пустоты болѣе половины“ (X т., стр. 175—177), и 4-я крестьянъ Вятской волости Костромского уѣзда — „о не взыскиваніи за вывозныхъ въ Петербугъ въ каменьщики и кирпичники“—съ оставшихся крестьянъ доимочныхъ денегъ (т. X, стр. 228). Всѣ эти четыре дѣла переданы въ Сенатъ на разсмотрѣніе „и, что учинено будетъ, о томъ извѣстіе подать въ Кабинетъ“. Дальнѣйшихъ слѣдовъ объ этихъ дѣлахъ въ „бумагахъ“ не имѣется.

Затѣмъ имѣется еще одинъ докладъ Сената—„*о невзысканіи* съ обывателей Бахмутской и Уфимской провинцій, кои отъ татаръ и башкирцевъ разорены, доимокъ *до того времени, пока въ состояніе не придутъ*“ (VI т., стр. 276).

На сколько трудно было добиться сложенія доимокъ, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, довольно характерное въ этомъ отношеніи дѣло о „фуражной доимкѣ“ на ингерманландскихъ мызахъ. 15 Апрѣля 1738 г. въ Кабинетъ поступилъ „репортъ лейбъ-гвардіи коннаго полку — *объ объявленіи словеснаго* [1]) *именного Ея И. В-ва указу* того полку подполковникомъ, его свѣтлостью, принцемъ Курляндскимъ, чтобъ *затущенную доимку съ ингерманландскихъ мызъ взыскивать съ управителей*, которые въ тѣ годы *въ дворцовыхъ канцеляріяхъ* и конторахъ присутствіе имѣли и нынѣ присутствуютъ, а не на тѣхъ управителяхъ, кои въ мызахъ были“ (т. VII, стр. 310). Послѣ этого Кабинету оставалось только безпрекословно озабо-

---

[1]) Объявленіе словеснаго указа, помимо Министровъ—послѣ 9 Іюня 1735 г., въ данномъ случаѣ соотвѣтствовалъ дополнительному указу 16 Іюля 1735 г, (П. С. З. № 6773), п. ч. оно касалось дворцоваго вѣдомства.

титься принятіемъ мѣръ къ исполненію Высочайшей воли, что и началось (24 апр. и 18 Мая 1738 г., т. VII, стр. 346 и 416). Поставили уже „экзекуцію“. Но дальше встрѣтились серьезныя препятствія. 18 Мая 1738 г. поступило доношеніе Петерб. дворцовой конторы, чтобъ повелѣно было: „фуражной доимки въ конный полкъ, имѣющейся съ мызъ Лиговой и Ивановской, оной конторы на управителяхъ не взыскивать и экзекуцію свесть, и впредь платежъ фуража, *за крестьянскими невозможностями выключить*, а заплатить бы оную доимку изъ наличнаго на дворцовомъ запасномъ дворѣ“ (т. VII, стр. 416). Аналогичное ходатайство возбудила канцелярія отъ строеній—21Декабря 1738 г. (т. VII, стр. 410).Къ ихъ мнѣнію впослѣдствіи присоединился министръ Волынскій. Онъ приказалъ объ этой доимкѣ „Его Сіятельству Гр. Андрею Ивановичу доложить, что экзекуція и по се время стоитъ, а заплатить такой доимки не въ состояніи, да и не подлежитъ за другими крестьянскими работами и тягостями. Того ради изволили согласиться, чтобъ о сложеніи оной доложить Ея И. В-ву“ (21 Дек. 1738 г., т. VIII, стр. 495). И не смотря на это, только уже 31 Іюля 1739 года послѣдовала резолюція, за подписью Императрицы, о томъ, чтобъ „фуражную доимку снять и впредь съ нихъ фуража на полкъ конной гвардіи, для представленныхъ резоновъ, не собирать“ (X т., стр. 67—74).

По оброчнымъ статьямъ и прочимъ доимкамъ.

Число дѣлъ этой категоріи было нѣсколько больше, чѣмъ по подушной доимкѣ, что объясняется пестрымъ разнообразіемъ оброчныхъ и прочихъ доимокъ и меньшей устойчивостью основаній ихъ взысканія.

Всего дѣлъ о сложеніи поступило въ Кабинетъ 51 [1]). Изъ нихъ:

въ	1732-мъ	году	3,
„	33 „	„	2,
„	34 „	„	1,
„	35 „	„	2,
„	36 „	„	8,
„	37 „	„	8,
„	38 „	„	11,
„	39 „	„	16,
„	40 „	„	— = 51

[1]) т. I—345, 384, 541, 546; т. II—366, 459; т. III—67; т. IV—18 и 377; т. V: 31, 74, 118, 119, 507, 585, 645, 650; т. VI: 160, 554, 566, 627, 646, 716, 737; т. VII: 178, 182, 199, 309, 347, 349, 350, 361, 370, 371, 433; т. VIII: 51, 103, 146; т. IX: 16, 100, 106, 107, 135, 198, 280, 360, 415, 423, 430 и 522.

Дѣла поступали почти въ строгомъ соотвѣтствіи съ характеромъ мѣръ, принимавшихся правительствомъ по взысканію доимокъ. Чѣмъ были круче мѣры, тѣмъ больше возникало ошибокъ, несправедливостей и вообще поводовъ недовольства. Этимъ объясняется причина, почему главнымъ образомъ ростъ претензій поднялся съ 1736 года, т. е. съ того времени, когда правительство начало особенно налегать на взысканіи „безъ послабленія“. Въ 1738 году появился грозный указъ 24 Января № 7494, и претензіи еще болѣе повысились. Въ 1739 году изданъ жестокій указъ 15 Января № 7732; въ отвѣтъ появились жалобы еще въ большемъ количествѣ. Пустота 1740 г. объясняется мѣрами правительства, которыя будутъ указаны ниже.

По мѣстамъ, откуда поступали дѣла, послѣднія распредѣляются такимъ образомъ:

1) изъ Сената	19
2) челобитныя непосредственно императрицѣ и въ Кабинетъ	21
3) изъ Канцеляріи конфискаціи . . .	7
4) изъ камеръ-коллегіи	2
5) отъ Волынскаго (въ 736 г.) . . .	1
6) изъ дворцовой конторы	1
	51

Главными поставщиками дѣлъ, какъ и слѣдовало ожидать, явились прежде всего непосредственныя челобитныя—41%, а затѣмъ сенатскіе доклады—37,3%.

Результаты разсмотрѣнія, судя по отмѣткамъ въ журналахъ, были слѣдующіе:

удовлетворено	15 дѣлъ
отказано	7
рѣшено	19
резолюціи неизвѣстны	2
доложить Императрицѣ.	1
передано для разсмотрѣнія:	
въ Сенатъ.	4
„Канцел. Конфискац.	2
„дворцов. слѣдств. коммисс. . . .	1
	51

Неяснымъ остается терминъ: „рѣшено“. Здѣсь могутъ быть рѣшенныя одинаково, какъ въ смыслѣ удовлетворенія, такъ равно и отказа. Если раздѣлить по-поламъ между этими рубриками по девяти, то число удовлетворенныхъ дѣлъ (15+9)=24 дастъ 47%. Но даже и безъ этихъ сомнительныхъ 9 дѣлъ, число удовлетворенныхъ составляетъ довольно значительный %—29,4. Это процентъ признанныхъ самимъ правительствомъ неправильныхъ взысканій доимокъ.

По роду доимокъ дѣла были самыя разнообразныя: по различнымъ оброчнымъ статьямъ, по начетамъ, порукѣ отца, мужа и т. д.

По одному изъ удовлетворенныхъ дѣлъ, которое относится къ камеръ-юнкеру графу Алексѣю Петровичу Апраксину, причина сложенія не указана. Его просто „пожаловали“, и „показанную на немъ доимку, которую взыскиваютъ въ канцелярію конфискаціи—892 р. 38 к.—съ него, Апраксина, взыскивать не указали, и для того оную сумму изъ доимки выключить“ (т. I, стр. 546). Это исключеніе изъ всѣхъ дѣлъ.

Нѣкоторыя дѣла представляютъ собою большой бытовой интересъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отлично рисуютъ характеръ образованія многихъ доимокъ и систему взысканій.

По одному изъ нихъ Сенатъ велѣлъ: деньги 960 р., взятыя изъ монастырскаго приказа подъ векселя двумя крестьянами (и, очевидно, неуплаченныя ими) вмѣстѣ съ процентами, по 5 на годъ съ Апрѣля 721 г. по 732 г., 486 р. 88¾ коп., всего 1446 р. 88¾ коп., „взыскать на бывшемъ въ томъ приказѣ подъячемъ Шнитниковѣ, для того, что оная выдача деньгамъ учинена черезъ его, Шнитникова, свидѣтельство“. За неплатежъ означенной доимки и процентовъ было продано его имѣніе за 1305 р. „И за продажею тѣхъ пожитковъ оныхъ достальныхъ процентовъ платить ему нечѣмъ. И хотя за тѣ деньги и надлежитъ его послать въ низовый корпусъ, но онъ по смотру явился старъ“. По этимъ причинамъ и потому, что „настоящія казенныя деньги взысканы“, Сенатъ испрашивалъ соизволенія „оныя процентныя деньги сложить и отъ посылки въ низовый корпусъ, за старостію, уволить“. Императрица согласилась съ докладомъ (II т. стр. 366).

Второе дѣло заключалось въ томъ, что еще въ 1726 году два коммиссара и подъячій были уличены въ похищеніи казны и излишнихъ сборовъ, за что ихъ казнили и отобрали въ казну ихъ имѣніе. А издержанныя ими деньги, всего 1281 р. 94 к., велѣно было *доправить* на бывшихъ камерирахъ за ихъ „це-

смотрѣніе надъ оными коммиссары и подъячимъ". Изъ того числа уплачено 167 р. 50 к. и осталось 114 р. 44 к., которыя „взыскиваются, а за неплатежъ тѣхъ денегъ держатся подъ карауломъ". Сенатъ, считая, „что тѣ деньги на нихъ коммерирахъ, имѣютъ быть вмѣсто штрафа", а по указу 2 Іюля 1730 г. „положенныхъ по дѣламъ штрафовъ взыскивать не велѣно",— вошелъ съ представленіемъ о сложеніи доимки. Это представленіе было также удовлетворено (т. II, стр. 460).

Въ 1735 году было рѣшено, по докладу Сената же, слѣдующее дѣло. Въ 1722 году было дано каптенармусу Волкову, изъ прежде бывшей канцеляріи рекрутскаго счета, „для окупленія его полону изъ Хивы, 1200 р. изъ $^0/_0$ по 10 р. на годъ, съ закладомъ его деревень и съ поруками". Въ то число было заплачено 1208 р., осталось $^0/_0$ въ доимкѣ 732 р. 24 к. Волковъ обратился съ челобитьемъ, „чтобъ тѣхъ процентныхъ денегъ 732 р. 24 к. за службу и полонное терпѣніе и смерть отца его, который, будучи въ полону жъ въ Хивѣ, убитъ до смерти, вмѣсто милостыни, съ него не взыскивать и изъ подъ караула его освободить".—Министры наложили такую резолюцію: „за полонное терпѣніе и смерть отца его, тако жъ и за его полонное жъ терпѣніе, доимки не взыскивать, понеже та доимка состоитъ на немъ токмо въ процентахъ, а взятая имъ изъ казны сумма съ него уже возвращена съ излишествомъ". (IV т., стр. 378).

По одному изъ дѣлъ, между прочимъ, отразился антагонизмъ между Волынскимъ и Остерманомъ. Волынскій „апробовалъ" резолюцію, по челобитью вдовы Юровой о сложеніи съ нея доимки 400 р. и $^0/_0$,—этихъ денегъ „за объявленнымъ ея убожествомъ" не взыскивать и изъ доимки выключить".

А Остерманъ подалъ такое мнѣніе: „о семъ надлежитъ доложить Ея И. В—ву, понеже оное состоитъ въ единой Ея И. В—ва милости" (X т., стр. 106).

Вообще по недоимочнымъ дѣламъ, видимо, проявлялась иногда непомѣрно большая суровость, что, въ особенности, рельефно проявилось по дѣлу Москвиной. На ея покойномъ мужѣ имѣлась „по коммерцъ и адмиралтейской коллегіямъ и по полиціи „доимка въ 445 р. 27 к., за которую, *по опредѣленію коммерцъ-коллегіи*, велѣно: „отписной и оцѣненный ея дворъ продать отъ канцеляріи конфискаціи, а объ ней представила оная коллегія свое мнѣніе, что *надлежитъ ее сослать на каторгу*". А вдова просила двора ея не продавать, доимки

не взыскивать и „безвременно ее на каторгу не посылать“. Сенатъ отнесся къ вдовѣ очень гуманно. Онъ разсудилъ: „ту доимку, за неимуществомъ ея, сложить и изъ доимки выключить, а отписной дворъ, который оцѣненъ въ 15 р., для вдовства и неимущества, ей съ малыми дѣтьми возвратить“ (X т., стр. 422—423). Случай съ Москвиной не единичный. Бывало хуже. Напримѣръ московскій купецъ Новиковъ подалъ челобитную, что *„за доимку* на немъ по дворцовой канцеляріи, за шестьсотъ рублей, *сосланъ на каторгу,* а дворъ и пожитки его въ Москвѣ не проданы, и *чтобъ съ каторги отпустить,* и дворъ и пожитки въ ту доимку продать, а чего не достанетъ, то отдать его, по силѣ указа, купцу Москвину, который за него будетъ платить по двадцати по четыре рубля на годъ“ (X т., стр. 543). Такимъ образомъ объявленныя указами предупрежденія о наказаніи и прямыхъ недоимщиковъ и приказныхъ „за несмотрѣніе“ и ссылкѣ на каторгу далеко не были простой угрозой.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ сложенія происходили и помимо челобитій. Напр. въ 1738 г. прапорщикъ Бунинъ, командированный въ Астраханскую губернію для сбора доимокъ, по осмотрѣ на мѣстѣ, донесъ Кабинету, что „доимки, за пустотою, взыскать не съ кого 1390 р. 77 к., да за опасной болѣзнью и за пустотою же взысканіемъ до указа оставлено 55747 р. $79^1/_2$ к.“ Министры этимъ подлиннымъ свидѣтельствамъ командированныхъ гвардейскихъ офицеровъ, видимо, придавали большое значеніе, чѣмъ и объясняется такая ихъ резолюція на донесеніи: „по вышеупомянутымъ допошеніямъ и приложенной вѣдомости о доимкахъ разсмотрѣть и опредѣленіе учинить Прав. Сенату, чтобъ ужъ впредь такія доимки, которыхъ, за пустотою и другими правильными причинами, по подлинному свидѣтельству, взыскать не на комъ, были выключены (т. VIII, стр. 266—271). Въ 1740 году поступило изъ Сената, „изъ учрежденной доимочной коммиссіи“ сообщеніе о томъ, что „поданы въ Сенатъ при доношеніяхъ экстракты со мнѣніями о сложеніи разныхъ доимокъ суммою на 38876 р. $64^3/_4$ коп., которые экстракты и мнѣнія въ Сенатѣ разсматриваны и Сенатъ о снятіи оныхъ доимокъ со мнѣніями той коммиссіи согласенъ“ (XI т., стр. 191). Такимъ образомъ извѣстная часть безнадежныхъ доимокъ была списана въ 1740 году по иниціативѣ Кабинета. Этимъ, понятно, было предупреждено поступленіе по нимъ челобитныхъ въ 1740 году.

б) разсрочка. Число дѣлъ о разсрочкѣ въ Кабинетѣ было очень невелико — всего лишь 13, которыя относятся, по времени ихъ поступленія, къ слѣдующимъ годамъ:

734-му	1
35	1
37	2
38	4
39	4
40	1
	13 [1])

Малое количество дѣлъ объясняется тѣмъ, что согласно 2-му пункту Инструкціи, данной 24 Мая 1733 г. доимочному приказу, послѣдній могъ дѣлать разсрочку доимки (эта мѣра даже рекомендовалась Масловымъ) непосредственно, но только *подъ добрыя поруки*, а о должникахъ, которые „на сроки поруки по себѣ не дадутъ“, надлежало, по пункту 3-му, описавъ имѣніе, представлять въ Сенатъ. Этой Инструкціей Сенатъ, какъ видно изъ его сообщенія Кабинету (т. XI, стр. 279 и 280), руководился до изданія указа 24 Января 1738 г. (П. С. З. № 7494), которымъ „доимку повелѣно заплатить отъ вышеписаннаго числа, конечно, въ мѣсяцъ. И за онымъ Е. И. В—ва Высочайшимъ указомъ Правит. Сенату въ платежѣ оной доимки по срокамъ опредѣленіе учинить невозможно“. Такимъ образомъ при Аннѣ Іоанновнѣ существовало три порядка разрѣшенія разсрочки: по 1-му — при условіи представленія „добрыхъ порукъ“, могъ разрѣшать доимочный приказъ, или учрежденіе его замѣнившее, по 2-му — безъ порукъ разрѣшалъ только Сенатъ и по 3-му—послѣ указа 24 Января 1738 г. оказалось, что и „Сенату опредѣленіе учинить невозможно“. Онъ лишился этого права, и оно составило уже прерогативу Императрицы и ея полномочнаго Кабинета.

Этотъ порядокъ отразился и на количествѣ дѣлъ: съ 1738 г. поступленіе ихъ, сравнительно съ прежнимъ, усилилось.

Дѣло 1734 г. образовалось по челобитной, поступившей вслѣдствіе того, что „порукъ взять невозможно“. По ней состоялось постановленіе: „учинить рѣшеніе Сенату“ (III т. стр. 424).

---

[1]) Т. III, стр. 424; IV т.—223; VI т. 400, 404, 521; VII т.—7, 17—19, 154, 331; VIII т.—217, 374; IX т.—257, 263, 327, 328; X т.—96; XI т.—278—280.

Дѣло 1735 г. попало въ категорію разсрочки случайно: Сенатъ предложилъ отъ доимки уволить, а Кабинетъ не согласился и замѣнилъ самъ предложенную мѣру отсрочкой на полгода (т. IV, стр. 223).

По дѣламъ 1737 г. какія послѣдовали рѣшенія — изъ „бумагъ“ не видно.

Источники образованія были слѣдующіе:

челобитныхъ	8
изъ Сената.	3
„Канцеляріи Конфискаціи . .	1
„фортификац. конторы . . .	1
	13

По нимъ послѣдовали слѣдующія резолюціи:

удовлетворено	2
рѣшено	7
передано въ Сенатъ	3
„ Торопец. воеводѣ. .	1
	13.

Изъ числа всѣхъ этихъ дѣлъ обращаютъ на себя вниманіе, главнымъ образомъ, два дѣла: 1-е доношеніе Сената о „не взыскиваніи съ смоленскихъ помѣщиковъ имѣющейся на прошлые годы по 1735 г. половины, за всекопечной невозможностью, вдругъ умножившейся доимки *и чтобъ имъ на нѣсколько лѣтъ дать сроку*“. Поступило оно въ Кабинетъ 7 Ноября 1738 г. (т. VIII, стр. 376) и оставалось безъ всякаго движенія до 2 Декабря 1740 г., когда и было рѣшено.

А второе дѣло возникло по челобитной госуд. крестьянъ Олонецкаго уѣзда, чтобы „за бывшихъ отъ тѣхъ погостовъ цѣловальниковъ начетную доимку (таможенныхъ, кабацкихъ, канцелярскихъ и соляныхъ съ 718 по 735 г. 23151 р. $7^5/_8$ коп.) на нихъ вдругъ не взыскивать и изъ подъ караула и правежа *и ссылки въ каторжную работу освободить, а за крайнимъ бы ихъ изнеможеніемъ платить имъ оную погодно*“. Кабинетъ Министровъ, по докладу Сената, разсрочилъ на 10 лѣтъ (т. XI, стр. 278—280).

в) зачетъ. Въ „бумагахъ“ встрѣчается нѣсколько дѣлъ о зачетѣ въ доимку жалованья, разныхъ поставокъ и вымороченыхъ деревень. Возникли они въ Кабинетѣ не потому, что дѣла

такого рода относились къ его компетенціи, а по причинамъ совершенно случайнаго свойства. Напр. въ двухъ случаяхъ требовалось понудить къ отвѣту другія учрежденія: по жалобѣ бергъ-директоріи на интендант. контору (т. V, стр. 467) и канцеляріи конфискаціи на адмиралтейскую подрядную контору (т. VIII, стр. 250). Дѣло о зачетѣ въ доимку деревень пришлось рѣшать потому, что имущество было выморочное и самое дѣло—сложное (т. I, стр. 173). Одно дѣло по челобитной о зачетѣ жалованья передано въ Сенатъ (т. V, стр. 140). А два дѣла, признанныхъ самимъ Сенатомъ сложными, внесены на разсужденіе Кабинета (т. VI, стр. 366 и 367 и т. X, стр. 517—520), и по одному изъ нихъ Кабинетъ не согласился съ заключеніемъ Сената: Сенатъ предложилъ доимку генерала Дугласа, находившагося на войнѣ „изъ его жалованья вычесть по окончаніи войны, или погодно вычитать“, а по мнѣнію Кабинета, „пристойнѣе такую доимку взять изъ доходовъ той мызы, пока вся доимка выправится“ (т. VI, стр. 367).

ГЛАВА XIV.

Назначеніе взысканныхъ доимочныхъ денегъ.

Въ „Русской исторіи“ Ключевскаго почти прямо говорится, что добывавшіяся съ большимъ трудомъ доимочныя деньги шли не на государственныя потребности, а на увеселительные расходы Двора Императрицы и затѣмъ въ пользу Бирона. „При разгульномъ дворѣ—говоритъ знаменитый историкъ—вся эта стая кормилась до-сыта и веселилась до упаду на доимочныя деньги, выколачиваемыя изъ народа“ (IV часть, стр. 391). „На многомилліонныя недоимки и разбѣжались глаза у Бирона... Гвардія услужила бироновщинѣ и во взысканіи недоимокъ“ (IV ч., стр. 393 и 394).

Болтинъ утверждаетъ, что Биронъ „примысливъ“ воспользоваться недоимкой, „доставилъ себѣ многіе милліоны рублей, а государство въ конецъ разорилось“ („примѣчанія на исторію древнія и нынѣшнія Россіи Леклерка“. ч. 2, стр. 326). Свидѣтельство Болтина повторяли Вейдемейеръ и другіе писатели. Противъ мнѣнія Болтина высказывался, между прочимъ, Строевъ, что „утвержденія Болтина голословны: онъ не можетъ привести рѣшительно никакихъ доказательствъ въ пользу своего мнѣнія, будто бы деньги эти присвоилъ себѣ Биронъ“. Затѣмъ Строевъ указалъ на то, что „Болтинъ родился въ 1735 году и, слѣдовательно, не могъ ни въ какомъ случаѣ писать о царствованіи Анны по личнымъ воспоминаніямъ. Между тѣмъ онъ не называетъ своихъ источниковъ“ (Строевъ „Бироновщина и Кабинетъ Министровъ“, ч. 2-я, стр. 6 и 7).

Историкъ Соловьевъ, по отношенію къ началу царствованія Анны Іоанновны, какъ будто склонялся къ тому мнѣнію, что взысканныя доимки шли „на фаворитовъ-нѣмцевъ, на балы и на маскарады“ (т. XIX, гл. 3-я, стр. 1215). Но далѣе высказался иначе: „двѣ войны, слѣдовавшія одна за другой въ продолженіе семи лѣтъ, должны были потребовать отъ бѣднаго

государства сильныхъ пожертвованій, и легко понять, что строгость, съ какою правительство взыскивало доимки въ началѣ царствованія Анны, когда не было войны, не могла смягчиться въ военное время“ (т. XIX, гл. 3, стр. 1415). Слѣдовательно, по послѣднему мнѣнію Соловьева, доимки шли на государственныя потребности, вызванныя войной.

Въ финансовой политикѣ Кабинета Министровъ доимочныя деньги занимали одно изъ выдающихся мѣстъ, и поэтому разрѣшеніе вопроса о назначеніи взысканныхъ доимокъ представляется естественнымъ отвѣтомъ на цѣль работъ Кабинета и цѣлаго ряда учрежденій въ этомъ направленіи.

Для того, чтобы можно было болѣе или менѣе опредѣленно, *опираясь на историческіе памятники,* отвѣтить на изучаемый вопросъ и вообще освѣтить его возможно полнѣе, необходимо послѣдовательно выяснить слѣдующія его части: 1) прежде всего, куда поступали собираемыя доимки, 2) кто ими распоряжался и 3) на что они расходовались.

а) Куда поступали собираемыя доимки.

Мѣсто поступленія опредѣлялось, главнымъ образомъ, свойствомъ суммъ, послѣднія же дѣлились на двѣ основныхъ категоріи: 1) по подрядамъ, откупамъ, оброчнымъ статьямъ и проч. и 2) подушныхъ податей.

1) По подрядамъ, откупамъ, оброчнымъ статьямъ и проч.

Относительно мѣста ихъ храненія имѣлось нѣсколько различныхъ распоряженій.

Канцеляріи конфискаціи вмѣнялось въ обязанность полученную сумму „оставлять въ казнѣ, и оную конфискаціи казну имѣть за Канцелярскою, за Директорскою и Кассирскою партикулярными печатями“ (п. 5 Инструкціи Канцеляріи Конфискаціи, утвержд. 27 іюня 1730 г.—П. С. З. № 5601). Согласно пункту 32-му Инструкціи, надлежало, чтобы Канцелярія Конфискаціи по четвертямъ года „всѣмъ въ казнѣ обрѣтающимся наличнымъ деньгамъ въ Правительствующій Сенатъ подавала вѣдомости, чтобы ихъ потомъ на указные расходы употреблять было можно, *а безъ указа изъ Сената ни на какіе расходы денегъ не держать,* кромѣ тѣхъ, которые по штату на жалованье канцелярскимъ служителямъ опредѣлены, и что на ординарные расходы потребно, не ожидая изъ другихъ мѣстъ ассигнаціи по третямъ выдавать“.

15 іюня 1731 г., по указу № 5779, приказано всѣмъ коллегіямъ, канцеляріямъ и конторамъ содержать денежной

казны, „сколько которой по указамъ Нашимъ въ годъ на всякіе расходы имѣть положено; а что сверхъ того будетъ приходить и за тѣми расходами оставаться, тѣ *всѣ, сколько гдѣ нынѣ въ остаткѣ на лицо есть*, прислать и впредь, по прошествіи каждаго года, *немедленно присылать къ Москвѣ и отдавать опредѣленному для того генералъ-поручику Волкову*". Такимъ образомъ генералъ Волковъ представлялъ собою прототипъ „Казначейства для остаточныхъ суммъ", учрежденнаго 4 августа 1780 г. (П. С. З. № 15039).

Новыя правила не сдѣлали исключенія и для Канцеляріи Конфискаціи. Тѣмъ же указомъ 15 іюня 1731 г. повелѣно: „а которая денежная казна въ сборѣ будетъ въ Канцеляріи Конфискаціи [1]) *по доимочнымъ деньгамъ* и за продажу отписныхъ и выморочныхъ дворовъ и деревень и пожитковъ,—оные, такожъ и другіе доходы, которые сыскаться могутъ, что по штату въ расходъ никуда не положены и не употребляются, *отдавать въ ту же остаточную сумму (т.-е. Волкову)*, а въ расходъ никуда не употреблять".

15 сентября 1732 г. послѣдовалъ Сенатскій указъ (II. С. З. № 6182) о томъ, чтобы всѣ доимочныя деньги, сколько ихъ имѣется въ Канцеляріи Конфискаціи, немедленно отправить въ С.-Петербургскую рентерею [2]).

12 мая 1733 г. Сенатъ приказалъ (П. С. З. № 6400): 1) доимочныя деньги изъ губерній и провинцій, сколько ихъ нынѣ есть на лицо—*кромѣ подушнаго сбора и положенныхъ на адмиралтейство* [3]) *на 731 г.,—всѣ выслать въ Штатсъ-Контору;* 2) сборную изъ доимки денежную казну, имѣющуюся при Сенатѣ, отдать въ Штатсъ-Контору и 3) доимочныя деньги, взысканныя по посланнымъ изъ Сената указамъ въ Коллегіяхъ и Канцеляріяхъ въ Москвѣ и Петербургѣ, всѣ сколько ихъ есть, собрать въ Штатсъ же Контору. Мотивы средоточія этихъ денегъ въ Штатсъ-Конторѣ, по указу, заключались въ томъ, „дабы тѣ деньги, когда именнымъ Е. И. В. указомъ спро-

---

[1]) 13 мирта 1732 г. (П. С. З. № 5983) приказано Канцеляріи конфискаціи подать въ Кабинетъ вѣдомость, „сколько, въ которыхъ годахъ, откуда какихъ доимокъ въ ту канцелярію прислано, и что въ то число доправлено и въ доимкѣ осталось".

[2]) 23 января 1736 г. министры затребовали изъ штатсъ конторы вѣдомость, сколько есть на лицо доимочной суммы, „которую велѣно принимать по особлпвому указу въ здѣшнюю рентерею" (т. V, стр. 35).

[3]) Положенныя на адмиралтейство суммы уплачивались на мѣстѣ, „опредѣленнымъ для пріему адмиралтейскимъ офицерамъ", указъ 6-го сентября 1735 г. т. IV, стр. 72.

шены будутъ, могли быть въ готовности, а не въ разныхъ мѣстахъ".

Послѣдующимъ указомъ Сената отъ 24 января 735 г, (П. С. З. № 6677) приказано: 1) тѣ доимочныя деньги, которыя, по силѣ указа 12 мая 1733 г., „вступили въ приходъ" въ Московскую Штатсъ-Контору, изъ обрѣтающихся въ Москвѣ коллегій, канцелярій, губерній и провинцій „тѣмъ быть въ той конторѣ. А которыя доимочныя деньги въ сборѣ послѣ той въ Штатсъ-Контору отсылки и впредь въ сборѣ будутъ, изъ тѣхъ доправленныя по указамъ Доимочнаго Приказа отсылать въ тотъ Приказъ, а кои доправлены по опредѣленіямъ губернаторскимъ и воеводскимъ, тѣ отсылать въ Штатсъ-Контору, и ни на какіе расходы въ обѣихъ тѣхъ мѣстахъ не держать".

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1735 г. Маслову объявлено министрами Высочайшее повелѣніе относительно доимочныхъ денегъ, „которыя въ Москвѣ и въ тамошнихъ провинціяхъ есть на лицо, тѣ всѣ немедленно свезть въ Москву и отдать генералу-лейтенанту Волкову, а которыя въ Петербургѣ и ближнихъ отъ того мѣстахъ,—тѣ объявить въ Кабинетѣ" (IV т., стр. 216).

На послѣдовавшее отъ Маслова донесеніе, отъ 24 іюня, министры, 5 іюля 1735 г., объявили ему и Штатсъ-Конторѣ Высочайшее повелѣніе о томъ, что когда привезутъ въ Петербургъ изъ ближнихъ провинцій взысканныя изъ доимки съ 1719 г.—адмиралтейскихъ по 731, а прочихъ доходовъ по 732 г.,—отдавать ихъ въ Штатсъ-Контору, „гдѣ оныя въ особливомъ храненіи держать и никуда изъ нихъ расхода не чинить" (т. IV, стр. 248 и 249).

Такимъ образомъ доимки поступали въ два мѣста: 1) къ генералу Волкову. вѣдавшему остаточными суммами и 2) въ Штатсъ-Контору и Петербургскую рентерею.

Что должно было поступать къ Волкову, имѣется опредѣленное указаніе въ докладѣ Министровъ Императрицѣ отъ 23-го декабря 1735 г. (П. С. З. № 6849): „что Доимочный и Конфискаціи Канцеляріяхъ изъ доимки взыскано бываетъ, то все отсылается къ Генералъ-Лейтенанту Волкову". Отсюда понятно, что деньги, доправленныя по указамъ Доимочнаго Приказа и подлежавшія по указу № 6677, отсылкѣ въ этотъ Приказъ, поступали къ Волкову же. Но отъ этого правила, какъ указано выше, бывали отклоненія:

1) по указу 15 сентября 1732 г. доимочныя деньги сколько ихъ имѣлось въ Канцеляріи Конфискаціи, были отправлены въ Петербургскую рентерею;

2) 12 мая 1733 г. приказано отправить въ Штатсъ-Контору полученныя доимки—безотносительно къ тому, по чьимъ указамъ онѣ были доправлены.

3) Послѣ указа 24 января 735 г., устанавливавшаго направленіе денегъ къ Волкову или въ Штатсъ-Контору, въ зависимости отъ того, по чьимъ приказамъ онѣ были доправлены,—это различіе, повидимому, утратилось: въ Москвѣ и изъ ближайшихъ провинцій платили Волкову, а въ Петербургѣ и его ближайшихъ провинціяхъ—вносили въ Штатсъ-Контору.

4) Иногда къ Волкову попадали и такія деньги, которыхъ, по указамъ, къ нему и поступать не подлежало, напр., какъ видно изъ сообщенія Сената, къ нему поступило доимочныхъ подушныхъ 69.253 р. (2 іюня 1736 г., т. V, стр. 251).

2) Подушныхъ податей.

Подушная подать, по Регламенту Камеръ-Коллегіи, собиралась воеводами, а воеводы должны были „тѣ подушныя деньги принимать каждому своего уѣзду и отдавать на полки, сколько на которой надлежитъ обрѣтающимся на вѣчныхъ квартирахъ полковникамъ, а въ небытность ихъ — оставшимся офицерамъ, на положенные сроки“ (п. 6). Что касается доимки, то относительно мѣста храненія взысканной подушной доимки первое распоряженіе было издано указомъ отъ 16-го іюня 1731 г. (П. С. З. № 5780), чтобы всѣ доимочныя деньги въ Москвѣ платить генералу Волкову, а изъ провинцій присылать „прямо отъ всякой вѣчной квартиры къ означенному жъ генералъ-поручику Волкову безъ замедленія“. Такимъ образомъ всѣ доимочныя деньги были сосредоточены въ рукахъ одного Волкова.

11-го ноября 1731 г. изданъ сенатскій указъ (П. С. З. № 5873), подтверждающій [1]) указъ 16 іюня. При этомъ было сдѣлано дополнительное указаніе: „сборныя *доимочныя* подушныя деньги по 730-й годъ съ вѣчныхъ квартиръ отсылать въ провинціальные города, а изъ тѣхъ мѣстъ съ прочей денежной казною присылать къ Генералъ-поручику Волкову немедленно“.

12 декабря 1731 г. утверждена новая Инструкція генеральному Кригсъ-Коммиссаріату (П. С. З. № 5904). Съ ея изда-

---

[1]) О подтвержденіи рѣшенія Сената помѣщено въ его репортѣ за 22—28 ноября 1731 г. (т. I, стр. 46).

ніемъ теченіе суммъ совершенно измѣнилось. Подушныя деньги опредѣлено собирать съ дистриктовъ на полковыхъ вѣчныхъ квартирахъ полковникамъ, каждому на свой полкъ (п. 2-й). А собранныя деньги дѣлились на двѣ части (п. 3-й): *одна часть должна была отправляться въ генеральный кригсъ-коммиссаріатъ:* 1) на генералитетъ и ихъ штабъ, 2) за мундирныя сукна и тѣмъ сукнамъ за приклады, 3) за ружье, 4) за амуницію, что опредѣлено готовить изъ коммиссаріата и 5) медикаменты. *А другая часть шла въ свои полки:* 1) на жалованье, мясныя и соляныя, 2) на провіантъ и фуражъ, 3) на нижній мундиръ (кромѣ того, что готовиться будетъ изъ генеральнаго кригсъ-коммиссаріата), 4) на покупку лошадей, 5) на аммуницію и на прочіе полковые припасы, „которые имѣютъ приготовляемы быть въ полкахъ“ и 6) на содержаніе полковыхъ госпиталей. „*А по сколько на что порознь* оныхъ денегъ въ военное и въ мирное время быть надлежитъ, о томъ дать полное вѣдѣніе изъ Сената“.

О доимкахъ въ 4-мъ пунктѣ Инструкціи было сказано, что „ежели съ которыхъ дистриктовъ подушныя деньги отъ 725 по 731-й годъ по окладамъ и по указамъ Нашимъ сполна не собраны, и тѣ доимочныя, потому жъ и на сей 731-й годъ, чего по генварь мѣсяцъ 732 года не добрано будетъ, сбирать онымъ же штабъ и оберъ офицерамъ, будущихъ на вѣчныхъ квартирахъ“. *А собранная доимка дѣлилась также на двѣ части: 1-я „по сборѣ* изъ оныхъ на заплату полкамъ ихъ заслуженнаго по 732-й же годъ жалованья, сколько надлежитъ, отправить *въ полки жъ*“ и 2) „затѣмъ достальныя присылать въ Генеральный же *коммиссаріатъ*“. Остаточныя въ полкахъ за годовыми расходами деньги полки должны были отсылать также въ генеральный кригсъ-коммиссаріатъ.

Съ изданіемъ такой Инструкціи прежнія распоряженія объ отсылкѣ доимочныхъ денегъ къ генералу Волкову уже теряли свою силу. И 1 мая 1732 г. послѣдовалъ сенатскій указъ (П. С. З. № 6037) о томъ, что „впредь такія собранныя доимочныя подушныя деньги, по силѣ Инструкціи Генеральнаго Кригсъ-Коммиссаріата, высылать въ тотъ Кригсъ-Коммиссаріатъ, а въ Канцелярію Генерала поручика Волкова тѣхъ денегъ не отсылать“.

18 ноября 1732 г. послѣдовалъ именной указъ (П. С. З. № 6261), которымъ совершенно отмѣнено право распоряженія доимками, предоставленное офицерамъ по коммиссаріатской Инструкціи. Въ указѣ категорически выражено требованіе, что

на вѣчныхъ квартирахъ „собираемыхъ вновь изъ доимки денегъ, безъ такового же (собственноручно подписаннаго) указа въ расходъ не держать же“. Вмѣстѣ съ тѣмъ приказано содержать армію собираемыми деньгами сего 1732 г. [1]). Въ силу этого собираемая доимка должна была отсылаться въ Коммиссаріатъ полностью, безъ всякихъ удержаній.

Далѣе доимочныя деньги если и могли попадать къ Волкову, то не съ мѣстъ, а непосредственно изъ Коммиссаріата и то лишь въ качествѣ *остаточныхъ* [2]), если таковыя имѣли мѣсто. И, дѣйствительно, за 1733 годъ имѣются несомнѣнные слѣды того, что въ этомъ году *остаточныя деньги* изъ Коммиссаріата къ Волкову поступали (т. II, стр. 199 и 231). Но это были уже *чистыя* остаточныя отъ оклада 1732 года. Слѣдующій 1734-й годъ былъ временемъ самаго разгара польской войны, когда всѣ денежныя средства были чрезвычайно напряжены. Волковъ возбудилъ и въ этомъ году требованіе о передачѣ ему изъ Коммиссаріата остаточныхъ прошлыхъ лѣтъ (т. е. неизрасходованныхъ доимочныхъ денегъ). Но Коммиссаріатъ отказалъ по совершенно резоннымъ причинамъ, что „отпустить нынѣ не изъ чего“ (т. III, стр. 305, 363 и 372).

Въ памятникахъ (указъ 23 января 1735 г. № 6674 и журналъ Кабинета за 9 января 1735 г.—т. IV, стр. 5) имѣются указанія, что „*прошлыхъ лѣтъ* по 1732-й годъ подушныхъ денегъ и остаточнаго провіанта Коммиссаріатъ получилъ больше 3 милліоновъ, и изъ того числа отдано генералъ-поручику Волкову 645.287 р.“.

Съ присоединеніемъ Коммиссаріата къ военной коллегіи, послѣдовавшимъ 26 января 1736 г. (П. С. З. № 6872) введены еще существенныя измѣненія. Прежде всего новая Конторa Генералъ-Кригсъ-Коммиссаріатская обязана была вѣдать подушнымъ сборомъ какъ семигривеннымъ, такъ и четырегривеннымъ [3]). „Такимъ образомъ всѣ *доходы военной коллегіи* въ одномъ мѣстѣ будутъ и *съ доходами штатсъ-конторы раздѣлятся*, и въ счетахъ меньше конфузіи и затрудненія быть

---

[1] Это распоряженіе относилось исключительно къ одному 1732 году, по отношенію къ которому приведены и мотивы: „тамъ надлежитъ быть теперь, въ мирное время, въ остаткѣ 300 тысячъ и заготовленные прежде провіантъ и обмундированіе“.

[2]) Строго говоря, здѣсь слились два понятія: 1-е представленіе доимочныхъ полностью по указу 18 ноября 1732 г. № 6261 и 2-е представленіе доимочныхъ въ качествѣ остаточныхъ на общемъ основаніи съ другими коллегіями по указу 15 іюня 1731 г. № 5779.

[3]) Четырехгривенный сборъ былъ положенъ на артиллерію и фортификацію, и въ военной коллегіи не собирался.

имѣетъ“. А затѣмъ, самое главное, положено „*чтобъ подушныя деньги сбираны были всѣ въ одно мѣсто*“. Воеводы, получая деньги, обязаны были отсылать ихъ, по указанію Коммиссаріата, „смотря по способности тѣхъ мѣстъ“: прямо въ полки и въ армію и въ конторы, „куда нужда позоветъ“. Генералъ-Кригсъ-Коммиссаріатская же контора должна была отпускать деньги во всѣ свои мѣстныя конторы „смотря по нуждѣ, сколько куда принадлежитъ“.

Послѣ этого, почти въ самомъ концѣ царствованія Анны Іоанновны—въ 1739 г., Кабинетъ, какъ видно изъ донесенія гвардейскаго капитана Юрьева (П. С. З. № 7754), безъ всякаго предварительнаго сношенія съ Коммиссаріатомъ, отдалъ гвардейскимъ офицерамъ, командированнымъ для сбора рекрутъ и доимокъ, распоряженіе „достальныя доимки, *какого бъ званія ни были*, править безсрочно, и тѣ *доимочныя деньги*, которыя впредь собраны будутъ, *имѣть на лицо*, и ни на какіе расходы, безъ указовъ изъ Кабинета, употреблять не велѣно“. Это распоряженіе имѣло подъ собою извѣстную почву въ видѣ указа 18 ноября 1732 г. № 6261. Но оно кореннымъ образомъ нарушало основное положеніе Коммиссаріата „чтобъ подушныя деньги сбираны были всѣ въ одно мѣсто“ (П. С. З. № 6872, стр. 728) и, помимо этого, затрудняло всю хозяйственную дѣятельность Коммиссаріата. Тогда военная коллегія представила докладъ Императрицѣ съ требованіемъ указа „дабы повелѣно было собранныя и впредь собираемыя какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ (ежели гдѣ такое же запрещеніе учинено), изъ доимки *подушныя деньги отправлять обще съ сборными по окладу въ опредѣленныя мѣста безъ задержанія*, понеже оныя ассигнованы на довольство арміи и гарнизоновъ и на исправленіе артиллеріи, тако жъ на приготовленіе мундирныхъ и аммуничныхъ вещей и на прочіе воинскіе нужнѣйшіе расходы; ежели жъ оныя деньги отправленіемъ удержаны будутъ, то въ нужныхъ исправленіяхъ учинится конечной недостатокъ и упущеніе“. Кабинетъ согласился и положилъ такую резолюцію: „по сему доношенію собираемыя изъ доимки на прошлые годы подушныя деньги употреблять въ расходъ на самыя нужнѣйшія воинскія дачи“. Къ этому добавлена лишь такая приписка: „и чтобъ о всемъ томъ было извѣстно, того ради о сборѣ и о расходѣ такихъ доимочныхъ денегъ, сколько гдѣ и на которые годы собрано и на какія дачи издержаны будутъ, велѣть опредѣленнымъ къ тому офицерамъ рапортовать въ Кабинетъ“ (14 февраля 1739 г., П. С. З. № 7754).

Изъ этого видно, что подушная доимка вообще поступала въ учрежденія воинскаго вѣдомства спеціально на военныя потребности. Нѣкоторое исключеніе изъ этого общаго правила представляютъ указанные выше случаи отсылки доимочныхъ денегъ къ генералу Волкову.

б) Кто ими распоряжался.

Право распоряженія доимочными деньгами принадлежало разнымъ учрежденіямъ. Сначала, въ отношеніи всѣхъ доимокъ, кромѣ подушныхъ податей, для ихъ расходованія достаточно было указа одного Сената (§ 32 Инструкціи Канцеляріи Конфискаціи, утв. 23 іюня 1730 г.). Это право Сената подтверждалось еще двумя сенатскими указами: 1) отъ 22 марта 1732 г. (П. С. З. № 6001) въ отношеніи адмиралтейской доимки, которую приказано: „ни на какіе расходы *безъ указа изъ Сената* не держать“ и 2) 15 сентября 1732 г. (П. С. З. № 6182), чтобы доимочныхъ денегъ, взыскиваемыхъ Канцеляріей Конфискаціи, „изъ рентереи тѣхъ денегъ, *безъ указа изъ Сената*, никуда въ расходъ не держать“.

Что касается подушной доимки, то въ отношеніи ея, по крайней мѣрѣ со дня утвержденія новой инструкціи Генеральному Кригсъ-Коммиссаріату, т. е. съ 12 декабря 1731 г., было еще меньше ограниченій. По этой Инструкціи, какъ указано было выше, офицера, обрѣтающіеся на вѣчныхъ квартирахъ, имѣли право сами всю взыскиваемую ими доимку дѣлить на двѣ части: 1-ю „на заплату полкамъ ихъ заслуженнаго по 732-й годъ жалованья, сколько надлежитъ, отправить въ полки“ и 2-ю остаточныя отсылать въ Коммиссаріатъ.

18 ноября 1732 г. послѣдовалъ именной указъ (П. С. З. № 6261), которымъ категорически выражено, чтобы доимокъ таможенныхъ, кабацкихъ и прочихъ всякаго званія „ни въ какіе расходы, *безъ подписанія собственной Нашей руки*, отнудь не держать“; точно также и подушныхъ доимокъ „которыя по нынѣ и алицо, гдѣ бъ опыя ни были, ни на какіе расходы, *безъ указа, подписаннаго собственной Нашей руки*, отнюдь не держать; и что сверхъ тѣхъ наличныхъ денегъ на вѣчныхъ квартирахъ изъ доимокъ на прошлые годы въ сборѣ будетъ, о томъ, для собственнаго Нашего извѣстія въ Сенатъ рапортовать, и тѣхъ собираемыхъ вновь изъ доимокъ денегъ, безъ таковаго же Нашего указа, въ расходъ не держать же“. Такимъ образомъ право распоряженія доимками Императрица оставила за собою, и оно обратилось въ Ея личную прерогативу, которая

должна была осуществляться въ формѣ Ея письменнаго указа, подписаннаго „собственной Нашей руки“.

Объявленное воспрещеніе расходовать доимки безъ письменнаго указа Императрицы, подтверждалось впослѣдствіи нѣсколько разъ, а именно: 1) сенатскимъ указомъ отъ 12 мая 1733 г. (II. С. З. № 6400), 2) Высочайшимъ повелѣніемъ, объявленнымъ Масловымъ 26 ноября 1733 г. (т. II, стр. 583), 3) пунктомъ 9-мъ Инструкціи Доимочному Приказу, утвержденной 24 мая 1733 г. (П. С. З. № 6412).

Сенатъ пытался возстановить свое право для „крайней нужды, имѣщіяся въ С.-Петербургской рентереѣ прошлыхъ лѣтъ доимочныя деньги употреблять на необходимые и нужные расходы *по даннымъ указамъ изъ Сената*“. Но на это ходатайство получился изъ Кабинета отказъ въ такой формѣ: „но понеже Правительствующету Сенату извѣстно, что такихъ доимочныхъ денегъ *безъ именного Ея Императорскаго Величества указа* въ расходъ употреблять не велѣно, — того ради въ Кабинетѣ Ея Императорскаго Величества разсуждается, что тѣхъ доимочныхъ доходовъ, по содержанію вышеписаннаго Ея Императорскаго Величества указа въ расходъ употреблять не надлежитъ“ (т. V, стр. 177).

Однако это ограниченіе почти не коснулось подушныхъ доимокъ, которыя по прежнему расходовались Коммиссаріатомъ. Если нѣкоторыя изъ суммъ подушныхъ доимокъ и направлялись къ генералу Волкову, то лишь въ качествѣ остаточныхъ, о чемъ подробно указано выше по пункту $а^2$. Затѣмъ и въ отношеніи остальныхъ доимокъ ограниченія распоряженія постепенно стали ослабляться. Въ П. С. З. подъ № 7754 за 1739 г. и въ IX т. Сборника (на стр. 455) встрѣчаются ссылки на указы Кабинета гвардейскимъ офицерамъ (занимавшимся сборомъ доимокъ), въ которыхъ не велѣно употреблять въ расходъ доимокъ *безъ указовъ изъ Кабинета*. Значитъ, и Кабинетъ могъ распоряжаться доимками.

Въ томъ же 1739 году Кабинетъ министровъ, послѣ многолѣтнихъ домогательствъ штатс-конторы, наконецъ позволилъ и ей расходовать доимки съ 732 по 738 г. (т. IX, стр. 456).

Слѣдовательно, право распоряженія доимками имѣли:

1) Сенатъ — до 18 ноября 1732 г.,
2) сама Императрица — съ 18 ноября 1732 г.,
3) Кабинетъ Министровъ — съ 1739 года,
4) офицера, обрѣтающіеся на вѣчныхъ квартирахъ — съ 12 декабря 1731 г. по 18 ноября 1732 г.,

5) Коммиссаріатъ: съ 18 ноября 1732 г. по 14 февраля 1739 г. — фактически, а съ 14 февраля 1739 года — формально,
6) Штатсъ-контора: съ 21 апрѣля 1736 г. — на правахъ позаимствованія, а съ 15 мая 1736 г. — съ правомъ самостоятельнаго расходованія.

в) На что расходовались доимочныя деньги.

О расходованіи доимочныхъ денегъ имѣются указанія и въ полномъ собраніи законовъ, и въ „бумагахъ“ Кабинета Министровъ, при чемъ количество послѣднихъ значительно превышаетъ первыя.

Изъ этихъ матеріаловъ выясняется, что доимочныя деньги имѣли самое разнообразное примѣненіе: частью онѣ расходовались на Дворъ, а главнымъ образомъ — на государственныя потребности. Всѣ эти расходы, по ихъ свойству и значенію (а иногда и по названію), какое имъ придавали сами распорядители, классифицируются въ слѣдующія группы:

1) пути сообщенія,
2) Дворъ,
3) организація доимочнаго дѣла,
4) „исправленіе нужнѣйшихъ расходовъ“,
5) военныя нужды,
6) выдача жалованья,
7) всякіе случайные расходы
и 8) выдачи изъ суммъ генерала Волкова.

1) Пути сообщенія.

Въ сентябрѣ 1732 г. Сенатъ, по доношенію фельдмаршала Графа Миниха, представилъ Императрицѣ докладъ объ отпускѣ 60.000 р. на достройку Ладожскаго канала и постройку каменныхъ шлюзовъ въ Шлютельбургѣ и въ Ладогѣ. На этомъ докладѣ послѣдовала 12 сентября резолюція: „отпустить отъ Сенату“ (I т., стр. 396 и 397). А въ журналѣ за 12 сентября сдѣлана отмѣтка, что въ этотъ день Императрица подписала указъ Сенату объ отпускѣ на достройку Ладожскаго канала *доимочныхъ денегъ* (I т., стр. 395), при чемъ сумма не была ограничена никакими размѣрами. И въ Сенатскомъ указѣ отъ 15 сентября 1732 г. (П. С. З. № 6182) сдѣлано распоряженіе „объ отпускѣ на достройку Ладожскаго канала и на дѣло каменныхъ шлюзовъ *доимочныхъ денегъ, которыя собираются*

въ Канцелярію Конфискаціи и взыскиваются Статскимъ Совѣтникомъ Масловымъ, *сколько когда отъ Генералъ-фельдмаршала на оную достройку изъ тѣхъ сборныхъ денегъ востребовано будетъ*". Такимъ образомъ пользованіе доимочнымъ источникомъ по устройству каналовъ сдѣлалось совершенно неограниченнымъ и доимочная сумма Канцеляріи Конфискаціи обратилась какъ бы въ спеціальный канальный кредитъ. Причина, почему въ данномъ случаѣ обратились къ такому источнику, какъ доимочныя деньги — это отсутствіе спеціальныхъ средствъ и общее безденежье. Сенатъ изложилъ потребность въ деньгахъ такимъ образомъ: „а въ 1731 г. нѣкоторыя де работы и поставки матеріаловъ происходили *на кредитъ*, за которыя заплатить надлежитъ 10.000 руб., да въ нынѣшнемъ году — 50.000 руб., которыя *работы почти всѣ приходятъ на кредитъ эсе*, а пошлины потому жъ, по сборѣ, всегда употребляются въ расходъ въ канальной канцеляріи" (стр. 396).

2) *Дворъ.*

Въ „бумагахъ" имѣются распоряженія объ уплатѣ изъ доимочныхъ денегъ за вещи, купленныя для Императрицы:

1)	23 ноября 1733 г. (т. II. стр. 579) по счету Либмана, за бриллiантовыя, золотыя и прочія драгоцѣнныя вещи . . .	158.055 р. 48 к.
2)	15 февраля 1734 г. (т. III, стр. 40), тому же Либману за алмазныя вещи, взятыя въ „комнату" Императрицы. . .	18.733 „ 75 „
	Кромѣ того, 28 іюля 1735 г. (т. IV, стр. 284) послѣдовало распоряженіе уплатить изъ доимочныхъ денегъ за домъ Ягужинскаго, взятый ко двору .	20.000 —
	Всего на Дворъ 3 выдачи на сумму	196.789 р. 23 к.

Для выясненія характера этихъ суммъ и выясненія причинъ оплаты ихъ изъ доимочныхъ суммъ весьма важно разработать счета детально.

Изъ счета Либмана, поданнаго 23 ноября 1733 г. „Вашему Императорскому Величеству, Всемилостивѣйшей Государынѣ" видно, что вещи были куплены въ разное время, а именно:

1732 г. ноября	19-го			600 р.
„	23.			360 „
„	31.			3.000 „
	Итого за 1732 г.			3.960 р.
1733 г. Генваря	9 на			2.800 „
„	18 „			5.000 „
„	29 „			3.500 „
				11.300 р. — к.
Февраля	12			3.864 „ — „
марта	13			518 „ 28 „
апрѣля	10	110.000 „		
„	15	9.000 „		
„	26	25 „		
				119.025 „ — „
мая	29			3.517 р. 20 к. [1])
іюня	29			
іюля	19	4 „		
„	20	6.000 „		
„	21	2.523 „		
				8.527 р. — к.
августа	19			315 „ — „
сентября	3			9.000 „ — „
октября	31			692 „ — „
ноября	4	4.500 „		
„	17	2.837 „		
				7.337 „ — „
			Итого за 1733 г.	164.095 р. 48 к.
			Всего по счету	168.055 р. 48 к.

Послѣ этого итога сдѣлана въ счетѣ такая приписка:

„Октября 22 дня, по именному Вашего Императорскаго Величества *указу, подписанному собственною Вашего Ввличества рукою*, по которому принялъ я въ Москвѣ, въ зачетъ показанной суммы, отъ соляной конторы . . . 10.000 р.

Остаточное надлежитъ мнѣ донять . 158.055 р. 48 к.

С.-Петербургъ, ноября 23 дня 1733 г.

Либманъ“.

---

[1]) Въ счетѣ, напечатанномъ въ Сборникѣ не показаны суммы за 29 мая и 29 іюня 1733 г., что объясняется тѣмъ, что какъ видно изъ отмѣтки редактора, край документа оторванъ. Поэтому сумма въ 3.517 р. 20 к. (поставленная въ скобкахъ) опредѣлена путемъ вычета изъ общаго итога всѣхъ остальныхъ статей.

По этому поводу собственноручно Императрицей написанъ слѣдующій указъ [1]).

„Указъ действительному стацкому советнику Маслову заплатить тебе изъ твоево збору Либману по приложенному щоту а именно сто пятьдесятъ восемь тысячъ пяттеся пять рублевъ въ три срока въ годъ Анна. 23 день ноября 1733 годъ“.

Въ этомъ счетѣ обращаетъ на себя вниманіе прежде всего длительная задолженность. Со дня первыхъ двухъ покупокъ до дня уплаты истекъ ровно годъ. Сумма долга по нимъ составляла всего лишь 960 р. и все таки ихъ не могли уплатить въ день покупки. На это, конечно, можно привести и иной доводъ: что уплату 960 р. отложили именно въ виду ея незначительности до накопленія болѣе крупной суммы. Но въ счетѣ встрѣчается и очень большая сумма — 110.000 р. Это за 10 апрѣля. Въ полученіи такой суммы своевременно купецъ, конечно, былъ заинтересованъ. Однако и ихъ задержали болѣе чѣмъ на 7 мѣсяцевъ. Словомъ не платили ни большихъ, ни малыхъ денегъ. Весь товаръ отпускался въ разное время. Всѣхъ пріемокъ насчитывается 21 и ни одна изъ этихъ пріемокъ не была оплачена своевременно, т. е. въ день сдачи товаровъ. Почему такъ происходило — конечно ясно: у Императрицы не было денегъ, ей нечѣмъ было платить.

Вопросъ о томъ, почему уплатили по счету 10 тысячъ изъ соляной конторы, а 158 тыс. — изъ доимочныхъ суммъ, будетъ разсмотрѣнъ послѣ обзора всѣхъ приведенныхъ выше счетовъ. А по этому счету нужно отмѣтить еще необычное количество помѣщенныхъ въ немъ табакерокъ. Всѣхъ табакерокъ по счету значится 16-ть. Эти вещи и въ такомъ большомъ количествѣ, конечно, не составляли предметовъ личныхъ потребностей самой Императрицы. Онѣ покупались несомнѣнно для всякихъ пожалованій. Точно также и два дорогихъ портрета (вѣроятно самой Императрицы) нужно отнести къ числу пожалованій. Такимъ образомъ по этому счету вещи отпускались не для однѣхъ личныхъ потребностей Императрицы. Но въ числѣ послѣднихъ встрѣчаются очень дорогія вещи, напр. 10 апрѣля 1733 г. „одна великая сумма и безчисленная всякимъ разныхъ штукъ брилліантамъ и другимъ всякимъ алмазнымъ вещамъ, лаловъ, изумрудовъ“ въ 110.000 р.

Въ памятникахъ встрѣчаются еще распоряженія Маслова объ уплатѣ Либману денегъ изъ доимочныхъ суммъ: 1) въ III т.

---

[1]) Сохранено правописаніе подлинника.

Сборника: на стр. 94 и 95 его указъ штатсъ-конторѣ отъ 29-го марта 1734 г. выдать прикащику Либмана 10.000 р. Здѣсь Масловъ, въ качествѣ мотива выдачи, привелъ такія слова: „имѣю я указъ Ея Императорскаго Величества, за подписаніемъ Ея Величества собственной руки, о выдачѣ оберъ-гофкоммиссару Либтману (Либманъ) нѣкоторой суммы изъ доимочныхъ денегъ вѣдомства моего“.

2) Въ Барановской описи Сенатскаго архива:

а) подъ № 4886 отъ 29 марта 1784 г. сообщенное Масловымъ повелѣніе о выдачѣ изъ штатсъ-конторы, изъ доимочныхъ денегъ — 1000 р. и

б) подъ № 5050 отъ 20 ноября 1734 г. сообщенное имъ же повелѣніе о выдачѣ изъ доимочныхъ суммъ 52.685 р. Во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ не указано, за что платились Либману деньги. Судя по другимъ примѣрамъ, можно съ достовѣрностью предполагать, что платежи производились за поставленныя имъ для Императрицы драгоцѣнныя вещи. Но если эти поставки происходили особо отъ перечисленныхъ выше, тогда и сумму расхода на Дворъ слѣдуетъ считать уже не въ 196.789 р. 23 к., а въ (196.789 ,23 + 10.000 + 1.000 + 52.685) = 260.474 р. 23 к. Вѣроятнѣе же, что указанныя 3 суммы уплачены Масловымъ по перечисленнымъ указамъ и счетамъ Императрицы.

15 февралі 1734 г. (т. III, стр. 40) данъ Императрицею указъ Маслову, изъ котораго усматривается слѣдующія финансовыя операціи. „Взято въ комнату Нашу у Исака Либмана алмазныхъ вещей на 18.733 р. 75 к., которыя деньги надлежало ему заплатить изъ казны Нашей“. Это — кредитъ Либмана. Но у него оказался и дебетъ. „Понеже оный Либманъ долженъ заплатить здѣсь въ соляную сумму по векселю 20.000 р., вмѣсто взятыхъ имъ въ Москвѣ изъ соляной конторы. Того ради повелѣваемъ тебѣ вышеписанное число 18.733 р. 75 к. *изъ доимочной суммы* вѣдѣнія твоего заплатить въ соляную сумму здѣсь въ платежъ помянутаго векселя“.

Въ 1735 году взять къ „Нашему Двору“ домъ Ягужинскаго. По этому поводу Императрица 28 іюля дала указъ Маслову: „а ему за оный выдать изъ казны Нашей, изъ *доимки* собранной суммы, которая имѣется въ Вашемъ вѣдомствѣ, двадцать тысячъ рублевъ“ (т. IV, стр. 285).

Оплата всѣхъ этихъ расходовъ изъ доимочныхъ суммъ. вполнѣ естественно, вызываетъ вопросъ о причинахъ пользованія доимочнымъ источникомъ для личныхъ потребностей

Императрицы и Ея Двора. Для отвѣта на этотъ вопросъ необходимо, хотя вкратцѣ, коснуться вообще кредитовъ Двора.

На содержаніе Двора отпускалось ежегодно изъ штатсъ-конторы по 260.000 р.[1]) (указъ 21 марта 1733 г. П. С. З. № 6359 и II т., стр. 153); кромѣ того, на содержаніе конюшни 100.000 р. (П. С. З. № 6361 и II т., стр. 153). Но этихъ денегъ не хватало. Приходилось задерживать многіе платежи. Для иллюстраціи слѣдуетъ привести характерный примѣръ съ извѣстнымъ архитекторомъ и скульпторомъ графомъ Растрелли, который до 1734 г. никакъ не могъ получить окончательнаго разсчета за свои работы съ 1719 года, т.-е. въ продолженіи 15 лѣтъ. Наконецъ, онъ уже подалъ Аннѣ Іоанновнѣ такую челобитную: „превеликая моя нужда и скудость паки меня привлекаетъ симъ моимъ прошеніемъ Ваше Величество утруждать и всенижайше доносить, что я, нижайшій, какъ всѣмъ извѣстно, при дѣлѣ Вашего Императорскаго Величества со всякимъ прилежаніемъ обрѣтаюсь, но уже нѣсколько лѣтъ безъ всякаго жалованья живу, отчего пришелъ въ крайнюю бѣдность и разореніе, и не знаю, какимъ образомъ впредь со своей бѣдною фамиліею содержаться, ежели Вашего Императорскаго Величества неизреченнымъ милосердіемъ вспоможенъ не буду“. Растрелли подалъ списокъ своихъ неоплаченныхъ работъ, начиная съ маленькой модели Петра I верхомъ, сдѣланной еще въ 1720 г. и деликатно не указалъ своей расцѣнки труда. Онъ просто написалъ: „да повелитъ державство Ваше за мою работу милостивымъ Вашего Императорскаго Величества *разсмотрѣніемъ* меня наградить“. Кабинетъ поручилъ „Канцеляріи отъ строеній, купно съ обрѣтающимися здѣсь архитекторы освидѣтельствовать и написать *настоящую цѣну*, что за оныя за работу въ дачѣ имѣетъ быть“. Эксперты освидѣтельствовали и оцѣнили въ „сущую правду“ и прописали противъ каждой работы „какую цѣну, по мнѣнію Нашему, дать должно“. Итогъ получился въ 3.555 рублей. Но въ конечномъ результатѣ и сами эксперты, видимо, нашли неудобнымъ подводить художественныя произведенія подъ обычную рыночную мѣрку и дали это понять въ слѣдующей своей припискѣ: „и хотя вышеозначеннымъ вещамъ мы, нижеподписавшіеся, по мнѣнію нашему, объявленную цѣну и написали, однако полагаемъ сіе вящще въ Высочайшую Ея Императорскаго Величества милость“. За-

---

[1]) Изъ того числа на жалованье придворнымъ чинамъ по 10.000 р. (П. С. З № 6717—Указъ отъ 4 апр. 1735 г.).

ключеніе было ясное: слѣдовало дать больше, а сколько—это предоставлялось усмотрѣнію Императрицы. Резолюція послѣдовала такая: „за всее вышеписанную работу выдать ему, Растрѣліи, двѣ тысячи пятьсотъ рублевъ изъ штатсъ-конторы. Анна“ (т. III, стр. 238—248). Финалъ получился явно несправедливый: пятнадцать лѣтъ задерживали платежи и въ конечномъ результатѣ не только не заплатили процентовъ за это время, а даже сбавили при уплатѣ болѣе 20% съ минимальной рыночной цѣны на художественныя вещи. Бывало, однако, еще хуже: „при неслыханной роскоши двора, въ казнѣ—писали послы—нѣтъ ни гроша, а потому никому ничего не платятъ“ (Ключевскій, „Русская исторія“, ч. IV, стр. 391). Въ „бумагахъ“ сохранился такой примѣръ безденежья при Дворѣ. 25 іюля 1732 г. въ Кабинетъ прибылъ отъ Императрицы нарочный съ Ея именнымъ указомъ, гдѣ было прямо написано: „въ нашей дворцовой Канцеляріи положенной суммы *денегъ на покупку про обиходъ Нашъ всякихъ припасовъ не достаетъ*“. Это былъ фактъ, пожалуй, безпримѣрный въ исторіи большихъ Дворовъ. Императрица великой державы не могла купить всякихъ припасовъ „про обиходъ“: у нея не хватало на это денегъ. Тогда она повелѣла Кабинету: „того ради указали Мы на оные расходы отпустить изъ Штатсъ-Конторы или изъ другихъ мѣстъ, по разсмотрѣнію Кабинета, денегъ 50.000 рублевъ“. Но исполнить это приказаніе было нелегко. Такихъ денегъ не было и у Кабинета. Пришлось экстренно искать денегъ по всему городу по разнымъ мѣстамъ. „И по тому Ея Императорскаго Величества указу, *для сысканія той суммы, черезъ пздовыхъ* сержантовъ, послана записка, сколько въ штатсъ-конторѣ и въ другихъ принадлежащихъ къ тому мѣстахъ денежной казны нынѣ имѣется на лицо, чтобы подали въ Кабинетъ вѣдомости“. По разсмотрѣніи присланныхъ вѣдомостей, министры „сего же числа“ послали въ Сенатъ предложеніе: „отпустить въ здѣшнюю дворцовую контору изъ наличныхъ денегъ, а именно: изъ Штатсъ-конторы—25.000 р., изъ акцизной каморы—12.000 р., изъ портовой таможни—13.000 р., итого пятьдесятъ тысячъ рублевъ немедленно“ (I т., стр. 352 и 353).

Случаи оплаты расходовъ на личныя потребности Императрицы и Ея двора *изъ разныхъ источниковъ*, были далеко не рѣдки. Въ памятникахъ имѣется нѣсколько такихъ примѣровъ.

1 іюня 1730 г. послѣдовалъ именной указъ о выдачѣ *изъ камеръ-коллегіи* 45.000 руб. Либману „за взятыя у него

къ Высочайшему Двору алмазныя вещи“ (Баранов. опись С. арх. № 3776). 15 декабря 1731 г. (т. I, стр. 81) посланъ указъ въ *Сибирскій приказъ* „о выдачѣ каморъ-агенту Симопу, за взятые у него алмазы, въ уплату 50.000 рублевъ“.

2-го октября 1732 г. данъ Императрицею указъ Сепату: „понеже купленъ Нами у Исаака Липмана брилліантовый перстень, цѣпою за 15.000 рубл., которую сумму денегъ повелѣваемъ опому Липману выдать *въ Архангельскомъ городѣ изъ тамошнихъ сборовъ* (I т., стр. 436 и 437).

У Ревельской мѣщанки Буховой еще въ 1715 году взяли дворъ, па которомъ, по допопенію Сената, „построепъ Вашего Величества домъ, палаты и огородъ“, а между тѣмъ половины обѣщанныхъ денегъ 1400 р. не платили въ продолженіе 17 лѣтъ. Императрица повелѣла выдать 1400 р. „*изъ ревельскихъ доходовъ*“ (I т., стр. 547 и 548).

У Меера взяты были алмазы на сумму 32.760 р. 5 мая 1733 года посланъ указъ *въ коммиссаріатскую контору* „о поставкѣ въ счетъ взыскиваемой на Меерѣ по векселямъ суммѣ“ (т. I, стр. 199).

Когда потребовались, въ іюнѣ 1731 г., деньги на ремонтъ по дворцовому конюшепному вѣдомству, то отпустили на это 30.000 р. *изъ кабацкихъ сборовъ* (Баранов. опись С. Арх. № 4011).

Не менѣе характерны и примѣры придворныхъ.

7 апрѣля 1731 г. императрица собственноручно написала такой указъ [1]) фельдмаршалу Миниху „Господинъ фельтъ-маршелъ жалуемъ вамъ *изъ* Нашей *соленой конторы* десеть тысечъ рубловъ на экипажъ“ (т. I, стр. 227).

За этимъ примѣромъ ассигнованія денегъ па экипажъ послѣдовалъ слѣдующій, также па экипажъ, но цѣною подешевле и изъ другого источника—это выдача 27 февраля 1733 г. на экипажъ оберъ-шталмейстеру графу Левенвольду 4.000 р. *изъ штатсъ-конторы* (т. II, стр. 98).

На слѣдующій день, 28 февраля 1733 г. выдано также *изъ штатсъ-конторы* 20.000 р. „на расходы при опредѣленной экспедиціи отправляющагося въ Польшу Нашего оберашталмейстера“, Графа Левенвольда (т. II, стр. 99).

Всѣ эти примѣры доказываютъ: во 1-хъ, что когда *не доставало положенной на Дворъ суммы, то расходы на личныя потребности Императрицы и Ея Двора оплачива-*

---

[1]) Сохранено правописаніе подлинника.

лись изъ различныхъ источниковъ, въ числѣ коихъ (но отнюдь не единственный) находились, между прочимъ, и доимочныя деньги и во 2-хъ, что эти случаи пользованія совершались *по письменнымъ указамъ*, а, слѣдовательно, всегда были на учетѣ.

3) *Организація доимочнаго дѣла.*

Веденіе доимочнаго дѣла вызывало за собою расходы по его организаціи, которые, въ извѣстныхъ случаяхъ, и относились на доимочныя же деньги. Напримѣръ, 26 ноября 1733 г. Масловъ объявилъ штатсъ-конторѣ Высочайшее повелѣніе: изъ доимочныхъ денегъ прошлыхъ лѣтъ „взять въ Сенатъ *къ доимочнымъ дѣламъ* 52.685 р.“ (т. II, стр. 583). 8-го декабря 1733 г. Масловъ объявилъ новое Высочайшее повелѣніе „о передачѣ штатсъ-конторою въ Сенатъ 10.000 р. изъ доимочныхъ сборовъ“ (Барановская опись Сенат. арх., № 4790).

Случались въ дѣлѣ и потери, которыя также надо признать неизбѣжными во всякихъ денежныхъ оборотахъ. Такъ въ журналѣ за 25 сентября 1735 г. имѣется отмѣтка, что подъячій Московской адмиралтейской конторы Вартимьевъ „разворовалъ сборныхъ, въ 732 и 733 годѣхъ доимочныхъ денегъ 20.500 р.“ (т. IV, стр. 383).

Въ 1740-мъ году Сенатъ внесъ въ Кабинетъ сообщеніе „о дачѣ обрѣтающимся въ губерніяхъ и провинціяхъ у слѣдствія объ адмиралтейской доимкѣ офицерамъ и приказнымъ служителямъ жалованья изъ доимочныхъ денегъ, которыя ими взысканы будутъ“. Предложеніе было вполнѣ основательное: во 1-хъ, этимъ путемъ офицера и приказные невольно, въ своихъ собственныхъ интересахъ, побуждались къ болѣе успѣшному взысканію недоимокъ: иначе они сами рисковали остаться безъ жалованья и во 2-хъ, ихъ содержаніе не обременяло другіе источники государственныхъ доходовъ, не имѣвшіе никакого отношенія къ ихъ текущей дѣятельности. И въ журналѣ имѣется отмѣтка, что Кабинетъ „съ разсужденіемъ сенатскимъ согласенъ“ (Сборн. т. XI, стр. 454 и 540—Барановская опись С. Арх. № 7636). Въ томъ же 1740 году Министры разрѣшили выдавать изъ взысканныхъ доимочныхъ денегъ жалованье канцелярскимъ служителямъ Коммиссіи, учрежденной при Сенатской Конторѣ по взысканію съ бывшихъ въ Дворцовой Канцеляріи Судей и Управителей упущенной ими подушной доимки (23 апр. 1740 г. П. С. З. № 8071). А 1 сентября 1740 г. состоялась

резолюція Министровъ о разсмотрѣніи въ Сенатѣ вопроса объ уплатѣ изъ доимочныхъ денегъ 415 р. 70 к. за 7 лавокъ, занятыхъ конфискованными и отписными товарами (Баранов. опись С. Арх. № 7874).

4) *Исправленіе нужнѣйшихъ расходовъ.*

Крайнее безденежье побуждало и Сенатъ и Штатсъ-Контору къ цѣлому ряду энергичныхъ выступленій передъ Императрицей и Кабинетомъ, цѣлью коихъ было желаніе добиться права пользованія свободными доимочными деньгами, находившимися на храненіи въ Штатсъ-Конторѣ.

Сенатъ обращался къ Императрицѣ съ докладами по этому поводу 24 августа 1735 г. и 25 января 1736 г., затѣмъ 19-го апрѣля 1736 г. Сенатъ сообщилъ Кабинету, что „въ Петербургѣ, въ Штатсъ-Конторѣ въ денежной казнѣ великій недостатокъ находится, и въ положенныя мѣста и на чрезвычайные необходимые расходы требуютъ суммы не малой, а отпускать не изъ чего; и дабы, для такой крайней нужды, имѣющіяся въ С.-Петербургской рентереѣ прошлыхъ лѣтъ доимочныя деньги употреблять на необходимые и нужные расходы по даннымъ указамъ изъ Сената“. Въ отвѣтъ на это Кабинетъ 21 апрѣля сначала сослался на извѣстное запрещеніе расходовать доимочныя деньги безъ именного указа и что поэтому въ расходъ ихъ „употреблять не надлежитъ“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Кабинетъ и самъ, очевидно, сознавалъ невозможность обойтись безъ доимочныхъ денегъ; поэтому прибѣгнулъ къ мѣрѣ палліативной. „Ежели жъ нынѣ въ деньгахъ конечный недостатокъ, то для такой крайней нужды, можно *заимообразно* въ расходъ употреблять и изъ вышереченныхъ доимочныхъ денегъ, но, по присылкѣ, тое сумму всеконечно паки дополнять, дабы въ цѣлости всегда находилась“ (т. V, стр. 177).

14 ноября 1736 г. Сенатъ подалъ новый докладъ, что штатсъ-контора, кромѣ отпуска на бывшіе въ низовомъ корпусѣ полки [1]), „на другія нужнѣйшія дачи заплатить должна 1.029.983. р. 32 к., а въ коллегіяхъ-де, канцеляріяхъ, конторахъ и приказахъ денежной казны, подлежащихъ до штатсъ-конторы, за расходами и ассигнаціями, ничего на лицо не

---

[1]) На содержаніе 12 пѣхотныхъ полковъ низового корпуса и 3000 нерегулярныхъ казаковъ было положено 422.520 р. 42 к., которые отпускались изъ неположенныхъ въ штатъ доходовъ (I т., стр. 411).

имѣется, *и въ производженіи государственныхъ расходовъ учинилась конечная остановка*". Сенатская контора выразила такое пожеланіе: „для такого нужнаго случая, имѣющіяся нынѣ въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ, также въ губерніяхъ и провинціяхъ, доимочныя по 732-й годъ деньги, которыхъ безъ именного Е. И. В. ни на какіе расходы держать не велѣно,— окромѣ тѣхъ, которые велѣно отпускать къ Генералъ-лейтенанту Волкову,—гдѣ сколько оныхъ ни обрѣтается, отсылать изъ тѣхъ мѣстъ по близости для содержанія выведенныхъ изъ Персіи полковъ и въ другія мѣста по росписанію штатсъ-конторы, а изъ прочихъ ближнихъ къ Москвѣ и въ С.-Петербургъ—въ штатсъ-контору, для отпуска въ коммиссаріатъ и на другіе нужнѣйшіе расходы; а которые сборы есть въ доимкѣ съ 732—оные, сбирая, отсылать въ штатсъ-контору". По этому поводу Сенатъ просилъ: „для показанныхъ въ штатсъ-конторѣ нынѣ въ деньгахъ недостатковъ, *на исправленіе нужнѣйшихъ расходовъ*, не соизволитъ ли Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше *пожаловать* сборные изъ доимки по 732 г. доходы и которые впредь въ сборѣ изъ доимки будутъ, также и показанныя, въ прежденоданныхъ доношеніяхъ, деньги употреблять въ расходъ штатсъ-конторѣ". Министры уклонились отъ прямого отвѣта. Они, въ своей резолюціи, порекомендовали ввести въ расходахъ сокращенія, затѣмъ потребовали свѣдѣній о суммѣ доимокъ по 732 г. Но эта политика въ сущности была молчаливымъ согласіемъ. Дать прямое согласіе расходовать, по какимъ-либо соображеніямъ, въ то время представлялось неудобнымъ. Взамѣнъ было дано 21-го апрѣля 1736 г. нраво *пользоваться заимообразно*, и этимъ правомъ Штатсъ-Контора воспользовалась, что подтверждается прежде всего резолюціей Министровъ отъ 19 декабря 1736 г. на означенномъ докладѣ. „А между тѣмъ на *штатсъ-конторъ взыскивать, сколько она съ того 1732 г. употребила въ дачи на прошлые годы*, на которые доимочныхъ денегъ въ расходъ употреблять не велѣно, чтобы изъ того видѣть можно, коликая сумма въ сборѣ, и что штатсъ-контора въ счетъ того заплатила" (т. V, страницы 628—631).

Штатсъ-Контора фактически пользовалась доимочными деньгами и расходовала ихъ систематически въ продолженіе многихъ лѣтъ, и объ израсходованныхъ суммахъ доводила до свѣдѣнія Кабинета. Доказательствомъ служитъ слѣдующая отмѣтка по входящимъ бумагамъ Кабинета за 16 апрѣля 1739 г.: „доношеніе изъ Штатсъ-конторы объ употребленіи въ расходъ

сбираемыхъ изъ доимки съ 732 по 738 г.г. денегъ". По этому доношенію послѣдовало лишь такое распоряженіе: „отдана въ Сенатъ мая 27" — конечно, для свѣдѣнія (т. IX, стр. 374).

Однако, формально Штатсъ-Контора все таки не имѣла права расходовать деньги, что ставило ее въ большое затрудненіе, въ особенности послѣ указовъ, посланныхъ Кабинетомъ на мѣста гвардейскимъ офицерамъ, что „доимочныя деньги, которыя собраны будутъ, имѣть на лицо и ни на какіе расходы безъ указа изъ Кабинета не употреблять".

Тогда Штатсъ-Контора представила донесеніе Кабинету, что ей на разные и даже чрезвычайные расходы, по именнымъ Ея Императорскаго Величества и Правительствующаго Сената и указамъ Кабинета платить не изъ чего; поэтому просила разрѣшить расходовать доимочныя деньги съ 732 по 738 г. Кабинетъ 15 мая 1739 г. наконецъ далъ Штатсъ-конторѣ просимое разрѣшеніе. „Сбираемыя изъ доимки деньги съ 732 г. по 738 г., для представленныхъ отъ Штатсъ-конторы резоновъ, употреблять въ расходъ позволяется", съ представленіемъ мѣсячныхъ рапортовъ о расходѣ (т. IX, стр. 455 и 456). И это разрѣшеніе Штатсъ-контора, несомнѣнно, использовала въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. *Остаточныхъ суммъ* у нея, во всякомъ случаѣ, не было, и она ихъ генералу Волкову не передавала.

5. *Военныя нужды.*

Изъ числа подушной доимки только извѣстная часть попала къ генералу Волкову отъ коммиссаріата за время съ 12 декабря 1732 г. по 1734 г., и она точно опредѣлена въ 645.287 р. (указъ 23 января 1735 г. № 6674 и журналъ Кабинета за 9 янв. 1735 г.—т. IV, стр. 5). Всего „прошлыхъ лѣтъ по 1732 г. подушныхъ денегъ и остаточнаго провіанта" Коммиссаріатъ получилъ больше 3 милліоновъ, изъ которыхъ, за вычетомъ упомянутыхъ 645.287 р., всѣ остальныя издержалъ на спеціально военныя потребности (П. С. З. № 6674).

За указаннымъ исключеніемъ [1]) вся подушная доимка раз-

---

[1]) Въ 1733 году, по указу отъ 24 февраля было прпказано еще отпустить Графу Левенвольду „изъ имѣющихся въ генеральномъ кригсъ-коммиссаріатѣ остаточныхъ отъ полковыхъ фуражныхъ денегъ", 65.000 р., которые, по указу 1732 г., опредѣлены на покупку къ государственнымъ заводамъ чужестранныхъ жеребцовъ и кобылъ" (II т , стр. 93). Но эта сумма представляетъ собою, дѣйствительно, чистыя остаточныя деньги отъ оклада 1732 года, которыя предвидѣлись указомъ отъ 18 ноября 1732 г. (П. С. З. № 6261). Чистыя же остаточныя

личными способами (путемъ удержанія на мѣстѣ самими полками, а затѣмъ и черезъ посредство коммиссаріата), но во всѣхъ случаяхъ цѣликомъ расходовалась тѣмъ учрежденіемъ, въ которое поступала, на свои спеціальныя потребности—содержаніе войскъ. Нѣкоторое сомнѣніе въ правѣ коммиссаріата расходовать доимочныя деньги, какъ указано по пункту a^2, возникло лишь въ самомъ концѣ царствованія Анны Іоанновны—въ 1739 г. Но и оно разрѣшилось благопріятно. Военная коллегія получила согласіе Кабинета „собираемыя изъ доимки на прошлые годы подушныя деньги употреблять въ расходъ на самыя нужнѣйшія воинскія дачи“ (П. С. З. № 7754).

На вопросъ, могла ли подушная доимка (кромѣ указаннаго случая передачи денегъ Волкову) расходоваться на какія либо постороннія потребности, т. е. помимо своего прямого назначенія, можно отвѣтить увѣренно: абсолютно не могла. Правительство ставило на первый планъ боевую подготовку арміи, а слѣдовательно, первое мѣсто въ его бюджетѣ занимало обезпеченіе арміи необходимыми средствами. Между тѣмъ даже при указанномъ выше положеніи—что подушный сборъ полностью расходовался на свои спеціальныя потребности,—положеніе военнаго бюджета было чрезвычайно напряженное. Сенатъ, 3-го апрѣля 1739 г., сообщаетъ Кабинету, что „въ настоящемъ довольствіи и снабденіи регулярныхъ войскъ въ деньгахъ состоитъ крайняя нужда“ (т. IX, стр. 366). Военное вѣдомство съ трудомъ сводило концы съ концами, доходя до такого положенія, что „нѣкоторые полки и на прошлый годъ жалованье не получали“ (стр. 366). И когда возбудился вопросъ объ источникѣ для уплаты подъемнаго жалованья донскимъ казакамъ и калмыкамъ, наряженнымъ въ кампанію, никакъ не могли найти требующейся для этого суммы въ 59.656 р. 32 к. На требованіе, предъявленное къ военной коллегіи, та отвѣтила, что подушный сборъ употребляется на содержаніе регулярныхъ войскъ, а казаки и калмыки на воинскую сумму не положены. И „не токмо на дачу онымъ казакамъ и калмыкамъ военная коллегія денегъ не имѣетъ“, но какъ указано выше, и „въ довольствіи

(предвидѣнныя указомъ № 6261) были переданы въ 1733 г. генералу Волкову (II т., стр. 199 и 231), но въ количествѣ, не превышавшемъ, вѣроятно, одной или двухъ сотенъ тысячъ.

Въ томъ же 1733 г., въ виду того, что въ коммиссаріатѣ оставались свободныя суммы, приказано произвести слѣдующіе расходы: 1) выдать изъ наличныхъ его суммъ 100.000 р. заимообразно въ артиллерію (резолюція Императрицы отъ 5 іюля 1733 г., II т., стр. 331—333), 2) поставить въ счетъ взыскиваемой на Меерѣ по векселямъ суммы 32.760 р. за алмазы, взятые у Меера (т. II, стр. 199).

и снабденіи регулярныхъ войскъ въ деньгахъ состоитъ крайняя нужда".

Оказывается, что изъ военной коллегіи уже брали изъ подушнаго сбора 62.211 р. 41 к. „бывшимъ въ прошлогодней кампаніи донскимъ казакамъ и калмыкамъ", и „хотя бъ ту сумму, за неимѣніемъ въ той (военной) коллегіи денежной казны, надлежало отпустить изъ штатсъ-конторы, токмо въ томъ на оную контору надежды имѣть невозможно".

Послѣ этого стали искать деньги уже по всѣмъ источникамъ и съ трудомъ набрали ихъ въ 24 мѣстахъ, въ томъ числѣ доимочныхъ: въ канцеляріи конфискаціи—3.766 р. 78 к., въ штатсъ-конторѣ—1.500 р. 76 к. и въ Московской конторѣ конфискаціи -12.493 р., всего доимочныхъ (неподушныхъ) денегъ 17.761 р. 54 к. (т. IX, стр. 365—368).

А между тѣмъ у правительства были на очереди и иныя военныя нужды, какъ напр. производство работъ въ Петербургской и Шлюссельбургской крѣпостяхъ, денегъ же въ казнѣ не было. Въ результатѣ слѣдуетъ, 29 апр. 1740 г., резолюція Кабинетъ Министровъ на сообщеніи Сената „о принятіи надлежащихъ мѣръ *по взысканію доимокъ для производства на собранныя деньги работъ въ С.-Петербургской и Шлюссельбургской крѣпостяхъ*" (Барановск. опись Сенат. Арх. № 7511).

6. *Выдача жалованья.*

21 мая 1739 г. послѣдовалъ именной указъ (П. С. З. № 7813) производить штатскимъ чинамъ уплату жалованья не изъ штатсъ-конторы, а „изъ доимки денегъ прошлыхъ лѣтъ кабацкихъ и таможенныхъ сборовъ". Въ категорію этихъ штатскихъ включены были сенаторы, коллежскіе президенты и члены и „въ канцеляріяхъ присутствующіе и тѣхъ мѣстъ канцелярскіе служители и прочіе штатные чины". Этотъ указъ вызвалъ, однако, и недоумѣніе и протесты: недоумѣніе потому, что всѣ коллегіи и канцеляріи получали жалованье, по штату 1725 года, не изъ штатсъ-конторы, а изъ своихъ „особливыхъ" доходовъ; а протесты—потому, что не при всѣхъ коллегіяхъ находились доимочныя деньги (т. X, стр. 267, 269). Вслѣдствіе этого 8 ноября 1739 г. послѣдовало сообщеніе изъ Кабинета въ Сенатъ (П. С. З. № 7935) „о производствѣ статскимъ чинамъ жалованья изъ получаемыхъ доходовъ того мѣста, въ которомъ кто служитъ".

Указъ служитъ характерпымъ показателемъ *взгляда правительства на доимочныя деньги, какъ на запасный фондъ*. изъ котораго черпали при недостачѣ денегъ въ прямыхъ источникахъ.

7. *Случайные расходы.*

Въ 1733 г., по докладу Сената, Императрица предоставила право Тверскому архіерею взыскать оброчную недоимку съ своихъ монастырскихъ крестьянъ въ суммѣ 3.394 р. 89 к. и употребить ихъ въ расходъ на разныя исправленія въ Тверской соборной церкви (т. II, стр. 189 и 190).

8. *Всякія выдачи изъ суммъ генерала Волкова.*

Къ генералу Волкову поступали, какъ указано выше, суммы двоякаго рода:

1) *остаточныя* отъ бюджета всѣхъ коллегій, канцелярій и конторъ, присылавшіяся на основаніи указа отъ 15 іюня 1731 г. № 5779,

2) *доимочныя*:

а) взыскиваемыя Канцеляріей Конфискаціи (указъ 15 іюня 1731 г. № 5779) и доимочнымъ приказомъ (24 января 1735 г. № 6677 и 23 декабря 1735 г. № 6849)—до 5 іюля 1735 г. (за исключеніемъ отосланныхъ въ штатсъ-контору по указамъ 15 сентября 1732 г. и 12 мая 1733 г.),

б) по оброчнымъ и прочимъ статьямъ, которыя были на лицо въ Москвѣ и въ тамошнихъ провинціяхъ въ іюнѣ 1735 г.

в) подушныя съ 16 іюня 1731 г. по 12 декабря 1732 г.

и г) подушныя съ 12 декабря 1732 г. по 1734 г.—въ суммѣ 645.287 р;

3) *вырученныя отъ продажи имущества отписного и выморочнаго* (по указу 15 іюня 1731 г. № 5779).

Изъ числа этихъ категорій сумма поступленій точно установлена только по двумъ категоріямъ:

2⁶—поступившія въ іюнѣ 1735 г. въ Москвѣ и тамошнихъ провинціяхъ (указъ 30 іюня 1736 г. №6999). .	280.781 р.	51½ к.
2⁷—переданныя изъ коммиссаріата. .	645.287 р.	
Всего . . .	926.068 р.	51½ к.

Для выясненія характера учрежденія генерала Волкова и назначенія поступавшихъ къ нему суммъ необходимо разсмот-

рѣть всѣ произведенныя имъ денежныя выдачи, какія встрѣчаются въ памятникахъ.

Эти выдачи дѣлятся на двѣ категоріи:

а) безвозвратный расходъ

и б) суммы, выданныя взаимообразно.

а) *Расходъ безвозвратный.*

Начало пользованія капиталами, находившимися въ вѣдѣніи Волкова, относится къ тому періоду, когда правительство стало испытывать особенно острыя финансовыя затрудненія, „и въ коллегіяхъ де, канцеляріяхъ конторахъ и приказахъ денежной казны, подлежащихъ до штатсъ-конторы, за расходами и ассигнаціями, ничего на лицо не имѣется, и въ произвожденіи государственныхъ расходовъ учинилась конечная остановка“ (V т., стр. 628). И когда потребовалось, въ 1737 году, заготовить провіантъ въ Малороссіи, то обратились къ капиталамъ Волкова, откуда и было отпущено Князю Барятинскому 50.000 р. (Барановская опись Сенат. Арх. №№ 6023 и 6159 и VI т. Сбор., стр. 347). Это начало открыло цѣлый рядъ послѣдующихъ выдачъ.

Въ томъ же 1737 году, по резолюціи министровъ на сообщеніи Сената, согласно представленію генералъ фельдцейхмейстера ландграфа Гессенъ-Гомбургскаго, отпущено отъ Волкова 20.000 р. на покупку воловъ для предстоящей компаніи артиллеріи (Баран. опись Сенат. Арх. № 6380 и VI т. Сборн., стр. 727).

Въ 1738 г. по именному указу, подписанному министрами, отпущено отъ Волкова 300.000 р. Барятинскому на покупку воловъ для предстоящей экспедиціи (т. VII, стр. 26, 27, 43, 44, 72, 73, 82, 111, 245, 246 и 247).

Въ томъ же 1738 г. прислано Волковымъ Барятинскому же на покупку провіанта 150.000 р. (т. VII, стр. 24 и т. VIII, стр. 449).

Въ 1739 году отправлено Волковымъ:

1) изъ доимки съ синодскихъ вотчинъ, въ Тулу, на оружейные заводы 25.000 р. (т. IX, стр. 316, 377, 426).

и 2) въ военную коллегію и въ артиллерійскую канцелярію на исправленіе артиллеріи, по 100,000 р. каждой (т. IX, стр. 534 и 551).

Всего въ 1737—1739 годахъ отпущено Волковымъ 745.000 р. которые цѣликомъ пошли на спеціально военныя потребности.

б) *Суммы, выданныя взаимообразно.*

Въ 1736 году монетная канцелярія представила доношеніе „объ отпускѣ повсегодно на денежные дворы до 300.000 р. отъ генералъ-поручика Волкова, чтобы въ вымѣнѣ мелкихъ денегъ и въ покупкѣ серебра остановки не чинилось, а къ нему, генералъ поручику, отсылать, какъ серебро въ монеты передѣлано будетъ“ (V т., стр. 561 и 562). Изъ отпущенныхъ 300.000 р. было уплачено въ февралѣ 1738 г.—200.000 р. (т. VII, стр. 121 и 122), а 100.000 р. такъ, повидимому, и остались неуплаченными (т. VIII, стр. 98 и 99).

Въ 1737 году выдано Волковымъ взаимообразно въ военную коллегію 300.000 р. Коллегія, по доношенію Волкова „на возвращеніе изъ подушнаго сбора по провинціямъ и ассигновала *токмо*, во умедленіе изъ провинціи, *платежомъ вскорости возвратить неуповаемо*“ (VI т., стр. 276). Уплата дѣйствительно затянулась (т. VI, стр. 404 и 715). Коллегія уплатила лишь 64.858 р. $57^1/_2$ к., а объ остальныхъ 235.141 р. $42^1/_2$ к. Волковъ донесъ, что „коллегія по его требованіямъ не платитъ“ (т. VIII, стр. 318).

Въ 1738 году Волковъ отпустилъ заимообразно 200.000 р. въ адмиралтейскую коллегію, на строеніе въ Брянскѣ флотиліи (т. VII, стр. 87 и 88). Министры 7 января 1739 г. положили резолюцію на докладѣ адмиралтейской коллегіи, „чтобъ какъ наискорѣе заимныя деньги возвращены были“ (VIII т., стр. 508, т. IX, стр. 5—8). Но, въ виду громадной задолженности адмиралтейства и запутаннаго состоянія его счетовъ, долгъ, повидимому, остался неоплаченнымъ.

Всего Волковъ выдалъ взаимообразно 800.000 р., изъ коихъ не возвращено, а слѣдовательно, обратились въ безвозвратный расходъ 535.141 р. $42^1/_2$ к. Такимъ образомъ весь непогашенный расходъ изъ капиталовъ Волкова выразился въ суммѣ $(745.000 + 535.141.42^1/_2) = 1.280.141$ р. $42^1/_2$ к.

При подведеніи итоговъ объясненіямъ, на что расходовались доимочныя деньги, необходимо прежде всего выдѣлить *доимку подушную*. Ея назначеніе выяснилось совершенно опредѣленно: она израсходована полностью на свои спеціально военныя потребности. Нѣкоторое исключеніе, казалось бы, представляютъ 645.287 р., поступившихъ къ Волкову съ 12 декабря 1732 г. по 1734 г. Но Волковъ, какъ указано выше, изъ сво-

ихъ суммъ израсходовалъ на военныя потребности (745.000 + 235.141.42½) = 980.141 р. 42½ к. Слѣдовательно, и суммы, взятыя Волковымъ изъ подушной доимки, слѣдуетъ считать погашенными съ избыткомъ его расходомъ на тѣ же военныя потребности, источникомъ покрытія которыхъ являлась подушная доимка.

Движеніе суммъ по остальнымъ доимкамъ являлось болѣе сложнымъ. Онѣ поступали въ два мѣста: въ штатсъ-контору и къ Волкову. Къ Волкову должны были направляться однѣ только тѣ доимки, которыя *доправлены Доимочнымъ приказомъ и Канцеляріей Конфискаціи* (указы №№ 6677 и 6849), а въ Штатсъ-контору—всѣ остальныя; но отъ этого общаго положенія бывали уклоненія въ ту и другую сторону.

То, что поступило въ штатсъ-контору, несомнѣнно, цѣликомъ израсходовано на различныя государственныя нужды (подробно указанныя выше) и частью на Дворъ—въ послѣднемъ случаѣ не болѣе, однако, 260.474 р. 23 к.

Вѣдомство генерала Волкова болѣе трудно поддается учету. Весь его расходъ, по памятникамъ, зарегистрированъ въ суммѣ (745.000 + 800.000) = 1.545.000.

А по приходу точно установлены только двѣ цифры 280.781 р. 51½ к. и 645.287 р. = 926.068 р. 51½ к.

Разница въ (1.545.000—926.068 р. 51½ к.)=618.931 р. 48½ к., если только она состояла изъ однѣхъ доимочныхъ суммъ, могла образоваться изъ поступленій лишь по слѣдующимъ двумъ категоріямъ [1]):

а) вообще взыскиваемыя канцеляріей конфискаціи и доимочнымъ приказомъ,

в) подушныя въ періодъ времени съ 16 іюня 1731 г. по 12 декабря 1732 г.

Изъ поступленій по категоріи „а“ надо вычесть слѣдующія суммы:

1) бывшія на лицо въ канцеляріи конфискаціи къ 15 сентября 1732 г. и отправленныя по указу № 6182 въ Петербургскую рентерею,

2) бывшія на лицо во всѣхъ учрежденіяхъ къ 12 мая 1733 г. и высланныя, по указу № 6400, въ штатсъ-контору,

3) всѣ доимки, кромѣ доправленныхъ доимочнымъ приказомъ и канцеляріей конфискаціи, которыя послѣ 24 января 1735 г. подлежали отсылкѣ въ Штатсъ-Контору,

---

[1]) Порядковая нумерація по пункту 8-му.

4) всѣ доимки безъ исключеній, привезенныя въ штатсъ-контору изъ ближнихъ къ Петербургу провинцій, по Высочайшему повелѣнію отъ 5 іюля 1735 г. Остатокъ отъ этихъ вычетовъ едва ли превышалъ указанную выше сумму 618.931 р. 48½ к., но возможно и превышеніе.

Что касается подушныхъ доимокъ, которыя должны бы поступить къ Волкову въ періодъ времени съ 16 іюня 1731 г. по 12 декабря 1732 г., то за это время Волковъ ничего не получилъ. Подтвержденіемъ такого факта служитъ указъ отъ 23 января 1735 г. (П. С. З. № 6674), „что многіе помѣщики, архіереи и прочія духовныя власти не токмо, по силѣ вышеписаннаго Ея И. В. 1731 г., іюня 16 дня указа, вышеписанный *съ 1724 по тотъ 1731 годъ*, на показанный тѣмъ указомъ срокъ, *доимки по нынѣ не заплатили*, но и сверхъ того съ 1731 по нынѣшнія 1735 годъ многую на себя накопили“.

На основаніи этихъ данныхъ можно сказать положительно, что всѣ тѣ доимки, какія поступали въ учрежденія коммиссаріата и въ штатсъ-контору, израсходованы полностью на государственныя потребности (кромѣ суммы не свыше 260.474 р. 23 к., которыя истрачены на Дворъ). На тѣ же государственныя нужды расходовались въ большомъ количествѣ и доимки, находившіяся у Волкова. Но израсходованы ли на это всѣ его доимочныя суммы, остается пока невыясненнымъ. Возможно допустить, что нѣкоторыя доимочныя суммы у него остались, но едва ли большія.

У Волкова, помимо доимочныхъ денегъ, находились еще двѣ категоріи суммъ: 1) остаточныя и 2) вырученныя отъ продажи конфискованныхъ и выморочныхъ имуществъ. Въ виду того, что онѣ соединялись въ одномъ источникѣ съ доимочными, необходимо, для болѣе полнаго освѣщенія вопроса коснуться, хотя вкратцѣ, также и этихъ суммъ.

При Петрѣ I придворные расходы удовлетворялись изъ одного источника—изъ соляной суммы и соединенной въ однѣхъ рукахъ съ послѣдней кабинетной. Кабинетная сумма составлялась обыкновенно изъ остатковъ въ различныхъ учрежденіяхъ, которые отсылались послѣдними въ Кабинетъ и назывались подпосными деньгами. Такъ было еще и въ приказѣ тайныхъ дѣлъ Царя Алексѣя Михайловича, который вполнѣ соотвѣтствовалъ петровскому Кабинету и содержался также остатками изъ другихъ учрежденій [1]). При Аннѣ Іоанновнѣ если и поступали

[1]) Строевъ „Бироновщина и Кабинетъ Министровъ“, ч. I-я, стр. 172.

суммы въ Кабинетъ, то не изъ остатковъ, а изъ штатсъ-конторы на „случающіеся кабинетные расходы“ и онѣ имѣли своимъ назначеніемъ текущія потребности самаго Кабинета (прогоны курьерамъ, канцелярскія надобности, на жалованье чиновникамъ и т. д.), а иногда и различныя государственныя нужды. Среди этихъ кабинетскихъ расходовъ встрѣчается только одна статья, касающіяся Императрицы: „въ комнату Ея Величества—2.000 р.“ [1]). Эта выдача на карманные расходы Императрицѣ является, однако, совершенно случайной. Что касается остаточныхъ суммъ, то онѣ при Аннѣ Іоанновнѣ, по указу 15 іюня 1731 г. № 5779, должны были сосредоточиваться въ учрежденіи генерала Волкова. И если бы таковыя дѣйствительно поступали, то онѣ, по примѣру прежнихъ Государей, вѣроятно, находились бы въ личномъ распоряженіи Императрицы и обращались бы на Ея личныя потребности, минуя совершенно Министровъ. Въ „бумагахъ“ *о полученіи такихъ денегъ отъ Волкова Императрицею, Бирономъ или другими Ея приближенными, не имѣется никакого слѣда.* Отсутствіе такихъ свѣдѣній можетъ объясниться двумя причинами: 1-й, которая уже приведена выше, что эти суммы, составляя личныя средства Императрицы, и не должны были проходить черезъ Кабинетъ и, во 2-хъ, еще болѣе естественной причиной—отсутствіе самыхъ капиталовъ. Государство въ этотъ періодъ было такъ бѣдно средствами, что его правительственные органы не всегда могли удовлетворять даже текущія потребности. Поэтому остаточныя или совсѣмъ не поступали, а если и поступали, то въ ничтожномъ размѣрѣ. Единственное указаніе на поступленіе остаточныхъ къ Волкову имѣется въ 1733 г. по отношенію къ коммиссаріатскимъ суммамъ. Но, принимая во вниманіе непосредственный расходъ, сдѣланный уже коммиссаріатомъ по повелѣнію Императрицы изъ остаточныхъ въ 1733 году,—переданныя остаточныя были невелики и не превышали одной или двухъ сотенъ тысячъ рублей.

Всѣ выморочныя имущества, по закону, принадлежали Императрицѣ (П. С. З. № 6001, пунктъ 7-й).

Конфискованныя имущества еще по Уложенію 1649 г. отписывались на Государя. Угроза „животы всѣ и дворы, и помѣстья, и вотчины имать на государя“ весьма часто встрѣчается и въ позднѣйшихъ указахъ. Всего чаще, однако, эти

---

[1]) Строевъ „Бироновщина и Кабинетъ Министровъ“ (I ч., стр. 172 и 173 и II ч., стр. 64).

имѣнія раздавались лицамъ, содѣйствовавшимъ розыску виновныхъ и близкимъ ко Двору. Съ 1718 г. установленъ былъ принципъ удовлетворенія кредиторовъ преступника изъ его конфискованнаго имѣнія. Въ 1736 г., по докладу Сената, утвержденному Министрами, рѣшено: „отписное и выморочное и штрафное, какого бъ званія ни было золото и серебро, которое будетъ доходить въ канцелярію конфискаціи, оное надлежитъ, для умноженія на денежныхъ дворахъ капитала, отсылать въ Москвѣ въ монетную канцелярію, а въ Петербургѣ въ канцелярію жъ монетнаго правленія“ (т. V, стр. 179—181). Все остальное имущество продавалось; часть вырученныхъ денегъ, въ крайнихъ случаяхъ, по распоряженіямъ Императрицы и министровъ, расходовалась канцеляріей конфискаціи на государственныя потребности (т. IX, стр. 367), а остальныя, по указу 15 іюня 1731 г., отсылались Волкову. Императрица могла получать эти деньги по праву въ свое личное распоряженіе и, несомнѣнно, получала ихъ отъ Волкова. Поэтому она интересовалась этимъ дѣломъ. Напримѣръ, въ 1736 г. было обращено вниманіе, что по Канцеляріи конфискаціи „въ казну Ея И. В. никакого дохода нѣтъ“. Тогда Императрица указала подать изъ Сената подробную вѣдомость о всѣхъ конфискованныхъ и выморочныхъ имуществахъ и состояніи по нимъ доходовъ и вообще капиталовъ (т. V, стр. 278). *О передачѣ Волковымъ поступившихъ къ нему денегъ, вырученныхъ отъ продажи выморочныхъ и отписныхъ имуществъ, Императрицѣ или другимъ близкимъ ей лицамъ, въ „бумагахъ“ также не имѣется слѣдовъ.* Объясняется это тѣмъ же простымъ соображеніемъ, какое приведено по остаточнымъ суммамъ. Эти капиталы составляли личныя средства Императрицы, государственныя нужды не обслуживали, расходовались на Ея личныя потребности, и потому онѣ совершали свои обороты внѣ журнальныхъ записей Кабинета Министровъ.

Выдѣленіе части доимочныхъ капиталовъ въ „вѣрныя руки“ генерала Волкова можно объяснить желаніемъ образовать по возможности неприкосновенный резервный капиталъ для государственныхъ нуждъ. Это намѣреніе на практикѣ осуществлялось. Дѣйствительно, когда у государства наступали самыя неотложныя нужды, а его государственное казначейство оказывалось несостоятельнымъ,—тогда прибѣгали къ помощи этого резервнаго фонда. И Волковъ выдавалъ крупныя суммы въ самой различной формѣ: и безвозвратно, и взаимообразно.

Но все-таки сліяніе въ однѣхъ рукахъ Волкова государственныхъ (доимочныхъ) и личныхъ (выморочныхъ и конфискованныхъ) капиталовъ Императрицы составляетъ самое слабое и поэтому для критики самое уязвимое мѣсто во всей этой организаціи. Можно здѣсь усматривать и отраженіе древнекняжескаго частно-правового характера управленія. Но историческая критика склонна усматривать намѣреніе Императрицы или Ея близкихъ этимъ путемъ воспользоваться доимочными деньгами.

Выше были приведены подробно всѣ соображенія и матеріалы, касающіеся направленія доимочныхъ денегъ. Остались ли на рукахъ у Волкова, послѣ сдѣланныхъ имъ расходовъ, еще какія-либо доимочныя деньги—неизвѣстно. Но возможно допустить, что осталась небольшая часть и она передана Волковымъ въ личное распоряженіе Императрицы или Ея близкихъ.

Болтинъ высказалъ, что „Бирон̀ъ, примысливъ сими (доимочными) деньгами безъ огласки воспользоваться, коварно Императрицѣ представилъ, чтобъ ту *недоимку собрать особно*, не мѣшая съ прочими государственными доходами. Послѣдовало повелѣніе учредить особыя для сего Правленія подъ именемъ Доимочнаго Приказа и Секретной Казенной .. А доимочный приказъ, взыскивая, отсылалъ въ Секретную Казну, гдѣ, кромѣ Казначея, о числѣ денегъ никто не вѣдалъ, и какъ о приходѣ, такъ и о расходѣ объявлять подъ смертною казнью было запрещено. *Большею частью казны сея воспользовался Бирон̀ъ*, однако жъ такъ искусно, что ниже имени его во взятьѣ не воспоминается, но всѣ писаны въ расходъ на Особу Ея Императорскаго Величества... Сею хитростью *доставилъ себѣ Бирон̀ъ многіе милліоны рублей*, а государство въ конецъ разорилъ“ („Примѣчанія на исторію древнія и нынѣшнія Россіи Леклерка“, т. II, стр. 326). Свидѣтельство Болтина повторяли и другіе писатели.

Противъ этого свидѣтельства горячо возсталъ Строевъ въ своемъ изслѣдованіи „Бироновщина и Кабинетъ Министровъ“ (т. II, стр. 6 и 7). Строевъ назвалъ это легендой о Бирон̀ѣ и самое свидѣтельство отнесъ къ числу мутныхъ. „Болтинъ—писалъ Строевъ—родился въ 1735 году и, слѣдовательно, не могъ ни въ какомъ случаѣ писать о царствованіи Анны по личнымъ воспоминаніямъ. Между тѣмъ онъ не называетъ своихъ источниковъ“. Что касается скрыванія въ записяхъ расхода на Бирона, то Строевъ возражаетъ: „почему же въ дѣлахъ

соляной конторы всѣ выдачи Бирону и его семьѣ, довольно многочисленныя, нисколько не скрываются и пишутся отдѣльно отъ суммъ, отпущенныхъ въ расходъ на Особу Ея Величества? Всякій непредубѣжденный читатель видитъ, на сколько утвержденія Болтина голословны: онъ не можетъ привести рѣшительно никакихъ доказательствъ въ пользу своего мнѣнія, будто бы деньги эти присвоилъ Бирономъ. Достаточно вспомнить цѣль книги Бирона, являвшейся апологіей Россіи на Западѣ, чтобы понять, какъ осторожно нужно относиться къ словамъ такого автора объ иностранцахъ".

Строевъ протестовалъ совершенно правильно, и къ его мнѣнію слѣдуетъ вполнѣ присоединиться. Основываясь на приведенномъ выше фактическомъ матеріалѣ, можно утверждать положительно:

1) свидѣтельство Болтина, что Бирономъ воспользовался большей частью взысканной доимки и доставилъ себѣ этимъ многіе милліоны рублей—абсолютно невѣрно

и 2) также преувеличены мнѣнія о широкой тратѣ доимочныхъ денегъ на увеселенія Двора.

Въ заключеніе доимочнаго Отдѣла можно сдѣлать слѣдующіе выводы.

Правительство, въ цѣляхъ нормальнаго выполненія государственнаго бюджета, стремилось къ тому, чтобы окладные доходы поступали бездоимочно, но это не удавалось. Доимки обратились въ хроническую болѣзнь. Въ результатѣ появилась извѣстная, довольно широкая, доимочная организація. Ея особенность составляло развитіе, главнымъ образомъ, контрольно-учетнаго аппарата, въ составѣ коего находимъ: доимочный приказъ, канцелярію конфискаціи, камеръ-коллегію, коммиссаріатъ, губернскихъ прокуроровъ, и офицеровъ разныхъ видовъ, а на верху—Сенатъ съ его доимочными коммиссіями. Обиліе элемента контрольно-учетнаго объясняется плохимъ составомъ исполнителей на мѣстахъ. Имъ правительство не довѣряло и постоянно упрекало или подозрѣвало въ слабости, попустительствѣ, воровствѣ и взяточничествѣ. Поэтому надъ ними былъ учрежденъ усиленный надзоръ.

Сенатъ считался верховнымъ учрежденіемъ, вѣдавшимъ всѣми доходами, въ томъ числѣ и доимками. Но въ дѣйствительности душою всего дѣла былъ Кабинетъ Министровъ, который проявилъ изумительную энергію и трудоспособность и ру-

ководилъ всей организаціей сверху до низу, для чего вступалъ въ переписку даже съ офицерами, читалъ ихъ донесенія и поименныя вѣдомости и отдавалъ имъ непосредственныя распоряженія большой важности, минуя Сенатъ и прочіе центральные органы и даже не сообщая имъ для свѣдѣнія о своихъ распоряженіяхъ.

Изъ числа мѣстныхъ органовъ пришлось остановиться довольно подробно на дѣятельности гвардейскихъ офицеровъ. Судя по указамъ, инструкціямъ и ихъ допошеніямъ, гвардейскіе офицеры не имѣли никакой исполнительной власти, сами доимки не взыскивали и репрессій къ плательщикамъ не проявляли, а лишь *наблюдали за взысканіемъ и побуждали губернаторовъ и воеводъ къ взысканію*. Бывали приэтомъ, какъ исключенія изъ общаго правила, такіе случаи, когда офицеры „пашлись въ продерзостяхъ“, или, по выраженію историковъ, являлись „податными палачами“. Но это было уклоненіемъ отъ нормы, къ которому само правительство относилось отрицательно. Такія указанія источниковъ проливаютъ совершенно иной свѣтъ на значеніе гвардейскихъ офицеровъ и снимаютъ съ нихъ темное пятно податныхъ вымогателей или палачей.

Доимочная политика правительства выражена, главнымъ образомъ, въ главѣ XII-й. Она рѣзко раздѣляется на два періода до и послѣ предложеній Маслова. До выступленія Маслова въ отношеніи податной доимки примѣнялась экзекуція, а по другимъ доимкамъ взысканіе производилось огульное.

Заслуги Маслова въ этомъ дѣлѣ весьма велики. Прежде всего онъ открыто выставилъ причины накопленія доимокъ— это чрезвычайную эксплоатацію крестьянъ помѣщиками въ видѣ работъ и оброковъ. Впослѣдствіи эти взгляды были признаны и правительствомъ, которое выразило ихъ въ указѣ отъ 24 января 1738 г. № 7494.

Затѣмъ Масловъ внесъ два крупныхъ предложенія:

1) чтобы помѣщики за крестьянъ къ сроку готовили бы свои деньги (этотъ взглядъ совпалъ съ мнѣніемъ автора записки „представленіе объ утѣсненіяхъ народа отъ подушнаго сбору)“,

2) осужденіе огульнаго взысканія и система разсрочки несостоятельнымъ.

Послѣ этого, подъ вліяніемъ идей Маслова и вообще извѣстнаго современнаго настроенія (подробно выраженнаго въ главѣ XII-й), выразителями коего явились Масловъ и авторъ „представленія“, наступилъ крутой переломъ въ доимочной политикѣ

Кабинета. Гранью новой политики служилъ указъ 23 января 1735 г. Экзекуцію, какъ постоянную мѣру, уничтожили, крестьянъ оставили совершенно въ покоѣ, и взысканія направили на помѣщиковъ и на администрацію. Началась систематическая и упорная борьба, прямою цѣлью которой было желаніе правительства провести въ жизнь идеи Маслова, заставивъ помѣщиковъ платить доимки за крестьянъ.

Разсмотрѣнію репрессій посвящена глава XIII-я. Изъ нея выясняется, что правительство всегда твердо охраняло крестьянъ отъ насилій при сборѣ доимокъ. Но на практикѣ они все таки проявлялись. Тогда уничтожили въ корнѣ самое зло—вывели экзекуцію и стали требовать деньги непосредственно съ помѣщиковъ.

Тѣмъ же вліяніемъ Маслова объясняется безпощадно—суровое наказаніе всей администраціи за слабость, попустительство и взяточничество. Но это было неизбѣжно, и нужно поставить въ заслугу правительства Анны Іоанновны, какъ необходимое обузданіе администраціи.

Давались и различныя льготы въ уплатѣ доимокъ, хотя размѣры ихъ были невелики.

Мѣры взысканія были вообще суровыя, но онѣ не превышали тѣхъ мѣръ, какія примѣнялись при Петрѣ I-мъ и вообще, видимо, далеки отъ тѣхъ ужасовъ, о которыхъ пишутъ историки. По крайней мѣрѣ экзекуціи, когда таковыя примѣнялись, по Регламенту, не выражали примѣненія физическаго воздѣйствія карательныхъ отрядовъ надъ всей деревней. И Строевъ совершенно справедливо выразился, что „царствованіе Анны не принесло въ сущности никакихъ ужасовъ, которыхъ бы не знало предшествующее время (Бироновщина и Кабинетъ Министровъ, I ч., стр. 175).

Если на практикѣ встрѣчались иногда насилія и обиды, то это было уже уклоненіемъ исполнителей отъ нормы и отъ правилъ, за что само правительство наказывало виновныхъ.

Въ главѣ XIV подробно разсмотрѣно назначеніе взысканныхъ доимокъ Въ результатѣ выяснилось, что податныя доимки шли на свое прямое назначеніе—на военныя потребности, а остальныя—на различныя государственныя потребности. Лишь извѣстная часть—200 съ лишкомъ тысячъ пошли на Дворъ. Затѣмъ осталось невполнѣ выясненнымъ состояніе доимочныхъ суммъ въ вѣдомствѣ генерала Волкова. За неимѣніемъ полнаго матеріала для сужденія можно допускать предположеніе, что извѣстная часть доимочныхъ денегъ, бывшая у Волкова, пошла

и не на государственныя потребности. Но съ такимъ же успѣхомъ можно доказывать и обратное положеніе. Во всякомъ случаѣ эта невыясненная сумма у генерала Волкова не могла быть значительной.

И основываясь на приведенныхъ выше матеріалахъ, можно утверждать положительно, что доимочныя деньги собирали, конечно, не для того, чтобы отдавать ихъ Бирону, а собранныя деньги расходовали на государственныя потребности. Поэтому распространившееся мнѣніе о многихъ милліонахъ доимочныхъ денегъ, попавшихъ будто бы въ руки Бирону, слѣдуетъ, согласно съ мнѣніемъ Строева, признать неосновательнымъ.

ОТДѢЛЪ III.

ГЛАВА XV.

Составленіе государственной росписи, или окладной книги.

1) Положеніе работъ до Кабинета.

По изслѣдованіямъ Ясинопольскаго („Очерки русскаго бюджетнаго права“, изд. 1912 года), зачатки общегосударственныхъ росписей доходовъ и расходовъ сложились въ XVII вѣкѣ. Здѣсь встрѣчаются типы финансовыхъ документовъ, представляющіе собою какъ отчеты о доходахъ и расходахъ за истекшій годъ, такъ и предположенія на будущій. Лаппо-Данилевскій („Организація прямого обложенія въ Московскомъ Государствѣ“, стр. 262) разграничиваетъ эти два основныхъ типа, пріурочивая къ нимъ опредѣленные термины: „смѣтный списокъ“ и „окладная роспись“. Смѣтный списокъ представлялъ роспись недоимокъ, доходовъ, расходовъ и остатковъ за истекшій финансовый годъ. Окладная роспись [1]) была бюджетнымъ предположеніемъ сборовъ, издержекъ и остатковъ на предстоящій годъ. Но всѣ дошедшіе подъ указанными названіями документы не имѣютъ характера общегосударственныхъ вѣдомостей и относятся лишь къ отдѣльнымъ городамъ или приказамъ, гдѣ велись „окладныя книги“, для пріема сборовъ. Съ эпохи, начинающейся послѣ смутнаго времени, дѣлается извѣстной финансовая отчетность мѣстныхъ приказовъ,

---

[1]) Въ поволжскихъ городахъ и сибирскихъ актахъ терминъ „окладная роспись“ замѣняется инымъ: „помѣтный списокъ“, а въ общей сводной вѣдомости 1680/81 года имѣется въ томъ же смыслѣ терминъ „смѣтная роспись“ (Лаппо-Данилевскій „организація прямого обложенія въ Московскомъ Государствѣ“, стран. 263).

доставляемая ими центральнымъ приказамъ. Грамотами, отправляемыми изъ приказовъ воеводамъ, требуется присылка смѣтнаго списка за предыдущій годъ и окладной росписи на наступившій *для составленія въ приказъ сводной „годовой смѣты“ и „окладной книги“*. Первый по времени актъ, касающійся финансовой отчетности — грамота Чердынскому воеводѣ — относится къ 1621 году, и въ ней говорится о смѣтныхъ спискахъ не только 1620 года, но и прошлыхъ лѣтъ. Въ теченіе XVII вѣка ежегодное доставленіе списковъ и росписей уже достаточно укоренилось. „Свѣдѣнія, присылаемыя изъ уѣздныхъ и областныхъ центровъ въ центральныя учрежденія — говоритъ Лаппо-Данилевскій — (стр. 271) служили матеріаломъ для составленія приказныхъ росписей и смѣтъ, обнимавшихъ тотъ округъ, который подлежалъ вѣдомству приказа въ финансовомъ отношеніи“. Но это были скорѣе простыя механическія сводки. Когда впервые появилась общая государственная роспись — точно не установлено. Лаппо-Данилевскій находилъ въ памятникахъ нѣкоторыя указанія на существованіе общей государственной росписи еще въ 1619 году, но изъ этого сдѣлалъ весьма осторожный выводъ: „если всѣ эти намеки — говоритъ онъ — не даютъ намъ право рѣшительно утверждать существованіе общихъ росписей государственныхъ доходовъ въ первой половинѣ XVII вѣка, то, во всякомъ случаѣ, не позволяютъ отрицать возможности ихъ существованія за это время“ (стр. 273 и 274).

Имѣется, между прочимъ, указаніе на то, что существовало собраніе смѣтныхъ росписей всѣхъ приказовъ еще для послѣдняго года царствованія Михаила Ѳеодоровича — 1644 45 г. (Яснопольскій, „Очерки рус. бюджетн. права“ стр. 9). Во всякомъ случаѣ *первая дошедшая* до насъ полностью общая по всѣмъ приказамъ вѣдомость о доходахъ и расходахъ за истекшій годъ и предположеніяхъ на будущій годъ есть извѣстная вѣдомость 1680 -- 81 года, послѣдняго года царствованія Ѳедора Алексѣевича, найденная П. Н. Милюковымъ въ Московскомъ архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ и напечатанная имъ въ приложеніи къ его книгѣ о государственномъ хозяйствѣ при Петрѣ Великомъ.

Послѣ вѣдомости 1680/81 года, въ продолженіи двухъ послѣднихъ десятилѣтій XVII вѣка, указаній на составленіе общихъ вѣдомостей государственныхъ доходовъ и расходовъ того времени не встрѣчается. 14 марта 1701 г. появился приказъ Петра I, положившій начало составленію Ближней Канцеляріей ежегодныхъ вѣдомостей доходовъ и расходовъ по всѣмъ суще-

ствовавшимъ приказамъ. Повидимому—говоритъ Яснопольскій—во исполненіе указа 14 марта 1701 г. были составлены окладныя книги на 1701-й годъ. Съ 1701 года всѣ приказы подавали отчеты въ Ближнюю Канцелярію, которая дѣлала своды этихъ донесеній въ общую государственную роспись. У Милюкова, въ его книгѣ „Государ. хозяйство при Петрѣ I“ на стр. 171, дѣлается разборъ таблицъ прихода и расхода 1701—1709 годовъ, которыя въ оглавленіи (Стр. V, § 18) названы „государственными росписями 1701—1709 годовъ“. Далѣе, на стр. 483, Милюковъ говоритъ, что съ 1711 года „прекратилась регулярная дѣятельность Ближней Канцеляріи, а вмѣстѣ съ этимъ прекратилось и правильное составленіе государственныхъ росписей“. Относительно этихъ финансовыхъ документовъ слѣдуетъ привести, повидимому, основательное замѣчаніе Яснопольскаго (стр. 22), что описанныя Милюковымъ книги Ближней Канцеляріи представляютъ изъ себя *своды* свѣдѣній о дѣйствительныхъ доходахъ, расходахъ и остаткахъ за минувшій годъ регулярно съ 1701 по 1709 г., т. е. документы отчасти бюджетнаго, какъ всякій отчетъ, отчасти ревизіоннаго характера, но *„которыхъ финансистъ не назвалъ бы государственными росписями*, хотя они и могли имѣть, конечно, извѣстное значеніе для соображеній о возможныхъ приходахъ и расходахъ ближайшаго года“. Надо принять, однако, во вниманіе, традиціонную особенность финансовой системы того времени — специализировать источники дохода, т. е. каждому ожидаемому доходу давать опредѣленное назначеніе для расхода. Такой цринципъ, какъ правильно указываетъ далѣе Яснопольскій (стр. 24), позволялъ обходиться безъ государственной росписи въ техническомъ значеніи этого термина. Если же необходима была сводка свѣдѣній за предыдущій годъ, то главнымъ образомъ для того, чтобы знать, нѣтъ ли въ какомъ приказѣ свободныхъ остатковъ. Относительно спеціализаціи суммъ, между прочимъ, горькую, но справедливую истину высказалъ Милюковъ: „спеціализація суммъ была необходима для центральныхъ учрежденій въ виду старой привычки, по которой всякій не назначенный на опредѣленное употребленіе доходъ считался свободной суммой. Наши старые камералисты должны были знать, на что идетъ всякая данная копейка, чтобы убѣдить себя, что ее нельзя истратить на что либо другое. Мы знаемъ, что даже помня это, они слишкомъ часто уступали соблазну — пожертвовать дальнѣйшимъ интересомъ ближайшему“ (стр. 499).

Послѣ производства въ 1708 году губернской реформы на

губернаторскомъ съѣздѣ былъ составленъ новый бюджетъ, или, такъ называемая, табель 1710 года. Въ основу ея было положено раздѣленіе по губерніямъ полковъ, а для исчисленія приняты среднія цифры губернскихъ поступленій за 1705—1707 года. Но въ 1710 году, по словамъ Милюкова, (Гос. Хоз., стр. 293—294) еще не выяснился самый главный принципъ губернской организаціи военнаго хозяйства — раздѣленіе полковъ по губерніямъ. Осуществленіе его на практикѣ является впервые въ росписи 1711 года, хотя самое исполненіе смѣты рѣшено было начать уже съ 1712 года, а на 1711-й годъ руководиться старой смѣтой 1710 года. Что касается значенія табелей 1710—1711 года, то здѣсь, по словамъ Яснопольскаго, мы имѣемъ дѣло уже съ бюджетомъ въ техническомъ значеніи этого слова — съ планомъ хозяйства на будущее время (стр. 37). А практически табели оказались чисто бумажнымъ произведеніемъ; чрезвычайное напряженіе финансовыхъ средствъ и иныя серьезныя причины сводили къ нулю всѣ стройныя предначертанія. Самъ Сенатъ ежедневно нарушалъ эту табель и перехватывалъ на иное назначеніе всѣ свободныя суммы.

Составленіе общаго государственнаго бюджета, по словамъ Милюкова (стр. 483), сдѣлалось возможнымъ только послѣ реставраціи центральныхъ финансовыхъ учрежденій. Данныя 1720 г. были уже сведены въ общую табель камеръ-коллегіей; вѣроятно, это была первая изъ ея табелей. Затѣмъ появились росписи 1723 и 1724 годовъ. Послѣдняя отличалась, между прочимъ, тѣмъ, что въ ней введенъ, взамѣнъ прежнихъ прямыхъ налоговъ, подушный окладъ. Яснопольскій (стр. 52) и Милюковъ (Госуд. Хоз., стр. 495) указываютъ еще на „табель прихода и расхода“ на 1725-й годъ, напечатанную въ сочиненіи Кириллова „Цвѣтущее состояніе всероссійскаго государства“. Въ доходной ея части помѣщены оклады всѣхъ сборовъ, начиная съ подушнаго и прочіе доходы: а) „табельные, показанные въ окладѣ отъ камеръ-коллегіи“ и б) „въ табель и окладъ неположенные“ — послѣдніе „по примѣру прежнихъ лѣтъ“, то-есть по дѣйствительному поступленію и вѣроятнымъ разсчетамъ на будущій годъ. Это, по отзыву Яснопольскаго, именно роспись, а не отчетъ о дѣйствительно полученныхъ доходахъ и произведенныхъ расходахъ. Спеціализація доходовъ является въ ней въ совершенно наглядномъ видѣ: каждому источнику дохода соотвѣтствуютъ сбалансированные съ нимъ по суммѣ предметы расходовъ. Роспись, повидимому, не закопчена и составлена уже послѣ смерти Петра I. Эта табель, по словамъ Яснопольскаго,

была первая и послѣдняя въ эпоху, послѣдовавшую за смертью Петра. Милюковъ, послѣ изученія бюджета 1725 г., пришелъ къ заключенію, что „здѣсь государственный бюджетъ достигаетъ такой степени равновѣсія, какой мы не встрѣчали въ росписяхъ со времени окладной книги 1701 года“. Но каково было исполненіе табели 1725 года, мы — говоритъ Яснопольскій — не знаемъ: финансовая исторія Россіи для эпохи ближайшихъ преемниковъ Петра представляетъ пробѣлъ въ нашей литературѣ (стр. 54).

Послѣ сокращенія и упрощенія, по указу 16 іюля 1726 г., мѣстной администраціи отчетность пришла въ состояніе разложенія. „Мы, говоритъ Яснопольскій (стр. 62), не находимъ и намека на составленіе государственныхъ росписей-плановъ хозяйства на будущій періодъ. Полученіе отчетныхъ свѣдѣній и составленіе изъ нихъ общихъ по государству вѣдомостей также исчезаетъ“.

Но идея о необходимости и возможности составленія государственной росписи, или окладной книги не исчезаетъ и вновь возрождается знаменитымъ оберъ-прокуроромъ Масловымъ, которому, по отзыву проф. А. Н. Филиппова („Сенатъ“, стр. 584), принадлежитъ и самая мысль о составленіи окладной книги. Эта мысль была встрѣчена сочувственно и нашла себѣ, видимо, горячую поддержку у „тайносодержимаго“ Кабинета, а затѣмъ получила оффиціальное признаніе въ новомъ регламентѣ камеръ-коллегіи, утвержденномъ уже въ самомъ началѣ царствованія Анны Іоанновны — 23 іюня 1731 года. Новый регламентъ на первое мѣсто ставитъ: „вышнее надзираніе о всѣхъ нашихъ государственныхъ окладныхъ и неокладныхъ доходахъ, какого бы оные званія не были, *и для того во-первыхъ имѣть всего государства окладную книгу не только генерально по губерніямъ и провинціямъ, но и всякому городу и въ уѣздахъ всякому мѣсту... что на каждый годъ по окладу... взять подлежитъ*“ — (П. I-й). — Пунктъ 2-й регламента предписываетъ: „о всѣхъ тѣхъ доходахъ и сборахъ собрать вновь справедливыя подробныя *вѣдомости немедленно, по которымъ сочинять такую вышеписанную всего государства окладную книгу*“. Предписано „имѣть на каждое мѣсто и званіе отъ губернаторовъ по третямъ года подробные рапорты, по которымъ усматривать, все ли то, что кому платить подлежало, исправно по указамъ Нашимъ заплачено, и тотъ платежъ въ окладной книгѣ подписывать подъ каждой статьей, коликое число въ платежѣ и что въ доимкѣ“ (П. 3). Такія же по-

дробныя свѣдѣнія должна была камеръ-коллегія имѣть и о расходахъ: она должна была сопоставлять ихъ съ доходами и выводить возможный ежегодный избытокъ или дефицитъ. На основаніи получаемыхъ изъ губерній третныхъ и полугодовыхъ, а изъ центральныхъ учрежденій ежемѣсячныхъ рапортовъ о доходахъ и расходахъ камеръ-коллегія составляетъ „генеральную табель“ и представляетъ эту отчетность въ Сенатъ.

Этотъ регламентъ имѣлъ очевидную цѣль упорядочить государственный бюджетъ и въ этихъ цѣляхъ создавалъ стройный порядокъ, въ чемъ нельзя не видѣть вліянія „тайносодержимаго“ Кабинета и даже характерныхъ выраженій его главы Остермана. Такимъ образомъ въ данной области уже намѣчается новая программа дѣятельности новаго правительства въ лицѣ Кабинета Министровъ.

2) Работы при Кабинетѣ.

Къ намѣченному по регламенту собиранію матеріаловъ для составленія окладной книги центральныя учрежденія приступили, видимо, быстро и весьма энергично, но сразу же натолкнулись на препятствія со стороны мѣстныхъ властей. Въ концѣ того же мѣсяца, когда началась дѣятельность Кабинета Министровъ, къ нему поступилъ всеподданнѣйшій недѣльный репортъ Сената о рѣшеніи имъ дѣлъ съ 22 по 28 ноября 1731 года, изъ котораго (I т., стр. 44) видно, что новая камеръ-коллегія представила въ Сенатъ доношеніе съ жалобой на то, что присланные изъ Смолен. губерніи, съ гвардейскимъ капраломъ Шишкинымъ, вѣдомости къ сочиненію окладной книги оказались въ неисправномъ видѣ. Въ бумагахъ Кабинета это — первое указаніе на результаты опыта составленія окладной книги. Сенатъ отнесся горячо къ этому извѣстію и сразу принялъ три рѣшительныя мѣры. Имъ велѣно: 1) „показанныя въ томъ доношеніи неисправы, выписавъ оной коллегіи пунктами, послать съ помянутымъ же капраломъ Шишкинымъ въ Смоленскую губернію обратно и тѣ неисправы, противъ оныхъ пунктовъ исправя, прислать въ ту коллегію съ тѣмъ же капраломъ и въ самой скорости безъ всякихъ отговорокъ. 2) А тому капралу, отъ Москвы до Смоленска, и назадъ до Москвы, прогонныя деньги взять: на губернаторѣ съ товарищи, для того, что оныя вѣдомости присланы неисправны и послѣ срока. 3) Также и въ прочія губерніи подтвердить указами: ежели откуда, по прежде посланнымъ указамъ и формулярамъ, въ новую коллегію къ сочиненію окладной книги вѣдомости пришлютъ неисправныя, то не токмо отъ той кол-

легіи обратно о неисправахъ пункты посланы будутъ съ взятьемъ съ губернаторовъ и воеводъ прогонныхъ денегъ, но и съ немалымъ штрафомъ, по новому камеръ-коллегіи регламенту отмѣнно".

Въ томъ же рапортѣ приведена жалоба камеръ-коллегіи на коменданта Нарвской провинціи (стр. 45), который „имѣетъ отговорку, якобы по требованію оной коллегіи сборовъ роспи-сать невозможно". Сенатъ велѣлъ „послать съ нарочнымъ, чтобы росписавъ о сборахъ порознь, прислалъ надлежащія вѣдомости въ самой скорости, а за оную отговорку и упущеніе времени съ коменданта взять данныя тому посланному прогонныя деньги".

Новой камеръ-коллегіи было повелѣно сочинить окладную книгу къ 1 Января 1732 года. Между тѣмъ коллегія, какъ видно изъ всеподданѣйшаго недѣльнаго рапорта о рѣшеніи дѣлъ съ 27 Дек. 1731 г. по 2 Января 1732 г., вновь обратилась въ Сенатъ съ доношеніями (I т., стр. 119—120), что „изъ губерній, посланнымъ же указомъ къ сочиненію окладной книги, вѣдомостей не прислано, а сроки той присылки, опричь Астраханской и Сибирской губерній, всѣмъ прошли." Изъ Сената велѣно „въ губерніи, которыя вѣдомостей на сроки не прислали или и присланы были за неисправныя и для того возвращены изъ той камеръ-коллегіи къ нимъ, губернаторамъ, попрежнему подтвердить *указами крѣпкими,* чтобъ та опись и вѣдомости, исправныя во всемъ, по требованію оной коллегіи, прислали, конечно, безсрочно, въ самой скорости, дабы въ сочиненіи той окладной книги никакой остановки не было и по высокому Вашего И. В-ва соизволенію съ будущаго 1732 году въ совершенное дѣйство вступить могла". При этомъ внушительно была вставлена угроза, что буде и по тому же указу губернаторы „явятся неисправны, за то, конечно, будутъ штрафованы, какъ указы и регламенты, за таковыя неисправленья, повелѣваютъ; а для чего они, губернаторы, присылкою тѣхъ вѣдомостей явились неисправны, о томъ имъ, для докладу Вашему И. В-ву, въ Сенатъ отвѣтствовать немедленно". Не ограничиваясь этимъ, Сенатъ прибѣгнулъ даже къ такой мѣрѣ, что поставилъ губернаторовъ подъ команду посланныхъ гвардейскихъ солдатъ: „также и къ посланнымъ для забранія оныхъ вѣдомостей гвардіи унтеръ-офицерамъ послать указъ жъ, чтобъ они въ сочиненіи и въ отсылкѣ тѣхъ вѣдомостей губернаторовъ, по прежде посланнымъ указамъ и по инструкціи, побуждали".

Оказалось однако, что и сама камеръ-коллегія бывала не въ мѣру придирчива. Она, между прочимъ, объявила такое же

неисправленье на Московскаго генералъ-губернатора. А генералъ-губернаторъ въ Сенатѣ словесно „представлялъ, что требуемыя въ ту коллегію отъ Московской губерніи вѣдомости неоднократно подаваны, которыя изъ той коллегіи возвращены въ губернію по прежнему, объявляя, будто тѣ вѣдомости неисправны“. Сенатъ затребовалъ себѣ забракованныя вѣдомости и, по освидѣтельствованіи, нашелъ, что „хотя въ тѣхъ вѣдомостяхъ нѣкоторыя малыя неисправы и есть, которыя показаны особливымъ реестромъ, однако жъ всѣхъ тѣхъ вѣдомостей назадъ въ губернію возвращать было не надлежало“. По этому поводу Сенатомъ рѣшено послать въ камеръ-коллегію указъ, чтобы опая „по присланнымъ изъ губерніи вѣдомостямъ, то, что написано исправно, изъ того сочиняли окладную книгу безъ медленья; а что неисправно, то выписывая отсылать въ тѣ мѣста съ указами, требуя немедленнаго исправленья; а для такихъ нѣкоторыхъ или весьма малыхъ неисправъ всѣхъ вѣдомостей въ губерніи назадъ не возвращать“.

Новая камеръ-коллегія одновременно принесла жалобу на прежнюю камеръ-коллегію [1]), что она не отдаетъ описи прежнимъ дѣламъ, которую имъ „велѣно учинить порознь по годамъ и по губерніямъ и по провинціямъ съ надлежащею регистратурою“. Сенатъ отнесся довольно сурово къ прежней камеръ-коллегіи и объявилъ указомъ прокурору Мельгунову, „чтобъ онъ о немедленной отсылкѣ дѣлъ и вѣдомостей съ описями имѣлъ прилежное стараніе *и, до отсылки оныхъ, той прежней камеръ-коллегіи членовъ (кромѣ президента), такожъ и служителей велѣлъ держать въ коллегіи безъ выпуску*, а президенту въ коллегіи о приходѣ и выходѣ изъ коллегіи назначить часы, и того ему, прокурору, смотрѣть за ними прилежно и что будетъ чиниться, о томъ въ Сенатъ репортовать“. Но и самой новой камеръ-коллегіи Сенатъ счелъ нужнымъ сдѣлать внушеніе: „также ему, прокурору, быть при новой камеръ-коллегіи, чтобъ она по данной инструкціи въ сочиненіи окладной книги трудилась и въ прочемъ дѣйствительное правленье имѣла, какъ выше объявлено съ предбудущаго 1732 году Генваря мѣсяца, безъ всякаго упущенія“.

Всѣ приведенныя выше угрозы и взысканія Сената не подѣйствовали: къ 1 января 1732 г. окладную книгу не соста-

---

[1]) Въ 1731 году реформированная камеръ-коллегія не смѣнила собою старую, которая продолжала существовать параллельно съ ней подъ завѣдываніемъ А. Я. Макарова. Причиною этого было, безъ сомнѣнія, множество дѣлъ, оставшихся отъ прежнихъ годовъ (Строевъ, „Кабинетъ Министровъ“, 2-я ч., стр. 39).

вили. Кабинетъ Министровъ довольно терпѣливо выжидалъ результатовъ работы въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ и, наконецъ, впервые выступилъ по этому вопросу 9 Октября 1732 г. Въ этотъ день „г.г. опредѣленные министры“ ходили вверхъ къ Е. В. съ докладами и для подписанія указовъ, изъ числа которыхъ Е. В. подписала указъ (конечно, заготовленный ими заранѣе) *непосредственно* „къ президенту камеръ-коллегіи князю Голицыну о репортованіи ему, изъ всѣхъ ли мѣстъ къ окладной книгѣ вѣдомости собраны“ (I т. пунктъ 6-й, стр. 445). 24-го Октября отъ Князя Голицына поступилъ репортъ „о полученіи указу объ отвѣтствіи о вѣдомостяхъ къ сочиненію окладной книги“ (I т., 463). А 2-го Ноября получено въ Кабинетѣ доношеніе Князя Голицына и при томъ экстрактъ, сколько окладныхъ книгъ сдѣлано, и откуда вѣдомостей не прислано (I т., 473). Въ журналѣ Кабинета за 6 Ноября отмѣчено, что г.г. Министры ходили вверхъ къ Е. В. съ докладами и что для извѣстія было въ докладѣ, между прочимъ, доношеніе Князя Голицына о сочиненіи окладныхъ книгъ (I т., 477).

12 Ноября 1732 г. извѣстный оберъ-прокуроръ Сената Анисимъ Масловъ подалъ всеподданѣйшій репортъ о застоѣ въ рѣшеніи Сенатомъ дѣлъ. Въ числѣ нужныхъ дѣлъ, по которымъ исполненія не учинено, въ краткомъ извѣстіи, приложенномъ къ репорту, между прочимъ, значится: „въ новой камеръ-коллегіи о всѣхъ государственныхъ доходахъ окладной книги еще не сочинено, а безъ того, разсуждается, не вѣдая о всемъ государственномъ доходѣ, расходу располагать несостоятельно“ (I т., стр. 485). Это доношеніе было доложено Министрами Государынѣ, которая 14 Ноября подписала, согласно ему, указъ Сенату вообще о разсмотрѣніи и рѣшеніи дѣлъ безъ остановки (стр. 483). Что касается окладной книги, то относительно ея послѣдовалъ спеціальный указъ Сенату 27 Ноября 1732 года о порученіи присутствующему въ Москвѣ Сенату наблюсти за скорѣйшимъ составленіемъ въ камеръ-коллегіи государственной о всѣхъ доходахъ книги и за собраніемъ всѣхъ необходимыхъ для нея вѣдомостей (стр. 504—505). Этотъ указъ имѣетъ чрезвычайно важное значеніе, п. ч. имъ впервые при Кабинетѣ Министровъ отъ имени Императрицы объясняются:

1) *значеніе росписи вообще:* „хотя всѣмъ государственнымъ доходамъ генеральная табель и при томъ по городамъ и по провинціямъ окладная книга въ прошломъ 1724 году бывшей камеръ-коллегіи учинена, *по которой... Петръ Великій*

государственные повсягодные расходы въ статъ расположить изволилъ;“

2) *причина составленія новой окладной книги*: „но понеже съ того времени по той книгѣ доходы ни въ которомъ году въ казну Нашу сполна не доходили и годъ отъ году умалялись, такъ что нѣсколько милліоновъ доимкѣ осталось... оная книга толь нынѣ нужна, что не имѣя о всѣхъ доходахъ подлиннаго извѣстія, государственнаго всего стату, который нынѣ, по всемилостивѣйшимъ Нашимъ указамъ, въ разныхъ коммиссіяхъ разсматривается, ко окончанію привесть не можно“.

3) *Способъ составленія книги*: „при сочиненіи же камеръ-коллежскаго новаго регламента прошлаго 1731 г. указомъ Нашимъ опредѣлено о всѣхъ тѣхъ государственныхъ доходахъ учинить вновь вѣдомости и по онымъ освидѣтельствовать, гдѣ какіе сборы передъ прежнимъ прибыли или для чего умалились, и по тѣмъ вѣдомостямъ сдѣлать обстоятельную окладную книгу, по которой бы удобнѣе было той коллегіи смотрѣть, гдѣ какой сборъ лучшимъ смотрѣніемъ можетъ прибавляться или какимъ случаемъ умалиться... Смотрѣть *прилежно*, чтобъ всѣ тѣ доходы въ окладахъ *по крайней справедливости* были разсмотрѣны, и городы Наши и провинціи какими-либо доходами безъ явнаго свидѣтельства напрасно облегчены, а другіе не отягощены, *и для того справливаться* со сборами и окладами прошлыхъ лѣтъ, по которымъ *въ 1724 г.* оклады были положены, взявъ къ тому за основаніе и тѣ оклады, которые были положены *въ 1710 году* при росписаніи губерній, *дабы такое расположеніе государственныхъ повсягодныхъ доходовъ и расходовъ на предбудущія времени служить могло*“.

Указъ этотъ невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе предусмотрительностью, значительной государственной мудростью, выраженными въ немъ чувствами гуманности, справедливости и высокаго довѣрія и уваженія къ табелямъ Петра 1724 и даже отдаленнаго 1710 года. Судя по выраженіямъ, приведеннымъ выше, новое правительство совсѣмъ не имѣло въ виду составлять росписи ежегодно или по крайней мѣрѣ часто, а какъ будто желало завести постоянную и неизмѣняемую роспись: *дабы такое расположеніе государственныхъ повсягодныхъ доходовъ и расходовъ на предбудущія времена служить могло.*

Указъ придаетъ книгѣ весьма высокое значеніе: „та книга яко самое той коллегіи главное дѣло“. Срокъ составленія назначенъ опять короткій, хотя въ довольно неувѣренной формѣ: „стараться, какъ возможно, чтобъ та книга къ будущему 1733 г.

совершенно окончена и для всемилостивѣйшей Нашей апробаціи прислана быть могла". И угрозы хотя и выражены по привычкѣ, но въ довольно мягкой формѣ: „а кто губернаторы и воеводы присылкою вышеписанныхъ вѣдомостей явились неисправны, и какія тѣ неисправы именно, о томъ прислать къ Намъ обстоятельное извѣстіе, за которое неисправленье штрафованы будутъ по Нашимъ указамъ".

Правительство всѣмъ тономъ своего обращенія какъ бы взывало къ уму и совѣсти своихъ сотрудниковъ и призывало къ работѣ не за страхъ, а за совѣсть.

Черезъ два мѣсяца послѣ посылки Сенату программаго указа 27 ноября 1732 г. Кабинетъ далъ Сенату новое порученіе—„сочинить окладную камеръ-коллегіи книги и счета съ 1719 по 732-й годъ", о чемъ посланъ указъ за подписью Анны 30 января 1733 г. (II т., стр. 52). Изъ послѣдующаго доношенія Сената отъ 27 мая 1737 г. (VI т., стр. 325) видно, что этимъ порученіемъ возложено на прежнюю камеръ-коллегію немедленно счесть таможенныхъ кабацкихъ головъ, бурмистровъ и прочихъ вѣрныхъ сборщиковъ съ 719 по 732 годъ и „для того изъ всѣхъ губерній [1]) приходныя записныя книги собрать, и тѣ счеты, какъ возможно, окончать въ томъ 733 году; *а какъ скоро который городъ сочтенъ будетъ, тогда отсылать немедленно въ новую камеръ-коллегію, которой, утверждаясь по тѣмъ счетамъ, окладную книгу сочинять*". Это повое распоряженіе еще болѣе осложнило дѣло.

Между тѣмъ отсутствіе росписи и неимѣніе точныхъ и полныхъ свѣдѣній о размѣрахъ платежныхъ средствъ, ихъ прибыли и убыли, ставили Кабинетъ въ немалое затрудненіе. Каждый встрѣчавшійся на практикѣ болѣе или менѣе сложный финансовый разсчетъ или иныя выкладки приводили къ необходимости прибѣгать къ особымъ изслѣдованіямъ и выборкамъ. Въ такихъ случаяхъ Кабинетъ обращался преимущественно къ помощи Сената, какъ средоточія всякихъ финансовыхъ свѣдѣній. Напримѣръ, 9-го ноября 1735 года Кабинетъ сдѣлалъ распоряженіе: „изъ Сената сего числа прислать вѣдомость всѣмъ положеннымъ съ государства сборамъ *именованія* и противъ всякой статьи отмѣтить, на какія дачи употреблять велѣно" (IV т., стр. 460). Въ 1736 году, 28 іюля, въ журналѣ Кабинета сдѣлана отмѣтка, что изъ „Сената потребна вѣдомость:

---

[1]) Кромѣ Новгородской, которую, по близости, велѣно счесть въ Петербургѣ, въ особливой о томъ Коммиссіи.

сколько съ Новгородской одной провинціи по окладу въ годъ собирать надлежитъ: 1) подушныхъ, 2) таможенныхъ, 3) кабацкихъ, 4) канцелярскихъ, росписавъ всѣ тѣ сборы порознь“ (V т., стр. 355). Черезъ 3 недѣли—17 августа 1736 г. у Кабинета по частному случаю возникъ новый, довольно сложный вопросъ, разработку котораго онъ поручилъ уже камеръ-коллегіи: „въ Кабинетъ Ея И. В—ва изъ камеръ-конторы подать *исправную* вѣдомость немедленно: 1) съ пожалованныхъ къ Александро-Невскому монастырю въ Выборгскомъ уѣздѣ съ Сердоботскаго погоста и съ другихъ кирхшпилей и мызъ, которыя по реестру изъ Сената написаны, коликое число, по ревизіонной 1728 года книгѣ, дѣйствительныхъ казенныхъ и помѣщичьихъ доходовъ сбирать повсегодно положено, росписавъ порознь, что въ казну и на монастырь талеровъ и хлѣба и сколько имѣетъ быть россійскими деньгами; 2) при шведскомъ владѣніи и съ завоеванія оной провинціи, до означенной 728 году ревизіи, съ вышеозначенныхъ же погоста и кирхшпилей и мызъ по сколько платежа было на корону и на помѣщика, росписавъ противъ вышеписаннаго жъ; 3) что нынѣ противъ прежняго платежа прибыло или убыло“ (V т., стр. 390).

Финансовая работа безъ росписи, финансовые матеріалы, собранные наскоро—все это, при самомъ добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу, вызывало немалыя „конфузіи и непорядки“. И Кабинетъ, при всей обнаруженной имъ въ данномъ дѣлѣ большой терпѣливости, черезъ четыре года своей практики послѣ указа 27 ноября 1732 года, нашелъ нужнымъ вновь напомнить Сенату объ окладной книгѣ. Изданный по этому поводу 25 ноября 1736 г. указъ, за подписью Анны, съ видимой горечью напоминаетъ вкратцѣ исторію дѣла и указываетъ, что велѣно „стараться какъ возможно, чтобъ та книга, яко самое той коллегіи главное дѣло, *къ 733 году* совершенно окончена... Но и по тому Нашему указу не исполнено“.

Указъ останавливается на послѣдствіяхъ отсутствія окладной книги и пробуетъ какъ бы убѣдить ослушниковъ въ крайней необходимости порученнаго дѣла: „а понеже Пр. Сенату *извѣстно, какіе въ тѣхъ всѣхъ сборахъ конфузіи и непорядки происходятъ* и съ одной стороны многіе Наши поддан-ные отъ давняго въ иныхъ мѣстахъ положенія окладовъ, гдѣ послѣ того сборы умалились, напрасно разоряются и противъ тѣхъ окладовъ недоборы ненадлежаще съ нихъ взыскиваютъ, а съ другой стороны, гдѣ такіе сборы прибавились, весьма облегчены, а паче, что не сдѣлавъ такого основательнаго опредѣ-

ленія, государственнаго стата (штата) ко окончанію привесть невозможно". Указъ въ концѣ усиливаетъ даваемое имъ распоряженіе такими выраженіями: „того ради симъ Нашимъ указомъ *наикрѣпчайше* повелѣваемъ *и прежніе указы подтверждаемъ* о сочиненіи такой окладной книги *особливо* Нашему Сенату *имѣть прилежнѣйшее стараніе*", затѣмъ предлагаетъ неисправныхъ губернаторовъ и воеводъ „штрафовать по своему разсмотрѣнію", а „нынѣ *въ Кабинетъ Нашъ* сообщить, что въ той камеръ-коллегіи о сочиненіи такой окладной книги отъ времени до времени происходило, и какія о томъ въ Сенатѣ имѣются извѣстія и какіе Сенатъ смотрѣніе и взысканіе имѣлъ" (V т., стр. 567—568).

Сенатъ далъ отвѣтъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ доношеніи 13 мая 1737 г. (VI т., стр. 324—326). При этомъ доношеніи приложенъ особый „экстрактъ", гдѣ Сенатъ изложилъ всю исторію произведенныхъ имъ работъ: „съ состоянія прежнихъ указовъ о сочиненіи той окладной книги какія отъ Сената понужденія были и зачѣмъ оная не окончена, и какое же нынѣ въ Сенатѣ, по силѣ вышеписаннаго Вашего И. В—ва указа, опредѣленіе учинено". Видимо, Сенатъ трудился добросовѣстно и, съ своей стороны, сдѣлалъ все, что могъ. Если же, тѣмъ не менѣе, дѣло подвигалось плохо или, точнѣе, совершенно не двигалось, то виною тому, очевидно, были особыя условія, стоявшія внѣ предѣловъ и возможности досягаемости со стороны Сената. До извѣстной и даже весьма значительной степени виновникомъ, пожалуй, невольнымъ, былъ самъ Кабинетъ. Министры, придавая весьма серьезное значеніе дѣлу составленія окладной книги, желали построить его на прочномъ и незыблемомъ фундаментѣ, „дабы такое расположеніе государственныхъ повсягодныхъ доходовъ и расходовъ на предбудущія времена служить могло" (указъ 27 ноября 1732 г.). Сообразно съ такимъ взглядомъ, Министры основывали и свои требованія къ качеству строенія росписей; но чѣмъ больше знакомились они съ строителями, тѣмъ все большимъ и большимъ недовѣріемъ проникались къ нимъ, и поэтому постепенно повышали къ нимъ свои требованія. Сначала, когда издавался регламентъ камеръ-коллегіи—23 іюня 1731 года—признавали возможнымъ составить окладныя книги на началахъ только одной простой *справедливости*: „о всѣхъ тѣхъ доходахъ и сборахъ собрать вновь *справедливыя* подробныя *вѣдомости* немедленно, по которымъ сочинить такую вышеписанную всего государства окладную книгу" (п. 2 регламента). Позднѣе въ прочности этихъ

началъ, видимо, усумнились, и черезъ полтора года, въ программномъ указѣ отъ 27 ноября 1732 г., приказано разсмотрѣть доходы въ окладахъ уже *по крайней справедливости*, а самое главное подъ эту крайнюю справедливость—подвести болѣе реальный фундаментъ въ видѣ сравненія съ табелями 1724 и даже 1710 года. Далѣе и табели 1724 и 1710 годовъ, видимо, нашли мало жизненными, и въ указѣ 30 января 1733 г. поставили иную базу—счета вѣрныхъ сборщиковъ за послѣдніе 13 лѣтъ, т.-е. съ самаго основанія камеръ-коллегіи. Несомнѣнно, конечно, что сборы послѣднихъ лѣтъ были самыми лучшими и вѣрными показателями народной платежеспособности, и построеніе бюджетныхъ вычисленій на этомъ матеріалѣ слѣдовало признать методомъ самымъ правильнымъ, *при томъ, понятно, условіи, если счета и сборы соотвѣтствовали дѣйствительности.* Въ этомъ-то послѣднемъ условіи, однако, и оказался гордіевъ узелъ. Кабинетъ, вполнѣ основательно, усомнился въ правильности счетовъ *вѣрныхъ* сборщиковъ и поэтому, прежде чѣмъ обратить ихъ въ искомую незыблемую финансовую базу, нашелъ нужнымъ подвергнуть ихъ испытанію. Послѣ этого будетъ понятно требованіе указа 30 января 1733 года: „таможенныхъ, кабацкихъ головъ, бурмистровъ и прочихъ вѣрныхъ сборщиковъ *съ 719 по 732 г. счесть* немедленно прежней камеръ-коллегіи, и для того изъ всѣхъ губерній, кромѣ Новгородской, приходныя записныя книги собрать, и тѣ счеты, какъ возможно, окончать въ томъ 733 году; а какъ скоро который городъ сочтенъ будетъ, тогда отсылать немедленно въ новую *камеръ-коллегію, которой, утверждаясь по тѣмъ счетамъ, окладную книгу сочинять*“.

Четыре съ лишнимъ года трудились и Сенатъ и камеръ-коллегія надъ разрѣшеніемъ задачи, поставленной указомъ 30 января 1733 г., и результаты получились самые удручающіе. Доношеніе Сената отъ 13 мая 1737 г. настолько характерно, что его, въ данной части, слѣдуетъ привести цѣликомъ: „и по тому Вашего И. В—ва указу (отъ 30 января 1733 г.) черезъ нарочнопосланныхъ и, сверхъ того, по многопосланнымъ изъ Сената, и изъ Сенатской конторы, и изъ камеръ-коллегіи указамъ, какъ въ ту камеръ-коллегію, такъ и въ учрежденную здѣсь коммиссію съ того 719 года,—по объявленнымъ изъ тѣхъ мѣстъ репортамъ, хотя вступило книгъ къ счету немалое число и счеты нѣкоторые учинены, *и то, чтобъ каждый городъ о всѣхъ сборахъ и о всѣхъ годахъ съ 719 по 732 г. порядочно окончанъ, ни объ одномъ городѣ, какъ та камеръ-коллегія*

объявляетъ, за неприсылкой изъ губерній и провинцій къ счету всѣхъ документовъ и вѣдомостей, учинить неможно. А новая камеръ-коллегія безъ того о каждомъ городѣ всѣхъ годовъ и сборовъ окончанія къ сочиненію той окладной книги вѣдомостей не принимаетъ. И въ томъ между ними только имѣются одни переписки и оттого время отъ времени продолжается". Получилось безнадежное положеніе: новая камеръ-коллегія, твердо стоя на почвѣ указа, не приступаетъ къ составленію окладной книги, пока не „утвердится" по счетамъ, провѣреннымъ прежней камеръ-коллегіей, и безъ этого вѣдомостей не принимаетъ. А послѣдняя *ни объ одномъ* городѣ не можетъ закончить счетовъ, потому что ей не присылаютъ всѣхъ нужныхъ документовъ изъ губерній и провинцій. Да и едва ли, наконецъ, прежняя камеръ-коллегія вообще была въ состояніи когда-нибудь сдѣлать порученную ей повѣрку хаотической отчетности, тѣмъ болѣе за такой продолжительный срокъ, какъ 13 лѣтъ. Во всякомъ случаѣ указывать на это Кабинету и тѣмъ самымъ какъ бы критиковать его предложеніе для Сената было неудобно, и онъ предложилъ самый простой выходъ: „для наискорѣйшаго тѣхъ съ 719 г. счетовъ окончанія и чтобъ между двумя коллегіями въ требованіяхъ излишнихъ переписокъ не происходило и тѣмъ напрасно время не продолжалось,— *прежнюю сообщить съ новою камеръ-коллегіей*". Это, конечно, не представляло желаемаго исхода. И Кабинетъ Министровъ, въ своей резолюціи на доношеніи Сената, наложенной 27 мая 1737 г., не согласился съ его предложеніемъ: „не за благо разсуждается, понеже та новая камеръ-коллегія и кромѣ того дѣлами отягчена, а ежели къ тому прежнихъ лѣтъ счеты сообщить, то за множествомъ дѣлъ ни малаго порядка въ настоящемъ правленіи быть не можетъ". Что касается сочиненія окладной книги, то Кабинетъ предложилъ уже новыя мѣры, наложивъ на доношеніи такую резолюцію: „надлежитъ взять вѣдомости изъ адмиралтейской коллегіи, которыя въ ту коллегію получены отъ посланныхъ въ губерніи и городы для слѣдствія офицеровъ, а къ тому въ дополненіе всѣ потребныя вѣдомости, которыя уже въ камеръ-коллегію собраны. И начатую книгу и одного изъ членовъ, такожъ и секретаря Ѳедора Антонова къ сочиненію той книги взять сюда". Такимъ образомъ этой резолюціей Министры отмѣнили порядокъ, изложенный въ указѣ.

Прошло 9 мѣсяцевъ, и 5 марта 1738 г. (VII т., стр. 165) Сенатъ прислалъ новое всеподданнѣйшее доношеніе, что „хотя Сенатъ о сочиненіи той окладной книги всеусердное стараніе

до сего времени и имѣлъ, точію... никакъ сочинить невозможно". Причинъ оказалось двѣ: 1-я—что 'адмиралтейскія вѣдомости неисправны и необстоятельны и „для окладной книги никакого обстоятельства не имѣютъ и къ тому не слѣдуетъ" и 2-я—присланныя изъ нѣкоторыхъ губерній и провинцій вѣдомости „явились не противъ посланныхъ изъ камеръ-коллегіи указовъ и формъ и къ сочиненію окладной книги весьма недовольны". Поэтому Сенатъ предложилъ: повелѣть офицерамъ, обрѣтающимся въ губерніяхъ и провинціяхъ у слѣдствія объ адмиралтейскихъ доходахъ, *забрать вѣдомости вновь* по формѣ, которую спеціально для этого сочинилъ совѣтникъ камеръ-коллегіи Беклемишевъ.—Черезъ 5 дней послѣ подачи этого доношенія Министры наложили, 10 марта, резолюцію: „учинить по своему мнѣнію".

Изъ приложенной къ доношенію формы видно, что ею требовались чрезвычайно подробныя свѣдѣнія: 1) прежде всего „о каждомъ сборѣ, какого бы оные званія ни были, порознь, по городамъ и по селамъ и по деревнямъ", а затѣмъ „ежели гдѣ въ городѣ или въ селѣ двѣ или три таможни или кабака, а о ярмаркахъ и о торжкахъ—гдѣ настоящіе имѣются или въ которое время гдѣ ярмарки бываютъ, также и торжки, прописывать оклады порознь и кто сбираютъ". 2) По каждому виду сбора указывать суммы: а) оклады по окладной 724 года книгѣ; б) сколько въ тотъ окладъ было въ сборѣ въ 725—737 году, по каждому году особо; в) сколько противъ оклада—приборъ (переборъ) и недоборъ или доимку; г) подъ итогомъ „написать очистку съ яспымъ показаніемъ, зачѣмъ та доимка была или недоборъ, а буде приборъ—отчего учинился". Такая форма была несомнѣнно весьма желательна: она представляла собою программу цѣлаго финансово-экономическаго изслѣдованія. Но именно въ силу такой сложности и обширности ея рамокъ она и являлась абсолютно неносильной для исполнителей того времени. Едва ли справились бы съ нею на мѣстахъ сами умудренные опытомъ московскіе приказные, а офицера, привыкшіе обращаться болѣе съ оружіемъ, чѣмъ съ цифрой, тѣмъ болѣе являлись неподходящими для такой работы.

Спустя еще 9 мѣсяцевъ, Сенатъ 19 декабря 1738 г., представилъ новое доношеніе по вопросу о невозможности составить затребованныя отъ него генеральную табель о приходѣ и расходѣ и штатъ о жалованьѣ администраціи и ружникамъ. На этомъ доношеніи, 14 марта 1739 г. (IX т., стр. 251), за подписью Анны и контрассигнированіемъ Министровъ, наложена

грозная резолюція: „о сочиненіи такой окладной книги и статовъ и прочихъ тому подобныхъ нужнѣйшихъ и государству Нашему полезнѣйшихъ учрежденіевъ Нашему Сенату имѣть крайнѣйшее стараніе и радѣніе. *А ежели сего къ будущему 740 г. учинено не будетъ, то уже всеконечно Нашъ Императорскаго Величества* гнѣвъ на себя наведутъ“. Въ этой же резолюціи выражены мысли о значеніи окладной книги, и изъ нижеприведенныхъ словъ видно, на сколько глубоко и широко оцѣнивали авторы значеніе окладной книги: „первое государства основаніе и самое нужнѣйшее дѣло, дабы знать, сколько въ годъ какихъ доходовъ собрано быть можетъ и на какія именно дачи употреблены быть имѣютъ, и что затѣмъ изъ году въ годъ оставаться будетъ. — Но когда въ томъ прямого основанія нѣтъ, то въ сборѣ доходовъ, такожъ и въ расходахъ ни малѣйшаго порядка быть не можетъ, да и взыскивать ни накомъ ничего невозможно“.

Наступилъ и 1740-й годъ. 22 января этого года Сенатъ представилъ въ Кабинетъ обширное сообщеніе съ докладомъ, что окладная книга не окончена. Причина — неприсылка изъ губерній вѣдомостей за разными невозможностями. Чтобы достигнуть желаемаго результата, Сенатъ предложилъ двѣ мѣры: 1-ю старую — послать къ губернаторамъ и воеводамъ еще *послѣдніе указы съ наивсемилостивѣйшимъ* подтвержденіемъ съ нарочными солдатами, съ правомъ „таковыхъ губернаторовъ, вице-губернаторовъ и воеводъ, и товарищей ихъ, тѣмъ солдатамъ, обще съ обрѣтающимися у слѣдствія адмиралтейскихъ доимокъ офицерами, держать въ канцеляріяхъ, а секретарей и приказныхъ служителей — скованныхъ, за карауломъ, безъ выпуска до того времени, пока тѣ всѣ вѣдомости сочинятъ“, и 2) „для разсмотрѣнія и сочиненія изъ вышеписанныхъ вѣдомостей окладной книги опредѣлить при Сенатѣ двѣ персоны съ потребнымъ числомъ секретарей и приказныхъ служителей, обыкновенныхъ и искусныхъ, кои прежде у такихъ дѣлъ бывали, и росписать тѣхъ служителей на двѣ экспедиціи: одну — для взысканія неисправностей, другую къ сочиненію книги“ [1]). Министры, въ своей резолюціи 28 марта 1740 г., дали еще срокъ на одинъ годъ, внушивъ: „о сочиненіи окладной книги чрезъ сіе подтверждается, чтобы оная, *яко самое нужное дѣло*, безъ дальняго замедленія окончена была“ (т. XI, стр. 48, 49, 280—286).

---

[1]) Вторая мѣра вошла въ Сенатскій указъ отъ 16 апрѣля 1740 г. (П. С. З. № 8067) о раздѣленіи работъ по сочиненію окладной книги на двѣ экспедиціи“.

Министры свое пониманіе значенія государственной росписи или окладной книги выразили достаточно опредѣленно въ своихъ послѣднихъ резолюціяхъ, въ особенности въ резолюціи 14 марта 1739 г. Нельзя отказать имъ въ вѣрности пониманія. Отсюда становится понятнымъ ихъ горячее стремленіе къ скорѣйшему и удовлетворительному достиженію намѣченной цѣли. Едва ли однако вѣрна та причина замедленія, которая указана въ резолюціи 14 марта 1739 г. „и тако сіе важное и нужное дѣло продолжается, повидимому, не отъ затрудненія, *но отъ радѣнія*“...

Окладная книга осталась несоставленной. Но Аннѣ не пришлось показать своего гнѣва, потому что въ 1740 году она сама скончалась. И въ одиннадцатитомномъ изданіи „бумагъ Кабинетовъ Министровъ“ резолюція отъ 28 марта 1740 г. является послѣдней бумагой, [1]) касающейся окладной книги. Какъ бы въ предчувствіи печальнаго конца своихъ заботъ и трудовъ, Анна и Ея Министры, въ своей резолюціи 14 марта 1739 г., подвели итоги въ связи съ краткимъ историческимъ очеркомъ вопроса: „хотя о сочиненіи государств. доходамъ окладной книги и статовъ какъ о статскихъ чинахъ, такъ и о ружникахъ, начавъ отъ 730 г. многими Нашими указами, и сверхъ того, отъ Кабинета Нашего многократными жъ письменными и словесными напоминаніями Сенату подтверждено, — однако жъ и до сего времени, по толь многимъ понужденіямъ ничего того не учинено“.

Составленіе государственной росписи, или окладной книги было одной изъ самыхъ серьезныхъ попытокъ къ улучшенію государственнаго бюджета. Въ виду такой важности вопроса пришлось, въ цѣляхъ болѣе полнаго освѣщенія, дѣлать довольно подробныя выписки изъ указовъ и резолюцій и вообще нѣсколько подробнѣе остановиться на исторіи дѣла.

Изъ приведеннаго выше изложенія видно, что мысль о составленіи окладной книги принадлежитъ Маслову, а воплощеніе идеи и энергичныя попытки проведенія ея въ жизнь относятся къ заслугамъ Кабинета Министровъ. Самое управленіе дѣломъ составленія возложено было на Сенатъ, но его дѣятельность въ этомъ отношеніи находилась все время подъ контролемъ и руководительствомъ Кабинета Министровъ, который въ началѣ

---

[1]) Въ П. С. З. имѣется еще резолюція Министровъ на сообщеніи Сената (II сент. 1740 г. № 7870): о порученіи Сенату наблюденія за точнымъ составленіемъ Госуд. окладной книги и за правильнымъ веденіемъ оной.

входилъ въ сношепіе даже съ прямыми исполнителями (указъ Анны президенту камеръ-коллегіи Князю Голицыну отъ 9 октября 1732 г.), минуя Сенатъ, (которому, по Регламенту, камеръ-коллегія должна была представлять свою отчетность), а потомъ ограничилъ свои сообщенія однимъ Сенатомъ. Нужно отмѣтить при этомъ слѣдующе чрезвычайно характерное обстоятельство, касающееся взаимныхъ отношеній Сената и Кабинета. Кабинетъ Министровъ обращался въ Сенатъ съ личными требованіями различныхъ свѣдѣній (9 ноября 1735 г., 28 іюля 1736 г.) Затѣмъ онъ сталъ накладывать резолюціи на всеподданнѣйшихъ доношеніяхъ Сената (27 мая 1737 г. и 10 марта 1738 г.). Кромѣ того, нужно обратить вниманіе на то обстоятельство, что указъ Императрицы еще отъ 25 ноября 1736 года предписывалъ Сенату о состояніи работъ по составленію окладной книги сообщать *въ Кабинетъ Нашъ*. Между тѣмъ всѣ свои допошенія по данному дѣлу Сенатъ всегда адресовалъ „Ея И. В-ву, Самодержицѣ Всероссійской“ и только послѣднее — 22 января 1740 г. адресовалъ въ Кабинетъ. Можно ли это объяснить тѣмъ, что въ то время, когда представлялись эти доношенія — съ 13 мая 1737 г., — писать изъ Сената въ Кабинетъ было не въ обычаѣ? — Нѣтъ, ни въ коемъ случаѣ. Письменные доклады Сената Кабинету начались уже съ 28 марта 1736 г. (V т. стр. 137) и изъ этого перваго доклада, адресованнаго „присутствующимъ въ Кабинетѣ Е. И. В. гг. Министрамъ“, видно, что Сенатъ уже признавалъ свое подчиненное положеніе по отношенію къ Кабинету и сознавалъ право Кабинета приказывать, что, между прочимъ, подтверждается заключительными словами 1-го доклада: „и ежели ваши сіятельства соизволите съ симъ разсужденіемъ быть согласны, о томъ прикажите въ Сенатъ сообщить письменно“. Затѣмъ слѣдуеть 27 іюня (стр 289) и далѣе рядъ такихъ же докладовъ Сената Кабинету. Вѣроятпѣе всего непосредственные доклады Сената Императрицѣ, минуя Кабинетъ, основывались на сознаніи Сената, что дѣло верховнаго вѣдѣнія въ области составленія государственныхъ росписей составляетъ непосредственную и законную компетенцію Сената. Такое сознаніе имѣетъ за собою твердую почву въ Регламентѣ камеръ-коллегіи, утвержденномъ самою Анною Іоанновною 23 іюня 1731 года, гдѣ говорится, что камеръ-коллегія составляетъ „генеральную табель“ и представляетъ эту отчетность въ Сенатъ. И только въ годъ смерти Императрицы Сенатъ сдѣлалъ единичное исключеніе, адресовавъ доношеніе отъ 22 января 1740 г. прямо въ Кабинетъ.

Что касается причинъ неуспѣха въ составленіи окладной книги, то ихъ едва ли можно относить къ „нерадѣнію“ Сената, какъ это опредѣляетъ сама Анна и Ея Министры въ резолюціи отъ 14 марта 1739 г. Можно повѣрить словамъ Сената, что онъ, дѣйствительно, „всеусердное стараніе имѣлъ, точію никакъ сочинить невозможно“ (доношеніе Сената 5 марта 1738 г.). Этой невозможности были причины, несомнѣнно, иныя и лежали онѣ внѣ радѣнія Сената и губернаторовъ. Причина неудачи, какъ справедливо отмѣтилъ проф. А. Н. Филиппов, „лежала глубже и заключалась въ общей хаотичности тогдашняго хозяйства государства“ („Сенатъ“, стр. 584). Что касается губернаторовъ, то имъ не могло доставлять никакого удовольствія оплачивать двойныя прогоны капраламъ Шишкинымъ. Точно также едва ли льстило ихъ самолюбію быть „побуждаемыми“ посланными къ нимъ унтеръ-офицерами, хотя бы и гвардейскими. Едва ли также можно строго винить и остальную администрацію. Мѣстныя власти привыкли къ хаотической отчетности или, точнѣе, къ отсутствію всякой отчетности. Они просто не могли и *не умѣли* составить бухгалтерской отчетности, тѣмъ болѣе такой сложной, какую выдумывали разные коллежскіе совѣтники. Для этого они были еще слишкомъ некультурны. А Кабинетъ Министровъ не признавалъ возможнымъ ограничиваться болѣе простыми справками и въ своихъ идеалистическихъ поискахъ за незыблемымъ фундаментомъ для росписи переоцѣнилъ мѣру способностей низшихъ исполнителей и силу своей власти, и поэтому, не смотря на проявленную здѣсь исключительную энергію, потерпѣлъ неудачу.

Отсутствіе правильной государственной росписи тяжело отразилось на всей финансовой дѣятельности верховнаго правительства. Камеръ-коллегія собирала всякіе государственные доходы по прежней 1724 года окладной книгѣ (Указъ 29 мая 1733 г. — П. С. З. № 6420), которая уже устарѣла и отстала отъ дѣйствительной жизни. Кабинетъ Министровъ все время поэтому чувствовалъ себя въ положеніи слѣпца и энергично боролся со всякими препятствіями въ своихъ поискахъ твердой финансовой почвы. Это наложило яркій отпечатокъ на всю его дѣятельность. Отсюда же, въ связи съ недовѣріемъ къ людямъ, вытекаетъ и характерное для всей эпохи Кабинета его глубокое недовѣріе ко всякимъ представленнымъ цифровымъ даннымъ и желанье добыть себѣ болѣе прочный и „справедливый“ финансовый матеріалъ. Это положеніе, между прочимъ, замѣтно отра-

зилось на дѣлѣ составленія табелей и штатовъ и, особенно рельефно, проявилось въ требованіи Кабинетомъ разныхъ вѣдомостей о приходѣ и расходѣ. Поэтому означенныя части спеціально выдѣлены въ особую главу, составляющую какъ бы продолженіе настоящей главы.

ГЛАВА XVI.

Составленіе табелей, штатовъ и вѣдомостей о приходѣ и расходѣ.

Табели: Слово „табель“ въ памятникахъ употребляется въ двухъ значеніяхъ: въ болѣе широкомъ, какъ замѣна слова „государственная роспись“ и въ спеціально военномъ, какъ росписаніе, опредѣляющее размѣры довольствія войскъ.

а) общія. Въ первомъ своемъ значеніи это слово встрѣчается очень рѣдко—всего лишь въ 4-хъ случаяхъ во всѣхъ 11 томахъ. Впервые оно появилось еще въ самомъ началѣ дѣятельности Кабинета, на второмъ его засѣданіи, послѣдовавшемъ 4-го Ноября 1731 г. Въ этотъ день, какъ видно изъ журнала, приказано изготовить указы о подачѣ „табелей“, кромѣ военной и адмиралтейской коллегій, и камеръ-коллегіи (I т., стр. 4). А изъ копіи указа, прочитаннаго Императрицѣ и подписаннаго Ею 6-го Ноября (стр. 5), видно (I т., стр. 8), что отъ камеръ-коллегіи потребованы слѣдующія табели и вѣдомости: 1) о дворовомъ числѣ по переписи 154, 186 и 710 г., съ обозначеніемъ противъ каждаго рода дворовъ суммы, собиравшейся въ годъ по окладамъ, 2) о подушной переписи и податяхъ и 3) „*табель же всѣхъ государственныхъ сборовъ* (кромѣ подушныхъ) по званіямъ, прописавъ оклады и что котораго собирается и въ доимкѣ остается, и изъ сборной казны сколько на какой расходъ держать опредѣлено и затѣмъ въ остаткѣ бываетъ, а ежели объ ономъ расходѣ въ камеръ-коллегіи извѣстія не имѣется, то учинить о томъ сношеніе съ штатсъ-конторою и съ кѣмъ надлежитъ немедленно же“. Для какой цѣли потребованы табели, объяснено въ указѣ: „для обстоятельнаго Намъ извѣстія“, т. е. въ дѣйствительности для Кабинета Министровъ. Но такой табели, какъ извѣстно, ни камеръ-коллегія, ни Сенатъ не могли составить въ продолженіе всего царствованія Анны Іоан-

новны. Въ 1736-мъ году, въ журналѣ за 5 Февраля, значится полученнымъ отъ прокурора камеръ-коллегіи Мельгунова лишь такое доношеніе, что „по многимъ его предложеніямъ, въ той коллегіи о сборахъ *генеральной табели не сочинено* (V т, стр. 56). Однако Министры не могли обойтись безъ всякой государственной росписи; въ томъ или иномъ видѣ имъ все-таки нужно было имѣть ее для финансовыхъ соображеній. И когда надежда на составленіе генеральной окладной книги, повидимому, ослабѣла, Министры въ 1736 году, 23 Января, затребовали отъ Сената табель о всѣхъ государственныхъ доходахъ и расходахъ, учиненную за подписаніемъ Петра Великаго въ 721 или 722 годахъ (V т., стр. 35), что, какъ видно изъ отмѣтки въ журналѣ, и было исполнено. Но такая табель, конечно, не могла замѣнить современной государственной росписи, и изъ-за отсутствія послѣдней приходилось отказывать въ удовлетвореніи многихъ потребностей, даже и такихъ, которыя Сенатъ признавалъ необходимыми. Въ этомъ отношеніи весьма цѣнно указаніе одного сохранившагося памятника въ видѣ сообщенія Кабинета Сенату отъ 3 Сентября 1737 г. (VI т., стр. 541). Изъ сообщенія видно, что Сенатъ, вслѣдствіе показанныхъ штатсъ-конторою недостатковъ, требовалъ прибавить доходы изъ шести указанныхъ имъ источниковъ. На это Министры отвѣтили, что было „велѣно подать *генеральную всего государства табель* всѣхъ приходовъ и расходовъ... Но по тому Ея И. В-ва указу такихъ табелей ни объ одномъ годѣ не подавано и неизвѣстно, какіе въ которомъ году остатки или недостатки были. *И потому, хотя Пр. Сенатъ непрестанно о прибавкѣ доходовъ требуетъ, однако эсъ въ томъ никакое опредѣленіе учинить невозможно, пока о всѣхъ такихъ доходахъ и расходахъ упомянутыя табели собраны и въ Пр. Сенатъ разсмотрѣны и Ея В-ву представлено будетъ*“.

Отсутствіе современной окладной книги имѣло тяжелыя послѣдствія еще въ томъ отношеніи, что приходилось собирать доходы по прежнимъ окладамъ. По этому поводу, помимо свѣдѣній въ указахъ (глава XV), имѣется опредѣленное указаніе въ доношеніи Сената отъ 13 Мая 1737 г. (VI т., стр. 325). Сенатъ, между прочимъ, доносилъ, что была сдѣлана проба опредѣленія доходности по Кіевской губерніи на основаніи вѣдомостей, присланныхъ въ камеръ-коллегію для сочиненія окладной книги, „токмо явилась недовольна и *противъ оклада 724 года* положеніе явилось съ немалымъ уменьшеніемъ; чего ради, по именному Вашего И. В-ва Января 30 дня 733 г.

указу, велѣно тотъ 733 г. всякіе государственные *доходы собирать по прежнимъ* окладамъ".

б) военныя. Военные расходы составляли самую крупную статью въ бюджетѣ государства; поэтому вполнѣ понятенъ тотъ интересъ, который проявилъ къ нимъ Кабинетъ при самомъ вступленіи своемъ въ новыя обязанности. Уже на второмъ засѣданіи Кабинета, 4 Ноября 1731 г., было приказано: изготовить въ военную коллегію указъ о подачѣ табелей (I т., стр 4). Въ самомъ же указѣ, прочитанномъ Аннѣ и подписанномъ ею 6 Ноября (стр. 5), сказано (стр. 7—8), что „для обстоятельнаго Намъ извѣстія" требуется „взнесть" въ Кабинетъ: 1) печатныя (а вмѣсто непапечатанныхъ—письменныя) табели 712 и 720 годовъ, о содержаніи генералитета и полковъ, со всѣми окладами и расходами и 2) табель о подушной подати и о сборѣ ея на полки, съ указаніемъ оклада, дѣйствительнаго сбора, доимокъ и остатковъ (I т., стр. 7—8).

Ознакомившись съ этими табелями, Кабинетъ тѣмъ и удовлетворился. По крайней мѣрѣ вопросъ объ измѣненіи или пересмотрѣ *всей* военной табели уже не возбуждался имъ въ продолженіи всего времени. И это понятно: още недавно была произведена крупная военно-податная реформа Петромъ I, которая и завершилась установленіемъ подушной подати и составленіемъ новой генеральной табели, утвержденной имъ 9-го Февраля 1720 года.

Кабинетъ касался иногда только военныхъ штатовъ и размѣровъ жалованья офицерамъ. Но и эти его труды не имѣли характера *общихъ* мѣръ, а появлялись въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ въ видѣ удовлетворенія неотложныхъ потребностей или разъясненія возникавшихъ недоразумѣній. Гвардіи, какъ всегда, было оказано и въ этомъ отношеніи исключительное вниманіе, и черезъ мѣсяцъ послѣ открытія своихъ дѣйствій Кабинетомъ 6 дек. 1731 г., въ присутствіи Императрицы, „чтено же росписаніе о дачѣ жалованья лейбъ-гвардіи офицерамъ противъ рангов ихъ армейскихъ офицеровъ, коимъ дается по табелю 720 г., и какіе чины изъ гвардіи убавить, а другіе прибавить надлежитъ". (I т., стр. 63). А 2 Октября 1732 г. доложена и утверждена „табель конной гвардіи о содержаніи людей съ прибавкой жалованья и о прочемъ (I т., стр. 436).

Въ 1735 году, 2 Іюля (IV т., стр. 243), Кабинетъ, по докладу Сената, рѣшилъ дѣло о прибавкѣ жалованья хоперскимъ казакамъ, причемъ предварительно затребовалъ отъ Се-

ната „экстрактъ“, въ 8 пунктахъ, въ которыхъ требовались обстоятельныя свѣдѣнія, какая сумма въ годъ опредѣлена на жалованье казакамъ и проч.

По артиллеріи было подано два такихъ доклада: 1 й 27 Марта 1736 г. (т. V, стр. 135) генералъ-лейтенантомъ де-Геннином—о разсмотрѣніи артиллерійскаго штата и 2-й 25 Января 1737 г. (т. VI, стр. 53) генералъ-фельдцейхмейстеромъ—о конфирмаціи артиллерійскаго штата и объ опредѣленіи „фурманскаго правленія“ офицерамъ жалованья противъ офицеровъ наполныхъ (напольныхъ?) полковъ. Но вопросъ объ артиллер. штатѣ касался, видимо, не строевой части, а администраціи и канцеляріи, такъ какъ въ то время занимались усиленно гражданскимъ штатомъ по всѣмъ коллегіямъ, и потому докладъ въ этой части былъ принятъ только „во извѣстіе“. Вопросъ же объ уравненіи жалованья офицерамъ, указаннымъ генералъ-фельдцейхмейстеромъ, переданъ на разсмотрѣніе въ Сенатъ.

Въ бумагахъ встрѣчаются, между прочимъ, еще двѣ статьи по поводу составленія штата военной *коллегіи* съ подчиненными мѣстами (20 Янв. 1736 г., т, V, стр. 26 и 14 Янв. 1737 г., т. VI, стр. 21). Но онѣ, очевидно, относятся также къ общему современному вопросу о гражданскихъ штатахъ администраціи и канцелярій коллегій и прочихъ мѣстъ, въ томъ числѣ и военной коллегіи.

Затѣмъ слѣдуетъ отмѣтить внесенный Сенатомъ довольно запутанный финансовый вопросъ о содержаніи Рославльскаго „шквадрона“ (7 Янв. 1739 г., т. IX, стр. 15) [1]).

Что касается *вообще* размѣровъ *жалованья*, то въ бумагахъ имѣются опредѣленныя указанія о томъ, что жалованье давалось по петровской *табели* 720 г. [2]). Но бывали, видимо, случаи примѣненія и *табели 712 года*, чѣмъ, между прочимъ, объясняется требованіе ея Кабинетомъ въ самомъ началѣ вмѣ-

---

[1]) Вопросъ распадался на 2 части: 1-я о размѣрѣ суммы на его содержаніе и 2-я объ источникѣ его погашенія. Первая часть, т. е. то, что относится къ табели, видимо, не вызывала никакихъ особыхъ недоразумѣній. И Сенатъ, и Кабинетъ одинаково соглашались содержать въ комплектѣ „противъ Московскаго шквадрона“. Что касается вопроса объ источникѣ, то онъ осложнился тѣмъ, что „шквадронъ“ не имѣлъ опредѣленнаго расквартированія. Во всякомъ случаѣ послѣднее уже не имѣетъ отношенія къ вопросу о табели.

[2]) На это указываетъ указъ Сенату 18 Мая 1734 г. о пожалованіи Тевкелова въ полковники (III т., стр. 162). Затѣмъ въ журналѣ 6 дек. 1731 г. (т. I), имѣется двѣ ссылки: 1-я на страницѣ 63-й по поводу ранговъ армейскихъ офицеровъ—что имъ *„дается по табелю 1720 г.“* и 2-я совершенно опредѣленная на страницѣ 64-й—*„получали по табелю 720 г. какъ и всѣмъ офицерамъ давать велѣно“*.

стѣ съ табелью 720 г. Однако такіе случаи самимъ Кабинетомъ разсматривались какъ содержаніе лично присвоенное [1]).

в) Адмиралтейскія. На второмъ засѣданіи Кабинета, 4 ноября 1731 г. одновременно съ военной коллегіей, приказано заготовить указъ и въ адмиралтейство о томъ, чтобы подать табель о содержаніи флота. А 6-го числа указъ прочитанъ Императрицѣ и подписанъ Ею (стр. 5). Изъ отвѣтнаго доношенія адмиралт. коллегіи отъ 22 ноября 1731 г. (т. I, стр. 59), при которомъ приложены затребованныя табели, видно, что въ послѣднихъ заключались свѣдѣнія о томъ, „сколько на содержаніе морского флота и адмиралтейство положено въ годъ на жалованье, и на строеніе судовъ и на припасы денежной суммы, и изъ какихъ доходовъ и вся ль та сумма приходитъ и въ расходъ употребляется и что въ остаткѣ“.

Послѣ этого возбуждался лишь одинъ вопросъ *о размѣрѣ оклада Московской провинціи*. Но и этотъ вопросъ былъ чуждъ всякимъ цѣлямъ о пересмотрѣ и измѣненіи табели и оклада, и возникъ онъ по доношенію адмиралтейской коллегіи вслѣдствіе обнаруженнаго ею недосыла въ казну, въ положенный на адмиралтейство окладъ, за время съ 731 г. по 19 февраля 735 г. *болѣе милліона* (IV т., стр. 70), изъ которыхъ адмиралтейская и камеръ-коллегія считали за Московской провинціей 316.789 р. Между тѣмъ Московскій губернаторъ отрицалъ эту доимку, указывая, между прочимъ, на то, что съ Московской провинціи весь окладъ составлялъ только 57.922 рубля, и тѣ отданы сполна. Тогда возникъ вопросъ о правильности цифръ споряшихъ сторонъ, и Кабинетъ Министровъ въ письмѣ Салтыкову 30 іюля 1735 г. (IV т., стр. 288) поручилъ ему выяснить: „*сколько* съ Московской провинціи съ 731 году, *во опредѣленный на адмиралтейство окладъ*, денежной казны въ каждый годъ *отсылать надлежитъ*“. 11 августа (IV т., стр. 298) и 21 сент. (IV т., стр. 375) получились отъ Салтыкова два отвѣта „объ опредѣленномъ окладѣ на адмиралтейство съ Московской провинціи“. Но эти отвѣты, видимо, не вполнѣ удовлетворили министровъ, и они 7 октября того же 1735 года

---

[1]) Напримѣръ, когда военная коллегія представила докладъ о „произвожденіи жалованья 2 генераламъ—аудиторамъ—лейтенантамъ по табели 712 г. и сослалась на примѣръ генералъ-аудитора Центаравія, то въ это просьбѣ было отказано: „понеже оный Центаравій то жалованье, *по табелю 712 г.*, высокой окладъ уже получалъ, и для того, по силѣ комиссскихъ пунктовъ, имѣетъ получать по перемѣнѣ въ другой чинъ или по смерть; а оные еще того жалованья не брали, а получали по табелю 720 года“ (журналъ 6 дек. 1731 г., стр. 64).

вновь поручили штатсъ-конторѣ „особливо объявить о Московской провинціи, сколько съ оной по окладу было положено“ (стр. 397). Кабинетъ потомъ еще 4 января 1738 г. требовалъ отъ Сената вѣдомость, „коликая сумма, по окладу, на адмиралтейство положена изъ сбора Московскихъ таможенъ—помѣрной и мытенной“ (стр. 3).

Вообще въ данномъ дѣлѣ Кабинетъ, по поводу происшедшей путаницы въ счетахъ, проявилъ большую настойчивость въ стремленіи выяснить дѣйствительный окладъ Московской провинціи.

Штаты. Въ эпоху, послѣдовавшую послѣ смерти Петра I, первой и послѣдней государственной росписью была „табель прихода и расхода на 1725-й годъ“ (глава XV). Къ 1725-му же году относится и составленіе послѣдняго государственнаго штата. Послѣдняя работа естественно вытекала изъ первой, составляя необходимое ея продолженіе. Поэтому, предпринявъ составленіе окладной книги, Кабинетъ Министровъ въ то же время занялся и „учиненіемъ“ штатовъ. Исходной точкой у него былъ послѣдній штатъ 1725 года. Взглядъ Кабинета на причины, по которымъ онъ признавалъ необходимымъ составлять новый штатъ, выраженъ въ его указѣ Сенату отъ 9 февраля 1736 года (т. V, стр. 65) такимъ образомъ: „понеже *противъ учиненнаго въ 1725 году штата*, нынѣ, какъ въ С.-Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, многая произошла отмѣна и во многихъ мѣстахъ прибавка въ жалованьѣ, а Ея И. В—ва гражданскій штатъ на такомъ основаніи опредѣлить указала, чтобъ всякій по своему дѣлу жалованьемъ былъ удовольствованъ; и того ради всѣмъ коллегіямъ и канцеляріямъ, сколько которымъ въ С.-Петербургѣ, и сколько которымъ въ Москвѣ жалованья получать учинить вновь штатъ“ Въ штатахъ, дѣйствительно, ощущалась острая и неотложная нужда. Прежде всего существовала крайняя пестрота въ способахъ и источникахъ вознагражденія. Одни получали по штатамъ, другіе—по особымъ указамъ, а третьи и совсѣмъ ничего не получали отъ казны, какъ, напримѣръ, приказные. Въ отношеніи послѣднихъ въ полной силѣ дѣйствовалъ знаменитый указъ 23 мая 1726 года: приказнымъ жалованья „не давать“, а „довольствоваться имъ отъ дѣлъ по прежнему обыкновенію съ челобитчиковъ, *кто что дастъ по своей волѣ*“. Указъ воспрещалъ только чинить „излишнія взятки“ и волокиту. Многіе еще во время составленія указа не числились въ штатѣ и получали жалованье въ

зачетъ „покамѣстъ штатъ совершится“. И въ царствованіи Анны также не всѣ коллегіи и канцеляріи имѣли штаты, и служащіе вели постоянную осаду своими жалобами на то, что они изъ-за неполученія жалованья претерпѣваютъ крайнюю нужду. До чего доходили служащіе въ ожиданіи опредѣленія штата, довольно характерной иллюстраціей могутъ служить факты, изложенные въ докладѣ Академіи Наукъ: „едва не всѣ при Академіи Наукъ обрѣтающіеся *служители*, вмѣсто исправленія своей должности и надлежащей работы, для нужнаго пропитанія *по міру ходить и время свое прошеніемъ милостыни препровождать принуждены*“. Возможно и даже навѣрное, что не одни служители просвѣщенія находились въ такомъ же положеніи. Это было, повидимому, почти нормальнымъ явленіемъ даже для самихъ служащихъ. Только такимъ понятіемъ и можно объяснить мотивировку просьбы Академіи. Она въ своемъ „всенижайшемъ“ докладѣ просила денегъ въ зачетъ „именемъ толь многихъ совершенную нужду и крайнюю бѣдность претерпѣвающихъ людей“ не во имя простой человѣческой справедливости, а „для высокаго интереса и собственной Ея И. В. славы“ (V т., стр. 649).

Зато въ другихъ мѣстахъ на почвѣ хаотической отчетности допустимы случаи полученія жалованья безъ всякихъ на то правъ или просто захвата казенныхъ денегъ. Это было тѣмъ возможнѣе, что правительство часто само не знало, нужно ли платить деньги, кому и за что. На сколько безпомощно было въ этихъ случаяхъ верховное правительство, лучшимъ показателемъ можетъ служить оффиціальный докладъ Сената Императрицѣ, что когда онъ сталъ разсматривать губернскія вѣдомости по годовымъ расходамъ, то въ нихъ явились немалыми суммами такіе, „изъ которыхъ нѣкоторые еще до состоянія штатсъ-конторы производились и нынѣ та контора въ годовомъ расходѣ ихъ считаетъ; *и съ чего начались, какъ въ той конторѣ, такъ и въ Сенатѣ обстоятельнаго извѣстія не имѣется*“. Далѣе Сенатъ указываетъ, что когда онъ потребовалъ обстоятельнаго изъясненія тѣхъ вѣдомостей, то „*по вторично поданнымъ нынѣ изъ штатсъ-конторы объ означенныхъ расходахъ вѣдомостямъ нѣкоторые изъ годовыхъ расходовъ выбыли, а другіе вновь прибыли*“ (т. IX, стр. 250).

При такихъ условіяхъ дѣло составленія штатовъ весьма осложнялось. Простой вѣры *въ справедливость* людей и списковъ было недостаточно. Вездѣ требовалась обстоятельная критическая работа. Нужно было расчистить почву отъ всякихъ

случайныхъ наслоеній. И Кабинетъ передъ началомъ новаго дѣла отнесся къ нему чрезвычайно осторожно и заботливо составилъ такую подробную и предусмотрительную программу, которая, по его мнѣнію, вполнѣ гарантировала успѣхъ дѣла и полученіе дѣйствительно справедливыхъ списковъ. Сенату было повелѣно немедленно разсмотрѣть и учинить: „*именной* статъ о жалованьи статскимъ членамъ, начавъ отъ Синода, Сената, всѣхъ коллегій, канцелярій и конторъ и коммиссій, показавъ *кому* какое жалованье по прежнимъ указамъ производить надлежало, и сколько *кто* получаетъ, и изъ нихъ кто при С.-Петербургѣ и въ Москвѣ и въ прочихъ мѣстахъ обрѣтаются, и съ которыхъ чиселъ, и ежели сверхъ того учинена прибавка, о томъ именно прописать: за что, кому и по какому опредѣленію и съ котораго времени прибавлено и что такую прибавку во все то время получилъ“ (т. IX, стр. 249).

На сколько серьезное и важное значеніе придавалъ Кабинетъ штатамъ, видно изъ указовъ по поводу составленія окладной книги, гдѣ, въ числѣ другихъ мотивовъ необходимости послѣдней, приведены слѣдующіе: „оная (окладная) книга толь нынѣ нужна, что не имѣя о всѣхъ доходахъ подлиннаго извѣстія, государственнаго всего стату, который нынѣ, по всемилостивѣйшимъ Нашимъ указамъ, въ разныхъ коммиссіяхъ разсматривается, ко окончанію привесть не можно“ (указъ отъ 27 ноября 1732 г., т. I, стр. 505). Въ другомъ указѣ повторена та же мысль: „а паче что, не сдѣлавъ такого основательнаго опредѣленія (окладной книги), государственнаго стата (штата) ко окончанію привесть невозможно“ (указъ 25 ноября 1736 г., т. V, стр. 568). Здѣсь значеніе штатовъ поставлено даже выше окладной книги: послѣдняя признается нужной главнымъ образомъ потому, что безъ нея нельзя составить штатовъ.

Съ 1735 года Кабинетъ обратилъ особенное вниманіе на работы по составленію штатовъ и принялся энергично побуждать Сенатъ. Въ журналѣ за 17 октября 1735 г. (т. IV, стр. 411) содержится распоряженіе написать: „о разсмотрѣніи штата въ Сенатѣ, что учинено“. А рядомъ имѣется заботливая приписка: „памятовать о штатѣ“... Спустя четыре дня, 21 октября, Кабинетъ отдалъ распоряженіе, чтобы изъ Сената прислать извѣстіе: „о штатахъ разсужденія окончены ли“ (стр. 416). На слѣдующій день, 22 октября, Кабинетъ вновь распорядился затребовать свѣдѣнія изъ Сената: „сколько штата сочинено и разсмотрѣно, сего числа прислать въ Кабинетъ; а достальное сочинять и, сочинивъ, по тому жъ подать“ (стр. 418). 10 декабря

Кабинетъ приказалъ прислать изъ Сената: „достальные штаты коллегіямъ, канцеляріямъ и конторамъ“ (стр. 514). 28 декабря Кабинетъ затребовалъ штаты достальныхъ коллегій, канцелярій и конторъ и вмѣстѣ съ тѣмъ рядъ разныхъ свѣдѣній о штатахъ и жалованьѣ членовъ и служителей коллегій и конторъ при учрежденіи коллегіи въ 719 году, затѣмъ въ 721, 723 годахъ и нынѣ“ (стр. 547). 5 января 1736 года изъ герольдмейстерской конторы присланы: списокъ обрѣтающимся у дѣлъ въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ и конторахъ и въ прочихъ мѣстахъ и списокъ секретарямъ (стр. 6). Судя по этимъ записямъ, казалось, что дѣло составленія штатовъ находится въ полномъ ходу и даже какъ будто близится уже къ концу. Но послѣдующія записи совершенно разрушили эти предположенія. Изъ указа Кабинета въ Сенатъ отъ 9 февраля 1736 г. (т. V, стр. 65) видно, что „въ сочиненіи того штата учинилась остановка“: не прислано вѣдомостей изъ Москвы. Кабинетъ распорядился послать изъ Сената въ Москву нарочнаго курьера и велѣть ему собрать тамъ вездѣ вѣдомости по программѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Кабинетъ, видимо недовольный встрѣтившимися препятствіями, распорядился принять самую рѣшительную и необычную мѣру: „пока тѣ штаты сочинены и аппробованы будутъ, членамъ и секретарямъ и прочимъ служителямъ съ нынѣшняго 1736 г. жалованье не давать, а ассигновать только на канцелярскіе расходы и на дачу курьерамъ прогоновъ“. Послѣ этого опять какъ будто замѣчается нѣкоторое движеніе. 15 февваля 1736 г. изъ Сената получено доношеніе „о генералитетскихъ канцеляріяхъ и о положенныхъ на расходы въ тѣхъ канцеляріяхъ деньгахъ“ (стр. 74). А 28 января 1737 г. Кабинетъ, видимо еще не теряя надежды на удовлетворительное окончаніе дѣла, вновь распорядился требовать изъ Сената „о сочиненіи государственнаго штата“ (VI т., стр. 59). 25 февраля 1737 г. имъ приказано требовать изъ Сената „о сочиненіи штата что учинено“ (стр. 107).

Пока такимъ образомъ продолжался длительный процессъ разработки общихъ штатовъ, жизнь выдвигала на сцену многіе частные случаи по штатамъ, требовавшіе по тѣмъ или инымъ соображеніямъ неотложнаго разрѣшенія, и въ этотъ промежутокъ времени Кабинетъ разсматривалъ нѣсколько докладовъ о штатахъ разныхъ учрежденій [1]).

---

[1]) Напримѣръ, генералъ Волковъ, завѣдывавшій Московской мастерской и оружейной палатой и канцеляріей пріема остаточныхъ за расходами денегъ, въ первый же мѣсяцъ дѣятельности Министровъ, 27 ноября 1731 г. (т. I, стр. 41),

Между тѣмъ въ отношеніи общихъ штатовъ стали появляться довольно неутѣшительныя извѣстія. 28 Декабря 1738 г. получился докладъ Сената, что „о штатахъ, за неприсылкою изъ нѣкоторыхъ мѣстъ вѣдомостей, нынѣ разсматривать невозможно“ (стр. 507). А 19-го Декабря 1738 года Сенатъ представилъ обширный докладъ, общій по штатамъ и по окладной книгѣ, гдѣ объяснилъ причины несоставленія штатовъ: 1-я причина была та же, что и 2 года 10 мѣсяцевъ назадъ—неприсылка надлежащихъ вѣдомостей изъ Москвы (присылаются краткіе рапорты, по которымъ „вѣдомости учинить невозможно“), а 2-я—неприсылка штатовъ изъ Синода и коллегіи экономіи. Сенатъ указывалъ, что „прилежное стараніе имѣлъ и... неослабно понуждалъ“, и въ Москву „посланъ на почтовыхъ подводахъ нарочный съ указомъ, съ крѣпкямъ подтвержденіемъ... подъ опасеніемъ тяжкаго штрафа“. Сенатъ еще не терялъ надежды: „подтверждено—писалъ онъ—крѣпкими указами... накрѣпко принуждать и по исправленіи въ самой скорости въ Сенатъ прислать, и, пока оные сочинены и въ Сенатъ посланы будутъ, секретарей и канцелярскихъ служителей держать безъ выпуску“ (IX т., стр. 251). Не теряла надежды и Императрица. Въ ре-

---

подалъ челобитную о жалованьѣ. 4 декабря 1731 г. приказано ему подать штатъ его канцеляріи (стр. 62). А 16 мая 1732 г. подписанъ указъ Сенату о выдачѣ „Волкову и на подчиненныхъ его канцеляріи. въ зачетъ заслуженнаго жалованья, до аппробаціи штата, 3.000 р.“ (стр. 278). Но этимъ дѣло не закончилось и вопросъ о его штатѣ и выдачѣ заслуженнаго жалованья возбуждался еще 3 раза, хотя окончательнаго разрѣшенія все-таки не получилъ (Шт., сообщенія Кабинета Сенату на стр. 391 и 481 и доношеніе Волкова на стр. 485). Штаты полиціи также были выдвинуты внѣ очереди. 18 сентября 1722 г. министры „разсматривали поданные отъ генерала полицеймейстера и генералъ-маіора Салтыкова штаты о полицеймейстерской канцеляріи, и приказано ему, по предложенному о чинахъ расписанью, подать извѣстіе о именахъ“ (т. I, стр. 428). Въ 1733 году 10 сентября „по требованію генералъ-лейтенанта Салтыкова“ послана записка въ Сенатъ къ стат. совѣтнику Маслову, чтобы штатъ полицейскихъ окончить немедленно (II т., стр. 428). Это обращеніе, повидимому, имѣло успѣхъ. По крайней мѣрѣ въ 1737 году, 18 мая (т. VI, стр. 303), въ журналѣ имѣется отмѣтка такая: „приказано изъ полиціи подать: 1) вѣдомость о приходахъ и расходахъ той полиціи и 2) штатъ о полиціи“ (очевидно, уже утвержденный). Также были утверждены штаты: придворный (сообщеніе Кабинета Сенату отъ 14 декабря 1736 г. V т., стр. 604) и кабинетный (рѣшеніе министровъ отъ 30 декабря 1736 г., т. V, стр. 654). 30 января 1737 года (т. VI. стр. 60) во входящихъ бумагахъ значится полученнымъ доношеніе оберъ-штальмейстера князя Куракина объ аппробаціи учиненнаго имъ вновь конюшеннаго штата. Въ 1739 году значатся еще нѣсколько докладовъ о штатахъ, въ томъ числѣ 24 января: 1) подполковника Пустошкина „табель о жалованьѣ и расходѣ денегъ людямъ при строеніи Невскаго монастыря“ и 2) генерала Волкова по коллегіи экономіи, раскольничьей конторѣ и синодальному и дворцовому приказамъ. По послѣднему докладу состоялась резолюція Анны: „учиня штатъ“, прислать въ Сенатъ, „гдѣ разсмотрѣвъ, со мнѣніемъ для Нашей всемилостивѣйшей апробаціи подать въ Кабинетъ“ (т. IX, стр. 59—61). Затѣмъ 15 февраля 1739 года значатся еще доклады о штатѣ Новгородскаго архіерея и о штатѣ Новгородскихъ монастырей (стр. 126).

золюціи Ея отъ 14 марта 1739 г. содержится еще побужденіе: „черезъ сіе въ *послѣдніе наикрѣпчайше* подтверждаемъ и всемилостивѣйше повелѣваемъ о сочиненіи такой окладной книги и *статовъ*... имѣть крайнѣйшее стараніе и радѣніе". Далѣе содержится извѣстная угроза: „а ежели сего къ будущему 1740 году учинено не будетъ, то уже, всеконечно, Нашъ Императорскаго Величества гнѣвъ на себя наведутъ".

7 Іюня того же 1739 г. Министры распорядились, призвавъ оберъ прокурора, „подтвердить *наикрѣпчайше* въ Сенатъ, чтобы генеральный штатъ о жалованьѣ статскимъ чинамъ немедленно сочиненъ былъ и подать въ Кабинетъ для разсмотрѣнія и апробаціи Е. И. В." (IX т., стр. 547). — 15 Ноября 1739 г. получено отъ Сената доношеніе и „при томъ вновь сочиненные штаты, по половиннымъ и четвертнымъ окладамъ, Сенату и другимъ мѣстамъ и перечневой сколько имѣетъ быть всѣмъ на жалованье суммы, и во ономъ доношеніи о дачѣ жалованья представлено Сената разсужденіе (X т., стр. 489). Встрѣчаются упоминанія о работахъ по штатамъ и въ 1740 г. [1]).

Далѣе свѣдѣнія о штатахъ прекращаются. Это дѣло раздѣлило общую участь съ окладной книгой. „Составить штаты расходовъ по всѣмъ учрежденіямъ — по словамъ проф. А. Н. Филиппова — Кабинету не удалось" („Сенатъ", стр. 583). И въ этомъ неуспѣхѣ винить Сенатъ также нельзя. Онъ дѣлалъ все, что могъ: писалъ крѣпчайшіе указы, разсылалъ на почтовыхъ подводахъ нарочныхъ и вообще стараніе имѣлъ. Что касается Кабинета, то онъ въ это дѣло дѣйствительно всю свою душу вкладывалъ. Если же однако и совмѣстныя усилія этихъ высокихъ и властныхъ учрежденій не могли довести дѣло до конца, то виною тому была та же общая и глубокая причина, что и по окладной книгѣ: „общая хаотичность тогдашняго хозяйства государства" (проф. А. Н. Филипповъ „Сенатъ", стр. 584).

Вѣдомости о приходѣ и расходѣ.

Помимо тѣхъ вѣдомостей о приходѣ и расходѣ, которыя, въ извѣстномъ установленномъ порядкѣ, доставлялись Кабинету періодически, какъ напр. о сборахъ пошлинъ съ судовъ на Ладожскомъ каналѣ, по взысканію доимокъ и проч., Кабинетъ требовалъ еще особыя вѣдомости по тѣмъ операціямъ или оборотамъ, какія его интересовали. Наибольшее количество запросовъ въ этихъ случаяхъ относи-

---

1) Сообщенія Сената Кабинету 22 Января 1740 г. (XI т., стр. 48, 49, 280—286) и 15 Іюля 1749 г. (опись Сенат. архива, № 7737).

лось къ военному вѣдомству, штатсъ-конторѣ и въ особенности къ Сенату. Какой характеръ имѣли требуемыя Кабинетомъ вѣдомости, видно изъ слѣдующихъ примѣровъ.

I. По военному вѣдомству.

1) *По военной коллегіи*—изъ числа предъявленныхъ ей Кабинетомъ требованій четыре касались чрезвычайныхъ расходовъ. Кабинетъ сначала заинтересовался вопросомъ, сколько „учинено“ всѣхъ чрезвычайныхъ, сверхъ штата, расходовъ, начиная съ 1732 года, о чемъ и затребовалъ вѣдомость отъ военной коллегіи 22 Іюля 1735 года (IV т., стр. 271). А затѣмъ, не ограничившись поданной вѣдомостью, расширилъ вопросъ и 25-го числа того же мѣсяца (стр. 278—279) приказалъ подать новую вѣдомость, съ указаніемъ: „1) тѣхъ, сверхъ штата, прибавочныхъ, которыя имѣютъ быть повсегодно, якобы къ окладу армейскому приложенные, 2) о чрезвычайныхъ *единовременныхъ*—по какимъ указамъ и на какія дачи и 3) сколько, за тѣми расходами, изъ остаточной отъ армейскихъ расходовъ суммы, въ которомъ году было въ остаткѣ“. Это требованіе было повторено еще два раза—9 авг. 1735 г. (IV т., стр. 297, по пункту 3-му) и 10 Января 1736 года (V т., стр. 15) и только послѣ этого вѣдомость подана. Изъ другихъ вѣдомостей выдѣляются, по величинѣ охваченнаго ими періода, вѣдомости о томъ „колико, въ положенный артиллерійскій окладъ, съ 1724 по 1736 г. имѣлось въ присылкѣ денежной суммы и затѣмъ въ доимкѣ и о расходѣ“ (12 ноября 1737 г., VI т., стр. 674). Остальныя носятъ простой справочный характеръ по текущимъ дѣламъ [1]).

2) *Отъ Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка,* при непосредственномъ репортѣ, 20 Октября 1737 г., (VI т., стр. 624)

---

[1]) Напримѣръ

[1]) „Сколько въ коммиссаріатѣ было денегъ въ приходѣ и расходѣ на полки, обрѣтавшіеся въ Польшѣ (требованіе 9 Авг. 1735 г., IV т., стр. 296—297; отвѣтъ полученъ 14 Января 1736 г., V т., стр. 21); 2) изъ счетной конторы военной коллегіи: „сколько прошлаго году о приходѣ и расходѣ денежной казны счетовъ получено“ (6 Авг. 1737 г., VI т., стр. 495);—3) вѣдомости о приходѣ и расходѣ различныхъ суммъ представленныя: а) изъ Глухова генераломъ, княземъ Барятинскимъ (3 февр. 1738 г., VII т., стр. 65), б) генераломъ кн. Трубецкимъ съ 1 Января по 1 Іюля 1738 г. по коммиссіямъ (20 Авг. 1738 г., т. VIII, стр. 153), и 4) генералъ поручикомъ Геннинымъ вѣдомости „о приходѣ и расходѣ денегъ и провіанта и во сколько какихъ вещей сдѣлано и по какой цѣнѣ обошлось“ по заводамъ: Сестрорѣцкимъ—съ 735 по 738 г. и Тульскимъ—738 г. (24 Марта 1739 года, т. IX, стр. 281).

поступила „табель о приходѣ и расходѣ денежной казны *съ 1730 по 1736 г.*“

3) *По адмиралтейской коллегіи* требованія предъявлялись по тремъ крупнымъ вопросамъ. Въ 1735 году, 12 Августа (т. IV, стр. 300) приказано подать подробную вѣдомость объ астраханской эскадрѣ, *сколько и въ которомъ году* было расходу на содержаніе эскадры и ея служителей деньгами и провіантомъ, „по цѣнѣ росписавъ порознь“. Второй вопросъ касался строенія Кронштадтскаго канала. Въ 1736 году, 5 Ноября (т. V, стр. 531) Кабинетъ запросилъ только справку о томъ, сколько и изъ какихъ мѣстъ дано на строеніе канала въ числѣ 200.000 р.. А въ 1739 году, 21 Іюля (т. X, стр. 41) имъ потребованы уже обширныя вѣдомости „сколько на годъ денежной суммы на строеніе Кронштадтскаго канала и доковъ *и съ котораго года* опредѣлено *и сколько по нынѣ на то строеніе денегъ издержано*“, о чемъ того же числа дана записка адмиралтейскому секретарю.

Третій вопросъ касался самаго больного мѣста—недостатка денегъ. Коллегія „многократно утруждала“ Кабинетъ доношеніями, что ей недослали, изъ подлежащихъ на адмиралтейство денегъ, съ 731 по 739 г., болѣе 2 милліоновъ и у нея „учинился въ деньгахъ недостатокъ и исправиться въ надлежащихъ потребностяхъ невозможно“. Но Кабинетъ находилъ, что „на упомянутыхъ представленіяхъ утвердиться и какимъ образомъ наилучше впредь поступать надлежитъ, въ томъ средства сыскать невозможно“.

Для этого ему требовалось точно выяснить дѣйствительныя причины и размѣры недостачи. И въ этихъ цѣляхъ Кабинетъ привлекъ на помощь Сенатъ, и указомъ отъ 21 Мая 1739 г. (т. IX, стр. 479), за подписью Анны, поручилъ Сенату взять изъ адмиралтейской коллегіи подробныя свѣдѣнія о приходѣ и расходѣ за время съ 731 по 739 годъ. Программа свѣдѣній была изложена въ 7-ми пунктахъ и выработана обстоятельно и даже детально, представляя собою весьма типичный образецъ [1])

---

[1]) „1) съ 731 по нынѣшній 739 г., сколько въ которомъ году на содержаніе адмиралтейства адмиралтейская коллегія денегъ изъ рентереи, и особливо изъ губерній и провинцій, и сколько изъ которой именно получила; 2) на какіе расходы по званіямъ въ которомъ году сколько употреблено, изъясня именно, очистя же и то, въ которомъ году и откуда въ недосылкѣ на адмиралтейство денежной казны; 3) опредѣленными нарочно для слѣдствія о такихъ доимкахъ адмиралтейскими офицерами сколько откуда и на который годъ изъ доимки выбрано и затѣмъ еще въ доимкѣ осталось; 4) сколько въ которомъ году вооружено было кораблей и прочихъ морскихъ судовъ; 5) сколько въ которомъ году было адмирал-

кабинетскаго или, точнѣе, чисто остермановскаго способа выясненія истины въ цифрахъ. Указъ предписывалъ представить эти свѣдѣнія въ недѣльный срокъ.

Но и въ этомъ случаѣ требованія Кабинета остались неудовлетворенными. Адмиралтейская коллегія подала вѣдомости только по двумъ пунктамъ—1-му и 4-му, да и тѣ по 1-му неполныя. А объ остальныхъ заявила, что подать ихъ такъ скоро невозможно и для того опредѣлила „въ подлежашія мѣста послать съ нарочными курьера на почтовыхъ подводахъ съ крѣпкими подтвержденіями указа“. Такимъ образомъ требованія Кабинета опять превысили силы исполнителей (доношеніе Сената отъ 8 Іюня 1739 г., т. X, стр. 280—288).

II. По Штатсъ-Конторѣ,

Въ 1736 году, 8 марта, Кабинетъ распорядился подать изъ штатсъ-конторы вѣдомости: 1) „о расходахъ 734 и 735 годовъ и 2) чѣмъ должна штатсъ-контора Сибир. приказу, расписавъ *по годамъ и по суммамъ*“ (т. V, стр. 107). Въ слѣдующемъ 1737 году, 25 февраля потребована обстоятельная вѣдомость о приходѣ штатсъ-конторы 736 и 737 гг. (т. VI, стр. 107). Здѣсь, какъ и вообще, указаны въ журналѣ родъ и отчетный періодъ требуемыхъ свѣдѣній. Это можно назвать обычной практикой. Но встрѣчались случаи глухихъ записей [1]), изъ которыхъ совершенно не видно, о чемъ требовались свѣдѣнія и за какое время. 22 іюля 735 г. (т. IV, стр. 271) въ журналѣ содержится такая запись: „изъ штатсъ-конторы о всѣхъ расходахъ, *что приказано отъ Министровъ*, подать подробную вѣдо-

---

тейскихъ всякихъ вышнихъ и нижнихъ чиновъ, которые жалованьемъ содержатся изъ положенной на адмиралтейство суммы и сколько въ комплектъ недоставало, и что такихъ отъ неполнаго комплекта денегъ въ которомъ году было въ остаткѣ; 6) сколько гдѣ по мѣстамъ построено изъ положенной-же на содержаніе адмиралтейства суммы какого и гдѣ строенія, и сколько на какое строеніе въ которомъ году издержано денегъ, 7) сколько нынѣ и на какія строенія гдѣ есть какихъ казенныхъ матеріаловъ и припасовъ налицо, и что какихъ матеріаловъ, потребныхъ ко флоту, о тѣхъ показать особливо и въ которомъ году оные покуплены или подряжены, и по какой цѣнѣ именно“.

[1]) Происхожденіе такихъ глухихъ записей едва ли можно объяснить одной случайностью или простымъ редакціоннымъ пріемомъ. Скорѣе допустимо другое предположеніе: намѣренность такой редакціи изъ за нежеланія оглашать свойство затребованныхъ финансовыхъ свѣдѣній, которыя, очевидно, въ то время требовались для какихъ либо секретныхъ соображеній. Аналогичные случаи замѣчались по дѣламъ внѣшней политики, когда въ журналахъ, при всей ихъ подробности вообще, дѣлалась, въ видѣ исключенія, лаконическая отмѣтка „ходили съ иностранными дѣлами“ (I т., стр. 286, 298, 299 и т. д.).

мость". Черезъ 3 недѣли — 12 авг. (стр. 300) появляется новая запись, также безъ указанія рода свѣдѣній: „изъ штатсъ-конторы взнесть вѣдомость о расходахъ, *по данной изъ Кабинета формѣ* сего числа". Къ тѣмъ же, очевидно, вѣдомостямъ относится и слѣдующая запись 1 сент. (стр. 335): „въ штатсъ-конторѣ о расходѣ вѣдомости, переправя, подать завтрашняго числа".

6 февраля 1736 г. (т. V, стр. 62) Кабинетъ далъ указъ штатсъ-конторѣ доставить вѣдомости о приходѣ и расходѣ за 1734—1735 года и вѣдомость о всѣхъ расходахъ за январьскую треть 1736 года. А 27 марта 1736 г. (т. V, стр. 136—137) Кабинетъ предложилъ Сенату разсмотрѣть поданную штатсъ-конторой вѣдомость о чрезвычайныхъ расходахъ. Эти два документа имѣютъ чрезвычайно важное значеніе, потому что ими выясняется, между прочимъ, практика взаимныхъ отношеній между Кабинетомъ, Сенатомъ и Штатсъ-конторою. Кабинетъ, указомъ отъ 6 февраля 1736 г., предписалъ Штатсъ-конторѣ „*не чинить*" до резолюціи Кабинета окладныхъ *расходовъ* и для этого представить въ Кабинетъ на предварительное разрѣшеніе обстоятельную вѣдомость за январьскую треть 1736 г. Штатсъ-контора обратилась тогда въ Сенатъ и довела до его свѣдѣнія распоряженіе Кабинета. Сенатъ написалъ въ Кабинетъ, что окладныя дачи производить надлежитъ, и Кабинетъ съ нимъ согласился, поручивъ лишь разсмотрѣть внимательно чрезвычайные расходы. Такимъ образомъ данный примѣръ показываетъ, что хотя Кабинетъ и входилъ въ непосредственныя сношенія съ коллегіями и даже дѣлалъ имъ распоряженія, но и Сенатъ, по докладу объ этомъ коллегіи, считалъ себя вправѣ пересматривать тѣ же вопросы и, если признавалъ рѣшеніе Кабинета почему-либо непріемлемымъ, дѣлалъ ему о томъ свое представленіе, при чемъ Кабинетъ, соглашаясь съ Сенатомъ, даже отмѣнялъ прежнее свое рѣшеніе. Слѣдовательно, и Сенатъ, и Кабинетъ признавали за Сенатомъ право и обязанность управлять финансами.

III. По Сенату.

Кабинетъ довольно часто обращался къ Сенату за разными справками по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія и хозяйства, въ томъ числѣ и по разнымъ финансовымъ операціямъ. Довольно типиченъ, какъ чистый образецъ такихъ справокъ. напр. такой запросъ: „въ которыхъ великороссійскихъ

городѣхъ имѣются отписныя и вымороčныя помѣстья и вотчины и чьи именно, и сколько въ нихъ дворовъ и четвертныя пашни и мужеска пола душъ?“ (24 іюля 1735 г., т. IV, стр. 277). Близокъ къ этому запросу другой:[1]) „въ Ингерманландскомъ, Выборгскомъ и Кексгольмскомъ уѣздѣхъ, за раздачею, колико есть деревень и сколько въ нихъ дворовъ и *съ нихъ доходовъ*“ (14 октября 1735 г., т. IV, стр. 404). Но въ послѣднемъ частью содержится и вопросъ о доходахъ, т. е. этотъ запросъ является уже смѣшаннымъ.

Что касается требованій Кабинета о доставленіи собственно только вѣдомостей о приходѣ и расходѣ, то выше были приведены примѣры, когда Кабинетъ сначала обращался за свѣдѣніями къ коллегіямъ, а затѣмъ, недовольствуясь вѣдомостями коллегій, прибѣгалъ уже къ помощи Сената. Однако, какъ показываетъ практика, Кабинетъ обращался за вѣдомостями и прямо въ Сенатъ, и эти свѣдѣнія отличались большимъ разнообразіемъ. 4 февраля 1732 г. потребованы отъ Сената вѣдомости „о здѣшникъ *квадратныхъ* и прочихъ сборахъ“ (I т., стр. 154). Черезъ полтора мѣсяца — 20 апрѣля — приказано „подать изъ Сената вѣдомость, сколько *неположенныхъ въ штатъ доходовъ* имѣется, какихъ, по званіямъ порознь“ (I т. стр. 231). 8 Августа 1735 г. затребованы свѣдѣнія о числѣ и родѣ разныхъ коммиссій и о томъ, сколько „на дачу имъ жалованья, такожъ и на канцелярскіе расходы, исходитъ *суммы, росписавъ о каждой коммиссіи порознь*“ (IV т., стр. 296). 11 сентября 1735 г. потребована вѣдомость: „*въ коллегію экономіи* сколько было въ приходѣ и расходѣ денежной казны *въ 732 году*, учиня по годамъ порознь; также и въ раскольничьей конторѣ“ (IV т., стр. 350). 25 февраля 1737 г. велѣно требовать изъ Сената вѣдомости „откуда и на которые годы *о пошлинахъ съ челобитчиковыхъ дѣлъ* вѣдомости получены и сколько ихъ во взятьѣ и доимкѣ (VI т., стр. 107). 27 марта 1739 года въ журналѣ сдѣлана глухая запись: „послать въ Сенатъ, чтобъ вѣдомость о расходахъ, которой *изъ Кабинета по именному указу требуется*, подали сегодня“ (т. IX, стр. 290). 9 мая 1739 г. поступили изъ Сената „вѣдомости о чрезвычайныхъ въ 737 году расходахъ“ (V т., стр. 447).

Требованіе отъ Сената вѣдомостей о приходѣ и расходѣ за различные періоды и по разнымъ операціямъ вполнѣ естественно вытекала изъ положенія Сената, какъ средоточія вся-

---

[1]) Этотъ запросъ повторенъ 21 октября 1735 года (т. IV, стр, 416).

кихъ финансовыхъ свѣдѣній. По регламенту камеръ-коллегіи, утвержденному еще до учрежденія Кабинета — 23 іюня 1731 г. — камеръ-коллегія, получая изъ губерній третныя и погодовыя, а изъ центральныхъ — ежемѣсячныя свѣдѣнія о доходахъ и расходахъ, должна была составлять генеральную табель и представлять ее въ Сенатъ. Это законоположеніе осталось въ полной силѣ при существованіи Кабинета. И когда камеръ-коллегія жаловалась Сенату, что мѣстныя власти не доставляютъ для табели вѣдомостей, Сенатъ непосредственно принималъ тѣ или иныя побудительныя мѣры. Характернымъ образчикомъ такихъ сенатскихъ распоряженій служитъ выписка изъ всеподданнѣйшаго репорта Сената изъ Москвы о рѣшеніи дѣлъ съ 21 по 26 августа 1732 г. (I т., стр. 413—416). Сенатъ распорядился отъ Московской губернской канцеляріи затребовать объясненіе, почему „репортовъ по се время не учинено и въ камеръ коллегію не отослано и такое великое время пропущено, а именно полчетверта мѣсяца“. А по отношенію къ остальнымъ губерніямъ были употреблены весьма суровыя принудительныя мѣры [1]).

IV. По Полиціи.

26 мая 1735 г. (т. IV, стр. 181) Кабинетъ сдѣлалъ полицеймейстерской канцеляріи распоряженіе „подать вѣдомость: сколько въ полицеймейстерской канцеляріи денежныхъ суммъ въ годъ въ приходѣ бываетъ и какихъ именно сборовъ, и что изъ того числа надлежащихъ по указамъ въ расходѣ въ годъ бываетъ и на что именно“. Черезъ два года Кабинетъ пожелалъ, очевидно, узнать, какія произошли за этотъ періодъ измѣненія въ денежныхъ оборотахъ полиціи, и 18 мая 1737 г. (т. VI, стр. 303) вновь приказалъ подать изъ полиціи вѣдомость о ея приходахъ и расходахъ. Спустя еще два года съ половиной — 27 ноября 1739 г. (т. X, стр. 554), опять сдѣлано

---

[1]) „А въ прочія губерніи послать указы, велѣть тѣ репорты, по прежде посланнымъ изъ Сената и изъ камеръ-коллегіи указамъ, отослать въ ту коллегію безъ всякаго замедленія, а покамѣстъ тѣ репорты, изъ которыхъ губерній отосланы будутъ, то посланнымъ изъ камеръ-коллегіи для понужденія въ присылкѣ тѣхъ репортовъ, по регламенту той коллегіи, брать съ губернаторовъ и съ воеводъ и съ товарищей ихъ, также и съ секретарей, изъ собственныхъ ихъ пожитковъ, жалованье, по ихъ окладамъ, сколько они тамъ для того будутъ, со всѣхъ, а не съ одного, вдвое; а для чего по се время тѣ репорты въ оную коллегію не отосланы, о томъ, для положенія за неприсылку тѣхъ репортовъ штрафа, въ Сенатъ отвѣтствовать на срокъ, по генеральному регламенту.

Распоряженіе Сената.

распоряженіе полицеймейстерской канцеляріи дать извѣстіе: „сколько и какихъ именнно въ вѣдомствѣ той канцеляріи въ годъ денегъ собирается и куда и на какіе именно расходы употребляютъ“. И, когда канцелярія замедлила доставленіемъ свѣдѣній, министры приказали: совѣтника полиціи и секретарей, пока требуемую въ Кабинетъ вѣдомость о приходѣ и расходѣ денежной казны не подадутъ, держать въ полицеймейстерской канцеляріи скованныхъ подъ карауломъ и при нихъ неотлучно быть отъ Кабинета ѣздовому или курьеру (20 декабря 1739 г., т. X, стр. 630).

V. По разнымъ учрежденіямъ.

Дѣламъ конюшеннаго и сибирскаго приказовъ Кабинетъ удѣлилъ свое вниманіе и затребовалъ отъ нихъ свѣдѣнія черезъ мѣсяцъ послѣ вступленія въ новыя обязанности. 6 декабря 1731 г. (т. I, стр. 64) отъ *конюшен. приказа* велѣно взять вѣдомость“ сколько въ прошломъ 1730 и въ нынѣшнемъ 731 годѣхъ въ тотъ приказъ было въ приходѣ денегъ, и что изъ того числа въ расходѣ и на какія званіями дачи“. 13 декабря 1731 г. (т. I, стр. 79) это требованіе было повторено. А 5 января 1732 г. (т. I, стр. 133) приказано поданныя вѣдомости отдать къ расмотрѣнію въ конюшенную коммиссію. 22-го же мая 1733 г. Волынскій представилъ извѣстіе „о прежнихъ доходѣхъ конюшеннаго приказу и что принято въ прибавокъ“ (т. II, стр. 229).

Изъ Сибирскаго приказа, 2 Декабря 1731 г. (т. I, стр. 60) затребованы подробныя вѣдомости: „сколько, *съ начала 730* года по нынѣшній декабрь мѣсяцъ, было въ приходѣ денегъ и товаровъ по цѣнѣ; съ того же числа понынѣ сколько денегъ и товаровъ по цѣнѣ въ расходѣ и на какія дѣла порознь и по какимъ указамъ“. Далѣе слѣдовало повтореніе (13 Дек. 1731 г., I т., стр. 79) и передача вѣдомостей на разсмотрѣніе въ Сибирскую коммиссію (5 Янв. 1732 г., стр. 133).

12 Іюня 1732 г. (т. I, стр. 302) приказано „взять вѣдомость изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, почему сбирается въ казну въ *Малой Россіи* съ казаковъ и куфъ и другихъ какихъ поборовъ“.

Особенное вниманіе обратилъ Кабинетъ на *коллегію экономіи*, для которой спеціально составленъ необычно обширный реестръ, состоящій изъ 14 пунктовъ, и по этому реестру приказалъ сочинить вѣдомости о приходѣ и расходѣ и прочихъ

дѣлахъ (18 Марта 1736 г., т. V, стр. 123—124). Но и по данному случаю едва ли удалось получить просимыя свѣдѣнія. Но крайней мѣрѣ спустя три съ половиной года ихъ еще не было получено, и въ журналѣ за 3 Октября 1739 г. (т. X, стр. 327) имѣется отмѣтка о доношеніи коллегіи экономіи, что вѣдомости о приходѣ и расходѣ и проч. собрать опредѣлено, а относительно Кіевской, Черниговской и Переяславской епархій и Кіево - Печерскаго монастыря коллегія сдѣлала запросъ, „брать ли такія же вѣдомости, понеже оныя епархіи и монастыри въ той коллегіи ничѣмъ невѣдомы“. Въ отношеніи Александро-Невскаго монастыря была потребована, 8 Марта 1738 г. (т. VIII, стр. 155), спеціальная вѣдомость“ сколько съ вотчинъ и съ другихъ со всякихъ мѣстъ положено въ годъ доходовъ деньгами, хлѣбомъ и прочими запасами, расписавъ по званіямъ и каждую вещь суммою порознь“.

2 Февраля 1736 г. (т. V, стр. 52) потребована вѣдомость изъ *городовой канцеляріи* о ея приходахъ и расходахъ.

5 Февраля 1736 г. (т. V, стр. 56) получена отъ прокурора камеръ-коллегіи вѣдомость „сколько съ 732-го по 735-й годъ таможенныхъ и кабацкихъ и прочихъ сборовъ, по окладу надлежало собрать и сколько въ сборѣ и въ доимкѣ“.

Изъ приведеннаго выше краткаго обзора видно, что требованіе вѣдомостей о приходѣ и расходѣ не относилось всецѣло или преимущественно къ какому-либо одному или немногимъ видамъ категорій. Наоборотъ вниманіемъ Кабинета пользовались многія категоріи. Вся разница между ними заключалась лишь въ обширности матеріала. По наиболѣе крупнымъ по суммѣ и сложнымъ статьямъ (какъ наприм. чрезвычайные расходы, артиллерійскіе, адмиралтейскіе, по коллегіи экономіи требовались, сравнительно, съ другими подробныя свѣдѣнія и за болѣе продолжительный періодъ, а по остальнымъ ограничивались меньшими заданіями. Не замѣчается какой либо опредѣленности и въ срокахъ требованія вѣдомостей. Очевидно, выборъ рода доходной и расходной статьи и моментъ требованія по нимъ вѣдомостей обусловливались исключительно потребностями и спросомъ *текущей* государственной дѣятельности. Когда возникалъ извѣстный вопросъ, тогда и требовался необходимый для его разрѣшенія матеріалъ. При нормальныхъ условіяхъ нужныя свѣдѣнія могли бы получаться непосредственно изъ матеріаловъ, имѣющихся въ самомъ Кабинетѣ. Если же Кабинетъ обращался за ними въ другія учрежденія, то, понятно, по-

тому, что онъ самъ не имѣлъ ихъ и часто не зналъ источника дохода или расхода.

Желаніе получить подробныя свѣдѣнія по наиболѣе крупнымъ статьямъ свидѣтельствовало о самомъ внимательномъ и добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу личнаго состава Кабинета Министровъ. Но его стремленія большею частью не осуществлялись. Причины такихъ неудачъ, какъ указывалось уже въ главѣ XV, заключались въ общей хаотичности тогдашняго хозяйства государства. По донесенію Смоленскаго губернатора Бутурлина не только не было „ни малѣйшаго порядка“ въ сборѣ доходовъ и въ ихъ расходованіи, но и сама отчетность находилась въ такомъ состояніи, что разобраться въ ней и составить вѣрныя вѣдомости было дѣломъ чрезвычайной трудности (проф. А. Н. Филиппов, „Сенатъ“ стр. 584). „Годъ отъ году губернскихъ приходовъ и расходовъ денежной казны—писалъ Бутурлинъ — досконально познать не безъ труда“ (29-го Ноября 1739 года, т. X, стр. 687).

Требовались вѣдомости преимущественно въ типичной для Кабинета формѣ—записками или личными приказами, передаваемыми черезъ секретарей учрежденій. Указы объ этомъ писались очень рѣдко и лишь въ особо важныхъ случаяхъ (наприм. указы: 1) Сенату отъ 21 Мая 1739 г. объ адмиралтейскихъ суммахъ, 2) штатсъ-конторѣ 6 Февраля 1736 г. о предварительномъ разрѣшеніи расходовъ на Январскую треть 1736 г. и сообщеніе о томъ же Сенату 27 Марта 1736 года).

Практика полученія вѣдомостей существовала двоякая: требовали ихъ изъ Сената, и изъ коллегій и даже болѣе низшихъ учрежденій. Обращаясь къ первоисточникамъ, Кабинетъ преслѣдовалъ, очевидно, цѣль быстроты полученія и, можетъ быть, еще и присылки съ мѣстъ болѣе подробныхъ и свѣжихъ свѣдѣній. Но при неудовлетвореніи этими свѣдѣніями Кабинетъ обращался къ помощи Сената. Во всякомъ случаѣ Сенатъ являлся средоточіемъ всѣхъ финансовыхъ свѣдѣній и ему принадлежало право непосредственнаго управленія финансами. Сенатъ, какъ доказано приведенной выше практикой, даже входилъ въ Кабинетъ съ представленіемъ объ отмѣнѣ тѣхъ его рѣшеній, какія Сенатъ считалъ непріемлемыми.

ГЛАВА XVII.

Общее состояніе государственной кассы.

Государственное хозяйство періода Анны Іоанновны отличается двумя крупными отрицательными свойствами:

1) отсутствіемъ правильныхъ ежегодныхъ государственныхъ росписей

и 2) отсутствіемъ единства кассы.

Камеръ-коллегія собирала всякіе государственные доходы по прежней 1724 года окладной книгѣ, которая уже устарѣла и отстала отъ дѣйствительной жизни (глава XV). Это положеніе само по себѣ вызывало тяжелыя послѣдствія. Жизнь шла впередъ, потребности естественно росли, а доходы оставались тѣ же. Нормальное теченіе государственныхъ расходовъ нарушалось, затруднялось выполненіе государственныхъ потребностей, а отсюда возникали постоянныя жалобы на недостачу денегъ и требованіе ихъ отъ верховнаго правленія.

Что касается кассоваго устройства, то это былъ начальный періодъ такъ называемой *децентрализаціи* кассъ [1]), когда еще не существовало одной центральной кассы и дѣйствовали отдѣльныя кассы у каждаго вѣдомства. Россія того времени, однако, даже и для этого періода не вполнѣ подходила, по крайней мѣрѣ, къ стадіи его полнаго развитія. И при *децентрализаціи* кассъ *все-таки существуетъ центральная касса для избыточныхъ суммъ*, куда отдѣльныя кассы отсылаютъ остатки, если таковые имѣются. Между тѣмъ въ Россіи только съ 1781 г. были открыты въ Петербургѣ и въ Москвѣ „казначейства для остаточныхъ суммъ“ (П. С. З. №№ 15039 и 15111), въ которыя должны были поступать суммы, оставшіяся за удовлетвореніемъ государственныхъ расходовъ по штатамъ и указамъ, да и то не

---

[1]) Профессоръ Озеровъ „Основы финансовой науки“, выпускъ 2, страницы 17 и 46.

для всѣхъ учрежденій [1]). До этого же времени остаточныя суммы, если таковыя имѣли мѣсто, сосредоточивались въ разныхъ учрежденіяхъ (глава XIV, раздѣлъ „в“, пунктъ 8-й). При Алексѣѣ Михайловичѣ онѣ поступали въ приказъ тайныхъ дѣлъ, при Петрѣ I—въ его кабинетъ. Что касается періода царствованія Анны Іоанновны, то при ней остаточныя суммы должны были поступать къ генералъ-поручику Волкову (указъ № 5779 отъ 15 іюня 1731 г.). Впрочемъ, вѣдомство генерала Волкова, въ кассовомъ отношеніи, выполняло смѣшанныя функціи: къ нему же поступали суммы, вырученныя отъ продажи отписного и выморочнаго имущества (П. С. З. № 5779) и затѣмъ, отчасти, доимочныя деньги (П. С. З. 5873 и гл. XIV, разд. „а“, пунктъ 2-й). Такимъ образомъ вѣдомство генерала Волкова правильнѣе было бы наименовать „резервнымъ казначействомъ“, какъ это и было въ дѣйствительности.

Изъ соединенія двухъ указанныхъ отличительныхъ свойствъ образовалась особенность того времени—спеціализировать источники дохода, т.-е. каждому ожидаемому доходу давать опредѣленное назначеніе для расхода. Но спеціализація суммъ не освобождала отъ дефицитовъ. Поэтому въ конечномъ результатѣ получались центральнымъ правительствомъ неизбѣжныя жалобы и требованія по недостающимъ суммамъ. Въ силу положенія, которое занималъ Кабинетъ Министровъ, всѣ эти выраженія мѣстныхъ финансовыхъ нуждъ и бюджетныхъ дефицитовъ, получали полностью свое отраженіе въ его „бумагахъ“. Изъ нихъ, конечно, нельзя составить бухгалтерскаго баланса бюджета всего государства. Но они даютъ нѣчто большее: они даютъ картину, яркую иллюстрацію финансоваго положенія Россіи того времени, и при помощи ихъ получается полное освѣщеніе общаго состоянія государственной кассы.

При изложеніи предыдущихъ главъ до извѣстной степени приходилось касаться и состоянія государственной кассы, при чемъ послѣднее обрисовывалось всегда совершенно опредѣленно. Прямо или косвенно, но вездѣ испытывалось одно и то же: крайній недостатокъ въ деньгахъ. Это положеніе само по себѣ не вызываетъ никакихъ сомнѣній. Финансовая скудость госу-

---

[1]) Не всѣ вѣдомства и учрежденія обязаны были доставлять остаточныя суммы въ учрежденныя казначейства. Исключеніе изъ общаго правила составляли: военно-сухопутная и морская части, полки гвардіи, Кабинетъ Императорскаго Величества, Коллегія иностранныхъ дѣлъ, Банки, Приказы, Общественнаго призрѣнія и Воспитательные дома, которые хранили остаточныя суммы на основаніи особыхъ установленій, не препровождая ихъ въ остаточныя казначейства.

дарства дѣйствительно представляла несомнѣнный фактъ, и она проходила красной нитью черезъ всѣ правительственныя мѣропріятія и спошенія и обращалась какъ бы въ хроническій недугъ.

Для того, однако, чтобы полнѣе опредѣлить степень недостачи кассоваго наличія и затѣмъ, самое главное, выяснить ея свойства и послѣдствія,— необходимо сдѣлать хотя бы самый краткій обзоръ выраженій этой нужды и способовъ борьбы съ нею правительства.

Недостача денегъ.

При общемъ обзорѣ, въ главѣ IV-й, выяснилось, что изъ числа всѣхъ „бумагъ“, проходившихъ черезъ Кабинетъ, относилось къ вопросамъ военнымъ и финансовымъ (вмѣстѣ) 68%. Такой высокій процентъ, какъ сказано въ этой главѣ, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ направленіи и интересахъ верховнаго правительства: это было государство военно-финансовое, у котораго всѣ остальные вопросы, составлявшіе 32%, представляли какъ бы простой неизбѣжный придатокъ къ основному крупному организму.

Жизнь того времени, въ смыслѣ различія финансовыхъ заботъ и потребностей, можно расчленить на три основныхъ группы: 1) дворъ, 2) войско и 3) остальныя государственныя потребности.

Параллельное разсмотрѣніе этихъ различныхъ группъ подъ однимъ угломъ финансоваго освѣщенія тѣмъ болѣе важно, что, при такомъ построеніи, казалось бы, должна болѣе рельефно обрисоваться степень обезпеченности государственной кассы. Такимъ образомъ образовываются слѣдующія бюджетныя группы:

1) содержаніе Двора,
2) содержаніе адмиралтейства,
3) военно-сухопутныя потребности,
4) прочія государственныя потребности
и 5) содержаніе приказныхъ и разныхъ канцелярскихъ служителей. Эту послѣднюю группу необходимо выдѣлить въ силу совершенно исключительнаго положенія и вліянія этого служилаго класса.

1) *Содержаніе Двора.*

Состояніе кредитовъ Двора въ настоящее время можно считать выясненнымъ совершенно опредѣленно. При разработкѣ

„бумагъ“ по XIV главѣ (раздѣлъ „в“, пунктъ 2-й) выяснилось, что Дворъ задерживалъ свои платежи на нѣсколько лѣтъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, по счету Растрелли, даже по истеченіи нѣсколько лѣтъ платили неполную сумму, а съ значительной скидкой съ суммы счета. Разъ дошло до того (25 іюня 1732 г.), что Царица прислала въ Кабинетъ указъ о томъ, что „въ Нашей Дворцовой Канцеляріи *положенной суммы денегъ на покупку про обиходъ Нашъ всякихъ припасовъ не достаетъ*“. Императрица требовала 50.000 р., которыхъ не оказалось и у Кабинета. Ихъ искали по всему городу, по разнымъ мѣстамъ черезъ „ѣздовыхъ“, и съ трудомъ нашли въ трехъ кассахъ.

На содержаніе Двора отпускалась опредѣленная сумма; но этой положенной суммы вообще не хватало. И потому различные предметы роскоши для самой Императрицы и прочіе расходы Двора оплачивались изъ самыхъ различныхъ источниковъ: изъ доимочныхъ суммъ, изъ суммъ сибирскаго приказа, изъ сборовъ города Архангельска, изъ ревельскихъ доходовъ, изъ коммиссаріатскихъ суммъ, изъ камеръ-коллегіи, изъ соляной конторы и изъ штатсъ-конторы. Пользованіе всѣми этими источниками установлено въ XIV главѣ путемъ изслѣдованія по „бумагамъ“. Но возможно—и даже вѣроятнѣе всего,—что черезъ Кабинетъ проходили не всѣ случаи пользованія посторонними источниками для надобностей Двора, и это пользованіе имѣло въ дѣйствительности значительно болѣе широкіе размѣры.

Итакъ дефицитъ, и при томъ хроническій, начинался прежде всего со Двора Императрицы, который не имѣлъ возможности всегда удовлетворять свои потребности изъ своихъ спеціальныхъ средствъ и иногда, какъ указано выше, доходилъ до такой крайней степени, что ему „на покупку про обиходъ Нашъ всякихъ припасовъ не достаетъ“.

2) *Содержаніе адмиралтейства.*

На содержаніе адмиралтейства при Аннѣ Іоанновнѣ ассигнованіе въ 1731 году, съ 1.400.000 р. (опредѣленныхъ по бюджету 1725 года), уменьшилось до 1.020.000 р. (указъ 13 августа), а въ 1734 г. назначено 1.200.000 р. (т. IX, стр. 5), счета адмиралтейства съ плательщиками вообще были запутаны и, кромѣ того, сборы поступали неисправно, что вызвало принятіе

особыхъ мѣръ и командировку на мѣста, для взысканія доимки, особыхъ офицеровъ „обрѣтающихся у слѣдствія адмиралтейской доимки“ (глава XI, п. 11-й и глава XII, пунктъ „г“).

Недостача денегъ въ адмиралтействѣ стала проявляться особенно остро съ 1735 года. Въ этомъ году адмиралтейская коллегія объявила, что „на указные расходы въ деньгахъ имѣетъ крайнюю нужду“. Поэтому Кабинетъ далъ распоряженіе Сенату отпустить адмиралтейской коллегіи взаимообразно изъ коммиссаріатской конторы 30.000 р. (5 іюля 1735 г., т. IV, стр. 248).

Въ февралѣ 1737 г. адмиралтейская коллегія представила, что „въ заготовленіи къ донской и украинской экспедиціямъ потребныхъ къ судамъ въ такелажъ и прочихъ припасовъ, къ наличнымъ въ прибавокъ, *за недостаткомъ денежной казны* исправиться не можетъ“ (т. VI, стр. 88).

Въ апрѣлѣ 1737 г. адмиралтейская коллегія представила новое доношеніе, что опредѣленный при кронштадтскихъ строеніяхъ баронъ Люберасъ требуетъ на строеніе канала и доковъ 150.000 р., въ томъ числѣ на уплату за произведенныя уже работы и принятые матеріалы 58.570 р., „и оные подрядчики, а наипаче работные люди *просятъ о выдачѣ тѣхъ денегъ неотступно, объявляя, что находятся они въ крайней бѣдности.* А понеже отъ адмиралтействъ-коллегіи не токмо вышеупомянутою требуемою суммою нынѣ удовольствіе учинить невозможно, но и на оплату показаннымъ работнымъ людямъ и подрядчикамъ той денежной казны отпустить не изъ чего... адмиралтействъ-коллегія проситъ... впредь до полученія изъ провинцій суммъ, положенныхъ на адмиралтейство отпустить, откуда всемилостивѣйшее Вашего Императорскаго Величества соизволеніе будетъ хотя до 100.000 рублей, дабы вышеупомянутые работные люди отъ крайней бѣдности не разошлись, такожъ при нынѣшнемъ ко исправленію работъ удобномъ времени остановки и упущенія тѣмъ работамъ не учинилось“. Министры поручили разсмотрѣніе дѣла Сенату (15 мая 1737 г., т. VI, стр. 296 и 297). Сенатъ донесъ, что „за недосылкою въ положенное число на адмиралтейство суммы, не токмо тѣхъ расходовъ, но и къ заготовленію къ множественному числу строющихся судовъ въ тѣхъ экспедиціяхъ такелажа и другихъ припасовъ, матеріаловъ и артиллеріи и на дачу будущимъ тамо служителямъ жалованья исправиться неможно“. Въ отвѣтъ былъ посланъ 4 января 1738 г. именной указъ Сенату: „по ихъ (командировъ по строенію судовъ) требованіямъ отпускать безъ

задержанія, чего Сенату самому затѣмъ смотрѣть, чтобы все-конечно по тому исполненіе было, ибо то неисполненіе взыщется на Сенатѣ“ (т. VII, стр. 4).

Для того, чтобы какъ нибудь заполнить нужду по строенію Кронштадтскаго канала и доковъ, собирали деньги вездѣ по кассамъ, даже по мелочамъ. Такъ, по указу отъ 3 іюня 1737 г. (П. С. З. № 7269) велѣно отпустить въ адмиралтействъ-коллегію деньги изъ слѣдующихъ кассъ: 1) въ Петербургѣ изъ штатсъ-конторы принятыхъ изъ коммерцъ-коллегіи для малороссійскихъ расходовъ—983 р. 21 к., 2) изъ камеръ-конторы, изъ прибыльныхъ—3.705 р., 3) изъ канцеляріи конфискаціи „взятыхъ съ отписныхъ дворовъ, съ садовъ и вычетныхъ у капрала Ушакова, по дѣлу сержанта Боброва, данныхъ отъ него взаимно ему Ушакову казенныхъ денегъ, и взысканныхъ за откупъ питейной продажи“ 166 р. 56 к., 4) изъ юстицъ-коллегіи крѣпостного сбора 1.000 р., 5) изъ коммерцъ-коллегіи за проданную бѣлую бумагу—1000 р., 6) изъ портовой таможни—„огневыхъ и мостовыхъ, которыя подлежатъ къ адмиралтейству, изъ внутренняго и мелочного сбора“ 2.520 р. 53 к., 7) изъ печатной конторы—200 р. и 8) изъ штатсъ-конторы—12.440 р., итого 23.015 р. 30 к. Затѣмъ 17 января 1738 г. (П. С. З. № 7488) изданъ указъ, чтобы „впредь адмиралтейскихъ доходовъ въ посторонніе никакіе расходы, кромѣ именныхъ изъ Кабинета Ея Императорскаго Величества указовъ, отнюдь не держать“.

Но всѣ эти мѣры были слишкомъ палліативны. Коренныя причины не устранялись и недостатокъ въ деньгахъ не уменьшался: по донесенію адмиралтейской коллегіи никогда „*положенный окладъ въ отпуску сполна не бываетъ*“. Адмиралтейской коллегіи, по прежнему, давали иногда деньги взаимообразно: въ 1737 г. отпустили изъ соляной конторы 100.000 р., а въ 1738 г.—отъ генерала Волкова—200.000 р. Но доимка все росла, и къ концу 1738 г. недосылъ изъ губерній и провинцій суммы, положенной на адмиралтейство, достигъ уже 2.394.605 р. $47^1/_2$ к., т. е. почти двухгодичнаго оклада. При такомъ положеніи сдѣланные временные займы въ 100 и даже въ 200 тысячъ, конечно, являлись средствами недостаточными, и адмиралтейская коллегія вновь представила, 26 декабря 1738 г., донесеніе, что „за неимѣніемъ денежной казны, многіе служители еще и на январьскую треть сего 1738 г. жалованья не получали, отчего претерпѣваютъ немалую нужду, а адмиралтейскія разныя починки и прочія исправленія пришли въ крайнюю

остановку, понеже нынѣ здѣсь при адмиралтействѣ денежной казны имѣется на лицо только 628 р. 53 к., и тѣ употребляются токмо на дачу посылаемых въ разныя мѣста съ нужнѣйшими Вашего Императорскаго Величества указами прогоновъ и на другіе нужнѣйшіе малые расходы“ (т. IX, стр. 5—7). Доношеніе передано опять въ Сенатъ, а Сенатъ донесъ, что штатсъ-контора „за другими нужнѣйшими, по указамъ, отправленіями, къ скорому удовольствію адмиралтейства, деньгами въ несостояніи находится“. Въ результатѣ послѣдовало старое средство—заимообразный отпускъ съ денежных дворовъ 100.000 р. (т. IX, стр. 286 и т. X, стр. 285)

Далѣе примѣнили еще нѣкоторыя средства. Кабинетъ распорядился во 1-хъ) сократить работы и „судовое строеніе производить только зачатых судовъ, чего ради и работных людей велѣно оставить потребное число, расположа по пропорціи, а излишних отпустить“ (т. X, стр. 287) и 2) желая выяснить причины хроническихъ дефицитовъ, затребовалъ обширныя свѣдѣнія о томъ, сколько собиралось и расходовалось денегъ съ 731 по 739 годъ. Но эти свѣдѣнія, по обыкновенію, оказалось „учинить невозможно“. Въ 1740 г. доимка уменьшилась до 507.421 р. 92 к., и Сенатъ прислалъ успокоительное донесеніе „впредь что на 740 г. собираться будетъ, съ добрымъ смотрѣніемъ въ надлежащихъ адмиралтейскихъ потребностяхъ исправиться возможно“ (т. XI, стр. 125). Но вообще какъ доимка, такъ и дефициты оставались неустраненными до самаго конца періода, и флотъ влачилъ, вѣроятно, самое жалкое существованіе. Отсюда понятно, что и суда—по выраженію профессора Ключевскаго—„строились по системѣ тяпъ-ляпъ и, по окончаніи войны, признаны были никуда негодными“ (IV ч. „Русской исторіи“, стр. 397).

3) *Военно-сухопутныя потребности.*

Военно-сухопутные расходы, по своимъ кредитамъ дѣлились на три различныхъ группы:

а) на содержаніе арміи, положенное на подушную подать,

б) на нерегулярныя и прочія войска, содержимыя за счетъ неположенных въ штатъ доходовъ

и в) чрезвычайные расходы.

а) *Содержаніе арміи, положенное на подушную подать.*

Первая группа, сравнительно съ остальными, находилась въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ: она имѣла опредѣленный

и спеціально для нея назначенный источникъ дохода — это подушную подать [1]). Но и это условіе не гарантировало правительство отъ дефицитовъ, а войска—отъ крайней нужды. Виною этому было неаккуратное и неполное поступленіе податп, что постепенно влекло къ увеличенію доимки, а накопленіе доимокъ было, въ свою очередь, тоже слѣдствіемъ цѣлаго ряда неблагопріятныхъ условій, подробно разсмотрѣнныхъ въ главѣ V и III отдѣлѣ.

На сколько развивалась доимка, видно изъ того, что по 734-й годъ считалось доимки подушной подати всего лишь 845.967 р. (указъ 23 января 1735 г.—П. С. З. № 6674), а къ 15 января 1739 г. числилось уже 1.622.908 р., и то лишь по вѣдомостямъ 119 городовъ, а изъ 94 городовъ вѣдомостей не было получено; слѣдовательно, дѣйствительная сумма доимки была значительно больше 1.622.908 р., составляя, быть можетъ, удвоенную сумму доимки 119 городовъ.

Причины и послѣдствія такого положенія указаны оффиціально въ докладѣ Сената отъ 26 января 1736 г. (П. С. З. № 6872): „нѣкоторые жъ *полки* отъ хлѣбнаго недорода и за побѣгомъ крестьянъ и прочими припадками полной суммы подушнаго сбора со своихъ дистриктовъ собрать не могутъ, и затѣмъ въ *жалованьи и прочемъ претерпѣваютъ нужду*“. Въ 1739 году положеніе еще болѣе ухудшилось. Сенатъ доносилъ въ Кабинетъ, что „въ настоящемъ довольствіи и снабденіи регулярныхъ войскъ въ деньгахъ состоитъ крайняя нужда“ (т. IX, стр. 366).

Съ мѣстъ получались также весьма неутѣшительныя извѣстія. Напримѣръ въ 1736 году генералъ-фельдмаршалъ Лесси доносилъ, что „команды его полки верхнимъ и нижнимъ мундиромъ весьма обносились, а рекруты, коихъ при полкахъ имѣется много, и ружья не имѣютъ и безъ всякаго мундира и обуви, особливо въ полки подъ Азовъ, отпущены. А которые тѣмъ рекрутамъ платье изъ домовъ дано, оное до сего времени, при тяжкихъ работахъ, все изношено, такъ что оные *весьма наги и боси находятся*, и отъ того будучи при нынѣшнихъ военныхъ случаяхъ, *претерпѣваютъ несносную нужду и впадаютъ въ жестокія болѣзни, многіе умираютъ, а другіе къ службѣ вовсе негодны становятся*“ (т. V, стр. 302).

---

[1]) Въ докладѣ Сената отъ 3 апрѣля 739 г. сказано: „подушнаго сбора денежная казна употребляется на содержаніе и довольство регулярныхъ войскъ и прочіе положенные по штату и сверхъ штата, по особливымъ указамъ воинск. расходы“ (т. IX, стр. 366).

Въ томъ же году изъ вѣдомостей военной коллегіи Кабинетомъ усмотрѣно, что „провіанта потребно приготовить великое число, а *на лицо денегъ* и что опредѣлено отправить *будетъ недовольно*“ (т. V, стр. 33).

Въ мартѣ 1737 г. сенатская контора прислала сообщеніе, что согласно вѣдомости военной конторы надлежитъ отпустить и выдать 625.370 р. 42 к., а въ конторѣ имѣется на лицо только 78.441 р. 16 к.; кромѣ того, числилось за разными мѣстами 1.014.454 р. 97 к., „а присутствующіе тѣхъ мѣстъ объявляютъ, якобы, за неимѣніемъ денегъ, отпустить не изъ чего“ (т. VI, стр. 141).

Въ апрѣлѣ 1737 года получено въ Кабинетѣ доношеніе бригадира и оберъ-штеръ-кригсъ-коммиссара Полибина, что „армейскимъ драгунскимъ и пѣхотнымъ полкамъ на сентябрьскую прошлаго 736 г. треть *денежное жалованье* производится, а на нынѣшнюю *генварьскую треть*, за неприсылкою отъ военной коллегіи денежной казны, *произвесть не изъ чего*“ (т. VI, стр. 233).

Военная коллегія, въ апрѣлѣ 1737 г., представила докладъ, „чтобы на содержаніе кадетскаго корпуса, *для настоящей въ деньгахъ нужды*, впредь положенную сумму отпускать къ наличнымъ остаточнымъ въ томъ корпусѣ, деньгамъ по третямъ года“ (т. VI стр. 239).

Князь Барятинскій доносилъ въ маѣ 1737 г.: 1) что „*на заплату* за остальные 5000 ручницъ *денегъ*, *за неимѣніемъ наличныхъ*, *послать не изъ чего*, и требуетъ, чтобъ откуда отпустить заимообразно, которыя, по окончаніи нынѣшней войны, возвращены быть могутъ“ и 2) „въ покупкѣ и поставкѣ недоставленнаго (провіанта) старается, токмо у него *денежной казны за расходами малое число*“ (т. VI, стр. 294).

Этими примѣрами, конечно, не исчерпываются всѣ случаи донесеній о недостачѣ денежной казны. Они приведены лишь въ видѣ иллюстраціи дефицитовъ по группѣ „а“.

Недостача денегъ въ спеціальномъ источникѣ, до извѣстной степени, восполнялась двумя способами: во 1-хъ со стороны правительства — путемъ крупныхъ позаимствованій, преимущественно изъ „резервнаго казначейства“ генерала Волкова (глава XIV) и во 2-хъ со стороны войска — испытаннымъ уже средствомъ [1]) — сборомъ натурою, или по-просту мародерствомъ.

---

[1]) По словамъ Милюкова, и при Петрѣ I за продолжительно время отсутствія изъ Россіи русскіе полки, „плохо и несвоевременно получавшіе свое казенное жалованье, несомнѣнно должны были пополнять его реквизиціями и при-

Когда войска находились въ Польшѣ, то имъ разрѣшалось „собирать только то, что къ содержанію и пропитанію Нашего войска необходимо и потребно есть, безъ излишества и натурою, дабы войско Наше тѣмъ безъ нужды удовольствовано быть могло, а обывателямъ безмѣрной тягостью, а особливо денежными сборами, не происходило“. Но понятіе о границахъ необходимости и излишества слишкомъ растяжимо, и войска, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, полученнымъ Императрицей, позволили себѣ наложить въ Польшѣ „безмѣрный, и съ несноснымъ отягощеніемъ и принужденіемъ, тягостный контрибучный, и особливо денежный сборъ“, что имъ „подъ опасеніемъ жестокаго истязанія (приказано) весьма оставить“ (т. IV, стр. 332).

б) *Нерегулярные и прочіе войска, содержимые за счетъ неположенныхъ въ штатъ доходовъ.*

Неположеннымъ въ штатъ войскамъ приходилось еще хуже, чѣмъ опредѣленнымъ въ окладъ. Для примѣра приводится нѣсколько случаевъ.

12 мая 1734 г. получено въ Кабинетѣ доношеніе Смоленскаго вице-губернатора Князя Козловскаго: „отправлено де изъ Смоленска, въ прошломъ 733 году, въ Горы-Горки Рославльскаго драгунскаго *шквадрона* поручикъ 1, унтеръ-офицеръ 1, рядовыхъ 68, которые де, отъ неполученія жалованья и безъ мундира, *претерпѣваютъ несносную нужду*. И требуетъ указу, *эжалованье имъ производить* ли и *изъ какихъ доходовъ и по какому окладу* [1]) (т. III, стр 156).

4 октября 1735 г. поступилъ репортъ лейбъ гвардіи маіора Шипова „о находящейся *нуждѣ въ деньгахъ* и въ ружьѣ въ выведенныхъ изъ Персіи пѣхотныхъ полкахъ“ (т. IV, стр. 340).

9 марта 1737 г. послано министрами въ штатсъ-контору „сообщеніе, что, какъ видно изъ рапорта военной коллегіи, на довольствіе полковъ, неположенныхъ на подушный окладъ, „изъ штатсъ-конторы не токмо на нынѣшній годъ. но и на прошлые годы недослано денегъ многаго числа“. Штатсъ-конторѣ объявлено грозное Высочайшее повелѣніе и „наижесточайшее“ подтвержденіе: „надлежащія на содержаніе помянутыхъ полковъ

выкли содержаться въ значительной степени помимо русскаго бюджета“ („Гос. хоз.“ стр. 472).

[1]) Вопросъ объ этомъ эскадронѣ рѣшенъ окончательно 7 января 1739 г., т. IX, стр. 14—15.

деньги въ военную коллегію отпустить, ибо ежели во оныхъ полкахъ учинится какой недостатокъ и оттого солдаты претерпять нужды, то все взыскано будетъ на штатсъ-конторѣ съ немалымъ штрафомъ и истязаніемъ“ (т. VI, стр 138). Но штатсъ-контора, при всемъ желаніи, ничего не могла сдѣлать. Оказалось, что „оныхъ неположенныхъ на подушный сборъ полковъ, бывшихъ въ Персіи, было 12-ть, и имъ, и казакамъ на жалованье и провіантъ потребна ежегодно сумма въ 422.520 р.“ Штатсъ-контора на второй же день, 10-го марта 1737 г., объявила, что „въ бытность въ Персіи оные полки довольствовались изъ тамошнихъ доходовъ, а чего не доставало — изъ государственныхъ доходовъ. А нынѣ де отъ штатсъ-конторы немалые доходы отбыли, о чемъ въ томъ доношеніи показано; а *расходы* по разнымъ экспедиціямъ, *сверхъ приходу, превосходятъ многимъ числомъ; и затѣмъ на означенные полки денежной суммы отпустить не изъ чего*“ (т. VI, стр. 139).

1 іюля 1737 г. поступилъ докладъ отъ военной коллегіи „командированные изъ смоленскаго гарнизона въ Бѣлгородъ и въ Глуховъ два полка въ которомъ гарнизонѣ числить, и вмѣсто того *укомплектованные въ Смоленскъ рекрутами два полка изъ какой суммы содержать*“ (т. VI, стр. 403).

Относительно ландмиліціи и персидскаго корпуса полковъ въ 1739 году возникла цѣлая переписка. Генералъ Игнатьевъ просилъ подтвердить указами объ отпускѣ въ военную контору: изъ сибирскаго приказа — на содержаніе ландмилицкихъ полковъ, а изъ штатсъ-конторы — на содержаніе персидскаго корпуса полковъ недосланной денежной казны, „понеже *въ военной конторѣ денегъ нынѣ весьма мало*. И ежели изъ упомянутыхъ мѣстъ недосланной казны отпущено или откуда заимообразно дано не будетъ, то во отправленіи потребныхъ въ армію мундирныхъ и амунічныхъ вещей учинится всеконечная остановка“ (т. IX, стр. 57). Сибирскій приказъ отвѣтилъ, что „*на содержаніе ландмилицкаго корпуса денегъ отпустить не изъ чего*, за неполученіемъ долгу изъ генералъ-бергъ-директоріума, изъ штатсъ-конторы съ коммерцъ-коллегіи съ конторою, съ монетной канцеляріи, на которой 216.195 р. 67 $^1/_4$ к.“ (т. IX, стр. 150). Изъ послѣдующаго донесенія Игнатьева выяснилось, что сумма недосыла достигала крупныхъ размѣровъ: изъ Сибирскаго приказа, за время съ 733 по 739 г. — 334.915 р., а изъ штатсъ-конторы, со второй половины 736 г. и по 739 годъ — 375.831 р. Министры предложили Сенату подтвердить „накрѣпчайшими указами, чтобы такая сумма отъ сего времени,

конечно, въ мѣсяцъ была отпущена“ (т. IX. стр. 191—193). Но въ Сибирскомъ приказѣ, вмѣсто 334.915 р., оказалось на лицо только 700 р., и „требуемой на ландмилицкіе полки суммы отпустить не изъ чего“ (т. IX. стр. 287).

Недостатокъ денегъ въ государственныхъ кассахъ особенно ярко выступаетъ въ дѣлѣ выдачи подъемнаго жалованья казакамъ и калмыкамъ, возникшемъ въ 1739 году. По роспи-санію надлежало имъ выдать 98.750 р., а въ дѣйствительности выдано 62.211 р. 41 к. изъ подушнаго сбора. Чтобы покрыть этотъ расходъ, обратились сначала къ военной конторѣ. А та представила, „что готовыхъ денегъ не имѣетъ и ассигновать не изъ чего“. Затѣмъ нашли, что „надлежало отпустить изъ штатсъ-конторы, токмо въ томъ на оную контору надежды имѣть невозможно, ибо надлежитъ изъ тоѣ конторы, кромѣ адмиралтейства, нынѣ опустить на выведенные изъ Персіи полки и къ генералъ-маіору Игнатьеву на отправленіе къ арміи мундира и аммуниціи, такожъ и на прочія окладныя и нужнѣйшія необходимыя дачи, 1.382.014 р. 9 к.“. Тогда стали искать уже по всѣмъ кассамъ, и наконецъ, Сенатъ нашелъ слѣдующіе источники:

1)	„изъ коммерцъ-коллегіи сборныхъ за гербовую бумагу и оброчныхъ съ гостиннаго и мытнаго дворовъ и съ печныхъ амбаровъ и взятыхъ съ паспортовъ пошлинъ.	3.036	р. 44	к.
2)	сборныхъ же въ Петербургской портовой таможнѣ разныхъ званіевъ. . . .	5.048	„ 78	„
3)	изъ камеръ-конторы прибыльныхъ отъ водки и вина	3.949	„ 07	„
4)	прибавочныхъ	413	„ 28	„
5)	прибыльныхъ отъ пива	269	„ 65	„
6)	съ вольнодомцевъ на январьскую сего 1739 г. треть акцизныхъ	1.211	„ 33	„
7)	изъ слѣдственной о городовой канцеляріи коммиссіи сборныхъ, за взятіе подлогомъ изъ казны, и штрафныхъ.	1.199	„ 04	„
8)	изъ вотчинной коллегіи неположенныхъ въ штатъ	739	„ —	„
9)	изъ юстицъ-конторы такихъ же . . .	3.400	„ —	„
10)	въ оберъ цалмейстерской конторѣ взятыхъ съ церковниковъ	4.507	„ 28	„

11)	въ капцелярiи конфискацiи доимочныхъ	3.766 „	78 „
12)	штрафныхъ и конфискованныхъ . . .	2.971 „	97 „
13)	сборныхъ за описной дворъ пожилыхъ	50 „	— „
14)	въ штатсъ-конторѣ доимочныхъ . . .	1.500 „	76 „
15)	приборныхъ у отданныхъ на ратуши сборовъ.	2.108 „	70 „
16)	подъемныхъ за лошади.	18 „	— „
17)	взысканныхъ штрафныхъ денегъ за гербовую бумагу	65 „	24 „
18)	въ конторѣ конфискацiи доимочныхъ.	12.494 „	— „
19)	штрафныхъ	1.666 „	— „
20)	выморочныхъ.	88 „	— „
21)	конфискованныхъ	4.152 „	— „
22)	за негодныя аммуничныя вещи . . .	192 „	— „
23)	взысканныхъ съ бывшихъ вымѣна мелкихъ серебряныхъ денегъ компанейщиковъ	5.580 „	— „
24)	въ губернской канцелярiи подлежащихъ въ конфискацiю. „	1.229 „	— „

Всего по 24-мъ источникамъ найдено 59.656 р. 32 к.

Сенатъ, повидимому, обшарилъ всѣ кассы и взялъ все, что у нихъ было. И, не смотря на это, все таки не могъ набрать еще 2.555 р. 9 к., о которыхъ констатировалъ печальную истину, „которые хотя и опредѣлено отпустить изъ вышеписанныхъ же мѣстъ въ Москвѣ, ежели сверхъ нынѣ имѣющихся по вѣдомостямъ наличныхъ въ приходѣ будетъ *только на то къ скорому отправленiю* надежды не имѣется“ (т. IX, стр. 365—376). Этотъ двадцати-четырехпунктовый списокъ ясно свидѣтельствуетъ о крайнемъ истощенiи государственной кассы.

Въ 1740 году генералъ Румянцевъ донесъ, что „малороссiйскими доходами указныхъ расходовъ никакъ удовольствовать невозможно, и за прошедшую 1739 г. сентябрьскую треть сербамъ и венграмъ заимообразно взятое изъ индуктной суммы *жалованье* произведено, — а оная сумма положена на содержанiе ландмилицiи и мекленбургскаго корпуса, — а впредь *откуда производить невѣдомо*“ (т. XI, стр. 298, 478—484).

в) *Чрезвычайные расходы.*

Выполненіе военнаго бюджета представлялось затруднительнымъ вообще даже и при нормальномъ положеніи, когда не было войны [1]), а въ военное время напряженность въ средствахъ достигла крайнихъ предѣловъ. Въ результатѣ появились „чрезвычайные расходы“. Оказалось, что эти расходы имѣли два вида: 1-й) тѣ, „на которые имѣютъ быть повсегодно, якобы къ окладу армейскому приложенные“ и 2) единовременные — по особымъ указамъ (т. IV, стр. 271, 278, 279). Въ 1736-мъ году замѣтны чрезвычайныя мѣры, которыя стали приниматься для покрытія этихъ расходовъ. Отъ Сената поступило доношеніе „объ отпускѣ въ военную коллегію на содержаніе арміи, за недостаткомъ воинской суммы, заимообразно милліона“. Но дано только 300.000 р. [2]) (т. V, стр. 332). Затѣмъ отъ Сената же поступило предложеніе „объ отдачѣ въ вѣдомство штатсъ-конторы Сибирскаго приказа и прочихъ доходовъ на чрезвычайные расходы“ (т. V, стр. 332). Но это все таки не помогало.

Штатсъ-контора заявила категорически: „на чрезвычайные, по именнымъ Ея Императорскаго Величества и изъ Правительствующаго Сената указамъ, расходы употреблять статсъ-конторѣ не изъ чего“. Тогда пришлось дать разрѣшеніе пользоваться доимочными суммами (т. IX, стр. 455—456).

Кабинетъ Министровъ, въ виду крайней напряженности и истощенія средствъ, не ограничиваясь постоянными требованіями свѣдѣній о состояніи расходовъ, дошелъ до того, что взялъ на себя непосредственный контроль и учетъ воинскихъ суммъ. Въ журналѣ за 18 марта 1737 г. имѣется по этому поводу интересная запись: „призываны изъ подчиненныхъ военной коллегіи конторъ секретари, приказано имъ учинить настольныя тетради, сколько нынѣ имѣется гдѣ по мѣстамъ въ приходѣ воинской суммы денегъ и изъ того числа въ нынѣшнемъ году въ расходѣ и принесть въ Кабинетъ, и впредь, когда получены будутъ о приходѣ и расходѣ репорты, то повсенедѣльно приходить имъ въ Кабинетъ и въ тѣ тетради вносить, а таковыя жъ

---

[1]) Единственное исключеніе представляетъ 1732 г., отъ котораго осталось нѣсколько тысячъ (II. С. З. № 6261).

[2]) брали, по недостатку, и мелкими суммами. Напримѣръ 29 октября 1739 г. поступилъ рапортъ изъ канцеляріи монетнаго правленія, по резолюціи изъ Кабинета, въ военную коллегію „денегъ 70.000 р. на трехмѣсячный срокъ отпустить опредѣлено“ (т. X, стр. 421).

настольныя тетради имѣть и вписывать имъ у себя по конторамъ, чтобъ всегда о томъ готовое извѣстіе было. А покамѣстъ они тѣхъ тетрадей не учинятъ, по тѣхъ поръ держать ихъ въ конторахъ подъ карауломъ безвыходно, о чемъ приказано секретарю Демидову объявить въ военной коллегіи членамъ“ (т. VI, стр. 158).

Недостатокъ же средствъ побуждалъ Кабинетъ чрезвычайно внимательно относиться ко всякимъ расходамъ и соблюдать особенную экономію. Такъ Кабинетъ замѣтилъ, что артиллерійской канцеляріей, въ рапортѣ отъ 7 іюля 1735 г., „показано изъ бризуры контрогарда, который противъ болверка Зотова выломали тесаннаго плитнаго камня 12 сажень погонныхъ, да бутовой 1 сажень кубическая, которая и употреблена на оную жъ бризуру“. По этому поводу министрами, 9 іюля 1735 г., приказано подать вѣдомость изъ артиллерійской канцеляріи „для чего выломано и опять на ту жъ бризуру употреблено“ (т. IV, стр. 254).

Въ томъ же 1735 г. Кабинетъ усмотрѣлъ изъ репорта генерала Лесси „о производимыхъ Нашимъ помошникомъ войскамъ дачахъ мяса или денежной за оное цѣны“. Тогда генералу Лесси былъ посланъ, 15 іюля 1735 г., указъ: „понеже помянутымъ Нашимъ войскамъ для такого походу и на все время онаго продолженія знатный прибавокъ къ обыкновенному жалованью учрежденъ, то оные тѣмъ совершенно удовольствоваться могутъ и такую особливую дачу мяса, или высокой за оное денежной цѣны, имъ производить уже лишно, толь паипаче, понеже, по всему виду, оное послѣ не на цесарской, но на Нашъ счетъ поставлено быть имѣетъ“ (т. IV, стр. 264).

А въ 1736 году Кабинетъ министровъ издалъ распоряженіе примѣнять способъ питанія войскъ совершенно необычайный, по крайней мѣрѣ, по степени откровенности и отношенія къ нему, какъ вполнѣ естественному и нормальному дѣлу. Въ журналѣ за 13 апрѣля 1736 г. записано распоряженіе взять изъ военной коллегіи вѣдомость: „въ крѣпости Св. Анны сколько было гнилого провіанта и чтобъ тотъ гнилой провіантъ въ дачу производить, примѣшивая къ свѣжему четвертую часть, о томъ изъ Сената, когда указъ посланъ; по тому указу сколько въ расходѣ показано провіанта и сколько жъ надлежитъ быть въ примѣшиваніи онаго негоднаго, росписавъ тѣ дачи помѣсячно и нынѣ того негоднаго провіанта сколько есть на лицо“ (т. V, стр. 167, пунктъ 5-й). Дальше идти было некуда...

4) *Прочія государственныя потребности.*

При производствѣ расходовъ не говорилось о недостаткѣ денегъ только по двумъ статьямъ: коннозаводству и дипломатіи.

Въ главѣ VIII, пунктъ 3-й, установлено, что при устройствѣ заводовъ въ средствахъ не стѣснялись и выписали изъ-за границы всякихъ производителей, съ самыми прихотливыми сочетаніями: неаполитанскихъ, вѣпскихъ, персидскихъ, пѣмецкихъ и проч.

Не менѣе щедро расточались деньги на „презенты“ иностраннымъ посламъ и на разныя „экстраординарныя“ и „чрезвычайныя дачи“ по коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Для характеристики подобныхъ расходовъ слѣдуетъ привести нѣкоторые случаи, помѣщенные въ „бумагахъ“.

Выдано денегъ по-именно:

1) турецкому посланнику Саидъ-ефендію и его секретарю Махомедъ-ефендію (т. IV, стр. 562) 1.200 р.
2) голштинскому министру графу Бонде (I т., стр. 87) . . . . . 6.000 „
3) голштинскому министру графу Тесину (т. IV, стр. 562) . . . . . 6.000 „
4) польскимъ представителямъ:
   а) графу Потоцкому „въ награжденіе“ (т. I, стр. 112) . . . . . 10.000 „
   б) Князю Радзивиллу—12 т. и Князю Вишневецкому—6 т. (т. IV, стр. 10). . . . 18.000 „
   в) полномочному воеводы Краковскаго барону Морсковскому (т. IV, стр. 298). . 15.000 „
   г) на саксонскую канцелярію короля польскаго, „по домогательству“ посланника Ф. Сумма, „въ презентъ“, „въ заимность“ презенту, полученному отъ короля польскаго за „польское дѣло“ (т. VII, стр. 359) 3.000 „
5) отозванному обратно шведскому посланнику Дипмару на „такой отпускъ обыкновенный, въ такихъ случаяхъ чрезвычайнымъ коронованныхъ державъ посланникамъ презентъ“ (т. VIII, стр. 259). . . . . 3.000 „
6) Графу Ридержанцу „едино изъ консидераціи“ къ шведскому министру Горну (т. VIII, стр. 475). . . . . 1.000 „

7) римско-цесарскому министру гр. Остейну (т. IX, стр. 100) . . . . . 6.000 „
8) посланникамъ:
Датскому графу Дену—3 т. и Голштинскому графу Бондію—2 т. (т. V, стр. 284). . . . 5.000 „
9) и прочимъ (21.000—выданныя Дигимару 3 т. и Остейну 6 т. (т. X, стр. 647) . . . 12.000 „

Затѣмъ отпускалось въ коллегію иностранныхъ дѣлъ на „нѣкоторые экстраординарные расходы“, или „экстраординарныя“ (чрезвычайныя) дачи“:

въ	1733 году	(т. II, стр. 38)	12.000 р.
„	1734 „	3 т. (т. III, стр. 45) + 4 т. (стр. 90) + 6 т. (стр. 150) + 15 т. (стр. 191)	28.000 „
„	1735 „	25 т. (т. IV, стр. 90) + 15 т. (стр. 277).	40.000 „
„	1739 „	(т. IX, стр. 346).	5.000 „

Давали и цѣнными вещами:
персидскому послу собольихъ и горностаевыхъ мѣховъ до (т. V, стр. 186) . . . . . 3.000 „
въ коллегію иностранныхъ дѣлъ „на нѣкоторое дѣло“ собольи вещи (т. V, стр. 229) на. . 1.025 „
отправленнымъ на турецкій конгрессъ мягкой рухляди (т. VI, стр. 165) на . . . . . 4.000 „
на презенты корреспондентамъ „ради полученія черезъ нихъ о непріятельскихъ обращеніяхъ извѣстій“—соболей и иной рухляди (т. VI, стр. 189) на . . . . . 1.000 „

А на содержаніе персидскихъ пословъ регулярно, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, отпускались крупныя суммы:

въ	1736 г.	20 т. (т. V, 25, 86, 111) + 10 т. (стр. 486)	30.000 р.
„	1737 „	(т. VI, стр. 708).	20.000 „
„	1738 „	20 т. (т. VII, стр. 210) + 20 т. (т. VIII, 337)	40.000 „
„	1739 „	(т. X, стр. 132, 137)	20.000 „
		Всего издержано на однихъ персидскихъ пословъ	110.000 „

Но всѣ эти презенты и „дачи“, конечно, еще не свидѣтельствовали объ обиліи кассоваго наличія. Напримѣръ, русскій

посолъ при дворѣ турецкомъ, для того, чтобы произвести „потребные и необходимые расходы для высокихъ Ея Императорскаго Величества интересовъ“ самъ занималъ 15.000 р. у грековъ на векселя (т. IV, стр. 277 и 278). Приходилось и жалованье задерживать русскимъ посольствамъ потому, что „денегъ не имѣется“ (т. V, стр. 194 и 195 и т. VI, стр. 121). Между тѣмъ на презенты денегъ все-таки находили.

Въ „бумагахъ“ встрѣчаются, между прочимъ, указанія на выдачу денегъ даже „заимно“, напримѣръ: въ 1732 г. рижскимъ бургомистрамъ и мѣщанству дано 25.000 талеровъ на 5 лѣтъ (т. I, стр. 461 и т. II, стр. 51).

А въ государственной кассѣ дефицитъ обратился въ хроническое явленіе. Въ памятникахъ имѣются довольно частыя упоминанія о томъ, что задерживалась выплата донегъ даже по именнымъ указамъ. Причина задержки была вездѣ одна и та же—неимѣніе денегъ. Въ главѣ VIII былъ приведенъ, между прочимъ, довольно характерный случай неплатежа въ 1734 г. фабриканту Затрапезному по указу Императрицы 20 т., несмотря на подтвердительные указы Сената. Если впослѣдствіи, по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и удалось привести въ исполненіе указъ Императрицы, то лишь благодаря особымъ мѣрамъ, принятымъ Кабинетомъ. Въ сообщеніи Сената Кабинету отъ 19 апрѣля 736 г. написано, что „въ С.-Петербургѣ, въ штатсъ-конторѣ въ денежной казнѣ великій недостатокъ находится и въ положенныя мѣста и на чрезвычайные необходимые расходы требуютъ суммы немалой, а отпускать не изъ чего“ (т. V, стр. 177). Въ іюнѣ 1736 г. Сенатъ такъ писалъ Кабинету: „вашимъ сіятельствамъ небезъизвѣстно есть, что, за умаленіемъ въ штатсъ-конторѣ денежныя казны, *въ заплатъ въ положенныя мѣста великой состоитъ недостатокъ*“ (П. С. З. № 6999).

Въ февралѣ 1736 г. Кабинетъ министровъ прибѣгнулъ къ довольно необычной мѣрѣ. Онъ сдѣлалъ распоряженіе: „о всѣхъ (окладныхъ) расходахъ, которые по штату и особливымъ указамъ изъ штатсъ-конторы производятся, не давъ ассигнацій на генварьскую треть, подать въ Кабинетъ (обстоятельную вѣдомость) и, *не получа на то резолюціи, ассигнацій не давать и расхода не чинить*“ (т. V, стр. 62). Кабинетъ, очевидно, усумнился въ правильности и необходимости производства расходовъ и учинилъ имъ непосредственно предварительную ревизію.

Въ ноябрѣ 1736 г. Сенатъ представилъ доношеніе Импе-

ратрицѣ, что „въ штатсъ-конторѣ, на окладные и чрезвычайные расходы, въ деньгахъ крайній недостатокъ, отчего въ нужнѣйшихъ исправленіяхъ остановка учинится „и что, по донесенію штатсъ-конторы, „въ коллегіяхъ де, канцеляріяхъ, конторахъ и приказахъ денежной казны, подлежащихъ до штатсъ-конторы, за расходами и ассигнаціями, ничего на лицо не имѣется, и въ производженіи государственныхъ расходовъ учинилась конечная остановка“ (т. V, стр. 628). Тогда у Кабинета возникла мысль о пересмотрѣ и сокращеніи расходныхъ статей, и онъ сдѣлалъ распоряженіе Сенату „разсмотрѣть, какимъ впредь (расходамъ) необходимо потребно быть и которые можно отставить, понеже многіе излишніе и ненадлежащіе расходы являются, напримѣръ, о дачѣ статскимъ чинамъ жалованья противъ военныхъ чиновъ, дѣйствительно служащихъ при арміи, на что исходитъ въ годъ немалая сумма, и прочіе и тому подобные“ (т. V, стр. 630, 631).

3 іюля 1737 г. Сенатъ подалъ опять докладъ „о недостаткахъ въ штатсъ-конторѣ на расходы денежной казны“ (т. VI, стр. 414), что вызвало со стороны Кабинета вполнѣ основательное указаніе Сенату на одну изъ коренныхъ причинъ бюджетныхъ дефицитовъ: „хотя Правительствующій Сенатъ о прибавкѣ доходовъ требуетъ, однако жъ въ томъ никакое опредѣленіе учинить невозможно, пока о всѣхъ такихъ доходахъ и расходахъ упомянутыя табели (генеральная всего государства табель всѣхъ приходовъ и расходовъ, опредѣленныхъ по штату) собраны и въ Правительствующемъ Сенатѣ разсмотрѣны и Ея Императорскому Величеству представлено будетъ“.

Въ томъ же 1737 г. произошла задержка уплаты денегъ голландскимъ купцамъ за серебро, которое они ставили для передѣла въ монету, сверхъ количества, обусловленнаго контрактомъ, „понеже—писала канцелярія монетнаго правленія—не токмо за поставленное сверхъ контрактовъ серебро, но и за надлежащее по контрактамъ платежи здѣсь произвесть нечѣмъ“. Это вызвало суровую резолюцію Кабинета съ указаніемъ во 1-хъ) на небходимость точнаго исполненія контрактовъ: „такими поступками кредитъ потеряется“, и во 2-хъ) о скорѣйшемъ передѣлѣ денегъ: „чтобъ скорѣйшей передѣлкою серебра деньги умножились и, слѣдовательно, и казенная прибыль“ (П. С. З. № 7376). Въ слѣдующемъ 1738 г. вышелъ указъ „*о заключеніи контрактовъ* на поставку серебра съ надежными людьми, въ особенности *съ такими, которые впредь денегъ требовать не будутъ*“ (П. С. З. № 7497).

Конецъ царствованія Анны Іоанновны завершился оффиціальнымъ признаніемъ, что „за прошедшими чрезвычайными расходами... (за одну 1-ю половину 1740 г. ихъ произведено 456.319 р. $55^1/_4$ к.) на что наличная денежная всякихъ сборовъ казна ассигнована вся, и, *за неимѣніемъ нынѣ въ С.-Петербургской и Московской рентереяхъ и въ другихъ принадлежащихъ вѣдомствахъ денежной казны, въ положенныя мѣста и въ другія окладныя дачи платить не изъ чего*“ (П. С. З. № 8188—отъ 29 іюля 1740 г.). Такимъ образомъ правительство объявляло государство несостоятельнымъ должникомъ...

5) *Содержаніе приказныхъ и различныхъ канцелярскихъ служителей.*

Матеріальное положеніе правительственныкъ агентовъ, въ особенности младшихъ, было вообще очень тяжелое. Происходило это, какъ выяснено въ главѣ XVI, прежде всего вслѣдствіе отсутствія штатовъ, а затѣмъ и по неимѣнію денегъ. Въ „бумагахъ“ имѣется цѣлый рядъ жалобъ самихъ служащихъ и донесеній ихъ начальства съ просьбами о выдачѣ имъ жалованья [1]). Для иллюстраціи приводится нѣсколько примѣровъ. Въ 1732 г. ревизіонъ-коллегія писала Сенату, что „оной коллегіи члены и служители отъ неполученія жалованья претерпѣваютъ крайнюю нужду“ (т. I, стр. 410).

Въ 1735 г монетная канцелярія донесла, что „оной канцеляріи приказные служители отъ малой имъ выдачи жалованья пришли во всеконечную нищету и должали великими долгами и помираютъ гладомъ“ (т. IV, стр. 91).

Въ 1736 г. Академія наукъ внесла докладъ, что „едва не всѣ при Академіи наукъ обрѣтающіеся *служители*, вмѣсто исправленія своей должности и надлежащей работы, для нужнаго пропитанія, *по міру ходить и время свое прошеніемъ милостыни препровождать принуждены*“ (т. V, стр. 649).

Приказнымъ людямъ Юстицъ и Вотчинной коллегіи, также въ надворныхъ судахъ и магистратахъ, еще по указу отъ 23 мая 1726 г., было велѣно: „довольствоваться имъ отъ дѣлъ по прежнему обыкновенію съ челобитчиковъ, кто что дастъ по своей волѣ“. Въ 1737 г. Сенатъ доложилъ, что „нынѣ оныхъ

---

[1]) V—125, 150, 414, 579; VI—295, 299, 369, 512, 566, 637; VII—375, 482; VIII—225; IX—119; X—131, 198, 397, 437, 586, 655.

юстицъ-коллегіи и вотчинной конторы и воеводскихъ канцелярій *секретари и приказные служители* въ Сенатѣ бьютъ челомъ, что, безъ опредѣленнаго жалованья, отъ дѣлъ, *пропитаться имъ нечѣмъ и пришли въ самую нищету и дневной пищи не имѣютъ*“. Кабинетъ согласился назначить имъ жалованье (т. VI, стр. 548).

Въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ канцелярскіе служители „отъ неполученія черезъ такъ многое время жалованья претерпѣваютъ великую скудость и въ пропитаніяхъ ихъ недостатокъ“ (П. С. З. № 8034).

Комиссія, учрежденная въ Москвѣ о подушной доимкѣ, хлопотала „о дачѣ жалованья своимъ приказнымъ служителямъ, дабы оные приказные служители, за неимѣніемъ себѣ пропитанія, не могли впасть въ какое погрѣшеніе“ (П. С. З. № 8071).

Подобно другимъ служащимъ, даже и сами сенаторы получали иногда свое „заслуженное“ жалованье спустя долгое время. У профессора А. Н. Филиппова приведенъ примѣръ, когда, по словамъ указа № 7765, „сами сенаторы себѣ побрали и нижнимъ чинамъ, которые на то смотря, на прошлые жъ годы стали себѣ жалованье просить, выдали“, что вызвало неудовольствіе Императрицы и довольно обширное разслѣдованіе („Сенатъ“, стр. 514—515).

Недостатокъ денегъ вызвалъ указъ отъ 11 сентября 1736 г. (т. V, стр. 445), которымъ повелѣно: „всѣмъ статскимъ и гражданскимъ чинамъ, *кромѣ Кабинета Нашего, здѣшней Академіи наукъ и иноземцевъ*, которые по капитуляціямъ служатъ, на одинъ годъ окладное ихъ *жалованье* производить, считая отъ нынѣшней сентябрьской трети, *сибирскими товарами*, по установленной онымъ въ сибирскомъ приказѣ оцѣнкѣ, а именно: тѣмъ, которые въ С.-Петербургѣ обрѣтаются—половину годового оклада сибирскими товарами, а другую половину деньгами, а прочимъ всѣмъ, которые на Москвѣ и въ прочихъ мѣстахъ государства Нашего находятся—всю оную дачу жалованья товарами проводить“. Изданное распоряженіе не представляло собою особаго новшества. Правительство, по словамъ Строева, прибѣгло къ тому средству, которое со времени Петра Великаго [1]) являлось обычнымъ въ случаяхъ матеріальныхъ

---

[1]) Въ 1 томѣ имѣется, между прочимъ, указаніе на то, что въ 723 г. по указу велѣно выдавать изъ Сибирской канцеляріи „сенатскимъ и разныхъ коллегій и канцелярій приказнымъ служителямъ, вмѣсто денежнаго жалованья китайскіе товары, и онъ де (купецъ Ветошниковъ) у нихъ купилъ такихъ товаровъ по цѣнѣ на 1.401 р. 28 к.“ (т. I, стр. 269).

затрудненій государства („Бироновщина и Кабинетъ Министровъ“, ч. 2-я, стр. 35). Во всякомъ случаѣ это вызвало большое неудовольствіе и цѣлый рядъ ходатайствъ [1]) о выдачѣ жалованья деньгами, но они, по большей части, оставлялись безъ послѣдствій. Положеніе служащихъ было, несомнѣнно, весьма затруднительное: они не могли прямо пріобрѣтать себѣ всѣ необходимые для пропитанія продукты, а должны были предварительно совершить продажу товаровъ, что, вѣроятно, не всегда совершалось удачно. Допустимо предполагать, что они продавали иногда и ниже оцѣнки Сибирскаго приказа: иначе приказные едва ли стали бы такъ настойчиво хлопотать о выдачѣ жалованья деньгами. Но бывали случаи, когда они продавали выше оцѣнки. Слѣдовательно, въ отдѣльныхъ случаяхъ, убытки, до извѣстной степени, компенсировались и случайными барышами. Казалось бы, послѣдніе должны были бы составлять въ этомъ случаѣ вполнѣ естественное право приказныхъ. Правительство, однако, посмотрѣло на это иначе. Оно узнало, что „изъ тѣхъ, данныхъ въ жалованье товаровъ, *купцы покупали*, противъ той цѣны, во что въ Москвѣ оцѣнены, съ приложеніемъ провоза, съ *прибавкою*“. Такимъ образомъ, по взгляду правительства, приказные вступили какъ бы въ конкуренцію съ Сибирскимъ приказомъ и стали отнимать у него тотъ доходъ, который выражался въ прибавкѣ сверхъ оцѣнки. Тогда Кабинетъ Министровъ 6 іюня 1737 г. предложилъ Сенату объявить купцамъ: „кто пожелаетъ такіе товары покупать, тѣ бъ явились въ штатсъ-конторѣ, и, кому какіе товары потребны, покупали добровольною цѣною, на готовыя деньги, съ провозомъ и съ *наддачею*, смотря по добротѣ товара, въ чемъ старанье имѣть штатсъ-конторѣ“. При этомъ Кабинетъ заботливо далъ опытный хозяйскій совѣтъ: „смотрѣть, чтобъ всѣ товары партіями разбираны были порядочно, а не такъ, чтобы въ одну партію выбраны были лучшіе, а средніе и плохіе оставались бы, но въ каждую партію класть всѣхъ сортовъ добрыхъ и среднихъ и самыхъ плохихъ по препорціи“ (т. VI, стр. 346).

Въ 1739 году штатскихъ чиновъ хотѣли подвергнуть еще новому ограниченію. 21 мая послѣдовалъ именной указъ (П. С. З. № 7813), которымъ повелѣно: „съ сего времени сенаторамъ и коллежскимъ президентамъ и членамъ, такожъ и въ канцеляріяхъ присутствующимъ и тѣхъ мѣстъ канцелярскимъ

---

[1]) т. V—592, 616, 632, 634, 648; т. VI—62, 90, 131, 138, 332, 346.

служителямъ и прочимъ штатскимъ чинамъ жалованья изъ наличныхъ денегъ изъ штатсъ-конторы,—покамѣстъ пока прежде удовольствованы будутъ денежною казною военная и адмиралтейская коллегія и артиллерія,—не производитъ," а получать „изъ доимки денегъ прошлыхъ лѣтъ кабацкихъ и таможенныхъ сборовъ". Но здѣсь произошло недоразумѣніе: всѣ коллегіи и канцеляріи получали жалованье не изъ штатсъ-конторы, а изъ своихъ „особливыхъ" доходовъ. Поэтому 8 ноября 1739 г. послѣдовало распоряженіе Кабинета (П. С. З. № 7935). „о производствѣ статскимъ чинамъ жалованья изъ получаемыхъ доходовъ того мѣста, въ которомъ кто служитъ".

Изъ предыдущихъ главъ видно, что указы часто обвиняли приказныхъ во взяточничествѣ и вообще въ наклонности къ присвоенію казеннаго имущества, по-просту въ воровствѣ. Дѣйствительно, „бумаги" изобилуютъ свѣдѣніями о всякаго рода хищеніяхъ и злоупотребленіяхъ со стороны приказныхъ [1]).

Правительство боролось съ злоупотребленіями на сколько могло, и въ самомъ концѣ царствованія Анны Іоанновны былъ изданъ, 14 іюля 1740 г. (П. С. З. № 8172) указъ о томъ, чтобы „для предупрежденія взятковъ подъ видомъ векселей, публиковать, дабы всѣ будущіе у дѣлъ губернаторы и ихъ товарищи и приказные люди никакихъ ни у кого векселей не брали".

Имѣя, однако, въ виду приведенные выше примѣры, допустимо высказать, что, помимо дурныхъ наклонностей, здѣсь имѣло большое значеніе еще то обстоятельство, что эти приказные, по крайней мѣрѣ, нпзшихъ ранговъ, сами были нищіе и, если воровали, то съ голоду, а если взятки брали, то это, въ извѣстныхъ случаяхъ, разрѣшалось имъ даже закономъ (26 мая 1726 г.) и они уже воспитались въ этомъ направленіи.

Источники погашенія недостачи. Недостача денегъ возмѣщалась изъ нижеуказанныхъ источниковъ, пользованіе которыми обычно производилось въ слѣдующемъ послѣдовательномъ порядкѣ:

---

[1]) т. IV—115, 138, 142, 260, 318, 374, 444, 523, 535. 546; т. V—11, 78, 89, 126, 145, 398; VI—41, 77, 88, 100, 86, 120, 131, 143, 178, 189, 214, 216, 218, 275, 291. 294, 301, 348, 393, 446, 531, 533, 611. 626, 627, 645, 648, 675, 694, 740; т. VII—240, 247, 409, 441; т. VIII—16, 32, 33, 38, 54, 89, 94, 95, 97, 139, 143, 176, 237, 246, 249, 285, 301, 332, 351, 444, 459, 485, 486; т. IX—369, 393, 428, 429, 506, 522, 558, 592; т. X—12, 20, 21, 47, 58, 94, 95, 161, 198, 259, 303, 326, 420, 421, 429, 444, 453, 554, 586, 592, 593, 643, 659, 683.

1) недоимка, или доимка,
2) капиталы монетныхъ дворовъ,
3) междувѣдомственные займы,
4) резервное казначейство,
5) случайные фонды
и 6) различные „способы“.

1. *Доимка.*

При недостаткѣ наличныхъ средствъ для покрытія текущихъ расходовъ, вполнѣ естественно было обращаться прежде всего къ тѣмъ лицамъ, по винѣ которыхъ происходили бюджетныя затрудненія, т. е. къ неисправнымъ плательщикамъ, за которыми образовались доимки. Отсюда берутъ начало понудительныя мѣры къ взысканію доимки, и самое существо этихъ мѣръ, во многомъ, обусловливалась размѣрами государственнаго дефицита. Чѣмъ большая возникала нужда въ деньгахъ, тѣмъ строже производилось взысканіе. Дефициты бывали хроническіе, но въ 1739 г. государственная касса переживала одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ періодовъ, и мы видимъ отраженіе этого положенія, а именно: и во взысканіи доимокъ въ этомъ году принимались также самыя суровыя мѣры.

Весь ходъ пользованія этимъ источникомъ подробно изложенъ въ спеціальномъ отдѣлѣ, отведенномъ доимкамъ — 3-мъ. Здѣсь слѣдуетъ только отмѣтить, что доимки въ полной ихъ суммѣ никогда не поступали, а наоборотъ, все болѣе увеличивались, что и вызывало частую необходимость обращенія къ другимъ источникамъ.

2) *Капиталы монетныхъ дворовъ.*

Монетные дворы представляли собою склады кассовой наличности государства или, точнѣе, приготовленной къ обращенію монеты. Пользованіе ими являлось довольно распространенной формой позаимствованія.

Изъ „бумагъ“ видно, что пользованіе этими капиталами началось довольно рано. Напримѣръ къ 21 іюля 1732 г. между монетной конторой и штатсъ-конторой уже успѣло образоваться осложненіе въ счетахъ, на столько серьезное, что когда штатсъ-контора послала въ монетную контору „ассигнацію“ на выдачу

жалованья служащимъ ревизіонъ-коллегіи, то монетная контора объявила, что сумма отпущена не будетъ, „доколѣ та контора съ штатсъ-конторою возымѣетъ счетъ“ (т. I, стр. 410).

Прибѣгать къ займамъ нерѣдко приходилось и самому монетному правленію. Иногда на довольно короткій срокъ, напр. 14 іюня 1735 г. выдано монетной конторѣ изъ коммиссаріатской суммы 20 т. (т. IV, стр. 210), а 22 іюля того же года эти деньги были уже возвращены (т. IV, стр. 272). Въ 1736 г. канцелярія монетнаго правленія донесла, что „изъ оной канцеляріи, взятыя изъ коммиссаріата заимообразно, деньги 35.000 р. отданы“ (т. V, стр. 64). Были у нея и другіе долги (т. V, стр. 117). Но ей приходилось все таки преимущественно давать другимъ. 20 марта 1736 г. ей велѣно отпустить въ коммерцъ-коллегію 30 т. (т. V, стр. 127 и 141). А 3 сентября того же года послѣдовалъ докладъ Сената объ отпускѣ съ денежныхъ дворовъ, „подъ образомъ займа“ уже 200.000 р. — на строеніе судовъ (т. V, стр. 428). У конторы не хватало самой для расплаты съ иноземцами за поставленное серебро, и она просила отпустить ей заимообразно 730.000 р. (т. V, стр. 464). Дальнѣйшія требованія денегъ побудили канцелярію монетнаго правленія 21 ноября 1736 г. доложить Кабинету, что, при такомъ положеніи, „капиталъ монетныхъ дворовъ можетъ придти къ крайнему истощанію“ (т. V, стр. 612—614). Истощаніе, дѣйствительно, наступило. 18-го марта 1737 г. монетное правленіе доложило, что „*монетныхъ дворовъ капиталъ пришелъ въ крайнее истощаніе*, а на расходы по ассигнаціямъ требуютъ непрестанно“ (т. VI, стр. 195—196). И въ іюнѣ 1737 г. пришлось просить объ отпускѣ уже въ канцелярію монетнаго правленія взаймы 100 т. на одинъ мѣсяцъ, „на расплату иноземцамъ за принятое у нихъ серебро“ (т. VI, стр. 396). Образовались на канцеляріи и другіе долги (стр. 415). Нечѣмъ было платить за поставленное серебро. Заняли для этой цѣли еще 200 т. (П. С. З. № 7376 и т. VI, стр. 528, 713, 715).

Въ 1738 г. стали вновь поступать на монетные дворы требованія о выдачѣ денегъ. Монетная канцелярія, въ іюлѣ этого года, пробовала отписываться, чтобы „денегъ изъ монетной канцеляріи въ Москвѣ, за умаленіемъ капитала, не отпущать и впредь объ отпускѣ жъ требованія не чинить“ (т. VII, стр. 72). Но уже въ августѣ взято изъ монетной канцеляріи въ китайскій караванъ 100 т. ефимковъ (т. VII, стр. 107). Въ томъ же мѣсяцѣ отъ нея потребовали деньги въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, и она „отвѣтствовала, для чего тѣ деньги понынѣ отпу-

щены не были“ (стр. 176). Въ сентябрѣ она отпустила въ коммерцъ-коллегію на приготовленіе поташа и смольчуга (т. VII, стр. 347) 19.799 р. 23 к. (стр. 248). Въ октябрѣ 1738 г. монетная канцелярія стала просить о возвратѣ ей долговъ — изъ Сибирскаго приказа 48.109 р. 23 к. — „дабы капиталъ монетныхъ дворовъ не пришелъ въ умаленіе“ (т. VIII, стр. 309).

Въ слѣдующемъ 1739 г. отпускъ денегъ изъ монетной канцеляріи вновь сталъ продолжаться. Она, между прочимъ, отпустила провіантской конторѣ 50 т. (т. IX, стр. 511 и т. X, стр. 8) и военной коллегіи 70 т. (т. X, стр. 421). Въ 1740 г. отпущено адмиралтейской коллегіи 100 т. (П. С. З. № 8001).

Но въ общемъ этотъ источникъ не былъ особенно крѣпкимъ и обильнымъ. Между тѣмъ его эксплоатировали слишкомъ часто и неумѣренно, и поэтому онъ быстро истощался и нуждался самъ въ посторонникъ подкрѣпленіяхъ, что отражалось на количествѣ выдѣлываемой монеты: производство сокращалось, а слѣдовательно уменьшалось и кассовое наличіе.

3) *Междувѣдомственные займы.*

Займы между вѣдомствами пользовались довольно широкимъ распространеніемъ и имѣли свои корни еще до начала царствованія Анны Іоанновны. Такъ, изъ указа отъ 13 августа 1731 г. мы видимъ, что къ этому времени уже имѣлись долги на адмиралтействѣ въ весьма крупной суммѣ, а именно: 528.819 р. [1]) Но долги этимъ не ограничивались, и субсидированіе адмиралтейства продолжалось и далѣе. Напр. 5 іюля 1735 г. отпущено въ адмиралтейскую коллегію изъ коммиссаріатской суммы, срокомъ до октября 1735 г. 30 т. (т. IV, стр. 248 и 249); затѣмъ съ послѣдующими займами, сумма послѣднихъ за одинъ 1735 г. достигла 130 т., изъ которыхъ было возвращено только 25 т. (т. V, стр. 274 и 444). Въ апрѣлѣ 1736 г. коллегія прислала репортъ, „что взятыхъ заимно изъ коммиссаріатской конторы денегъ заплатить нечѣмъ“ (т. V, стр. 166 и 181). Въ свою очередь адмиралтейская коллегія считала долгу за штатсъ-конторою, за время съ 731 г. по 736 г., 1.052.348 р. (т. V, стр. 259 и 274). Въ 1740 году коллегіи зачли 400 т. займовъ въ счетъ недосланныхъ ей суммъ.

Штатсъ-контора была вообще обременена долгами: помимо долга адмиралтейству болѣе милліона, за ней числилось въ долгу,

---

[1]) Строевъ „Бироновщина и Кабинетъ Министровъ“ I ч., стр. 61.

по счетамъ 1738 г., военной коллегіи 570.080 р. 74 к. (т. VII, стр. 48).

На содержаніе артиллеріи займы производились нѣсколько разъ. Въ 1734 г. получился репортъ „о дачѣ“ 30 т. (т. IV, стр. 131). Въ 1737 г. „для крайняго недостатка“ дано изъ другихъ сборовъ 100 т. (т. VI, стр. 78). Въ 1738 г. отпущено изъ канцеляріи конфискаціи 2.600 р. (т. VII, стр. 304).

Займы имѣли ту положительную сторону, что они временно удовлетворяли неотложную нужду. Въ этой взаимной помощи, даже и при системѣ спеціализаціи, чувствовалось сознаніе общности интересовъ, и на этомъ укрѣпленіи постепенно созидался тотъ переходный мостъ, который въ конечномъ результатѣ привелъ къ единству кассы. Но займы имѣли и отрицательныя стороны. Заключались онѣ во 1-хъ) въ томъ, что долги въ срокъ не уплачивались, и тогда становилось въ затруднительное положеніе уже то учрежденіе, которое давало ссуду и во 2-хъ при несовершенствѣ счетоводства — запутывались взаимные расчеты. Въ журналѣ за 14 марта 1737 г. имѣется, между прочимъ, такое мнѣніе Кабинета, что „всѣ тѣ вѣдомости и *между коллегіями и конторами происходящіе счеты такъ замѣшаны,* что оные, кромѣ Сената, гдѣ всѣ вѣдомости быть имѣютъ и всѣ государственные доходы вѣдомы, (никто не можетъ разобраться)“, т. VI. стр. 148.

4) *Резервное казначейство.*

Подъ этимъ наименованіемъ имѣется въ виду вѣдомство генерала Волкова, у котораго сосредоточивались суммы, остаточныя, конфискаціонныя и часть доимочныхъ. Изъ нихъ Волковъ израсходовалъ крупныя суммы на различныя государственныя нужды: не менѣе 1.280.141 р. 42 1/2 к.

Подробный обзоръ оборотовъ и свойства капиталовъ Волкова приведенъ въ главѣ XIV-й, раздѣлы „а“ и „в“ (пунктъ 8-й).

5) *Случайные фонды.*

Самой крупной статьей этой категоріи было полученіе контрибуціи съ Данцига въ размѣрѣ одного милліона ефимковъ (т. III, стр. 265, 309, 344). Въ „бумагахъ“ упоминается, кромѣ того, „о взятыхъ академіи полоцкой іезуитскаго монастыря въ

контрибуціи 3.600 ефимкахъ“ и съ Данцига „за звоненіе колоколовъ“ 30.000 червонныхъ (т. III, стр. 441). Но этимъ не удовлетворились. Старались найти еще „станиславовы пожитки“. Императрица, въ своемъ указѣ Кабинетъ-министрамъ, 27 іюля 1734 г., прямо потребовала запросить Миниха, „гдѣ обрѣтаются станиславовы пожитки, которыхъ чаятельно у него было довольно, а отъ него, Миниха, объ нихъ нигдѣ не упоминается и понынѣ“ (т. Ш, стр. 295). Министры, въ рескриптѣ Миниху, того же числа, написали, чтобъ онъ прислалъ свѣдѣніе о скарбѣ, вещахъ, пожиткахъ и деньгахъ Станислава (стр. 297). Однако, здѣсь, кажется, не удалось ничѣмъ поживиться.

Полученная контрибуція, въ извѣстной части, расходовалась на мѣстахъ же, на довольствіе войскъ, что подтверждается письмомъ генерала Вейсбаха, подносившаго Императрицѣ „вѣдѣніе“ о томъ, сколько „собрано и въ расходъ употреблено контрибучной и другой денежной казны“. Генералъ писалъ такъ: „не на свои нужды расходъ имѣлъ, но видя въ полкахъ жалованью и прочимъ недостатокъ употреблялъ“ (т. IV, стр. 282).

Минихъ получилъ изъ контрибучныхъ въ награду отъ Императрицы 8.333 р. червонныхъ, и кромѣ того, взялъ самъ себѣ „по чину моему“ еще 4.557 червонцевъ, о чемъ и донесъ Императрицѣ. Произошло это такимъ образомъ. Минихъ получилъ отъ Данцига 30.000 червонныхъ. Изъ нихъ онъ, по указу Императрицы, взялъ себѣ 8.333 червонныхъ и роздалъ часть въ награду генералитету, офицерамъ и нѣкоторымъ служителямъ. Всего въ „дачѣ“ было 25.443. Затѣмъ, какъ онъ самъ пишетъ въ счетѣ, „имѣлось быть въ остаткѣ“ 4.557. Минихъ сбалансировалъ счетъ такимъ образомъ: „а за тою раздачею — пишетъ онъ въ репортѣ Императрицѣ — въ остаткѣ было 4.557 червонцевъ, какъ изъ приложеннаго счета подъ литерою А, Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше усмотрѣть изволите, токмо въ бытность мою при арміи на разные необходимые, по чину моему, расходы всѣ употреблены и нынѣ на лицо оныхъ не имѣется“. Минихъ проявилъ здѣсь смѣлость и развязность по меньшей мѣрѣ необычную. Однако, счетъ все таки утвердили; на немъ написано: „жалуемъ“ (т. Ш, стр. 441—445).

Въ указѣ отъ 15 февраля 1737 г. (П. С. З. № 7176) упоминается еще объ одномъ источникѣ — сборной денежной казнѣ, которую „будутъ приносить священники и церковные причетники за взятыхъ въ военную службу дѣтей своихъ и братей и племянниковъ“. Эту казну велѣно „имѣть въ добромъ

храненіи и ни на какіе расходы безъ именного Ея Императорскаго Величества указа не употреблять".

6. *Различные „способы"*.

Въ „бумагахъ" встрѣчаются различныя мелочныя заботы о благосостояніи населенія, а, слѣдовательно, и объ увеличеніи средствъ казны. Къ числу ихъ слѣдуетъ отнести, между прочимъ, такія распоряженія:

а) сыскать въ Украйнѣ „мужика, который унимаетъ пожаръ" (т. III, стр. 43),

б) „о неиграніи въ деньги и на прочее въ карты и никакою игрою, подъ штрафомъ" (т. Ш, 43 и П. С. З. № 6313),

в) „обрѣтающимся въ Петербургѣ хозяевамъ, которые содержатъ въ вольныхъ и во всѣхъ домѣхъ бильярдъ,—что играть у нихъ въ тотъ бильярдъ Ея Величество по прошеніямъ ихъ позволяетъ, токмо не въ большія, но въ маломъ числѣ состоящія деньги" (т. III, стр. 154).

Но это были мѣры всѐ таки болѣе или менѣе отдаленныя отъ цѣлей непосредственнаго увеличенія средствъ въ государственной кассѣ. Къ послѣднимъ прямое отношеніе имѣли лишь слѣдующія мѣропріятія, или „способы" (какъ выражено въ первомъ изъ нижеуказанныхъ):

1-е) покупать „дешевой цѣной" быковъ въ Украйнѣ и продавать ихъ „съ немалой прибылью" въ Бреславлѣ, о чемъ подробно изложено въ главѣ IX. Почему „разсудили Мы за благо сей способъ употребить"—тамъ указано: „въ деньгахъ нужда состоитъ".

2) Для кормленія солдатъ „гнилой провіантъ въ дачу производить, примѣшивая къ свѣжему четвертую часть" (т. IV, стр. 167, п. 5-й).

3) Къ этимъ двумъ „способамъ" надо присоединить еще одинъ проектъ, полученный въ Кабинетѣ 4 февраля 1737 г. и записанный въ журналѣ такимъ образомъ: „доношеніе московскаго купца Ларіона Лаврентьева и при томъ отъ него же письмо къ д. т. с. князю Алексѣю Михайловичу (Черкасскому) о *100 милліонахъ прибыли*". При современномъ безденежьѣ полученіе 100 милліоновъ было, конечно, соблазнительно. Проектъ рѣшено отослать для разсмотрѣнія въ Сенатъ (т. VI, стр. 70). Но далѣе, какъ и слѣдовало ожидать, объ этомъ проектѣ ни слова не упоминается: онъ исчезъ, какъ мыльный пузырь.

Кабинетъ часто требовалъ различныя свѣдѣнія о наличіи денегъ въ кассахъ, ихъ приходѣ и расходѣ [1]) и вообще проявилъ здѣсь свою изумительную энергію для того, чтобы какъ нибудь сводить концы съ концами, но это не всегда удавалось. Недостача денегъ была всеобщая и самая крайняя. Всѣ источники, какіе изыскивалъ Кабинетъ, были ничѣмъ инымъ, какъ временной починкой дыръ. И если, при такомъ положеніи, Кабинетъ рѣшался „гнилой провіантъ въ дачу производить, примѣшивая къ свѣжему четвертую часть“, то не одно черствое чувство имъ здѣсь руководило, но, и паче всего, отчаяніе хозяина пустого денежнаго сундука.

Девять лѣтъ упорной борьбы не улучшили общаго состоянія государственной кассы. И, по истеченіи ихъ, начали какъ бы снова всю прежнюю работу. И 29 іюля 1740 г. (Баранов. опись Сенат. Архива № 7769) данъ Сенату такой указъ: „о наблюденіи за своевременнымъ взысканіемъ государственныхъ доходовъ и накопившейся доимки; *объ увеличеніи доходовъ безъ народнаго отягощенія*; о разсмотрѣніи расходовъ государственныхъ и обсужденіи мѣръ къ сокращенію таковыхъ для сбереженія казенныхъ интересовъ“.

---

[1]) т. I, стр. 60, 64; т. II—4, 497; т. III—10, 53, 54, 229, 425; т. IV—129, 181, 233, 243, 246, 251, 340, 350, 351, 404, 416, 508, 513, 514, 530, 540; т. V—15, 21, 34, 44, 52, 89, 93, 95, 129, 135, 165, 370, 463, 531, 616; т. VI—21, 54, 59, 99, 257, 600, 624, 636, 674, 757; т. VII—4, 65; т. VIII—153, 267, 336; т. IX—219, 275, 286, 377; т. X—101, 213.

ГЛАВА XVIII.

Контроль, счетоводство и отчетность.

Контроль. Кабинетъ Министровъ придавалъ высокое значеніе всякимъ контролирующимъ актамъ и учрежденіямъ, что, вполнѣ естественно, вытекало изъ его открытаго и глубокаго недовѣрія къ дѣятельности правительственныхъ агентовъ; поэтому онъ старался всѣми мѣрами создавать и расширять независимыя контрольныя учрежденія.

Въ изслѣдуемый періодъ государственный контроль осуществлялся слѣдующими органами:

а) ревизіонъ-коллегіей,
б) генеральной счетной коммиссіей,
в) счетными коммиссіями
и г) непосредственнымъ контролемъ самаго Кабинета.

а) Ревизіонъ-коллегія. Ревизіонъ-коллегія была учреждена еще Петромъ I въ 1718 году „для счета всѣхъ государственныхъ приходовъ и расходовъ“. Но по отзыву Стеѳана Кохіуса, помѣщенному въ его запискѣ въ 1723-мъ году, дѣло шло плохо: отчетности—нѣтъ никакой; за пять лѣтъ не было закончено ни одного счета (Милюковъ „Госуд. Хоз.“, стр. 508). И Верховный Тайный Совѣтъ въ 1728 году призналъ, что ревизія „не меньше, какъ и экономія, а у насъ она только именемъ, а въ самомъ дѣлѣ счету никогда не бывало“. Ревизіонъ-коллегія не имѣла до Анны Іоанновны даже регламента: „Петръ Великій старался объ установленіи добрыхъ порядковъ въ сборахъ государственныхъ доходовъ и въ отправленіи повсягодныхъ счетовъ, для чего и учредилъ Камеръ и Ревизіонъ коллегіи, и первой далъ регламентъ, а второй, за военными и государственными дѣлами, время не дозволило дать особливаго регламента“ (П. С. З. № 6391). Послѣдствіемъ такого положенія явилось, по словамъ Анны Іоанновны, то, что „въ сборахъ государствен-

ныхъ и въ казенныхъ долгахъ безчисленная недоимка запущена, также въ рапортахъ и счетахъ слабо поступаютъ, а не только по прошествіи каждаго года, но и чрезъ нѣсколько лѣтъ счеты не составлены и не свидѣтельствованы“ (П. С. З. № 6391).

Кабинетъ Министровъ обратилъ на эту часть особое вниманіе и стремился вообще создать твердую и устойчивую базу для финансовой организаціи. Въ результатѣ появился 7 мая 1733 г. особый „регламентъ, или Инструкція ревизіонъ-коллегіи“ (П. С. З. № 6391). Это, по справедливому замѣчанію Государственнаго Контроля [1]), былъ важный въ исторіи Контроля законодательный актъ [2]). „Должность ревизіонъ-коллегіи—говорится въ регламентѣ—имѣть вышнюю дирекцію въ свидѣтельствѣ и ревизіи счетовъ *о всѣхъ* государственныхъ доходахъ и расходахъ, начиная съ 732 года“. Коллегія должна была „убытокъ и вредъ и опасность отвращать“, и ей предоставлены широкія права и обязанности: „чтобъ оная *на всѣхъ* коллегіяхъ Нашихъ и канцеляріяхъ и изъ подчиненныхъ ихъ мѣстъ, которыя суть въ губерніяхъ и провинціяхъ, счеты въ опредѣленные сроки взыскивать, не запуская годъ за годомъ, оные пересматривать и ревизовать могла“.

Но изданія одного только акта—регламента—оказалось недостаточнымъ для приведенія его въ исполненіе. Нужно было еще провести его въ жизнь, и для этого потребовались особыя усилія и распоряженія. 20 марта 1735 г. послѣдовалъ именной указъ (П. С. З. № 6713) о наблюденіи со стороны Сената за своевременной отсылкой денежныхъ счетовъ изъ канцелярій и коллегій въ ревизіонъ-коллегію и доставленіи счетовъ „на опредѣленные сроки, подъ опасеніемъ лишенія движимаго и недвижимаго имущества, а по важности вины—и животы“. Изъ этого же указа видно, что въ ревизіонъ-коллегіи за 732 и 733 г. „счетовъ прислано самое малое число, а за *734 г. и ни откуда ни одного счета не прислано*“. 13 августа 1735 г. Министры сообщили военной коллегіи Высочайшее повелѣніе о скорѣйшей высылкѣ на ревизію артиллерійскихъ и фортификаціонныхъ счетовъ, которыхъ „къ свидѣтельству ни одного года не подано“ (т. IV, стр. 304 и 305). 20 августа 1735 г. сообщено въ Се-

---

[1]) „Государственный контроль, 1811—1911 г.“, оффиціальное изданіе.

[2]) По отзыву Саковича, регламентъ ревизіонъ-коллегіи 1733 г., будучи развитіемъ инструкціи Петра I (данной ревизіонъ-конторѣ 4 дек. 1722 г.—П. С. З. № 4127), представлялъ собою болѣе законченное постановленіе („Госуд. контроль въ Россіи“, ч. I-я, стр. 102 и 103).

нать, что „и коммиссаріатскіе счета отъ 732 года по се время не свидѣтельствованы“ (т. IV, стр. 316). Изъ этого можно было бы заключить, что корень неисправности заключался въ срокахъ—что они слишкомъ малы. Пошли на встрѣчу этой потребности, и въ томъ же 1735 г. Сенатъ испросилъ разрѣшеніе на увеличеніе сроковъ, положенныхъ на присылку отчетности и на уменьшеніе наказаній, для большей возможности фактическаго примѣненія послѣднихъ (31 дек. 735 г., П. С. З. № 6855). Но отъ этого улучшеній какъ будто не послѣдовало. Затѣмъ слѣдуетъ опять цѣлый рядъ распоряженій объ отсылкѣ на ревизію отчетности: придворной конюшенной конторы (11 фев. 737 г.—II. С. З. №7174), гвардейскихъ полковъ (27 октября 737 г.—П. С. З. № 7417), дѣлъ по счетамъ придворной маскарадной части (Бар. о. С. А. № 7640 отъ 15 іюня 1740 года).

По изслѣдованію Саковича, нѣкоторыя учрежденія и вѣдомства были освобождены отъ представленія счетовъ на ревизію: одни—временно, а другія и совсѣмъ. Временно были изъяты гвардейскіе полки (1735—1737 гг.), таможенное и духовное вѣдомства; постоянно съ 1733 г.—придворное вѣдомство, для котораго учреждена *придворная счетная контора*. Для таможеннаго вѣдомства учреждена съ 1732 г. счетная экспедиція при камеръ-коллегіи. Завѣдываніе счетною частью духовнаго вѣдомства сосредоточивалось въ коллегіи экономіи, которую Анна Іоанновна поручила Сенату, и отчеты ея стали посылаться на ревизію въ ревизіонъ-коллегію („Госуд. Контроль въ Россіи“, ч. I, стр. 104 и 105).

Указанное Саковичемъ изъятіе придворной части не всегда, однако, выдерживалось полностью: выше было указано на случаи отсылки въ ревизіонъ-коллегію отчетности придворной конюш. конторы (П. С. З. № 7174) и дѣлъ по придворной маскарад. части (Б. о. С. А. № 7640). Затѣмъ слѣдуетъ отмѣтить еще тѣ случаи, въ которыхъ „по бумагамъ“ нѣкоторыя учрежденія затруднялись высылать отчетность. Такъ Московской печатной конторѣ разрѣшено, въ виду „множественнаго числа приходныхъ книгъ“, высылать не книги, а перечневые счета (т. I, стр. 404 и 405). Что касается медицинскихъ канцелярій и соляной конторы, состоявшихъ въ непосредственномъ вѣдѣніи Кабинета, то, по запросу объ этомъ Сената, Кабинетъ приказалъ медицинской канцеляріи отсылать счета въ ревизіонъ-коллегію, а о соляной конторѣ оставилъ вопросъ открытымъ и велѣлъ „обождать указу“ (т. III, стр. 79, 80). Затѣмъ былъ данъ

указъ „о нетребованіи изъ коммиссіи конскихъ заводовъ о взятыхъ деньгахъ бывшимъ шталмейстеромъ графомъ Левенвольдомъ никакого извѣстія“ (т. V, стр. 287). Такимъ образомъ на практикѣ дѣлались нѣкоторыя отступленія отъ намѣченнаго объема полномочій ревизіонъ-коллегіи.

Но правительство не остановилось на однихъ только тѣхъ мѣропріятіяхъ, какія вылились въ формѣ регламента 1733 г. Оно продолжало, подъ вліяніемъ указаній опыта и практики, идти далѣе по пути усовершенствованія, и въ результатѣ его трудовъ появились съ 1736 г. три новыхъ реформы, которыя и были выражены въ указѣ 31 декабря 1735 г. (П. С. З. № 6855):

1) отмѣченное уже выше увеличеніе сроковъ доставленія отчетности,

2) введеніе новыхъ, однообразныхъ, окладныхъ приходо-расходныхъ книгъ, счетовъ, репортовъ и настольныхъ реестровъ

и 3) непосредственная отсылка счетовъ съ документами въ ревизіонъ-коллегію.

Въ особенности важное значеніе имѣли двѣ послѣднихъ реформы.

Новыя формы представляли прежде всего ту выгоду, что онѣ вносили однообразіе и ясность, а затѣмъ формы сочинены, по словамъ Сената, еще и потому: „понеже во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ столько письма умножено и отъ часу умножается, что приказные люди исправиться не могутъ и дабы кратчайшее, безъ дальнихъ справокъ, оные счеты могли въ тѣ сроки исправно поданы и безъ затрудненія и справокъ освидѣтельствованы и сочинены быть“ (т. VI, стр. 315).

Отличіе третьей реформы заключалось въ томъ, что прежде отчетность съ документами повѣрялась сначала начальствомъ подотчетнаго учрежденія въ нѣсколькихъ инстанціяхъ, а потомъ уже—ревизіонъ-коллегіей, но безъ документовъ, по однѣмъ счетнымъ выпискамъ; при новомъ же порядкѣ велѣно: счеты съ документами изъ губерній и провинцій посылать прямо въ ревизіонъ-коллегію. Сенатъ охарактеризовалъ неудобства прежняго ревизіоннаго порядка такими словами: „усмотря та ревизія въ счетномъ неисправленіи явные непорядки, отчего оные продолжаются, представляла, что де оное продолженіе и упущеніе чинится ни отъ чего иного, но того ради, что оные счеты свидѣтельствуются въ четырехъ мѣстахъ, а именно: первое—всякому сборщику счеты изготовятъ въ томъ городѣ, кто гдѣ у сборовъ былъ; второе—потомъ тотъ же счетъ, для свидѣтельства

съ приходными и расходными книгами, изъ того города отошлется въ провинціальную воеводскую канцелярію; третье—въ провинціяхъ засвидѣтельствовавъ оные жъ присылаются въ камеръ-коллегію; четвертое—а въ камеръ-коллегіи паки ихъ съ тѣми жъ книгами и документами освидѣтельствовавъ и учиненныя изъ нихъ однѣ только счетныя выписки присылаются въ ревизіонъ-коллегію, а подлинныя оставляются въ камеръ-коллегіи. И тако изъ того происходитъ немалый трудъ и чрезвычайное продолженіе, потому, хотя тѣ счеты въ тѣхъ четырехъ мѣстахъ съ подлинными книгами, къ тому жъ и съ много продолжительнымъ временемъ и излишнимъ трудомъ и свидѣтельствуются, однако жъ, по послѣднему въ ревизіонъ-коллегіи свидѣтельству, къ скорому и совершенному окончанію не приходятъ, ибо по онымъ является въ окладахъ великое несходство, и разнь, и недоборы, и прочее сумнительство“ (т. VI, стр. 317). Такимъ образомъ неудобства прежняго способа ревизіи заключались, главнымъ образомъ, въ „продолженіи“ (замедленіи) ревизіи, а затѣмъ и въ томъ, что ревизіонъ-коллегія „по присылаемымъ изъ камеръ-коллегіи одпѣмъ только счетнымъ выпискамъ, безъ подлинныхъ приходныхъ и расходныхъ документовъ, вышеписанныхъ непорядковъ усмотрѣть всѣхъ никакъ неможно“ (стр. 318). При реформѣ 1736 г. контроль наблюдательный превратился въ контроль подробный.

Тѣмъ же стремленіемъ улучшить и расширить ревизіонное дѣло вызывается распоряженіе слѣдующаго года—указъ отъ 4 іюля 1737 г. (П. С. З. № 7310) о производствѣ ревизіи одновременно въ двухъ мѣстахъ: въ Петербургѣ—въ ревизіонъ-коллегіи и въ Москвѣ—ея конторѣ. Первой была поручена ревизія столичныхъ учрежденій и ближайшихъ къ столицѣ учрежденій, а 2-й—ревизія прочихъ губерній и учрежденій. Оба эти ревизіонныя учрежденія дѣйствовали независимо другъ отъ друга, по затруднительные случаи контора посылала на разрѣшеніе коллегіи [1]).

б) Генеральная Счетная Коммиссія.

Въ одинъ день съ Ревизіонъ-коллегіей—также 7 мая 1733 г. была утверждена Инструкція Генеральной Счетной Коммиссіи [2]) (П. С. З. № 6392), на которую возложено обревизованіе запущенныхъ

---

[1]) Саковичъ „Государственный Контроль въ Россіи“, 1 ч., стр. 104.

[2]) Въ Інструкціи сказано: учредить одну генеральную счетную *полномочную* коммиссію; но въ другихъ памятникахъ слово „полномочная“ уже не упоминается.

счетовъ всѣхъ учрежденій съ 1719-го по 1732-й годъ. А 27 августа 1734 г. утвержденъ докладъ Сената „о бытіи Комиссіи въ Москвѣ“ (П. С. З. № 6618).

Изъ ревизіоннаго вѣдѣнія Комиссіи были впослѣдствіи изъяты: придворная контора, главная дворцовая канцелярія (13 марта 1735 г.—П. С. З. № 6710) и медицинская канцелярія (16 сентября 1735 г.—т. IV, стр. 361). Мастерская и оружейная палата „по многимъ требованіямъ“ не присылала счетовъ, и завѣдующій ею, генералъ Волковъ доложилъ, что изъ палаты „вещамъ и всякой казнѣ расходъ, кромѣ дому Ея В—ва, никуда не производится и надлежитъ въ томъ считать въ дворцовой счетной коммиссіи“. Министры предоставили этотъ вопросъ усмотрѣнію графа Салтыкова: „гдѣ той мастерской палаты счеты свидѣтельствовать пристойнѣе и, по разсужденію своему, опредѣленіе учинить“ (т. IV, стр. 372). Точно также и коллегія иностранныхъ дѣлъ выразила протестъ противъ ревизіи ея книгъ коммиссіей: „ради имѣющихся во оныхъ важныхъ секретовъ [1]) отослать не смѣютъ“ безъ особаго указа (т. IV, стр. 557).

Коммиссія не ограничивалась ревизіею документовъ присылаемыхъ, а посылала „въ губерніи для счетовъ“ гвардейскихъ офицеровъ (т. IV. стр. 110) и своихъ членовъ (т. IV, стр. 361). Такъ, напримѣръ, посылали въ губерніи Астраханскую и Сибирскую (стр. 361). Мотивомъ служило то обстоятельство, что эти губерніи „отъ Москвы въ дальномъ разстояніи, и ежели изъ тѣхъ губерній счетовъ и подлинныхъ приход. и расход. книгъ и подлежащихъ къ счету для свидѣтельства дѣлъ требовать въ Москву, въ генеральную коммиссію, то отъ того будетъ въ дачѣ прогоновъ немалый казенный убытокъ и въ перевозѣ дѣлъ не безъ опасности“ (т. IV, стр. 365).

Коммиссія находилась въ оживленныхъ сношеніяхъ съ Кабинетомъ и періодически доставляла ему свѣдѣнія, „что учинено и взыскано, „о происхожденіи дѣлъ“, а равно обращалась за всякаго рода разъясненіями [2]).

Изъ „бумагъ“ видно, что въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1735 г. уже существовалъ проектъ „счетную генеральную коммиссію отставить, а вмѣсто того учредить контору“. Этотъ проектъ рѣшено,

---

[1]) При доношеніи приложена интересная роспись „Секретныхъ дачъ“ (т. IV, стр. 557—562).

[2]) Т. IV, стр. 28, 45, 55, 100, 105, 128, 153, 165, 169, 206, 211, 252, 255, 261, 287, 291, 292, 296, 299, 300, 301, 322, 332, 338, 343, 396, 398, 403, 407, 444, 460, 502, 513, 514.

25 ноября 1735 г., отослать въ Сенатъ, „чтобъ гг. сенаторы о томъ изволили разсуждать и сообщили свое мнѣніе въ Кабинетъ“ (т. IV, стр. 494. Подтвержденіе на стр. 500). А 13 января 1736 г. состоялся указъ (П. С. З. № 6863) „о уничтоженіи генеральной счетной коммиссіи и о бытіи, вмѣсто оной, при ревизіонъ-коллегіи конторѣ“. Изъ указа видно, что рѣшено „*тое генеральную счетную коммиссію отставить*“ по „*докладу господъ кабинетныхъ министровъ*“. Мотивы упраздненія коммиссіи изложены въ указѣ № 6863 слѣдующіе: „съ начатія счетовъ разсмотрѣно только 78 на 2.204.712 р,, по которымъ начетовъ явилось только 1.152 р. [1]) и впредь большему начету быть не уповаемо... А на расходъ немалая сумма выходитъ и во всемъ государствѣ изъ-за нея въ настоящихъ дѣлахъ затрудненіе и помѣшательство“.

в) Особливыя счетныя коммиссіи. До момента учрежденія Генеральной счетной коммиссіи функціонировали „особливыя счетныя коммиссіи“, которыя были „учинены“ въ 1731 и 1732 годахъ и переименованы во 2-мъ пунктѣ инструкціи Генеральной счетной коммиссіи, утв. 7 мая 1733 г. (П. С. З. № 6392), а именно:

1) Сибирскаго приказа,
2) Конюшеннаго приказа,
3) Канцеляріи отъ строеній,
4) Коммиссаріатская,
5) Провіантская,
6) Партикулярной верфи,
7) Сестрорѣцкихъ заводовъ,
8) Кронштадскихъ работъ,
9) На бывшаго купчину Сибирскаго приказа.

Въ литературѣ принято считать [2]), что эти девять коммиссій были учреждены Анной Іоанновной „для облегченія“, или „усиленія средствъ ревизіонъ-коллегіи“. На основаніи матеріала, имѣющагося въ „бумагахъ“, можно утверждать положительно,

---

[1]) Сумма въ 1.152 р. расходится со свѣдѣніями, приведенными въ сообщеніи Кабинета Сенату отъ 14 сент. 1735 г., гдѣ, по донесенію генеральной счетной коммиссіи значится „въ оной коммиссіи взысканной по счетамъ казны *до 7.000 р.* имѣется“, изъ которыхъ выдано жалованье членамъ и служителямъ коммиссіи (т. IV, стр. 359).

[2]) Саковичъ „Государственный Контроль въ Россіи“, I ч., стр. 103. Блехъ „Устройство финансоваго управленія и контроля въ Россіи“, стр. 118.

что счетныя коммиссіи, по крайней мѣрѣ тѣ, которыя упомянуты въ „бумагахъ“, возникли внѣ всякой зависимости отъ желанія усплить или облегчить ревизіонъ-коллегію. Тогда вообще было въ обычаѣ назначать „особливыя“ счетныя коммиссіи съ ревизіонными функціями. По существу это были тѣ же ревизіонныя организаціи, только съ болѣе узкой компетенціей. Онѣ получали свои полномочія по отношенію къ какой-либо спеціальной отрасли безсрочно или только временно—до окончанія повѣрки запутанныхъ или сомнительныхъ счетовъ, и дѣйствовали самостоятельно, не подчиняясь ревизіонъ-коллегіи. Въ „бумагахъ“, въ отношеніи нѣкоторыхъ коммиссій, имѣются слѣдующія свѣдѣнія.

Коммиссія Сибирскаго приказа учреждена, по указу отъ 3 января 1732 г., *подъ дирекціей генералъ-маіора князя Григорія Урусова* для того, чтобы „всѣ происходящія въ томъ приказѣ дѣла и приходъ и расходъ деньгамъ разсмотрѣть и надлежащіе порядочные счеты немедленно учинить“, такъ какъ „извѣстно Намъ учинилось, что напредь сего въ Сибирскомъ приказѣ происходили дѣла и приходъ и расходъ непорядочно“. При этомъ было указано: „что учинено будетъ, о томъ Насъ репортовать“ (т. I, стр. 116—117).

Коммиссія Кронштадтскихъ работъ, или дѣлъ возникла въ 1732 году для учета уволеннаго адмирала Сиверса. „*Счетъ*“ *Сиверса порученъ императрицей князю Шаховскому* (т. I, стр. 170). Было велѣно „адмирала Сиверса въ приходахъ и расходахъ считать съ начала бытности его, Сиверса, при Кронштадтскомъ строеніи“. При этомъ сдѣлано распоряженіе „секретарей къ тому счету отдать: изъ ревизіонъ-коллегіи—Петра Аксенова, изъ суднаго—Никиту Башилова“ (т. I, стр. 182).

Коммиссія Конюшеннаго приказа назначена въ 1731 г. въ составѣ бригадира Хлопова, полковника Полозова, подполковника Олешова и царедворца Протасьева (т. I, стр. 102, 117, (П. С. З. № 5918).

Счетная коммиссія канцеляріи отъ строеній возникла въ 1732 году спеціально для того чтобы „считать генерала Сенявина съ товарищи, вѣдавшихъ канцеляріею отъ строеній съ 720 по 732 г.“ Сенатъ сдѣлалъ такой докладъ: „понеже ревизіонъ и камеръ-коллегіи нынѣ въ Москвѣ, того ради Сенатъ всеподданнѣйше требуетъ В. И. В. указа: онаго генералъ-маіора Сенявина съ товарищи съ котораго года и *особливымъ ли Вашего И. В. указомъ кому повелѣно будетъ считать или*

въ ревизіонъ-коллегіи“. Императрица наложила такую резолюцію: „считать съ 720 г. опредѣленнымъ нынѣ вновь въ канцелярію отъ строеній управителямъ, а къ нимъ для того счета придать изъ С.-Петербургскаго гарнизона штабъ и оберъ-офицеровъ, сколько по разсмотрѣнію военныхъ коллегій надлежитъ“. (т. I, стр. 223).

Коммиссаріатская и провіантская коммиссіи были учреждены въ 1732 году подъ дирекціей Кабинета (т. I, стр. 367 и II. С. З. № 6155) съ опредѣленными „для счету коммиссаріата и провіантской канцеляріи“ особыми лицами—генераломъ княземъ Мещерскимъ и д. с. с. Волковымъ (т. I, стр. 274).

Особая коммиссія при партикулярной верфи учреждена въ 1732 году „для провѣрки счетовъ и осмотра судовъ“, и „въ чемъ упущено“ *рапортовать въ воинскую морскую коммиссію* (т. I, стр. 338, 339).

Счетная коммиссія „на бывшаго купчину Сибирскаго приказа“ беретъ свое начало еще съ 1 Октября 1725 г., когда послѣдовало „сообщенное изъ Кабинета въ штатсъ-контору повелѣніе *о порученіи вновь опредѣленнымъ судьямъ Сибирской канцеляріи произвести повѣрку счетовъ* купчины Сибирскаго приказа Михаила Ветошникова“ (Барапов. о. С. Арх. № 1604). Затѣмъ и въ 1732 году также упоминается особая Сибирская коммиссія подполковника Тарбѣева, учрежденная для счета купчины Ветошникова и имѣвшая дѣло непосредственно съ Сенатомъ и Кабинетомъ (т. I, стр. 147, 260, 261, 269, 270).

По инструкціи, утвержденной 7 Мая 1733 г., было велѣно: „изъ всѣхъ вышеписанныхъ разныхъ коммиссій счетныя дѣла собрать въ одну ту новоучрежденную Нашу Генеральную счетную коммиссію“; слѣдовательно, съ этого времени счетныя коммиссіи были подчинены Генеральной Счетной Коммиссіи. Ко времени уничтоженія послѣдней, послѣдовавшаго 13 Января 1736 г., при ней оставалось уже только 4 коммиссіи: 1) по канцеляріи отъ строеній, 2) по партикулярной верфи, 3) о Сестрорѣцкихъ заводахъ, 4) по Кронштадтскимъ дѣламъ, которыя велѣно „сообщить въ одно мѣсто“, „въ одну коммиссію подъ вѣдѣніе ревизіонъ-коллегіи“ (16 Февраля 1736 г.—II. С. З. № 6897).

Коммиссіи коммиссаріатская и провіантская постоянно представляли Кабинету свѣдѣнія „о произведеніи дѣлъ“ и вообще вели съ нимъ оживленныя сношенія непосредственно, что про-

должалось и послѣ присоединенія ихъ къ Генеральной Счетной Коммиссіи [1]). Изъ дѣйствій провіантской коммиссіи заслуживаетъ особаго вниманія докладъ о преданіи военному суду генералъ-провіантмейстера Сукина за непорядки въ отчетности (т. II, стр. 12—16).

Счетная коммиссія отъ строеній въ 1737 г. упоминается вновь, но уже какъ самостоятельное учрежденіе „подъ директіей генерала Игнатьева“ (т. VI, стр. 272—263). Объ этой коммиссіи Кабинетъ, между прочимъ, далъ лестный отзывъ, при порученіи коммиссіи Игнатьеву: „понеже усмотрѣно въ той коммиссіи, что многія дѣла не только погноены, но нѣкоторыя вымышленно отъ плутовъ саломъ замазываны и оттого мышьми многіе листы потравлены“ (т. VI, стр. 272).

Въ томъ же году упоминается и Конюшенная „ревизіонъ-коммиссія“, отъ которой поступилъ рапортъ (т. VI, стр. 339).

Независимо отъ упомянутыхъ выше девяти коммиссій, существовали другія счетныя коммиссіи, напримѣръ:

1) *Придворная* (дворцовая)—для счета въ приходѣ и расходѣ придворныхъ служителей, кабинетныхъ подъячихъ и иныхъ служителей, за прежнее время (т. I, стр. 442). Она учреждена въ 1732 году и упоминается даже и въ 1740 году (П. С. З. № 8051).

2) *Счетная учрежденная въ 1737 г. для повѣрки дѣйствій лицъ, бывшихъ у приходорасходныхъ дѣлъ въ Малороссіи* (Баранов. опись Сен. арх. №№ 6083, 6086, 6177, 6186, и Сборники т. VI, 392, 481, 563).

3) Особенно характерно назначеніе 18 апр. 1733 г. гвардіи поручика Бабарыкина спеціально *для производства счета прихода и расхода 30 т. рублей, отпущенныхъ изъ Сибирскаго приказа на конюшенные расходы*. Оберъ шталмейстеръ Левенвольдъ требовалъ, „чтобы въ расходѣ помянутой суммы учинить счетъ и для того опредѣлить парочнаго“. Императрицей велѣно „учинить счетъ по указамъ и для того счету опредѣлить особливаго изъ гвардіи оберъ-офицера, чего ради—сказано въ Инструкціи Бабарыкину—командированъ ты“. Порядокъ повѣрки, по Инструкціи, предписанъ спеціально ревизіонный:

---

[1]) По коммиссаріатской коммиссіи: т. I, стр. 367, 404, 439, 453, 457, 461, 464, 465, 476, 512; т. II—11, 30, 32, 77, 106, 150, 176, 202, 283, 382, 435, 504, 569, 603; т. III—12, 32, 58, 117, 154, 211, 270, 328; т. IV—253.

По провіантской коммиссіи: т. I, 367, 388, 394, 461, 465, 473, 516, 527; т. II—10, 23. 74, 77, 78, 92, 123, 133, 150, 219, 283, 532, 536; т. III—22, 179; т. IV—95, 294; т. V—41.

„освидѣтельствовать вамъ онымъ деньгамъ приходную и расходную книги, всѣ ли тѣ деньги какъ въ приходъ, такъ и въ расходъ записаны, и деньги даваны по указамъ и расписки во взятьѣ имѣются ль и во всемъ томъ поступать по силѣ адмиралтейскаго регламента“ (т. II, стр. 181, 183). О результатѣ же „а что по тому счету учинено будетъ, о томъ въ Кабинетъ Ея И. В. репортовать“.

Кромѣ того, функціонировали указанныя выше: придворная счетная контора, счетная экспедиція для таможеннаго вѣдомства и счетная часть духовнаго вѣдомства.

Въ исторіи ревизіонныхъ учрежденій *Счетныя коммиссіи* представляютъ собою *оригинальное явленіе, которое свойственно только одному періоду царствованія Анны Іоанновны:* ни до, ни послѣ этого періода такихъ коммиссій не существовало. Елизавета Петровна уничтожила отдѣльныя счетныя экспедиціи и конторы на томъ основаніи, что „Петръ Великій при коллегіяхъ для счетовъ особыхъ конторъ не установилъ“ (П. С. З. № 8676).

Нѣкоторые изслѣдователи высказывали, что учрежденіе отдѣльныхъ Счетныхъ Коммиссій и конторъ освобождало нѣкоторыя установленія отъ обязанности представлять свои счеты на ревизію въ Ревизіонъ-коллегію и нарушало единообразный порядокъ государственной отчетности, что влекло за собою значительныя неудобства [1]). Нарушеніе однообразія, конечно, имѣло мѣсто. Но оно проводилось сознательно. Поручая ревизію извѣстной части „особливой“ Коммиссіи, правительство въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ руководилось желаніемъ выдѣлить эту ревизію изъ обычнаго шаблона и повести ее строже или вообще особенно, сообразно съ тѣми *индивидуальными* взглядами и видами, какіе имѣлись па подъотчетное учрежденіе. *Путемъ такихъ спеціальныхъ счетныхъ коммиссій, очевидно, имѣли въ виду болѣе надежно обезпечить финансовые интересы казны.* Здѣсь ревизіонъ-коммиссіи сближаются иногда съ понятіемъ административныхъ коммиссій по разслѣдованію неправильностей.

Въ отношеніи же характера подбора личнаго состава Счетныя коммиссіи Анны Іоанновны напоминаютъ до нѣкоторой степени до-петровскіе приказы. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, когда требовалось совершить какое либо особое дѣло, по-

---

[1]) Блехъ „Устройство финансоваго управленія и контроля въ Россіи“ стр. 119.

дыскивали подходящихъ къ тому людей или даже одного человѣка, и имъ поручали или „приказывали“ вѣдать этимъ дѣломъ. Напримѣръ, когда возникъ вопросъ о томъ, что нужно „считать“ уволеннаго генерала Сенявина, Сенатъ испрашиваетъ указаній императрицы, какъ это сдѣлать: „особливымъ ли В. И. В. указомъ кому повелѣно будетъ считать или въ ревизіонъ-коллегіи“. Точно также, когда Левенвольдъ требовалъ обревизовать конюшенную часть по извѣстному расходу, онъ не обратился къ услугамъ существовавшаго контрольнаго учрежденія, а требовалъ *нарочнаго*, и для этого опредѣлили „особливаго изъ гвардіи оберъ-офицера“. Руководство всѣми этими Коммиссіями принадлежало Кабинету Министровъ.

г) Непосредственный Контроль самаго Кабинета.

Изъ предыдущихъ главъ выяснилось, что Кабинетъ Министровъ, въ качествѣ верховнаго органа Имперіи, постоянно контролировалъ дѣятельность всѣхъ учрежденій. Но это былъ контроль—административный. Изъ „бумагъ“ же усматривается, что Кабинетъ, не ограничиваясь этимъ общимъ наблюдательнымъ контролемъ, нерѣдко принималъ на себя ревизіонно-счетныя функціи и повѣрялъ извѣстную отчетность также, какъ это дѣлаетъ спеціальный контрольный органъ—прежде ревизіонъ-коллегія или счетная коммиссія, а теперь—государственный контроль. Работы Кабинета въ этомъ направленіи, по записямъ (приводимымъ въ видѣ нѣсколькихъ примѣровъ), представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Въ журналѣ за 26 января 1736 г. сдѣлана такая запись: „объявить съ запискою въ каморъ-коптору, чтобы утре, т. е. генваря 27, всѣхъ сборщиковъ 1736 г. по каморъ-конторѣ сборовъ собрали и чтобъ оные всѣ въ каморъ-коптору принесли свои того году приходныя и расходныя книги и каждый свои запечатали своими печатьми; и всѣ тѣ книги собравъ, за ихъ сборщиковыми печатьми, принесть въ Кабинетъ, и оное все исполнить ассесору Шишкину“ (т. VI, стр. 53). Здѣсь не указано, зачѣмъ потребованы въ Кабинетъ приходорасходныя книги сборщиковъ; но цѣль очевидна: конечно, для того, чтобы провѣрить ихъ.

19 февраля 1737 г. потребованы изъ Сената вѣдомости о суммѣ дохода съ раскольниковъ, „а особливо о тѣхъ раскольникахъ, которые живутъ въ Нижегородской губерніи. Ежели такихъ вѣдомостей отъ нижегородскаго архіерея не прислано,

то *требовать къ разсмотрѣнію подлинныхъ приходныхъ и расходныхъ книгъ всѣхъ годовъ*“ (т. VI, стр. 97).

3 мая 1737 года отъ князя Барятинскаго потребовапъ отчетъ въ израсходованіи 100 т., отпущенныхъ на покупку провіапта: „имѣете вы о той полученной суммѣ денегъ и о провіантѣ, сколько всего куплено и по какимъ цѣнамъ, и въ расходъ употреблено, а затѣмъ и денегъ и хлѣба дѣйствительно на лицо, и въ какихъ мѣстахъ, прислать къ намъ *вѣрныя вѣдомости*“ (т. VI, стр. 266).

Во входящихъ бумагахъ за 4 мая 1737 г. значится репортъ кадетскаго корпуса, „что, по резолюціи, подписанной на докладѣ военной коллегіи, *о подачѣ, по прошествіи каждой трети, о приходѣ и расходѣ исправныхъ счетовъ въ Кабинетъ* и въ военную коллегію, исполненіе чинено будетъ“ (т. VI, стр. 269). И, дѣйствительно, уже 22 мая 1737 г. получился „репортъ изъ кадетскаго корпуса и притомъ о приходѣ и расходѣ того корпуса денежной казны генварской трети сего года счетъ“ (стр, 307 и 308).

Въ журналѣ за 23 мая 1737 г. приведена Кабинетомъ критика цифръ по оборотамъ заводовъ Меллеровъ: „по экстракту, сообщенному изъ коммиссіи о заводахъ Меллеровъ, показано: 1) съ 720 по 723 годъ въ выплавкѣ было чугуна въ 3 года 148.327 пуд., а въ 723 до 731, въ 8 лѣтъ, только 270.638 пуд., а по препорціи первыхъ трехъ лѣтъ надлежало быть 350.000 пуд. Того ради въ дополненіе объявить резоны, для чего въ тѣхъ послѣднихъ годахъ умалилось. 2) Въ 731 и 732 годѣхъ въ выплавкѣ только 86.612 пуд., по препорціи первыхъ лѣтъ весьма мало. Того ради и о семъ съ резономъ объявитъ, для чего умалилось. 3) *О продажѣ жельза, какъ ихъ записки, такъ и таможенныя объявленія, между собою весьма несходны*, и для того о семъ выправиться, для чего такое несходство показано, и на чемъ надлежитъ основаться“ (т. VI, стр. 309). Въ данномъ случаѣ были произведены большіе подсчеты цифръ и вообще совершены довольно сложныя контрольныя вычисленія, въ результатѣ чего и появились означенные выше выводы.

Что у Кабинета была вообще система тщательно подсчитывать итоги отчетныхъ вѣдомостей и производить кассовую ревизію, независимо отъ ревизіи по существу, это еще болѣе рельефно видно по примѣру, записанному въ журналѣ за 7-е іюня 1737 года. „Объявить въ монетную канцелярію: *по показаннымъ изъ оной вѣдомостямъ о приходѣ* на мо-

нетные дворы серебра въ 734 и 735 гг. и о передѣлѣ *у одной съ другой великія несходства*, чтобъ выдавались подлинно и подали обстоятельную вѣдомость“ (т. VI. стр, 347).

Изъ этого видно, что тѣ отчетныя вѣдомости, какія получалъ Кабинетъ Министровъ для свѣдѣнія, онъ не только просматривалъ, но и подвергалъ повѣркѣ въ кассовомъ отношеніи и по существу. Совершались эти контрольныя дѣйствія, конечно, не сплошь, а лишь въ извѣстныхъ случаяхъ, когда самъ Кабинетъ усматривалъ въ этомъ надобность, въ зависимости отъ представлявшейся ему важности или сомнительности разсматриваемаго дѣла.

Счетоводство и отчетность. Исторія контрольнаго дѣла отмѣчаетъ [1]), что въ 1736 году даны, наконецъ, правила о счетѣ прихода и расхода въ губерніяхъ, провинціяхъ и городахъ. Это были извѣстныя уже, по предыдущему изложенію, объявленныя указомъ 31 декабря 735 г. (П. С. З. № 6855), „окладныя приходорасходныя книги, счета, репорты и настольные реестры, по новосоставленнымъ и приложеннымъ формамъ, съ приложеніемъ, какимъ порядкомъ оныя содержатъ, по которымъ *во всѣхъ мѣстахъ* съ 736 года такія книги содержать и къ главнымъ командирамъ репортовать“. Кабинетъ Министровъ добился того, что въ государствѣ *введено однообразное счетоводство.* Въ „бумагахъ“ содержатся слѣды многихъ заботъ Кабинета какъ по установленію этого счетоводства, такъ и, еще болѣе, о его поддержаніи и укрѣпленіи.

Въ журналѣ за 5 ноября 1735 г. значится такая запись: „по доношенію изъ Сената, окладнымъ и приходнымъ и расходнымъ книгамъ сочинить формы“ (т. IV, стр. 453). На слѣдующій день, 6 ноября, приказано прислать изъ адмиралтейской коллегіи „окладной приходнымъ и расходнымъ книгамъ адмиралтейскаго вѣдомства и счетамъ формы“ (стр. 456). 9 ноября велѣно прислать: изъ военной коллегіи „формы книгамъ и счетамъ, что учинены по разсужденію воинскою коммиссіей“, а изъ Сената вѣдомость „окладнымъ и приходнымъ и расходнымъ книгамъ, репортамъ и счетамъ, каковы даны губернаторамъ и воеводамъ и сборщикамъ формы“ (т. IV, стр. 459 и 460). 18 ноября затребованы изъ военной коллегіи печатныя формы полковымъ счетамъ (стр. 482). 10 декабря вновь затребована изъ

---

[1]) Саковичъ „Государственный Контроль въ Россіи“, ч. I, стр. 104.

Сената вѣдомость о формахъ приходныхъ и расходныхъ книгъ и счетовъ и репортовъ и настольныхъ реестровъ (стр. 514). 31 декабря утверждены новыя формы. Послѣ этого начинаются новыя заботы о сохраненіи установленнаго порядка.

Противъ новаго счетоводства выступилъ Сенатъ, который въ докладѣ своемъ отъ 23 января 1737 г. предложилъ для канцелярiи монетнаго правленія и Сибирской губернiи сохранить прежнія формы. Кабинетъ Министровъ отнесся къ этому представленію несочувственно. „Какое неудобство имѣется — писалъ онъ въ резолюціи — именно не изъяснено... а между тѣмъ, чтобъ въ томъ остановки не было, велѣть всѣ книги и счеты содержать по послѣднимъ формамъ“ (т. VI, стр. 62—66). 26 апрѣля 1737 г. Сенатъ вошелъ съ новымъ докладомъ о допущеніи веденія денежныхъ счетовъ въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ частью по старымъ, частью по новымъ формамъ. На этомъ докладѣ Кабинетъ наложилъ такую резолюцію: „по вышеписанному сообщенію, ежели позволить тѣ счеты сочинять по старымъ, а о другихъ станутъ дѣлать по новымъ формамъ, изъ сего, разумѣется, вмѣсто прямого дѣла, быть конфузіи. Того ради Пр. Сенату *надлежитъ* о семъ пространное разсужденіе имѣть и *единожды о всѣхъ счетахъ надежное опредѣленіе учинить*, дабы то счетное дѣло по одному, а не по нѣсколькимъ указамъ управляемо быть могло. Но при этомъ въ памятъ приводится, чтобъ всѣ счеты ведены были, вмѣстѣ съ приходомъ и расходомъ, какъ по указу 1735 г, опредѣлено“ (т. VI, стр. 314—321). Кабинетъ Министровъ, какъ видно изъ этой резолюціи, отнюдь не отстаивалъ непремѣнно извѣстную форму; онъ твердо проводилъ только *принципъ единства формы счетоводства для всѣхъ кассъ*. Этимъ его взглядомъ, между прочимъ, объясняется и распоряженіе, изданное 26 февраля 1737 г. „Приказали гг. Министры: объявить въ конторы военной коллегіи, чтобъ сообщили въ Кабинетъ формы, по которымъ содержатъ книги и записываютъ наличность деньгамъ и вещамъ, и дабы *впредь*, какъ получать изъ городовъ репорты о деньгахъ и о прочемъ *записывали у себя*, такъ и въ Кабинетѣ, *равнымъ образомъ*“ (т. VI, стр. 113).

Кабинетъ Министровъ вообще обращалъ вниманіе *на точность счетоводства* и въ этомъ смыслѣ неоднократно дѣлалъ указанія учрежденіямъ и указывалъ имъ ошибки, гдѣ таковыя самъ находилъ. Такъ, когда кн. Трубецкой вступалъ въ управленіе коммиссаріатомъ, Кабинетъ послалъ ему указъ сочинить *исправные* счета о денежной казнѣ со вступленія его къ ком-

миссаріатскимъ дѣламъ (т. VIII, стр. 483). Но въ своемъ стремленіи ввести точное счетоводство и подробно регистрировать каждую казенную копейку Кабинетъ, повидимому, переступилъ границы предѣловъ, возможныхъ для современныхъ исполнителей и слишкомъ усложнилъ свои требованія. Этимъ объясняется появленіе отмѣченнаго профессоромъ А. Н. Филипповымъ („Сенатъ“, стр. 576) донесенія Смоленскаго губернатора Бутурлина „о крайнемъ изнеможеніи счетовъ годовымъ сочиненіемъ“. Бутурлинъ приводитъ примѣры и свои соображенія. „За многоимѣщимися — писалъ онъ — кромѣ опредѣленныхъ къ содержанію по формѣ книгъ разныхъ *доходовъ*, которыя учинены для записи неподлежащихъ въ тѣхъ книгахъ сборахъ, яко то съ 719 по 732 двѣ, неокладнымъ сборамъ — одна, за проданную гербовую бумагу — одна, сбора печатныхъ пошлинъ — одна, съ челобитчиковыхъ дѣлъ — одна, крѣпостныхъ — одна, контрактовыхъ — одна, тарифнымъ ефимкамъ — одна, взятымъ деньгамъ отъ церковниковъ — одна, положенныхъ на лазаретъ объявленнымъ съ вѣнечныхъ памятей — одна, провіантскимъ доходамъ — одна, итого *12 книгъ*. *Расходныхъ:* канцелярскаго мелочного расхода — одна, провіантскимъ доходамъ — одна, тарифнымъ ефимкамъ — одна, фортификаціоннымъ деньгамъ — одна, итого расходныхъ 4, всего 16 книгъ, а съ опредѣленными по формѣ 19, по которымъ скоро повѣрить все довольнаго времени требуетъ. И надѣется, *кто не былъ у сихъ дѣлъ дѣйствительно сочинителемъ, то неудобъ вѣроятно будетъ, сколь многого затрудненія въ томъ и мозголомство приноситъ отъ состоящихъ вновь формъ. И по послѣдней мѣрѣ, какъ наиспѣшнѣе не дѣлать, меньше двухъ мѣсяцевъ во всѣ мѣста репортовъ окончить не можетъ*“ (т. X, стр. 687—688).

Вообще Кабинетъ Министровъ въ контрольное дѣло вложилъ много труда и усилій. Результатомъ ихъ явились 1) регламентъ ревизіонъ-коллегіи, признанный важнымъ законодательнымъ актомъ, 2) установленіе однообразнаго счетоводства по приходу и расходу, 3) усовершенствованіе порядка ревизіи, 4) вообще усиленіе контрольнаго аппарата вплоть до принятія въ немъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, личнаго участія и 5) несомнѣнное улучшеніе, сравнительно съ прежнимъ, счетоводства и отчетности. Однако всѣ эти труды, повидимому, не вполнѣ достигали желаемой цѣли, и отсталость въ ревизіи не только не уменьшалась, а все увеличивалась. По мнѣнію Государственнаго Контроля, выраженному въ его оффиціальномъ изда-

ніи „Государственный Контроль 1811—1911 гг.“, причиною малой успѣшности или даже безплодности мѣръ были: несовершенство мѣстнаго счетоводства и отчетности и недостатокъ личнаго состава ревизіонныхъ учрежденій. Но эти причины Кабинетъ не могъ устранить. Онъ слишкомъ много хлопоталъ объ усовершенствованіи счетоводства и ревизіи. Если же тѣмъ не менѣе его планы не осуществились, то потому, что въ то время не было ни людей, приспособленныхъ вести точное и правильное счетоводство, ни денегъ для увеличенія контрольнаго состава.

ГЛАВА XIX.

Заключеніе.

Всякая финансовая политика проводится въ зависимости отъ наличныхъ условій современной жизни. Точно также и политика Кабинета Министровъ развивалась на почвѣ непосредственнаго вліянія крупныхъ историческихъ факторовъ, къ числу коихъ слѣдуетъ отнести:

во 1-хъ) финансовое наслѣдіе отъ предмѣстниковъ Анны Іоанновны,

во 2-хъ) современныя экономическія и политическія условія жизни,

и въ 3-хъ) положеніе самаго Кабинета.

Свойство оставшагося наслѣдія выяснено во II-й главѣ. Наслѣдство Петра I заключало въ себѣ, главнымъ образомъ, слѣдующія части: 1) утроеніе податныхъ тягостей, 2) хроническіе дефициты въ бюджетѣ отъ 13 до 18% всего сбора, 3) разорительная система взиманія податей при содѣйствіи солдатскихъ экзекуцій, 4) разстройство денежной системы, паденіе курса и вздорожаніе товаровъ, 5) крайнее истощеніе матеріальныхъ и моральныхъ силъ у крестьянъ, 6) убыль населенія по крайней мѣрѣ на 20%, 7) полный хаосъ въ выполненіи бюджета и хроническія недоплаты и задержки денегъ кредиторамъ казны, 8) отсутствіе надлежащаго контроля, счетоводства и отчетности и 9) казнокрадство и всякія иныя неисчислимыя злоупотребленія. Послѣ смерти Петра I генералъ-прокуроръ Ягужинскій подалъ Екатеринѣ I записку, гдѣ откровенно изобразилъ мрачное положеніе дѣлъ со множествомъ умирающихъ отъ голода, съ разорительнымъ сборомъ податей, съ полнымъ обнищаніемъ народа, и эту картину общаго разстройства закончилъ такимъ предостереженіемъ: „и ежели далѣе сего такъ продолжать, то всякому россійскаго отечества сыну, соболѣзнуя, разсуждать надлежитъ, дабы тѣмъ такъ главнаго государства не-

радивымъ смотрѣніемъ не допустить въ конечную гибель и бѣдство". И въ указѣ Екатерины I отъ 9 января 1727 г. выражено печальное признаніе, что сколько ни трудился Петръ Великій надъ устроеніемъ духовнымъ и свѣтскихъ силъ, однако, ничего изъ этого не вышло, „того не учинено", и едва ли не всѣ дѣла въ худомъ порядкѣ находятся.

Верховный Тайный Совѣтъ стремился внести возможныя поправки и улучшенія. Изъ его дѣятельности въ этомъ направленіи слѣдуетъ отмѣтить: 1) общее сокращеніе расходовъ на областную финансовую администрацію, 2) измѣненіе порядка подушнаго сбора и выводъ полковъ съ уѣздныхъ квартиръ, чѣмъ отмѣнена одна изъ самыхъ основныхъ чертъ петровской организаціи и 3) обсужденіе мѣръ къ облегченію народныхъ нуждъ и уменьшенію подушнаго оклада. Вообще, какъ справедливо отмѣтилъ Милюковъ, дѣятельность Верховнаго Тайнаго Совѣта представляетъ собою реакцію противъ какъ финансовой администраціи, такъ и податной системы Петровскаго времени, что, однако, вовсе не составляло протеста противъ реформъ Петра I, а, напротивъ, лишь ихъ дальнѣйшее развитіе и осуществленіе въ примѣненіи къ условіямъ русской жизни („Госуд. Хоз.", стр. 524). Но стремленія Верховнаго Тайнаго Совѣта, какъ отмѣчено во II главѣ, на практикѣ не внесли въ финансы никакихъ серьезныхъ улучшеній. А нѣкоторыя части еще болѣе ухудшились—это монетная регалія и отчетность. Такимъ образомъ къ началу царствованія Анны Іоанновны финансы и вообще экономическое положеніе страны находились въ состояніи полнаго развала.

Когда началась финансовая дѣятельность Кабинета, у него не было твердаго и устойчиваго финансоваго фундамента. Не было средствъ. Но за нимъ стоялъ уже нѣкоторый опытъ однороднаго съ нимъ учрежденія—Верховнаго Тайнаго Совѣта, съ его стремленіями къ улучшенію финансовъ. Слѣдовательно, когда Кабинетъ принялся за свою работу въ области финансовъ, то его труды въ этомъ направленіи, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, представляли собою какъ бы продолженіе политики Верховнаго Тайнаго Совѣта. Эта преемственная связь являлась тѣмъ болѣе естественной, что одинъ изъ самыхъ главныхъ финансовыхъ дѣятелей—Остерманъ—былъ членомъ обоихъ учрежденій—и Верховнаго Тайнаго Совѣта и Кабинета Министровъ. Работа Кабинета Министровъ началась еще въ то время, когда онъ занималъ положеніе „тайносодержимаго" Кабинета. И тогда появились такія финансовыя мѣропріятія, которыя уже совершенно

ясно опредѣляли характеръ его послѣдующей дѣятельности. Въ этотъ періодъ былъ поставленъ на очередь вопросъ о сбавкѣ подушныхъ денегъ; поручено Сенату составить штаты коллегій и канцелярій; измѣнена система взиманія податей; учреждена коммиссія по улучшенію денежной системы и тогда же памѣчены основныя положенія послѣдующей монетной реформы, и даже приступлено къ изъятію старыхъ порченныхъ денегъ; сокращенъ расходъ на адмиралтейство; затребованы для повѣрки различныя вѣдомости изъ коллегій и т. д. Во всемъ этомъ замѣчалась уже новая и живая струя государственной жизни. Отмѣченные случаи выражали собою проявленіе цѣльной системы, задача которой сводилась къ опредѣленной цѣли—улучшенію финансовъ. Но на пути этой созидательной работы вскорѣ встрѣтились новыя тяжелыя препятствія, которыя задержали и даже измѣнили весь ходъ поступательнаго движенія Кабинета—это войны, голодъ и иныя невзгоды и затѣмъ личныя качества правительственныхъ агентовъ.

Подготовительныя дѣйствія къ польской войнѣ начались уже съ 1733 года, 1734 же годъ былъ временемъ самаго разгара этой войны. А когда прекратилась война польская, началась затяжная турецкая война. Обѣ войны вызвали чрезвычайные расходы и совершенно истощили и населеніе, и средства государственной кассы, которыя и безъ того были крайне ослаблены еще въ предыдущіе годы.

Съ 1733 года появилось новое бѣдствіе—неурожаи, а за ними голодъ, повальныя болѣзни и пожары. Крестьяне „отъ скудости“ во многихъ мѣстахъ питались „гнилой колодой, мхомъ, корой, листвіемъ и травами, и отъ онаго недорода многіе померли и разбрелись врознь, а наибольше за польскій рубежъ“. Крестьяне пошли по-міру и, чѣмъ дальше, число нищихъ все болѣе увеличивалось: „отъ множества ихъ трудно проѣзжать“. Императрица издала 25 апрѣля 1734 г. указъ, которымъ повелѣно всѣмъ помѣщикамъ кормить своихъ голодныхъ крестьянъ. Но этотъ указъ не исполнялся, и нищенство продолжалось до самаго конца царствованія Анны Іоанновны. Экономическое разстройство крестьянъ, помимо такихъ невзгодъ, какъ неурожаи, во всякомъ случаѣ временныхъ, коренилось во всемъ укладѣ современной жизни, на что указало само правительство: „не отъ податей государственныхъ, *но отъ непрестанныхъ работъ помѣщиковыхъ крестьяне разоряются*“ (П. С. З. № 7494).

Помимо того, что у правительства не было средствъ, у

него не было и надежныхъ людей. Его агенты прежде всего были малокультурны и не могли выполнять сколько-нибудь сложной работы, отчего всѣ благія начинанія Кабинета часто сводились къ нулю и рушились. А затѣмъ указы часто обвиняли приказныхъ во взяточничествѣ. Взятки и воровство казеннаго имущества со стороны всякихъ властей — и военныхъ и гражданскихъ—повидимому, вошли уже въ обычай. Объ этомъ знала сама Императрица. И она часто даже не возмущалась, а просто констатировала факты (гл. V). „Бумаги“ изобилуютъ свѣдѣніями о всякаго рода хищеніяхъ и злоупотребленіяхъ со стороны приказныхъ (гл. XVII). Знаменитый Масловъ былъ однимъ изъ самыхъ рьяныхъ преслѣдователей администраціи: воеводы и приказные, по его словамъ, „многія трудности и разоренія чинятъ не для пользы государственной, только для своей корысти и взятковъ“ (гл. XII). Отсюда понятно, что мѣстная администрація въ глазахъ высшаго правительства стояла вообще очень низко. Правительство ее не уважало и, вполнѣ основательно, не довѣряло своимъ агентамъ.

Управленіе текущими дѣлами по финансамъ, какъ выяснено въ главѣ I-й, принадлежало Сенату. Кабинетъ по этому поводу высказывался такимъ образомъ: „всѣ государственные доходы въ Сенатѣ вѣдомы, а министры о томъ, сколько гдѣ денежныя казны есть на лицо, неизвѣстны“ (т. V, стр. 325) и „всѣ государственные доходы въ рукахъ Сената находятся“ (т. VI, стр. 297). Согласно съ этимъ, Кабинетъ Министровъ, въ области финансовъ, оставлялъ за собою лишь общее руководительство и финансовую политику. Но это было только номинально. Въ дѣйствительности же Кабинетъ, какъ видно изъ предыдущихъ главъ, не оставлялъ ни одной финансовой области, гдѣ бы онъ не проявлялъ активно своего участія по управленію дѣломъ. Онъ часто доходилъ до мелочей, входилъ непосредственно въ сношенія даже съ малыми чинами, руководилъ ихъ дѣятельностью и отдавалъ имъ распоряженія лично, минуя Сенатъ. Это особенно рельефно проявилось въ сношеніяхъ съ офицерами по доимочнымъ и переписнымъ дѣламъ. Вообще Министры сами „натащили на себя много дѣлъ“. А затѣмъ Императрица всю тяжесть государственныхъ дѣлъ переложила на Кабинетъ Министровъ. Уже въ 1735 г. послѣдовалъ рескриптъ не утруждать Ея В—во малыми дѣлами. Въ томъ же году указы и резолюціи за подписью Министровъ получили одинаковую силу съ актами, имѣвшими подпись Императрицы. А въ 1738 году „дана имъ во всемъ полная мочь; и указовъ, за подписаніемъ

рукъ ихъ, велѣно слушать властно такъ, какъ и за собственною Е. И. В. Высочайшею рукою“.

Въ источникахъ имѣются, между прочимъ, два такихъ случая, когда резолюціями Министровъ отмѣнялись тѣ распоряженія, которыя заключались въ предыдущихъ указахъ Императрицы [1]). Но на эти случаи, конечно, нельзя смотрѣть, какъ на отмѣну указовъ Императрицы и вообще ихъ нельзя объяснять исключительной полнотой власти Кабинета. Они могли произойти по разнымъ причинамъ: во 1-хъ, на это министры могли лично испросить согласіе Императрицы и, во 2-хъ, послѣдующія распоряженія могли считаться простымъ развитіемъ первоначальныхъ повелѣній. Въ дѣйствительности же Кабинетъ Министровъ далеко не обладалъ ни полнотой власти, ни свободой дѣйствій. Тогда изысканіе средствъ на выполненіе текущихъ государственныхъ потребностей представляло тяжелую и неблагодарную задачу. Для этого требовалось особое искусство. Императрица довѣряла опыту Кабинета въ этомъ направленіи, и *Кабинетъ долженъ былъ проявлять свое искусство, или политику въ построеніи извѣстной системы полученія средствъ*, наиболѣе пригодной при современныхъ условіяхъ. Но способы использованія уже добытыхъ средствъ нерѣдко проводились помимо желанія и участія Кабинета; иногда безъ него же намѣчалась частная политика по отдѣльнымъ финансовымъ и экономическимъ вопросамъ. Кабинетъ при всей его „полной мочи“ долженъ былъ прежде всего считаться со взглядами и велѣніями самой Императрицы, которая въ свою очередь могла дѣйствовать подъ вліяніемъ иныхъ приближенныхъ ей лицъ, кромѣ членовъ Кабинета. А эти лица по преимуществу преслѣдовали чисто

---

[1]) Такъ, напр., по указу Анны Іоанновны отъ 30 января 1733 г. установлено было: новой камеръ-коллегіи сочинять окладную книгу, *утверждаясь по счетамъ*, которые должна повѣрить прежняя камеръ-коллегія. А когда Сенатъ представилъ всеподданнѣйшее доношеніе о невозможности составленія книги порядкомъ, изложеннымъ въ указѣ отъ 30 января 733 г., то Кабинетъ, своей резолюціей отъ 27 мая 1737 г. на доношеніи Сената, ввелъ совершенно иной порядокъ— составлять при помощи адмиралтейскихъ вѣдомостей. И Сенатъ принялъ эту резолюцію, какъ нѣчто должное и нормальное (гл. XV). Затѣмъ 21 мая 1739 г. послѣдовалъ именной указъ (П. С. З. № 7813) производить штатскимъ чинамъ уплату жалованья не изъ штатсъ-конторы, а „изъ доимки денегъ прошлыхъ лѣтъ кабацкихъ и таможенныхъ сборовъ“. Но въ дѣйствительности оказалось, что доимочныя деньги находятся не при всѣхъ коллегіяхъ, а затѣмъ, самое главное, жалованье штатскіе чины получали не изъ штатсъ-конторы, а изъ своихъ „особливыхъ“ доходовъ. И 8 ноября 1739 года послѣдовало сообщеніе изъ Кабинета въ Сенатъ (П. С. З. № 7935) „о производствѣ статскимъ чинамъ жалованья изъ получаемыхъ доходовъ того мѣста, въ которомъ кто служитъ“. Слѣдовательно, и въ послѣднемъ случаѣ Кабинетъ считалъ себя вправѣ отмѣнить даже именной указъ (гл. XIV).

эгоистическія цѣли и въ лучшемъ случаѣ, когда выражали стремленія общегосударственнаго свойства, шли вразрѣзъ съ планомѣрной политикой Кабинета. Такимъ образомъ финансовая политика Кабинета, въ ея внѣшнихъ проявленіяхъ, являлась уже результатомъ извѣстной борьбы и слѣдовавшихъ за нею согласованныхъ дѣйствій различныхъ интересовъ и взглядовъ. Эти постороннія вліянія иногда на столько рѣзко отклонялись отъ общей политики, которую проводилъ самъ Кабинетъ, что они совершенно рельефно выдѣляются, и ихъ легко доказать на нѣкоторыхъ довольно типичныхъ примѣрахъ. Такъ устроеніе конныхъ заводовъ и крупные расходы на пріобрѣтеніе дорогихъ чужестранныхъ производителей совершались внѣ всякаго участія Кабинета. Онъ въ данномъ случаѣ игралъ пассивную роль простой нотаріальной конторы. Что ему приказывалъ Волынскій отъ имени Императрицы, то онъ и записывалъ (гл. VIII, п. 3). Затѣмъ одна изъ самыхъ невыгодныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ крупныхъ финансовыхъ операцій—это передача въ частныя руки горныхъ заводовъ—производилась также, очевидно, подъ давленіемъ иной, болѣе сильной власти, чѣмъ Кабинетъ (гл. VIII, п. 4-й). Едва ли также спрашивала Императрица разрѣшенія Кабинета на оплату изъ разныхъ источниковъ ея драгоцѣнностей, экипажей Миниху и Левенвольду и проч. (гл. XIV, раздѣлъ „в“, п. 2). Наконецъ, право распоряженія домочными суммами Кабинетъ получилъ только въ 1739 году (гл. XIV, раз. „б“). Слѣдуетъ также отмѣтить довольно характерный случай съ извѣстнымъ проектомъ Маслова о „скудости“ крестьянской. Этотъ проектъ поступилъ въ Кабинетъ при особомъ указѣ Императрицы, въ которомъ уже была начертана готовая программа вопросовъ и довольно ясно дано дальнѣйшее направленіе дѣйствіямъ Кабинета. Въ главѣ V° указано, что проектъ Маслова до передачи его Кабинету былъ тщательно профильтрованъ и всѣ его вопросы взвѣшены и продуманы; словомъ, здѣсь имѣла мѣсто извѣстная подготовительная работа людей, также умудренныхъ опытомъ. Нельзя допустить, чтобы этими людьми были Масловъ или члены Кабинета: Масловъ—потому, что указъ составленъ не вполнѣ согласно съ его желаніемъ, а Министры—потому, что въ указѣ содержатся упреки имъ за неприсылку извѣстія о голодѣ съ начала года. Поэтому возможно съ большой долей вѣроятности предполагать, что у Императрицы, помимо оффиціальнаго Кабинета, имѣлись неоффиціальные совѣтники изъ числа приближенныхъ ей лицъ, съ которыми она, по мѣрѣ встрѣчаемой ею самой потребности, обсуждала

извѣстные вопросы и намѣчала свою политику дѣйствій, которую затѣмъ и проводила черезъ Кабинетъ Министровъ. Все это, вмѣстѣ взятое, несомнѣнно нарушало цѣльность и стройность финансовой политики, какъ опредѣленной и единой системы извлеченія и утилизаціи средствъ, а слѣдовательно ослабляло эту систему и, наряду съ другими факторами, относилось также къ числу неблагопріятныхъ условій дѣятельности Кабинета.

По компетентному заключенію проф. Озерова, планъ финансовой политики, продиктованный требованіями финансовой науки, нерѣдко, къ сожалѣнію, остается только идеаломъ, такъ какъ въ практическую политику вторгаются сильные интересы разныхъ группъ, что и дѣлаетъ ее пестрой, неустойчивой, нерѣдко идущей вразрѣзъ съ пожеланіями науки („Основы финансовой науки“, стр. 3). Если это положеніе можетъ касаться даже современныхъ государственныхъ хозяйствъ, то тѣмъ болѣе оно примѣнимо по отношенію къ изслѣдуемому періоду. Несомнѣнно, политика Кабинета Министровъ не всегда шла въ согласіи съ идеаломъ. Но Кабинетъ всѣми мѣрами стремился къ идеалу, конечно, въ той его формѣ, какъ онъ самъ его представлялъ. При томъ состояніи финансовъ, какое Анна Іоанновна получила въ наслѣдство и при современныхъ условіяхъ, это стремленіе Кабинета является самой характерной его чертой. Во всякомъ случаѣ разсмотрѣніе финансовой политики Кабинета Министровъ подъ угломъ объективнаго идеала финансоваго хозяйства и политики можетъ только содѣйствовать большему освѣщенію вопроса.

Объективный идеалъ финансоваго хозяйства и политики, какъ извѣстно, заключаетъ въ себѣ три основныхъ *элемента*:

1-й) такую организацію способовъ полученія средствъ, чтобы государство всегда могло легко удовлетворять свои потребности,

2-й) чтобы переходъ этихъ средствъ изъ частныхъ хозяйствъ въ руки государства не ослаблялъ хозяйствъ, т. е. эта тягота должна такъ распредѣляться, чтобы она не уменьшала платежныхъ силъ,

и 3-й) средства должны употребляться возможно производительнѣе.

На сколько удовлетворяла этимъ требованіямъ политика Кабинета, можно судить по освѣщенію послѣдней съ каждой изъ этихъ точекъ зрѣнія.

1. *Чтобы государство всегда могло легко удовлетворять свои потребности.*

Это первое и самое главное условіе политики оказалось невыполнимымъ. Кабинетъ упорно боролся въ продолженіи всѣхъ девяти лѣтъ, чтобы хотя до извѣстной степени удовлетворить этому условію. Онъ, какъ указано въ главѣ XVII, проявилъ здѣсь всю свою изумительную энергію, стараясь прежде всего о томъ, чтобы какъ нибудь сводить концы съ концами, но и это не всегда удавалось. Недостача денегъ была всеобщая и самая крайняя. Ни одна потребность не удовлетворялась полностью. И даже то, что отпускалось, добывалось съ чрезвычайнымъ напряженіемъ. Этому положенію посвящена спеціальная глава XVII, изъ которой видно, что нуждались въ деньгахъ и оставались неудовлетворенными всѣ части государственнаго организма, начиная съ Императрицы и кончая послѣднимъ приказнымъ. Сама Императрица доходила до такой крайности, что ей „на покупку про обиходъ Нашъ всякихъ припасовъ не достаетъ“. Для нея, по требованію, по всему городу искали съ „ѣздовыми“ 50.000 р. по разнымъ мѣстамъ, и съ трудомъ нашли въ 3-хъ мѣстахъ. Всѣ работы по адмиралтейству приходили „въ крайнюю остановку“. Солдаты „весьма наги и боси“ бывали и претерпѣвали всякую нужду. Задерживалась изъ за безденежья самая отправка войскъ: напр. чтобы добыть подъемныя деньги казакамъ, собрали деньги въ 24 кассахъ, да и то не полностью. По недостатку денегъ во всѣхъ „нужнѣйшихъ исправленіяхъ остановка“ чинилась. И несчастные приказные, какъ писали о нихъ, „гладомъ помираютъ“ и по міру ходятъ. Весь государственный корабль качался и трещалъ, и только Кабинетъ Министровъ зорко стоялъ на стражѣ финансоваго благополучія и искусно управлялъ рулемъ. Причины крайняго затрудненія въ удовлетвореніи государственныхъ потребностей находились, несомнѣнно, внѣ всякой зависимости отъ финансоваго искусства Кабинета. И происхожденіе ихъ совершенно понятно: онѣ заключались всецѣло въ указанномъ выше тяжеломъ наслѣдіи предмѣстниковъ Анны Іоанновны и затѣмъ въ неблагопріятныхъ современныхъ условіяхъ жизни—войны, неурожаи и проч.

Могъ ли Кабинетъ Министровъ, при данныхъ условіяхъ, сдѣлать большее, чѣмъ онъ дѣлалъ, слѣдуетъ судить по его дѣятельности. Нигдѣ не имѣется плана его финансовой политики. Но онъ несомнѣнно существовалъ, и Кабинетъ старался проводить его неуклонно. Планъ этотъ представляется совершенно ясно. Кабинетъ одновременно дѣйствовалъ на два фронта. Въ одномъ случаѣ онъ занимался поисками средствъ для удовлетворенія *текущихъ* неотложныхъ нуждъ. И параллельно

стремился *упорядочить* бюджетъ и создать въ *будущемъ* почву для установки болѣе устойчиваго финансоваго фундамента.

Для обезпеченія *текущихъ* потребностей служили слѣдующія мѣропріятія.

1) Прежде всего, вполнѣ естественно было обратиться къ неисправнымъ плательщикамъ и предложить имъ уплатить *недоимку*. Правительство такъ и сдѣлало. И когда добровольной уплаты не послѣдовало, начались взысканія и понудительныя мѣры. Противъ такихъ мѣръ, съ принципіальной точки зрѣнія, пельзя дѣлать никакихъ возраженій. Недоимка должна уплачиваться, а тѣмъ болѣе при той острой нуждѣ, какая, до извѣстной степени, являлась результатомъ неплатежа недоимки. Исключенія могутъ дѣлаться только въ силу особыхъ обстоятельствъ, которыя, какъ будетъ указано во второй части, Кабинетъ учитывалъ.

Суровое отношеніе историковъ къ мѣрамъ взысканія доимки въ царствованіе Анны Іоанновны за послѣднее время, подъ вліяніемъ изученія неизвѣстныхъ прежде памятниковъ, стало замѣняться инымъ и, нужно признать, болѣе правильнымъ освѣщеніемъ. Такъ въ одномъ изъ самыхъ позднѣйшихъ (изд. 1913 г.) ученыхъ изслѣдованій Ю. Готье, подъ названіемъ „Исторія областнаго управленія въ Россіи отъ Петра I до Екатерины II“, говорится: „хорошо извѣстно, какое тяжелое финансовое наслѣдіе оставилъ великій Петръ, какъ подорваны были платежныя способности населенія, и какія громадныя недоимки стали оставаться за населеніемъ съ самаго перваго года существованія подушной подати, которая должна была наполнить настоятельно требовавшую этого казну. Въ счетъ бюджета доходовъ 1724 г., исчисленнаго въ 10.355.597 р., поступило только 8.172.434 р.,— до $20^0/_0$ осталось въ доимкѣ. Ни вторая половина 20-хъ годовъ, ни 30-е годы не увидѣли перемѣнъ въ состояніи народнаго хозяйства. Народный организмъ еще не переболѣлъ истощенія, причиненнаго петровскими войнами и преобразованіями, и недоимки накоплялись все болѣе и болѣе. А между тѣмъ правительство Императрицы Анны и ея дворъ также должны были существовать: Россія участвовала въ европейской политикѣ, вела продолжительныя и дорого стоившія войны, слѣдовательно, нужда въ деньгахъ была по прежнему большая; она, можетъ быть, была даже острѣе, чѣмъ при Петрѣ. Вотъ почему на царствованіе Анны легла черная память особенной жестокости при выколачиваніи *податей*: *Ихъ выколачивали, потому что иначе нельзя было поступить*. Ихъ выколачивали тѣмъ

упорнѣе и безпощаднѣе, чѣмъ острѣе была нужда, испытываемая государственной казной“ (т. I, стр. 10, 11). Такимъ образомъ, обращеніе къ такому средству, какъ взыскаиіе недоимокъ, и даже способъ его примѣненія—выколачиваніе—признаются неизбѣжными: „иначе — какъ совершенно правильно сказалъ Готье—нельзя было поступать“.

Здѣсь слѣдуетъ привести еще другое положеніе Готье, высказанное въ той же книгѣ: „*финансовая политика преемниковъ Петра, точно такэке, какъ и его собственная, была въ значительной мѣрѣ политикой выколачиванія податей изъ страны*“ (стр. 423).

Это весьма характерное мнѣніе. На него слѣдуетъ обратить вниманіе, потому что оно пользуется въ исторической наукѣ широкимъ распространеніемъ и выражается даже въ болѣе рѣзкой формѣ, чѣмъ это сказано Готье. Все царствованіе освѣщается почти исключительно подъ однимъ угломъ выколачиванія доимокъ. Это и есть тотъ центръ, къ которому сосредоточивается все вниманіе. Совершенно невольно возникаетъ вопросъ, не съуживается ли это вниманіе и не является ли оно слишкомъ одностороннимъ. Если бы такое положеніе существовало на самомъ дѣлѣ, тогда все изслѣдованіе о финансовой политикѣ Кабинета могло бы укладываться въ нѣсколькихъ словахъ: „финансовая политика Кабинета Министровъ была въ *значительной мѣрѣ политикой выколачиванія* податей изъ страны, а всѣ иныя мѣры, когда таковыя примѣнялись, служили несущественнымъ придаткомъ къ основному элементу“. Дѣйствительность однако совершенно расходится съ такимъ положеніемъ. Политика Кабинета Министровъ, при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, не была на столько односторонняя и бѣдна своимъ содержаніемъ и, наоборотъ, въ ней замѣчается даже извѣстная разносторонность, на сколько, конечно, это оказывалось возможнымъ при наличныхъ условіяхъ.

2) Въ цѣляхъ мобилизовать и притянуть къ государственному тяглу всѣ почему либо оставшіяся *свободными отъ податей* рабочія силы, Кабинетъ, возбудилъ вопросъ о прописныхъ (пропущенныхъ по ревиз. сказкамъ) и неокладныхъ душахъ. Прописныя души, однако, трудно было установить безъ новой всеобщей переписи. А неокладныя души удалось привлечь къ платежу и рекрутскому набору. Это были, главнымъ образомъ, „духовнаго чина люди“: архіерейскіе дѣти боярскіе, слуги монастырскіе и поповичи и затѣмъ разные „гуляіціе люди“ (гл. VI).

Въ тѣхъ же цѣляхъ были произведены новыя переписи въ Ингерманландіи и Бѣлгородской губерніи (гл. VI).

Острая нужда въ средствахъ побудила Кабинетъ обложить ясашныхъ двойнымъ окладомъ: съ русскихъ ясашныхъ и черносошныхъ крестьянъ, сверхъ подушныхъ денегъ, собирать хлѣбъ по одному четверику съ души, а съ татаръ, мордвы, чувашъ, черемисъ и прочихъ иновѣрцевъ — вдвое противъ русскихъ (гл. VII). Но это было мотивировано тѣмъ, что всѣ эти лица жили въ хлѣбородныхъ мѣстностяхъ.

Въ 1738 г. Кабинетъ коснулся и раскольниковъ. Они при Петрѣ I были положены въ двойной окладъ, но за то освобождались отъ набора рекрутъ и лошадей. А въ 1738 г. велѣно было собирать и съ нихъ рекрутъ и лошадей (гл. VII).

Подушный сборъ, на общихъ основаніяхъ, былъ введенъ въ 1734 г. и въ Эстляндской губ.

3) Обращены въ регаліи соль и ревень. На торговлю казенными товарами удѣлялось особенное вниманіе. Помимо регальныхъ товаровъ, очень заботились о сбытѣ поташа и смольчуга, вырабатывавшихся на казенныхъ заводахъ. Въ силу крайней нужды Кабинетъ организовалъ даже продажу быковъ изъ Украйны въ Бреславль. Вообще въ дѣлѣ торговли казна конкурировала съ частной торговлей (гл. IX) и въ этихъ случаяхъ выступала со всѣми торгашескими пріемами.

4) Затѣмъ обычной мѣрой выхода изъ затрудненій были междувѣдомственные займы. Но это, конечно, не создавало новыхъ цѣнностей. Поэтому старались вездѣ экономить и сокращать расходы, а гдѣ и эти средства не помогали, прекращали платежи. Отсюда получили начало всякія задержки денежнаго довольствія, выдача приказнымъ жалованья товарами и т. д. Идя дальше по этому пути, дошли наконецъ и до распоряженія: для кормленія солдатъ „гнилой провіантъ въ дачу производить, примѣшивая къ свѣжему четвертую часть“ (гл. XVII).

Кабинетъ, однако, не ограничивался однѣми мѣрами удовлетворенія текущихъ потребностей. Параллельно онъ дѣятельно работалъ и въ другомъ направленіи, стремясь создать въ будущемъ прочный финансовый фундаментъ и вообще упорядочить бюджетъ. Изъ его трудовъ въ этой области слѣдуетъ отмѣтить:

1-е) прежде всего попытку составленія государственной росписи, или окладной книги „*дабы такое расположеніе государственныхъ повсягодныхъ доходовъ и расходовъ на предбудущіе времена служить могло*“. Составленіе такой книги было предусмотрѣно еще по регламенту камеръ-коллегіи, утвер-

жденному 23 іюня 1731 года. Отсутствіе росписи и неимѣніе точныхъ и полныхъ свѣдѣній о размѣрахъ платежныхъ средствъ, ихъ прибыли и убыли ставили Кабинетъ въ затруднительное положеніе. И Кабинетъ въ продолженіи всѣхъ девяти лѣтъ энергично боролся за проведеніе въ жизнь этой росписи. И Сенатъ „всеусердное стараніе имѣлъ, точію никакъ сочинить невозможно“. Книга осталась несоставленной. Причина неуспѣха заключалась въ общей хаотичности тогдашняго хозяйства и не умѣлости мѣстныхъ властей.

Въ виду особой важности этой, одной изъ самыхъ серьезныхъ, попытки Кабинета къ улучшенію государственнаго бюджета ей удѣлена особая глава (XV).

Неудача въ дѣлѣ такой чрезвычайной важности, какъ составленіе правильной государственной росписи, тяжело отразилась на всей финансовой дѣятельности верховнаго правительства. Пришлось, въ силу необходимости, собирать всякіе государственные доходы по окладной книгѣ 1724 года, которая уже устарѣла и отстала отъ дѣйствительной жизни. И Кабинетъ Министровъ вынужденъ былъ брести ощупью и вездѣ на своемъ пути добывать, по каждому случаю, прочный финансовый матеріалъ. Это положеніе, замѣтно, отразилось въ требованіи Кабинетомъ разныхъ вѣдомостей о приходѣ и расходѣ, характеръ которыхъ изложенъ въ главѣ XVI.

2) Предпринявъ составленіе окладной книги, Кабинетъ Министровъ въ то же время занялся и „учиненіемъ“ штатовъ. Эта реформа также являлась настоятельно необходимой: „понеже противъ учиненнаго въ 725 году штата нынѣ какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, многая произошла отмѣна и во многихъ мѣстахъ прибавка къ жалованью“. Допустимы случаи, что, на почвѣ хаотической отчетности, происходила выдача жалованья безъ всякихъ на то правъ; и наоборотъ имѣвшіе права совершенно не получали жалованья, что вызывало ропотъ и безчисленныя жалобы. Вообще въ способахъ и источникахъ вознагражденія существовала крайняя пестрота: одни получали по старымъ штатамъ, другіе—по особымъ указамъ, а третьи и совсѣмъ ничего не получали, какъ напр. нѣкоторые приказные, которые, по указу 23 Мая 1726 г., довольствовались, по прежнему обыкновенію, съ челобитчиковъ, „кто что дастъ по своей волѣ“. Кабинетъ Министровъ придавалъ этому дѣлу значеніе на столько серьезное и важное, что, издавая указы по поводу составленія окладной книги, въ числѣ другихъ мотивовъ необходимости послѣдней, приводилъ слѣдующія: „оная (окладная)

книга толь нынѣ нужна, что, не имѣя о всѣхъ доходахъ подлиннаго извѣстія, государственнаго всего стату... ко окончанію привесть не можно". Но, при всей энергіи Кабинета, и это дѣло осталось невыполненнымъ по тѣмъ же причинамъ, какъ и окладная книга. Пришлось, поэтому, утвердить только нѣсколько частныхъ штатовъ по отдѣльнымъ учрежденіямъ (гл. XVI).

3) Во всякой финансовой организаціи однимъ изъ основныхъ элементовъ твердой и устойчивой базы является правильно организованный контроль. Безъ этого база немыслима, и отсутствіе этого элемента неизбѣжно влечетъ къ разрушенію или, по крайней мѣрѣ, къ ослабленію самой организаціи. Петру Великому „за военными и государственными дѣлами, время не дозволило дать особливаго регламента" ревизіонъ коллегіи, а изданные указы остались неисполненными. Отсюда получились такія послѣдствія: „въ сборахъ государственныхъ и въ казенныхъ долгахъ безчисленная недоимка запущена, также въ рапортахъ и счетахъ слабо поступаютъ, а не только по прошествіи каждаго года, но и черезъ нѣсколько лѣтъ счеты не составлены и не освидѣтельствованы". Естественнымъ выходомъ изъ такого положенія было то средство, къ которому прибѣгнуло правительство Анны Іоанновны: „*поэтому*—говорится въ регламентѣ—нынѣ ревизіонъ-коллегію на такомъ основаніи учредить, чтобы она со всѣхъ коллегій, канцелярій и подчиненныхъ имъ мѣстъ въ опредѣленные сроки счета взыскивала и каждый годъ,—не запуская годъ за годомъ,—пересматривала и ревизовала". Ревизіонъ коллегіи отвели высокое мѣсто: „должность ревизіонъ-коллегіи имѣть вышнюю дирекцію въ свидѣтельствѣ и ревизіи счетовъ о всѣхъ государственныхъ доходахъ и расходахъ" (П. С. З. № 6391). Изданный регламентъ ревизіонъ-коллегіи признанъ какъ важный въ исторіи контроля законодательный актъ. Кромѣ этого акта, было издано много другихъ узаконеній, касавшихся ревизіи счетовъ.

Помимо ревизіонъ-коллегіи, существовала генеральная счетная коммиссія. Затѣмъ функціонировали счетныя коммиссіи, причемъ послѣднія, какъ отмѣчено въ главѣ XVIII, представляютъ собою, несомнѣнно, оригинальное явленіе, которое свойственно только періоду царствованія Анны Іоанновны. Наконецъ, Кабинетъ Министровъ даже непосредственно принималъ участіе въ контролѣ.

Условія жизни не всегда давали возможность осуществить тотъ идеалъ „вышняго" контроля, какой намѣчался Кабинетомъ. Послѣднему приходилось вести упорную борьбу за проведеніе

въ жизнь регламента и положенныхъ въ него началъ. На ревизію шли неохотно. Приходилось понукать, а при невозможности — дѣлать неизбѣжныя уступки и исключенія. Труды Кабинета въ этомъ направленіи не вполнѣ достигали желаемой цѣли, но они всетаки внесли извѣстное улучшеніе и расширеніе ревизіоннаго дѣла, и должны быть отмѣчены въ исторіи, по крайней мѣрѣ, какъ активное стремленіе къ приданію твердости финансовому управленію.

4) Отчетность находилась въ такомъ хаотическомъ состояніи, что правительство само не знало, нужно ли платить деньги, кому и за что. Когда Сенатъ сталъ разсматривать губернскія вѣдомости по годовымъ расходамъ, то въ нихъ явились немалыми суммами такіе, о которыхъ „съ чего начались, какъ въ той конторѣ (штатсъ-конторѣ), такъ и въ Сенатѣ обстоятельнаго извѣстія не имѣется“ (т. IX, стр. 250).

При правильномъ контролѣ такое положеніе, конечно, являлось невозможнымъ. И въ 1735 г. были объявлены „окладныя приходорасходныя книги, счета, репорты и постоянные реестры, по новосоставленнымъ и приложеннымъ формамъ, съ приложеніемъ, какимъ порядкомъ оныя содержать, по которымъ *во всѣхъ мѣстахъ* съ 736 г. такія книги содержать, и къ главнымъ командирамъ репортовать“. Кабинетъ Министровъ добился того, что въ государствѣ *введено правильное и однообразное счетоводство*. И это мѣропріятіе отмѣчено въ исторіи контрольнаго дѣла. Но при этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду отмѣченное проф. Филипповымъ донесеніе Смоленскаго Губернатора Бутурлина о „крайнемъ изнеможеніи счетовъ годовымъ сочиненіемъ“. И надо признать, что счетоводныя требованія на практикѣ оказались слишкомъ сложны и превышали силы современныхъ исполнителей.

5) Особенно выдающуюся и плодотворную дѣятельность Кабинетъ проявилъ въ дѣлѣ устройства денежной системы. До Анны Іоанновны монетная регалія служила почти исключительно какъ источникъ самой крайней эксплоатаціи, послѣдствіемъ чего явился выпускъ въ обращеніе большого количества дешевой и испорченной монеты, паденіе курса, вздорожаніе товаровъ. На эту часть Кабинетъ обратилъ исключительное вниманіе и съ самаго начала повелъ совершенно опредѣленную политику, цѣлью которой было изъятіе изъ обращенія прежней дешевой монеты и выпускъ новой монеты высокаго качества; и эту политику, несмотря на безденежье и прочія неблагопріятныя условія, твердо выдержалъ до конца. Прежде госу-

дарственная власть смотрѣла на монетную регалію, какъ на фискальный источникъ. Кабинетъ сталъ на иную точку зрѣнія. Для него чеканка монеты обратилась въ средство создать устойчивый твердый мѣновой оборотъ. Изъ главы X, спеціально обозрѣвающей эту операцію, видно, что новое серебро было выпущено съ такимъ незначительнымъ процентомъ прибыли — $14^2/_7$, что послѣдній стоялъ ниже прибыли 1898 года — $30^0/_0$. А мѣдь, вмѣсто прежней дешевой монеты по 12 р. 80 к., 14 р. 20 к., 20 р. и даже по 40 р. изъ пуда, стала выпускаться по 10 р., а пятикопеечники даже по 8 р. изъ пуда, съ такимъ разсчетомъ, „чтобы ворамъ поддѣлывать было не изъ чего“. Кабинетъ добился большихъ результатовъ и по изъятію изъ обращенія дешевой серебряной и мѣдной монеты, хотя все же много монеты перешло и въ послѣдующія царствованія.

Вообще эту операцію слѣдуетъ признать одной изъ самыхъ плодотворнѣйшихъ и блестящихъ страницъ финансовой политики Кабинета Министровъ.

6) Въ цѣляхъ обезпеченія въ будущемъ нормальнаго выполненія бюджета по военнымъ расходамъ, было установлено, чтобы *подушныя деньги помѣщики платили заранѣе до полугодового срока,* а именно: 1-ю половину собирать въ январѣ, февралѣ и въ мартѣ, а 2-ю съ половины сентября по 1-е декабря, и въ срокъ, не дожидаясь повѣстки, отвозить къ воеводѣ (П. С. З. № 5789). Но это предусмотрительное правило на практикѣ не выполнялось и неуплаченныя въ срокъ суммы обращались въ доимку, взысканіе которой явилось однимъ изъ средствъ обезпеченія текущихъ расходовъ.

Въ главѣ XIV имѣется указаніе на вѣдомство генерала Волкова. На первый взглядъ это было странное, пожалуй даже подозрительное и во всякомъ случаѣ весьма оригинальное учрежденіе. Въ его рукахъ сосредоточивались самыя разнообразныя суммы: и доимочныя, и остаточныя, и конфискаціонныя. Часть ихъ, какъ напр. доимка, составляла капиталъ государственный, а остальныя — какъ бы личныя средства самой Императрицы. Однако, когда у государства наступали самые критическіе финансовые моменты, и его кассы оказывались несостоятельными, тогда обращались къ кассѣ Волкова, и ея капиталы шли на удовлетвореніе государственныхъ потребностей. Такимъ образомъ самое существо операцій кассы генерала Волкова даетъ ей право на болѣе точное наименованіе „резервнымъ казначействомъ“. Но у этого казначейства была своеобразная окраска: прежде всего, что въ немъ сливались разнородныя суммы, а затѣмъ и то, что

оно было передано въ „вѣрныя руки“, откуда деньги выпускались только съ особаго разрѣшенія. Почему создалась такая необычная организація, можно объяснить слѣдующими соображеніями. Если принять во вниманіе условія современной жизни: хроническіе приступы болѣзни безденежья, ненадежность постоянныхъ источниковъ поступленія, то отсюда естественно вытекало опасеніе въ каждый моментъ остаться совершенно безъ всякихъ средствъ. И потому, изъ за простого инстинкта самосохраненія, представлялось дѣйствительно необходимымъ создать запасный фондъ и передать его въ вѣрныя руки. Этимъ слѣдуетъ объяснить и всѣ характерныя черты „резервнаго казначейства“. Такимъ образомъ оригинальное резервноо казначейство генерала Волкова явилось въ томъ его видѣ, какъ его выработала сама жизнь. И его слѣдуетъ признать одной изъ важныхъ опоръ и частей финансоваго фундамента.

II. *Чтобы переходъ платежныхъ средствъ изъ частныхъ хозяйствъ въ руки государства не ослаблялъ плательщиковъ.*

Отвѣтъ на это требованіе можетъ быть двоякій: или самый простой или наоборотъ самый трудный. Если взять тотъ общепринятый взглядъ, который установился на царствованіе Анны Іоанновны, тогда отвѣтъ получится очень простой. Извѣстно, что на это царствованіе легла черная тѣнь особой жестокости, что тогда, по разсказамъ, „выколачивали“ подати, продавали у крестьянъ все, что попадалось подъ руку, что это, какъ говорили, было повтореніемъ татарскихъ нашествій и т. п. Всѣ эти обстоятельства несомнѣнно должны были ослаблять плательщиковъ. Слѣдовательно, если отвѣчать на вопросъ подъ тѣмъ угломъ освѣщенія, подъ какимъ принято смотрѣть на царствованіе Анны Іоанновны, тогда отвѣтъ получится короткій: да, конечно, принятая система *ослабляла* плательщиковъ. Но тѣ матеріалы, которые собраны и сгруппированы въ главахъ VII, XII и XIII проливаютъ на эту часть нѣсколько иное освѣщеніе и въ указанный простой отвѣтъ вселяютъ зерно сомнѣнія. А тамъ, гдѣ зародилось послѣднее, позволительно будетъ, ради интересовъ истины, хотя вкратцѣ, изложить тѣ соображенія, изъ которыхъ оно вылилось.

На ослабленіе плательщиковъ могли бы оказать вліяніе лишь два фактора: 1) увеличеніе или введеніе новаго налога и 2) разорительный порядокъ сбора.

Увеличеніе налоговъ состоялось только въ отношеніи ясашныхъ крестьянъ и инородцевъ, но и здѣсь оно мотивировалось хлѣбородностью ихъ земель. Что касается привлеченія къ платежу подушной подати неокладныхъ душъ (въ томъ числѣ духовнаго чина людей и разныхъ гулящихъ людей), затѣмъ жителей Ингерманландіи и губерній Бѣлогородской и Эстляндской, то это въ сущности было лишь *уравненіе* съ повинностями остальныхъ жителей. Вообще же Кабинетъ не былъ сторонникомъ прямыхъ и тѣмъ болѣе новыхъ налоговъ. Его симпатіи привлекали доходы иные — „*безъ всякой народной тягости* текущіе“ (П. С. З. № 5983) или, какъ выражено въ другомъ памятникѣ, „которые *безъ всякой общей народной тягости* и всякой поддаиой, по своему *произвольному* обязательству, платить въ казну Нашу долженъ“ (П. С. З. № 6412). Это были оброчныя статьи. Изъ этого видно, что правительство само заботилось о томъ, чтобы не налагать на народъ лишней тягости. Характернымъ въ этомъ случаѣ примѣромъ можетъ служить отношеніе Кабинета къ докладу Сената, бывшему въ 1737 году. Сенатъ предложилъ: съ крестьянъ нѣсколькихъ губерній, бывшихъ въ нарядѣ по заготовкѣ лѣсовъ, строенію судовъ, починкѣ крѣпостей и проч. сложить подушную подать за одинъ 1737 г., что составляло 1.387.315 р. $26^3/_4$ коп., и эту сумму разложить на другія губерніи, *увеличивъ тамъ подушную подать на 36 коп. съ души*: съ купечества — по 1 р. 56 к., съ однодворцевъ — по 1 р. 46 к. и съ крестьянъ — 1 р. 6 к. Но это уже коренным образомъ нарушало размѣры налога, установленные Петромъ I, и Кабинетъ не согласился съ Сенатомъ (гл. VII). Такимъ образомъ съ этой стороны вопросъ объ ослабленіи плательщиковъ отпадаетъ.

Остается разсмотрѣть порядокъ сбора. Это въ сущности и была та ахиллесова пята, въ которую метали стрѣлы историки, надо признать, съ большими на то основаніями. Что подати взыскивали сурово, и, временами, даже выколачивали, это не подлежитъ никакому сомнѣнію. И за это нельзя винить правительство: „иначе — какъ справедливо отмѣчаютъ позднѣйшіе историки (Ю. Готье), — нельзя было поступать; ихъ (подати) выколачивали тѣмъ упорнѣе и безпощаднѣе, чѣмъ острѣе была нужда, испытываемая государственной казной“. Но исторія оставила незатронутымъ вопросъ о доимочной политикѣ, о категоріяхъ плательщиковъ и о томъ, были ли *иныя основанія крутыхъ взысканій, кромѣ государственной нужды, и дѣй-*

ствительно ли ослаблялись этимъ плательщики, по крайней мѣрѣ въ теченіе какого либо періода.

Податная политика періода Анны Іоанновны представляется довольно сложной. Она различается прежде всего по періодамъ, а затѣмъ по категоріямъ. Гранью періодовъ надо считать выступленіе Маслова. А основныхъ категорій было двѣ: оброчныя статьи и подушныя подати.

По оброчнымъ статьямъ вначалѣ способъ взысканія бывалъ разорительный. Взыскивали деньги и продавали имущество огульно. Чтобы освѣтить причины такого отношенія, надо напомнить, что главными видами оброчныхъ статей были сборы таможенные и кабацкіе, которые отдавались на откупъ магистратамъ и ратушамъ. Послѣдніе сами деньги собирали, а въ казну ихъ сполна не вносили, и за время съ 719 по 732 г. накопили недоимки болѣе 7 милліоновъ. Это было такое дѣяніе, которымъ, справедливо, до глубины души возмущался самъ авторъ указа № 5983 (несомнѣнно Масловъ же), называя недоимщиковъ „неправдивыми людьми“ и высказываясь въ такихъ выраженіяхъ: „и попеже передъ Богомъ безсовѣстно есть, чтобъ партикулярные люди такимъ образомъ многими государственными деньгами вымышленно корыстовались“. Итакъ, слѣдовательно, продавая имущество, правительство этимъ путемъ лишь возмѣщало себѣ тѣ казенныя деньги, которыя получилъ оброчникъ и „безсовѣстно“ оставилъ у себя. Дѣянія правительства въ этомъ случаѣ надо признать совершенно правильными и съ моральной, и съ юридической точки зрѣнія. При нормальномъ положеніи, едвали даже здѣсь можетъ возникать вопросъ объ ослабленіи плательщиковъ: съ послѣднихъ брали то, что они сами получали. Единственно, что составляло слабую сторону взысканія въ первомъ періодѣ — это то, что продавали огульно, безъ разсмотрѣнія и *безъ разсрочки.* Реформа Маслова въ томъ именно и состояла, чтобы давать разсрочку, „не желая того, чтобы такъ скорымъ и острымъ правежомъ могли придти въ крайнее разореніе“. И въ этомъ новомъ направленіи второго періода началось взысканіе съ 1733 года. Въ духѣ Маслова продолжалось это дѣло и послѣ его кончины. Доимку взыскивали „безъ продолженія времени“ на тѣхъ людяхъ, *кто платитъ въ состояніи* (т. V, стр. 379). Съ 1738 года стали приниматься суровыя мѣры, включительно до ссылки въ каторжныя работы, но разсрочка все таки допускалась. Такимъ образомъ въ порядкѣ взысканія недоимки по оброчнымъ статьямъ

было три періода; 1-й самый короткій съ 731 по 733 годъ, 2-й самый продолжительный съ 733 по 738 г. и 3-й съ 738 г. и до конца царствованія Анны. Моральная и юридическая стороны были на сторонѣ правительства во всѣхъ трехъ періодахъ. По отношенію же къ идеалу финансовой политики безусловно входитъ весь второй періодъ и отчасти третій, а первый — представляетъ извѣстное отклоненіе.

По отношенію *къ подушнымъ доимкамъ* самая главная тяжесть для населенія заключалась въ системѣ, *или порядкѣ взиманія сбора*, что разоряло населеніе и ослабляло его силы. На эту часть правительство Анны Іоанновны обратило особенное вниманіе; при немъ совершилось четыре измѣненія въ системѣ взиманія, и всѣ эти перемѣны вызывались желаніемъ ввести систему неразорительную и нетягостную для плательщиковъ (гл. VII).

Въ этой части существовали два періода, совершенно различныхъ и непохожихъ одинъ на другой. На грани ихъ также лежало выступленіе Маслова, хотя самое возникновеніе второго періода является результатомъ совокупности цѣлаго ряда условій. Въ первомъ періодѣ отвѣтственнымъ плательщикомъ являлся крестьянинъ, а во второмъ — помѣщикъ.

Неблагопріятныя стороны 1-го періода заключались во 1-хъ въ томъ, что офицеры, состоявшіе при сборахъ подушныхъ денегъ, „сами многіе утѣсненія и обиды изо взятковъ чинили“; и хотя правительство считало, естественно, такія дѣянія уклоненіемъ отъ нормы, за что строго карало, но это не помогало; во 2-хъ отношеніе къ взысканію было чисто формальное: разъ доимка въ срокъ не уплачивалась, посылалась экзекуція, и взыскивались деньги, и въ 3-хъ крестьяне, помимо этого, истощались чрезмѣрной эксплоатаціей ихъ помѣщиками. Всѣ эти стороны, несомнѣнно, ослабляли плательщиковъ, и, слѣдовательно, 1-й періодъ уклонялся отъ идеала финансовой политики.

Второй періодъ отличается тѣмъ, что, по взгляду правительства, доимку за крестьянъ должны были платить сами помѣщики. Это направленіе подготовлялось цѣлымъ рядомъ обстоятельствъ, а именно: сначала голодъ и уклоненіе помѣщиковъ отъ обязанности кормить неимущихъ крестьянъ, затѣмъ новое теченіе среди самихъ помѣщиковъ о выгодѣ для платежа доимки отъ ограниченія срока дворянской службы, и наконецъ, самое главное, выступленіе Маслова. Въ результатѣ всѣхъ этихъ вліяній послѣдовалъ съ 23 Января 1735 г. переломъ въ поли-

тикѣ правительства. Экзекуцію вывели, крестьянъ оставили совершенно въ покоѣ и начались взысканія, а при неплатежѣ— и репрессіи исключительно противъ самихъ помѣщиковъ и ихъ управителей и старостъ, при чемъ доходили и до продажи имущества.

Эти различія періодовъ исторіей совершенно не затронуты. Между тѣмъ они представляютъ глубокій интересъ. Во второмъ періодѣ происходила борьба правительства съ помѣщиками на почвѣ чисто идейнаго свойства. Правительство желало заставить помѣщиковъ платить доимку за крестьянъ, а помѣщики всячески уклонялись отъ этой обязанности. На сторонѣ правительства были тѣ соображенія, что помѣщики извлекали всѣ выгоды изъ крестьянъ и „въ работы употребляли и оброки съ нихъ собирали, кто какъ хотѣлъ по своей волѣ“, о государственной же денежной повинности не заботились. Правительство было вправѣ ожидать отъ помѣщиковъ тѣхъ благъ, какія, „по представленію объ утѣсненіяхъ народа отъ подушнаго сбору“ сулились правительству и должны были послѣдовать отъ ограниченія сроковъ дворянской службы—это, прежде всего, бездоимочнаго сбора: что „можетъ всякій помѣщикъ самъ подушный окладъ безъ высылки заплатить“. Между тѣмъ и послѣ 31 Декабря 736 г. (времени ограниченія сроковъ дворянской службы) помѣщики не дали этихъ благъ. Тогда начались суровыя репрессіи. Правительство, примѣняя ихъ, въ особенности съ 738 года, высказалось, что „не отъ податей государственныхъ, но отъ непрестанныхъ работъ помѣщиковыхъ крестьяне разоряются“. Если отнестись къ этому вопросу совершенно объективно, то нельзя не признать, что дѣйствія правительства были совершенно правильны. Точно также и съ точки зрѣнія идеала эта финансовая политика не вносила противорѣчій. Взысканіе съ помѣщиковъ, какъ съ плательщиковъ, не могло ихъ ослабить прежде всего потому, что, сравнительно съ крестьянами, они представляли собою крупную и обезпеченную экономическую силу, а затѣмъ правительство взыскивало лишь часть тѣхъ средствъ, которыя сами помѣщики съ избыткомъ получали съ безмѣрно эксплуатируемыхъ ими крестьянъ, въ томъ числѣ и подушную доимку. Иными словами, помѣщики *своихъ* денегъ не платили; съ нихъ требовали только то, что они, помимо своихъ доходовъ, собрали или соберутъ съ крестьянъ въ пользу правительства. Самое большее, чѣмъ они жертвовали—это временнымъ авансированіемъ крестьянъ правительству, т. е. какъ говорилось и въ представленіи, „можетъ всякій помѣщикъ самъ подушный окладъ безъ высылки заплатить“.

Итакъ Кабинетъ Министровъ старался, на сколько это зависѣло отъ современныхъ условій, не ослаблять платежныя силы. И его финансовая политика, съ точки зрѣнія требованій идеала, удовлетворяла послѣднему въ наиболѣе продолжительныхъ періодахъ. Отъ него, по оброчнымъ доимкамъ, представляютъ извѣстное уклоненіе лишь 1-й періодъ и отчасти 3-й, а въ подушной доимкѣ уклонялся 1-й періодъ. Но Кабинетъ этимъ не ограничивался. Онъ принималъ еще всѣ мѣры къ тому, чтобы развивать производительныя силы народа, что и отразилось въ заботахъ о промышленности и торговли.

Въ отношеніи развитія промышленности правительство продолжало вести ту же политику, какую велъ Петръ I, „ибо оттого многія другія государства богатятся и процвѣтаютъ“. И, хотя государственное казначейство было крайне истощено и едва справлялось съ самыми необходимыми нуждами, все таки даже и при этихъ условіяхъ, субсидировали фабрики и оказывали имъ всякія льготы. Даже тогда, когда выяснилось, что нѣкоторые фабриканты содержатъ свои фабрики „подъ видомъ, отбывая службъ и постоевъ“, Кабинетъ Министровъ не измѣнилъ къ нимъ своихъ симпатій и далъ совѣтъ поступать съ „осмотрѣніемъ, употребляя пристойные способы, какимъ бы образомъ фабрикъ пріумножать, а не убавлять“.

Для развитія торговли, въ особенности внѣшней, установленъ цѣлый рядъ мѣропріятій: введенъ портовый тарифъ, въ которомъ пошлины, сравнительно съ прежнимъ, были понижены; затѣмъ утвержденъ также льготный морской пошлинный уставъ; открытъ новый портъ; расширенъ институтъ торговыхъ консуловъ; установленъ рядъ мѣропріятій по регулированію порядка въ торговыхъ операціяхъ и сношеніяхъ; обращено особое вниманіе на торговлю съ Хивой, Бухарой и Китаемъ, и заключены торговые договоры съ Англіей, Швеціей, Польшей и Персіей. А во внутренней торговлѣ обращено вниманіе на упорядоченіе взиманія внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ; повышена проба въ серебряныхъ издѣліяхъ, и вообще видны слѣды хлопотъ объ улучшеніи торговли и объ устройствѣ ярмарокъ и гостинаго двора въ Петербургѣ. Затѣмъ, наконецъ, возникъ, извѣстный въ исторіи, первый опытъ учрежденія Банка.

III. *Употребленіе средствъ возможно производительнѣе.*

При современной системѣ спеціализаціи доходовъ каждая собираемая копейка несла государственное тягло и не могла

расходоваться внѣ государственныхъ потребностей. Исключенія если и бывали, то или какъ результатъ такихъ злоупотребленій, какъ напр. подъячій Вартимьевъ „разворовалъ сборныхъ доимочныхъ денегъ 20500 р.“, или какъ расходъ, лежавшій внѣ предѣловъ досягаемости Кабинета. Но и послѣдняя категорія извѣстна. Это были: случайная оплата перстней и вообще драгоцѣнностей самой Императрицы, не вполнѣ производительный расходъ на коннозаводство и невыгодная отдача казенныхъ заводовъ въ частныя руки. Въ исторіи еще распространено мнѣніе о многихъ милліонахъ доимочныхъ денегъ, попавшихъ будто бы въ руки Бирону. Но послѣ того разбора матеріаловъ, который приведенъ въ главѣ XIV, это мнѣніе слѣдуетъ признать неосновательнымъ. Доимочныя деньги расходовались на государственныя потребности. Осталось пока невыясненнымъ, израсходованы ли полностью всѣ суммы, находившіяся у генерала Волкова; но можно предполагать, что если у него и имѣлся еще остатокъ, то небольшой и онъ могъ состоять изъ однѣхъ такихъ суммъ, которыя выручены отъ продажи выморочныхъ и конфискованныхъ имуществъ и, по закону, принадлежали Императрицѣ.

Въ конечномъ выводѣ получается такое опредѣленіе, что финансовая политика Кабинета Министровъ преслѣдовала главную свою цѣль—изыскать средства въ полной мѣрѣ удовлетворить *текущія* государственныя *потребности*, на сколько это представлялось возможнымъ при тяжеломъ финансовомъ наслѣдіи, современныхъ неблагопріятныхъ условіяхъ и его полномочіяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Кабинетъ Министровъ принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы во 1-хъ) *по возможности не ослаблять силы плательщиковъ*, а наоборотъ развивать производительныя силы страны при помощи промышленности и торговли, во 2-хъ) *употреблять собранныя суммы возможно производительнѣе* и въ 3-хъ) *создать въ будущемъ прочную и устойчивую финансовую базу*, для чего принимался цѣлый рядъ мѣръ, въ томъ числѣ попытки составленія государственной росписи, или окладной книги, и штатовъ и упорядоченіе денежной системы, счетоводства и контроля.

Въ предѣлахъ этого изслѣдованія попутно установлено: 1) что гвардейскіе офицеры, по инструкціямъ, не принимали не-

посредственно участія во взысканіи доимокъ, а лишь *наблюдали* за взысканіемъ доимокъ, и во главѣ вымогательныхъ отрядовъ не становились; 2) что мнѣніе о многомилліонныхъ доимкахъ, присвоенныхъ Бирономъ, неосновательно, и 3) что при Аннѣ Іоанновнѣ, въ порядкѣ взысканія доимки, существовало два періода, изъ которыхъ во второмъ, начиная съ 1735 года, правительство вело упорную борьбу съ помѣщиками, принуждая ихъ платить доимку за крестьянъ.

Въ заключеніе необходимо, кромѣ того, упомянуть и объ отличительныхъ личныхъ свойствахъ Кабинета Министровъ или, точнѣе, главнаго его дѣятеля и вдохновителя Остермана. Имъ проявлена исключительная энергія и трудоспособность, выдающаяся осторожность и глубокое недовѣріе къ сотрудникамъ и ихъ дѣятельности. Онъ старался вникать самъ въ каждую мелочь и, такъ сказать, влагать персты свои въ язвы больного финансоваго организма. Мы видѣли, между прочимъ, проявленіе и такихъ качествъ, какъ обманъ малороссовъ при переписи и пограничной таможни при перевозкѣ быковъ, кормежка солдатъ гнилымъ провіантомъ и т. д. Но всѣ эти дѣйствія совершались по крайней нуждѣ, въ чаяніи добыть или сберечь этимъ путемъ лишнюю копейку для нищенствующей казны. Вообще, при томъ состояніи наслѣдія, какое было, и при современныхъ условіяхъ, Кабинетъ Министровъ сдѣлалъ все, что могли сдѣлать человѣческія усилія. И когда Фридрихъ Великій писалъ объ Остерманѣ, то онъ, нужно признать, имѣлъ основанія дать о немъ такой отзывъ: „царствованіе Петра Великаго образовало человѣка, какъ бы нарочно созданнаго для того, чтобы нести на себѣ бремя государственнаго управленія при преемникахъ Петра—графа Остермана. Подобно опытному кормчему, онъ, въ эпоху переворотовъ самыхъ бурныхъ, вѣрной рукой управлялъ кормиломъ имперіи, являлъ осторожность и отважность, смотря по обстоятельствамъ, и зналъ Россію, какъ Верней—человѣческое тѣло“.

В. Бондаренко.

Приложеніе № 1

къ главѣ IV.

ТАБЛИЦА

о количествѣ статей и ихъ % отношеніи.

ГОДА.	ВСѢХЪ СТАТЕЙ.			В ъ т о м ъ					
				в о е н н ы х ъ				ф и н а н	
	Общее количество.	% отношеніе къ общему итогу за 1731—1740 года.	% увеличенія противъ предыдущаго года.	Количество.	% отношеніе. Къ общему итогу за 1731—1740 года.	% отношеніе. Къ общему количеству за тотъ же годъ.	% увеличенія противъ предыдущаго года.	Количество.	% отно Къ общему итогу за 1731—1740 года.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1731	402	1,6	—	113	1,4	28,1	—	83	0,9
1732	1.617	6,3	302,2	413	5,1	25,5	265,5	419	4,4
1733	2.115	8,2	30,8	698	8,7	33,0	69,0	722	7,7
1734	1.970	7,7	— 6,9	857	10,7	43,5	22,8	568	6,0
1735	2 493	9,7	26,5	603	7,5	24,2	—29,6	1.183	12,6
1736	3.260	12,7	30,8	749	9,3	23,0	24,2	1.539	16,4
1737	3.637	14,2	11,6	992	12,3	27,3	32,4	1.427	15,2
1738	4.734	18,4	30,2	2.072	25,7	43,8	108,9	1.218	13,0
1739	4.548	17,7	— 3,9	1,396	17,3	30,7	—32,6	1.812	19,2
1740	889	3,5	—80,4	162	2,0	18,2	—88,4	432	4,6
ВСЕГО.	25.665	100%		8,055 31,4%	100%			9.403 36,6%	100%

ч и с л ѣ.		Изъ числа финансовыхъ.							
совыхъ.		По военнымъ расходамъ.				По расходамъ на остальн. потребности.			
шеніе.		Количество.	% отношеніе къ общему итогу финанс. стат.		% увеличенія противъ предыдущаго года.	Количество.	% отношеніе къ общему итогу финанс. статей.		% увеличенія противъ предыдущаго года.
Къ общему количеству за тотъ же годъ.	% увеличенія противъ предыдущаго года.		За всѣ 1731—1740 года.	За тотъ же годъ.			За всѣ 1731—1740 года.	За тотъ же годъ.	
11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
20,6	—	14	0,1	16,9	—	69	0,7	83,1	—
25,9	404,8	45	0,5	10,7	221,4	374	4,0	89,3	442,0
34,1	72,3	185	2,0	25,6	311,1	537	5,7	74,4	43,6
28,8	—21,3	180	1,9	31,7	— 2,7	388	4,1	68,3	—27,7
47,4	108,3	237	2,5	20,0	31,7	946	10,1	80,0	143,8
47,2	30,1	369	3,9	24,0	55,7	1.170	12,4	76,0	23,7
39,2	— 7,3	428	4,6	30,0	16,0	999	10,6	70,0	—14,6
25,7	—14,6	549	5,8	45,1	28,3	669	7,1	54,9	—33,0
39,8	48,8	443	4,7	24,4	—19,3	1.369	14,6	75,6	104,6
48,6	—76,2	109	1,2	25,2	—75,4	323	3,4	74,8	—76,4
		2.559				6.844			
		27,02%				72,8%			

Приложеніе № 2

къ главѣ XI, разд. 12-й.

СВОДЪ

донесеній гвардейцевъ по доимкамъ.

№ по порядку.	ЧИНЪ.	ФАМИЛІЯ, ИМЯ.	По какой губерніи или провинціи.	КОЛИЧЕСТВО РЕПОРТОВЪ И			
				Съ извѣщеніемъ, сколько взыскано или сколько накопилось доимокъ.		Съ представленіемъ получ. отъ губерн. или провинціальн. властей вѣдомостей.	
				Томъ и страница.	Резолюціи министровъ и справки.	Томъ и страница.	Резолюціи министровъ и справки.
	I. ОФИЦЕРЫ.						
1	Поручикъ Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полка.	Кайсаровъ Семенъ.	Новгородской Новгородъ	VII—271	—	VI—757 VII— 29 VII—502 IX—211	— Во извѣстіе. — —
				1	—	4	Резол.—1
2	Капитанъ Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка.	Юрьевъ Степанъ.	Москва Переяславская Москва.	VII— 88 VII—153 VII—183 VII—245 VII—271 VII—286 VII—337 VII—426 VII—452 VIII— 60 VIII—179 VIII—319 VIII—334 VIII—438 VIII—493 IX—112 IX—123 IX—219	Вѣдомость отсылается въ Сенатъ для немедленнаго разсмотрѣнія и учиненія взысканія.	VII— 3 VII— 69 VII—133 VII—341 VII—348 VII—380 VII—490 VII—491 VIII—108 VIII—135 VIII—145 VIII—233 VIII—279 VIII—320 VIII—345 VIII—380 IX—102 IX—342 IX—550	Во извѣстіе. Во извѣстіе. — — Во извѣстіе. — Во извѣстіе. Во извѣстіе. — Во извѣстіе. — — — — Во извѣстіе. — — Во извѣстіе. —
				18	Резол. 1	19	Резол. 8

ДОНЕСЕНІЙ ПО ДОИМКАМЪ.					Количество репортовъ и донесеній по сбору.			Когда впервые началась дѣятельность и по какимъ дѣламъ.		
О понужденіи канцелярій къ составленію вѣдомостей, о наложеніи на нихъ взысканій за медленность.		Съ отвѣтами о полученіи указовъ и пр.		Всего репортовъ и донесеній по доимкамъ.	Лошадей.	Рекрутъ.	Всего репортовъ и донесеній по сбору лошадей и рекрутовъ.	По сбору рекрутъ и лошадей.	По сбору доимокъ.	Одновременно по сбору лошадей и доимокъ.
Томъ и страница.	Резолюціи министровъ и справки.	Томъ и страница.	Резолюціи министровъ и справки.		Томъ и страница.	Томъ и страница.		Томъ и страница.	Томъ и страница.	Томъ и страница.
VII—334	Во извѣстіе.	VII—134	Во извѣстіе.			VI—627		VI—627		
VII—432	—	VII—379	—			VI—684				
VIII—100	Во извѣстіе.	VII—482	—			VI—686				
						VI—706				
						VI—737				
					VI—750	VI—750				
					VI—757	VI—757				
						VII— 3				
						VII— 14				
					VII— 15	VII— 15				
3	Резол. 2	3	Резол.—1	11	— (Общіе съ репортами по сбору рекрутъ).	10	10			
VII—183	—	VII— 8			VI—712	VI—639		VI—639		
VII—508	—	VII— 53			VII— 14	VI—653				
		VII— 57			VII— 41	VI—655				
		VII—108			VII— 57	VI—658				
		VII—148			VII— 71	VI—670				
		VII—271			VII— 81	VI—676				
		VIII—448	Рѣшено имен. указомъ.		VII—271	VI—678				
					VII—286	VI—686				
					VII—380	VI—702				
					VII—452	VI—721				
					VIII—233	VI—722				
					IX - 102	VI—751				
					IX—550	VI—757				
						VII— 8				
						VII— 14				
						VII— 57				
						VII— 71				
						VII— 81				
						VII - 271				
						VII—276				
						VII—380				
						VII—426				
						VII—452				
						VII—459				
						VII—491				
						VII—508				
						VIII—108				
						VIII—145				
						VIII—185				
						VIII—380				
						VIII—438				
						VIII—493				
						IX—112				
						IX—219				
						IX - 550				
2	—	7	Спр. 1	46	5 (Въ итогѣ не показаны 8 доношеній, общихъ по сбору лошадей и рекрутъ).	35	40			

№ по порядку.	ЧИНЪ.	ФАМИЛІЯ, ИМЯ.	По какой губерніи или провинціи.	КОЛИЧЕСТВО РЕПОРТОВЪ И			
				Съ извѣщеніемъ, сколько взыскано или сколько накопилось доимокъ.		Съ представленіем получ. отъ губерн. и провинціальн. власте вѣдомостей.	
				Томъ и страница.	Резолюціи министровъ и справки.	Томъ и страница.	Резолюці министров и справки
3	Прапорщикъ гвардіи, а затѣмъ произведенъ во второй половинѣ 1738 г. Подпоручикомъ.	Жеребцовъ Алексѣй.	Смоленскъ.	—	—	VIII— 84 VIII—262 IX—310	— — Во извѣсті
				—	—	3	Рез. 1
4	Поручикъ Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полка.	Перепечинъ Григорій.	Архангельскъ. Архангело-город. губерн.	VIII— 39 IX—310	— Во извѣстіе.	VII— 53 VII—415 VIII— 34 IX—118 IX—281 IX—378 X— 82	Во извѣстіе — — — — Во извѣстіе Во извѣстіе
				2	Резол. 1	7	Резол. 3

ДОНЕСЕНІЙ ПО ДОИМКАМЪ.					Количество репортовъ и донесеній по сбору.			Когда впервые началась дѣятельность и по какимъ дѣламъ.		
О понужденіи канцелярій къ составленію вѣдомостей, о наложеніи на нихъ взысканій за медленность.		Съ отвѣтами о полученіи указовъ и пр.		Всего репортовъ и донесеній по доимкамъ.	Лошадей.	Рекрутъ.	Всего репортовъ и донесеній по сбору лошадей и рекрутовъ.	По сбору рекрутъ и лошадей.	По сбору доимокъ.	Одновременно по сбору лошадей и доимокъ.
Томъ и страница.	Резолюціи министровъ и справки.	Томъ и страница.	Резолюціи министровъ и справки.		Томъ и страница.	Томъ и страница.		Томъ и страница.	Томъ и страница.	Томъ и страница.
—	—	VII— 55 VII—240 VII—329 VIII— 68	—		VII— 55 VII— 71 VII—106 VII—127 VII—150 VII—240 VII—329 VIII— 68	VI—674 VI—687 VI—700 VI—710 VI—728 VI—749 VI—750 VII— 9 VII— 23 VII— 41 VII— 54 VII— 55 VII— 70 VII— 82 VII—106 VII—127 VII—149 VII—150 VII—181 VII—240 VII—329 VIII— 68		VI—674		
—	—	4	—	7	— (Общіе съ репортами по сбору рекрутъ).	22	22			
VII— 65 VII—334 VII—423 VIII—125	Во извѣстіе. — — —	VII— 79 VII—264 VII—300 VII—346 VII—381 VIII— 39	Во извѣстіе. Во извѣстіе. — — — —		VII— 43 VII— 53 VII— 79 VII— 99 VII—119 VII—148 VII—163 VII—211 VII—264 VII—272 VII—300 VII—335 VII—346 VII—381	VI—683 VI—698 VI—754 VII— 7 VII— 21 VII— 41 VII— 66 VII— 79 VII— 99 VII—119 VII—148 VII—162 VII—211 VII—264 VII—300 VII—335 VII—381 VII—415 VII—423 VII—482 VII—501 VII—502 VIII— 35 VIII— 39 IX—210 IX—281		VI—683		
4	Рез. 1	6	Рез. 2	19	3 (Въ итогъ не включены ii общихъ съ рекрутами).	26	29			

№ по порядку.	ЧИНЪ.	ФАМИЛІЯ, ИМЯ.	По какой губерніи или провинціи.	КОЛИЧЕСТВО РЕПОРТОВЪ И			
				Съ извѣщеніемъ, сколько взыскано или сколько накопилось доимокъ.		Съ представленіемъ получ. отъ губерн. или провинціальн. властей вѣдомостей.	
				Томъ и страница.	Резолюціи министровъ и справки.	Томъ и страница.	Резолюціи министровъ и справки.
5	Поручикъ Лейбъ-Гвардіи Коннаго полка.	Леонтьевъ Андрей.	Ярославль Яросла в. пров.	VIII— 57 VIII— 71 VIII—145 VIII—160 VIII—179 VIII—233 VIII—262 VIII—278 VIII—331 VIII—438 VIII—483 VIII—493 IX— 39 IX—377 IX—386	— — — — — — — — — — — — — — —	VII— 47 VII—491	Во извѣстіе —

ДОНЕСЕНІЙ ПО ДОИМКАМЪ.					Количество репортовъ и донесеній по сбору.			Когда впервые началась дѣятельность и по какимъ дѣламъ.		
О понужденіи канцелярій къ составленію вѣдомостей, о наложеніи на нихъ взысканій за медленность.		Съ отвѣтами о полученіи указовъ и пр.		Всего репортовъ и доношеній по доимкамъ.	Лошадей.	Рекрутъ.	Всего репортовъ и доношеній по сбору лошадей и рекрутовъ.	По сбору рекрутъ и лошадей.	По сбору доимокъ.	Одновременно по сбору лошадей и доимокъ.
Томъ и страница.	Резолюціи министровъ и справки.	Томъ и страница.	Резолюціи министровъ и справки.		Томъ и страница.	Томъ и страница.		Томъ и страница.	Томъ и страниць.	Томъ и страница.
VII—271	—	VII— 28	Во извѣстіе.		VII— 15	VI—690		VI—690		
VII—286	—	VII— 56	Во извѣстіе.		VII— 28	VI—698				
VII—302	—	VII 183	—		VII— 57	VI—722				
		VII—397	—		VII— 71	VI—740				
		VII—422	—		VII— 89	VII— 2				
		VIII— 25	—		VII—105	VII— 15				
		IX—183	—		VII—148	VII— 28				
					VII—302	VII— 57				
					VII—432	VII— 71				
					VIII—179	VII— 89				
					VIII—233	VII—105				
					VIII—319	VII—148				
					VIII—331	VII—183				
					VIII—344	VII—245				
					VIII—365	VII—271				
					VIII—380	VII—286				
					VIII—438	VII—302				
					VIII—483	VII—397				
					VIII—493	VII—422				
					IX— 39	VII—432				
					IX—377	VII—440				
						VII—452				
						VII—466				
						VII—490				
						VII—508				
						VIII— 25				
						VIII— 61				
						VIII— 71				
						VIII— 86				
						VIII—108				
						VIII—135				
						VIII—160				
						VIII—179				
						VIII—214				
						VIII—233				
						VIII—262				
						VIII—275				
						VIII—315				
						VIII—319				
						VIII—331				
						VIII—344				
						VIII—365				
						VIII—380				
						VIII—438				
						VIII—448				
						VIII—460				
						VIII—483				
						VIII—493				
						VIII—505				
						IX— 39				
						IX—377				
3	—	7	Рез. 2	27	— (Итогъ не выведенъ, такъ какъ общіе съ рекрутами).	51	51			

№ по порядку.	ЧИНЪ.	ФАМИЛІЯ, ИМЯ.	По какой губерніи или провинціи.	КОЛИЧЕСТВО РЕПОРТОВЪ И			
				Съ извѣщеніемъ, сколько взыскано или сколько накопилось доимокъ.		Съ представленіемъ получ. отъ губерн. или провинціальн. властей вѣдомостей.	
				Томъ и страница.	Резолюціи министровъ и справки.	Томъ и страница.	Резолюціи министровъ и справки.
6	Прапорщикъ гвардіи, а съ 1739 г. Подпоручикъ.	Майковъ.	Галицкая провинція.	VII—269 IX—263 IX—347 IX—388 IX—469 IX—471 IX—551	— — — — Во извѣстіе. — —	VIII— 25 VIII—143 VIII—347 IX—375 X— 9	— Во извѣстіе. — Во извѣстіе. —
				7	Рез. 1	5	Рез. 2
7	Поручикъ гвардіи.	Крюковскій Степанъ.	Вятская провинція.	VII—106	Во извѣстіе.	VII—269	—
				1	Рез. 1	1	—

ДОНЕСЕНІЙ ПО ДОИМКАМЪ.					Количество репортовъ и донесеній по сбору.			Когда впервые началась дѣятельность и по какимъ дѣламъ.		
О понужденіи канцелярій къ составленію вѣдомостей, о наложеніи на нихъ взысканій за медленность.		Съ отвѣтами о полученіи указовъ и пр.		Всего репортовъ и доношеній по доимкамъ.	Лошадей.	Рекрутъ.	Всего репортовъ и доношеній по сбору лошадей и рекрутовъ.	По сбору рекрутъ и лошадей.	По сбору доимокъ.	Одновременно по сбору лошадей и доимокъ.
Томъ и страница.	Резолюціи министровъ и справки.	Томъ и страница.	Резолюціи министровъ и справки.		Томъ и страница.	Томъ и страница.		Томъ и страница.	Томъ и страница.	Томъ и страница.
VII—372	—	VII—107	Во извѣстіе.		VII—149	VI—697		VI—697		
VII—433	—	VII—149	—		VII—150	VI—700				
VII—465	—	VII—150	—		VII—371	VI—726				
VII—505	—	VII—238	—		VII—372	VII— 54				
VIII— 16	—	VII—330	—			VII— 70				
		VII—330	—			VII—107				
		VII—371	—			VII—149				
		VII—373	—			VII—238				
		VII—424	—			VII—269				
		VIII— 39	—			VII—330				
		VIII—109	—			VII—371				
		VIII—302	—			VII—372				
		IX—263	—			VII—373				
						VII—424				
						VII—433				
						VII—465				
						VII—505				
						VIII— 16				
						VIII— 25				
						VIII— 40				
						VIII—302				
						VIII—374				
						IX—263				
						IX—347				
						IX—375				
						IX—388				
						IX—469				
						IX—471				
						X— 9				
5	—	13	Рез. 1	30	1 (Въ итогъ не включено 3, общихъ съ рекрутами).	29	30			
—	—	VII—150	—		VII— 8	VI—700		VI—700		
					VII—106	VI—726				
					VII—150	VI—728				
					VII—269	VI—751				
						VII— 8				
						VII—106				
						VII—149				
						VII—269				
—	—	1	—	3	1 (Въ итогъ не включено 3, общихъ съ рекрутами).	8	9			

№ по порядку.	ЧИНЪ.	ФАМИЛІЯ, ИМЯ.	По какой губерніи или провинціи.	КОЛИЧЕСТВО РЕПОРТОВЪ И			
				Съ извѣщеніемъ, сколько взыскано или сколько накопилось доимокъ.		Съ представленіемъ получ. отъ губерн. или провинціальн. властей вѣдомостей.	
				Томъ и страница.	Резолюціи министровъ и справки.	Томъ и страница.	Резолюціи министровъ и справки.
8	Поручикъ гвардіи.	Князь Егуповъ-Черкасскій Иванъ.	Нижегородской провинціи, Арзамаской провинціи, Алатырской провинціи, Нижегородской губерніи, Балахна, Юрьевецъ-Повольскій.	VII—373 VII—434 VII—506 VIII— 67 VIII—125 VIII—366 VIII—435 VIII—503 IX— 78 IX—120 IX—378	— — — — — — — — — — —	VII— 45 VII— 52 VII—283 VII—328 VII—373 VIII— 84 VIII—206 IX—550	— Во извѣстіе. — — — Во извѣстіе. — —
				11	—	8	Рез. 2
9	Прапорщикъ Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка, въ 1739 г. Подпоручикъ.	Щепотьевъ.	Тверская провинція, Тверь.	—	—	VII— 84 VII—245 X— 93	Во извѣстіе. — —
				—	—	3	Резол. 1

ДОНЕСЕНІЙ ПО ДОИМКАМЪ.					Количество репортовъ и донесеній по сбору.			Когда впервые началась дѣятельность и по какимъ дѣламъ.		
О понужденіи канцелярій къ составленію вѣдомостей, о наложеніи на нихъ взысканій за медленность.		Съ отвѣтами о полученіи указовъ и пр.		Всего репортовъ и донесеній по доимкамъ.	Лошадей.	Рекрутъ.	Всего репортовъ и донесеній по сбору лошадей и рекрутовъ.	По сбору рекрутъ и лошадей.	По сбору доимокъ.	Одновременно по сбору лошадей и доимокъ.
Томъ и страница.	Резолюціи министровъ и справки.	Томъ и страница.	Резолюціи министровъ и справки.		Томъ и страница.	Томъ и страница.		Томъ и страница.	Томъ и страница.	Томъ и страница.
VI—726	—	VII—182	—		VII—269	VI—701		VI—701		
VII—240	—	VII—358	—		VII—283	VI—727				
VII—269	—	VII—425	—		VII—358	VII— 1				
		VIII— 16	—		VII—373	VII— 8				
		VIII—206	—		VII—425	VII— 30				
		IX— 78	—		VIII— 16	VII— 46				
		IX—471	—		VIII— 67	VII— 52				
					VIII—206	VII—240				
					VIII—503	VII—269				
					IX— 29	VII—283				
					IX— 58	VII—330				
					IX—103	VII—358				
					IX—217	VII—373				
					IX—263	VII—425				
					IX—375	VII—506				
					IX—378	VIII— 16				
					IX—550	VIII— 67				
						VIII—206				
						VIII—435				
						VIII—503				
						IX— 29				
						IX— 58				
						IX— 78				
						IX—103				
						IX—120				
						IX—140				
						IX—217				
						IX—263				
						IX—291				
						IX—348				
						IX—375				
						IX—378				
						IX—388				
						IX—550				
3	—	7	—	29	— (Итогъ не показанъ, общіе съ рекрутами).	34	34			
VII— 15	Во извѣстіе.	VI—702	Во извѣстіе.		VII— 52	VI—702		VI—702		
		VII— 29	—		VII— 71	VII— 29				
		VII— 81	Во извѣстіе.			VII— 52				
		VII—133	—			VII— 71				
		VII—171	—			VII—108				
		VII—380	—			VII—133				
		VII—502	Во извѣстіе.			VII—153				
						VII—239				
						VII—280				
						VII—344				
						VII—380				
1	Резол.—1	7	Резол. 3	11	— (Итогъ не показанъ, общіе съ рекрутами).	11	11			

№ по порядку.	ЧИНЪ.	ФАМИЛІЯ, ИМЯ.	По какой губерніи или провинціи.	КОЛИЧЕСТВО РЕПОРТОВЪ И			
				Съ извѣщеніемъ, сколько взыскано или сколько накопилось доимокъ.		Съ представленіемъ получ. отъ губерн. или провинціальн. властей вѣдомостей.	
				Томъ и страница.	Резолюціи министровъ и справки.	Томъ и страница.	Резолюціи министровъ и справки.
10	Прапорщикъ гвардіи.	Волковъ Андрей.	Устюжская провинція, Устюгъ-Великій.	—	—	IX—380 IX—449	— Во извѣстіе.
				—	—	2	Резол. 1
11	Прапорщикъ гвардіи.	Кудрявцевъ Семенъ.	Казанская губернія, Казань.	IX—217 IX—347 IX—521	— — —	VII—466 IX—217	— —
				3	—	2	—
12	Корнетъ гвард. Коннаго полка.	Елагинъ.	Алатырская провинція.	IX—482	—	VII—150 VII—267 VII—465 IX—347	Во извѣстіе. — — —
				1	—	4	Резол.—1

ДОНЕСЕНІЙ ПО ДОИМКАМЪ.					Количество репортовъ и донесеній по сбору.			Когда впервые началась дѣятельность и по какимъ дѣламъ.		
О понужденіи канцелярій къ составленію вѣдомостей, о наложеніи на нихъ взысканій за медленность.		Съ отвѣтами о полученіи указовъ и пр.		Всего репортовъ и донесеній по доимкамъ.	Лошадей.	Рекрутъ.	Всего репортовъ и донесеній по сбору лошадей и рекрутовъ.	По сбору рекрутъ и лошадей.	По сбору доимокъ.	Одновременно по сбору лошадей и доимокъ.
Томъ и страница.	Резолюціи министровъ и справки.	Томъ и страница.	Резолюціи министровъ и справки.		Томъ и страница.	Томъ и страница.		Томъ и страница.	Томъ и страниць.	Томъ и страница.
VII—330 VIII—265	— По сему репорту штрафовать по указамъ и проч.	VII—491 VIII— 17 VIII—109	— — —		VII—181	VI—704 VI—728 VII—181 VII—330 VII—491 VIII— 15 VIII— 39 VIII—177 VIII—206 VIII—317 VIII—319 VIII—374 VIII—436 VIII—445 VIII—514 IX—449		VI—704		
2	Рез. 1	3	—	7	(Итогъ не показанъ, общій съ рекрутами). —	16	16			
VII— 53 VII—329 VII—329	Во извѣстіе. — —	VII— 83 VIII—124	Во извѣстіе. —		VII— 9 VII— 30 VII— 46 VII— 53 VII— 83 VII—329	VI—710 VI—727 VI—748 VI—750 VI—751 VII— 9 VII— 29 VII— 30 VII— 46 VII— 53 VII— 54 VII— 83 VII—329		VI—710		
3	Рез. 1	2	Рез. 1	10	(Итогъ не показанъ, общіе съ рекрутами). —	13	13			
VII—372	—	VII—106 VII—348 VII 349 VII—424	Во извѣстіе. — — —		VII—106 VII—150 VII—181 VII—269 VII—349 VII—464	VI—728 VII— 2 VII— 8 VII— 54 VII— 82 VII—149 VII—181 VII—269 VII—372		VI—728		
1	—	4	Рез. 1	10	4 (Въ итогѣ не включено 2, общихъ съ рекрут.).	9	13			

№ по порядку.	ЧИНЪ.	ФАМИЛІЯ, ИМЯ.	По какой губерніи или провинціи.	КОЛИЧЕСТВО РЕПОРТОВЪ И			
				Съ извѣщеніемъ, сколько взыскано или сколько накопилось доимокъ.		Съ представленіемъ получ. отъ губерн. или провинціальн. властей вѣдомостей.	
				Томъ и страница.	Резолюціи министровъ и справки.	Томъ и страница.	Резолюціи министровъ и справки.
13	Прапорщикъ гвардіи съ февраля 1738 г. Подпоручикъ.	Зубовъ.	Великолуцкая провинція.	—	—	VII—107	—
				—	—	1	—
14	Прапорщикъ гвардіи.	Нармацкій.	Псковъ, Псковская провинція.	IX—262	—	VII—181 VII—311 VIII— 60 IX—133	— — — —
				1	—	4	—
15	Прапорщикъ Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полка.	Бунинъ Яковъ.	Астрахань.	VIII— 62 VIII— 65 VIII—109 VIII—235 VIII—235 VIII—235 VIII—266	Отдано для разсмотрѣнія въ Сенатъ Тоже. Тоже. Отдановъ Сенатъ Оберъ-Секретарю Демидову. — — —	VII—331 VII—506	— Во извѣстіе.
				7	Справ. 4	2	Рез. 1
16	Поручикъ гвардіи.	Воейковъ.	Пензенская провинція.	VII—486 VIII— 84 VIII—176 VIII—319 VIII—366 VIII—456 VIII—504 IX—291 IX—518 X— 2	— — — — — Во извѣстіе. — — — —	VII—153 X—304 X—400 X—497	— — — —
				10	Рез. 1	4	—

ДОНЕСЕНІЙ ПО ДОИМКАМЪ.					Количество репортовъ и донесеній по сбору.			Когда впервые началась дѣятельность и по какимъ дѣламъ.		
О понужденіи канцелярій къ составленію вѣдомостей, о наложеніи на нихъ взысканій за медленность.		Съ отвѣтами о полученіи указовъ и пр.		Всего репортовъ и донесеній по доимкамъ.	Лошадей.	Рекрутъ.	Всего репортовъ и донесеній по сбору лошадей и рекрутовъ	По сбору рекрутъ и лошадей.	По сбору доимокъ.	Одновременно по сбору лошадей и доимокъ.
Томъ и страница.	Резолюціи министровъ и справки.	Томъ и страница.	Резолюціи министровъ и справки.		Томъ и страница.	Томъ и страница.		Томъ и страница.	Томъ и страница.	Томъ и страница.
—	—	—	—		VII—107	VI—728 VI—729 VII— 3 VII—107		VI—728		
—	—	—	—	1	— (Итогъ не показанъ, общій съ рекрутами).	4	4			
VIII—374	—	VII— 30 VII— 37 VII— 50 VII—198 VII—452 VII—498 VII— 37	Во извѣстіе. — Во извѣстіе. — — О семъ рѣшено генеральными указами.		VII— 30 VII— 50 VII— 71 VII— 99 VII—111 VII—160 VII—181 VII—198	VII— 1 VII— 30 VII— 50 VII— 71 VII— 99 VII—110 VII—160 VII—181		VII— 1		
1	—	7	Рез. 2 Справк. 1.	13	1 (Въ итогъ не включены 7, общихъ съ рекрутами).	8	9			
VII—416 VIII—271	Во извѣстіе. Разсмот. учинить Сенату.	VII—239 VII—268 VII—331 VIII—235	— — Во извѣстіе. Во извѣстіе.		VII—239 VII—268	VII— 17 VII— 29 VII— 30 VII— 82 VII—162 VII—239 VII—268 VIII—267		VII— 17		
2	Рез. 2	4	Резол. 2	15	— (Итогъ не показанъ. общіе съ рекрут.).	7	7			
VII—425	—	X—111	—		VII—153 VIII—366 VIII—504 X—400	VII— 21 VII—153 VII—425 VIII—265 VIII—366 VIII—504 X—400		VII— 21		
1	—	1	—	16	— (Итогъ не показанъ, общіе съ рекрут.).	7	7			

№ по порядку.	ЧИНЪ.	ФАМИЛІЯ, ИМЯ.	По какой губерніи или провинціи.	КОЛИЧЕСТВО РЕПОРТОВЪ И			
				Съ извѣщеніемъ, сколько взыскано или сколько накопилось доимокъ.		Съ представленіемъ получ. отъ губерн. или провинціальн. властей вѣдомостей.	
				Томъ и страница.	Резолюціи министровъ и справки.	Томъ и страница.	Резолюціи министровъ и справки.
17	Подпоручикъ гвардіи.	Обуховъ Григорій.	Симбирская провинція.	IX—517	—	VII—151 VII—347 VII—432 VIII—126 VIII—176 IX—122 IX—292	— — Во извѣстіе. Во извѣстіе. — — —
				1	—	7	Рез. 2
18	Подпоручикъ гвардіи. (Полковой квартирмейстеръ).	Головинъ Алексѣй.	Сибирская губернія, Тобольская и Енисейская провинціи.	VIII—320 IX—262 IX—377 IX—529 IX—553 X— 7 X— 47	— — — Во извѣстіе. — — —	VII— 97	Во извѣстіе.
				7	Рез. 1	1	Рез. 1
19	Подпоручикъ гвардіи.	Нарышкинъ Сергѣй.	Серпуховъ.	VIII— 67 IX— 58	— —	VII—270 IX—140 IX—291	— — —
				2	—	3	—
20	Прапорщикъ гвардіи.	Коновницынъ Петръ.	Иркутская провинція, Иркутскъ.	IX—104 IX—263 IX—378 IX—553	— — — —	VIII—143 VIII - 457 IX—141	— Во извѣстіе. Во извѣстіе.
				4	—	3	Рез. 2
21	Капитанъ гвардіи.	Гурьевъ Иванъ.	Москва. Астрахань.	—	—	VII— 29	—
				—	—	1	—

ДОНЕСЕНІЙ ПО ДОИМКАМЪ.					Количество репортовъ и донесеній по сбору.			Когда впервые началась дѣятельность и по какимъ дѣламъ.		
О понужденіи канцелярій къ составленію вѣдомостей, о наложеніи на нихъ взысканій за медленность.		Съ отвѣтами о полученіи указовъ и пр.		Всего репортовъ и донесеній по доимкамъ.	Лошадей.	Рекрутъ.	Всего репортовъ и донесеній по сбору лошадей и рекрутовъ.	По сбору рекрутъ и лошадей.	По сбору доимокъ.	Одновременно по сбору лошадей и доимокъ.
Томъ и страница.	Резолюціи министровъ и справки.	Томъ и страница.	Резолюціи министровъ и справки.		Томъ и страница.	Томъ и страница.		Томъ и страница.	Томъ и страница.	Томъ и страница.
—	—	VII—124	—		VII—149 VII—151 VII—282 VIII—124	VII— 46 VII—149 VII—151 VII—282 VII—373 VIII—124 IX 292		VII— 46		
—	—	1	—	9	— (Итогъ не показанъ, общіе съ рекрут.).	7	7			
VII—507	Во извѣстіе.	VII—268	—		VII—268 IX—262	VII— 54 VII—266 VII - 507 VIII— 97 VIII—320 IX—262		VII— 54		
1	Рез. 1	1	—	10	— (Итогъ не показанъ, общіе съ рекрут.).	6	6			
—	—	VII—182	Во извѣстіе.		VII— 70 VII—181	VII— 70 VII— 83 VII—127 VII—487		VII— 70		
—	—	1	Рез. 1	6	1 (Въ итогъ не включенъ 1, общій съ рекрутами).	4	5			
—	—	VIII—347	Во извѣстіе.		IX—553	VIII—143 VIII—457 IX—104 IX—141 IX—278 IX—553				VIII—143
—	—	1	Рез. 1	8	— (Итогъ не показанъ, общій съ рекрут.).	6	6			
					VII— 29	VII— 29				VII— 29
—	—	—	—	1	— (Итогъ не показанъ, общій съ рекрут.).	1	1			

№ по порядку.	ЧИНЪ.	ФАМИЛІЯ, ИМЯ.	По какой губерніи или провинціи.	КОЛИЧЕСТВО РЕПОРТОВЪ И			
				Съ извѣщеніемъ, сколько взыскано или сколько накопилось доимокъ.		Съ представленіемъ получ. отъ губерн. или провинціальн. властей вѣдомостей.	
				Томъ и страница.	Резолюціи министровъ и справки.	Томъ и страница.	Резолюціи министровъ и справки.
22	Подпоручикъ гвардіи.	Селиверстовъ Степанъ.	Арзамаская провинція.	VII— 45 VII—282 VIII—124 VIII—125	— До полученія оного доношенія послань указъ, велѣно на нихъ доправить, а потомъ оное доношеніе отослать въ Сенатъ.	VII— 51	Во извѣстіе
				4	Спр. 1	1	Рез. 1
23	Подпрапорщикъ.	Ермолаевъ.	Великія Луки Смоленскъ.	—	—	—	—
				—	—	—	—
24	Подпоручикъ гвардіи.	Ушаковъ.	Вологодская провинція.	—	—	VII— 53 VII—486	Во извѣсті
				—	—	2	Рез. 1
25	Капитанъ-Поручикъ Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка.	Орловъ.	Юрьевъ Польскій.	—	—	IX—140 IX—559	—
				—	—	2	—
26	Прапорщикъ.	Загряскій.	Великолуцкая провинція.	IX—551	—	VII—415 VIII—145 IX—328	— — —
				1	—	3	—

ДОНЕСЕНІЙ ПО ДОИМКАМЪ.					Количество репортовъ и донесеній по сбору.			Когда впервые началась дѣятельность и по какимъ дѣламъ.		
о понужденіи канцелярій къ составленію вѣдомостей, о наложеніи на нихъ взысканій за медленность.		Съ отвѣтами о полученіи указовъ и пр.		Всего репортовъ и донесеній по доимкамъ.	Лошадей.	Рекрутъ.	Всего репортовъ и донесеній по сбору лошадей и рекрутовъ.	По сбору рекрутъ и лошадей.	По сбору доимокъ.	Одновременно по сбору лошадей и доимокъ.
Томъ и страница.	Резолюціи министровъ и справки.	Томъ и страница.	Резолюціи министровъ и справки.		Томъ и страница.	Томъ и страница.		Томъ и страница.	Томъ и страница.	Томъ и страница.
III— 16	Во извѣстіе.	—	—		VII— 45 VII— 51 VII— 56 VII—282 VII—372 VII—465 VIII—109 VIII—226 VIII—319	VII— 45 VII— 51 VII— 56 VII—282 VII—372 VII—465 VIII—109 VIII—124 VIII—236 VIII—319 VIII—338				VII— 45
1	Резол. 1	—	—	6	(Итогъ не показанъ, общіе съ рекрутами).	11	11			VIII—490
VII—490 III—514 IX— 3	— — Во извѣстіе.	—	—		VIII—490 VIII—514 IX— 3	VIII—490 VIII—514 IX— 3				
3	Рез. 1	—	—	3	(Итогъ не показанъ, общіе съ рекрутами).	3	3			
—	—	VII— 83 VII—239 VIII— 39	—		VII—239	VII— 83 VII—239 VIII— 39			VII— 53	
—	—	3	—	5	(Итогъ не показанъ, общій съ рекрутами).	3	3			
					—	IX—559			IX—140	
—	—	—	—	2	—	1	1			
—	—	VII—282	—		—				VII—282	
1	—	1	—	5						

№ по порядку.	ЧИНЪ.	ФАМИЛІЯ, ИМЯ.	По какой губерніи или провинціи.	КОЛИЧЕСТВО РЕПОРТОВЪ			
				Съ извѣщеніемъ, сколько взыскано или сколько накопилось доимокъ.		Съ представлен. получ. отъ губерн. провинціальн. вл. вѣдомостей.	
				Томъ и страница.	Резолюціи министровъ и справки.	Томъ и страница.	Резол. минист. и спра.
27	Прапорщикъ гвардіи.	Тыртовъ Афонасій.	Суздаль, Суздальская провинція.	IX—529 X—104 X—128	Во извѣстіе. — Мнѣніе Остермана по I: поступать по указамъ; по II: выписать экстрактъ для доклада.	—	—
				3	Рез. 2.		
28	Корнетъ.	Стрекаловъ.	Кунгуръ.	—	—	IX—469	—
				—	—	1	
		ИТОГО.		99	Рез. 8 Спр. 5	95	Рез.
	II. НИЖНІЕ ЧИНЫ.						
1	Вахмистръ.	Жемчужниковъ.	Соликамской провинціи.	—	—	VII—275	Во изв
				—	—	1	Рез.
2	Фурьеръ.	Карповъ Иванъ.	Новгородъ Тверь Москва.	— 	— — —	VIII—483 VIII—486 VIII—503	Во изв
				—	—	3	Рез.

ОНЕСЕНІЙ ПО ДОИМКАМЪ.					Количество репортовъ и донесеній по сбору.			Когда впервые началась дѣятельность и по какимъ дѣламъ.		
понужденіи канцелярій къ составленію домостей, о наложеи на нихъ взысканій за медленность.		Съ отвѣтами о полученіи указовъ и пр.		Всего репортовъ и донесеній по доимкамъ.	Лошадей.	Рекрутъ.	Всего репортовъ и донесеній по сбору лошадей и рекрутовъ.	По сбору рекрутъ и лошадей.	По сбору доимокъ.	Одновременно по сбору лошадей и доимокъ.
омъ и страница.	Резолюціи министровъ и справки.	Томъ и страница.	Резолюціи министровъ и справки.		Томъ и страница.	Томъ и страница.		Томъ и страница.	Томъ и страница.	Томъ и страница.
—	—	IX—292 IX—425 X—584	Съ прочими въ Сенатъ. Во извѣстіе. —		—	—		—	IX—292	
		3	Рез. 1 Спр. 1	6						
—	—	—	—						IX—469	
—	—	—	—	1						
36	Рез. 11	87	Рез. 18 Спр. 3	317	16	332	348			
II—478	—	VII—303	—		VII—153 VII—275	VI—753 VII — 51 VII— 83 VII—153 VII—275 VII—303 VII—478		VI—753		
1	—	1	—	3	(Итогъ не показанъ, общіе съ рекрутами).	7				
					VIII—482 VIII—486 VIII—503	VIII—482 VIII—486 VIII—503				VIII—482
—	—	—	—	3	(Итогъ не показанъ, общіе съ рекрутами).	3	3			

№ по порядку.	ЧИНЪ.	ФАМИЛІЯ, ИМЯ.	По какой губерніи или провинціи.	КОЛИЧЕСТВО РЕПОРТОВЪ И			
				Съ извѣщеніемъ, сколько взыскано или сколько накопилось доимокъ.		Съ представленіемъ получ. отъ губерн. или провинціальн. властей вѣдомостей.	
				Томъ и страница.	Резолюціи министровъ и справки.	Томъ и страница.	Резолюціи министровъ и справки.
3	Каптенармусъ.	Кудрявцевъ Иванъ.	Ярославск. провинціи, Галичъ и Ярославль.	—	—	VIII—493 IX—217	Во извѣстіе. —
				—	—	2	—
4	Каптенармусъ.	Афросимовъ Михаилъ.	Юрьевъ-Польскій Н.-Новгородъ.	—	—	VIII—504 IX— 58	—
				—	—	2	—
5	Капралъ.	Нестеровъ.	Вологда.	—	—	VIII—514	—
				—	—	1	—
6	Вахмистръ.	Румянцовъ Моисей.	Пенза Казань Вятка Кунгуръ Соликамскъ.	—	—	IX— 28 IX— 39 IX—141 IX—210	— — — —
				—	—	4	—

ДОНЕСЕНІЙ ПО ДОИМКАМЪ.					Количество репортовъ и донесеній по сбору.			Когда впервые началась дѣятельность и по какимъ дѣламъ.		
О понужденіи канцелярій къ составленію вѣдомостей, о наложеніи на нихъ взысканій за медленность.		Съ отвѣтами о полученіи указовъ и пр.		Всего репортовъ и донесеній по доимкамъ.	Лошадей.	Рекрутъ.	Всего репортовъ и донесеній по сбору лошадей и рекрутовъ.	По сбору рекрутъ и лошадей.	По сбору доимокъ.	Одновременно по сбору лошадей и доимокъ.
Томъ и страница.	Резолюціи министровъ и справки.	Томъ и страница.	Резолюціи министровъ и справки.		Томъ и страница.	Томъ и страница.		Томъ и страница.	Томъ и страница.	Томъ и страница.
—	—	—	—		VIII—493 VIII—505 IX— 2 IX— 23 IX— 39 IX— 57 IX— 84 IX—211 IX—219	VIII—493 VIII—505 IX— 2 IX— 23 IX— 39 IX— 57 IX—211 IX—219				VIII—493
—	—	—	—	2	1 (Въ итогъ не включено 8, общихъ съ рекрутами).	8	9			
—	—	—	—		VIII—504 IX— 58	VIII—504 IX— 58				VIII—504
—	—	—	—	2	— (Итогъ не показанъ, общіе съ рекрутами).	2	2			
—	—	—	—		VIII—514	VIII—514				VIII—514
—	—	—	—	1	— (Итогъ не показанъ, общій съ рекрутами).	1	1			
—	—	—	—		IX— 29 IX— 39 IX—141 IX—210	IX— 29 IX— 39 IX—141 IX—210				IX— 29
—	—	—	—	4	— (Итогъ не показанъ, общіе съ рекрутами).	4				

№-по порядку.	ЧИНЪ.	ФАМИЛІЯ, ИМЯ.	По какой губерніи или провинціи.	КОЛИЧЕСТВО РЕПОРТОВЪ И			
				Съ извѣщеніемъ, сколько взыскано или сколько накопилось доимокъ.		Съ представленіемъ получ. отъ губерн. или провинціальн. властей вѣдомостей.	
				Томъ и страница.	Резолюціи министровъ и справки.	Томъ и страница.	Резолюціи министровъ и справки.
7	Фурьеръ.	Карабановъ.	Арзамаская провинція.	—	—	IX— 40	—
				—	—	1	—
8	Фурьеръ.	Коробовскій.	Алатырь Симбирскъ.	—	—	IX— 78 IX—120	
				—	—	2	—
9	Рейтеръ.	Кн. Кугушевъ.	Соликамскъ	VIII—242	—	—	—
				1	—	—	—
10	Капралъ.	Алексѣевъ.	Луки-Великіе.	VIII—446	Изъ конфискаціи взять экстрактъ изъ доношенія Алексѣева о взысканіи доимокъ.		
				1	Спр. 1	—	—
ИТОГО.				2	Справ. 1	16	Рез. 3
ВСЕГО . .				101	Рез. 8 Спр. 6	111	Рез. 32.

ДОНЕСЕНІЙ ПО ДОИМКАМЪ.					Количество репортовъ и донесеній по сбору.			Когда впервые началась дѣятельность и по какимъ дѣламъ.		
О понужденіи канцелярій къ составленію вѣдомостей, о наложеніи на нихъ взысканій за медленность.		Съ отвѣтами о полученіи указовъ и пр.		Всего репортовъ и донесеній по доимкамъ.	Лошадей.	Рекрутъ.	Всего репортовъ и донесеній по сбору лошадей и рекрутовъ.	По сбору рекрутъ и лошадей.	По сбору доимокъ.	Одновременно по сбору лошадей и доимокъ.
Томъ и страница.	Резолюціи министровъ и справки.	Томъ и страница.	Резолюціи министровъ и справки.		Томъ и страница.	Томъ и страница.		Томъ и страница.	Томъ и страницъ.	Томъ и страница.
—	—	—	—		IX— 40	IX— 40				IX— 40
—	—	—	—	1	(Итогъ не показанъ, общій съ рекрутами). — IX— 78	1 IX— 78	1			IX— 78
—	—	—	—	2	(Итогъ не показанъ, общій съ рекрутами). —	1 —				
—	—	VIII—243	—							VIII—242
—	—	1	—	2						VIII—446
—	—	—	—	1						
1	—	2	—	21	1	27	28			
37	Рез. 11	89	Рез. 18 Спр. 3	338	17	359	376			

Общая поименная сводка доношеній.

№ по порядку.	ЧИНЪ.	ФАМИЛІЯ, ИМЯ.	По какой губерніи или провинціи.	КОЛИЧЕСТВО РЕПОРТОВЪ И			
				Съ извѣщеніемъ, сколько взыскано или сколько накопилось доимокъ.		Съ представленіемъ получ. отъ губерн. или провинціальн. властей вѣдомостей.	
				Томъ и страница.	Резолюціи министровъ и справки.	Томъ и страница.	Резолюціи министровъ и справки.
	I. ОФИЦЕРЫ.						
1	Поручикъ	Кайсаровъ . . .	—	1	—	4	Рез. 1
2	Капитанъ	Юрьевъ.	—	18	Рез. 1	19	Рез. 8
3	Прапорщикъ . . .	Жеребцовъ. . . .	—	—	—	3	Рез. 1
4	Поручикъ	Перепечинъ. . .	—	2	Рез. 1	7	Рез. 3
5	Поручикъ	Леонтьевъ. . . .	—	15	—	2	Рез. 1
6	Прапорщикъ . . .	Майковъ	—	7	Рез. 1	5	Рез. 2
7	Поручикъ	Крюковскій . . .	—	1	Рез. 1	1	—
8	Поручикъ	Князь Егуповъ-Черкаскій. . .	—	11	—	8	Рез. 2
9	Прапорщикъ . . .	Щепотьевъ . . .	—	—	—	3	Рез. 1
10	Прапорщикъ . . .	Волковъ.	—	—	—	2	Рез. 1
11	Прапорщикъ . . .	Кудрявцевъ . . .	—	3	—	2	—
12	Корнетъ	Елагинъ.	—	1	—	4	Рез. 1
13	Прапорщикъ . . .	Зубовъ.	—	—	—	1	—
14	Прапорщикъ . . .	Нармацкій. . . .	—	1	—	4	—
15	Прапорщикъ . . .	Бунинъ	—	7	Спр. 4	2	Рез. 1
16	Поручикъ	Воейковъ	—	10	Рез. 1	4	—
17	Поручикъ	Обуховъ.	—	1	—	7	Рез. 2
18	Подпоручикъ. . .	Головинъ	—	7	Рез. 1	1	Рез. 1
19	Подпоручикъ. . .	Нарышкинъ. . .	—	2	—	3	—
20	Прапорщикъ . . .	Коновницынъ . .	—	4	—	3	Рез. 2
21	Капитанъ	Гурьевъ.	—	—	—	1	—
22	Подпоручикъ. . .	Селиверстовъ . .	—	4	Спр. 1	1	Рез. 1
23	Подпрапорщикъ .	Ермолаевъ. . . .	—	—	—	—	—
24	Подпоручикъ. . .	Ушаковъ	—	—	—	2	Рез. 1
25	Капитанъ	Орловъ	—	—	—	2	—
26	Прапорщикъ . . .	Загряскій	—	1	—	3	—
27	Прапорщикъ . . .	Тыртовъ.	—	3	Рез. 2	—	—
28	Корнетъ	Стрекаловъ . . .	—	—	—	1	—
		ИТОГО. .	—	99	Рез. 8 Спр. 5	95	Рез. 29
	II. НИЖНІЕ ЧИНЫ.						
1	Вахмистръ	Жемчужниковъ. .	—	—	—	1	Рез. 1
2	Фурьеръ	Карповъ	—	—	—	3	Рез. 1
3	Каптенармусъ . .	Кудрявцевъ . . .	—	—	—	2	Рез. 1
4	Каптенармусъ . .	Афросимовъ. . .	—	—	—	2	—
5	Капралъ	Нестеровъ. . . .	—	—	—	1	—
6	Вахмистръ	Румянцовъ. . . .	—	—	—	4	—
7	Фурьеръ	Карабановъ. . .	—	—	—	1	—
8	Фурьеръ	Коробовскій. . .	—	—	—	2	—
9	Рейтеръ	Кн. Кугушевъ. .	—	1	—	—	—
10	Капралъ	Алексѣевъ. . . .	—	1	Спр. 1	—	—
		ИТОГО. .		2	Спр. 1	16	Рез. 3
		ВСЕГО.		101	Рез. 8 Спр. 6	111	Рез. 32

ДОНЕСЕНІЙ ПО ДОИМКАМЪ.					Количество репортовъ и донесеній по сбору.			Когда впервые началась дѣятельность и по какимъ дѣламъ.		
О понужденіи канцелярій къ составленію вѣдомостей, о наложеніи на нихъ взысканій за медленность.		Съ отвѣтами о полученіи указовъ и пр.		Всего репортовъ и донесеній по доимкамъ.	Лошадей.	Рекрутъ.	Всего репортовъ и донесеній по сбору лошадей и рекрутовъ.	По сбору рекрутъ и лошадей.	По сбору доимокъ.	Одновременно по сбору лошадей и доимокъ.
Томъ и страница.	Резолюціи министровъ и справки.	Томъ и страница.	Резолюціи министровъ и справки.		Томъ и страница.	Томъ и страница.		Томъ и страница.	Томъ и страница.	Томъ и страница.
3	Рез. 2	3	Рез. 1	11	—	10	10			
2	—	7	Спр. 1	46	5	35	40			
—	—	4	—	7	—	22	22			
4	Рез. 1	6	Рез. 2	19	3	26	29			
3	—	7	Рез. 2	27	—	51	51			
5	—	13	Рез. 1	30	1	29	30			
—	—	1	—	3	1	8	9			
3	—	7	—	29	—	34	34			
1	Рез. 1	7	Рез. 3	11	—	11	11			
2	Рез. 1	3	—	7	—	16	16			
3	Рез. 1	2	Рез. 1	10	—	13	13			
1	—	4	Рез. 1	10	4	9	13			
—	—	—	—	1	—	4	4			
1	—	7	Рез. 2 Спр. 1	13	1	8	9			
2	Рез. 1 Спр. 1	4	Рез. 2	15	—	7	7			
1	—	1	—	16	—	7	7			
—	—	1	—	9	—	7	7			
1	Рез. 1	1	—	10	—	6	6			
—	—	1	Рез. 1	6	1	4	5			
—	—	1	Рез. 1	8	—	6	6			
—	—	—	—	1	—	1	1			
1	Рез. 1	—	—	6	—	11	11			
3	Рез. 1	—	—	3	—	3	3			
—	—	3	—	5	—	3	3			
—	—	—	—	2	—	1	1			
—	—	1	—	5	—	—	—			
—	—	3	Рез. 1 Спр. 1	6	—	—	—			
—	—	—	—	1	—	—	—			
36	Рез. 11	87	Рез. 18 Спр. 3	317	16	332	348			
1	—	1	—	3	—	7	7			
—	—	—	—	3	—	3	3			
—	—	—	—	2	1	8	9			
—	—	—	—	2	—	2	2			
—	—	—	—	1	—	1	1			
—	—	—	—	4	—	4	4			
—	—	—	—	1	—	1	1			
—	—	—	—	2	—	1	1			
—	—	1	—	2	—	—	—			
—	—	—	—	1	—	—	—			
1	—	2	—	21	1	27	28			
37	Рез. 11	89	Рез. 18 Спр. 3	338	17	359	376			

Гос. публичная историческая библиотека РСФСР № 1977 г.

Печатано по постановленію Совѣта Императорскаго Московскаго Археологическаго Института Имп
Императора Николая II. Директоръ Института **Александръ Успенскій**

Цѣна 3 руб.

Печатня А.И.Снегиревой Москва.